

ВОДЧИЕ И ПОДВИЖНИКИ „БОЖЬЯГО ЦАРСТВА“.

Томъ II. * Часть II.

РАСЦВѢТЪ ЗАПАДНОЙ ТЕОКРАТІИ.

ИННОКЕНТІЙ III.

В. Герье.

21785-39.

МОСКВА.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтык. пер., д. Т-ва, № 9.
1916.

2007110984

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ представляетъ собою вторую часть изданной въ 1913 г. книги *Западное Монашество и Папство*. Предметомъ упомянутой книги было взаимодействие этихъ двухъ учреждений, создавшихъ западную церковь и этимъ косвенно опредѣлившихъ характеръ западной цивилизаціи. Монашество, духовно объединяя разьединенные политически и языкомъ западные народы, помогло римскому епископу преобразовать въ духъ аскетизма западную церковь и установить надъ ней свою власть.

Установленная такимъ образомъ папская власть вдохновилась теократическимъ идеаломъ, на который ее наталкивалъ и ветхій завѣтъ и новозавѣтная идея Божьяго царства и римское преданіе. Въ началѣ XIII вѣка обстоятельства сложились особенно благоприятно для осуществленія этого идеала и за это взялась одна изъ наиболѣе достойныхъ и замѣчательныхъ личностей на папскомъ престолѣ—Иннокентій III. Это совпаденіе благоприятныхъ для власти римскаго епископа условій со вступленіемъ на римскій престолъ выдающейся личности и создало то, что можно назвать *Расцвѣтомъ Папской Теократіи*. Въ книгѣ о *Западномъ Монашествѣ и Папствѣ* мы разсмотрѣли дѣятельность этого папы по отношенію къ реформѣ церкви и утвержденію надъ ней власти римскаго епископа. Здѣсь нашей задачей будетъ изображеніе дѣятельности Иннокентія на пути къ достиженію теократическаго идеала.

Эта задача распадалась на двѣ части—обезпеченіе церкви отъ ея враговъ и расширеніе ея предѣловъ и во-вторыхъ—торжество надъ соперницей церкви въ мірѣ—надъ свѣтской властью. Въ первомъ отношеніи на долю Иннокентія выпала спѣшная задача. Опасная для церкви ересь захватила южную Францію и Италію и проникла даже въ города, непосредственно принадлежавшіе папѣ. Нельзя было медлить. Послѣ тщетныхъ попытокъ вовлечь въ

борьбу съ ересью свѣтскую власть—французскаго короля,—Иннокентій самъ принялся за нее и объявилъ крестовый походъ на еретиковъ подъ руководствомъ папскихъ легатовъ. Не менѣе неотложна была другая аналогическая задача—побѣда надъ мусульманами и освобожденіе отъ нихъ Иерусалима, недавно подпавшаго вторично подъ ихъ власть. И въ этомъ отношеніи усилія Иннокентія организовать походъ крестоносцевъ увѣнчались успѣхомъ. Но этотъ походъ далъ неожиданный результатъ. Зафрахтовавшіе венеціанскіе корабли французскіе рыцари были вовлечены хозяевами кораблей въ борьбу съ Византіей и неожиданно для себя сдѣлались завоевателями Константинополя. На престолъ грековосточныхъ императоровъ былъ возведенъ католическій государь и мѣсто православнаго патріарха занялъ подчиненный папѣ прелатъ. Римскій епископъ могъ считать себя главою всей христіанской церкви; давній расколъ между Римомъ и Византіей могъ казаться устраненнымъ. На этой почвѣ развернулась чрезвычайно интересная историческая проблема, которая тянется черезъ рядъ вѣковъ,—объ уніи между восточной и западной церковью—проблема, которая въ свою очередь есть только часть другой болѣе обширной, и можно сказать *вѣковой*, проблемы о взаимныхъ отношеніяхъ между Западомъ и Востокомъ Европы.

Здѣсь заслуживаетъ также вниманія попытка Иннокентія продвинуть вліяніе католицизма въ Болгарію и въ закарпатскую Русь.

Параллельно съ этими заботами Иннокентія, связанными съ его положеніемъ какъ пастыря церкви, шли другія, вытекавшія изъ отождествленія папы съ ветхозавѣтнымъ Мельхиседекомъ, т.-е. изъ сочетанія въ его лицѣ жреческаго и царскаго достоинства, что и составляетъ основу *теократіи*.

Никогда условія западно-европейской жизни не были такъ благопріятны для созданія въ ней теократическаго порядка, какъ при Иннокентіи III. Папство само позаботилось о возстановленіи на Западѣ Европы императорской власти, надѣясь найти въ ней защиту для себя и орудіе своей власти. Но вмѣсто этого установилось соперничество между главами церкви и имперіи, которое въ дни молодости Иннокентія грозило обратиться въ полное подчиненіе римскаго епископа императору, на подобіе того, что установилось въ Константинополѣ. Ранняя смерть императора Генриха VI предоставила Иннокентію возможность склонить вѣсы въ пользу папства и создать, такимъ образомъ, величайшій моментъ въ исторіи папства. Тѣмъ болѣе *величайшій*, что передъ папою откры-

лась перспектива подчиненія себѣ и другихъ государей—въ качествѣ *вассаловъ* римскаго первосвященника. Южная Италія, часть Испаніи и, наконецъ, Англія уже входили въ составъ вассальныхъ владѣній папы. И Иннокентію III сверхъ всего этого удалось освятить созданный имъ церковно-политическій порядокъ Вселенскимъ—въ глазахъ Запада—церковнымъ соборомъ.

Эта апогея не была достигнута папствомъ одними лишь благопріятными обстоятельствами. Для этого нужна была ясная, твердая воля, руководимая высокимъ идеаломъ и опиравшаяся на блестящія способности—однимъ словомъ выдающаяся личность. Таковой былъ Иннокентій III.

Относительно этого не ошибались его современники—ни поклонники, ни противники. *Fortis et stabilis*, называетъ его преданный ему составитель его біографіи. „Неподвижную стойкость въ намѣреніяхъ, неторопливость и осматрительность въ отвѣтахъ и рѣшеніяхъ“ приписываетъ ему враждебный ему лѣтописецъ Матвѣй Парижскій. Съ этой твердостью онъ соединялъ большую прозорливость; ему приписывали даже способность угадывать будущее. „Одинъ голосъ былъ между людьми и одно мнѣніе, что этого папу нельзя склонить ни обидами, ни оскорбленіями, но лишь покорностью и почетомъ“. „По природѣ своей онъ могъ увлекаться негодованіемъ, но легко прощалъ“. Самъ Иннокентій, получивъ власть, опредѣлилъ свою программу словами: „Мы не будемъ уклоняться ни вправо, ни влѣво и не сойдемъ съ пути справедливости ни изъ милости, ни изъ расположенія“.

Позднѣйшіе, современные намъ историки, болѣе расходятся въ опредѣленіи характера и личности Иннокентія, потому что подчиняютъ его личную оцѣнку поклоненію или осужденію того міровоззрѣнія, которому онъ служилъ. Однако, казалось бы, что чѣмъ дальше исторія отходитъ отъ прошлаго, тѣмъ легче историкъ сохранить справедливость по отношенію къ личности независимо отъ сочувствія или несочувствія ея цѣлямъ. Казалось бы, что въ наше время міровоззрѣніе, изъ котораго проистекали планы и цѣли Иннокентія, не должно бы побуждать историковъ „сойти съ пути справедливости“. Это міровоззрѣніе само теперь принадлежитъ къ отдаленному и невозвратному прошедшему. Его корни шли изъ еще болѣе глубокаго прошлаго ¹⁾, оно знамено-

¹⁾ См. ссылку Иннокентія (VII, 1) на слова пророка Іереміи (I, 10), возвѣщавшаго слова Господа: „Смотри, Я поставилъ тебя надъ народами и царствами“.

вало собою высокій подъемъ западнаго человѣчества къ идеаль-
ному порядку вещей, но уже въ дни Иннокентія обнаруживались
признаки несбыточности теократическаго идеала. Уже стали
крѣпнуть формы и учрежденія свѣтскаго государства несовмѣ-
стимаго съ папскою теократіей; уже слагались національности,
неподдававшіяся универсалистическому духу папства; уже возни-
кало то политическое учрежденіе, которое ставило національную
свободу выше интересовъ космополитическаго универсализма.

Указанный здѣсь обзоръ дѣятельности Иннокентія III, можетъ
быть сведенъ къ слѣдующему оглавленію:

О г л а в л е н і е.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I.	
Борьба съ Ересью.....	1
ГЛАВА II.	
Крестовый Походъ.....	47
ГЛАВА III.	
Водвореніе Католичества въ Византійской Имперіи.....	89
ГЛАВА IV.	
Иннокентій и Греческая Церковь.....	109
ГЛАВА V.	
Иннокентій—Балканскіе Славяне и Армяне.....	129
ГЛАВА VI.	
Возстановленіе Папскаго Государства.....	168
ГЛАВА VII.	
Иннокентій III въ борьбѣ Священства съ Царствомъ.....	188
ГЛАВА VIII.	
Иннокентій III и Его Вассальные Короли.....	242
ГЛАВА IX.	
Иннокентій и Вселенскій Соборъ.....	288
ГЛАВА X.	
Иннокентій и Ингеборга.....	307
ГЛАВА XI.	
Личность Иннокентія III.	335

ГЛАВА I.

БОРЬБА СЪ ЕРЕСЬЮ.

При обзорѣни церковной дѣятельности Иннокентія III ярко выступаетъ его борьба съ „неправдой“, т.-е. съ разными злоупотребленіями въ жизни церкви. Какъ будто съ воцареніемъ этого папы въ ослабѣвшій организмъ церкви вошло новое сердце: сильнѣе стали биться повсюду [пульсъ церковной жизни, полнѣе лилась кровь по жиламъ отъ сердца къ отдаленной периферіи западной церкви. Но, конечно, самой вопіющей изъ „неправдъ“ представлялась папѣ *ересь*, подрывавшая самую основу идеи и организациі церкви.

Въ эпоху Иннокентія III наиболѣе цвѣтуція и культурныя области тогдашней Европы—южная Франція и сѣверная Италія, были сильно захвачены ересью и даже въ городахъ папской области, Орвіето и Витербо, она свила себѣ крѣпкое гнѣздо. Современная Иннокентію ересь вытекала изъ двухъ, совершенно различныхъ, источниковъ. Съ одной стороны, она примыкала къ возрѣніямъ, противъ которыхъ приходилось бороться еще древнему христіанству; съ другой стороны, ересь являлась знаменіемъ новаго религіознаго движенія и новыхъ потребностей среди христіанскаго міра. То тамъ, то здѣсь возникала потребность слушать или читать Евангеліе на родномъ языкѣ взамѣнъ непонятнаго латинскаго, а вмѣстѣ съ этимъ и строже сообразоваться съ евангельскими завѣтами. Такое свободное изученіе Евангелія не могло не вызвать сектантства. Нѣкоторые изъ возникшихъ сектъ почерпали изъ Евангелія аскетическій духъ и проповѣдывали завѣтъ раздачи имущества бѣднымъ. Такова была широко распространенная секта послѣдователей ліонскаго купца Валдеса.

Но гораздо опаснѣе былъ для церкви другой источникъ ереси, вытекавшій изъ ученія древняго, давно забытаго и снова занесеннаго съ востока въ Западную Европу. Это то ученіе, которымъ когда-то увлекался самъ Августинъ—манихейство съ его дуалистическимъ міровозрѣніемъ, въ которомъ мѣсто древнеприсид-

скаго Аримана занялъ дьяволь. Новое манихейство, извѣстное Западу подъ именемъ „ученія катаровъ (чистыхъ)“, а по ломбардскому произношенію *патаровъ*, было опасно католичеству не своей догматикой, а своей моральбой силой, основанной на томъ же, что составило успѣхъ монашества, на стремленіи къ аскетическому совершенству.

Это совершенство требовалось не отъ всѣхъ членовъ секты, а отъ ея старѣйшинъ и руководителей, которые поэтому и назывались „совершенными“ (*parfaits*). Съ другой стороны, успѣхъ катаровъ среди населенія богатыхъ городовъ южной Франціи и Италіи поддерживался антиклерикальнымъ настроеніемъ этой буржуазіи, находившейся въ борьбѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ изъ-за управленія городомъ и изъ-за податныхъ привилегій, которыя присвоивали себѣ епископы и прелаты.

Сила ереси наводила Иннокентія на самыя грустныя размышленія и въ виду „наступившаго конца вѣка“ внушила ему весьма пессимистическую философію исторіи.

Въ первый же годъ своего понтификата онъ пишетъ по этому поводу епископу города Сиракузы: „Склоняется вѣкъ нашъ къ дряхлости и превозмогаетъ злоба времени, остываетъ любовь и на нивѣ христіанскаго домохозяина изобилуютъ сорныя травы въ ущербъ урожаю и рѣдѣетъ пшеница, мелкія же лисы уже держатъ открыто уничтожать виноградникъ Господній. Вотъ уже возобновляются старинныя ереси и къ нимъ присоединяются новыя измышленія, и лжетолкователи пытаются извратить католическую вѣру: не сообразуясь съ Божественнымъ Закономъ, они вслѣдствіе собственной порчи искажаютъ евангельское ученіе пророческое и апостольское, такъ что явно наступили послѣдніе дни, согласно словамъ апостола, которому было дано пророческимъ духомъ предугадать грядущее“ (I, 509).

Мысль, что размноженіе ересей на исходѣ вѣка знаменуетъ собою приближеніе конца міра, повторена Иннокентіемъ три мѣсяца спустя въ посланіи къ „клиру, консуламъ и народу“ города Витербо (II, 1). Здѣсь объ общей порчѣ, по его словамъ, свидѣтельствуютъ не только стихи, но и достойнѣйшее изъ всѣхъ твореній, созданное по образу и по подобію Творца и поставленное превыше птицъ небесныхъ и животныхъ всей земли, такъ что съ убылью вѣка и оно какъ бы убываетъ и заражаетъ, само зараженное ржавчиной древности¹⁾. „Грѣшить на послѣдяхъ жалкое челоувѣчество“ и т. д.

¹⁾ Здѣсь игра словъ—*Nec tantum eo quasi deficiente, jam deficit, sed et inficit et inficitur scabra rubigine vetustatis.*

Иннокентію скоро пришлось вступить въ непосредственную борьбу съ ересью, ибо, какъ выше было указано, она укоренилась въ самомъ папскомъ владѣніи — въ значительныхъ городахъ Орвіето и Витербо. Еще до вступленія на престолъ Иннокентія епископъ Орвіето началъ ожесточенную борьбу съ катарами этого города. Такъ какъ католики составляли въ Орвіето большинство, они просили Иннокентія прислать имъ посадника и папа назначилъ на эту должность молодого энергичнаго римлянина, который началъ крутыми мѣрами очищать городъ отъ еретиковъ, но прежде, чѣмъ завершилъ свою задачу, самъ погибъ жертвою своего рвенія отъ руки катаровъ.

Еще упорнѣе сопротивлялись еретики въ Витербо, къ епископу котораго было направлено вышеприведенное письмо папы. Здѣсь Иннокентій, въ качествѣ главы церкви и въ то же время свѣтскаго государя, принялъ „съ согласія кардиналовъ, а также архіепископовъ и епископовъ, пребывавшихъ при апостольскомъ престолѣ“, рядъ мѣръ къ подавленію ереси. Всѣмъ гражданамъ Витербо было безусловно запрещено принимать у себя или защищать еретиковъ, помогать имъ и давать въ кредитъ. Въ случаѣ нарушенія этого запрета, виновный послѣ перваго или втораго предостереженія долженъ былъ считаться „опозореннымъ“ (*infamis*) и какъ таковой лишался права занимать городскія должности и права избранія на нихъ, и не допускался въ свидѣтели. Онъ терялъ право дѣлать завѣщаніе и получать что-либо по завѣщанію. Если онъ былъ судьей, его приговоръ утрачивалъ силу — если адвокатомъ, онъ не допускался къ защитѣ, если нотаріусомъ — выданные имъ документы признавались несостоятельными. Если онъ былъ клерикомъ, онъ утрачивалъ бенефицій, а тѣ, кто имѣли съ нимъ общеніе, подвергались анаемѣ. На земляхъ, подлежащихъ въ свѣтскихъ дѣлахъ (*in temporalibus*) власти папѣ, имущество еретиковъ и ихъ сторонниковъ подлежало конфискаціи; а на другихъ земляхъ папа поручалъ мѣстнымъ властямъ дѣлать то же самое подѣ страхомъ церковныхъ каръ. Возвращать имущество разрешалось только тѣмъ, которые чистосердечно отрекались отъ ереси для того, чтобы свѣтской карѣ подвергался тотъ, кого не исправило духовное наставленіе.

Эти строгости Иннокентій мотивируетъ принятымъ въ средніе вѣка способомъ: „Если у подлежащихъ казни за преступленіе противъ Величества отбирается имущество и за сыновьями ихъ сохраняется изъ милости лишь жизнь, то тѣмъ болѣе тѣ, кто, отпадая отъ вѣры, оскорбляютъ сына Божія Иисуса Христа, должны быть лишены свѣтскаго имущества, такъ какъ несравнимо

болѣе тяжкое преступленіе — оскорблять вѣчное Величіе, чѣмъ — мірское“.

Однако эти изданныя римской куріей мѣры были настолько тщетны, что еще шесть лѣтъ спустя еретики не только безнаказанно пребывали въ Витербо, но одинъ изъ ихъ „совершенныхъ“, хотя давно отлученный папою отъ церкви — Тиньози, занималъ въ городѣ должность „камерарія“, т. е. завѣдывалъ городскими финансами.

По поводу этого Иннокентій разразился однимъ изъ самыхъ патетическихъ и негодующихъ обличеній, обращенныхъ ко всему Витербскому народу (VIII, 85): „Если бы земля поднялась противъ васъ, если бы звѣзды небесныя стали обличать вашу неправду и оповѣстили о вашихъ преступленіяхъ всей вселенной, если бы не только люди, но и самыя стихіи соединились на вашу гибель и стерли васъ съ лица земли, не щадя ни возраста, ни пола; и если бы вы стали для всѣхъ народовъ предметомъ позора, то все это было бы недостаточной для васъ карою. Вы не боитесь ни Бога, ни людей; вы уже не отличаете священнаго отъ мірскаго; вы мракъ принимаете за свѣтъ и свѣтъ обращаете во мракъ; вы смѣшиваете добро со зломъ и вы усвоили себѣ безстыдное чело куртизанки. Вы прогнали въ своихъ грѣхахъ, какъ скотина въ своемъ навозѣ, и смрадъ отъ вашего гніенія уже заразилъ всѣ окрестныя земли. Самого Господа, мы полагаемъ, стошнило отъ васъ. Вы коваряѣе евреевъ и жесточе язычниковъ. Евреи только однажды распяли на крестѣ Сына Божія; вы же, вы оскорбляете и распинаете его ежедневно въ лицѣ его членовъ. Евреи по крайней мѣрѣ вѣрили, что есть Господь, творецъ всего видимаго и невидимаго, большинство же изъ васъ того мнѣнія, что земной міръ сотворенъ Сатаной. Язычники, преслѣдуя христіанъ, умерщвляли только ихъ тѣло; вы губите всего человѣка; вы похищаете души у Иисуса Христа. У евреевъ и язычниковъ есть оправданіе; имъ невѣдомъ былъ Христосъ; вы же, получившіе печать Христову и желающіе, чтобы васъ принимали за христіанъ, вы отталкиваете Христа и попадаете въ сѣти ересіарховъ“.

Нѣсколько дней спустя Иннокентій приказалъ епископамъ захваченныхъ ересью городовъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Стыдя въ своемъ письмѣ епископа Витербскаго, что онъ, какъ не подобало доброму пастырю, пустилъ волковъ въ овчарню и увѣщевая епископа Орвіетскаго, чтобы онъ не смотрѣлъ равнодушно на тревогу своего брата, а готовъ былъ душу за него отдать, Иннокентій предписалъ имъ очистить городъ Витербо отъ овладѣвшаго имъ еретическаго начальства, камерарія Тиньози,

консуловъ, судей Деликата и Маркизани и скриваря Макарація. Состояніе источниковъ не даетъ намъ возможности прослѣдить за ходомъ борьбы между папою и катарами въ его владѣніяхъ, но что побѣда осталась за Иннокентіемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ изданное имъ спустя два года циркулярное посланіе всѣмъ вѣрующимъ въ вотчинѣ св. Петра о томъ, какой карѣ подлежатъ патарины и ихъ доброжелатели“ (X, 130. 1207 года).

Здѣсь устанавливается, чтобы для очищенія наслѣдія св. Петра отъ всякой еретической нечести, всѣ еретики и въ особенности патарины, которые бы тутъ оказались, немедленно передавались свѣтской власти для законной кары; имущество ихъ подлежитъ конфискаціи; изъ него третья часть достается тому, кто представилъ еретика, вторая треть суду, который постановитъ приговоръ, третья предназначается на укрѣпленіе стѣнъ города, въ которомъ былъ захваченъ еретикъ. Домъ, въ которомъ проживалъ еретикъ, подлежитъ сносу, съ запрещеніемъ кому-либо замѣнить его новой постройкой; а самое мѣсто, служившее убѣжищемъ нечестивыхъ, должно служить складомъ нечистотъ.

Сторонники (*credentes*), защитники и покровители еретиковъ лишаются четвертой части своего состоянія въ пользу города. Въ случаѣ новой вины они подлежали изгнанію. Судьямъ, адвокатамъ и нотаріусамъ воспрещается оказывать имъ какія-либо услуги подъ страхомъ лишенія должности навсегда. Клерикамъ воспрещается допускать ихъ къ таинствамъ или принимать отъ нихъ милостыню. Всякій, кто дерзнетъ предать церковному погребенію сторонника, покровителя, укрывателя и защитника еретика, подлежитъ отлученію отъ церкви. Никто изъ нихъ не долженъ допускаться въ свидѣтели или приниматься на какую-либо общественную должность. Законъ (*statutum*) зтотъ долженъ быть внесенъ въ городской уставъ и ежегодно подеста и консулы Витербо обязаны давать клятву соблюдать его, а кто изъ нихъ дерзнетъ преступить ее, тотъ, по лишеніи своего званія, будетъ подлежать пени въ сто фунтовъ серебра, кому прикажетъ папа (X, 130).

Еще труднѣе было Иннокентію бороться съ ересью тамъ, гдѣ онъ могъ опираться лишь на свою духовную власть. Не выходя изъ рамокъ его переписки, укажемъ на его посланіе къ подестѣ и совѣту Флоренціи (IX, 7), которыхъ папа предостерегаегь противъ давно водворившихся въ ихъ городѣ еретиковъ и требуетъ соблюденія направленныхъ противъ ереси законовъ. Одновременно Иннокентій обращается по тому же дѣлу въ сосѣдній съ Флоренціей городокъ Праго. Уже нѣсколько дней спустя Иннокентій снова пишетъ во Флоренцію (IX, 18), обозначая точнѣе тамошнихъ

еретиковъ и требуя ихъ изгнанія изъ города и всей области, при чемъ имущество тѣхъ, у кого нѣтъ католическихъ наслѣдниковъ, подлежить конфискаціи, а дома разрушенію или передачѣ церкви, которую ихъ владѣльцы не совѣстились преслѣдовать. Въ то же время Иннокентій поручаетъ двумъ аббатамъ *улыть* церковными карами еретиковъ называемыхъ „бѣдными“ въ Фавентинской церкви.

Обращеніе Иннокентія къ Флорентинскимъ властямъ, очевидно, было не напрасно, такъ какъ въ слѣдующемъ году папа предлагаетъ посаднику, консуламъ и совѣту Фавентинскому обнародовать у себя законъ, изданный во Флоренціи противъ еретиковъ (IX, 204). Образчикомъ разнообразія въ тонѣ и слогѣ посланій Иннокентія можетъ послужить его письмо „къ посаднику, консуламъ настоящимъ и будущимъ и всему народу Тревизскому“ (X, 54), начинающееся со словъ: „Слава вашего имени сіяла бы далеко и широко, если бъ она часто не затемнялась копотью еретической неправды. Почто же, именитые граждане, вы позволяете кучкѣ распущенныхъ невѣждъ портить вѣру католическую, въ силу которой вы возрождены въ святомъ крещеніи?“ Письмо имѣетъ цѣлью убѣдить гражданъ Тревизо содѣйствовать своему епископу въ искорененіи нечестивыхъ и схизматическихъ заблужденій.

* * *

Гораздо опаснѣе, однако, для папской церкви, чѣмъ ересь въ Италіи, было ея распространеніе и укорененіе въ южной Франціи. Здѣсь для борьбы съ ней были недостаточны циркулярныя предписанія епископамъ и уголовныя кары, установленныя куріей; здѣсь Иннокентію пришлось прибѣгнуть къ тому крайнему средству, которое до него допускалось лишь для защиты св. земли и освобожденія гроба Господня.

Здѣсь побѣда была достигнута лишь цѣною разоренія цвѣтущей страны и истребленія многихъ тысячъ мирныхъ жителей.

Но для того, чтобы отвѣтственность, падающая за все это на самого Иннокентія, представлялась намъ въ правильномъ свѣтѣ, мы считаемъ нужнымъ остановиться предварительно на одномъ эпизодѣ, показывающемъ, съ какой внимательной снисходительностью, далекой отъ фанатизма, Иннокентій умѣлъ относиться къ уклоненіямъ отъ церкви. На второй годъ своего понтификата Иннокентій былъ извѣщенъ епископомъ Меца, что въ этомъ городѣ и его епархіи множество мірянъ обоего пола посѣщаютъ тайныя собранія для чтенія французскаго перевода св. Писанія,

пренебрегая обществом своих неученых священников и упо-
вая на познанія, почерпнутыя изъ знакомства съ переводомъ св.
Писанія. Сообщая объ этомъ двумъ мѣстнымъ аббатамъ, которымъ
онъ поручаетъ разслѣдованіе этого дѣла, Иннокентій признается,
въ замѣчательныхъ выраженіяхъ, что это извѣстіе не побудило
его немедленно прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ (*Non protinus
ad vindictam nos res accendit incognita*). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа
поручаетъ епископу развѣдать, кто былъ переводчикомъ св. Писа-
нія, какимъ намѣреніемъ онъ руководился, какой вѣры держатся
читатели этого перевода, почитаютъ ли они апостольскій престолъ
и католическую церковь? На это епископъ ему сообщилъ, что нѣ-
которые изъ болѣе видныхъ членовъ этого сообщества отказыва-
ются повиноваться апостолическимъ приказаніямъ, одни изъ нихъ
утверждаютъ тайно, а другіе и явно, что слѣдуетъ повиноваться
лишь одному Господу; отъ сходбищъ не воздерживаются, несмотря
на запрещеніе, не страшатся брать на себя тайную проповѣдь,
съ пренебреженіемъ относятся къ иначе мыслящимъ, переводу
же своему такъ вѣрятъ, что не подчинились бы ни епископу, ни
митрополиту, ни самому папѣ, если бы они имъ приказали не
пользоваться имъ.

Въ виду этого Иннокентій пишетъ, что хотя эти люди повиди-
мому достойны осужденія за то, что посѣщаютъ тайныя собранія,
присвоиваютъ себѣ право проповѣди, презираютъ неученость
(*simplicitatem*) священниковъ и пренебрегаютъ тѣми, кто не при-
знаетъ ихъ перевода св. Писанія—онъ, однако, не желая въ этомъ
дѣлѣ слишкомъ торопиться (*ne quid tamen subito facere videamur*),
поручаетъ упомянутымъ аббатамъ отправиться въ Мецъ, вызвать
къ мѣстному епископу начетчиковъ и сторонниковъ перевода
и, если это возможно, исправить то, что найдутъ въ нихъ подле-
жающимъ исправленію (*quae in eis reprehensibilia fuerint*). Если же
они не подчинятся этому исправленію, то подробно обо всемъ
извѣстить папу для того, чтобы онъ былъ въ состояніи судить,
какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать. При этомъ Иннокентій вмѣняетъ
своимъ комиссарамъ въ обязанность быть въ высшей степени
ревностными и осторожными, такъ какъ это касается вселенской
церкви и вѣры христіанской (II, 235).

Отстаивая церковную традицію, Иннокентій говорилъ, что
тайны вѣры не должны быть всеѣмъ разглашаемы, потому что не
все способны ихъ постигнуть, но только тѣмъ, у кого сильна
вѣра. Глубина нѣкоторыхъ догмъ такъ велика, что не только
простые и неграмотные люди неспособны понять ихъ, но
сами ученые не въ состояніи ихъ постигнуть. Что касается до

невѣжественныхъ священниковъ, то не народу, а епископу принадлежитъ право исправлять ихъ. Сынъ не долженъ осуждать своего отца по плоти, тѣмъ менѣе священника, своего духовнаго отца. Но тутъ же мы встрѣчаемъ замѣчательное для личности Иннокентія, слишкомъ часто скрываемой для насъ его официальной ролью—слѣдующее наставленіе *духовнымъ* отцамъ:

„Желаніе понять евангеліе и рвеніе проповѣдывать согласно съ нимъ не подлежитъ осужденію, а скорѣе одобренію“... Конечно, говорить далѣе Иннокентій, не должно терпѣть ересь, но не слѣдуетъ и ослаблять религіозный духъ простыхъ людей. Эти слова *enervari non debet religiosa simplicitas* въ устахъ чловѣка, стоявшаго на высотѣ современной ему схоластики и во главѣ церковной іерархіи, дѣлаютъ великую честь Иннокентію III. „Если, пишетъ онъ далѣе епископу, чрезмѣрная терпимость можетъ увеличить дерзость еретиковъ, то остережемся также посредствомъ нетерпимости отчуждать отъ насъ души бѣднаго люда, безсознательно согрѣшившаго. Вѣдь это только наивные люди; не станемъ же посредствомъ преслѣдованія превращать ихъ въ еретиковъ! Когда вина сомнительна, не слѣдуетъ спѣшить приговоромъ осужденія. Иннокентій обращаетъ вниманіе *дорогого брата* епископа на то, что въ его письмѣ не указано, въ чемъ эти люди уклонились отъ вѣры и истиннаго ученія. Поэтому онъ совѣтуетъ епископу наставить ихъ и стараться съ помощью увѣщаній побудить ихъ отказаться отъ своихъ заблужденій, если они въ таковыя впали. „Вы должны произвести тщательное дознаніе: Кто былъ переводчикомъ, какое онъ имѣлъ при этомъ намѣреніе, какова вѣра тѣхъ, кто пользуется переводомъ, относятся ли они съ должнымъ почитаніемъ къ апостольскому престолу и католической церкви?“ Иннокентій требуетъ, чтобы по окончаніи дознанія епископъ препроводилъ его къ нему для того, чтобы онъ могъ постановить рѣшеніе съ полнымъ знаніемъ дѣла“.

Къ сожалѣнію, мы болѣе ничего не можемъ сказать объ этой вспышкѣ реформаціоннаго движенія за триста лѣтъ до реформаціи. Она безслѣдно, какъ метеоръ, промелькнула на горизонтѣ исторіи, но этотъ метеоръ озарилъ на своемъ мимолетномъ пути личность Иннокентія такимъ блескомъ, который не долженъ быть оставленъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что это не единственный фактъ, свидѣтельствующій о томъ, насколько Иннокентій превосходилъ современныхъ ему прелатовъ широтою взгляда и гуманностью въ религіозныхъ вопросахъ.

Когда, напр., деканъ капитула въ Неверѣ былъ заподозрѣнъ въ катаризмъ и, несмотря на отсутствіе уликъ на судѣ, былъ вре-

менно отрѣшенъ архіепископомъ Санскимъ отъ сана и отправленъ для отвѣта въ Римъ, Иннокентій, подвергнувъ обвиненнаго допросу, отпустилъ его домой, предоставивъ ему право очиститься посредствомъ свидѣтельства 14 изъ числа своихъ коллегъ въ капитулъ. Извѣщая объ этомъ архіепископа, Иннокентій писалъ ему: „Послѣ же этого возврати ему его бенефицій для того, чтобы избавить духовенство отъ позора видѣть въ нищенскомъ состояніи одного изъ своихъ членовъ“.

Виновникомъ обвиненія, возведеннаго на этого декана, былъ фанатически настроенный епископъ г. Оссера (Auxerre). Тотъ же епископъ преслѣдовалъ за ересь жителей одного мѣстечка, которые апеллировали отъ него въ Римъ и также были оправданы. Нѣсколько лѣтъ спустя этому епископу, однако, удалось уличить въ ереси одного изъ жителей этого мѣстечка, но Иннокентій усмотрѣлъ въ пересланномъ ему дѣлопроизводствѣ неправильности и противорѣчія. Тогда онъ вызвалъ обвиненнаго, допросилъ его и предписалъ епископу пересмотрѣть его дѣло. При этомъ онъ писалъ, что хотя и есть основаніе подозрѣвать обвиненнаго въ ереси, онъ, однако, не хочетъ осуждать его въ такомъ тяжкомъ дѣлѣ. Пусть епископъ наложить на обвиненнаго умѣренную епитимью, тогда видно будетъ, искренно ли его раскаяніе, или нѣтъ. „Если ты убѣдишься, что его вѣра православная, то не допускай, чтобы его незаслуженно преслѣдовали, въ противномъ случаѣ, подвергни его наказанію“.

Гораздо хуже, однако, чѣмъ въ центральной Франціи, обстояло дѣло въ ея южныхъ областяхъ, гдѣ катаризмъ, извѣстный подъ названіемъ Альбигойской ереси, нашелъ широкое распространеніе. Его успѣху много содѣйствовало то, что онъ находилъ поддержку въ общемъ народномъ суевѣріи—въ вѣрѣ во всемогущество дьявола. Такъ Раймундъ, графъ Тулузскій, главный сеньеръ въ южной Франціи, воскликнулъ однажды въ нетерпѣливомъ ожиданіи своего войска: „Ну развѣ не ясно, что дьяволъ—творецъ міра, ибо ничего въ немъ не дѣлается по моему желанію“. Въ то же время ученіе катаровъ привлекало къ себѣ народъ тѣмъ, что избавляло его отъ страха ада и вѣчныхъ мученій, которыми его страдало духовенство: катары рассчитывали на легкое спасеніе, лишь бы только передъ смертію получить утѣшеніе (*consolamentum*) въ видѣ поцѣлуя міра отъ кого-либо изъ ихъ „совершенныхъ“ (*parfaits*), заслужившихъ всеобщее уваженіе своимъ строгимъ образомъ жизни и стойкостью своихъ убѣжденій во время преслѣдованій.

Съ другой стороны, образъ жизни этихъ „совершенныхъ“ пред-

ставлялъ громадное преимущество передъ бытомъ высшаго католическаго духовенства. Епископы и аббаты, будучи богатыми землевладѣльцами, ничѣмъ не отличались въ жизни отъ грубой распущенности своихъ свѣтскихъ сосѣдей. Въ виду же высокаго идеализма и безпредѣльнаго аскетизма своихъ вождей, съ какимъ презрѣніемъ должны были относиться катары къ прелатамъ, къ которымъ самъ глава церкви обращался съ такими укорами: „Слѣпцы, пѣмья собаки, разучившіяся лаять, симониаки, торгующіе правдой, они пренебрегаютъ предписаніями церкви, они совмѣщаютъ бенефиціи и довѣряютъ священство и духовное званіе недостойнымъ іереямъ и безграмотнымъ подросткамъ. Отсюда надменность еретиковъ, отсюда пренебреженіе сеньеровъ и народа къ Богу и его церкви; прелаты въ этой странѣ стали притчей для мірянъ“. Причиною этого зла Иннокентій выставляетъ архіепископа Нарбонскаго. Этотъ человѣкъ, по словамъ папы, поклоняется только одному Богу—деньгамъ, на мѣстѣ сердца у него кошелекъ. Въ теченіе 10 лѣтъ онъ ни разу не посѣтилъ своей епархіи. Онъ взялъ 500 золотыхъ солидовъ, чтобы посвятить епископа Магелонскаго. Когда освобождается приходъ, онъ не назначаетъ туда священника, чтобы самому пользоваться его доходами, уменьшаетъ съ тою же цѣлью число канониковъ. Въ его епархіи монахи и каноники бросаютъ рясу, женятся, живутъ ростовщицествомъ, становятся адвокатами, жонглерами, врачами.

Кромѣ нравственнаго паденія части духовенства, другое благоприятное для ереси обстоятельство представляла вражда между духовною и свѣтскою властью, между прелатами и феодалами, а также городскими властями. Незадолго, напр., до вступленія во власть Иннокентія, въ 1194 году, буржуазія города Менда изгоняетъ своего епископа. Въ слѣдующемъ году жители Капестанга подвергаются отлученію за то, что они посадили въ тюрьму епископа Лодевскаго и взяли съ него выкупъ. А три года спустя жители самого Лодева разграбили дворецъ епископа и заставили его съ ножомъ у горла выдать имъ грамоту вольностей.

Епископъ Тулузскій лишенъ возможности объѣхать свою епархію изъ опасенія окрестныхъ дворянъ; его мулы не могутъ безъ военной стражи итти на водопой. Рожеръ II, виконтъ Безіера, разгромляетъ аббатство Сентъ-Понсъ, сажаетъ въ тюрьму епископа Альби и назначаетъ ему въ тюремщики еретика. Когда въ 1197 г. монахи Алета избираютъ аббата, непріятнаго опекуну новаго виконта, онъ разоряетъ аббатство и заключаетъ въ тюрьму избранника. А затѣмъ онъ усаживаетъ тѣло умершаго аббата на престоль, пока монахи не соглашаются избрать угодное ему лицо.

Наиболѣе же могущественный изъ сеньеровъ южной Франціи, Раймундъ VI, графъ Тулузы и Прованса, былъ въ 1196 году отлученъ отъ церкви Целестиномъ III за разрушеніе нѣсколькихъ церквей, принадлежавшихъ монастырю св. Эгидія и за другія притѣсненія этого монастыря. При такихъ условіяхъ духовная власть не могла рассчитывать на свѣтскую власть, а безъ нея она была безсильна въ борьбѣ съ ересью. Феодалные сеньеры и консулы городовъ, не вступая въ число еретиковъ, явно имъ благопріятствовали. Наконецъ, папская власть встревожилась и при энергическомъ побѣдителѣ Фридриха Барбароссы, Александрѣ III, созванный имъ въ 1178 г. третій Латеранскій соборъ выступилъ съ рѣзкимъ постановленіемъ противъ еретиковъ южной Франціи. „Хотя, сказано въ этомъ постановленіи, святой папа Леонъ говоритъ, что надо довольствоваться духовнымъ судомъ и не прибѣгать къ кровавымъ наказаніямъ,—епископы должны, однако, опираться на свѣтскіе законы и требовать помощи князей, для того, чтобы страхъ свѣтскаго наказанія принуждалъ людей искать духовной помощи. А такъ какъ еретики—катары—весьма размножились въ Гасконьи и въ округахъ городовъ Альби и Тулузы, свободно проповѣдуя тамъ свои заблужденія и стараясь развратить простяковъ, мы объявляемъ имъ анаемю съ ихъ покровителями и укрывателями. Мы запрещаемъ всѣмъ имѣть какое-либо общеніе съ ними. Если они умрутъ въ своемъ грѣхѣ, ихъ не должно хоронить среди христіанъ и служить по нимъ заупокойной обѣдни“.

Это грозное соборное постановленіе мало помогло дѣлу. Какъ безпомощны были мѣстные епископы, показываетъ слѣдующій интересный разсказъ. Епископъ Альбійскій былъ однажды приглашенъ къ умирающему родственнику, владѣльцу сосѣдняго замка. „Раздѣлить ли мнѣ мое наслѣдство между обоими сыновьями или оставить его нераздѣльнымъ?“ спросилъ умирающій. Сказавъ, что раздѣлъ послужитъ лучшимъ обезпеченіемъ мира между братьями, епископъ спросилъ своего родственника, въ какомъ монастырѣ онъ желаетъ быть похороненъ? „Не беспокойтесь объ этомъ, отвѣтилъ сеньеръ, я уже распорядился насчетъ этого!“— „Все же скажите“— „Я хочу, чтобы тѣло мое было перенесено къ добрымъ людямъ“ (les Bons hommes—Божьи люди, какъ называли еретиковъ). Въ негодованіи епископъ объявилъ, что этого не допустить.— „Не хлопчите объ этомъ, если бы мнѣ въ этомъ помѣшали, я бы поползъ къ нимъ на четверенькахъ“. Къ концу вѣка положеніе дѣла стало еще хуже вслѣдствіе смерти Раймунда V, противника еретиковъ, и перехода власти къ Раймунду VI, который, не присоединяясь

къ нимъ, благоволилъ къ нимъ и тормозилъ борьбу съ ними. Пользуясь благоприятными для нихъ условіями, еретики уже перестали скрываться, а епископы бездѣйствовали, несмотря на то, что еретики публично проповѣдовали свое ученіе на главной площади цѣлаго ряда городовъ. Въ Мирпоа даже состоялся соборъ ихъ вождей, на которомъ было постановлено устроить укрѣпленное мѣсто, чтобы оно могло служить центромъ для распространенія ихъ ученія и убѣжищемъ для его приверженцевъ.

При такихъ-то условіяхъ дѣло о борьбѣ съ альбигойской ересью перешло къ Иннокентію III. Съ самаго начала своего понтификата этотъ папа видѣлъ всю опасность, которая грозила единству церкви съ этой стороны, и обнаружилъ твердую рѣшимость прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ борьбы противъ нея, которыми ему на самомъ дѣлѣ пришлось ее побороть. Уже 1 апрѣля 1198 года онъ жалуется архіепископу Гасконьи, у подножія Пиринеевъ, на распространеніе ереси въ его областяхъ и приглашаетъ его, если это будетъ нужно, сокрушить ее силою меча (*materialis gladii*) съ помощью „князей и народовъ“. А три недѣли спустя, онъ уже рассылаетъ всѣмъ остальнымъ архіепископамъ южной Франціи циркулярное предписаніе по этому дѣлу, жалуясь, что въ ихъ областяхъ валдейцы, катары, патарины и другіе еретики, подъ разными именоваціями, до такой степени размножились, что вступали въ свои сѣти безчисленный народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оповѣщаетъ ихъ, что онъ отправилъ въ ихъ края въ качествѣ папскаго комиссара брата Райнерія, требуя отъ нихъ, чтобы они поддержали всѣ мѣры, которыя этотъ комиссаръ найдетъ нужнымъ принять противъ еретиковъ и ихъ доброжелателей и защитниковъ и обѣщая, съ своей стороны, что будетъ нерушимо соблюдать всѣ приговоры, которые Райнерій положитъ, какъ на судѣ, такъ и относительно уклонившихся отъ суда. Обращаясь тутъ же къ благороднымъ князьямъ, графамъ, баронамъ и вельможамъ области, Иннокентій предписываетъ имъ, чтобы они, въ отпущеніе грѣховъ ихъ, хорошо приняли комиссара и, честно пользуясь предоставленной имъ властью, всѣхъ отлучаемыхъ Райнеріемъ отъ церкви лишали бы имущества и изгоняли изъ своихъ владѣній, а если бы они послѣ того оставались въ ихъ владѣніяхъ, подвергали болѣе строгой карѣ (*gravius animadvertant in eos*), какъ подобаешь христіанскимъ государямъ. Иннокентій заключаетъ это предписаніе заявленіемъ, что „строгостью суда онъ не имѣетъ въ виду ничего иного, какъ искорененіе еретиковъ, которые пытаются похитить у насъ не мірскія блага (*substantiam temporalem*), но самую жизнь духа“ (*sed spiritualem vitam subripere I, 94*).

А въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ, когда настала необходимость отправить Райнерія въ Испанію по дѣламъ церкви, Иннокентій замѣнилъ его монахомъ Гвидономъ и оповѣстилъ объ этомъ прелатовъ, вельможъ и всѣхъ христолюбцевъ Южной Франціи, снова вмѣнивъ въ обязанность духовенству поражать еретиковъ духовнымъ мечомъ, а мірянамъ—конфисковать ихъ имущество и изгнать ихъ, чтобы отдѣлится плевела отъ жита (I, 165).

Два года спустя, мы находимъ въ Южной Франціи новаго легата, которому Иннокентій напоминаетъ, что его обязанность—„вырывать и сажать, разорять и строить“, и изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе страны и образъ дѣйствія мѣстнаго духовенства. Но, несмотря на всѣ попытки папы побудить легатовъ къ рѣшительнымъ, успѣшнымъ дѣйствіямъ (III, 24), несмотря на дарованныя имъ полномочія привлекать къ своему суду заподозрѣнныхъ въ ереси *помимо* суда мѣстнаго епископа, проходили годы безъ всякой перемѣны къ лучшему. Причиной этому было нежеланіе мѣстныхъ властей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, быть орудіемъ римской куріи въ преслѣдованіи и истребленіи еретиковъ. Какъ на представителей такой пассивной оппозиціи, укажемъ на главу мѣстной церковной власти, архіепископа Нарбонскаго, Беренгарія II и графа Раймунда Тулузскаго,—самаго могущественнаго изъ феодальныхъ сеньеровъ того края. Объ архіепископѣ „виновникѣ столькихъ и столь великихъ золъ“, характеристика котораго была нами выше приведена, Иннокентій пишетъ легату:

„Когда мы предписали этому архіепископу именемъ Св. Духа, подъ угрозой суда Божьяго, чтобы онъ собралъ своихъ соепископовъ по дѣлу о помощи восточной землѣ, онъ, не боясь Бога и не почитая апостольскаго престола, къ тяжкому соблазну клира и народа, не захотѣлъ исполнить нашего порученія или пренебрегъ имъ“ (III, 24). Бессиліе Иннокентія, объясняющее намъ его дальнѣйшую политику въ борьбѣ съ альбигойцами, явно выступаетъ въ томъ обстоятельствѣ, что послѣ этого прошло еще три года прежде, чѣмъ онъ былъ въ состояніи привлечь къ отвѣтственности архіепископа Нарбонскаго.

Наконецъ, лѣтомъ 1203 г. онъ пишетъ ему, что когда по избраніи его въ архіепископы, римскій престоль дозволилъ ему сохранить за собою аббатство, которымъ онъ управлялъ, то это было сдѣлано въ надеждѣ, что это не послужитъ къ ущербу ни архіепископіи, ни аббатства. Между тѣмъ, его постоянное пребываніе въ аббатствѣ среди родственниковъ привело къ тому, что хищные волки терзаютъ его паству, и еретики, пользуясь его

отсутствіемъ, открыто проповѣдуютъ свои заблужденія, и, такъ какъ имъ никто не препятствуетъ, губятъ множество народа. Поэтому, чтобы не отвѣчать за него передъ Господомъ, Иннокентій строжайше предписываетъ архіепископу или, довольствуясь своимъ аббатствомъ, отказаться отъ архіепископства, или поселиться въ Нарбоннѣ, такъ какъ папа не можетъ допустить вдовства этой церкви при жизни его и предпочитаетъ дать ей такого пастыря, который обезпечилъ бы ее въ ея нуждѣ и очистилъ ее отъ еретической нечести (VI, 81).

Но прошелъ еще дѣльный годъ, а дѣло о смѣщеніи архіепископа Нарбонскаго не подвигалось. Между тѣмъ, Иннокентію удалось найти для роли папскаго легата въ южной Франціи чрезвычайно энергичнаго человѣка: то былъ Арнальдъ I Амальрихъ изъ рода древнихъ герцоговъ Нарбонскихъ, состоявшій въ то время аббатомъ Цистерціанскаго ордена. Къ нему направляетъ Иннокентій 28 мая 1204 года новый обвинительный актъ противъ архіепископа, на тему— „Если священникъ грѣшитъ, онъ вводитъ въ преступленіе народъ“ (VII, 85).

Здѣсь снова ставится архіепископу въ упрекъ его жадность къ деньгамъ, доходящая до идолопоклонства, и запрещенное лагеранскимъ соборомъ подъ угрозой отлученія отъ церкви покровительство шайкамъ вольныхъ дружинъ, грабившимъ страну. Архіепископъ дозволилъ себѣ даже Николая, одного изъ вождей арагонскихъ бродягъ, отлученнаго отъ церкви его предшественникомъ, назначить правителемъ двухъ крѣпкихъ замковъ, принадлежавшихъ архіепископу, куда онъ свозилъ награбленную имъ добычу въ присутствіи самого архіепископа. За этимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ обвинительныхъ пунктовъ. Вопреки завѣту апостола, архіепископъ негостепріименъ, милостыни не подаетъ, по цѣлымъ недѣлямъ, будучи здоровъ, не посѣщаетъ церкви; такія-то церкви, давно лишившіяся пастыря, держитъ въ своемъ завѣдываніи, такую-то церковь отнял у сосѣдняго епископа и т. д. Число канониковъ Нарбонской церкви, по небрежности или злему умыслу архіепископа, съ 18 уменьшилось до 9, изъ которыхъ три обладаютъ другими бенефиціями. Одинъ же изъ этихъ канониковъ держитъ у себя хозяйку (focaria), отъ которой имѣлъ сыновей и дочерей. Въ подтвержденіе того, какъ при негодности главы церкви заражаются ея члены, папа указываетъ на то, что многіе монахи и каноники публично живутъ съ женщинами, которыхъ отняли у мужей, даютъ деньги въ ростъ, предаются игрѣ въ кости и охотѣ, за деньги становятся засѣдателями и судьями въ дѣлахъ свѣтскихъ, жонглерами и врачами.

На основаніи всего этого Иннокентій предписываетъ Арнальду сообщать съ двумя другими легатами произвести подробное слѣдствіе и если что-либо изъ указанныхъ обвиненій подтвердится, приложить сѣкиру къ гнилому корню и, смѣстивъ архіепископа, не допуская апелляціи, поручить избирателямъ замѣнить его другимъ лицомъ. Одновременно съ этимъ Иннокентій извѣщаетъ архіепископа Нарбонскаго, что онъ лишаетъ его аббатства Монтарагонскаго, при чемъ странно, что Иннокентій вовсе не упоминаетъ въ этомъ письмѣ о болѣе серьезной карѣ, которую онъ ему готовилъ (VII, 78).

Прошло, однако, еще не мало времени, пока исполнилось желаніе Иннокентія и мѣсто архіепископа Нарбонскаго занялъ его легатъ Арнальдъ.

Не менѣе архіепископа Нарбонскаго задерживалъ исправительныя мѣры Иннокентія графъ Раймундъ Тулузскій.

Этотъ могущественный сеньеръ былъ отлученъ отъ церкви, какъ сказано, уже Целестиномъ за притѣсненія монастыря св. Жюля. Но Иннокентій, желая привлечь Раймунда мягкостью, снялъ съ него отлученіе, возложивъ на него обязанность отправиться въ крестовый походъ. Раймундъ, однако, въ походъ не отправился, не разрушилъ и крѣпости, построенной имъ на землѣ монастыря, и не распустилъ наемнаго войска, наведеннаго изъ пиренейскихъ горцевъ. Ему ставили, кромѣ того, въ вину, что онъ допустилъ изданіе консулами Тулузы закона, воспрещавшаго обвинять кого-либо въ ереси послѣ его смерти, если нельзя было доказать, что это обвиненіе возникло еще при жизни, или что умершій передъ смертью былъ напутствованъ еретиками. Разумность этого закона очевидна. Обвиненія лицъ, уже обезпеченныхъ смертью отъ людскаго суда, были безцѣльны и могли только служить источникомъ большихъ злоупотребленій и недобросовѣстной экспроприаціи наслѣдниковъ. Но легаты Иннокентія усматривали въ этомъ запрещеніи лишь покровительство еретикамъ со стороны графа Тулузскаго. Легатъ Петръ Кастельно, наконецъ, успѣлъ составить изъ вассаловъ графа лигу, члены которой обязались, прекративъ мѣстныя междоусобія, преслѣдовать еретиковъ, и потребовать отъ графа, чтобы онъ самъ вступилъ въ эту лигу. Раймундъ отказался, не желая поднять мечъ противъ своихъ подданныхъ. Тогда легатъ отлучилъ его отъ церкви и наложилъ интердиктъ на все его графство.

Но Иннокентій все еще не терялъ надежды удержать Раймунда на сторонѣ церкви. Онъ обращается къ нему съ посланіемъ (X, 69), въ которомъ, устрояя его всевозможными бѣдствіями, которыя

могутъ его постигнуть въ этой и загробной жизни, ставить ему на видъ всё его вины. Когда по почину папскихъ легатовъ король Арагонскій и всё прочіе владѣтели въ край клятвенно обязались хранить миръ, онъ одинъ остался въ сторонѣ, разсчитывая поживиться воинскою добычей, наподобіе ворону, питающемуся трупами. Ему не совѣстно было нарушать неоднократно данное обѣщаніе преслѣдовать еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Когда онъ вторгся съ своей шайкой въ Арелатскую область, онъ по просьбѣ мѣстнаго епископа клятвенно обѣщаль, что будетъ щадить монастыри и въ праздничные дни не производить опустошеній—и не исполнилъ этого. „Нечестивый, жестокій и дикій тиранъ! ты не постыдился въ такой степени уклониться въ еретическую нечесть, что когда тебя упрекнули за защиту еретиковъ, ты отвѣтилъ, что можно указать такого ересіарха, который докажетъ, что ихъ вѣра лучше католической!“—Иннокентій доказываетъ склонность Раймунда къ ереси тѣмъ, что когда во время осады одного замка монахи просили пощадить ихъ виноградники, онъ приказалъ ихъ разорить, а виноградники еретиковъ тутъ же пощадить. Эта благосклонность къ еретикамъ заставляетъ его самого заподозрѣть въ ереси. „Что за безуміе тебя охватило, что ты слушаешь глупыя рѣчи? Что же, ты мудрѣе всѣхъ тѣхъ, кто держится церковнаго единства? или же всё, сохранившіе католическую истину, по-твоему, прокляты, а спасутся только сторонники пустыхъ и бессмысленныхъ бредней?“

Возвращаясь къ отдѣльнымъ обвиненіямъ, Иннокентій ставитъ въ вину Раймунду, что онъ предоставляетъ общественныя должности евреямъ въ обиду христіанамъ, что онъ у монастыря св. Гвильельма и у разныхъ церквей отнималъ владѣнія, превращалъ церкви въ укрѣпленные замки, устанавливалъ заставы для сбора пошлинъ, изгналъ епископа Карпентраса изъ его епархіи и т. д. За все это онъ былъ отлученъ отъ церкви легатами и Иннокентій утвердилъ отлученіе. „Но, хотя ты, продолжаетъ Иннокентій, тяжко оскорбилъ Господа и вселенскую церковь, мы обязаны заблудшихъ призывать на стезю правды“, и потому онъ обращается къ нему съ апостольскимъ предписаніемъ дать скорое и полное удовлетвореніе, „чтобы заслужить благодѣяніе отпущенія“. Если же онъ и теперь не образумится, то онъ, папа, предпишетъ всѣмъ окрестнымъ князьямъ, чтобы они возстали противъ него, какъ врага Христа и церкви, съ захватомъ всѣхъ его земель, которыми они въ состояніи будутъ овладѣть,—для того, чтобы онъ не заражались болѣе подъ его властью еретической нечестью. Эта угроза заключала въ себѣ завѣтную мысль Иннокентія. По средневѣко-

вому міровозрѣнію свѣтская, государственная власть должна служить сѣкирою въ рукахъ церкви, которая сама не проливаетъ крови. Этимъ взглядомъ и руководился Иннокентій по отношенію къ ереси въ южной Франціи. Онъ давно уже обращался за этимъ къ мѣстной государственной власти. Но до сихъ поръ она была глуха къ его предложеніямъ и требованіямъ. Тогдашній король Франціи, Филиппъ Августъ, былъ занятъ другимъ, болѣе неотложнымъ для него дѣломъ.

Быстрый политическій ростъ средневѣковой Франціи былъ задержанъ два раза однимъ и тѣмъ же повторившимся обстоятельствомъ—захватомъ Англіи однимъ изъ королевскихъ вассаловъ Франціи. Въ первый разъ это случилось въ 1066 году, когда герцогъ Норманскій Вильгельмъ завоевалъ Англію. То же повторилось въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда по прекращеніи династіи Вильгельма Завоевателя на англійскій престолъ взошелъ Генрихъ Плантагенетъ, владѣтель значительной части западной и юго-западной Франціи. Держава Капетинговъ была, такимъ образомъ, придавлена съ двухъ сторонъ враждебными ей областями. Освобожденію Франціи отъ этого давленія и посвятилъ свои силы и заботы Филиппъ Августъ, пользуясь наступившими благопріятными для него обстоятельствами. Вотъ почему старанія Иннокентія втянуть короля въ борьбу противъ альбигойской ереси оставались тщетными.

Лѣтомъ 1204 года Иннокентій писалъ королю: „Для защиты невѣсты своей, вселенской церкви, Господь учредилъ двѣ власти, священническую и царскую,—одну, чтобы радѣть о сынахъ, другую, чтобы бороться противъ враговъ; одну, чтобы наставлять подданныхъ словомъ и примѣромъ, другую, чтобы сдерживать уздою нечестивыхъ и не допускать ихъ къ нарушенію покоя церкви“. Отсюда папа выводитъ необходимость дружнаго содѣйствія свѣтской власти—власти духовной для усмиренія тѣхъ, кого не воздерживаетъ отъ зла церковное наставленіе. „Поэтому, обращается папа къ королю, чтобы не напрасно носить мечъ, возьмись за оружіе и щить и воспрянь на защиту Того, чей хитонъ во Франціи разодранъ“. Въ дальнѣйшемъ, Иннокентій умоляетъ короля, чтобы онъ ради отпущенія ему грѣховъ, или лично, или черезъ сына Людовика, или кого-нибудь другого, побудилъ, данною ему съ неба властью, графовъ и бароновъ конфисковать имущество и предать опалѣ окаянныхъ. Если же кто-либо изъ графовъ, бароновъ или гражданъ не захочетъ таковыхъ изгнать изъ своихъ владѣній, или посмѣетъ дать имъ убѣжище, или оказывать содѣйствіе, то всѣ владѣнія (этихъ сеньеровъ) неотложно

присоединить къ королевскимъ владѣніямъ. Это предложеніе папы, конечно, должно было казаться весьма заманчивымъ неутомимому собирателю земли французской, но Филиппъ Августъ былъ въ то время очень остороженъ и оставилъ безъ вниманія соблазнительное приглашеніе папы.

Что же касается до Иннокентія, то, хотя онъ прибѣгнулъ къ помощи свѣтскаго меча, онъ, однако, не забывалъ, что желательно „не истребленіе еретиковъ, а ихъ обращеніе“, и былъ весьма склоненъ пользоваться для этого и болѣе мягкими средствами.

Лѣтомъ 1206 г. явился въ Римъ испанецъ Діего, епископъ города Осма, въ сопровожденіи субпріора Доминика де-Гусманъ, чтобы просить папу благословить ихъ на миссіонерство среди еретиковъ. Они желали вести проповѣдь по образу апостоловъ, въ полномъ смиреніи, пѣшкомъ, въ плохой одеждѣ и босикомъ. Иннокентій не только благословилъ ихъ на подвигъ, но 19 ноября 1206 года писалъ своимъ легатамъ: „Мы приказываемъ вамъ набрать людей испытанной добродѣтели, способныхъ, по вашему мнѣнію, къ апостолату. Принимая въ образецъ бѣдность Христа, въ смиренной одеждѣ, но полные рвенія къ своему дѣлу, они пусть пойдутъ къ еретикамъ и своимъ примѣромъ и проповѣдью постараются съ Божіей помощью вырвать ихъ изъ заблужденія“.

Возвратившись изъ Рима, Діего встрѣтился въ Кастельно близъ Монпелье съ папскими легатами, очень разочарованными своимъ неуспѣхомъ. Епископъ Осмы, по словамъ лѣтописца, далъ имъ тогда спасительный совѣтъ: оставивъ все остальные способы борьбы, предаться исключительно и горячо дѣлу проповѣди, дѣйствовать такъ, чтобы зажечь ротъ злымъ людямъ; учить, по примѣру божественнаго Учителя, съ полнымъ смиреніемъ, пускаясь въ путь пѣшкомъ, безо всякой пышной обстановки, безъ денегъ, по способу апостоловъ. Легаты не захотѣли взять на себя починъ въ такомъ дѣлѣ, но выразили готовность слѣдовать за тѣмъ, кто покажетъ имъ примѣръ. Тогда епископъ Осмы предложилъ пойти впереди нихъ и въ сопровожденіи своего товарища вошелъ для проповѣди въ Монпелье; за нимъ послѣдовали легаты.

Такъ началось дѣло, получившее такое широкое распространеніе и разросшееся подъ руководствомъ св. Доминика въ знаменитый монашескій орденъ „проповѣдниковъ“, оплотъ католицизма въ борьбѣ съ ересями. По волѣ судьбы, или вѣрнѣе сказать по природѣ людской, совмѣщающей въ себѣ великіе контрасты, этотъ самый орденъ, взявшій на себя, по примѣру апостоловъ, евангельскій апостолатъ, принялъ впослѣдствіи на себя

и завѣдываніе инквизиціей, самымъ неевангельскимъ учрежденіемъ. Много тутъ значилъ впрочемъ и испанскій темпераментъ. Одинъ изъ доминиканцевъ середины XIII-го вѣка передаетъ, что учредитель его ордена сказалъ однажды толпѣ, собравшейся въ его монастырѣ (Ponilla въ южной Франціи): „Вотъ уже нѣсколько лѣтъ я возвѣщаю вамъ слова мира. Я проповѣдовалъ вамъ, умолялъ васъ, я плакалъ предъ вами. Но испанская поговорка гласитъ: Тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ благословеніе, подѣйствуетъ палка“.

Прошло три года съ обращенія Иннокентія къ Филиппу Августу и папа 16 ноября 1207 года обратился къ королю съ новымъ настоятельнымъ требованіемъ силою подавить ересь (X, 149).

Онъ жаловался ему, что ересь усиливается въ Тулузскомъ краѣ, что еретики, обладающіе, по словамъ апостола, наружнымъ благочестіемъ (*specie pietatis*), но отвергающіе добродѣтель, многихъ соблазняютъ сладостью рѣчей своихъ. Онъ уподоблялъ ихъ блудницѣ, о которой говорится въ притчахъ Соломона (Гл. 7).

Убѣждая короля въ необходимости отомстить за обиду, нанесенную Христу, папа искусно воспользовался благоприятнымъ для короля оборотомъ, который приняла его распря съ Іоанномъ Безземельнымъ. Чтобы обезопасить его со стороны Англіи, онъ предложилъ ему принять его королевство и земли его вассаловъ на время войны подъ покровительство св. Петра и общалъ, что если бы кто-нибудь дерзнулъ потревожить короля во время его похода противъ еретиковъ, принять это какъ обиду, нанесенную самому апостолу. За этимъ слѣдовала уже обычная соблазнительная приманка землями и имуществами побѣжденныхъ еретиковъ, а въ заключеніе новая и небывалая *индульгенція*—обѣщаніе, что какъ самъ король, будетъ ли онъ лично участвовать въ войнѣ или только пришлетъ необходимую военную помощь, — такъ всѣ его вассалы, кто возьмется за оружіе противъ невѣрныхъ, — получать отпущеніе грѣховъ наравнѣ съ тѣми, которые трудятся за освобожденіе св. земли, т.-е. наравнѣ съ *крестоносцами*.

Такъ было произнесено то роковое слово, которое должно было имѣть такія роковыя послѣдствія. Къ матеріальнымъ выгодамъ борьбы противъ альбигойцевъ—военной добычѣ и захвату земель—присоединились загробныя блага. Легкій походъ на близкій цвѣтушій край съ безоружнымъ богатымъ населеніемъ былъ приравненъ по заслугамъ съ труднымъ и опаснымъ путешествіемъ со всякаго рода лишеніями на дальній тогда Востокъ съ его воинственнымъ фанатическимъ населеніемъ. Пальма мученичества за вѣру Христову стала всѣмъ доступна.

* * *

Два мѣсяца спустя послѣ письма Иннокентія къ Филиппу Августу совершилось событіе, ускорившее катастрофу, нависшую надъ прекрасной страной трубадуровъ.

Января 15-го 1208 г. главный изъ папскихъ легатовъ, монахъ Петръ изъ Кастельно (de Castronovo), возвращаясь изъ Сень-Жилия послѣ неудавшихся переговоровъ съ графомъ Раймундомъ, былъ на переправѣ черезъ Рону убитъ однимъ изъ служителей графа. Это было злодѣйство, напоминавшее всѣмъ еще памятное убійство архіепископа Омы Кантерберійскаго служителемъ короля Генриха II. Какъ тогда, такъ и въ Провансѣ молва приписала убійство тому, чьимъ страстямъ оно потворствовало. Самъ Иннокентій, какъ видно изъ его посланія, находился подъ вліяніемъ этого общаго впечатлѣнія.

Въ циркулярномъ посланіи, обращенномъ ко всѣмъ архіепископамъ южной Франціи и ихъ суфраганамъ, Иннокентій напоминаетъ имъ, какъ онъ во избѣжаніе осужденія, постигшаго лѣниваго и неразумнаго земледѣльца, поле и виноградникъ котораго заросли крапивой, послалъ въ виноградникъ Господень достойныхъ людей для очищенія его. И вотъ совершилось дѣло возмутительное, къ общему огорченію всей церкви. О жертвѣ убійства Иннокентій отзывается съ большой похвалой, называя его твердымъ въ вѣрѣ, свѣдущимъ въ законѣ и краснорѣчивымъ въ проповѣди. Противъ него дьяволъ наставилъ слугу своего, графа Тулузскаго, который, часто подвергавшись за неоднократныя и крупныя преступленія противъ церкви Господа церковнымъ карамъ и часто, какъ человѣкъ перемѣнчивый, хитрый и увертливый, за лицемѣрное раскаяніе получавшій отпущеніе грѣха,—наконецъ не могъ сдержать ненависти, каковую возымѣлъ противъ своей жертвы. Его и его товарища графъ зазвалъ въ городъ Сень-Жиль (S-t. Gilles), обѣщавъ дать полное удовлетвореніе по всѣмъ пунктамъ, которые ему ставились въ вину. При свиданіи графъ то какъ будто искренно и любезно давалъ обѣщанія, то коварно и жестко отъ нихъ отпѣкивался, а когда легаты рѣшили оставить городъ, онъ публично угрожалъ имъ смертію, говоря, что куда бы они ни отправились, сухимъ путемъ или по водѣ, онъ бдительно будетъ слѣдить за ними; и вслѣдъ за этимъ со своими сообщниками устроилъ противъ нихъ лукавыя козни.

Обстановка убійства и участіе въ немъ Раймунда изложены въ посланіи весьма сбивчиво: говорится, что ни просьба аббата св.

Эгидія, ни настояніе консуловъ и горожанъ этого города не могли смягчить безумнаго гнѣва графа, — а затѣмъ сказано, что его сообщники сопровождали легата къ переправѣ черезъ Рону помимо желанія графа и къ его огорченію (*invito comite nimiumque dolente*). Въ концѣ же посланія составитель его утверждаетъ, что графъ считается (*praesumitur*) виновникомъ убійства на основаніи несомнѣнныхъ уликъ (*certis indiciis*) не только потому, что онъ публично пригрозилъ легату убійствомъ и строилъ ему козни, но потому еще, что, какъ *утверждаютъ* (*sicut asseritur*), графъ принялъ убійцу въ число самыхъ приближенныхъ лицъ и щедро наградилъ его, не говоря уже о прочихъ соображеніяхъ, намъ хорошо извѣстныхъ (*nobis plenius innotescunt*). Въ виду всего этого графъ Раймундъ предается анаемѣ, всѣ его вассалы и союзники освобождаются апостольскою властью отъ присяги вѣрности и всѣмъ католикамъ разрѣшается не только преслѣдовать его, но и занимать и удерживать за собою его владѣнія.

Для возбужденія большаго негодованія противъ убійцы, составитель посланія подробно описываетъ благочестивую смерть кроткой жертвы и влагаетъ въ уста умирающему Петру неоднократно повторенныя имъ слова блаженнаго Стефана, обращенныя къ убійцѣ: „Богъ тебя проститъ, какъ я тебя прощаю“. Патетическое настроеніе составителя посланія выражается между прочимъ въ томъ, что у него встрѣчается періодъ, заключающій въ себѣ отъ точки до точки не менѣе 207 словъ.

Но папская дипломатія при всемъ своемъ гнѣвѣ всегда предоставляла осужденному проблескъ надежды; такъ и это посланіе заканчивается предположеніемъ, что виновный можетъ обнаружить признаки раскаянія и въ этомъ случаѣ требуетъ отъ него полного разрыва съ послѣдователями ереси.

На ту же тему было разослано Иннокентіемъ разнымъ лицамъ еще пять посланій.

Въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе король Филиппъ Августъ отрещивается отъ всякаго потворства Раймунду, который принялъ сторону его врага, короля англійскаго, и женатъ на его сестрѣ. Но что касается участія въ войнѣ противъ него, то Филиппъ обуславливалъ это участіе двумя требованіями: чтобы папа обезпечилъ ему двухлѣтній миръ съ королемъ Англии и разрѣшилъ ему обложить французское духовенство податью на военныя издержки. Относительно же предложенія папы присвоить себѣ земли, которыя имѣлось въ виду отнять у князей, покровительствовавшихъ еретикамъ, король далъ Иннокентію урокъ изъ области феодальнаго права. Отъ свѣдущихъ въ этомъ вопросѣ лицъ,

писаль Филиппъ Августъ, онъ узналъ, что папа можетъ лишить Раймунда его владѣній, лишь послѣ осужденія его за ересь. Но, что графъ былъ уличенъ въ ереси, объ этомъ папа его еще не увѣдомилъ. Филиппъ, очевидно, не сочувствовалъ походу на южную Францію. Когда его вассалы, герцогъ Бургундскій и графъ Неверскій приняли участіе въ крестовомъ походѣ противъ еретиковъ, король попытался ограничить это движеніе, разрѣшивъ участіе въ немъ однимъ лишь рыцарямъ этихъ сеньеровъ и то въ числѣ не болѣе пятисотъ.

Но, несмотря на это, охотниковъ участвовать въ крестовомъ походѣ оказалось не мало. Кромѣ религіознаго мотива и жажды добычи, этому содѣйствовали и совершенно другія соображенія. Прежде всего желаніе воспользоваться привилегированнымъ положеніемъ крестоносцевъ, огражденных церковью отъ всякаго взысканія за долги, что для задолженныхъ бароновъ и рыцарей было большею приманкой. А за баронами и рыцарями потянулась толпа всякаго рода искателей приключеній.

Этого боялся самъ Иннокентій. Такая разрозненная толпа легко могла понести пораженіе, а съ другой стороны, была страшна и побѣда ея; не разбирая ни праваго, ни виноватаго она могла вмѣстѣ съ еретиками загубить и католическое населеніе въ обреченномъ на разореніе краѣ. Поэтому Иннокентій такъ желалъ, чтобы король сталъ во главѣ дѣла, а когда эта надежда рушилась, онъ сталъ его умолять, чтобы онъ назначилъ чело-вѣка дѣятельнаго, благоразумнаго и честнаго, который бы его именовемъ руководилъ святымъ дѣломъ. Получивъ и въ этомъ отказъ, папа послалъ обоихъ своихъ легатовъ ко двору короля просить его, чтобы онъ отправилъ съ крестоносцами своего сына. Но Филиппъ Августъ сказалъ имъ, что у него подъ бокомъ два льва ¹⁾: король Іоаннъ и именующій себя императоромъ Оттонъ IV; онъ не можетъ поэтому ни самъ покинуть королевства, ни выпустить изъ него своего сына.

Иннокентію пришлось взять на самого себя высшее руководство дѣла въ лицѣ своихъ легатовъ. И хотя онъ не могъ руководить военными дѣйствіями, все же онъ обезпечилъ успѣхъ похода. Онъ совѣтуетъ своимъ легатамъ (XI, 232) слѣдовать наставленію апостола. „Я былъ хитеръ и коварствомъ васъ взялъ ²⁾), объясняя, что это коварство скорѣе надо было бы называть *благо-*

¹⁾ Въ гербахъ Англій и Вельфскаго дома, глава котораго, Оттонъ Брауншвейгскій, былъ племянникомъ Іоанна.

²⁾ Въ латинскомъ текстѣ: Cum essem astutus dolo vos cepi. (II Кор. XII) вмѣсто русскаго „съ васъ взялъ“.

разуміемъ и стараться отдѣлившихся отъ единства церкви по одиночкѣ поражать (*divisim capere*)“. Въ силу этого папа совѣтуетъ не начинать съ графа Тулузскаго, а сначала, съ помощью искуснаго притворства вводя его въ заблужденіе, сокрушить прочихъ еретиковъ, чтобы предотвратить соединеніе силъ этого Левиаана съ его союзниками, при чемъ было бы тѣмъ труднѣе побороть этихъ слугъ Антихриста, чѣмъ большее упорство придало бы такое скопленіе ихъ. Это была та-же самая древне-римская политика, которая выразилась въ лозунгѣ— „*divide et impera*“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій не перестаетъ поощрять и возбуждать рвеніе крестоносцевъ. Онъ благословляетъ ихъ, умоляя пренебречь всѣмъ, что можетъ отвлечь ихъ отъ предпринимаемой ими святой борьбы. „Вы до сихъ поръ сражались изъ-за славы преходящей, боритесь теперь изъ-за славы вѣчной. Вы боролись изъ-за міра, боритесь теперь ради Господа“ (XI, 230).

Но не одними только небесными благами прельщаетъ ихъ Иннокентій. Онъ обезпечиваетъ за ними, насколько это отъ него зависитъ, и матеріальныя блага. Для того, чтобы братская защита католиковъ не испытала задержки, папа приказываетъ духовенству во всѣхъ епархіяхъ освобождать крестоносцевъ какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ отъ клятвенныхъ обязательствъ уплачивать проценты за свои долги и грозить кредиторамъ, которые настаивали бы на уплатѣ, церковными карами, безъ права апелляціи. А если кто-либо изъ кредиторовъ уже принудилъ крестоносца къ уплатѣ, то заставить его возвратить полученную сумму и отсрочить уплату до тѣхъ поръ, пока должникъ будетъ радѣть въ своемъ благочестивомъ подвигѣ, чтобы удостоиться участія въ мздѣ за святой подвигъ. А такъ какъ разумно (*non videatur absurdum*), чтобы тѣ, кто содѣйствуетъ общественному дѣлу, поддерживались обществомъ, Иннокентій предписываетъ прелатамъ во владѣніяхъ герцога Бургундскаго, и графовъ Невера и С.Поля, чтобы они, по примѣру архіепископа Санскаго и его суффрагановъ, увѣщевали всѣхъ со всѣхъ доходовъ втеченіе года вносить десятину въ распоряженіе легатовъ въ пользу святого и требующаго большихъ расходовъ дѣла (XI, 148).

Кромѣ традиціонной политической мудрости въ руководительствѣ Крестовымъ походомъ было со стороны Иннокентія и полное пониманіе лица, противъ котораго былъ направленъ Крестовый походъ. Раймундъ послѣ неудавшейся попытки объединить своихъ вассаловъ для отпора иноземнымъ пайкамъ, сталъ снова искать примиренія съ папой. Онъ жаловался папѣ на непримиримость легата Арнальда-Амальриха, и просилъ послать ему дру-

гого легата. И Иннокентій, къ великому изумленію современниковъ, исполнилъ эту просьбу и отправилъ къ Раймунду нотарія Латеранскаго, Милона, съ специальнымъ порученіемъ допустить Раймунда къ принесенію ему покаянія.

По приѣздѣ Милона въ Провансъ къ Раймунду, на паперти церкви Св. Эгидія, у ногъ апостола, на статуѣ котораго красовалась надпись: „Не убивать, а обращать“, совершилась торжественная церемонія. Графъ Раймундъ, положивъ руки на вынесенныя изъ церкви мощи, поклялся повиноваться папѣ и его легатамъ. Затѣмъ Милонъ, обвивъ его шею своей епитрахилью, отпустилъ ему грѣхи и, ударяя его по спинѣ пучкомъ розогъ, ввелъ его въ храмъ. Назадъ изъ храма вывели его черезъ подземелье, гдѣ покоилось тѣло убитаго легата Петра.

Примиреніе съ папою недешево обошлось графу Тулузскому. Не говоря о цѣломъ рядѣ обѣщаній и уступокъ, онъ обязался выдать свои укрѣпленные замки и замки своихъ вассаловъ и распустить свое войско. Раймундъ принялъ изъ рукъ Милона крестъ и покаялся на Евангеліи, если крестоносцы придутъ въ его землю, повиноваться имъ во всемъ и исполнить все, что они ему прикажутъ въ собственномъ интересѣ и ко благу крестоносной арміи.

Папа могъ быть доволенъ. Въ своемъ посланіи къ Раймунду онъ поздравилъ его съ тѣмъ, что, бывши соблазномъ для многихъ, онъ теперь сталъ образцомъ для всѣхъ, завѣряя его при этомъ, что онъ не дозволитъ его обидѣть, если онъ того не заслужитъ.

Судьба альбигойцевъ и южной Франціи была напередъ рѣшена.

* * *

Въ срединѣ лѣта 1209 года рать крестоносцевъ, собравшаяся у Ліона, двинулась съ тремя архіепископами во главѣ и подъ предводительствомъ папскаго легата Арнальда на югъ, по долинѣ Роны. При крестоносцахъ находился и Раймундъ Тулузскій. Минувя владѣнія этого графа, полчища крестоносцевъ набросились на владѣнія Раймунда Рожера, графа Безье и Каркассона, и подступили къ городу Безье, который закрылъ передъ ними ворота. Тутъ сейчасъ же обнаружилась глубокая неправда, лежавшая въ основаніи крестоваго похода противъ *альбигойцевъ*. Въ глазахъ тогдашнихъ христіанъ еретики были хуже басурманъ и съ этой точки зрѣнія могли быть предметомъ *крестоваго* похода. Но въ южной Франціи они жили вперемежку съ католиками, которые вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ ними становились жертвами своихъ

же единовѣрцевъ—крестоносцевъ. Это и произошло въ Безье, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія легатовъ Иннокентію III. „Въ день св. Магдалины рано поутру приступлено было къ осадѣ города и пока шли переговоры съ баронами объ освобожденіи тѣхъ, которые въ самомъ городѣ считались католиками, простая и невооруженная толпа¹⁾, не дожидаясь приказанія вождей, произвела приступъ на городъ съ крикомъ: „въ бой, въ бой“ и къ изумленію нашему въ два или три часа времени, перебравшись черезъ рвы и стѣны, взяла городъ; а затѣмъ наши, не щадя ни званія, ни пола, ни возраста, около 20000 людей поразили остріемъ меча и, по учиненіи этой великой рѣзни, разграбили весь городъ и сожгли его такъ, что на немъ дивнымъ образомъ свирѣпствовала божественная кара“ (XII, 109.). По другимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что когда вольница (ribaldi) взяла городъ и стала его грабить, рыцари, не желавшіе съ ними дѣлиться добычей, выгнали ихъ изъ города; разъяренные же грабители въ отместку за это зажгли городъ. Во время пожара въ одной лишь церкви св. Магдалины погибло до 7000 женщинъ, дѣтей и стариковъ, искавшихъ въ ней убѣжища, и пожарище такъ разрослось, что рухнулъ куполь главнаго собора св. Назарія.

Что почувствовалъ при чтеніи этого донесенія своихъ легатовъ Иннокентій, увѣщавшій короля Филиппа „наподобіе мудрѣйшаго царя Соломона, прозваннаго миротворцемъ, умиротворить страну Лангедока во имя Того, Кто есть Господь мира и любви“? (In eo qui est Deus pacis et dilectionis).

Изъ Безье крестоносцы направились къ Каркассону, гдѣ съ жителями заперся самъ Раймундъ-Рожеръ. Ему предложили выхватить изъ города съ 12 рыцарями, но тотъ отвѣтилъ, что скорѣе дастъ содрать съ себя кожу. Началась осада, и жители, отрѣзанные отъ воды, задыхавшіеся подъ палящимъ солнцемъ отъ смрада труповъ людей и животныхъ, сдались. Имъ разрѣшили уйти изъ города, не взявъ съ собой „ни одной нитки“. Графъ же Раймундъ Рожеръ, вопреки капитуляціи, былъ захваченъ въ плѣнъ и погибъ неизвѣстнымъ образомъ.

Изъ-за его владѣній возникли пререканія. Важнѣйшіе изъ крестоносцевъ, владѣтельные князья центральной Франціи, отказывались отъ нихъ и спѣшили домой, такъ какъ срокъ похода, къ которому ихъ обязывала индульгенція—40 дней, истекъ.

---

¹⁾ Ribaldi et alii viles et inermes personae. Ribaldi составляли передовую и нестроевую часть отряда, исполняли въ лагерѣ черную работу и предавались грабежу, такъ что ихъ названіе ribauds сдѣлалось браннымъ словомъ.

Графства Безье и Каркассонъ достались барону средней руки, Симону Монфортскому, по своимъ владѣніямъ въ Англии графу Лестерскому. Это былъ недюжинный человекъ, религіозный до фанатизма, безстрашный до опрометчивости, суровый до жестокости, предприимчивый и честолюбивый; для него крестовый походъ былъ средствомъ удовлетворенія не только его душевныхъ страстей, но и матеріальнаго расчета. Когда по уходѣ болѣе важныхъ сеньеровъ онъ остался во главѣ похода, его честолюбію открылась широкая перспектива и онъ не задумался потянуться къ заманчивой цѣли—устранить графа Тулузскаго, захватить его владѣнія и стать властителемъ и *монархомъ* южной Франціи.

Онъ напелъ союзниковъ въ духовныхъ вождяхъ похода, особенно въ Арнальдѣ; не менѣе его честолюбивомъ и властолюбивомъ и притомъ лично оскорбленномъ тѣмъ, что папа отмѣнилъ его распоряженіе относительно Раймунда Тулузскаго и принялъ послѣдняго подъ свое покровительство.

Но для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей Симонъ нуждался въ особомъ расположеніи и покровительствѣ папы. По возвращеніи на родину главныхъ полчищъ крестоносцевъ можно было привлечь новыхъ охотниковъ лишь съ помощью папы и только съ его же помощью можно было лишитъ мѣстныхъ сеньеровъ ихъ владѣній подъ предлогомъ потворства ими ереси. Поэтому Симонъ Монфортскій придумывалъ всевозможныя мѣры, чтобы задобрить Иннокентія. Завладѣвъ землями графа Безье и Каркассона, онъ установилъ для восстановленія церкви въ ея пользу полную десятину со всѣхъ земель, „которую Господь ему далъ“, съ тѣмъ, что, если кто-нибудь станетъ уклоняться отъ нея, то онъ будетъ бороться противъ него всѣми силами, какъ противъ врага церкви и своего. Кромѣ того, онъ установилъ подымную ежегодную подать въ три денарія въ пользу римской церкви, а для того, чтобы никто не смѣлъ пренебрегать церковными карами, установилъ, чтобы каждый, съ кого въ теченіе 40 дней не будетъ снято отлученіе церкви, обязанъ будетъ заплатить пеню, если онъ—владѣлецъ замка—въ 100 золотыхъ, если рыцарь или горожанинъ—въ 40 золотыхъ, а если простой человекъ (plebejus), то 20 золотыхъ.

Иннокентій принялъ вѣстниковъ и письма Симона съ „отеческимъ благоволеніемъ“, утвердилъ за нимъ и его наслѣдниками завоеванныя имъ области и разослалъ къ разнымъ лицамъ, между прочимъ, къ императору Оттону и королю Арагонскому, письма съ просьбой поддержать его. „Мы бы еще больше сдѣлали,—прибавляетъ Иннокентій,—если бы вслѣдствіе настояній, полученныхъ нами изъ св. земли, мы незадолго предъ этимъ не объявили

общаго призыва на помощь тамошнимъ христіанамъ и если бы не получали оттуда жалобъ, что нашъ призывъ крестоносцевъ для борьбы съ еретиками препятствуетъ успѣху крестоносцевъ на Востокъ“ (XII, 122 и 123 2 и 3 ноября). „Отцовское благоволеніе“ Иннокентія простиралось еще дальше, какъ видно изъ весьма характернаго для Иннокентія циркулярнаго посланія его къ аббатамъ и другимъ прелатамъ въ захваченныхъ ересью мѣстностяхъ отъ того же числа (XII, 126). „Мы желали, чтобы разрушители православной вѣры, отдѣлившись въ вашихъ краяхъ отъ общенія съ вѣрующими, не только не потеряли того, что считали своимъ достояніемъ за подражаніе еретической неправдѣ, но, возвратившись къ католической правдѣ, вмѣстѣ съ нами владѣли въ любви и мирѣ нашимъ достояніемъ. Но такъ какъ, ради неспособности сердца ихъ къ раскаянію, Господь, съ неба взирая на ихъ неправду, допустилъ ихъ гибель и конфискацію ихъ имущества по гражданскимъ и церковнымъ законамъ для того, чтобы исполнилось слово Писанія, чтобы праведнымъ досталось имущество (spolia) нечестивыхъ и они скопили сокровища ихъ. И хотя поэтому то, что находится у васъ на храненіи, какъ и прочее имущество еретиковъ, по справедливости подлежитъ конфискаціи, но, такъ какъ несогласно съ христіанской вѣрой, чтобы совершалось подъ видомъ алчности то, что должно быть слѣдствіемъ наказанія, мы предписываемъ вамъ, чтобы всѣ находящіяся у васъ депозиты еретиковъ были переданы любезному сыну нашему Симону Монфортскому, которому предоставлена земля, очищенная отъ этой чумной нечести, если только предувѣдомленные о томъ владѣльцы (депозитовъ) не возвратятся немедленно къ церковному единству, такъ, чтобы, по неисчерпаемой милости Господа, и имъ могло быть оказано снисхожденіе“. Изъ этого посланія можно заключить, что монастыри и церкви служили въ то время хранилищами цѣнностей и сокровищъ частныхъ людей.

Но утвердившееся на этомъ основаніи согласіе между вождями крестоносцевъ и папою было непрочно и непродолжительно. Въ началѣ, правда, поддержка Иннокентія дала Симону Монфортскому полную возможность продолжать свое кровавое и разрушительное дѣло. Къ нему прибыли новыя полчища, притекли новыя средства и истребительная война захватила новыя области. Мы не станемъ, однако, слѣдить за ней и приведемъ лишь нѣсколько эпизодовъ для характеристики тогдашней беспощадной борьбы.

Лѣтомъ 1210 года крестоносцы приступили къ осадѣ крѣпкаго замка Минервы близъ Нарбонны. Не имѣя продовольствія, осажденные завели переговоры о сдачѣ. Симонъ Монфортскій, гово-

рить лѣтописецъ, будучи человѣкомъ умнымъ, предоставилъ дѣло на рѣшеніе легата. Аббатъ Арнальдъ былъ этимъ очень недоволенъ; онъ весьма желалъ гибели враговъ вѣры, но, будучи монахомъ и іереемъ, не дерзалъ приговорить ихъ къ смерти. Поэтому онъ предоставилъ жизнь защитникамъ замка и даже катарамъ и ихъ „святымъ“ (parfaits), если они согласятся примириться съ церковью. Одинъ изъ рыцарей протестовалъ противъ такой снисходительности. Но аббатъ его успокоилъ словами: „Будьте увѣрены, число тѣхъ, которые пожелаютъ обратиться, будетъ незначительно“.

Такъ и случилось. Крестоносцы вошли въ замокъ; впереди несли крестъ, за нимъ знамя Симона Монфортскаго. Еретики собрались въ большомъ зданіи; Симонъ вошелъ къ нимъ и потребовалъ отъ нихъ, чтобы они признали ученіе церкви. На ихъ отказъ онъ приказалъ имъ выйти изъ замка. Передъ замкомъ былъ приготовленъ большой костеръ: „Всѣ „святые“, ихъ было 140 или немного больше, были повергнуты въ этотъ костеръ“. Ихъ даже не нужно было гнать туда; упорствуя въ своемъ лукавствѣ, они сами бросались въ огонь. Лишь трое изъ нихъ спаслись, отрекшись отъ ереси. Простые катары послѣ этого послѣдовали ихъ примѣру.

Послѣ взятія замка Лаворъ его владѣлецъ, Амальрикъ-де-Монреаль, и 80 рыцарей, защищавшихъ его, были повѣшены. Когда висѣлица подъ многими изъ нихъ обломилась, Симонъ Монфортскій приказалъ ихъ на мѣстѣ перебить. Пожилая владѣтельница замка, извѣстная своей благотворительностью, была брошена въ колодець, который тутъ же засыпали. Повѣствующій объ этомъ лѣтописецъ прибавляетъ: „Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ наши паломники сожгли, кромѣ того, большое число еретиковъ; а когда между ними попадались „святые“, удовольствіе ихъ было еще больше. Въ одномъ мѣстѣ ихъ было захвачено очень много; епископы стали увѣщевать ихъ, но не обратили ни одного; по ихъ уходѣ крестоносцы сожгли „съ великой радостью“ 60 нечестивыхъ“.

Но вожакамъ крестоносцевъ нужна была не только кровь еретиковъ: имъ нужны были города и земли графа Тулузскаго. Легатъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ выдалъ еретиковъ и заподозрѣнныхъ въ ереси жителей его главнаго города Тулузы, причемъ приложилъ именной списокъ ихъ. Но поименованные граждане заявили, что они—не еретики и не потакатели ереси, и консулы города отказали въ выдачѣ ихъ.

Въ отвѣтъ на это легатъ отлучаетъ консуловъ отъ церкви, а соборъ въ Авиньонѣ—6 сент. 1209—отлучилъ и самого графа. Въ

то же время легать Милонъ, который, по приказанію Иннокентія, снялъ отлученіе съ Раймунда, умолялъ папу не вѣрить графу и не возвращать ему замковъ, которые онъ выдалъ легату, какъ залогъ своей вѣрности; иначе все дѣло пойдетъ прахомъ. А другой епископъ совѣтовалъ Иннокентію обнаружить въ этомъ дѣлѣ твердость *камня*, на которомъ Христосъ построилъ свою церковь.

Но Иннокентій иначе понималъ это слово Христа, чѣмъ его усердные исполнители.

Нужно отдать ему справедливость. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вступить за невинныхъ и постоянно внушалъ легатамъ, чтобы они не обижали католиковъ. Такъ онъ еще 1 марта 1209 года писалъ своимъ легатамъ въ защиту горожанъ Монпелье (Montispeulani): „Поскольку они всегда до сихъ поръ сохраняли чистоту вѣры и оказывались преданными намъ и апостольскому престолу, постольку слѣдуетъ и намъ озаботиться, чтобы они не претерпѣвали какой либо обиды чрезъ коварное внушеніе кого-либо изъ тѣхъ, кто, пламенѣя рвеніемъ къ православнои вѣрѣ, опоясавъ мечомъ для истребленія ерегиковъ. Поэтому мы предписываемъ вамъ, чтобы вы не позволяли войску крестоносцевъ обижать упомянутыхъ людей и разорять земли ихъ, а защищать ихъ, какъ католиковъ, преданныхъ римской церкви, которыхъ отнюдь не слѣдуетъ въ чемъ либо-притѣснять вопреки справедливости (XII, 178).

Когда же Раймундъ и консулы Тулузы прибыли въ Римъ, подъ защиту папы, Иннокентій принялъ ихъ милостиво и въ трехъ посланіяхъ опредѣленно выразилъ свою волю. Онъ поставилъ своимъ легатамъ на видъ, что они отлучили графа подъ предлогомъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязательствъ; но онъ увѣряетъ, что онъ ихъ исполнилъ и представилъ письменныя тому доказательства. Что недостойно церкви обогащаться добромъ, отнятымъ у другихъ, и что имъ было предписано, какъ христіанскому воинству, не касаться владѣній графа Тулузскаго.

Въ результатъ папа предписалъ легатамъ созвать три мѣсяца спустя новый соборъ и подвергнуть дѣло графа Тулузскаго пересмотру; однако, не ставить окончательнаго рѣшенія и представить все дѣлопроизводство въ Римъ. По поводу же консуловъ Тулузы папа сообщалъ, что они дали удовлетворительное объясненіе и что съ города надо снять интердиктъ. Иннокентій III былъ въ этотъ моментъ несомнѣнно на высотѣ своего положенія и это должно быть тѣмъ болѣе отмѣчено, что результатъ его предписаній не соотвѣтствовалъ его благородному порыву. Замѣчательно, что этотъ великій іерархъ, стремившійся весь міръ под-

чинить своей власти, не былъ въ состояннн навязать свою волю тремъ зависимымъ отъ него легатамъ. Имъ удалось разными кознями втянуть Тулузу въ войну, а что касается до Раймунда, то они на самомъ дѣлѣ созвали соборъ въ Сень-Жилъ, но оповѣстили Раймунда, что предварительно онъ долженъ до своего оправданія изгнать еретиковъ изъ своихъ владѣннй, распустить солдатъ и исполнить всѣ обязательства, данныя Милону.

Слишкомъ ревностный къ дѣлу крестоносцевъ лѣтописецъ Петръ де Серне въ своей наивности разболталъ секретъ интриги, задуманной противъ Раймунда. По его словамъ, магистръ Тедизъ изъ Рима, состоявшій при легатѣ Милона, будучи человѣкомъ очень преданнымъ дѣлу Божію и умнымъ, страстно желалъ найти законное средство, чтобы помѣшать графу оправдаться, ибо онъ хорошо понималъ, что въ этомъ случаѣ дѣло католицизма погибнетъ въ землѣ Лангедока. Пока онъ съ тревогой размышлялъ объ этомъ, Господь вдругъ указалъ ему путь, какъ можно помѣшать графу оправдаться. Тедизъ имѣлъ тайное совѣщаніе съ Арнальдомъ и между ними была выработана упомянутая мѣра.

Когда на соборѣ Раймунду предъявили условія, которыя онъ долженъ былъ исполнить до примиренія съ церковью, онъ понималъ, что попалъ въ невылазныя сѣти. Горькое чувство его прорвалось въ приступѣ слезъ, какъ говорили его враги, — отъ злобы. А магистръ Тедизъ въ своемъ безсердечіи позволилъ себѣ поднять его на смѣхъ словами св. Писанія: „Сколько-бъ не потекло воды изъ береговъ, она не поднимется до Господа“. По свидѣтельству автора рифмованной хроники легаты предъявили ему столько требованій, что, какъ заявилъ Раймундъ, всего его графства не хватило бы для удовлетворенія ихъ.

Онъ покинулъ соборъ, полный гнѣва и печали и, сѣвъ на коня, поспѣшилъ домой.

Этого только и нужно было. Легаты сообщили папѣ, что графъ покинулъ соборъ и ничего не исполнилъ изъ своихъ обѣщаній.

Папа на этотъ разъ поддался обману: онъ писалъ Филиппу Августу, что Раймундъ не доказалъ своей невиновности, но многозначительно прибавилъ: „мы не знаемъ по своей ли винѣ“? Но его хитроумные легаты сумѣли отнять у него всякое сомнѣніе.

На новомъ соборѣ въ Монпелье (январь 1211), гдѣ присутствовали и графъ Тулузскій, они представили ему ультиматумъ: къ прежнимъ требованіямъ роспуска войскъ, полного удовлетворенія церкви, изгнанія еретиковъ и ихъ покровителей, прибавилось обязательство выдать до истеченія года всѣхъ, кого укажутъ ему легаты и Монфортъ; срыть всѣ замки въ своихъ владѣніяхъ и

подчинить всѣхъ жителей своихъ владѣній постоянной повинности при проходѣ крестоносцевъ. По исполненіи всѣхъ этихъ условій, онъ обязывался отправиться въ Іерусалимъ и поступить въ орденъ Тамплиеровъ или Іоаннитовъ, пребывая тамъ, сколько угодно будетъ легатамъ. Въ такомъ случаѣ ему возвратятъ его замки; иначе его выгонятъ изъ его владѣній и ничего ему не оставятъ.

Этотъ ультиматумъ былъ прочтенъ Раймунду въ присутствіи короля Арагонскаго и Арнальдъ вручилъ ему письменный актъ, заключавшій въ себѣ эти условія. Взявъ его, Раймундъ приказалъ своему секретарю снова прочесть грамоту и послѣ этого обратился къ Петру Арагонскому со словами: Выслушайте, господинъ король, странный приказъ, данный мнѣ легатами. Король еще разъ выслушалъ грамоту и сказалъ: „Клянусь всемогущимъ Отцомъ, эта грамота подлежить исправленію“. Раймундъ же, взявъ грамоту, вышелъ, не поклонившись легатамъ, изъ собранія и поспѣшилъ въ свои владѣнія. Вездѣ, гдѣ онъ показывалъ грамоту, рыцари и горожане говорили, что они предпочли бы смерть или плѣнъ позору стать рабами или виланами. Такъ описалъ этотъ моментъ авторъ рифмованной хроники, сочувствующій Раймунду.

Послѣ этого Иннокентій не только утвердилъ отлученіе отъ церкви Раймунда, но принялъ и самъ отъ побѣдителей изъ владѣній Раймунда графство Мельгѣль (Melgoriensis) въ даръ римской церкви.

Побѣдители не забыли, конечно, и себя самихъ. Не только Симонъ Монфортекій широко раскинулъ свою власть, но и легаты послѣдовали его примѣру: Арнальдъ-Амальрикъ, аббатъ Цистерціанскаго ордена, несмотря на свое отреченіе отъ міра, занявъ мѣсто архіепископа Нарбонскаго, завладѣлъ древнѣйшимъ и богатѣйшимъ епископскимъ престоломъ южной Франціи и связанной съ нимъ свѣтской властью и принялъ титулъ герцога Нарбонскаго, принадлежавшій Тулузской династіи — и даже магистръ Тедизъ сумѣлъ забраться на епископскій столъ Агда.

* *
*

Однако, торжество побѣдителей далеко еще не было обезпечено; объ этомъ свидѣтельствовало возстаніе Нарбонны, во время котораго жители избивали людей Симона Монфортекаго — и обращеніе Тулузы за помощью противъ него къ королю Арагонскому. Объ этомъ свидѣтельствовалъ новый поворотъ въ политикѣ Иннокентія.

Въ письмѣ отъ конца лѣта 1212 папа напомнилъ своимъ легатамъ, что они не руководились его предписаніями по отношенію къ графу Раймунду, что онъ, папа, оставилъ за собой право окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Въ виду этого онъ не усматриваетъ возможности передать владѣнія графа кому-либо другому. Далѣе папа заявляетъ, что онъ отнюдь не желаетъ давать поводъ думать, будто имъ посредствомъ коварства исторгнуты у Раймунда тѣ замки, которые тотъ предоставилъ легатамъ въ видѣ залога своей вѣрности. Апостоль предписалъ избѣгать не только зла, но и подобія зла. Наконецъ, какъ бы памятуя внушеніе короля Филиппа, папа заявляетъ, что для экспроприаціи *леновъ* нуженъ не только законный приговоръ надъ графомъ Раймундомъ, но и надъ его *наслѣдниками*. Поэтому нѣтъ основанія разсматривать ходатайство о предоставленіи кому-либо другому владѣній графа Тулузскаго.

Это настойчивое требованіе Иннокентія соблюденія законности и феодальнаго права, повидимому, приходится объяснить вліяніемъ короля Петра Арагонскаго. Это былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ папству владѣтельныхъ князей того времени. Онъ снискалъ благоволеніе Иннокентія не только своимъ усердіемъ въ борьбѣ съ испанскими мусульманами и блестящей побѣдой надъ ними, но особенно тѣмъ, что онъ принесъ свое королевство въ даръ св. престолу и призналъ себя данникомъ и вассаломъ папы. Петръ Арагонскій былъ очень заинтересованъ въ дѣлахъ южной Франціи, особенно западной ея части, прилегавшей къ Пиренеямъ. Цѣлый рядъ владѣтельныхъ князей этой мѣстности, графы Фуа, Комменжъ, Беарнъ, состояли его вассалами, и даже Симонъ Монфортескій, завладѣвшій Безьеромъ и Каркассономъ, долженъ былъ признать себя однимъ изъ нихъ. Будучи ревностнымъ католикомъ, король Петръ не противодѣйствовалъ крестоносцамъ въ избіеніи еретиковъ, но насиліе Симона Монфортескаго надъ его вассалами и надъ Раймундомъ Тулузскимъ, съ которымъ Петръ былъ въ свойствѣ, заставили наконецъ короля выйти изъ своего нейтралитета и вступить за угнетенныхъ. Его послы прибыли въ Римъ и ихъ вліяніе явно отражается въ дальнѣйшихъ посланіяхъ Иннокентія по дѣламъ Лангедока.

Въ половинѣ января 1213 года, между 18 и 20 числомъ, Иннокентій разсылаетъ замѣшаннымъ въ дѣлѣ интриги противъ графа Раймунда лицамъ четыре посланія, заслуживающія болѣе подробнаго анализа для оцѣнки Иннокентія. Письмо къ своимъ тремъ легатамъ папа начинаетъ съ признанія, которое слѣдовало бы выставить какъ лозунгъ въ самомъ началѣ Альбигойскаго похода. „Хотя, говорить папа, гнѣющія части тѣла должны быть отсѣкаемы,

чтобы зараженіе не распространилось на здоровыя части, но рука врача должна коснуться ихъ такъ осторожно и предусмотрительно, чтобы, отрѣзая зараженное, не повредить необдуманностью здороваго“. Затѣмъ, основываясь на письмѣ Петра Арагонскаго, Иннокентій сообщаетъ легатамъ, что этотъ король, узнавъ о походѣ крестоносцевъ, отказалъ графу Безье въ его просьбѣ о помощи, предпочитая нанести этимъ ущербъ католикамъ, чѣмъ оказаться пособникомъ живущихъ совмѣстно съ ними еретиковъ¹⁾.

„Ты же, братъ архіепископъ, продолжаетъ Иннокентій, вмѣстѣ съ графомъ Симономъ, ввелъ крестоносцевъ на земли графа Тулузскаго и вы заняли не только мѣстности, гдѣ проживали еретики, но распростерли жадныя руки на земли, отнюдь не запятанныя ересью, такъ какъ вы потребовали отъ ихъ жителей клятву вѣрности вамъ и расположились проживать тамъ, гдѣ никакихъ, повидимому, еретиковъ не обрѣтается“. Въ числѣ такихъ земель находились владѣнія, которыя англійскій король Ричардъ далъ въ приданое за свою сестру при выходѣ ея замужъ за Раймунда и владѣнія трехъ графовъ, состоявшихъ вассалами короля Арагонскаго. Такимъ образомъ, король Арагонскій былъ лишенъ своихъ владѣній какъ разъ въ то время, когда онъ сражался съ испанскими мусульманами за вѣру Христову. Король Петръ къ этому прибавилъ, что графъ Раймундъ Тулузскій представилъ на его усмотрѣніе защищать его землю, сына и жену, или подвергнуть ихъ изгнанію. Но такъ какъ кара и месть должны падать на виновныхъ, а не распространяться далѣе этого, то графъ Тулузскій смиренно молилъ сохранить графство за его сыномъ, который никогда не впадалъ, и дастъ Богъ, никогда не впадетъ въ язву ереси. Самъ же графъ Тулузскій выражалъ готовность принять на себя въ видѣ покаянія, и какъ будетъ угодно папѣ, обязательство отправиться крестоносцемъ на Востокъ, или сражаться въ Испаніи противъ сарацынъ. Въ виду этого Иннокентій предписалъ легатамъ собрать на съѣздъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ, бароновъ, консуловъ и предложить на ихъ разсмотрѣніе заявленіе короля Арагонскаго и, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, представить его на заключеніе папы, для того, чтобы такъ или иначе надъ землею ихъ былъ поставленъ сообразный съ ея благомъ правитель (XV, 212). Въ болѣе рѣзкомъ тонѣ Иннокентій упрекаетъ Симона Монфортскаго въ томъ, что онъ направилъ оружіе противъ католиковъ вмѣсто еретиковъ и черезъ крестоносцевъ проливалъ кровь праведныхъ и что онъ занялъ земли вассаловъ короля Ара-

¹⁾ Elegit quibusdam deesse Catholicis, ne adesse commixtis haereticis videretur. (XV. 212).

гонскаго, графовъ Фуа, Коменжа и Гастона Беарнскаго, хотя обитатели этихъ земель не были повинны въ ереси, что подтверждается косвенно самимъ Симономъ, такъ какъ онъ отъ нихъ потребовалъ присяги въ вѣрности себѣ. Въ особенности подчеркиваетъ папа то, что все это учинено въ то время, пока самъ король проливалъ свою кровь на службѣ Христа. И такъ какъ король намѣренъ продолжать войну противъ сарацинъ и нуждается для этого въ мирѣ, то папа предписываетъ Симону возвратить королю и его вассаламъ отнятыя у него земли (XV, 213).

Два дня спустя Иннокентій требуетъ отъ Симона, чтобы онъ принесъ королю Арагонскому присягу въ вассальной вѣрности за городъ Каркассонъ, которымъ владѣлъ на ленномъ правѣ графъ Безье. И такъ какъ папа не желаетъ, чтобы король потерпѣлъ какой-либо ущербъ въ своихъ феодальныхъ правахъ, то Симонъ не долженъ отказываться отъ какихъ-либо повинностей, касающихся выгоды или почета сеньера, перешедшихъ къ нему вмѣстѣ съ ленномъ (XIV, 114). И въ тотъ же день Иннокентій пишетъ легату Арнальду, ставшему архіепископомъ Нарбонскимъ, что такъ какъ лисицы, опустошавшія виноградникъ Господень, изловлены и довольно пролито крови, то онъ поручаетъ ему войти въ соглашеніе съ королемъ Арагонскимъ и со всѣми графами, баронами и другими нужными для этого лицами, чтобы установить въ Лангедокѣ перемиріе, такъ какъ царь сарацинскій собирается итти войною на поклонниковъ Христа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій запрещаетъ легату пользоваться индульгенціями, изданными апостольскою властью въ пользу крестоваго похода. „Перестань призывать христіанскій народъ къ войнѣ противъ ереси и не тревожь его болѣе“ (XV, 215).

Мы стоимъ передъ фактомъ первостепенной важности. Папа признаетъ, что крестовый походъ сдѣлалъ свое дѣло и болѣе не нуженъ. Но вызванныя имъ къ жизни страсти и силы не повинуются ему; организованный имъ механизмъ продолжаетъ свою страшную работу вопреки волѣ своего изобрѣтателя.

Пока вышеприведенныя письма достигали своего назначенія, противники Раймунда собрали въ Лаворѣ десятка два прелатовъ изъ числа своихъ приверженцевъ, которые вынесли отъ имени собора слѣдующее заключеніе: „Такъ какъ графъ Тулузскій, по возвращеніи изъ Рима, гдѣ былъ слишкомъ хорошо (!) принять папою, продолжалъ свои преступныя дѣянія и надъ нимъ тяготѣетъ такъ давно подозрѣніе въ ереси, что оно представляетъ неопровержимое доказательство его виновности—то соборъ единогласно постановилъ, что онъ недостойнъ прикоснуться Евангелія

и потому нѣтъ основанія дозволить ему оправдаться по обвиненіямъ въ ереси и въ убійствѣ легата Петра“. Ссылаясь на это постановленіе собора, легаты рѣшительно отказались выслушать Раймунда и, доложивъ объ обстоятельствахъ дѣла папѣ, вернули въ свое донесеніе слова, что „его святѣйшеству извѣстна теперь чистая правда и вся правда“,—слова, взятые изъ посланія Иннокентія къ нимъ.

Не помогло Раймунду и заступничество короля Арагонскаго, прибывшаго на соборъ и представившаго ему обширную докладную записку по дѣлу Раймунда и другихъ графовъ. Соборъ отвѣтилъ ему еще болѣе пространнымъ обвинительнымъ актомъ противъ графовъ, въ заключеніи котораго епископы напоминали королю данную имъ при вѣнчаніи королевскою короною въ св. Петрѣ—клятву истреблять ересь и защищать св. церковь.

Въ то же время прелаты, засѣдавшіе въ Лаворѣ, отправили папѣ петицію, умоляя его „подрубить сѣкирою самые корни ядовитаго дерева“. „Благодаря неустрашимому борцу Христову, непобѣдимому воину Симону Монфортскому, крестовый походъ, вызванный папою, подходит къ концу; остается лишь взять Тулузу, эту яму нечестивой ереси и сокрушить Раймунда, этого упорнаго покровителя ереси, искавшаго войти въ союзъ со всѣми врагами церкви, съ Іоанномъ Безземельнымъ, Оттономъ IV и въ своемъ отчаяніи дерзнувшаго совершить отвратительное преступленіе противъ всего христіанства, отправивъ пословъ къ султану Марокскому“.

Руководители лаворскихъ прелатовъ организовали цѣлый рядъ подобныхъ петицій со стороны другого собора, устроеннаго въ восточной части Лангедока, въ Оранжѣ и отъ отдѣльныхъ окрестныхъ прелатовъ, архіепископовъ Бордо, Эса (Aix) и другихъ.

Подъ этимъ высокимъ давленіемъ своихъ легатовъ и всей южно-французской іерархіи, находившей поддержку въ самой куріи, Иннокентій подался и отступилъ отъ своего королевскаго вассала. Его письмо къ нему отъ 7 іюня 1213 года (XVI, 48) является полнымъ отреченіемъ отъ политики, которой Иннокентій держался еще такъ недавно (XV, 212—5).

Все благожелательство Иннокентія къ королю, положившему свою корону къ его стопамъ, сводится теперь къ желанію, чтобы Господь вдохновилъ Петра принять къ сердцу отеческіе упреки (*incredationes*) папы, мотивированные тѣмъ, что когда граждане Тулузы, среди коихъ нѣкоторые (*quidam*) отъявленные еретики, а многіе, пособники ереси, подверглись интердикту, онъ, король, до такой степени забылъ страхъ Божій, что имѣлъ дерзость тя-

гаться съ Богомъ и отклонять руку его отъ достойныхъ кары— къ своему позору (*infamiae*) и подъ подозрѣніемъ болѣе тяжкаго преступленія.

Мы видимъ далѣе изъ письма, что передъ папою происходилъ состязательный процессъ между посланцами короля Петра, а съ другой стороны представителями папскихъ легатовъ и Симона; послѣ чего папа, по совѣщаніи съ кардиналами, потребовалъ, чтобы король немедленно предоставилъ жителей Тулузы ихъ судьбѣ и церковной карѣ. Если же кто-либо изъ нихъ пожелалъ присоединиться къ единству церкви, то на этотъ случай папа предоставляетъ епископу Фулкону (отчаянному честолюбцу и интригану и притомъ яростному врагу Раймунда) полномочіе въ сообществѣ съ двумя благочестивыми совѣтниками, отдѣлить подлежащихъ примиренію съ церковью отъ тѣхъ, кто долженъ быть подвергнутъ изгнанію изъ города (*exterminati praeipimus*) съ лишеніемъ имущества.

За этимъ слѣдуетъ еще болѣе тяжкое обвиненіе. „Мы изумляемся и негодуемъ, что ты, умолчавъ истину, чрезъ твоихъ лживыхъ пословъ коварствомъ выхлопоталъ папское повелѣніе въ пользу графовъ Коменжа, Фуа и Беарна о возвращеніи имъ ихъ владѣній, тогда какъ они за многія и великія преступленія за потворство еретикамъ, которыхъ они явно защищаютъ, были отлучены отъ церкви“. Это папское повелѣніе Иннокентій отмѣняетъ, какъ утратившее силу въ виду способа, которымъ оно добыто. Въ случаѣ, если эти графы захотѣли бы примириться съ церковью, они должны обратиться къ архіепископу Нарбонскому, которому папа предписалъ не довольствоваться клятвой вѣрности съ ихъ стороны, а обезпечить эту вѣрность другимъ еще способомъ, по его усмотрѣнію.

Иннокентій далѣе увѣдомляетъ короля, что, по его просьбѣ, онъ отправляетъ на мѣста кардинала, человѣка честнаго и твердаго, не уклоняющагося ни вправо, ни влѣво, а грядущаго всегда царственной дорогой, который, по осуществленіи указанныхъ папою предварительныхъ требованій, долженъ будетъ рѣшить и уладить всѣ остальные вопросы и жалобы. Пока же папа предписываетъ, чтобы король и Симонъ Монфортекій соблюдали между собой прочный миръ (*firmas treugas*), изъ котораго, однако, исключаются еретики, такъ какъ не должно быть общенія между свѣтомъ и мракомъ, между Христомъ и Велзевуломъ, между вѣрующими и невѣрными и не слѣдуетъ исповѣдующимъ православную вѣру (*orthodoxae fidei professores*) пребывать съ ними въ миръ и перемиріи.— „Тѣмъ не менѣе“, прибавляетъ папа, онъ

предписалъ графу Монфортскому, чтобы онъ за землю, которую держитъ отъ короля (на ленномъ правѣ) соблюдалъ лежащія на немъ обязанности; предупреждая, однако, короля Арагонскаго, что если жители Тулузы и упомянутые графы будутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, то онъ посредствомъ новыхъ индульгенцій подниметъ новую рать крестоносцевъ для истребленія именемъ Господа Саваоиа не только самихъ еретиковъ, но и ихъ пособниковъ и защитниковъ, которые болѣе вредны (posivi), чѣмъ тѣ. Въ заключеніе Иннокентій предупреждаетъ короля, что если онъ поступитъ, паче чаянія, иначе чѣмъ ему слѣдуетъ, то онъ навлечетъ на себя кромѣ божественнаго гнѣва непоправимое бѣдствіе, такъ какъ „мы, какъ бы ни любили тебя, не можемъ ни пощадить тебя, ни уступить тебѣ въ дѣлѣ противномъ христіанской вѣрѣ“ (XVI, 48).

Приведенное нами посланіе—одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ, до того оно характерно, какъ для положенія самого Иннокентія, такъ и для историческаго момента, къ которому оно относится. Мы видимъ, что могущественный и энергическій папа, къ рукамъ котораго сбѣгаются политическія нити со всей почти Европы и Востока, отъ рѣшенія котораго зависитъ судьба тысячи людей, въ полной зависимости отъ своихъ мѣстныхъ агентовъ и легатовъ.

По ихъ донесеніямъ онъ отлучаетъ государей отъ церкви и предаетъ города на разореніе. Онъ не знаетъ, кому вѣрить: получивъ свѣдѣнія съ другой стороны, онъ принужденъ отмѣнять свои распоряженія. Мы видимъ далѣе, что человѣкъ, именуемый викаріемъ Христа-Бога на землѣ, іерархъ, которому приписывается непогрѣшимость, на самомъ дѣлѣ бесиленъ предъ шайкой безсовѣстныхъ честолюбцевъ и интригановъ, дѣйствующихъ вдали отъ него и устроивающихъ фиктивные соборы. Мы видимъ, что у себя въ Римѣ, онъ принужденъ преклоняться предъ волею своихъ братьевъ-кардиналовъ.

И ему приходится дѣйствовать въ эпоху, не поддающуюся размежеванію небснаго и земнаго, церковнаго и политическаго, духовнаго и матеріальнаго. Мы видимъ, что правители и владѣльцы лишаются власти и имущества за то, что не хотятъ пустить въ свои города и замки чужеземцевъ и хулигановъ, пришедшихъ грабить и жечь подъ предлогомъ удаленія или истребленія еретиковъ. Государственная власть и собственность исчезаютъ передъ вопросомъ о праведности въ вѣрѣ и рѣшеніе въ этомъ вопросѣ предоставляется людямъ, которые вносятъ въ него свои личныя страсти и интересы. Мы видимъ предъ собой главу церкви, ко-

торый для защиты ее отъ внутреннихъ враговъ вызываетъ—посредствомъ отпущенія грѣховъ—вооруженную толпу, которая, истребляя съ еретиками тысячи мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, совершаетъ больше грѣховъ, чѣмъ могутъ погасить папскія индульгенціи.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ результатъ не соответствовалъ ожиданіямъ Иннокентія. Онъ уподобился легендарному герою, посѣявшему зубья дракона, изъ которыхъ вышли рыцари, другъ друга истреблявшіе.

* * *

На практикѣ папскій ультиматумъ сводился къ требованію, чтобы король Арагонскій оставался, въ ожиданіи прибытія кардинала съ неизвѣстными инструкціями—безучастнымъ зрителемъ того, какъ Симонъ Монфортскій сокрушалъ вассаловъ и союзниковъ его и захватывалъ его владѣніе по ту сторону Пиренеевъ. Симонъ бралъ одинъ за другимъ укрѣпленные замки въ окрестностяхъ Тулузы, собираясь осадить этотъ городъ. Изъ Парижа пришла вѣсть, что сынъ Филиппа-Августа намѣревался во главѣ французскихъ рыцарей примкнуть къ крестоносцамъ. Петръ Арагонскій рѣшился воевать; 3000 рыцарей и 30000 сержантовъ прибыли къ нему изъ Испаніи; его французскіе вассалы присоединились къ нему и съ этими силами онъ двинулся на помощь Раймунда къ Тулузѣ. Онъ осадилъ городъ Мюреть съ его крѣпкой цитаделью. Симонъ Монфортскій пришелъ на выручку замка съ тысячей отборныхъ рыцарей. На сторонѣ Петра Арагонскаго былъ перевѣсъ числа; но войско его было плохо размѣщено. Самъ король ночь передъ битвой провелъ въ кутежѣ и едва держался на ногахъ. Раймундъ совѣтовалъ выжидать въ лагерѣ нападенія Симона, но нетерпѣливый арагонецъ выѣхалъ впередъ со своей кавалеріей. Рыцари Симона Монфортскаго бросились на нее съ такимъ натискомъ, что, по словамъ лѣтописца, „удары ихъ мечей раздавались такъ громко, какъ будто цѣлый лѣсъ срубается дровосѣками“. Короля скоро узнали въ сѣчи, окружили и сразили смертельнымъ ударомъ. Это было 12 сентября 1213 г. Раймундъ Тулузскій долженъ былъ покинуть свою родину и съ сыномъ искать убѣжища въ далекой Англій при дворѣ Іоанна Безземельнаго.

Но побѣда Симона Монфортскаго оказалась не полной побѣдой. Именно съ этого момента выступаетъ на сцену въ лицѣ новаго легата, кардинала Беневентскаго, представитель папы, не склон-

ный мирволить побѣдителямъ. Въ своихъ инструкціяхъ легату, въ концѣ января 1214 г., Иннокентій предписываетъ ему принять покаяніе сверженныхъ графовъ и города Тулузы, которые послѣ этого должны пребывать подѣ покровительствомъ папы; что же касается до притязаній Симона Монфортекаго на виконтство Нимское, какъ ленъ, зависимый отъ графства Безье, Иннокентій ихъ отвергалъ, заявивъ, что это дѣло нуждается въ разслѣдованіи, ибо Нимъ есть достояніе римской церкви. Самому Симону Иннокентій предписывалъ, подѣ угрозой кары, не удерживать у себя въ плѣну принца Арагонскаго, взятаго подѣ Мюретомъ, и передать его въ руки легата.

Исполняя инструкціи папы, кардиналъ Беневентскій въ противоположность прежнему легату облегчаетъ отлученнымъ графамъ примиреніе съ церковью, а въ замкѣ ихъ, присвоенномъ Симономъ Монфортскимъ, помѣщаетъ гарнизоны, охраняющіе ихъ именемъ папы. Даже съ Раймунда Тулузскаго онъ, наконецъ, снимаетъ отлученіе подѣ условіемъ, чтобы онъ предалъ себя и свое имущество, своего сына и владѣніе безусловно въ руки папы.

Въ концѣ концовъ Симонъ Монфортскій оказался побѣжденнымъ папскою дипломатіей и богатая добыча, которую онъ уже держалъ въ рукахъ—городъ Тулуза, графство тулузское и владѣніе отлученныхъ графовъ стали уходить изъ его рукъ. Даже уже завоеванныя имъ земли папа признавалъ за нимъ лишь во временномъ пользованіи до разсмотрѣнія вопроса на вселенскомъ соборѣ, который предполагалось созвать въ 1215 году.

Но, къ счастью для побѣдителя и палача альбигойцевъ, папская дипломатія того времени, дѣйствовавшая вдали отъ папы, не всегда и не вездѣ держалась его политики. Въ сѣверной Франціи находился другой легатъ папы, Курсонъ, посланный туда для примиренія Франціи съ Англіей и проповѣди крестоваго похода въ Палестину. Съ нимъ сошелся Симонъ Монфортскій, и Курсонъ, благопріятствуя ему, возобновилъ проповѣдь крестоваго похода противъ альбигойцевъ, а Симону выдалъ владѣнную запись на всѣ земли, захваченныя имъ у еретиковъ въ альбигойской и сосѣднихъ провинціяхъ съ присоединеніемъ тѣхъ, которыми онъ въ будущемъ завладѣетъ. Мало того,—пользуясь отсутствіемъ кардинала Беневентскаго, посланнаго папой въ Испанію для водворенія на престолъ принца Арагонскаго, Курсонъ созвалъ въ концѣ 1214 года соборъ въ Монпелье, для новой демонстраціи въ пользу Симона. Прелаты, въ числѣ 5 архіепископовъ, 28 епископовъ и множества аббатовъ, собрались 8 января 1215 г. Предсѣдательство на соборѣ, однако, досталось кардиналу Беневентскому. Явился и

Симонъ Монфортскій, но жители не пустили его въ городъ и онъ расположился внѣ его стѣнъ. Кардиналъ поставилъ вопросъ, кому слѣдуетъ предоставить Тулузу и земли, отнятыя у еретиковъ. Соборъ единогласно указалъ на Симона и потребовалъ отъ кардинала, чтобы онъ немедленно передалъ ему весь Тулузскій ленъ. Но кардиналъ отказался, ссылаясь на свои инструкціи; онъ зналъ, что папа намѣревался представить это важное рѣшеніе вселенскому собору: вѣдь, дѣло шло о капитальномъ вопросѣ въ отношеніяхъ церкви и государства, о правѣ первой на основаніи церковнаго суда лишать владѣтельныхъ князей власти и имущества. Но члены собора не унялись и отправили депутацію къ папѣ съ ходатайствомъ признать Симона „господиномъ и государемъ“ земли еретиковъ.

Делегаты возвратились лѣтомъ изъ Рима съ буллою, чрезвычайно лестной для Симона. Папа восхвалялъ чистоту его вѣры и великія заслуги въ крестовомъ походѣ, и предоставлялъ ему временное пользованіе владѣніями графа Тулузскаго и всѣми прочими владѣніями, секвестрованными кардиналомъ Беневентскимъ. Но эта льгота заключала въ себѣ косвенное отклоненіе ходатайства признать Симона Монфортскаго настоящимъ владѣльцемъ и княземъ Лангедока и Прованса.

* * *

Между тѣмъ, 11 ноября 1215 г. открылся четвертый латеранскій *вселенскій* соборъ, которому Иннокентій предоставилъ рѣшеніе дѣла Раймунда Тулузскаго и его товарищей. Это—эпизодъ чрезвычайно характерный для собора и для всего средневѣкового міровоззрѣнія, отразившагося въ этомъ дѣлѣ. Четыреста съ лишнимъ епископовъ и около 800 аббатовъ, отрехшихся отъ міра, должны были рѣшить, за кѣмъ слѣдуетъ признать власть надъ Лангедокомъ и Провансомъ,—за вождемъ пришлыхъ завоевателей крестоносцевъ, или за наслѣдственными владѣльцами ихъ. Такая постановка вопроса несогласна съ современными представленіями о гражданскомъ и государственномъ правѣ; она объясняется тѣмъ, что средневѣковая церковь рассматривала всякое гражданское дѣло, въ составъ котораго входилъ какой-нибудь церковный актъ или какой-нибудь религіозный интересъ, подсуднымъ церкви.

У насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ о ходѣ дѣла Раймунда на латеранскомъ соборѣ, но у насъ есть драматическое изображеніе его въ поэмѣ хорошо освѣдомленнаго современника; это „Канцона (поэма) о крестовомъ походѣ“, составленная на прован-

сальскомъ языкѣ, горячимъ патриотомъ, всею душою преданнымъ дѣлу Раймунда¹⁾. Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ такая живая и описаніе отдѣльныхъ сценъ такъ реально, какъ будто авторъ былъ очевидцемъ всего имъ изображеннаго. А съ другой стороны, авторъ облакаетъ засѣданіе собора въ формы рыцарской поэмы: папа, напримѣръ, у него обращается къ прелатамъ съ названіемъ „бароновъ“ (что, впрочемъ, не такъ далеко отъ истины—всѣ они были духовные бароны), говоритъ съ ними, какъ съ вассалами, угадываетъ будущее посредствомъ сортилегій, наугадъ раскрывая книгу, ссылается на пророчество Мерлина и предсказываетъ, что „грѣшникъ“ (Симонъ Монфортекій) будетъ убитъ ударомъ камня. Но во всякомъ случаѣ авторъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ лица, присутствовавшаго на соборѣ²⁾.

На соборъ прибыли изгнанные изъ своихъ владѣній графы. Графъ Фуа и молодой Раймундъ бросились къ ногамъ папы. „Тотъ глядитъ на отрока (*ce bel et bon enfant*) и сердце его исполняется горемъ и жалостью и ему становится такъ тяжело, что онъ вздыхаетъ и его слезы льются изъ обоихъ глазъ; но тамъ (на соборѣ) „ни къ чему не служатъ графамъ ни право, ни вѣра, ни разумъ—одинъ только папа (*l'apostolis*, какъ его характерно обозначаетъ провансальскій языкъ), исполненъ мудрости и разумѣнія“.

Ему извѣстна неправда церкви и духовенства, враждующихъ съ графомъ и онъ, предъ всѣмъ соборомъ доказываетъ „документами и благородными рѣчами“, что нѣтъ основанія признавать графа Тулузскаго еретикомъ и лишать его наслѣдства.

Но главнымъ защитникомъ Раймунда на соборѣ поэтъ выставляетъ вассала графа Тулузскаго, графа де-Фуа.

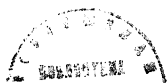
Весь соборъ смотритъ на графа и внимательно слушаетъ его: у него свѣжій цвѣтъ лица и онъ хорошъ собой. Въ страстныхъ красно-рѣчивыхъ словахъ отстаивалъ онъ права своего сеньера и свои собственныя, клеймя позоромъ образъ дѣйствія крестоносцевъ и въ особенности присутствовавшаго тамъ епископа Тулузскаго Фулько.

Mas daquels raubadors, fals trachors fe mentitz
Que partavan las crotz per quieu fos destrusut³⁾.

1) „Aiso es la Cansos de la Crozada“ изданная Фориелемъ съ французскимъ переводомъ и съ литературно-критическимъ введеніемъ въ „Collection des Documents inédits“.

2) Luchaire высказываетъ мнѣніе, что повѣствованіе „Канцоны“, несмотря на преувеличеніе (*grossissement des traits*) производитъ впечатлѣніе дѣйствительности, изображенной очевидцемъ. *Inn. III et les Albigs.* 249.

3) Эти разбойники, измѣнники, клятвopреступники, что несли крестъ, коимъ мы были сокрушены.

Графъ клеймилъ Фулько, этого бѣглаго монаха, этого бывшего жонглера, лживыя пѣсни и острыя сатиры котораго пагубны для всякаго человѣка, ихъ повторяющаго. Тотчасъ по своемъ избраніи онъ зажегъ въ Тулузѣ такой огонь, что никогда не хватить воды для тушенія его. Болѣе пятисотъ тысячъ людей, взрослыхъ и малыхъ, онъ загубилъ. Загубилъ ихъ тѣло и душу. Поэтъ клянется вѣрою, что своими дѣйствіями и словами Фулько болѣе походитъ на антихриста, чѣмъ на римскаго легата.

Фулько надменно возражалъ, но другіе изъ присутствовавшихъ на соборѣ прелатовъ подтвердили слова графа де-Фуа, что провансальскіе сеньеры добровольно сдали свои крѣпкіе замки легатамъ папы, чтобъ доказать свою преданность церкви, полагаясь на обѣщаніе легатовъ, что папа возвратитъ имъ земли, какъ скоро ересь будетъ побѣждена. Затѣмъ, подошедши къ папѣ, графъ де-Фуа ему говоритъ: „Вамъ подсуденъ весь міръ, вы занимаете престоль св. Петра и управляете за него; у васъ грѣшники должны находить помощь и заступничество; вы должны охранять миръ и справедливость, выслушайте же меня и возвратите мнѣ то, что мнѣ принадлежитъ“. Ораторъ увѣряетъ, что онъ никогда не покровительствовалъ еретикамъ. Онъ клеймитъ Симона Монфортскаго, который держитъ въ цѣпяхъ, вѣшаетъ, истребляетъ жителей Тулузы и Монтобана. Онъ напоминаетъ папѣ, что по его требованію онъ добровольно передалъ кардиналу Петру Беневентскому свой замокъ съ его мощными стѣнами. „Если мнѣ его не возвратятъ такимъ, какимъ я его сдалъ, пропадетъ въ мірѣ всякое довѣріе къ договорамъ“.

Кардиналъ подтверждаетъ, что графъ честно исполнялъ волю Божію и папы. Но Фулько упрекаетъ его во лжи: онъ любилъ, призывалъ и пріютилъ у себя еретиковъ: все его графство полно ими. Замокъ Монсегюръ построенъ лишь для ихъ защиты. Сестра его была еретичка, а самъ онъ убивалъ, истреблялъ и увѣчилъ сколько могъ паломниковъ и служителей Божіихъ, прибывшихъ для борьбы съ ересью. Кто столько совершилъ преступленій, не долженъ владѣть землей.

Графъ де-Фуа приводилъ въ доказательство своего правотѣря то, что онъ, подобно своимъ предкамъ, былъ благодѣтелемъ аббатства Булбонскаго. Монсегюръ никогда ему не принадлежалъ. „Если моя сестра дурная женщина и грѣшница, то я за это не подлежу истребленію“. Онъ никогда не нападалъ на паломниковъ; онъ только сражался съ разбойниками, принявшими крестъ, чтобы лишить его вотчины. „Изъ этихъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ всякій, кто попадался въ руки мнѣ или моимъ, лишался

глазъ, ногъ и рукъ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ, кого я казнили и жалѣю, что мало ихъ захватилъ“.

Это кровавое воспоминаніе объ избіеніи цѣлаго отряда крестоносцевъ изъ Германіи даетъ представленіе о томъ изувѣрствѣ, съ которымъ велась съ обѣихъ сторонъ религіозная война. Но не менѣе свидѣтельствуетъ объ одичаніи людей среди этихъ жестокостей то, что графъ де-Фуа рѣшился похвастаться своей яростью къ крестоносцамъ передъ синклитомъ католическихъ прелатовъ. Страсти [заразительны. На жестокія слова Раймунда-Рожера отозвался рыцарь изъ свиты графа Тулузскаго и, выражая свое сочувствіе графу де-Фуа, воскликнулъ: „Если бы я зналъ, что это дѣло будетъ здѣсь выставлено, какъ преступленіе, и надѣлаеть столько шума, увѣряю васъ, что число этихъ крестоносцевъ, лишенныхъ глазъ и носовъ, было бы гораздо больше“. При этихъ словахъ по всему собору прошелъ ропотъ: „Pardieu—этотъ совѣзмъ обезумѣлъ“. На просьбу, обращенную къ папѣ, Иннокентій отвѣтилъ: „Ты, графъ, хорошо изложилъ свое право, но ты слишкомъ умалилъ мои права. Я узнаю, на что ты имѣешь право и чего ты достоинъ. И если я удостовѣрюсь, что ты правъ, тебѣ возвратятъ твой замокъ въ томъ видѣ, въ какомъ ты его сдалъ“.

Слово потомъ было дано представителю молодого Транкавеля, сына виконта Безье, погибшаго въ плѣну послѣ взятія Каркасона. Рыцарь Раймундъ де-Рокфель утверждалъ, что виконтъ былъ убитъ Симономъ Монфортскимъ и крестоносцами: „Господинъ папа, говорилъ онъ, возвратите ограбленному сыну его владѣніе и спасите свою честь. Если вы не отдадите его скоро и въ опредѣленный срокъ, я потребую съ васъ его наслѣдство въ день страшнаго суда“.— „Другъ мой, отвѣтилъ Иннокентій, справедливость будетъ соблюдена“. Обращаясь же къ другимъ, папа объявилъ имъ свою волю, чтобы, просвѣтившись, всѣ послѣдователи его „съ огнемъ разносили и воду, съ ученіемъ и прощеніе, кроткое покаянiе и доброе смиреніе; чтобы они несли съ мечомъ и крестъ, творя праведный судъ, чтобы соблюдали на землѣ миръ и цѣломудріе, чтобы имѣли въ себѣ правду и истинную любовь и ничего не творили такого, что Богомъ воспрещено“. А кто, заключилъ папа, „станеть исполнять меньше, а требовать больше, тотъ будетъ дѣйствовать не по моему слову и не по моей волѣ“.

На этомъ папа прервалъ засѣданіе и вышелъ въ садъ, чтобы отдохнуть и разсѣять свою скорбь. Но туда за нимъ послѣдовали и прелаты; узнавъ, что онъ хочетъ подѣлить земли между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, Симономъ Монфортскимъ и Раймундомъ Тулузскимъ, они приступили къ нему съ рѣзкими упре-

ками за то, что онъ намѣренъ обездолить вѣрнаго сына церкви, Симона Монфортекаго, и потворствуетъ лже-католикамъ. „Никогда не бывало“, говорили они папѣ, „такого дикаго софизма, такого суроваго приговора, такого нарушенія здраваго смысла“ (*sobre sens*). „Триста кардиналовъ, епископовъ и архіепископовъ“ возопили противъ папы: „Господинъ, ты насъ выдаешь“. Иннокентій долго противился, отрекаясь отъ „жесткихъ намѣреній и сокрушительной проповѣди“ своихъ приверженцевъ; онъ высказалъ имъ въ глаза, „что высокомеріе и злоба водворились среди насъ—мы должны были бы управлять всѣмъ по доброму праву, а мы приемлемъ нечестивыхъ и губимъ добрыхъ“. Однако, онъ былъ принужденъ уступить и оставить за Монфортомъ земли, „которыя онъ былъ не въ состояніи у него отнять“. Но отпуская отъ себя графовъ, папа утѣшалъ ихъ и обнадеживалъ лучшимъ будущимъ. „Графъ, — сказала онъ Раймунду, — не смущайся; я знаю, я хорошо понимаю, какъ мнѣ быть; если ты дашь мнѣ срокъ, чтобы поразмыслить и разсудить, я возстановлю твое право и исправлю свою вину; если я отнял у тебя вотчину, Господь можетъ дать тебѣ другую; если у тебя большое горе, Господь можетъ его облегчить; если ты что утратилъ, Господь можетъ тебѣ возвратить; если ты грядешь во мракъ, Господь можетъ тебя просвѣтить; Господь властенъ и дать, и отнять; ни въ какомъ дѣлѣ не сомнѣвайся въ Немъ, и если мнѣ Богъ дастъ жизнь, чтобы правда могла царить на землѣ, я такъ поддержу и возвышу твое право, что ни въ чемъ тебѣ нельзя будетъ винить ни Господа, ни меня; о тѣхъ же негодняхъ, что меня хотятъ корить, я скажу тебѣ, что не замедлитъ наступить пора, когда ты увидишь, какъ я имъ отомщу. Сына же твоего мнѣ оставь, чтобы мнѣ о немъ poradѣть; не мало у меня способовъ доставить ему вотчину“.

Фулько Тулузскій настаивалъ на томъ, чтобы папа предоставилъ всю землю Симону и его роду. „Если вы этого не сдѣлаете, я потребую, чтобы повсюду прошли мечъ и огонь. Мы проповѣдывали народу, что Раймундъ злодѣй и что поэтому ему нельзя быть правителемъ. Симонъ завоевалъ всю эту землю, поставилъ ее подъ власть св. церкви, принялъ столько ударовъ и пролилъ столько крови — и потому нѣтъ ни смысла, ни права отнимать теперь у него эту землю. И какимъ способомъ отнять ее у него?“ весьма резонно спрашивалъ Фулько. „Мы готовы защищать ее противъ всякаго, кто вздумалъ бы это сдѣлать“.

Папа настаивалъ на своемъ, утверждалъ, что Раймундъ никогда не отпадалъ отъ католицизма. Онъ упрекалъ епископовъ за ихъ непримиримость, ихъ жестокость, за ихъ зажигательную

проповѣдь вопреки его волѣ. Архидіаконъ изъ Ліона, посланецъ Іоанна Безземельнаго и еще кое-кто высказались за снисходительность. Но особенно удивилъ всѣхъ Арнальдъ-Амальрихъ, главный противникъ Раймунда Тулузскаго. Онъ уговаривалъ папу разъяснить вопросъ по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на большинство собора: „Великомощный государь и досточтимый отецъ, вы обладаете высшимъ разумомъ; судите и рѣшайте безъ страха—ни страхъ, ни деньги не должны отдалять васъ отъ Господа!“

Дѣло въ томъ, что Арнальдъ-Амальрихъ, ставъ архіепископомъ Нарбонскимъ, разошелся съ Симономъ Монфортскимъ изъ-за титула и правъ герцога Нарбонскаго, на которые оба они претендовали.

По окончаніи собора, Иннокентій издалъ 14 декабря декретъ, слѣдующимъ образомъ разрѣшившій спорный вопросъ. Раймундъ Тулузскій, признанный виновнымъ, былъ объявленъ лишеннымъ права управлять своимъ владѣніемъ и осужденъ жить изгнанникомъ. Изъ доходовъ его земель ему было положено ежегодно выплачивать 400 марокъ. Приданое его жены, правовѣрной католички, оставлено за нимъ. Симону Монфортскому предоставлялись съ Тулузой и Монтобономъ всѣ земли, завоеванныя у еретиковъ; остальная часть Тулузскаго графства, еще не завоеванная, т. е. Бокеръ, Нимъ и весь Провансъ остаются за сыномъ Раймунда, Раймундомъ VII.

Дѣло графа де-Фуа не было рѣшено на соборѣ, но 21 декабря Иннокентій сдѣлалъ распоряженіе о новомъ пересмотрѣ его дѣла, рѣшительно высказавшись въ его пользу. Хотя слова, вложенныя авторомъ „Поэмы“ въ уста дѣйствующихъ лицъ, нельзя считать подлинными, но они чрезвычайно вѣрно характеризуютъ эти лица и общее настроеніе собора. Особенно ярко изображено положеніе Иннокентія III и его безсиліе бороться противъ господствовавшаго на соборѣ мнѣнія. Это положеніе можетъ служить объясненіемъ и оправданіемъ предшествовавшей политики папы въ альбигойскомъ дѣлѣ, не разъ возбуждающей недоумѣніе своими колебаніями и какъ бы противорѣчіями. Но Иннокентій былъ въ данномъ случаѣ вдвойнѣ стѣсненъ. Онъ былъ безсиленъ противъ фактической власти, захваченной руководившими крестовымъ ополченіемъ лицами—и, онъ, пала, не могъ итти наперекоръ прелатамъ, провозгласившимъ себя блюстителями вѣры противъ ереси. Поэтому, хотя толчокъ движенію, потопившему культуру южной Франціи и данъ самимъ Иннокентіемъ, нужно помнить, что это движеніе разрослось независимо отъ него и часто—въ противность его намѣреніямъ. Такимъ образомъ, „Кансось“ въ сущности представляетъ собою апологію Иннокентія.

Описывая его образъ дѣйствія на Латеранскомъ соборѣ, поэтъ окружилъ Иннокентія такимъ ореоломъ, который дѣлаетъ папѣ болѣе чести, чѣмъ всѣ восхваленія официальной католической историографіи.

ГЛАВА II.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ НА ВИЗАНТІЮ.

Не менѣ заботъ и затрудненій пришлось претерпѣть Иннокентію отъ мірскихъ страстей, вызванныхъ имъ ради торжества другого идеала воинствующей церкви—въ четвертомъ крестовомъ походѣ противъ Ислама. Крестовые походы представляютъ собою одно изъ проявленій вѣкового антагонизма между Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей—попытку средневѣковой Европы, возникшей и окрѣпшей на почвѣ римской имперіи подчинить себѣ древнюю колыбель христіанской цивилизаціи. Въ ихъ основѣ несомнѣнно лежитъ религіозное одушевленіе; главнымъ носителемъ его было монашество, усилившееся подъ вліяніемъ новаго подъема аскетизма въ XI вѣкѣ; главнымъ же исполнителемъ новаго религіознаго завѣта стало воинствующее сословіе—рыцарство, сложившееся на почвѣ феодальнаго міра. Роль этихъ двухъ типовъ—на первый взглядъ противоположныхъ—въ исторіи крестовыхъ походовъ характерно проявляется въ ихъ сліяніи въ своеобразномъ типѣ воинствующихъ рыцарей-монаховъ—въ орденахъ храмовниковъ, іоаннитовъ и пр.

Но какъ бы ни было значительно участіе монашества и рыцарства въ крестовыхъ походахъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида въ этомъ дѣлѣ роль папства. Она ярко обнаружилась въ самомъ началѣ этого движенія въ дѣятельности Урбана II; еще ярче она обнаружилась въ лицѣ Иннокентія III въ эпоху, когда стало ослабѣвать рвеніе къ походамъ на Дальній Востокъ со стороны монаховъ и рыцарей. Что касается до Иннокентія III, то мысль о крестовомъ походѣ не покидаетъ его въ продолженіе всего его царствованія и постоянно проявляется въ его перепискѣ въ самыхъ горячихъ обращеніяхъ къ рвенію христіанскихъ князей и народовъ. Какъ выразился самъ Иннокентій, увѣщанія слѣдовали у него за приказаніями, приказанія за увѣщаніями.

Современные намъ историки относятся къ Иннокентію III съ укоризной за эту *слѣпую* горячность; они ставятъ ему въ вину бесплодность его усилій, упрекая его въ непониманіи духа времени, въ близорукости, неспособной извлечь урокъ изъ фактовъ, наглядно свидѣтельствовавшихъ о томъ, что пора крестовыхъ походовъ миновала вмѣстѣ съ наивною вѣрою первыхъ крестоносцевъ. Но упрекъ въ близорукости слѣдуетъ дѣлать съ осторожностью; онъ легко можетъ быть обращенъ противъ самихъ же историковъ. Иннокентій III выросъ подѣ впечатлѣніемъ факта, что вотчина Христова почти уже цѣлый вѣкъ находится въ рукахъ христіанъ. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и энергіи, когда Европу поразила удручающая вѣсть, что Іерусалимъ взятъ мусульманами. Нѣсколько лѣтъ спустя на глазахъ кардинала Лотаря дружно поднялись три главныхъ народа западной Европы, подѣ личнымъ предводительствомъ своихъ государей; осторожнаго Филиппа-Августа, отважнаго Ричарда Львиное Сердце и покрытаго сѣдиною и славою Фридриха Барбароссы. Не успѣвъ этого третьяго крестоваго похода не могъ разочаровать людей, охваченныхъ идеей крестоносцевъ. Смерть германскаго императора въ волнахъ Кидна подѣ Тарсомъ была роковою случайностью; ссора между Филиппомъ-Августомъ и Ричардомъ, парализовавшая ихъ успѣхи въ Сиріи и побудившая ихъ вернуться безъ результата въ Европу, могла внушить папѣ только желаніе прекратить антагонизмъ Франціи и Англій въ интересахъ общаго дѣла. Съ этою мыслью Иннокентій III взошелъ на папскій престолъ, и она не оставляетъ его ни при какихъ обстоятельствахъ въ продолженіе всего его царствованія. Чѣмъ болѣе исторія обогащается новыми документами этой эпохи, тѣмъ явственнѣе выступаютъ неотступныя заботы Иннокентія III замирить западную Европу, чтобы ея оружіемъ отстоять торжество христіанства въ Палестинѣ. Недавно еще изъ архивнаго матеріала въ Англій извлечено письмо изъ Рима повѣреннаго англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, свидѣтельствующее, какъ болѣзненно отзывались на Иннокентіи дурныя вѣсти съ Востока и какъ каждая подобная вѣсть его снова побуждала всѣми средствами содѣйствовать примиренію враждующихъ европейскихъ государей. Письмо относится къ январю 1216 года, когда сынъ Филиппа-Августа, Людовикъ, подстрекаемый недовольными баронами Англій, дѣлалъ приготовленія къ высадкѣ въ Англій. „Въ тотъ же день, — пишетъ повѣренный своему королю, — господинъ папа получилъ вѣсти и слухи изъ заморской страны о томъ, что городъ Акконъ осажденъ сарацинами. Вслѣдствіе этого, удрученный горечью и большою трево-

гою, онъ чрезвычайно озабоченно помышляетъ объ упроченіи мира между Вами и королею Франціи, а также и между прочими враждующими князьями. Съ этою цѣлью онъ снаряжаетъ легатовъ и отправляетъ ихъ въ Англію и Галлію для оказанія помощи св. Землѣ“. Эта настойчивость Иннокентія обуславливалась столько же его личностью и положеніемъ во главѣ тогдашней церкви, сколько и состояніемъ дальневосточныхъ дѣлъ.

Завоеванное „франками“ въ Палестинѣ „Іерусалимское королевство“ не продержалось и ста лѣтъ, и въ 1188 году египетскому султану Саладину удалось снова водрузить полумѣсяцъ надъ башнями святого для христіанъ города; и если бы не смерть Саладина, владычеству христіанъ въ Палестинѣ могъ бы наступить полный конецъ. Христіанскія владѣнія представляли лишь разрозненные острова: въ южной Сиріи, по морскому берегу между Яфой и Тиромъ, простиралась владѣнія графа Шампаньи, Генриха, съ титуломъ короля Іерусалимскаго; въ сѣверной Сиріи сохранились княжества Антиохія и Триполисъ, гдѣ еще правили потомки героевъ перваго крестоваго похода, Боемунда Тарентскаго и Раймунда Тулузскаго. Безъ помощи съ Запада эти христіане были не въ состояніи удержаться.

Крестовый походъ, подготовлявшійся сыномъ Барбароссы, императоромъ Генрихомъ VI, не состоялся вслѣдствіе его внезапной смерти. При такихъ условіяхъ даже престарѣлый папа Целестинъ III разсылалъ своихъ кардиналовъ для проповѣди крестоваго похода—а его молодой, предприимчивый преемникъ сдѣлался тотчасъ по своемъ избраніи самымъ энергическимъ поборникомъ крестоваго похода.

Уже въ первый годъ своего понтификата Иннокентій обращался къ епископамъ Сициліи, Апуліи, Тусціи и др. съ весьма патетическимъ посланіемъ, взывая къ нимъ за содѣйствіемъ крестовому походу: „Плачемъ плачеть церковь, жалобный голосъ ея разносится по всей землѣ до ея предѣловъ; ибо по грѣхамъ христіанскихъ народовъ язычники ворвались въ вотчину Господню, затопили кровью нивы Іерусалима и не осталось тамъ никого, чтобы похоронить трупы убитыхъ. Апостольскій престоль, скорбя о гибели дѣтей своихъ, еще при нашихъ предшественникахъ разсылалъ жалобныя письма свои во все области, гдѣ читается имя Христа, чтобы вооружались и шли на помощь братьямъ своимъ. И хотя разные государи и князья христіанскіе подняли оружіе противъ язычниковъ, но они, какъ видно по исходу дѣла, слѣдовали не по путямъ Господа и возвращались изъ пустыни къ роскошнымъ пиршествамъ Египта“.

Обращаясь къ вѣрующимъ, Иннокентій вопрошаетъ: „Кто же откажется потрудиться лично и даже претерпѣть смерть ради Того, Кто пожелалъ подвергнуться казни на крестѣ, чтобы сломить власть врага надъ нами?“ А такъ какъ большинство можетъ личнымъ подвигомъ участвовать въ освобожденіи Иерусалима, а нѣкоторые—лишь своими лептами, то Иннокентій всѣхъ призываетъ—графовъ, бароновъ и весь народъ для участія въ общемъ дѣлѣ, обѣщая подвижникамъ полное отпущеніе грѣховъ, жертвователямъ же частичное отпущеніе, „сообразно съ количествомъ приношеній и въ особенности съ искренностью чувства (*juxta devotionis affectum*). И такъ какъ, по свѣдѣніямъ папы, нѣмецкія рати, находящіяся въ Палестинѣ (это тѣ крестоносцы, которые составляли авангардъ войска Генриха VI), собираются вернуться на родину, то слѣдуетъ слѣшить, чтобы поддержать ихъ тамъ, иначе придется не только отказаться отъ освобожденія Иерусалима, но утратить послѣднее изъ того, что уже завоевано (I, 302).

Нѣсколько недѣль спустя, Иннокентій обращается къ архіепископу Нарбонскому и его суфраганамъ и прелатамъ, а также къ графамъ и баронамъ южной Франціи въ посланіи отъ 21 авг. съ рѣзкимъ обличеніемъ государей Европы: „Нынѣ наши государи предаются прелюбодѣйнымъ объятіямъ, злоупотребляя роскошью и богатствомъ; и пока они взаимно другъ друга преслѣдуютъ непогасимой ненавистью, пока одинъ пытается отомстить другому за обиду, нѣтъ никого между ними, кто принялъ бы къ сердцу обиду Христа, не обращая вниманія на то, какъ оскорбляютъ насъ наши враги“. Ни для кого не могло быть тайною, что Иннокентій этими словами съ высоты папскаго престола обличалъ на весь мѣръ семейную жизнь короля Филиппа-Августа и непримиримую вражду между нимъ и королемъ Ричардомъ. А вслѣдъ за этимъ Иннокентій влгаетъ въ уста торжествующимъ мусульманамъ беспощадное и мѣтко мотивированное глумленіе надъ религиознымъ чувствомъ христіанъ: „Гдѣ же вашъ Господь, что онъ не въ состояніи ни себя, ни васъ избавить отъ нашихъ рукъ. Мы осквернили вашу святыню. Мы протянули наши руки на завѣтныя для васъ мѣста и противъ вашей воли удерживаемъ въ нашей власти колыбель, гдѣ возникло по вашему вымыслу ваше суевѣріе. Мы изломали копьа французовъ, отвратили козни англичанъ, сокрушили силу нѣмцевъ, побѣдили высокомерныхъ испанцевъ! Гдѣ же вашъ Господь? Пусть онъ воскреснетъ и поможетъ вамъ. Нѣмцы, льстившіе себя надеждой одержать надъ нами неслыханную побѣду, переплыли море въ яростномъ настроеніи, но

захватили одну лишь крѣпость Бейрута¹⁾, никѣмъ не защищенную, и если бы они не спаслись отъ насъ бѣгствомъ, они испытали бы на себѣ нашу мощь въ такой мѣрѣ, что ихъ потомки вѣчно бы помнили это пораженіе. Теперь намъ остается, перебивъ мечомъ тѣхъ, кого вы оставили здѣсь, чтобы сторожить ваши города, совершить натискъ на ваши земли и истребить васъ такъ, чтобы объ васъ впредь и помину не было“ (*nomen vestrum et memoriam perdituri!*)

Эти хвастливыя угрозы сарацинъ Иннокентій дополняетъ для вящаго эффекта извѣстіемъ, что, узнавъ о смерти императора, нѣмецкіе отряды такъ стремительно покинули Палестину, что даже не дождались наступленія удобной для морского переѣзда погоды; сарацины же захватили Яфу, главный портъ для прибытія и отбытія паломниковъ и въ такой мѣрѣ наводнили всю страну, что христіанамъ нельзя безъ крайней опасности выходить за стѣны своихъ городовъ, а внутри ихъ стѣнъ не дрожать отъ страха.

„Кто же при такихъ условіяхъ откажется служить Христу, и если откажется, то что скажетъ въ свое оправданіе, представъ предъ Нимъ на Страшномъ Судѣ“. На этомъ основаніи Иннокентій взываетъ, чтобы „всѣ и каждый“ опоясались мечомъ на защиту святой земли къ началу марта слѣдующаго года, чтобы города, графы и бароны выставили къ тому сроку сообразно съ своими средствами извѣстное число воиновъ, снарядивъ ихъ на двухлѣтній походъ. Иннокентій заявляетъ, что хотя его ежедневную заботу составляетъ благополучіе всѣхъ церквей, однако преимущественною своею заботою онъ считаетъ помощь святой землѣ. Но, чтобы не говорили, что онъ на другихъ возлагаетъ непосильное бремя, самъ же не хочетъ пошевелить пальцемъ, то, не имѣя возможности покинуть Римъ, онъ осѣнилъ крестомъ двухъ ближайшихъ къ нему и способнѣйшихъ кардиналовъ, Софреда и Петра отъ св. Маріи (*in via lata*), руководителями предстоящаго крестоваго похода; одного изъ нихъ онъ отправляетъ къ королю Филиппу-Августу, чтобы установить между нимъ и королемъ Англіи пятилѣтній миръ, а другого въ Венецію, чтобы все подготовить къ перевозу крестоносцевъ.

---

¹⁾ Бейрутъ врѣзывался въ христіанскія владѣнія, отдѣляя южныя отъ сѣверныхъ. Султанъ Аладиль, опасаясь, что христіане овладѣютъ этимъ крѣпкимъ оплотомъ, самъ разрушилъ его стѣны, сохранивъ лишь верхнее укрѣпленіе. Нѣмецкій отрядъ занялъ городъ и взялъ самую крѣпость съ помощью возмущившихся франковъ, содержавшихся тамъ въ плѣну. Но извѣстіе о смерти Генриха VI побудило ихъ покинуть Палестину. См. Kugler. *Gesch. d. Kreuzzüge*, p. 261.

Все это бывало и прежде. Но Иннокентій этимъ не довольствуется. Онъ заявляетъ, что онъ и коллегія кардиналовъ постановили, чтобы всѣ архіепископы, епископы, аббаты и пріоры выставили къ началу марта, взвѣсивъ свои средства, опредѣленное число воиновъ для борьбы съ невѣрными и защиты вотчины Господней, искупленной Его кровью. Если же кто, чего онъ не думаетъ, не подчинится этому постановленію, то онъ будетъ считаться нарушителемъ св. канонѣвъ и подлежать устраненію отъ должности. Этимъ приказаніемъ папа превращаетъ добровольное участіе въ крестовомъ походѣ въ обязательную повинность всѣхъ церковныхъ людей.

За угрозой слѣдуетъ и поощреніе. Всѣмъ, кто на своемъ иждивеніи будетъ лично участвовать въ крестовомъ походѣ, предоставляется полная индульгенція всѣхъ грѣховъ, въ которыхъ онъ устно и въ сердцѣ покаяется, и увѣренность въ вѣчномъ спасеніи. Также и тѣмъ, кто не лично будетъ участвовать въ походѣ, а посредствомъ содержанія другого воина, сообразно со своими средствами, а также и тѣмъ, кто лично, хотя бы на чужой счетъ, понесетъ трудъ двухлѣтняго участія въ походѣ, обѣщается полное прощеніе грѣховъ (*plena venia peccatorum*).

Къ этимъ обѣщаніямъ духовныхъ благъ присоединяется и помощь матеріальная. Имущество всѣхъ, кто осѣнитъ себя крестомъ, поступаетъ подъ защиту церкви съ устраненіемъ всякой апелляціи и должна находиться подъ этой защитой, пока не будутъ получены вѣрныя свѣдѣнія о смерти или возвращеніи владѣльцевъ. На случай, если помѣхой къ отправленію въ походъ послужитъ клятва, данная кредитору, архіепископы и епископы уполномочиваются понуждать кредиторовъ церковными средствами не настаивать на соблюденіи клятвы и уплатѣ роста (*usura*).

Но такъ какъ большинство кредиторовъ были евреи, не подлежавшіе церковной юрисдикціи, то Иннокентій предоставляетъ „дорогимъ сынамъ своимъ“, свѣтскимъ князьямъ побуждать такихъ евреевъ свѣтскими средствами къ отпущенію процентовъ (*ad remittendas ipsius usuras*), а до этого повелѣваетъ всѣмъ вѣрующимъ избѣгать всякаго общенія и вступленія въ торговыя сношенія съ таковыми евреями подъ угрозой отлученія. Иннокентій заключаетъ свое посланіе заявленіемъ, что никто не долженъ уклоняться отъ сбора въ пользу крестоваго похода, такъ какъ онъ истекаетъ не изъ его личной воли, а установленъ апостолами, которые собирали пожертвованія среди языковъ (*gentes*), чтобы придти на помощь братьямъ, нуждавшимся въ Иерусалимѣ.

Подобныя же посланія были разосланы не только архіеписко-

памъ Ліонскому и Віенскому, и другимъ во Франціи, но и въ Англіи и Венгріи.

Изъ сличенія этого посланія съ тѣмъ, которое ранѣе того было отправлено архіепископу Сиракузы, можно заключить, что вопросъ о крестовомъ походѣ подвергся за послѣднее время въ куріи серьезному разсмотрѣнію. Въмѣсто обычнаго воззванія къ христіанамъ, курія выступаетъ на этотъ разъ съ подробно разработаннымъ планомъ организаціи похода. Въ этомъ случаѣ папа Иннокентій рѣшительно становится общимъ руководителемъ предприятия, главою въ борьбѣ западнаго христіанства съ исламомъ. Но изъ этого посланія также видно, насколько это религіозное руководство содѣйствуетъ расширенію папской власти не только надъ самой церковью, но и надъ свѣтскими властями и надъ гражданскимъ бытомъ. Благодаря защитѣ, которую церковь намѣрена оказывать имуществу крестоносцевъ, она считаетъ себя въ правѣ отсрочивать имъ уплату долговъ и избавлять ихъ временно отъ уплаты процентовъ. Она подчиняетъ возникающія на такой почвѣ дѣла *своей* юрисдикціи, а тамъ, гдѣ она этого не можетъ—по отношенію къ евреямъ,—она уполномочиваетъ свѣтскія власти побуждать или понуждать ихъ оказывать христіанамъ соотвѣтствующія отсрочки и уступки.

Принимая подъ свое покровительство крестоносцевъ всякаго состоянія противъ стѣсненій со стороны ихъ сеньюровъ, или кредиторовъ, папа утверждалъ и расширялъ въ разныхъ областяхъ Европы свой авторитетъ. Съ другой стороны, онъ смотрѣлъ и на самихъ крестоносцевъ, какъ на подчиненную ему рать, которую онъ старался держать въ строгой дисциплинѣ, наподобіе рыцарскаго ордена. Онъ издалъ для нихъ правила, ограничившія количество дозволенныхъ имъ за трапезой блюдъ; только титулованнымъ особамъ разрѣшалось, кромѣ дозволенныхъ двухъ блюдъ, позволять себѣ третье *между ними* (*entremets*). Ограничена была роскошь въ одеждѣ—исключены были, напримѣръ, мѣха, а *валетамъ*, т. е. оруженосцамъ и служителямъ рыцарей, были запрещены одежды съ яркими красками.

Иннокентій зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы взятое на себя крестоносцемъ обязательство было свято исполнено и строго каралъ тѣхъ, кто уклонялся отъ этого. Такъ онъ предписалъ въ 1200 г. мѣстнымъ епископамъ принудить важныхъ сеньюровъ, графовъ Булони и Бомона, отправиться на востокъ, не отступая въ случаѣ нужды отъ наложенія на нихъ отлученія и интердикта на ихъ владѣнія и невзирая на предъявленія съ ихъ стороны подложныхъ папскихъ грамотъ, слагавшихъ съ нихъ обязательство. Самъ

Иннокентій при снятіи креста съ крестоносца, какъ и въ другихъ случаяхъ, позволялъ себѣ прибѣгать къ разрѣшительной власти папѣ (диспенсу). Такъ онъ запретилъ примасу Венгрии оставить эту страну, такъ какъ король ему заявилъ, что присутствіе его необходимо для сохраненія мира въ странѣ. А въ другой разъ онъ по просьбѣ короля Англіи Іоанна снялъ крестное обязательство съ необходимыхъ ему совѣтниковъ. Но при этомъ Иннокентій ревностно оберегалъ въ этомъ дѣлѣ папскую монополію и протестовалъ противъ ея нарушенія со стороны архіепископа Кантерберійскаго ¹⁾.

* * *

Между тѣмъ, наступилъ и прошелъ мартъ мѣсяць 1199 года, срокъ, назначенный Иннокентіемъ для сбора крестоносцевъ, и никто не явился на зовъ папы. Тогда Иннокентій принялъ рѣшительную мѣру, которая является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи папской политики. Онъ обложилъ всѣ церковныя учрежденія католической Европы подоходнымъ сборомъ въ пользу крестоваго похода—сороковою частью годового дохода, т.-е. двумя съ половиной процентами, обязавшись уплатить съ своей стороны десятую часть, или десятину, съ доходовъ куріи и подчинивъ такому же сбору и доходы кардиналовъ. Эта мѣра истекала изъ личной инициативы Иннокентія ²⁾.

Среднимъ вѣкамъ, вслѣдствіе отсутствія государственныхъ учреждений, было совершенно чуждо представленіе объ общей подати на нужды государства. Господствовавшее феодальное право знало только личныя повинности, вытекавшія изъ частной собственности, или изъ понятія о ленѣ. Крестовые походы повидимому зародили въ европейскомъ обществѣ понятіе о сборѣ на общія нужды. По крайней мѣрѣ, по поводу крестоваго похода Людовика VII въ 1147 г. впервые упоминается о сборѣ, которому подлежали всѣ безъ различія сословія и пола. Еще явственнѣе обнаружилось въ этомъ отношеніи вліяніе третьяго крестоваго похода, вызваннаго завоеваніемъ Іерусалима Саладиномъ. Какъ

---

¹⁾ Luchaire. *Inn. III et la Question d'Orient*, p. 12 sq.

²⁾ Появившееся у польскаго историка XV в., Длугоша, извѣстіе, что посланный Климентомъ III въ Польшу кардиналъ Малабранка—*tam episcopis quam universo clero pro recuperatione terrae sanctae decimam imposuit*, — не заслуживаетъ довѣрія, какъ это доказалъ въ своемъ критическомъ разборѣ источниковъ Длугоша Семковичъ (1887). См. Gotlob. *Die Päpstlichen Kreuzzugssteuern*. 1892, p. 20.

выше было упомянуто, подъ впечатлѣніемъ этого событія поднялись на защиту св. гроба всѣ государи центральной Европы. Это общее настроеніе вызвало и общую мѣру—такъ названную Саладинову десятину, взимающуюся во Франціи и въ Англіи со всѣхъ доходовъ и съ недвижимаго имущества лицъ, не участвовавшихъ въ крестовомъ походѣ. Во Франціи эта подать взималась королевскими комиссарами, въ Англіи — по приходамъ—духовными лицами. Неудовольствіе, вызванное этой мѣрой во Франціи, было такъ сильно, что король Филиппъ-Августъ заявилъ въ особомъ манифестѣ на имя епископовъ, что такой поборъ не долженъ повториться ни подъ какимъ предлогомъ, и если бы кто-нибудь изъ королей, несмотря на это, отважился на подобное дѣло, то его указы должны считаться незаконными.

Непопулярность Саладиновой десятины обуславливалась во Франціи, помимо тяжести самаго налога и неизбежныхъ при этомъ злоупотребленій со стороны сборщиковъ, въ особенности протестомъ духовенства, которое не признавало за свѣтской властью права облагать налогомъ церковь. При такихъ условіяхъ молодому папѣ, на памяти у котораго собиралась „Саладинова десятинна“, естественно выяснилась необходимость пойти другимъ путемъ. Лишь онъ одинъ могъ считать себя хозяиномъ церкви и требовать отъ духовенства пожертвованій съ церковныхъ доходовъ на нужды церкви. Лишь онъ одинъ былъ въ состояніи провести одновременно одну и ту же общую мѣру по всѣмъ областямъ католическаго міра. Практическій опытъ ему показалъ, что успѣхъ крестноносцевъ на Востокъ могъ быть достигнутъ не многочисленностью плохо вооруженныхъ и недостаточно снабженныхъ добровольцевъ, а только хорошо вооруженными, искусными и дисциплинированными военными людьми. А для этого необходимы были деньги. „Нелѣпо, говорилъ онъ, думать, чтобы тѣ, которые ратуютъ на общую пользу, должны непременно воевать на собственномъ иждивеніи“. А въ другой разъ онъ воскликнулъ: „Въ людяхъ не будетъ недостатка, лишь бы были деньги“. И вотъ, чтобы добыть деньги, онъ въ первомъ порывѣ рассчитывалъ на добровольныя пожертвованія со стороны богатыхъ церковныхъ людей. Разочаровавшись въ успѣхѣ этой мѣры, онъ вспомнилъ, что онъ не даромъ опоясанъ мечомъ Петра. 6 декабря 1199 г. въ городѣ Дижонѣ происходилъ соборъ французскаго духовенства, созданный папскимъ легатомъ по дѣлу примиренія Филиппа-Августа съ отверженной имъ супругой Ингебургой. На этомъ соборѣ обсуждался и вопросъ о предстоящемъ крестовомъ походѣ и о средствахъ для него. Нѣкоторые изъ присутствующихъ прелатовъ

изъявили готовность пожертвовать на это одной тридцатой съ годового дохода своихъ земель и бенефицій. Другіе молчали. А три недѣли спустя, 30 декабря, Иннокентій издалъ папскій манифестъ, обложившій всѣ церковныя бенефиціи и доходы сборомъ одной сороковой части въ пользу крестоваго похода. Лишь тѣ прелаты, которые въ Дижонѣ добровольно обѣщали дать одну тридцатую долю съ дохода, подлежали повышенному сбору. Чтобы служить для всѣхъ хорошимъ примѣромъ, Иннокентій самъ жертвовалъ десятую часть доходовъ куріи, не забывъ упомянуть, что при повышенныхъ требованіяхъ отъ куріи это поставить его въ затруднительное положеніе. А чтобы смягчить впечатлѣніе, которое это новшество должно было произвести на большинство прелатовъ, Иннокентій постѣпшилъ ихъ успокоить: „Не думайте, чтобы мы имѣли намѣреніе возложить на васъ къ вашему ущербу повинность, въ силу которой вы и впредь будете обязаны уплачивать сороковую подать, какъ обязательную и обычную. Наоборотъ, наша воля такова, чтобы эта мѣра не служила для васъ прецедентомъ, и намъ очень жаль, что съ нами и вами случилась такая необходимость и мы желаемъ, чтобы она не повторилась“.

Несмотря на эту предусмотрительную оговорку, энциклика Иннокентія встрѣтила протесты съ разныхъ сторонъ. Прелаты, расщедрившіеся на Дижонскомъ соборѣ, не захотѣли платить больше другихъ, и Иннокентій былъ принужденъ сбавить для нихъ сборъ на одну сороковую вмѣсто обѣщанной тридцатой части дохода. Особенно же волновались монашескіе ордена Цистерціановъ и Премонстратовъ. Эти возникшіе въ XII вѣкѣ новые ордена отличались отъ бенедиктинцевъ бѣльшею суровостью устава и тѣмъ, что привлекали монаховъ къ сельскимъ работамъ, въ виду чего ради поощренія были снабжены разными привилегіями со стороны папъ XII вѣка. Ссылаясь на свои привилегіи, ордена эти отказывались отъ всякаго сбора съ нихъ. Иннокентій, не уступая имъ въ принципѣ, нашелъ справедливымъ уменьшить для нихъ общій сборъ съ одной сороковой на одну пятидесятую (2 процента съ дохода). Особенно обиднымъ должно было показаться Иннокентію подозрѣніе, которому онъ подвергался по поводу назначеннаго имъ сбора. Хотя онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы собранныя по разнымъ епархіямъ суммы передавались епископами нуждавшимся крестоносцамъ черезъ посредство двухъ рыцарей (одного храмовника и одного Іоаннита), ему пришлось публично возражать противъ вводимыхъ на него обвиненій. „Намъ не вѣрится, писалъ Иннокентій по этому поводу, что насъ

обвиняютъ въ присвоеніи и обращеніи на наши нужды церковныхъ денегъ и лепты мірянъ ¹⁾, пожертвованныхъ на святую землю. Мы помышляемъ не о нашей выгодѣ, а о дѣлѣ Христа. Развѣ мы вамъ писали, чтобы вы присылали въ Римъ суммы, собранныя вашими стараніями, мы этого не помнимъ. Во всякомъ случаѣ, если и такъ, то насъ не поняли. Мы требовали отъ васъ лишь извѣщенія объ общемъ итогѣ собранныхъ вами суммъ“.

Протестъ противъ необычнаго сбора главнымъ образомъ выражался въ медленности его и проволочкѣ дѣла. Иннокентію приходилось не разъ торопить уклонившихся отъ него, стыдить ихъ и грозить имъ: „Вы нехотите расжать вашей руки, чтобы прійти на помощь бѣдности Христа и отомстить за обиды, которымъ онъ ежедневно подвергается со стороны враговъ нашей вѣры! Вы снова его предоставляете на жертву оскорбленій, истязаній и распятія. И, не смотря на его повторныя моленія, вы отказываете ему даже въ стаканѣ свѣжей воды! Вы, проповѣдующіе мірянамъ о необходимости принести себя въ жертву ради св. гроба, что же вы сами жертвуете на это святое дѣло? одни лишь слова! Гдѣ же ваши дѣла? Міряне и безъ того упрекаютъ васъ въ томъ, что вы растрачиваете достояніе Христа въ обществѣ скомороховъ и тратите больше денегъ на содержаніе охотничьихъ собакъ и соколовъ. Мы приказываемъ вамъ именемъ всемогущаго Бога, въ силу св. Духа и подъ угрозой строгаго приговора на страшномъ судѣ уплатить вмѣстѣ со всѣми вашими клериками назначенный съ васъ сборъ“²⁾.

Не поцеремонился Иннокентій и со строптивыми монахами: „Самъ Христосъ, изгнанный изъ своей родины, стучится въ вашу дверь; отворите же ее и дайте ему бездѣлицу, Ему, всеобщему вашему благодѣтелю. Берегитесь соблазна, вызываемаго вашимъ упорствомъ, и нареканій, которыя оно возбуждаетъ со всѣхъ сторонъ противъ вашего ордена. Сами опредѣлите размѣръ вашего пособія и, если мы его утвердимъ, помѣстите его въ вѣрномъ хранилищѣ подъ печатью нѣсколькихъ епископовъ—во всякомъ же случаѣ назначьте одну пятидесятую вашихъ доходовъ“. Напомнивъ, что другимъ приходится платить больше, Иннокентій заключаетъ:

---

1) Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть деньги, собранныя въ выставленныхъ по приказанію папы „кружкахъ“ по всѣмъ церквамъ. Обязательному сбору Иннокентій мірянъ не подвергалъ. Въ этомъ отношеніи соблюдалось различіе между свѣтской и церковной областью.

2) См. II 268, 270, 272, 305.

„Если же вы откажетесь, вы навлечете на себя Божій гнѣвъ, а по отношенію къ намъ, это будетъ явное неповиновеніе. Ваши привилегіи будутъ отмѣнены и епископы будутъ обязаны не считаться съ ними. Тогда видно будетъ, подлежить ли вашъ орденъ нашей юрисдикціи въ такой же мѣрѣ, какъ и прочее духовенство!“ (III—47).

* * *

Такимъ образомъ Иннокентій положилъ начало учрежденію, которое, постоянно развиваясь, пережило крестовые походы и въ теченіе вѣковъ сдѣлалось могущественнымъ средствомъ для борьбы западнаго христіанства съ надвигавшеюся на него турецкой опасностью. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ данными, чтобы опредѣлить практическіе результаты введенной Иннокентіемъ мѣры, количество собранныхъ указаннымъ путемъ денегъ и непосредственное вліяніе этого сбора на ходъ крестоваго похода.

Но Иннокентій содѣйствовалъ успѣху задуманнаго имъ дѣла не одними матеріальными средствами. Его пламенные воззванія зажгли пламя во многихъ душахъ и снова, какъ передъ первымъ крестовымъ походомъ, возстали народные проповѣдники, одушевленные въ пользу похода и толпы и рыцарей. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ Фулконъ изъ Нельи близъ Парижа. Народъ почиталъ его при жизни святымъ и однажды въ толпѣ кто-то началъ срывать съ него кафтанъ, чтобы завладѣть кусочкомъ его священной одежды. Но Фулконъ воскликнулъ: „Не тащите съ меня одежды, которая ничего не стоитъ, а возьмите одежду этого человѣка, которую я крестомъ благословляю“. И въ одинъ мигъ толпа сорвала кафтанъ, освященный Фулкономъ, и, порвавъ его на кусочки, унесла съ собой. Съ другой стороны, Иннокентію удалось черезъ своего легата установить миръ между Франціей и Англіей, что доставило досугъ множеству французскихъ бароновъ и рыцарей, жаждавшихъ воинскихъ приключеній. Осенью 1199 г. во Франціи происходилъ блестящій турниръ, на который собралось въ большомъ числѣ мѣстное рыцарство. Туда неожиданно явился Фулконъ и воспламенилъ присутствовавшихъ своимъ призывомъ на освобожденіе св. земли. Графы Шампаньи и Блуа—Тибо и Людовикъ, осѣнили себя крестомъ и ихъ примѣру послѣдовали сотни изъ прибывшихъ на турниръ рыцарей—въ ихъ числѣ и графъ Симонъ Монфортьскій. Въ февралѣ слѣдующаго года къ нимъ присоединился зять Тибо, могущественный и богатый графъ Фландріи Балдуинъ, со своими братьями, Евстахіемъ

и Генрихомъ. Они избрали своимъ предводителемъ графа Шампаньи и отправили пословъ къ венеціанцамъ, чтобы договориться съ ними о перевозѣ весною 1202 года ихъ войска, состоявшаго изъ 4000 рыцарей, 9000 валетовъ и 20000 воиновъ.

Не безъ труда удалось этимъ посламъ исполнить данное имъ порученіе. Глава посольства, французскій рыцарь Вильярдунъ, онъ же и лѣтописецъ похода, драматически изобразилъ, какъ въ февралѣ 1201 года послы торговались съ дожей Дандоло о цѣнѣ перевозки, а затѣмъ въ церкви св. Марка на колѣняхъ и слезно умоляли *народъ* венеціанскій исполнить просьбу всего христіанскаго міра, ихъ пославшаго, потому что ни одна изъ морскихъ державъ не имѣетъ на морѣ такой силы—, и какъ толпа, тронутая этимъ зрѣлищемъ, отозвалась на обращенную къ ней просьбу съ такимъ энтузіазмомъ, что, казалось, вся земля заколыхалась“.

Такъ составилось ядро новаго, четвертаго крестоваго похода и началось осуществленіе завѣтной мысли Иннокентія III. Но, къ великому огорченію папы, дѣлу было дано направленіе, совершенно не соотвѣтствовавшее его желаніямъ и планамъ, и, сочувствуя съ одной стороны крестоносцамъ, Иннокентій долженъ былъ постоянно бороться съ ними. Виновниками этого были прежде всего венеціанцы и ихъ старейшій дожъ—девяностолѣтній Дандоло. Венеціанцы нисколько не руководились въ этомъ случаѣ религіознымъ чувствомъ, а исключительно своими торговыми интересами. И хотя они выговорили себѣ за перевозку крестоносцевъ громадную сумму (почти два милліона рублей), они задались мыслями использовать вооруженную силу крестоносцевъ. Между тѣмъ скончался молодой графъ Тибо и вожди крестоносцевъ избрали на его мѣсто маркиза Монфератскаго Бонифація, братъ котораго Конрадъ приобрѣлъ громкую извѣстность своими подвигами на востокѣ и едва не сдѣлался королемъ Іерусалима. Весною 1202 г. стали постепенно прибывать въ Венецію крестоносцы, съ такимъ опозданіемъ, что вмѣсто того, чтобы сѣсть на корабли въ апрѣлѣ, они стали подходить въ Венецію лишь съ іюня мѣсяца. Въ концѣ іюля туда прибылъ и папскій легатъ, Петръ Капуанскій, который долженъ былъ сопровождать армію, какъ представитель папы. Ему было поручено своею проповѣдью вселить въ армію крестоносцевъ благочестивое рвеніе; но ему пришлось прежде всего привести ее въ порядокъ; онъ нашелъ среди нея множество лицъ, неспособныхъ къ походу, женщинъ и людей слабыхъ и бѣдныхъ, которыхъ пришлось отправить назадъ на родину. Но и помимо этого положеніе арміи было плачевно. Прибывшихъ отдѣльными кучками крестоносцевъ венеціанцы, опа-

саясь ихъ, держали на безводномъ островѣ Лидо среди лагунъ, гдѣ они сильно страдали отъ голода и жары. Изъ-за этого опозданія, кромѣ того, венеціанскій флотъ простоялъ напрасно все лѣто и венеціанцы потергѣли большіе убытки, а тутъ еще оказалось, что крестоносцы, прибывшіе въ недостаточномъ числѣ, не въ состояніи были уплатить послѣдняго, главнаго взноса за перевозку. Венеціанскій дожъ, старикъ Дандоло, былъ внѣ себя отъ гнѣва: онъ грозилъ крестоносцамъ, что оставитъ ихъ безъ пищи и воды на островѣ, если они не уплатятъ своихъ обязательствъ. Кончилось тѣмъ, что венеціанское купечество предложило крестоносцамъ отсрочить имъ уплату долга, если они помогутъ республикѣ св. Марка покорить городъ Зару (Ядру) на далматійскомъ берегу, съ которой Венеція имѣла старые счеты. Крестоносцы были принуждены на это согласиться и наконецъ въ октябрѣ 1202 г. отплыли изъ Венеціи на 72 галерахъ и 140 транспортныхъ корабляхъ по направленію къ Зарѣ.

Иннокентій былъ всѣмъ этимъ очень недоволенъ. Онъ обусловилъ одобреніе договора, заключеннаго между французскими рыцарями и венеціанцами, обязательствомъ со стороны тѣхъ и другихъ не воевать съ христіанами; но венеціанцы обошлись безъ этого одобренія, а кардиналу Петру Капуанскому, присланному Иннокентіемъ, чтобы стать во главѣ экспедиціи, Дандоло разрѣшилъ сопровождать крестоносцевъ лишь въ качествѣ простого клерика, что заставило кардинала отказаться отъ дальнѣйшаго пути.

Часть крестоносцевъ, и во главѣ ихъ Симонъ Монфортскій, стояла на сторонѣ папы, но они были безсильны, такъ какъ Дандоло призвалъ къ оружію своихъ земляковъ, и флотъ, направлявшійся противъ Зары, состоялъ наполовину изъ венеціанцевъ. Ноября 16 союзники овладѣли входомъ въ гавань Зары и осадили городъ.

Напрасно въ эту послѣднюю минуту крестоносцевъ настигло предостереженіе папы. Одинъ изъ 4-хъ аббатовъ, которымъ Иннокентій поручилъ въ отсутствіи легата сопровождать крестоносцевъ—Ги де Во де Серне (пріобрѣтшій потомъ печальную извѣстность въ походѣ противъ альбигойцевъ)—предъявилъ имъ папское заявленіе, грозившее имъ отлученіемъ, если они возьмутъ Зару, такъ какъ это христіанскій городъ, а они—крестоносцы. Но Дандоло, съ своей стороны, заявилъ имъ, что они обѣщали ему покорить городъ и требовалъ исполненія обѣщанія: „Я не откажусь, — объявилъ онъ, — изъ-за папы отъ намѣренія отомстить жителямъ Зары“. Угроза папы вызвала расколъ среди крестоносцевъ. Наиболѣе

благочестивые, какъ Симонъ Монфортекій, отдѣлились отъ нихъ; но большинство не сочло возможнымъ отказаться отъ своихъ обязательствъ, и на самомъ дѣлѣ ихъ положеніе было затруднительно. Они еще были должниками венеціанцевъ, а съ другой стороны—уже уплатили имъ громадныя суммы, которыя могли пропасть, если бы они отказались отъ договора. Они остались и, какъ упрекнулъ ихъ потомъ Иннокентій,—„развернули свои знамена противъ города, обставили его своими палатками, обнесли его со всѣхъ сторонъ валомъ и стали подкапывать его стѣны. А когда жители Зары пожелали перенести свою распрю съ венеціанцами на судъ папы, они и тутъ не хотѣли умиловиться. И хотя Заряне вывѣсили на стѣнахъ своихъ Распятіе, они, оскорбляя распятаго на крестѣ Христа, насиліемъ принудили городъ къ сдачѣ“ (V, 161). Еще хуже было то, что за этимъ послѣдовало. Осаждающіе сговорились между собою подѣлить добычу по разграбленіи города. Но тутъ и проявились среди нихъ самыя дикія страсти. Присутствовавшій при этомъ Вильбардуенъ говорить, что „почти не было улицы, гдѣ бы не происходило большой сѣчи; мечами, луками и копьями. И было много людей ранено и убито. Посредники (*les prudhommes*) также явились съ оружіемъ и стали разнимать сражающихся, и, когда имъ удавалось разнять ихъ въ одномъ мѣстѣ, сѣча начиналась въ другомъ. Это было самое великое бѣдствіе, когда-либо постигавшее войско, и чуть не произошло здѣсь гибели всей арміи“.

Венеціанцы торжествовали; они достигли своей цѣли—разрушенія Зары—и не обращали вниманія на папу; но крестоносцы не могли продолжать похода, не заручившись прощеніемъ папы и снятіемъ отлученія, которому они подверглись за разрушеніе Зары. Они настаивали на снятіи съ нихъ отлученія прежде, чѣмъ продолжать путь, и сопровождавшіе ихъ епископы и прелаты сочли нужнымъ это сдѣлать подь условіемъ, что они подчинятся указаніямъ папы. На этомъ основаніи была избрана изъ духовенства депутація съ епископомъ Суасонскимъ во главѣ и отправлена въ Римъ.

Иннокентій обнаружилъ и въ данномъ случаѣ свою обычную умѣренность и дальновидность, хотя епископы, снявши самовольно отлученіе, нарушили принадлежащее только ему право. Но онъ слишкомъ дорожилъ успѣхомъ крестоносцевъ, чтобы изъ-за этого и изъ-за непокорности венеціанцевъ подвергнуть риску все предпріятіе. Принявъ милостиво посольство, онъ выразилъ въ своемъ посланіи крестоносцамъ свое великое прискорбіе, что тѣмъ, кому онъ обѣщаль вѣчную награду, ему приходится отказывать въ

апостольскомъ благословеніи. „Золото обратилось въ шлакъ и заржавѣло серебро; подобно женѣ Лота, крестоносцы взглянули вспять“ и т. д. „Венеціанцы на вашихъ глазахъ сокрушили стѣны Зары, ограбили церкви, разорили дома и вы раздѣлили съ ними добычу, награбленную въ Зарѣ“. Папа ставитъ разореніе Зары крестоносцамъ въ тѣмъ большую вину, что этотъ городъ причислялся къ владѣніямъ короля венгерскаго, который самъ въ это время числился крестоносцемъ. Чтобы не накапливать грѣховъ, папа требуетъ отъ крестоносцевъ, чтобы они не разоряли Зары болѣе, чѣмъ она разорена, и не позволяли разорять и, насколько это отъ нихъ зависитъ, возвратили посламъ короля венгерскаго все награбленное.

Это посланіе сопровождалось другимъ—на имя графовъ, бароновъ и другихъ крестоносцевъ. Папа выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что они сознаютъ свою вину и приносятъ покаяніе въ томъ, что они не по собственной волѣ, а подъ гнетомъ необходимости предприняли осаду Зары. „Хотя,—прибавляетъ папа,—это не можетъ послужить оправданіемъ такого дерзновенія (audacia), ибо вы сами подвели себя подъ эту необходимость“. Для отпущенія же такого тяжкаго грѣха Иннокентій требуетъ, чтобы они рѣшительно все возвратили изъ того, что имъ досталось при дѣлежѣ добычи, и воздерживались впредь отъ всего подобнаго. Кардиналу же Петру папа поручаетъ взять такое же клятвенное обѣщаніе со всѣхъ, кто еще его не далъ.

И, не довольствуясь этимъ, Иннокентій требуетъ, чтобы всѣ графы и бароны особыми грамотами за своею печатью обязались передъ папою за себя и своихъ наслѣдниковъ дать ему полное удовлетвореніе въ своемъ тяжкомъ преступленіи и повліять на всѣхъ, чтобы они впредь воздерживались отъ подобнаго и „не нападали на христіанскія земли“ (nec invadentes terras christianorum).

Такимъ образомъ состоялось примиреніе между главою церкви и крестоносцами,—но не полное, ибо въ это примиреніе не были включены венеціанцы, которые не обращали вниманія на постигшее ихъ отлученіе, хотя они-то были главными виновниками и зачинщиками грѣха, подобные тому исконному искусителю чловѣческаго рода, о которомъ Иннокентій такъ подробно распространяется въ своемъ посланіи. Въ виду этого Иннокентій изьялъ венеціанцевъ изъ прощенія и формально приказалъ депутаціи крестоносцевъ объявить имъ объ этомъ. Депутація была этимъ крайне смущена, и одинъ изъ ея членовъ, магистръ Іоаннъ изъ Нойона, даже рѣшился просить папу на время обойти молчаніемъ отлученіе венеціанцевъ (dissimulanda excommunicatione. VI, 99), изъ

опасенія, чтобы они не удалились со своимъ флотомъ и не бросили крестоносцевъ на произволъ судьбы, но папа велѣлъ ему замолчать. Иннокентій настоялъ на своемъ и передалъ аббату монастыря Локедія посланіе къ маркизу Монфератскому съ приказаніемъ объявить дожу, что онъ со своими венеціанцами отлученъ. Это приказаніе сильно встревожило вождей крестоносцевъ, когда депутація вернулась въ Зару. Маркизь Монфератскій принялъ отъ аббата папскую бумагу съ выраженіемъ высочайшаго почтенія—на колѣняхъ,—но уговорилъ аббата до поры до времени сохранить буллу при себѣ.

Извѣщая объ этомъ папу, вожди крестоносцевъ, графы Фландріи, Блуа и Сен-Поля, снова обращаются къ нему съ слезной просьбой разрѣшить имъ не передавать буллу дожу, такъ какъ несомнѣнно въ самый день передачи послѣдуетъ распущеніе флота и войска. Поэтому они вторично молятъ папу предотвратить общую гибель души и тѣла крестоносцевъ и опустѣніе св. земли среди восторга и глумленія враговъ креста. вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣряютъ папу, что какое бы ни послѣдовало съ его стороны рѣшеніе, какъ маркизь, такъ и каждый изъ нихъ немедленно его исполнять.

Иннокентій остался непреклоненъ, но въ то же время принялъ мѣры, чтобы предотвратить грозившую экспедиціи опасность. Онъ зналъ, насколько венеціанцы сами заинтересованы въ ея успѣхѣ. Опасность заключалась въ томъ, что отлученіе ихъ лишало крестоносцевъ возможности общенія съ ними, какъ съ отлученными. И вотъ Иннокентій въ частномъ, такъ сказать, письмѣ (Sine bulla. VI, 102) не только разрѣшаетъ имъ продолжать съ ними путь на Іерусалимъ, но и выясняетъ практическіе мотивы для этого разрѣшенія. Ибо, такъ какъ венеціанцы уже получили большую часть платы за перевозъ и ее нельзя было бы получить назадъ, то разрывъ съ ними принесъ бы ущербъ имъ, крестоносцамъ, покаявшимся въ грѣхѣ, а тѣ извлекли бы выгоду изъ своей непокорности и упрямства. Правда, общеніе съ отлученными запрещено, но разрѣшается требовать отъ нихъ исполненія обязательствъ. Предусмотрѣно также въ каноническомъ правѣ, что если кому-нибудь приходится слѣдовать по странѣ еретиковъ или отлученныхъ, то ему разрѣшается покупать или получать отъ нихъ все необходимое. „Кромѣ того, если пораженъ отлученіемъ хозяинъ дома, то семья его не лишена права общенія съ нимъ“. Въ данномъ же случаѣ домохозяиномъ является дожь, какъ хозяинъ флота, поэтому, хотя бы онъ и находился въ отлученіи, оно не касается васъ, составляющихъ въ качествѣ пассажировъ какъ бы

его семью, если вы съ сокрушеннымъ сердцемъ будете продолжать съ нимъ путь. Когда же вы доплывете до страны сарацинъ, вамъ надо будетъ оставить корабли венеціанцевъ и отнюдь не участвовать съ ними въ войнѣ, пока съ нихъ не будетъ снято отлученіе“. Все это подтверждается въ посланіи Иннокентія цѣлымъ рядомъ ссылокъ на тексты Ветхаго завѣта (VI, 202).

Современный намъ біографъ Иннокентія видитъ во всемъ этомъ одну лишь казуистику. Казуистика была всегда присуща схоластическому образованію. Но мы предпочитаемъ подчеркнуть въ данномъ случаѣ другую, личную черту характера Иннокентія—его твердость въ проведеніи плановъ, которые онъ считалъ необходимыми для блага церкви и его умѣнье найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и уступить въ несущественномъ, жертвуя личнымъ самолюбіемъ.

* * *

Папа не даромъ послѣ разрушенія Зары такъ настаивалъ на обязательствѣ со стороны крестоносцевъ не обращать впредь своего оружія противъ какого-либо христіанскаго города; ему уже было извѣстно о новой затѣѣ въ лагерѣ союзниковъ, которая должна была отвлечь ихъ отъ ихъ прямой цѣли—завоеванія св. земли. И въ этомъ случаѣ главными виновниками были тѣ же венеціанцы. Но на этотъ разъ предметомъ ихъ вождельнѣй была не соперница ихъ на Адриатическомъ морѣ, а могущественный и богатѣйшій городъ тогдашней Европы—Константинополь¹⁾. Поводомъ къ такимъ смѣлымъ вождельнѣямъ послужила одна изъ тѣхъ катастрофъ, которыя такъ часто нарушали миръ въ Византіи.

Въ 1185 г. славная династія Комненовъ была свергнута Исакиемъ Ангеломъ. Но Исакія постигла та же участь: въ 1195 г. онъ былъ свергнутъ своимъ братомъ Алексѣемъ (III), заключенъ въ темницу съ своимъ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ, и вдобавокъ ослѣпленъ. Въ 1201 г., однако, царевичу удалось бѣжать изъ Константинополя съ помощью пизанскихъ купцовъ, спрятавшихъ его въ одной изъ бочекъ своего корабля, и явиться въ Римъ, къ папѣ. Но его предупредилъ тамъ его дядя узурпаторъ, который тотчасъ

---

¹⁾ Гр. Ріанъ пытается доказать, что завоеваніе Константинополя было не столько дѣломъ венеціанской политики, сколько гогенштауфенской, но преобладаніе торговыхъ интересовъ надъ политическими (помимо религіозныхъ) уже тогда давало себя чувствовать на берегахъ Востора.

по избраніи на папство Иннокентія отправилъ къ нему, по сообщенію ближайшаго къ Иннокентію біографа, составителя его „Дѣяній,“— почетное посольство съ драгоценными подарками, прося его, чтобы онъ черезъ своихъ пословъ посѣтилъ его имперію¹⁾. Такимъ образомъ завязались между ними сношенія, бросающія интересный свѣтъ на обѣ стороны и характеризующія условія, которыя объясняютъ намъ неосуществимость завѣтнаго плана Иннокентія о подчиненіи Риму восточной церкви.

Иннокентій начинаетъ свое посланіе къ императору съ наставленія въ смиреніи, ибо смиренные, по свидѣтельству *Истины*, будутъ возвышены и прославлены. Этотъ совѣтъ папа считалъ не лишнимъ въ виду другого, болѣе практичнаго наставленія. Исходя изъ текста—на сей скалѣ я построю церковь свою (Мат. 16. 18)—и разумѣя подъ скалой церковь св. Петра, т.-е. Римъ, Иннокентій доказываетъ императору цѣлымъ рядомъ текстовъ, что онъ можетъ усилить свою державу лишь посредствомъ особаго почета, оказываемаго имъ римской церкви. Папа увѣряетъ императора, что христіане „ропщутъ“ противъ него по двумъ причинамъ—за то, что онъ не содѣйствуетъ имъ въ освобожденіи родины Христа, несмотря на близкое сосѣдство и большое богатство его царства, и во-вторыхъ за то, что, вопреки словамъ символа вѣры „о единой святой, католической и апостолической церкви“, греческіе народы отступили отъ нея и сочинили себѣ другую церковь, если только можно называть церковью то, что существуетъ внѣ *единой*.

Иннокентій выражаетъ далѣе желаніе распространить и на императора отпущеніе грѣховъ и покровительство, удѣляемое имъ другимъ государямъ, враждующимъ съ язычниками, и потому умоляетъ его „содѣйствовать тому, чтобы всѣ христіане собрались, какъ члены единого тѣла, подъ единой главой, о которой Господь сказалъ: „ты наречешься Кифа, что значитъ камень“ (Іоаннъ I, 42).

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ, послы Иннокентія везли съ собою и другое, адресованное патріарху и составленное на тему, что однажды за порокъ неблагодарности было отвержено вѣроломное еврейство и Господь избралъ себѣ изъ языковъ другую церковь, о которой сказано въ „Пѣснѣ пѣсней“: „Одна моя нареченная, невѣста моя, непорочная моя“.

Прошло около 4 мѣсяцевъ до полученія отвѣта отъ императора Алексѣя. Отвѣтъ былъ очень обстоятеленъ, исполненъ священныхъ текстовъ, дипломатически любезенъ, но не безъ колко-

¹⁾ Gesta Innocentii CXIX и Regesta I, 353—4 и II, 208—11.

стей. Императоръ сообщаетъ, что онъ принимаетъ отеческое увѣщаніе папы насчетъ смиренія и основаннаго на немъ возвышенія его имперіи и уповаешь на Господа, что она будетъ этимъ прославлена, но замѣчаетъ, что въ этомъ наставленіи скрывалась искра страсти, противоположной смиренію, которая могла бы быть непріятна кому-нибудь другому. Ему, однако, этотъ совѣтъ любъ, такъ какъ онъ вытекаетъ не изъ высокомерія, а изъ заботы о гробѣ Господнемъ. За его освобожденіе онъ, императоръ, охотно принесъ бы въ жертву собственную жизнь, но на многочисленность войска и богатство нельзя рассчитывать, а все зависитъ отъ воли Божіей. „А Господь, какъ видно, еще не простилъ намъ грѣхи наши, поэтому и дозволяетъ въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ плясать агарянамъ и топтать святыню нечистыми ногами“. Затѣмъ императоръ напоминаетъ папѣ, какое разореніе его имперіи нанесъ король Германіи Фридрихъ (Барбаросса): „Хотя онъ многими клятвами обязался мирно прослѣдовать черезъ его имперію, онъ воевалъ съ христіанами на подобіе какъ съ нечестивыми. Какъ же могла при такихъ условіяхъ Византійская имперія итти рука объ руку съ людьми, столь враждебно къ ней расположенными? Однако, она не платила имъ зломъ за зло и разрѣшала имъ все, нужное для нихъ, пріобрѣтать и сама доставляла. Поэтому папа напрасно осуждаетъ византійцевъ вмѣсто того, чтобы направить свои упреки противъ тѣхъ, кто, притворяясь, что ревнуютъ о Христѣ, на самомъ дѣлѣ противодействуютъ божественнымъ велѣніямъ“.

Нельзя сказать, чтобы отношеніе императора Исакія къ Фридриху Барбароссѣ было здѣсь правдиво изображено его братомъ и преемникомъ Алексѣемъ. Дѣло въ томъ, что, едва только нѣмецкіе крестоносцы вступили во Фракію, какъ, вопреки заключенному ранѣе договору, имъ было воспрещено дальнѣйшее слѣдованіе; ихъ посольство въ Константинополь было ввергнуто въ темницу и всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ былъ прекращенъ. Имъ пришлось силою принудить грековъ заключить съ ними новый договоръ, по которому византійцы предоставили крестоносцамъ свободно покупать все нужное и обязались перевезти ихъ на судахъ въ Малую Азію.

Сложивъ, такимъ образомъ, съ себя отвѣтственность за уклоненіе отъ участія въ крестовомъ походѣ и возложивъ ее на Провидѣніе, Алексѣй такъ же поступаетъ и относительно другого важнаго вопроса, возбужденнаго Иннокентіемъ, — уніи. „Унія легко бы состоялась, если бы, при немощи человѣческой воли, божественная воля явилась посредницей. Ибо, если-бы церковные прелаты, из-

гнавъ всякое плотское благоразуміе, возложили бы на Св. Духа обслѣдованіе тончайшихъ догматовъ, то нельзя было бы усомниться въ легкомъ разрѣшеніи всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ и установленіи согласія и уніи между спорящими. Но, при использованіи духовнаго не духовнымъ способомъ, изслѣдованіе истины становится невозможнымъ¹⁾.

Несмотря, однако, на высказанное въ этихъ словахъ скептическое отношеніе къ уніи, императоръ приглашаетъ папу созвать соборъ, увѣряя, что восточная церковь не преминетъ принять въ немъ участіе.

Что же касается до другихъ, болѣе конфиденціальныхъ (*secretioribus*) дѣлъ, порученныхъ посламъ, то императоръ предоставляетъ дать на нихъ объясненіе своему послу, венеціанцу Іоанну-Георгію, котораго онъ очень рекомендуетъ папѣ.

Въ числѣ этихъ дѣлъ было и желаніе императора получить черезъ папу возвращеніе Византіи острова Кипра, который былъ завоеванъ Ричардомъ Львиное Сердце и предоставленъ Аймерику де Лузиньянъ, женившемуся на Изабелѣ, дочери послѣдняго короля іерусалимскаго, и потому также присвоившему себѣ этотъ титулъ²⁾.

Одновременно съ этой перепиской шла другая—между папою и патріархомъ Константинопольскимъ, Іоанномъ Каматеросомъ. *Вони*
Письмо патріарха начинается съ изысканно любезной благодарности за заботу папы о благополучіи Христовой церкви. Но при этомъ патріархъ не можетъ скрыть своего недоумѣнія (*ambiguitas*) по поводу того, что римляне считаютъ свою церковь общею матерью всѣхъ церквей, тогда какъ, по всей справедливости, такою матерью слѣдуетъ считать Іерусалимскую церковь, въ подтвержденіе чего приводятся главные событія изъ жизни Христа. „И развѣ ты не читалъ, — спрашиваетъ патріархъ папу, — слова апостола Павла: „съ Іерусалима начни и до Иллиріи проповѣдуй Евангеліе“ (къ Рим. XV, 19). Указавъ затѣмъ на формулу догмата о происхожденіи Св. Духа, принятую Никейскимъ соборомъ при участіи римскаго епископа и съ тѣхъ поръ непрерывно соблюдаемую въ греческой церкви, патріархъ усматриваетъ въ этомъ новый поводъ къ недоумѣніямъ относительно Рима. Въ концѣ же письма обнаруживается, помимо воли автора, еще одинъ поводъ и, можетъ быть, главный къ расколу между церквями — преобладаніе

1) „Ибо, — прибавляетъ авторъ письма въ такомъ случаѣ—*non complectuntur incomplexibilia nec miscentur incommixtabilia*“, II, 210, col. 765.

2) Въ „Дѣяніяхъ“ Иннокентія сохранилось письмо этого папы къ императору Алексѣю, написанное по этому поводу (*Gesta. Cap. LXIV*) и не появившее въ „Регесты“.

на востокъ свѣтской власти надъ церковной. Восхваляя императора, патриархъ говоритъ, что „Господь надѣлилъ его всѣмъ, что украшаетъ истинно человѣка Божьяго и императора божественно вѣнчаннаго, превосходящаго всѣхъ своихъ предшественниковъ добротой (sic), терпѣніемъ и энергіей, такъ что, если бы онъ началъ перечислять всѣ его духовныя и тѣлесныя достоинства, то слово его превзошло бы всякую мѣру и письмо—всякіе предѣлы“.

Въ отвѣтъ на эту въ своей полемической части умѣренную и ясную исповѣдь послѣдовала со стороны Рима схоластическая диссертация съ безконечно нагроможденными текстами, относящимися и неотносящимися къ вопросу, въ доказательство того, что примать апостольскаго стола установилъ не человѣкъ, а Господь, вѣрнѣе, Богочеловѣкъ, и изъ этого установленія вполнѣдствіи происекали всѣ каноническія постановленія о преимуществѣ римской церкви, какъ наставницы и матери всѣхъ церквей. Ссылку на то, что не римскую, а іерусалимскую церковь слѣдуетъ считать общею матерью, папская декреталія устраняетъ указаніемъ, что дѣло идетъ не о преимуществѣ во времени, а о преимуществѣ въ значеніи и достоинствѣ (*non ratione temporis sed ratione potius dignitatis*), въ подтвержденіе чего приводится то, что хотя Андрей былъ старшимъ по рожденію братомъ, однако, въ спискѣ апостоловъ первенство всегда предоставляется Петру. Изъ всего этого выводъ, что римская церковь не столько по постановленію собора, сколько по божественному велѣнію состоитъ главою и матерью всѣхъ церквей и потому патриарху не слѣдовало бы ни изъ за различія обрядовъ, ни изъ за несогласія въ догматахъ отказывать въ повиновеніи римской церкви, согласно древнему и каноническому положенію и подвергать сомнѣнію достовѣрное (*cum certa non sint pro dubiis relinquenda*). Въ концѣ концовъ, по словамъ Иннокентія, все подлежитъ рѣшенію собора, на который императоръ обѣщаль прислать представителей греческой церкви и на который папа „допустить патриарха, какъ самаго дорогаго и главнѣйшаго члена церкви“ (*praecipuum membrum Ecclesiae*). Но какъ въ куріальныхъ рескриптахъ за любезнымъ внушеніемъ всегда слѣдуетъ угроза, такъ и это посланіе заканчивается предостереженіемъ: „Ради того, чтобы мы не были принуждены въ случаѣ неудачи, чего мы не ожидаемъ, принять мѣры (*procedere*), какъ противъ самого императора, который имѣлъ бы возможность, если бы захотѣлъ, осуществить то, что мы предписываемъ, такъ и противъ тебя и греческой церкви“ (II, 211).

Для насъ это заявленіе имѣетъ тотъ интересъ, что раскрываетъ заблужденіе, въ которомъ находилось папство относительно возмож-

ности для византійскихъ императоровъ произвести въ области церкви все, что они захотятъ,—заблужденіе, объясняющее отчасти наивную откровенность, съ которой Иннокентій предупредилъ о своемъ образѣ дѣйствій на предполагаемомъ соборѣ. Последняя, повидимому, заставила императора Алексѣя задуматься о послѣдствіяхъ обѣщаннаго имъ собора. По крайней мѣрѣ, авторъ „Дѣяній“ сообщаетъ (гл. 62), что „императоръ послѣ продолжительнаго совѣщанія съ греками отвѣтилъ намъ, что если Иннокентій созоветъ соборъ въ Греціи, гдѣ происходили четыре древніе собора, то туда и греческая церковь пришлетъ своихъ представителей“. И тутъ же, что весьма многознаменательно, императоръ старался доказывать, что царство преобладаетъ надъ священствомъ.

Отвѣтъ Иннокентія отъ половины ноября 1199 года (II, 211) поражаетъ изысканной любезностью своего начала. Папа выражаетъ свою величайшую радость тому, что императоръ, хотя отвѣтъ его по отношенію къ церковному вопросу былъ недостаточно полонъ и ясенъ, однако, благодушенъ и почтителенъ (*devote*) и что императоръ принялъ его увѣщаніе и наставленіе. Главное же содержаніе пространнаго отвѣта посвящено весьма удачной критикѣ соображенія, которымъ императоръ оправдывалъ свое безучастіе въ крестовомъ походѣ, а именно, тѣмъ, что, если бы онъ пожелалъ ускорить и предупредить часъ, предусмотрѣнный Божіей волею для освобожденія св. земли отъ невѣрныхъ, то его труды и подвиги были бы напрасны. На это Иннокентій замѣчаетъ, „не въ упрекъ, а въ назиданіе“, что Господь предоставилъ людямъ свободу воли, а потому и всѣмъ крещенымъ людямъ слѣдуетъ руководиться свободной волей въ освобожденіи святой земли. „Если императоръ не захочетъ ничего для этого сдѣлать и лишь разсчитываетъ на Божій промыселъ, то св. гробъ будетъ освобожденъ безъ его участія и своимъ небреженіемъ его императорское величество навлечетъ на себя гнѣвъ Божій“. Затѣмъ Иннокентій спрашиваетъ, какимъ же образомъ императоръ узнаетъ о наступленіи часа, предусмотрѣннаго божественнымъ Промысломъ? Развѣ онъ состоитъ въ числѣ совѣтниковъ этого Промысла, чтобы имѣть возможность взяться за оружіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Господь сжалится надъ положеніемъ христіанъ подъ игомъ сарацинъ?

Что же касается до вопроса о мѣстѣ собора, то посланіе Иннокентія вовсе не упоминаетъ о созывѣ собора въ Греціи и лишь повторяетъ то, что объ этомъ было сказано въ прежнемъ посланіи, не опуская даже угрозы о мѣрахъ, которыя папа долженъ будетъ принять на соборѣ въ случаѣ неповиновенія ему.

* * *

Таковы были отношенія между Римомъ и Константинополемъ, когда къ папѣ прибылъ бѣжавшій изъ темницы царевичъ Алексѣй, чтобы заручиться его заступничествомъ противъ своего дяди, императора. Одновременно съ этимъ и самъ императоръ Алексѣй прислалъ пословъ, съ просьбой не оказывать помощи племяннику.

Любопытно, какъ узурпаторъ византійскаго престола мотивировалъ свою просьбу. Онъ утверждалъ, что молодой Алексѣй не имѣетъ никакого права на престолъ, такъ какъ императорское достоинство въ Константинополѣ достигается не по наследственному праву, а по избранію вельможъ, и только въ томъ случаѣ сынъ императора имѣетъ право на престолъ, если онъ рожденъ въ порфирѣ. Алексѣй же родился, когда его отецъ былъ частнымъ человѣкомъ.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе Иннокентія могло быть затруднительно, если бы онъ захотѣлъ быть судьей между претендентами на византійскій престолъ, хотя эта роль была бы очень почетна для римскаго епископа. Но рѣшающимъ мотивомъ для Иннокентія въ данномъ случаѣ былъ ближайшій интересъ папскаго престола—побѣда надъ авторитетомъ западной германской имперіи, представительницей которой была династія Гогенштауфеновъ. Дѣло было въ томъ, что родная сестра царевича Алексѣя, Ирина, была выдана замужъ за норманскаго принца Рогерія. Рано овдовѣвши, она оставалась въ Сициліи. Когда же императоръ Генрихъ VI, женатый на наследницѣ норманскаго королевства въ южной Италіи, завладѣлъ этой державой, онъ выдалъ Ирину за своего младшаго брата Филиппа, герцога Швабскаго, который, по смерти Генриха, былъ избранъ нѣмецкими князьями ему въ преемники. Такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха царевича Алексѣя, императоры Запада и Востока оказались бы въ ближайшемъ родствѣ между собою, что было бы крайне невыгодно для папскаго престола.

Въ виду этого Иннокентій, какъ онъ самъ рассказываетъ въ своемъ письмѣ къ императору Алексѣю (V, 122), отнюдь не колебался. Когда царевичъ передъ папою, кардиналами и римскими вельможами изложилъ свое дѣло, Иннокентій „далъ ему *надлежащій* отвѣтъ (*juxta quod vidimus expedire*)“ и царевичъ поспѣшилъ отправиться къ своему шурину, гдѣ былъ отлично принятъ и гдѣ старался склонить вождей крестоносцевъ помочь ему завладѣть престоломъ, обѣщая за это принять участіе въ кресто-

вомъ походѣ, щедро отблагодарить ихъ и во всемъ повиноваться римской церкви. Князья, однако, не рѣшились взять на себя отвѣтственность въ такомъ трудномъ дѣлѣ и отправили кардинала Петра въ Римъ, чтобы обо всемъ этомъ доложить папѣ. Иннокентій же, какъ онъ пишетъ императору, по совѣщаніи съ кардиналами, постановилъ рѣшеніе, *удобное* императору, „хотя многіе настаивали на томъ, что слѣдовало бы согласиться на желаніе вождей, въ виду того, что греческая церковь недостаточно покорна и предана апостольскому престолу“.

Вотъ этотъ греческій вопросъ,—вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли переправиться въ Палестину или Египетъ, или же на пути возвести на византійскій престолъ царевича Алексѣя, чтобы потомъ, заручившись всеѣмъ могуществомъ Византіи, сокрушить Исламъ, быть новымъ ферментомъ, вызвавшимъ сильное броженіе среди крестоносцевъ подъ стѣнами Зары, гдѣ имъ пришлось зимовать съ 1202 на 3-й годъ. При дворѣ Филиппа царевичъ Алексѣй познакомился съ маркизомъ Монфератскимъ и черезъ его посредство сталъ склонять въ пользу своего предложенія другихъ вождей крестоносцевъ. Въ лагерь же подъ Зарой прибыли послы отъ Филиппа Гогенштауфена, которые формально вербовали скучавшихъ и нуждавшихся воиновъ на сторону царевича. Они обѣщали отъ его имени войску пропитаніе на пути и 200000 марокъ серебра, а по воцареніи Алексѣя—обязательство съ его стороны выставить вспомогательный отрядъ въ 10000 человекъ на борьбу съ мусульманами въ теченіе года и содержаніе 500 рыцарей въ св. землѣ въ продолженіе всей его жизни и содѣйствовать подчиненію греческой церкви папѣ.

Эти обѣщанія должны были казаться весьма заманчивыми воинственному французскому рыцарству, очень склонному къ рискованнымъ и опаснымъ „авантюрамъ“, сулившимъ славу и сокровища. Но рѣшающее вліяніе и въ этомъ случаѣ принадлежало опять венеціанцамъ, которые были очень заинтересованы въ военной экспедиціи противъ Византіи. Они совершенно завладѣли торговлей въ ней, и большое число ихъ проживало въ греческихъ городахъ и особенно въ Константинополѣ. При этомъ, однако, ихъ привилегированное положеніе тамъ было мало обезпечено. Императоры всегда имѣли возможность сблизиться съ ихъ соперниками въ торговлѣ—генуэзацами и пизанцами и сами греки изъ ненависти къ латинянамъ всегда были готовы напасть для грабежа на богатый кварталъ, гдѣ проживали венеціанскіе банкиры и купцы. Особенно памятно было венеціанцамъ страшное разореніе итальянскихъ кварталовъ въ 1182 году во время возстанія Андро-

ника противъ вдовы Мануила Комнена, когда сотни женщинъ, стариковъ и дѣтей были перебиты мятежной толпой или проданы въ рабство. Въ такомъ нападеніи лишился зрѣнія и дожъ Дандоло. Но не одно только желаніе отомстить грекамъ руководило старымъ дожемъ и его земляками. Къ этому присоединилось ихъ нежела- ніе перевезти крестоносцевъ въ Египеть, куда князей тянули богатые города Александрія и Каиръ, тогда какъ венеціанцы, ведшіе съ Египтомъ выгодную торговлю, которая погибла бы отъ войны, предпочитали спустить крестоносцевъ въ Сирію. Сами крестоносцы расходились въ вопросѣ, куда ѣхать—въ Сирію или Египеть; вожди и политики предпочитали Египеть; менѣе состоя- тельные и ревностные крестоносцы стремились въ Сирію, поближе къ св. землѣ, желая поскорѣе исполнить свой обѣтъ. Въ виду этого разногласія въ договорѣ между крестоносцами и венеціан- цами цѣль была глухо обозначена—*ad transfretandum*: перевезти за море.

А Иннокентій? Съ отплытіемъ крестоносцевъ на венеціан- скихъ корабляхъ весь крестовый походъ уходилъ изъ-подъ его руководства. Онъ все еще стоялъ на своемъ. Протестовавши противъ осады Зары, онъ также рѣшительно осуждалъ намѣреніе вождей вмѣшаться въ византійскія дѣла. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ епископамъ Суассона и Труа, уже послѣ взятія Константино- поля, папа напоминаетъ имъ, что „когда онъ отпустилъ крестонос- цамъ ихъ грѣхъ, совершенный подъ Зарой, онъ безусловно заявилъ имъ, чтобы никто изъ нихъ не впадалъ въ самообольщеніе, будто ему дозволено завоевывать или опустошать греческую землю, какъ страну, неподчиняющуюся папѣ, и потому, что императоръ констан- тинопольскій, низложивъ и ослѣпивъ брата, незаконно захватилъ власть. Не ихъ дѣло объ этомъ судить и не для этого они осѣ- нили себя крестомъ. Такое предостереженіе имъ было сдѣлано подъ угрозой новаго отлученія отъ церкви“. (VI, 222).

Надо имѣть въ виду это документально засвидѣтельствованное заявленіе Иннокентія, чтобы правильно судить объ его отношеніи къ походу на Константинополь. Но это его корректное отношеніе къ вопросу не помѣшало современнымъ ему лѣтописцамъ увѣрять, что папа сочувствовалъ этому походу. Такое же мнѣніе, повиди- мому, господствовало и среди крестоносцевъ. Весною къ нимъ прибылъ маркизь Монфератскій, по сятіи съ нихъ отлученія, и царевичъ Алексѣй, и въ началѣ мая ихъ флотъ поднялъ якорь и остановился у острова Корфу. Здѣсь западные воины имѣли первый случай узнать, какъ къ нимъ относятся греки. Архіепископъ острова пригласилъ къ себѣ на трапезу нѣсколько прелатовъ;

разговоръ, конечно, коснулся и отношенія обѣихъ церквей и примата римскаго: „Я не вижу никакого основанія для этого примата, — замѣтилъ архіепископъ, — кромѣ того, что Христосъ былъ распятъ римскими солдатами“. А когда жители Корфу узнали, что съ флотомъ прибылъ и царевичъ Алексѣй, они силою принудили пришельцевъ оставить ихъ островъ. Мая 25-го флотъ отплылъ изъ Корфу и ровно черезъ мѣсяць—24 іюня—подошелъ къ Константинополю.

* * *

Поразительное впечатлѣніе, которое произвелъ *Царьградъ* на западное рыцарство, не знавшее большихъ городовъ, запечатлѣно для насъ очевидцемъ—упомянутымъ Вильярдунгомъ: „Представьте себѣ, какъ всматривались мы въ этотъ городъ, ибо мы никогда не воображали, что могъ быть на свѣтѣ такой роскошный городъ, когда мы увидѣли его высокія стѣны и грозныя башни, которыми онъ былъ со всѣхъ сторонъ тѣсно окруженъ, и эти богатые дворцы и поднимающіяся къ небу церкви, которыхъ было такъ много, что никто бы тому не повѣрилъ, кто не видѣлъ ихъ собственными глазами, и объемъ города, царящаго надъ всеми другими! И знайте, что не было такого храбраго человѣка, у котораго при видѣ этого зрѣлища не прошелъ бы морозъ по кожѣ. И это неудивительно, ибо никогда никѣмъ еще не было предпринято столь великаго подвига, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ“. Но недоступности стѣнъ Цареграда не соотвѣтствовалъ духъ его защитниковъ: 5 іюля крестоносцы высадились въ Перѣ и заняли ее, а на слѣдующій день Дандоло со своими галерами разорвалъ желѣзныя цѣпи, закрывавшія доступъ въ *Золотой Рогъ*, и открылъ крестоносцамъ доступъ внутрь города; но здѣсь они встрѣтили отчаянную защиту и особенно сильный отпоръ со стороны „варяжскихъ“ наемниковъ и латинскихъ колонистовъ Константинополя, главнымъ образомъ пизанцевъ, соперниковъ венеціанцевъ. Крестоносцамъ, наконецъ, удалось занять часть городской стѣны. Тогда императоръ рѣшился сдѣлать вылазку съ набраннымъ имъ войскомъ (100000?), чтобы смять пришельцевъ. Но закованныя въ латы рыцари выдержали напоръ этихъ массъ, которыя своимъ бѣгствомъ привели въ смущеніе населеніе, и въ озлобленіе противъ императора, ночью бѣжавшаго изъ города, захвативъ съ собою государственную казну и сокровища. Утромъ толпа, узнавъ объ этомъ, освободила изъ заключенія слѣпого Исакія и 1 августа вѣнчала царевича его соправителемъ подъ именемъ Алексѣя IV.

Крестоносцы были такъ поражены неожиданно быстрымъ успѣхомъ, что не дерзали приписывать его себѣ. Ихъ письмо къ папѣ (VI, 211) проникнуто рѣдкимъ смиреніемъ. Они признаются, что когда они отплыли изъ города грѣха (такъ они называли Зару), то ничего у нихъ не было приспособлено для нуждъ войска, но божественный Промыселъ далъ всему дѣлу такой оборотъ, чтобы обнаружить ихъ недомысліе и свое величіе. Въ своемъ жалкомъ положеніи, нуждаясь во всемъ, они не дерзали плыть въ Сирію, опасаясь быть въ тягость тамошнимъ христіанамъ и, вѣря слухамъ, что населеніе Цареграда съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытіе царевича, направились туда. Повинуясь велѣнію Господа, имъ благопріятствовали вѣтры и море и они неожиданно благополучно совершили путь. Но ихъ прибытіе не было неожиданнымъ; императоръ, убійца своего брата, собралъ противъ нихъ 60000 конницы, не считая пѣхоты. Кромѣ того, вопреки ихъ ожиданіямъ, населеніе встрѣтило ихъ такъ враждебно, какъ басурманъ, по винѣ тирана, убѣдившаго гражданъ ядовитыми рѣчами, что латиняне прибыли съ цѣлью подчинить ихъ имперію папѣ и латинскимъ законамъ. „Всякая попытка переубѣдить населеніе была тщетна, ибо на каждое слово намъ отвѣчали со стѣнъ копьями. При скудости запасовъ мы никакъ бы не могли продлить осаду далѣе 15 дней, но мы приступили къ ней не столько съ отчаянія, сколько по божественному внушенію“ (inspirata quadam securitate divinitus).

Авторъ письма затѣмъ вкратцѣ рассказываетъ ходъ дѣла, какъ въ ночь бѣгства императора на утро вельможи собрались во дворцѣ и избрали на царство *изгнанника*, котораго затѣмъ торжественно повели въ св. Софію. Заключаетъ письмо его авторъ, какъ бы въ утѣшеніе папы, перечнемъ всѣхъ обѣщаній новаго императора для содѣйствія походу на Іерусалимъ.

Одновременно съ этимъ папою было получено письмо и отъ новаго императора Алексѣя IV изъ Цареграда (Urbe regia) отъ 25 ав. Интересно было бы знать настоящаго составителя этого письма, представляющаго собой смѣшеніе римскаго куріальнаго стилия съ византійской льстивостью. Во вступленіи своемъ авторъ величаетъ папу именемъ „*наимѣстника* на землѣ Того, въ чьихъ рукахъ всѣ людскія власти и права всѣхъ царствъ“. Упомянувъ объ изгнаніи, которому его подвергъ ненавистный тиранъ, авторъ называетъ это изгнаніе *счастливымъ*, такъ какъ оно дало ему возможность, по божескому Промыслу, лицезрѣть особу папы. Главной причиной, побудившей его оказать помощь крестоносцамъ, авторъ письма выставляетъ „добровольное обѣщаніе, скрѣп-

ленное клятвой, изъ христіанскаго благочестія смиренно признать главой всей христіанской церкви римскаго первосвященника, преемника главы апостоловъ, Петра, и склонить къ этому по силамъ Восточную церковь. Выражая надежду, что ему удастся достигнуть безсмертной славы возстановленія *неишейнаго* хитона Христова, авторъ письма этимъ самымъ даетъ клятвенное обѣщаніе соблюдать по отношенію къ папѣ и его преемникамъ, канонически избраннымъ, ту покорность (*devotionem*), какую наши предшественники—каѳолическіе императоры, издревле (*antiquitus*), какъ завѣдомо, изъявляли вашимъ предшественникамъ, православнымъ отцамъ, римскимъ первосвященникамъ“ (VI, 210).

Эти письма должны были въ высшей степени смутить Иннокентія. Вѣдь это былъ второй случай явнаго неповиновенія главѣ церкви со стороны крестоносцевъ, съ которыхъ онъ только что снялъ отлученіе съ условіемъ, чтобы они впредь не нападали ни на какой другой христіанскій городъ. Не могло радовать его и воцареніе Алексѣя IV, близкаго родственника короля германскаго, ему помогавшаго. Наконецъ, это вызывало новую оттяжку главнаго для Иннокентія дѣла — завоеванія Іерусалима, колыбели христіанства. Но съ другой стороны, какъ оттолкнуть отъ себя крестоносцевъ, безъ помощи которыхъ это завоеваніе не могло состояться, особенно въ моментъ, когда они его обнадеживали, что заручились союзомъ съ греческой имперіей для завоеванія св. земли? И какъ выразить недовѣріе византійскому императору, который *первый* изъ длиннаго ряда своихъ предшественниковъ призналъ римскаго первосвященника не только главой всей церкви и преемникомъ апостола Петра, но и замѣстителемъ Господа Вседержителя?—Въ краткихъ, сдержанныхъ отвѣтахъ папы слышится болѣе голосъ осторожнаго дипломата, чѣмъ негодующаго главы церкви. Крестоносцамъ Иннокентій отвѣчаетъ двумя посланіями: одно военнымъ людямъ, другое духовнымъ вождямъ. Первое весьма сдержано: вмѣсто обычнаго привѣта и благословенія папа высказываетъ побѣдителямъ желаніе бѣльшаго благоразумія — изъ страха, чтобы они не подвергались позору вторичнаго отлученія. Упомянувъ объ обѣщаніяхъ Алексѣя, о которыхъ они его извѣщали, папа продолжаетъ: „Нѣкоторые впрочемъ весьма склонны думать, что вы это пишете болѣе для вашего оправданія“. Но такъ какъ „истина словъ познается изъ дѣлъ“, папа выражаетъ желаніе, чтобы они побудили императора удостовѣрить свои обѣщанія открытыми грамотами и побудить патріарха чрезъ офиціальное посольство признать примать и первоучительство римской церкви, обѣщать ей повиновеніе и

испросить себѣ палліумъ съ мощей св. Петра, безъ чего и его патріаршество не можетъ быть законнымъ.

„Если же онъ отъ этого откажется, то будетъ явно, что его намѣренія были неискренни, а вы были слѣпы. Тогда окажется также, что къ первому грѣху, содѣянному подъ Зарой, вы присовокупили второй—если къ уменьшенію вашей вины и кары не послужитъ ваше рвеніе о подчиненіи греческой церкви“. Иннокентій считалъ, однако, нужнымъ заявить крестоносцамъ, что онъ всего больше дорожитъ (*propensius aspiramus*) освобожденіемъ св. земли и потому въ особенности настаиваетъ, чтобы они объ этомъ старались и этимъ сняли съ себя пятно и очистились отъ преступленія (VI, 230).

Съ бѣльшимъ довѣріемъ относится папа въ своемъ посланіи къ епископамъ Суассона и Труа, давая имъ то-же порученіе, но и здѣсь въ концѣ проскользнулъ упрекъ, что если это имъ не удастся, то это наброситъ на нихъ тѣнь подозрѣнія, что второй грѣхъ былъ совершенъ также съ ихъ соизволенія, какъ и первый (VI, 231).

Въ другомъ посланіи на имя тѣхъ же двухъ епископовъ (VI, 232) папа еще сильнѣе подчеркиваетъ свое запрещеніе крестоносцамъ опустошать страну грековъ и мстить ихъ императору. „И хотя мы бы очень желали, чтобы черезъ нихъ греческая страна признала римскую церковь, однако мы опасаемся, не навлекли ли они вновь на себя кару отлученія, и многіе думаютъ, что они виновны въ клятвopреступленіи, такъ какъ совершили дѣло, отъ котораго они поклялись воздержаться“. Въ виду этого папа поручаетъ епископамъ убѣдить крестоносцевъ, чтобы они принесли покаяніе одному изъ его легатовъ. „Постарайтесь, заключаетъ онъ, чтобы они передъ чужими, и, въ особенности, греками не обнаружили своего позора (*sua verenda non detegant*) и чтобы искра покорности Риму, возгорѣвшаяся въ императорѣ, не погасла не столько въ ущербъ намъ, сколько ему самому“.

Самому же императору Иннокентій выражаетъ свою радость, что Господь, владычествующій надъ людьми, внушилъ ему такое благое дѣло, какъ соединеніе церквей. При этомъ папа тщательно повторяетъ, слово въ слово, всѣ увѣренія и обѣщанія, выказанныя Алексѣемъ въ его письмѣ къ папѣ, какъ бы заключая съ нимъ договоръ. Если его дѣйствія будутъ соответствовать словамъ, онъ обезпечитъ себѣ милость Господню и укрѣпитъ свою имперію, чему будетъ содѣйствовать и папская власть. Далѣе папа ему внушаетъ,—такъ какъ кромѣ божеской помощи онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ латинянамъ—что онъ долженъ чтить

римскую церковь, сыны которой оказали ему такое содѣйствіе и которая „можетъ тебѣ и твоей имперіи оказать необходимое покровительство. Мы говоримъ это, прибавляетъ папа, не изъ властолюбія, а по долгу служенія“ (ut officiose ministerium impendamus). Но прежде, чѣмъ эти посланія отъ первыхъ чиселъ января 1204 г. достигли Константинополя, тамъ произошли событія, которыхъ никто не ожидалъ и менѣе всего самъ Иннокентій. Императоръ Алексѣй IV оказался не въ состояніи уплатить франкамъ обѣщанную сумму. Только 100.000 марокъ, т.-е. половину, онъ выдалъ имъ. Укрѣпившіеся въ Перѣ крестоносцы настаивали на уплатѣ остального. Когда при свиданіи императоръ отказался отъ уплаты, горячій старикъ Дандоло вскипѣлъ: „Подлый, мы вытащили тебя изъ грязи и туда же опять столкнемъ тебя“. Это случилось въ концѣ ноября. Съ этого дня между Перой и Константинополемъ происходила открытая война. Какъ не разъ и прежде сильное возбужденіе толпы прорвалось въ возстаніи противъ императора, которому приписывали всѣ бѣдствія, постигшія Царьградъ.

Это возстаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ совершенно неожиданный переворотъ, который мы предпочитаемъ изложить здѣсь на основаніи реляціи главнаго при этомъ дѣятеля, такъ какъ въ ней не только связано изложенъ общій ходъ событій, но отражается и непосредственное впечатлѣніе отъ нихъ, вынесенное самими очевидцами и руководящими вождями. Мы разумѣемъ посланіе къ Иннокентію Балдуина *императора* послѣ взятія Константинополя латинянами (VII, 152).

Это письмо — любопытно, какъ отраженіе, одного изъ величайшихъ міровыхъ событій въ описаніи его очевидцевъ и виновниковъ. Царьградъ, преемникъ „старога Рима“, вѣковой оплотъ христіанской имперіи противъ сѣверныхъ варваровъ, персовъ и арабовъ, палъ передъ небольшою ратью французскихъ рыцарей и венеціанскихъ купцовъ! Сами побѣдители глубоко „поражены изумительной божественной милостью къ нимъ“ — „славой на удивленіе всѣхъ вѣковъ“, которую они относятъ не къ себѣ, а къ божественному имени. „За чудесами намъ ниспосланными слѣдуютъ еще большія чудеса, такъ что даже невѣрнымъ нельзя усомниться, что все это совершено рукою Божіей, ибо ничего подобнаго мы не ожидали и не придвидѣли. „Въ своемъ восхищеніи авторъ письма возвращается къ этой мысли и восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ письма: „Господомъ все это совершено и оно чудеснѣе въ нашихъ глазахъ всякаго чуда“ (VII, 152).

Составитель реляціи начинаетъ свое изложеніе съ момента, когда крестоносцы расположились *зимовать* подъ Константино-

полемъ, объясняя эту задержку необходимостью защитить императора отъ его враговъ. Но по просьбѣ императора они выступили изъ города въ укрѣпленный лагерь для того, чтобы различіе нравовъ между ними и греками не вызвало взрыва вражды. При этомъ латинскій авторъ оплачиваетъ византійцамъ, считавшимъ франковъ варварами, той же монетой, приписывая имъ варварство (barbaries). Но императоръ, по прирожденному ли коварству, или подъ влияніемъ вѣроломства грековъ, отвернулся отъ нихъ и сдѣлался во столько же разъ клятвopреступникомъ, сколько онъ давалъ клятвъ. Забывъ объ оказанномъ ему благодѣяніи, императоръ замышляетъ брандерами сжечь тотъ самый флотъ, который его доставилъ въ его столицу, но при помощи Господа это жестокое намѣреніе ему не удается. Въ городѣ происходятъ мятежи, пожары и убійства и съ каждымъ днемъ положеніе императора ухудшается; за стѣнами гремитъ битва, внутри стѣнъ его душитъ страхъ, такъ какъ тамъ замышляютъ выставить противъ него соперника, пользуясь тѣмъ, что онъ не можетъ разсчитывать на помощь. Тогда Алексѣй присылаетъ къ намъ своего родича Маркулфа ¹⁾, которому онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ кому-либо по причинѣ оказанныхъ ему благодѣяній, и общаетъ намъ предоставить Влахернскій дворецъ ²⁾ пока не выполнитъ всѣхъ своихъ обязательствъ. Предложеніе это Маркулфъ скрѣпляетъ клятвой по порученію императора, и своей собственной.—„Отправляется маркизь Монфератскій, чтобы занять дворецъ, но Алексѣй, по обычаю, пренебрегая клятвами и пожертвовавъ данными заложниками, его обманываетъ. А въ ту же ночь Маркулфъ, измѣняя своему государю и намъ, выдаетъ грекамъ тайну о передачѣ дворца, увѣря ихъ, что черезъ это они навсегда лишатся свободы, и нѣтъ другого средства сохранить ее, какъ сверженіе императора Алексѣя. Самъ же онъ поднимаетъ святотатственную руку на своего господина, захватываетъ его спящимъ и повергаетъ въ темницу. Также онъ поступаетъ и съ нѣкіимъ Николаемъ ¹⁾, провозглашеннымъ въ св. Софїи императоромъ и выданнымъ ему измѣнниками, греками“.

„Умираетъ къ тому же и старый Исакій, который, по слухамъ, наиболѣе содѣйствовалъ отдаленію отъ насъ императора Алексѣя, и, провозглашенный въ императоры духовенствомъ и народомъ, Маркулфъ, жаждавшій съ греками нашей крови, возобновляетъ войну противъ насъ, укрѣпляя городъ такими метательными машинами, которыхъ никто еще не видалъ“.

¹⁾ Его звали Алексѣемъ Дукасъ Мурауфломъ.

²⁾ Укрѣпленный дворецъ на берегу залива Золотой Рогъ.

Съ изумленіемъ и подобострастіемъ описываетъ составитель реляціи крѣпость древнихъ стѣнъ Константинополя, прочность цемента, высоту и количество защищающихъ стѣну башенъ и всё приспособленія къ ихъ защитѣ. Описываетъ онъ нападенія, которыя византійцы производили на отдѣльные отряды, выславшіеся крестоносцами для фуражировки въ окрестныя мѣстности, при чемъ имъ въ руки досталась хоругвь, которую несли передъ императоромъ и которую они передали, какъ трофей, Цистерціанскому ордену. Всего же опаснѣе для нихъ были повторявшіяся попытки поджечь ихъ флотъ. Однажды въ ненастную ночь, при сильномъ южномъ вѣтрѣ, были пущены противъ нихъ шестнадцать зажженныхъ кораблей, связанныхъ между собой; но крестоносцамъ удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, вбить въ эти корабли костыли съ цѣпями и за эти цѣпи съ помощью гребныхъ лодокъ выволочь корабли въ открытое море.

Послѣ этихъ неудачъ Мурзуфль пытался вступить въ переговоры съ крестоносцами, и требовалъ свиданія съ дожемъ; но тотъ велѣлъ ему сказать, что съ нимъ, предателемъ своего государя, невозможны никакіе переговоры и обязательства, совѣтуя ему возстановить прежде всего на царство своего господина. На это Мурзуфль отвѣтилъ пустыми словами. Относительно же даннаго Алексѣемъ обязательства склонить грековъ признать папу главою церкви, Мурзуфль отвѣтилъ, что онъ скорѣе предпочтетъ пожертвовать своею жизнью и гибелью Греціи, чѣмъ подчиниться латинскимъ епископамъ. Въ слѣдующую же ночь Мурзуфль тайно задушилъ Алексѣя веревкой, пообѣдавши съ нимъ передъ этимъ, на подобіе Іуды, и желѣзнымъ молоткомъ, своей рукой, съ необыкновенной жестокостью разбилъ ему ребра. Послѣ чего всѣмъ вѣдомое преступленіе онъ думалъ скрыть вымысломъ о случайной смерти и торжественными похоронами. Осада продолжалась; наконецъ, 9 апр. крестоносцы, съ своей стороны запасшись лѣстницами и метательными снарядами, вошли съ своимъ флотомъ въ Золотой Рогъ и пошли на приступъ. Но первый приступъ былъ неудаченъ или, какъ выражается составитель письма, нападавшіе сдѣлались посмѣшищемъ своихъ враговъ, принужденные оставить передъ стѣнами свои приспособленія, хотя потеря людьми была незначительная. Вслѣдствіе этого уже 3 дня спустя возобновили приступъ. Здѣсь, связанные цѣпями два корабля, Рай и Паломникъ, епископовъ Суасона и Труа, подошли тѣсно къ одной изъ башенъ, на которую осаждающимъ удалось взобраться по лѣстницамъ.

---

¹⁾ Николай Канабусъ.

Такъ крестоносцы ворвались въ городъ, въ то время, какъ Мурзуфль бѣжалъ ночью изъ города, черезъ золотыя ворота ¹⁾.

На слѣдующее утро, пока греки снова собирались въ св. Софію „для избранія какого-нибудь Константина“, въ городъ ворвалась пѣхота и начался неистовый грабежъ. „Награблено безчисленное множество коней, золота и серебра, шелковыхъ и дорогихъ одеждъ, драгоценныхъ камней и всего того, что люди причисляютъ къ сокровищамъ; и всего этого было такое множество, что ничего подобнаго не бывало во всемъ латинскомъ мірѣ, такъ что греки, не желавшіе подѣлиться съ нами немногимъ, все намъ предоставили по волѣ Божіей, и мы смѣло можемъ сказать, что равнаго чуда нѣтъ въ исторіи войнъ“.

Послѣ этого крестоносцы приступили къ избранію императора, для чего было избрано по 6 комиссаровъ съ каждой стороны — венеціанцевъ и крестоносцевъ. Со стороны послѣднихъ избирателями были епископы Суассона, Труа, Галберштадта, Виелема, Аккона и аббатъ Лудедія. Ими и былъ избранъ въ императоры Византіи графъ Фландріи, Балдуинъ.

Составитель реляціи хорошо бы сдѣлалъ, если бы остановился на изложеніи хода военныхъ дѣлъ, при чемъ имъ очевидно руководилъ кто-нибудь изъ военныхъ вождей, можетъ быть самъ Балдуинъ. Но клерикальному автору хотѣлось щегольнуть и своимъ церковнымъ краснорѣчіемъ и вотъ для вящаго торжества римской церкви онъ пускается въ обличеніе греческой, выставяя противъ нея цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ съ католической точки зрѣнія, при чемъ жалуется, что по недостатку мѣста не можетъ исчерпать вопроса. Особенно достойна вниманія здѣсь ненависть грековъ къ апостольскому престолу, отмѣчаемая авторомъ, ненависть столь сильная, что „они не выносятъ самое упоминаніе о папѣ и не удостоиваютъ считать однородною съ греческою ту церковь, которую самъ Господь поставилъ во главѣ всѣхъ перквей. Грекамъ ставится въ вину, что они не считаютъ латинянъ даже людьми, а собаками, кровь которыхъ проливать даже похвально. Упрекаетъ авторъ грековъ также въ томъ, что они дозволяютъ изображать Христа лишь посредствомъ живописи и въ повторномъ крещеніи. За то греки и понесли кару: ихъ земля отдана латинянамъ, земля обильная хлѣбомъ, виномъ, елеемъ и плодами, благословенная водами, рощами, пастбищами и умѣреннымъ климатомъ, съ которою не сравнится никакая другая

---

¹⁾ Старинныя, теперь несуществующія ворота въ западной части города, черезъ которыя въѣзжали побѣдоносные римско-византійскіе императоры.

въ мірѣ. Но авторъ письма тутъ же спѣшитъ успокоить папу, что крестоносцы не намѣрены забыть о своемъ обѣтѣ, а, установивши порядокъ въ странѣ, не снимутъ съ плеча креста, пока не отправятся въ заморскій походъ.

Еще и другую, болѣе заманчивую картину развертываетъ составитель письма передъ Иннокентіемъ, какъ слѣдствіе взятія Константинополя—присоединеніе греческой церкви къ римской:

„Никто изъ вѣрующихъ, восклицаетъ онъ, не усомнится, какъ важно было бы во славу Спасителя, въ вѣчную честь Вашего Святѣйшества и къ особенной пользѣ всеобщей церкви, еслибы въ городѣ Константинополѣ, знаменитомъ древними соборами, Вы святой отецъ, созвали вселенскій соборъ, своимъ личнымъ присутствіемъ придали бы ему силу, и новый Римъ соединили бы со старымъ священными постановленіями, прочными во вѣки вѣковъ. Мы уже слышали, что вы приглашали мятежную Грецію на соборъ, какъ бы предугадывая наступившее время, хотя затѣмъ отложили это намѣреніе въ виду ли мятежнаго настроенія Греціи или ради другихъ земныхъ нуждъ и различныхъ дѣлъ. Но вотъ нынѣ пришло для этого время; нынѣ, святѣйшій отецъ, наступилъ спасительный день. Задумалъ повидимому въ ваши дни Господь мысль всеобщаго примиренія (*cogitasse videtur cogitationes pacis*), Господь, повергшій вашихъ враговъ вамъ въ подножіе. Затрубите, просимъ мы, въ жреческую трубу, въ Сіонѣ, святѣйшій отецъ, соберите совѣтъ, созовите народъ старъ и младъ, освятите день, угодный Господу. Вспомните, святой отецъ, вашихъ предшественниковъ, души которыхъ ликуютъ на небѣ, а на землѣ жива славная память,—Іоанна, Агалита, Льва и другихъ, которые, по разнымъ причинамъ, лично посѣтили Константинопольскую церковь, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ папскіе архивы, если насъ не обманываютъ тѣ, кто по ихъ увѣренію сами читали, что ваши предшественники пріѣзжали сюда ради дѣла, гораздо менѣ важнаго“.

Въ заключеніе, предполагаемый авторъ письма, императоръ Балдуинъ, горячо рекомендуетъ папѣ своего дорогого и достойнаго любви союзника, дожа венеціанскаго за его выдающіяся заслуги со всѣми прочими венеціанскими друзьями и союзниками (все еще состоявшими въ отлученіи). Если это заключеніе бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе дѣла, то не менѣ вниманія заслуживаетъ и заголовокъ письма: оно адресовано святѣйшему во Христвѣ отцу Иннокентію, *Божіей милостью* первосвященнику—отъ Балдуина, также *Божіей милостью* императора Константинополь-

скаго. Фландрскій графъ, только что поставленный своими товарищами на царскій престолъ, даетъ понять папѣ, что онъ чувствуетъ себя настоящимъ преемникомъ римскихъ цезарей.

Никогда еще никто изъ предшественниковъ Иннокентія не получалъ такого поразительнаго, радостнаго извѣстія. То, о чемъ они всѣ мечтали, чтобы ихъ главенство надъ церковью было признано въ Константинополѣ, осуществилось, но при условіяхъ, о которыхъ они не смѣли помышлять. На самомъ престолѣ восточныхъ цезарей возсѣдалъ католикъ, покорный папѣ крестноносецъ. Понятно, что передъ этимъ великимъ событіемъ на время замолкли всѣ заботы и неудовольствія папы: забота о продолженіи прерваннаго крестоваго похода, неудовольствіе на то, что крестноносцы вторично ослушались его, обѣщавъ не нападать на христіанскій городъ. Это настроеніе отразилось на отвѣтѣ папы Балдуину отъ 9 ноября того же года *). Иннокентій радуется тому, что Господь удостоилъ императора великихъ чудесъ. Ему особенно пріятно то, что Балдуинъ приписываетъ своей мощи мало или даже ничего, а все Господу и папѣ. Онъ принимаетъ Балдуина, его землю и людей подъ покровительство св. Петра и свое и обѣщаетъ накрѣпко предписать всѣмъ архіепископамъ, государямъ и народу, чтобы они отнюдь не наносили ущерба его державѣ, а архіепископы преслѣдовали бы церковными карами тѣхъ, кто будутъ ему противниками. Онъ предписываетъ всѣмъ крестноносцамъ съ посулой полной индульгенціи, чтобы они защищали Константинопольскую имперію, съ помощью которой можно будетъ освободить св. землю отъ „поганныхъ“. Иннокентій особенно напоминаетъ Балдуину, что греческое царство съ тѣхъ поръ, какъ совратилось съ пути повиновенія апостольскому столу, все болѣе и болѣе хирѣло, пока наконецъ не перешло, по справедливому суду Божию отъ надменныхъ къ смиреннымъ, отъ непокорныхъ къ благочестивымъ, отъ схизматиковъ къ католикамъ. Папа кончаетъ внушеніемъ, чтобы императоръ охранялъ и велѣлъ тщательно охранять церковныя имущества въ новой имперіи, какъ недвижимыя, такъ и движимыя, пока распоряженіями папы не будетъ все цѣлесообразно установлено и не будетъ Кесарево представлено Кесарю, а Божіе Богови безъ всякаго смѣшенія.

* * *

Послѣднее увѣщаніе указываетъ на то, что Иннокентій усматривалъ тучку на свѣтломъ горизонтѣ, который предъ нимъ

*) Эта дата въ отвѣтъ на извѣщеніе о взятіи Константинополя указываетъ на затруднительность сообщеній въ то время между Римомъ и Константинополемъ.

раскрылся на Востокъ. Но тучка по приближеніи оказалась гораздо опаснѣе, чѣмъ онъ думалъ. Когда крестоносцы убѣдились, что имъ приходится или пропадать передъ Константинополемъ, или взять его силою, они предусмотрительно заключили въ мартѣ мѣсяцѣ договоръ съ венеціанцами ¹⁾ относительно дѣлежа богатой добычи, которая ими ожидалась. Вся добыча должна быть снесена въ одно мѣсто и распредѣлена такъ, чтобы три части достались венеціанцамъ въ уплату за то, что обѣщаль уплатить имъ царевичъ Алексѣй, четвертая же часть предназначалась крестоносцамъ. Затѣмъ двѣнадцатью выборщиками, по шести съ каждой стороны, долженъ быть избранъ императоръ, которому, кромѣ общей власти надъ всею имперіей, должна быть выдѣлена четвертая часть имперіи въ личное распоряженіе; остальные три четверти подлежали дѣлежу между крестоносцами и венеціанцами, которымъ, кромѣ того, предоставлялись всѣ привилегіи, какими они пользовались въ Византійской имперіи. Особенно оригинально было распредѣленіе между обѣими сторонами государственной и церковной власти, а именно, право избранія патріарха предоставлялось клерикамъ той стороны, изъ которой не будетъ избранъ императоръ. На этомъ основаніи патріархомъ сталъ венеціанецъ Морозини, а венеціанскіе клерики завладѣли св. Софіей въ качествѣ канониковъ. Такимъ образомъ, въ силу этого договора, заключеннаго „во славу Божию и св. римской церкви“, не только свѣтская власть была поставлена совершенно независимо отъ папства, но и церковная, вопреки всему, что было установлено на Западѣ. Но этимъ не ограничивался захватъ церковной власти со стороны свѣтской. По договору было установлено, что на обезпеченіе церковей и духовенства должно быть отведено столько, сколько нужно для ихъ почетнаго содержанія, всѣ же прочія церковныя земли должны подлежать раздѣлу между свѣтскими владѣльцами по вышеуказанному способу. Какъ изъ этого видно, это была первая въ Европѣ (помимо легендарной при Карлѣ Мартелѣ) секуляризація церковныхъ земель, и она была произведена крестоносцами.

Какъ было предусмотрено въ договорѣ, императоръ Балдуинъ обратился къ папѣ съ просьбой утвердить этотъ договоръ, указывая на великую помощь, оказанную венеціанцами дѣлу римской церкви и имперіи и заявляя, что этою помощью и впредь обу-

¹⁾ Instrumentum Concordiae etc. Inn. Opera. T. II, p. 517.

словливается судьба святой земли, объединение церковей и прочность новой империи, которая безъ союза и дружбы съ венеціанцами не можетъ устоять (VII. 201).

О томъ же просилъ папу и венеціанскій дожъ въ письмѣ, написанномъ въ весьма безцеремонномъ тонѣ. Оправдывая свои дѣйствія подѣ Зарой, онъ между прочимъ заявилъ, что не вѣрилъ тому, будто бы папа, какъ говорили, принялъ подѣ свое покровительство людей, нашивающихъ на себя крестъ не для того, чтобы совершить крестовый походъ, а чтобы присвоивать себѣ чужое имущество. Дождъ разумѣлъ подѣ этимъ венгерскаго короля, забывая, что папа запретилъ разореніе Зары, не какъ венгерскаго, а какъ христіанскаго города.

Иннокентій, по словамъ автора его Дѣяній, получивъ свѣдѣніе о томъ, что творилось въ Константинополѣ, пришелъ въ сильное смущеніе, такъ что пригласилъ для обсужденія этихъ дѣлъ, не только кардиналовъ, но и архіепископовъ, епископовъ и другихъ умныхъ людей, присутствовавшихъ тогда въ Римѣ. Смущеніе папы, о которомъ біографъ выражается такъ энергически ¹⁾ было естественно въ виду свѣденій, сопровождавшихъ вѣсть о завоеваніи Константинополя. Избраніе въ патріархи Морозини Иннокентій признавалъ неправильнымъ, такъ какъ его избиратели, венеціанскіе клерики, захватившіе св. Софію, не были на это уполномочены. Договоръ же папа призналъ крайне предосудительнымъ для константинопольской церкви, такъ какъ она черезъ это лишалась своего апостольскаго достоинства.

Не менѣе, чѣмъ договоръ, смущали Иннокентія извѣстія о судьбѣ самого Константинополя и его населенія. Во время осады Царьградъ претерпѣлъ три огромныхъ пожара, причемъ лѣтописецъ четвертаго крестоваго похода замѣчаетъ, что во время третьяго пожара сгорѣло больше домовъ, чѣмъ можно было бы найти въ трехъ главнѣйшихъ городахъ Европы. Но еще хуже была судьба населенія Царьграда. Грабежи, убійства и насилія надъ людьми всякаго возраста и пола совершались въ небывалыхъ размѣрахъ — и сверхъ всего производились повсемѣстныя святотатства не только грабителями, но и благочестивыми людьми, искавшими вездѣ по церквамъ мощей и реликвій.

Въ виду этого Иннокентій съ негодованіемъ пишетъ маркизу Монфератскому, какъ официальному вождю крестоваго похода: „Вы, не имѣя никакого права, ни власти надъ Греціей, безразсудно уклонились отъ вашего чистаго намѣренія, устремившись не на

---

¹⁾ Coepit vehementissime dubitare, с. 93.

завоеваніе Іерусалима, а на завоеваніе Константинополя, предпочитая земныя блага небеснымъ. Но ваша вина гораздо болѣе отягчается тѣмъ, что никому не было пощады, ни религиозному сану, ни возрасту, ни полу, что на глазахъ у всѣхъ совершался блудъ и прелюбодѣяніе и не только женщины и вдовы, но и почтенныя матроны и инокини были предоставлены разврату *гарсоновъ* *). И недостаточно вамъ было исчерпать до дна богатства императора и обирать малыхъ и великихъ, вы протянули руки къ имуществу церкви и, что еще хуже, къ святынямъ ихъ, снося съ алтарей серебряныя доски, разбивая ризницы, присвоивая себѣ иконы, кресты и реликвіи, для того, чтобы греческая церковь отказалась возвратиться къ повиновенію апостольскому престолу, усматривая со стороны латинянъ лишь изувѣрства и дѣла дьявольскія и были бы въ правѣ относиться къ нимъ съ отвращеніемъ, какъ къ *собакамъ*“.

А по мѣрѣ того, какъ исчезала иллюзія, которой крестоносцы тѣшили Иннокентія, т. е. что занятіе Цареграда облегчитъ имъ завоеваніе Іерусалима, это завоеваніе Константинополя теряло цѣнность въ глазахъ папы; среди его заботъ снова всплыла на первое мѣсто мечта о Іерусалимѣ.

Мечта не оставляла Иннокентія до послѣдняго года его жизни. Завоеваніе Константинополя скоро оказалось даже главнымъ препятствіемъ къ достиженію его завѣтной цѣли. По Мартовскому договору крестоносцы обязывались въ теченіе года не удаляться изъ Константинополя, гдѣ ихъ поддержка была нужна новому императору. Но еще до истеченія этого срока многіе начали разсѣиваться по Фракіи, Греціи и по островамъ, завоевывая себѣ укрѣпленные замки и княжества. Они становились феодальными сеньорами въ Византіи, и все возрастало число крестоносцевъ, просившихъ по той или иной причинѣ у папы, или у его легатовъ, снятія съ нихъ крестоваго обѣта. Поэтому Иннокентій чрезвычайно встревожился, когда узналъ, что легаты, посланные имъ въ Палестину, кардиналы Петръ Капуанскій и Софредъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать его политикѣ, противодѣйствуютъ ей. Онъ былъ ими тѣмъ болѣе недоволенъ, что въ критическій для Палестины моментъ они, узнавъ о взятіи Константинополя, сами поспѣшили туда и ихъ примѣру послѣдовали многіе не только паломники, но и мѣстные рыцари, такъ что Сирія совсѣмъ одутѣла и положеніе дѣлъ въ ней, по ихъ винѣ, стало хуже, чѣмъ

---

*) *Garçiones—homines nihili, cujusmodi sunt calones qui sequuntur castra, quos vulgo mauvais garçons appellamus. Ducange.*

было прежде. Они должны были бы подумать о томъ, упрекали ихъ Иннокентій, что они посланы были на Востокъ не для завоеванія Византійской имперіи, а для освобожденія св. земли, не для приобрѣтенія земныхъ благъ, а небесныхъ. Каково же было изумленіе Иннокентія, когда онъ узналъ, что кардиналь Петръ свялъ обѣтъ со всѣхъ крестоносцевъ, которые пробудутъ въ Византіи годъ—по марту 1205 г. „Я не могъ не разсердиться на тебя—писалъ Иннокентій легату (VIII, 126), такъ какъ ты не долженъ былъ и не имѣлъ права на это покушаться, кто бы тебѣ это ни внушалъ, и какими бы доводами ни искушалъ“. Объяснивъ всю важность и значеніе обѣта крестоносца, папа предоставляетъ кардиналу рѣшить, дозволено-ли было ему измѣнить, даже исказить такой торжественный и благочестивый обѣтъ. „Пойми, продолжаетъ папа, мы говоримъ это со скорбью и со стыдомъ, то, что мы считали побѣдой, оказалось поражениемъ (*unde videbamus profecisse defecimus*) и то, въ чемъ мы видѣли большое расширение власти, становится для насъ источникомъ ущерба (*angustiamur unde credebamus potissimum dilatare*). Развѣ Сарацины, объятае сильнымъ страхомъ послѣ паденія Константинополя, не воспрянуть духомъ, и, узнавши (а то, что совершается на глазахъ столькихъ тысячъ людей, не можетъ остаться тайной),— что крестоносцы черезъ годъ возвратятся на родину, развѣ не поглотятъ овечекъ, которыхъ вы оставили въ пустынѣ на съѣденіе волковъ? А мы сами, съ какимъ лицомъ можемъ мы призывать народы Запада на выручку св. земли и на защиту Константинополя? Ибо намъ, хотя не по нашей винѣ, а изъ-за тебя, многіе можетъ быть поставятъ въ укоръ, что крестоносцы, освобожденные отъ обѣта, разграбивъ имперію и бросивъ ее безъ защиты, возвращаются всякъ, нагруженные добычей?“

Когда Иннокентій отправлялъ это посланіе—10 іюля, онъ еще не зналъ, до какой степени не только Востокъ, но и самый Константинополь нуждался въ защитникахъ. Болгары были издавна грозой Византійской имперіи: въ началѣ XI вѣка Византія избавилась отъ страха передъ Болгарами благодаря побѣдамъ надъ ними императора Василия Болгары-убійцы. Но не задолго до появленія крестоносцевъ на Балканскомъ полуостровѣ Болгарія снова воспрянула подъ властью Іоанницы или, какъ его звали греки, Калояна и нанесли императору Балдуину, вышедшему противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ близъ Адрианополя, тяжкое пораженіе, причемъ и самъ императоръ былъ взятъ въ плѣнъ.

Занявшій мѣсто Балдуина, братъ его, Генрихъ, обратился къ Иннокентію съ слезнымъ молениемъ о защитѣ и вызовѣ новыхъ

крестоносцевъ, и Иннокентій поспѣшилъ къ нему на помощь. Намъ придется говорить объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, но еще до наступленія этой новой заботы завоеваніе Константинополя удвоило, какъ мы видѣли, страхи папы за судьбу христіанства на Востокъ. При такомъ настроеніи Иннокентію было крайне непріятно безцеремонное обращеніе къ нему дожа Дандоло изъ-подъ Константинополя. Старый дожъ, съ котораго кардиналъ легать отъ св. Марцела только что снялъ отлученіе отъ церкви за разореніе Зары, прося папу одновременно съ императоромъ Балдуиномъ объ утвержденіи договора, заключеннаго венеціанцами съ крестоносцами, въ то-же время просилъ и объ освобожденіи отъ даннаго имъ обѣта участвовать въ крестовомъ походѣ. Несмотря на уже послѣдовавшее снятіе съ него отлученія, Дандоло счелъ нужнымъ оправдываться въ разрушеніи Зары, но сдѣлалъ это довольно безцеремонно. Онъ утверждалъ, что жители Зары были мятежниками и такъ какъ онъ былъ принужденъ провести зиму со своимъ флотомъ около этого города, онъ и воспользовался случаемъ для мести, какъ это въ обычай у враждующихъ (*quod moris est invicem se inimicantium*). Онъ отказывался вѣрить, чтобы этотъ городъ состоялъ подъ покровительствомъ папы, такъ какъ думаетъ, что папа и его предшественники не стали-бы защищать тѣхъ, кто надѣваются на себя крестъ для того только, чтобы его носить, не отправляясь въ свят. землю, и мало того, чужимъ завладѣваютъ—намекъ на короля венгерскаго, которому принадлежала Зара. „Да будетъ вѣдомо вашему святѣйшеству, заключаетъ дожъ, что я вмѣстѣ съ венеціанцами во всемъ, что мы ни предпринимали, трудились для славы Божіей, для св. римской церкви и для васъ и намѣрены и впредь также трудиться“.

Отвѣтъ Иннокентія очень замѣчательнъ. Конечно, не всѣ посланія изъ папской канцеляріи составлены самимъ Иннокентіемъ, но хочется думать, что именно письмо къ Дандоло продиктовано папою, до того искусно авторъ письма запутываетъ стараго хитреца въ его собственныхъ противорѣчіяхъ, наказываетъ за его многочисленныя дерзости по отношенію къ папской куріи и въ то-же время заманиваетъ его перспективой освобожденія отъ участія въ крестовомъ походѣ въ будущемъ. Письмо дожа, конечно, не могло смягчить Иннокентія, тѣмъ болѣе, что венеціанцы, на основаніи упомянутаго договора, овладѣли соборомъ св. Софіи, устроились въ немъ въ видѣ канониковъ и избрали въ патріархи своего земляка Морозини. Поэтому на ходатайство объ утвержденіи договора Иннокентій отвѣчаетъ имъ, что по тремъ причинамъ не можетъ сдѣлать этого: въ договорѣ распредѣляются имущества

церкви, насильственно у нея отнятыя. Это оскорбленіе Божества и не пристало бы апостольскому престолу защищать тѣхъ, кто такъ нарушилъ достоинство церкви. Утверженіе договора тѣмъ менѣе допустимо, что въ каждомъ почти его параграфѣ говорится, что все это дѣлается въ честь римскаго престола. Наконецъ, обращается папа къ дожу, такъ какъ на тебя и на шесть совѣтниковъ твоихъ возложено право распредѣлять участки, намъ пришлось бы, подчиняясь этому, предоставить на произволь мірянъ подвергать чрезъ насъ отлученію тѣхъ, кто нарушилъ бы намъ неизвѣстный и можетъ быть противорѣчащій канонамъ приговоръ мірянъ. По поводу же просьбы дожа, переданной папѣ его послами, чтобы въ виду старости и болѣзни съ него была папою снята обязанность совершить крестовый походъ, Иннокентій пишетъ, что проникаемость его ума и зрѣлость опыта могутъ быть такъ полезны войску крестоносцевъ, и императоръ и крестоносцы такъ на него полагаются, что онъ, папа, не считаетъ возможнымъ согласиться на его желаніе, чтобы его не упрекнули потомъ въ томъ, что по его винѣ пришло въ разстройство войско, собранное на защиту св. земли—и не поставили бы ему, дожу, въ вину того, что онъ взялъ на себя крестъ не для служенія Тому, Кто пострадалъ на крестѣ, а, отомстивъ за свои обиды, онъ не пожелалъ отомстить за обиды и позоръ Иисуса Христа. Впрочемъ, такъ какъ крестоносцы, повидимому, собираются пока остаться въ Романіи, то и онъ, папа, будетъ имѣть время зрѣлѣе обдумать это дѣло“. Но среди всѣхъ этихъ непріятностей и заботъ Иннокентія не оставляло и поддерживало горделивое сознаніе о великомъ успѣхѣ, одержанномъ церковью въ его дни. Въ поученіи духовенству крестоносцевъ побѣдителей это сознаніе характерно выражается по поводу толкованія евангельскаго разсказа объ уловѣ рыбы апостоломъ Петромъ“. Мои предшественники, говоритъ Иннокентій, хотя и много потрудились, однако, почти ничего не уловили. „Но когда во имя Божіе забросили сѣть — я и братья мои—мы захватили рыбы въ изобиліи — въ Ливоніи, обращая въ христіанство язычниковъ, въ Болгаріи и Валахіи, привлекая многихъ къ единству, и въ Арменіи, привлекая давно забытыхъ (христіанъ) черезъ посланныхъ къ нимъ легатовъ. И вотъ и греческая церковь возвращается подъ кровъ апостольскаго стола и съ ея помощью будутъ освобождены ея двѣ сестры Александрійская и Іерусалимская церкви, которыя находятся въ плѣну подъ игомъ царя Египетскаго и поневолѣ служатъ Фараону“.

Г Л А В А П И.

ВОДВОРЕНІЕ КАТОЛИЦИЗМА ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Совершившееся вопреки желанію Иннокентія завоеваніе Константинополя доставило этому папѣ небывалое торжество въ области церкви. Западная и Восточная Имперіи какъ бы снова сливались подъ главенствомъ римскаго епископа, которому открывалась возможность возстановить давно нарушенное единство Христовой церкви. Что же сдѣлалъ Иннокентій III для осуществленія этой цѣли? Представлявшаяся ему задача распадалась на двѣ части. вмѣстѣ съ крестоносцами въ Византійской имперіи водворился католицизмъ; католическіе прелаты заняли церкви и церковныя каведры, покинутыя греками. Надо было, слѣдовательно, прежде всего организовать католическую церковь въ завоеванныхъ латинянами областяхъ, опредѣлить ея отношеніе къ свѣтской власти и къ туземному греческому населенію. И во-вторыхъ, надо было, укрѣпившись въ Латинской имперіи, пытаться подчинить Риму и тѣ греческія области, которыя не вошли въ предѣлы Имперіи крестоносцевъ. Капитальнымъ вопросомъ въ обоихъ отношеніяхъ было замѣщеніе Константинопольскаго патріаршаго престола, упраздненнаго вслѣдствіе бѣгства греческаго патріарха въ Азію. Мы видѣли, что при дѣлежѣ добычи крестоносцы, оставивъ за собою имперію, предоставили своимъ союзникамъ, венеціанцамъ—священство и послѣдніе избрали въ патріархи венеціанскаго субдіакона Морозини. Иннокентій остался очень недоволенъ такимъ послѣднимъ рѣшеніемъ вопроса безъ его разрѣшенія, однако, отказъ въ признаніи патріархомъ Морозини могъ бы вызвать смуту среди крестоносцевъ, которые были связаны своимъ договоромъ съ венеціанцами. Иннокентій поступилъ энергично и съ большимъ тактомъ. Онъ тотчасъ вызвалъ въ Римъ самого Морозини, который былъ только въ санѣ субдіакона, самъ посвятилъ его слѣдовательно въ дьяконы, пресвитеры, въ епископы и, наконецъ, облекъ его палиумомъ (pallium) въ знакъ его патріаршества, причемъ взялъ съ него обычную клятву въ вѣрности папѣ, которую давали въ этомъ случаѣ папѣ архіепископы западной церкви. Гордость

Рима была удовлетворена: патриархъ Константинопольскій сталъ не только католикомъ, но и былъ сведенъ на степень римскаго ставленника. По смерти Морозина Иннокентій въ 1215 г. уже самъ назначилъ ему преемникомъ патриарха Гервазія и современный лѣтописецъ былъ правъ, отмѣчая этотъ фактъ, какъ небывалое событіе, словами: „церковь восточная оказалась подчиненной и послушной церкви римской“.

Отпуская новаго патриарха, Иннокентій снабдилъ его грамотой, въ которой, награждая его разными привилегіями, счелъ нужнымъ напомнить міру, что своимъ возвышеніемъ Константинополь обязанъ лишь Риму: „Церковь, пишетъ онъ новому патриарху, которая называлась византійской, а нынѣ зовется Константинопольской, когда-то не занимала мѣста среди апостолическихъ и патриаршихъ церквей: римская, апостолическая церковь создала ей громкое имя среди великихъ церквей на землѣ и поднявъ ее какъ бы изъ праха, настолько возвеличила, что превознесла ее въ почетѣ, какъ надъ Александрійской церковью, такъ и надъ церквями Антиохійской и Іерусалимской, поставивъ ее на первое мѣсто послѣ себя. Такъ что она одна, по особой милости матери, превзошла всѣ прочія. И хотя эта церковь не разъ уклонялась отъ послушанія апостольскому престолу, но такъ какъ она теперь, по милости Божіей, смиренно вернулась, то соглашаясь на твои просьбы, мы эту церковь, во главѣ которой ты по волѣ Господа Бога поставленъ, принимаемъ подъ покровительство св. Петра и наше“ (VIII. 19).

Въ дальнѣйшемъ текстѣ папа утверждаетъ за Константинопольской (латинской) церковью всѣ имущества, ею пріобрѣтенныя или въ будущемъ имѣющія поступить къ ней—всѣ вольности и льготы, всѣ древніе и разумные обычаи Константинопольской церкви, не противорѣчащіе учрежденіямъ апостольскаго престола“. Онъ даруетъ новому патриарху палліумъ этъ щедротъ апостольскаго престола (*largitate*), т. е. полноту архіерейской власти, которою онъ можетъ пользоваться въ подчиненныхъ ему церквахъ—въ дни подробно перечисленные въ грамотѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, папа предоставляетъ ему въ силу этой грамоты удѣлять палліумъ и архіепископамъ своего патриаршества, взявъ съ нихъ обязательство каноническаго повиновенія не только себѣ, но и папѣ и римской церкви. Далѣе папа даруетъ ему право, чтобы предъ нимъ носили крестъ, знамя Господне, куда бы онъ ни отправлялся, за исключеніемъ города Рима и мѣста, гдѣ бы находился папа,—и, наконецъ, право пользоваться особой бѣлой попоной, покрывавшей всего коня.

Въ другой грамотѣ отъ того же числа—30 марта, Иннокентій снабжаетъ патріарха, въ видѣ особой милости, полномочіемъ отпускать именовъ папы грѣхъ тѣмъ, кто бы оскорбилъ дѣйствіемъ клериковъ или монаховъ, за исключеніемъ случаевъ до того возмутительныхъ, что онъ самъ призналъ бы необходимымъ повергнуть ихъ на рѣшеніе папы. Ему же въ этой грамотѣ предоставляется право миловать поддѣльвателей печати и тутъ же предоставляется право помазанія на царство королей (reges) въ предѣлахъ Константинопольской имперіи съ согласія императора.

Наконецъ, въ особой грамотѣ, папа счелъ нужнымъ освободить патріарха отъ взятаго на себя при полученіи палліума обязательства не продавать, не держать, не закладывать, не давать въ ленъ и не отчуждать какимъ-либо способомъ имѣнія, приписанныя къ архіепископскому столу, безъ вѣдома римскаго первосвященника. Изъ чего видно, насколько уже простиралась въ дни Иннокентія централизація церковнаго управленія.

Уладивши, такимъ образомъ, это шекотливое дѣло, Иннокентій сообщилъ объ этомъ императору Балдуину и затѣмъ въ особой грамотѣ отъ 20 янв. 1205 г. „епископамъ, аббатамъ и прочимъ клерикамъ въ Константинополѣ находящимся“. Папа воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ высказать передъ духовенствомъ обѣихъ церквей свой взглядъ на ихъ взаимныя отношенія, что придаетъ этой грамотѣ значеніе одного изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ средневѣковыхъ памятниковъ. Въ отличіе отъ обычнаго высокомѣрія папскихъ документовъ по отношенію къ греческой церкви и ихъ полемическаго тона, Иннокентій объединяетъ здѣсь обѣ церкви въ общей работѣ въ пользу царства Христова. Пользуясь евангельскимъ текстомъ, папа *уравниваетъ* обѣ церкви, сравнивая ихъ съ двумя ладьями, вышедшими, по приказанію Спасителя, на уловъ рыбы, и хотя при этомъ и не забываетъ подчеркнуть преимущества римской церкви, но оговаривается, что это преимущество предоставлено ей не для *господства*, а ради служенія.

Исходнымъ текстомъ для своего поученія Иннокентій беретъ пятую главу евангелія отъ Луки съ разсказомъ о томъ, какъ апостоль Петръ ловилъ рыбу, а Спаситель, ступивъ въ его ладью, велѣлъ ему выкинуть сѣти. Эта ладья Петра, поясняетъ Иннокентій, обозначаетъ собою церковь Петра, что стало особенно очевидно со времени императора Константина. Тогда-то церковь стала постепенно переходить отъ земного обычая къ небесному, т. е. отъ буквального толкованія къ духовному. Какъ нѣкогда Христосъ сталъ учить народъ съ ладьи Петра, такъ это дѣлалъ

и Петръ, а потомъ за нимъ и многіе другіе учителя церкви, какъ Левъ, Григорій, Геласій, Иннокентій I. Послѣ того, на время замолкла рѣчь учителей, не вслѣдствіе того, что не было достойныхъ учителей, а по причинѣ пороковъ подчиненныхъ имъ лицъ (*malitia subditorum*).

Но у евангелиста, продолжаетъ папа, идетъ рѣчь еще о другой ладѣ, въ которой находились братья Зеведеевы, Яковъ и Иоаннъ. Эта *иная* ладья—греческая церковь; она стала *иною*, когда начала чуждаться единства вселенской церкви. Когда же на этихъ дняхъ Константинопольская имперія отъ грековъ была перенесена къ Латинянамъ и Константинопольская церковь вернулась къ повиновенію апостольскому столу, какъ дочь къ матери и какъ членъ къ главѣ тѣла, между нами и ими состоялось нераздѣльное общеніе. Признаемъ же ихъ братьями, товарищами и друзьями, ибо, хотя мы преобладаемъ надъ ними, но это преимущество (*proelevationis officium*) не заключаетъ въ себѣ господства (*dominium*), а скорѣе служеніе, согласно словамъ Господа (Лука XXII). „И обѣ ладьи были наполнены рыбою и, увидѣвъ это, Симонъ Петръ припалъ къ колѣнамъ Иисуса и сказалъ: „Выйди отъ меня, Господи! потому что я человекъ грѣшный. Ибо ужасъ объялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ“.—„И я, продолжалъ Иннокентій, видя, что ладья уже начинаетъ наполняться, долженъ преклониться съ смиреніемъ и любовью къ колѣнамъ Спасителя, чтобы благодарить за такую милость. И я также объять великимъ ужасомъ, вслѣдствіе неожиданности великаго чуда, совершившагося въ эти дни“. Когда же всѣ христіане вернутся къ апостольскому престолу, тогда весь сонмъ языческихъ народовъ увѣруетъ и весь Израиль будетъ спасенъ. „И вотъ, восклицаетъ Иннокентій, товарищи наши приходятъ намъ на помощь, и греческая церковь покоряется римскому престолу для того, чтобы онъ съ ея помощью освободилъ ея двухъ сестеръ, Александрійскую и Иерусалимскую, находящихся въ плѣну у царя Египетскаго“.

По этому поводу Иннокентій развиваетъ свой взглядъ на патріаршества и распредѣляетъ ихъ между тремя апостолами, принимавшими участіе въ уловѣ рыбъ по приглашенію Христа. Патріаршества римское, антиохійское и александрійское приходятся на Петра, который или самъ основалъ ихъ, или черезъ своего ученика Марка (александрійское). Константинопольское патріаршество—достояніе Иоанна, а Иерусалимское—Якова, бывшаго первымъ мученикомъ Иерусалимскимъ.

За этой, можно сказать, апопеезой римскаго владычества надъ церковью слѣдуетъ дѣловая часть письма. Изложивъ дѣло избра-

нія Оомы Морозини, Иннокентій сообщаетъ, что хотя онъ не напелъ никакихъ недостатковъ со стороны избраннаго, однако не счелъ возможнымъ утвердить избраніе потому, что мірянамъ, хотя и благочестивымъ, не предоставлено права участвовать въ рѣшеніи духовныхъ дѣлъ, и константинопольскій патріархъ не долженъ былъ избираться подъ вліяніемъ свѣтскаго государя. Кромѣ того и венеціанскіе клерики, считавшіе себя канониками св. Софіи, не были уполномочены къ этому избранію, такъ какъ не были утверждены въ своемъ званіи ни папой, ни его легатомъ. „Но такъ какъ ошибки людей не должны служить къ ущербу церкви и избранный субдіаконъ (Морозини) ни въ чемъ неповиненъ, то во вниманіе къ просьбамъ императора и къ пользѣ церкви, онъ, Иннокентій, въ силу своихъ полномочій и утверждаетъ Морозини патріархомъ.

Признаніе Иннокентіемъ Морозини патріархомъ не избавило, однако, папу отъ хлопотъ по организаціи и управленію греческой церковью. Прежде всего венеціанцы не пожелали отказаться въ его пользу отъ того, что они считали своей добычей. При проѣздѣ Морозини чрезъ его родной городъ на возвратномъ пути въ Константинополь, они задержали его и взяли съ него обязательство принимать въ число канониковъ св. Софіи лишь венеціанцевъ или клериковъ, прожившихъ въ Венеціи не менѣе 10 лѣтъ, и брать съ этихъ канониковъ клятву, что они будутъ избирать въ патріархи лишь венеціанца—съ цѣлью закабалить Венеціи патріаршій санъ. Папа, конечно, призналъ это обязательство недѣйствительнымъ и запретилъ патріарху соблюдать его.

Жизнь новаго патріарха была не сладкая. Награждая его почетными привилегіями, Иннокентій вовсе не думалъ отказаться въ его пользу отъ вмѣшательства въ мѣстныя церковныя дѣла, къ какому онъ привыкъ на западѣ. Такъ онъ отказался отъ подчиненія ему архіепископа и епископовъ острова Кипра, предпочитая подчинить ихъ непосредственно Риму; онъ запрещалъ ему вообще принимать мѣры противъ непокорныхъ епископовъ. По всей Имперіи, насколько она была захвачена крестоносцами, повторилось то, что случилось въ самомъ Константинополѣ; греческіе архіереи оставляли свои кathedры, которыя занимались католическими прелатами, стремившимися къ независимости отъ патріарха; тѣмъ болѣе, что церковное раздробленіе соответствовало и политическому. Вездѣ почти, въ Македоніи и въ собственной Греціи, и на островахъ, власть захватывалась отдѣльными вождами крестоносцевъ на феодальномъ правѣ, обусловливавшемъ очень слабую зависимость отъ императора. Иннокентій покрови-

тельствовавъ этой децентрализаціи, способствовавшей централизаціи церкви въ рукахъ Рима. Онъ заводилъ непосредственныя сношенія съ мѣстными прелатами. Архіепископу Салоникскому онъ напомнилъ древнюю связь съ Римомъ, его предшественниковъ, носившихъ когда-то титулъ викаріевъ римскаго епископа, когда западная часть Балканскаго полуострова входила въ составъ западной Римской имперіи. Подобнымъ образомъ Иннокентій ссылаясь на дѣятельность апостола Павла, чтобы привлечь къ Риму архіепископа города Филиппъ и епископа Коринесскаго.

Особенно тягостны были патріарху Морозини папскіе легаты, которыми Иннокентій пользовался, какъ на западѣ, такъ теперь на востокѣ, чтобы непосредственно управлять церковью изъ Рима. Распоряженія этихъ легатовъ часто шли въ разрѣзъ съ желаніями патріарха, но Иннокентій всегда бралъ ихъ сторону. Онъ приказывалъ Морозини, подѣ страхомъ лишенія сана, признавать прелатовъ, назначенныхъ ими, запретилъ ему касаться казны св. Софіи и даже заставилъ возвратить взятые имъ оттуда деньги. Когда патріархъ отказался утвердить вновь избраннаго епископа въ Никомидіи, пока ему не уступятъ часть владѣній этой епархіи, на которыя онъ заявлялъ притязанія, папа назначилъ по жалобѣ мѣстныхъ канониковъ и императорскаго правительства особую комиссію и поручилъ ей разобрать дѣло, не принимая въ соображеніе протесты патріарха.

Какъ въ утвержденіи патріархомъ Морозини, такъ въ признаніи греческой церкви, наравнѣ съ римской, ладью Христовой—проявляется большая уступчивость со стороны Иннокентія и видимое желаніе установить добрыя отношенія между Римомъ и Константинополемъ. Такое же примирительное отношеніе обнаруживается и вообще въ столкновеніяхъ между свѣтской и духовной властями въ Константинополѣ. Такъ, по случаю отлученія отъ церкви императора Генриха (брата и преемника Балдуина) патріархомъ Константинопольскимъ, Иннокентій беретъ сторону отлученнаго и пишетъ ему 14 сен. 1208 года (X 120): „Такъ какъ на тебѣ лежитъ тяжелое и великое бремя заботиться объ управленіи имперіей Романіи, то мужи церкви скорѣе обязаны облегчать это бремя, чѣмъ отягощать, для того, чтобы ты не изнемогъ подѣ гнетомъ его, если сверхъ твоихъ силъ тебя будутъ давить какъ свѣтскія, такъ и духовныя заботы. Насколько же необходимо почитать правителей, особенно благовѣрныхъ, поучаетъ самъ Петръ апостоль (I. 2), для того, чтобы нашъ досточтимый братъ, Константинопольскій патріархъ, не могъ тебя безмѣрно обижать—какъ онъ тебя, по полученнымъ нами извѣстіямъ, до

сихъ поръ обижалъ, — мы болѣе въ нашемъ интересѣ, чѣмъ въ твоёмъ, — ибо выносить несправедливость менѣе тяжкое дѣло, чѣмъ нанести ее — въ силу данной грамоты воспрещаемъ ему налагать на тебя лично или на землю твою безъ очевидной и разумной причины какую-либо церковную кару, предпочитая ей каноническое увѣщаніе — развѣ въ случаѣ такого преступленія, которое требуетъ отступленія отъ нормальнаго судопроизводства. Если же ты будешь предполагать, что противъ тебя замышляется обида, тебѣ предоставляется апеллировать къ апостольскому престолу, чтобы предотвратить готовящуюся невзгоду. А если послѣ такой апелляціи патриархъ вздумаетъ тебя подвергнуть карѣ, мы признаемъ ее не подлежащей соблюденію, какъ вздорную и неправильную, въ особенности, если ты заявишь о своей готовности дать отвѣтъ предъ нами, или нашимъ легатомъ, или избраннымъ нами посредникомъ“.

И чтобы болѣе обезпечить императора отъ церковныхъ каръ со стороны патриарха, папа изъялъ императорскіе дворцы — Влахернскій и Вуклеонъ (Vulca Leonis) изъ юрисдикціи патриарха и подчинилъ ихъ исключительно папѣ. За то и отъ императора Генриха Иннокентій получалъ всевозможные подарки деньгами и священными предметами и увѣренія въ преданности. „Ты нашъ отецъ, нашъ покровитель, нашъ господинъ, писалъ императоръ папѣ: мы твои рыцари, мы воинство римской церкви“.

Несмотря на эти добрыя отношенія, на почвѣ латинской имперіи возникъ однако вопросъ, постоянно грозившій столкновеніями между церковной и свѣтской властями и доставлявшій Иннокентію, какъ свидѣтельствуемъ его переписка, много заботъ. Захвативъ Константинополь и размѣщаясь по отдѣльнымъ областямъ имперіи, французскіе сеньеры нуждались для своихъ воиновъ въ земляхъ и помѣстьяхъ и воспользовались для этого обширными землями, принадлежавшими высшему греческому духовенству, соборамъ и монастырямъ. Это была секуляризація въ громаднѣхъ размѣрахъ, столь мало совмѣстимая съ средне-вѣковыми принципами. А такъ какъ мѣста православныхъ архіереевъ почти вездѣ были заняты католическими прелатами, обезпеченіе которыхъ обуславливалось доходами съ занятыхъ баронами имѣній, то папа не могъ отнестись равнодушно къ этому расхищенію церковныхъ земель; тѣмъ болѣе, что феодальная знать, принужденная въ завоеванной области быть всегда готовой къ оборонѣ и содержать значительное число вооруженныхъ людей — заботилась о томъ, чтобы запасъ феодальныхъ участковъ не уменьшался и потому затрудняла переходъ ихъ къ духовенству

и монастырямъ по завѣщанію или даренію. Вслѣдствіе этого мы видимъ въ латинской имперіи первыя попытки борьбы противъ *мертвой руки*, появившіяся впоследствии и въ западной Европѣ. Для Иннокентія, поставившаго себѣ цѣлью обезпечить торжество церкви надъ міромъ, такая политика была недопустима. Она и стала источникомъ постоянныхъ пререканій между представителями свѣтской и духовной власти, за которую стоялъ папа. Даже и для императора Иннокентій не дѣлалъ исключенія и потребовалъ отъ Генриха возвращенія церкви св. Анастасіи—второго по значенію храма въ Константинополѣ, земель и доходовъ, присвоенныхъ еще его братомъ Балдуиномъ. „Онъ взялъ ихъ себѣ, писалъ папа, вопреки всякой справедливости и отказывался возвратить ихъ, а ты продолжаешь удерживать ихъ за собою въ ущербъ спасенію души. Чѣмъ болѣе помогаетъ тебѣ Господь въ дѣлахъ твоихъ, тѣмъ болѣе ты обязанъ благосклонно относиться къ справедливымъ требованіямъ духовенства“.

Понятно, что Иннокентія еще болѣе возмущали случаи, когда захватъ совершался въ ущербъ католическаго духовенства или рыцарскаго ордена, посвятившаго себя освобожденію гроба Господня. Одинъ изъ такихъ случаевъ вызвалъ со стороны Иннокентія цѣлый рядъ посланій. Маркизь Палавичини и коннетабль маркиза Монфератскаго пожертвовали тамплиерамъ принадлежавшее имъ имѣніе близъ Салоникъ, для защиты котораго рыцари построили замокъ. По смерти маркиза Монфератскаго императоръ Генрихъ отнялъ у тамплиеровъ имѣніе съ замкомъ и передалъ его одному изъ своихъ вассаловъ. По жалобѣ тамплиеровъ Иннокентій поручилъ комиссіи изъ двухъ архіепископовъ и одного епископа возстановить права ордена,—хотя бы пришлось прибѣгнуть къ отлученію отъ церкви нарушителя этихъ правъ, имѣніе подвергнуть интердикту, императора же убѣдить, чтобы онъ не оказывалъ своему вассалу ни помощи, ни покровительства*).

Съ тѣхъ поръ прошелъ ровно годъ. Приказанія папы оставались тщетны. Тогда онъ разразился слѣдующей филиппикой по адресу императора. „Намъ очень тяжело и непріятно, что ты и крестоносцы, вмѣсто того, чтобы воспользоваться завоеваніемъ Романи, главнымъ образомъ, ради помощи святой землѣ, не только не оказали ей до сихъ поръ никакой помощи, но даже

---

*) Письма Иннокентія XIII. № 136. Имѣніе здѣсь названо „Sydonius“, въ слѣд. же книгѣ № 109. „Situm“.

наносишь ущербъ и обиды рыцарямъ Храма, которые всѣми силами пекутся о защитѣ ея—овладѣвъ произвольно ихъ замкомъ Ситумомъ надъ Равенникой со всѣми его угодьями. И хотя я уже не разъ писалъ тебѣ о возвращеніи этого владѣнія, ты до сихъ поръ остаешься глухъ къ нашимъ просьбамъ, безъ вниманія къ тому, съ какою благосклонностью и пользой для тебя мы старались исполнять твои просьбы и какъ своевременно была до сихъ поръ наша помощь тебѣ; и еслибы мы когда-нибудь, какъ заслужило того твое жестокосердіе—нашли нужнымъ лишить тебя этой нашей помощи, ты бы скоро позналъ на опытъ, какъ она была тебѣ полезна и какъ невыгодно ея отсутствіе. Поэтому мы просимъ, совѣтуемъ и увѣщаемъ въ Господѣ твою свѣтлость, чтобы ты упомянутый замокъ со всѣми угодьями безъ замедленій возвратилъ братству Храма и ради этого никакихъ не чинилъ имъ обидъ и притѣсненій. Въ противномъ случаѣ, такъ какъ мы не желаемъ и не имѣемъ права отказывать имъ далѣе въ справедливости, ты неминуемо познаешь, какъ мы исполнили лежащій на нашей обязанности долгъ“.

Но не одинъ императоръ подвергся укоризнѣ за присвоеніе земель тамплиеровъ. Въ томъ же обвинялъ Иннокентій и могущественную маркизу Монфератскую, вдову Бонифація, носившаго при жизни титулъ короля Фессалоникскаго. Въ посланіи къ архіепископу Лариссы Иннокентій жалуется, что она тѣснить тамплиеровъ изъ-за имѣній, переданныхъ имъ ея мужемъ съ ея же вѣдома и согласія и поручаетъ ему посредствомъ увѣщаній, а затѣмъ и церковной кары безъ апелляціи къ папскому престолу воздерживать ее отъ обидъ тамплиерамъ, достойнымъ особаго покровительства и папскаго благоволенія за подвижническое служеніе Христу.

Подобнымъ образомъ поступали и сеньеры, захватившіе власть въ Греціи и на островахъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій (XIII. 153) Иннокентій поручаетъ тремъ епископамъ побудить князя острова Негропonte (Евбеи) отступить отъ владѣній, пожертвованныхъ Іаковымъ де Авенись тамплиерамъ и захваченныхъ этимъ княземъ. Изъ слѣдующаго посланія видно, что то-же самое позволилъ себѣ сдѣлать Николай de Sancto Amero въ Фиванской епархіи. Конфискацію имѣній тамплиеровъ мѣстными сеньерами еще можно объяснить тѣмъ, что это могущественное военное братство представляло собою космополитическую организацію, не заинтересованную въ мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ, но мы видимъ, что захватъ церковныхъ имѣній и доходовъ составляетъ хроническое явленіе въ латинской имперіи. „Да будетъ

тебѣ извѣстно, пишетъ папа 10 Юля 1210 года императору Генриху, что, какъ мы извѣщены письмами архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ Константинопольской имперіи, бароны и рыцари Романіи завладѣли монастырями, землями, людьми, десятиной и другимъ церковнымъ имуществомъ, какъ грековъ, такъ и латинянъ, и что мы поручили досточтимымъ братьямъ нашимъ архіепископу Лариссы и др. принуждать виновныхъ церковными карами къ полному возвращенію захваченнаго. И хотя виновные заявляли, что въ виду похода, имъ предстоящаго, не могутъ исполнить приказанія, однако, клятвенно обѣщали прелатамъ, что по возвращеніи изъ похода они все цѣликомъ возвратятъ и предоставятъ въ безспорное владѣніе собственниковъ. Но по возвращеніи они этого не исполнили и, попрежнему, все оставляя за собой, отказываются что-либо возвратить“.

Съ такимъ же упрекомъ принужденъ былъ папа обращаться и къ маркизѣ Монфератской. „Не разъ и не два, а три раза, пишетъ онъ пелопонезскимъ епископамъ, я писалъ нашей возлюбленной во Христѣ дочери, вдовѣ маркиза Монфератскаго, чтобы она возвратила епископіи аббатство и другія церковныя имущества, принадлежащія епископу Лариссы; но мало того, что она ихъ не возвращаетъ, она поддерживаетъ греческихъ епископовъ ему подвѣдомственныхъ и разныхъ аббатовъ непокорныхъ архіепископу и покровительствуетъ ихъ неправдѣ“. Въ то-же время папа наставляетъ коннетабля де Армиро и другихъ бароновъ, захватившихъ архіепископскія владѣнія, что они не должны простирать руки на имущества церкви, такъ какъ они обязаны своимъ богатствомъ Христу и молитвы священниковъ спасаютъ ихъ отъ козней ихъ враговъ.

Полную картину положенія церкви въ латинской имперіи и воздѣйствія на нее Иннокентія даютъ многочисленныя грамоты этого папы, касающіяся архіепископа города Патраса въ Пелопонесѣ. Когда графъ де Шамплитъ завладѣлъ этимъ городомъ, онъ передалъ соборъ св. Андрея французскимъ каноникамъ, единогласно избравшимъ въ архіепископы монаха Ансельма изъ ордена Клюньи. Иннокентій долге не утверждалъ его, въ виду того, что самое учрежденіе канониката свѣтскою властью признавалъ неканоничнымъ. Ансельму пришлось ѣхать на поклонъ къ папѣ въ Римъ, гдѣ ему и былъ врученъ палліумъ. Новый архіепископъ нашелъ свою епархію въ самомъ плачевномъ состояніи: греческіе епископы большею частью покидали свои епархіи, церковныя же имущества ихъ были расхищены завоевателями, за которыми шли разные проходимцы въ поискахъ церковныхъ

бенефицій. Ансельму пришлось прежде всего собирать владѣнія, утраченныя церковью за послѣдніе годы какъ въ Пелопонесѣ, такъ и внѣ его.

Несмотря на свое стѣсненное положеніе, Ансельмъ питалъ честолюбивые замыслы, какъ многіе изъ его товарищей въ латинской имперіи. Онъ желалъ независимости отъ патріарха Константинопольскаго и непосредственнаго подчиненія папѣ. Въ данномъ случаѣ Иннокентій предпочелъ поддержать каноническую дисциплину расширенію папскаго авторитета и отказалъ ему. Но въ защитѣ его правъ и владѣній онъ оказывалъ ему посильную помощь. Съ этою цѣлью папскою канцеляріей было выпущено за одинъ разъ въ началѣ ноября 1910 г. *восемь* грамотъ. Въ одной изъ нихъ папа проситъ Вильбардуена, замѣнившаго графа де Шамплита въ качествѣ главнаго сеньера Ахаи, не препятствовать архіепископу построить укрѣпленіе для защиты Патраса отъ морскихъ разбойниковъ, предупреждая его, что въ противномъ случаѣ онъ поручитъ архіепискому Лариссы дѣйствовать противъ него церковными карами, съ устраненіемъ апелляціи къ папѣ. Изъ другой грамоты мы узнаемъ, что графъ Гуго де Шамплитъ предоставилъ собору въ Патрасѣ имѣніе Ларсу, а замѣнившій Гугона графъ Гауфридъ (Жофруа) Вильбардуенъ по доброй волѣ въ присутствіи многихъ свидѣтелей призналъ за архіепископомъ это владѣніе. Когда же архіепископъ послалъ туда своего управляющаго для сбора доходовъ, рыцарь де Бекциніако не допустилъ его до этого, утверждая, что земля эта дана ему графомъ Вильбардуеномъ.

Тутъ же папа по жалобѣ Ансельма предписываетъ архіепископу Лариссы принять мѣры противъ феодалныхъ сеньеровъ Пелопонеса, которые желали облагать въ свою пользу земли греческихъ священниковъ и не позволяли имъ — въ ущербъ спасенію души — оказывать должное повиновеніе архіепископу Патраса и другимъ латинскимъ прелатамъ.

Своеволіе мѣстныхъ сеньеровъ не ограничивалось только нанесеніемъ Ансельму имущественнаго ущерба. Архіепископскій престолъ въ Патрасѣ искони находился въ соборѣ св. Θεодора въ этомъ городѣ, тутъ же находился дворецъ архіепископа и усыпальница архіепископовъ. Хотя Ангельмъ, какъ мы видѣли, самъ намѣревался укрѣпить Патрасъ въ защиту отъ морскихъ разбойниковъ, мѣстный сеньеръ взялся за это дѣло, при чемъ усыпальница была разорена, кости древнихъ архіепископовъ вырыты, и захвачены покои самого Ансельма. Въ виду этого Иннокентій приказываетъ оставить около собора необходимое простран-

ство не застроеннымъ и въ распоряженіи архіепископа. Наглость насильниковъ не останавливалась даже передъ личностью самого Ансельма. Преслѣдуя его балива, одинъ изъ рыцарей ворвался съ своими сообщниками въ архіепископскій дворець, вырвалъ балива изъ объятій архіепископа, желавшаго защитить его и отрѣзалъ ему носъ за то, что онъ отстаивалъ права церкви. „Мало того, сержанты этого рыцаря арестовали самого архіепископа и пять дней держали его въ тяжкомъ заключеніи, нанося ему всякаго рода обиды“.—Въ одной изъ слѣдующихъ грамотъ Иннокентій разрѣшаетъ архіепископу вознаградить пострадавшаго балива изъ имущества церкви. (XIII. 167).

Несмотря на такія непріятности, архіепископъ Ансельмъ продолжалъ твердо отстаивать права своей церкви, не отступая даже передъ тяжбою съ владѣтельнымъ сеньеромъ Ахаи. Изъ посланія Иннокентія мы узнаемъ, что два рыцаря Гюаръ и Вильгельмъ, получивъ отъ Ансельма 800 гиперперовъ (золотыхъ), пожертвовали ему доставшееся имъ при взятіи Константинополя имѣніе Патрасской церкви, но что Гауфридъ Вильардуенъ самовольно передалъ это имѣніе одному изъ своихъ рыцарей. Иннокентій въ своихъ грамотахъ утверждаетъ имѣніе за Ансельмомъ и поручаетъ архіепископу Лариссы съ товарищами заставить Вильардуена и его вассала посредствомъ церковныхъ каръ возвратить имѣніе Патрасской церкви (XIII. 163. 165).

Менѣе удачно, повидимому, кончилась для архіепископа Ансельма его тяжба съ тамплиерами изъ-за монастыря Провата, которая первоначально была разрѣшена папою противъ тамплиеровъ. Съ тамплиерами же Ансельмъ велъ еще и другую тяжбу въ Римѣ изъ за дома съ движимостью, оцѣненной въ 2618 гиперперовъ. Папская судебная комиссія признала, что приговоръ противъ тамплиеровъ былъ неправильно постановленъ (*fratres contra justitiam spoliatos*) и рѣшила, что владѣніе должно быть возвращено и архіепископъ присужденъ къ умѣреннымъ судебнымъ издержкамъ (*in moderatis expensis*). (XIII. 155, 156 и XIV. 111).

Помимо постоянной необходимости отстаивать имущество церкви противъ захватовъ, жизнь католическихъ прелатовъ въ Византіи была обуреваема частными распрями между епископами и ихъ канониками изъ-за раздѣленія между ними церковныхъ доходовъ. Въ Патрасѣ архіепископъ долженъ былъ уступить своимъ каноникамъ половину доходовъ; въ Модонѣ, зависящей отъ Патраса епископіи, каноники, по распоряженію Иннокентія, получили право на три пятыхъ дохода. На почвѣ дѣлежа возникали частыя несогласія; къ чему присоединялось нерѣдко своеволіе и рас-

путство канониковъ. Въ Патрасѣ дѣло дошло до того, что архіепископъ Ансельмъ просилъ у папы разрѣшенія замѣнить своихъ канониковъ монахами изъ конгрегаціи св. Руфа, на что папа и далъ свое согласіе. Но, по прибытіи и водвореніи этихъ монаховъ, каноники въ сообществѣ съ разными бывшими монахами и съ помощью свѣтской власти выгнали монаховъ, такъ что Иннокентій былъ вынужденъ писать владѣтельному князю Ахаи, Вильардуену, чтобы онъ снова водворилъ изгнанныхъ монаховъ св. Руфа и никому не позволялъ ихъ тревожить.

Не лучше обстояло дѣло въ сосѣдней Модонской епархіи. Мѣстный епископъ жалуется палѣ, что его каноники, хотя получаютъ свои доходы, не обслуживаютъ церковь и даже своевольно отсутствуютъ; деканъ же ихъ, уличенный публично въ клятвopеcтупленіи и прелюбодѣянніи, наноситъ монахамъ и священникамъ тяжкія обиды и, хотя не разъ былъ увѣщиваемъ епископомъ, ведетъ себя все хуже и хуже,—въ виду чего Иннокентій поручилъ архіепископу Ансельму произвести слѣдствіе и поступить съ виновными по каноническимъ правиламъ (XV, 46, 47).

Еще большія невзгоды, чѣмъ архіепископъ Патрасскій, пришлось перенести епископу города Кардики въ Эпирѣ (Cardicensis) XIII, 97, 101, 106, 107, 109, 116, 117, 120), дѣлу котораго посвящено 8 посланій Иннокентія. Ихъ рядъ начинается съ объявленія епископу, что папа по его просьбѣ принимаетъ подъ свое покровительство его самого и его церковь со всеѣми имуществами, ей принадлежащими и тѣми, которыя она съ Божьей помощью еще приобрѣтетъ. Другое посланіе, написанное нѣсколькими днями позднѣе, объясняетъ намъ, почему епископъ долженъ былъ прибѣгнуть къ покровительству папы. Братья госпиталя Св. Іоанна въ Іерусалимѣ захватили его епископскій дворъ съ замкомъ и другими имуществами и доходами, изъ коихъ со дня его посвященія ничего ему не отпускали. Когда же епископъ, ѣздившій жаловаться на нихъ въ Римъ, вернулся „послѣ многихъ опасностей и задержекъ“ съ папской грамотой, Іоанниты жестоко избили его вѣстника, съ позоромъ выбросили его грамоту, грозя убить его и утверждая, что несмотря ни на какія письма и приказанія они не возвратятъ епископства и ни отъ чего не откажутся.

Вслѣдствіе этого епископу пришлось скитаться какъ нищему по всей своей епархіи. Напрасно архіепископъ Аѳинскій и Фиванскій и епископъ Фермопильскій, къ которымъ онъ обратился, присудили Іоаннитовъ возвратить ему все у него награбленное, и за непослушаніе Іоанниты были ими отлучены отъ церкви.

Извѣщенный объ этомъ, Иннокентій не пожалѣлъ трудовъ

своей канцеляріи. Архієпископа Лариссы, къ митрополіи котораго принадлежалъ городъ Кардика, онъ просилъ и увѣщевалъ, чтобы онъ сжалился надъ бѣдностью епископа и помогъ ему „для того, чтобы ему не пришлось къ стыду духовенства просить милостыню“. Коннетабля Романіи и другихъ бароновъ, также завладѣвшихъ имѣніями епископа, онъ увѣщаетъ почитать св. церковь и не обижать ее, для того, чтобы Христосъ не покаралъ ихъ за нее и имъ не пришлось бы потерять больше, чѣмъ они себѣ присвоили. Папа назначаетъ судебную комиссію, которая должна побудить упомянутыхъ бароновъ отказаться отъ патроната надъ имуществами и десятиною епархіи Кардикской. Онъ пишетъ самому императору, призывая его на защиту епископа противъ Іоаннитовъ. Послѣдніе, наконецъ, предложили сдѣлку, по заявленію епископа крайне для него невыгодную, и Иннокентію пришлось еще въ сентябрѣ того же 1210 года утвердить приговоръ объ отлученіи отъ церкви виновныхъ до окончательнаго рѣшенія дѣла. Ничего не помогало. Іоанниты даже замыслили убить епископа. Какъ видно изъ грамотъ Іоаннитскаго ордена, тяжба между орденомъ и епископомъ затянулась до 1218 года *).

Но какъ бы ни были непріятны для Иннокентія подобныя насилія бароновъ надъ духовенствомъ въ латинской имперіи—это были отдѣльныя обиды, поправимыя и не подрывавшія принципиально правъ церкви. Совсѣмъ иной характеръ имѣла попытка свѣтской власти въ Византіи систематически ограничить церковное землевладѣніе посредствомъ запрещенія дареній и завѣщаній въ пользу церкви и монастырей. Въ латинской имперіи такіе случаи должны были представляться особенно часто. Огромная масса завоеванныхъ земель досталась пришельцамъ, изъ которыхъ многіе и не имѣли намѣренія остаться навсегда на Востокъ: однихъ тянуло на родину, другихъ—на исполненіе обѣта въ крестовый походъ: многіе были по своей природѣ авантюристы, неспособные усѣсться на землѣ. Такимъ лицамъ дареніе или завѣщаніе церкви легко пріобрѣтенной земли на спасеніе души представлялось естественной развязкой. Иначе должны были смотрѣть на это императоръ и сенеры, желавшіе остаться въ Византіи. Они были окружены врагами, имъ необходимо было, чтобы удержаться въ новомъ краѣ, сильное землевладѣльческое воинство, способное содержать себя, а постепенный переходъ рыцарскихъ имѣній къ церкви грозилъ разоруженіемъ латинской имперіи.

---

*) Hopf. Griechenland im Mittelalter. Ersch-Gruber B. 85. p. 233.

Но такое вторженіе мірянъ въ дѣла и интересы церкви противорѣчило всѣмъ преданіямъ іерархіи и средневѣковому міровоззрѣнію. Оно кромѣ того являлось дурнымъ прецедентомъ для Западной Европы, чего папа не могъ допустить. И вотъ, по полученіи жалобъ „архіепископовъ и прелатовъ“, Иннокентій спѣшитъ внушить императору, что „запрещеніе завѣщаній и дареній церкви принесетъ ей ущербъ, а запретившимъ — гибель“, и настаиваетъ на отмѣнѣ запрещенія (XIII, 98).

Изъ другого посланія папы на имя архіепископа Фиванскаго со товарищами мы узнаемъ, что и бургундскій графъ Отгонъ де ла Рошъ, сдѣлавшись герцогомъ Аеинскимъ и другіе бароны и рыцари издали такое же распоряженіе, вслѣдствіе чего папа приказываетъ этимъ прелатамъ добиться отмѣны его церковными карами, если это будетъ нужно.

Мѣстные бароны не удовольствовались этимъ воспрещеніемъ. Изъ письма Иннокентія отъ начала ноября того же года можно заключить, что они стали давать запрещенію обратную силу и отнимать въ Патрасской епархіи церковныя имѣнія, полученныя церковью по завѣщанію давно умершихъ.

Распря между церковью и свѣтской властью по этому вопросу конечно затянулась. Еще два года спустя Иннокентій въ посланіи къ епископамъ нападаетъ на распоряженіе императора Генриха, „противное человѣческому и божественнымъ законамъ“, приказываетъ имъ въ силу своего авторитета считать его „несостоятельнымъ, суетнымъ и не подлежащимъ исполненію“. Но не въ этомъ только вопросѣ Иннокентію пришлось отстаивать притязаніе іерархическаго строя, во главѣ котораго онъ стоялъ, отъ новшествъ свѣтскихъ властей въ латинской имперіи. Неподсудность свѣтскому суду церковныхъ людей и духовныхъ дѣлъ и невмѣшательство свѣтскихъ властей въ распоряженіе церковными имуществомъ и въ назначеніе на духовныя должности стали догматомъ для теократіи, и вдругъ *крестоносцы* дерзнули отрицать этотъ догматъ и не признавать — какъ выразился въ своей жалобѣ архіепископъ Патрасскій — *никакого различія между мірянами и клериками* (nullam differentiam). — „Дѣла духовныя, подлежащія разсмотрѣнію духовными лицами или въ апостольской комиссіи, они (ахейскіе бароны) не позволяютъ вершать безъ ихъ разрѣшенія; если же эти дѣла разрѣшены помимо ихъ воли, они не признаютъ рѣшеній. Нисколько не справляясь съ желаніями собственныхъ епископовъ, они раздаютъ монастыри, церкви, пребенды и даже всякіе духовныя бенефиціи по своему усмотрѣнію мірянамъ и клерикамъ безразлично (indifferenter), рѣшительно

не позволяя духовному начальству замѣщать открывшіяся духовныя должности; они дерзають вводить при разныхъ церквахъ каноникаты (какъ бы духовныя синекуры въ ущербъ мѣстному духовенству), покровительствуя какъ клерикамъ, такъ и мірянамъ, отлученнымъ отъ церкви, въ ихъ упорствѣ. Когда недавно, собираясь на войну противъ Михалиція (Эпирскаго деспота), они „пріобщались Тѣла и Крови Іисуса Христа, то всѣ одинаково общались, мало того, дали торжественный обѣтъ, если возвратятся изъ этого похода, платить десятину своимъ церквамъ и понуждать своихъ людей какъ латинянь, такъ и грековъ, уплачивать ее; послѣ же и не думали это исполнить“ (XII, 161).

Этотъ отрывокъ изъ письма папѣ—замѣчательный историческій документъ. Здѣсь въ сжатой формѣ изложена сущность неразрѣшимыхъ затрудненій, какія представляло въ латинской имперіи установленіе правильныхъ отношеній между церковью и свѣтскими властями. Правда, императоръ Генрихъ добросовѣстно старался уладить эти затрудненія. Для этой цѣли онъ созвалъ въ маѣ 1210 года въ Равенникѣ, въ Тессаліи, съѣздъ (парламентъ) бароновъ и прелатовъ, въ числѣ которыхъ было 4 архіепископа и 8 епископовъ. Здѣсь было постановлено—и всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ бароны обязались за своею подписью передъ патриархомъ, какъ делегатомъ папы, соблюдать, чтобы въ предѣлахъ Тессалоникскаго королевства до Коринѳа—всѣ церкви, монастыри и принадлежащія имъ земли, доходы и права были возвращены духовенству на вѣчныя времена съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ сервитутовъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всѣ, какъ католическія, такъ и греческія духовныя лица уплачивали за земли, полученныя въ ленъ, установленную при императорахъ подать—„акростихонъ“ *). Въ случаѣ отказа отъ уплаты этой подати земли могли быть секвестрованы безъ личнаго задержанія, однако, членовъ семьи греческихъ священниковъ, пока на уплату недоимки будетъ хватать движимаго имущества должника. Взрослые же сыновья священниковъ, еще не посвященные, обязаны были нести обычную службу баронамъ. Эта сдѣлка была утверждена (confirmata) папою 21 декабря 1210 года, о чемъ свидѣтельствуеетъ его грамота № 192, XIII года.

Этотъ договоръ не избавилъ однако Иннокентія отъ заботъ, которыя ему доставляла церковь въ латинской имперіи. Главный

---

*) Въ латинскихъ документахъ она называется *crustica* и *crosticum*.

ислѣдователь этого вопроса полагаетъ даже, что договоръ сохранилъ свою силу лишь на бумагѣ *). Кромѣ того договоръ не былъ подписанъ графомъ Вильардуэномъ, главнымъ владѣтельнымъ княземъ въ Пелопонесѣ, о постоянныхъ столкновеніяхъ котораго съ архіепископомъ Паграса выше шла рѣчь. Поэтому Иннокентію пришлось еще два года спустя требовать отъ этого феодала, чтобы онъ возвратилъ имущество Кринеской церкви. Еще характернѣе другое посланіе Иннокентія отъ того же года (XV, 77), изъ котораго мы узнаемъ, что когда Коринѣ послѣ долгой защиты греками былъ наконецъ взятъ баронами, церковныя драгоценности были оттуда перевезены въ Аргосъ, а когда палъ и Аргосъ, присвоены Жофруа Вильардуэномъ, Оттономъ де Рошъ и другими латинскими баронами въ „ущербъ своей души“. Вслѣдствіе этого Иннокентій и поручаетъ (XV, 77) архіепископу Фиванскому со товарищи снарядить судебную комиссію, вызвать свидѣтелей и вытребовать похищенныя сокровища.—Такія непрекращавшіяся тяжбы и были одной изъ причинъ отправки Иннокентіемъ на Востокъ новаго легата, кардинала Пелагія.

Заботы Иннокентія о благоустройствѣ католической церкви въ латинской имперіи встрѣчали препятствія не только со стороны своеволія свѣтскихъ властей; этому часто служила помѣхою и недоброкачественность тѣхъ представителей духовенства, которыми могъ располагать папа на восточной окраинѣ римской церкви. Мы уже указывали на распущенность тамошнихъ канониковъ и монаховъ, но еще хуже было то, что въ числѣ самихъ епископовъ, которые были орудіемъ воздѣйствія папы на церковь, бывали недостойные элементы. Такъ, напримѣръ, тамплиеры жаловались ему на мѣстнаго епископа, который, встрѣтивъ капеллана ихъ ордена, несшаго причастіе больному рыцарю, вырвалъ у него изъ рукъ чашу, а его самого, на посрамленіе ордена велѣлъ арестовать и бросить въ „яму“; въ другой разъ онъ по злобѣ къ ордену отказалъ въ причастіи одному изъ воиновъ ордена, находившемуся при смерти, такъ что больному пришлось умереть безъ причащенія.

Но еще болѣе поразительный типъ недостойнаго епископа представлялъ изъ себя неопатрійскій архіепископъ, къ которому Иннокентій весьма часто обращался съ важными порученіями—если вѣрить всему, что мы находимъ въ жалобѣ на него декана и капитула Неопатры. Будучи уже священникомъ, онъ перешель

---

*) Grossentheils nur auf dem Papiere gültig, Hopf. въ исторіи среднев. Греціи р. 245. Ersch и Gruber Т. 85.

къ грекамъ противъ латинянь и, болѣе года сражаясь въ ихъ рядахъ при защитѣ Коринѳа, убилъ нѣсколько латинянь. Избранный впоследствии нѣсколькими канониками, не знавшими о его преступленіяхъ въ архіепископы, онъ съ полнымъ безстыдствомъ пренебрегалъ своею честью. Ведя безпутную жизнь, онъ относился къ богослуженію на подобіе еретика; ни самъ не читалъ часовъ, ни другимъ этого не поручалъ дѣлать при себѣ; имущество же церкви расточалъ и разорялъ по своему произволу нещадно. Несмотря на клятву, данную покойному Константинопольскому патріарху Ѳомѣ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, что онъ не коснется владѣній и доходовъ, присужденныхъ этимъ архипастыремъ каноникамъ неопатрійскимъ и не потревожитъ ихъ мирной жизни, онъ, по смерти патріарха, лишилъ канониковъ ихъ удѣла. Сверхъ того, онъ велѣлъ повѣсить одного монаха въ монашеской одеждѣ, а также одного священника, котораго самъ же посвятилъ, и трехъ мірянъ, вручивъ собственноручно имъ веревку, на которой они были повѣшены.

Понятно, что при такомъ состояніи церкви въ латинской имперіи, грамоты Иннокентія почти исключительно касаются административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Какъ внимательно папа при этомъ входилъ въ положеніе дѣла, свидѣтельствуетъ грамота, въ которой до мельчайшихъ подробностей устанавливается имущественное положеніе монаховъ св. Руфа, призванныхъ, какъ выше было указано, архіепископомъ Патраса на мѣсто его строптивыхъ канониковъ. Эта грамота интересна еще и потому, что даетъ полную картину хозяйственнаго быта тогдашняго богатаго канониката.

Папа разрѣшаетъ передачу каноникатовъ монахамъ св. Руфа подъ условіемъ, чтобы архіепископъ обезпечилъ ихъ землею и виноградниками, достаточными для содержанія 60 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы хлѣбъ и вино доставлялись въ амбаръ и погребъ монахамъ безъ какихъ-либо трудовъ и расходовъ съ ихъ стороны; чтобы имъ былъ даровой отпускъ рыбы и соли въ достаточномъ количествѣ; чтобы имъ была предоставлена оливковая роща, достаточная для снабженія масломъ на нужды 60 монаховъ и самой церкви; чтобы къ церкви были приписаны 300 вилановъ, которые должны будутъ доставлять церкви ежегодно 300 куръ, 200 овецъ, 30 свиней и 100 фунтовъ воска, поставивъ теперь же 200 свиней и 700 овецъ. На одежду монахамъ архіепископъ долженъ былъ назначить имъ ежегодно 200 перперовъ (перперъ то-же, что гиперперъ), указавъ, съ кого они должны ихъ получать. Кромѣ того, на содержаніе бѣдныхъ и богомольцевъ онъ

долженъ былъ отвести имъ 50 карукъ доброй земли, съ 40 волами, такимъ же количествомъ коровъ и съ пастухами; наконецъ, съ виноградникомъ, который бы давалъ вина вдоволь для 60 человекъ; къ тому же приставить къ нимъ крестьянъ, которые справляли бы для нихъ бесплатно всю необходимую въ домъ работу. Кромъ того, они должны были получать половину всѣхъ поступающихъ въ казну архіепископіи доходовъ съ десятины, съ покойниковъ и съ приношеній. Если же они на это не согласны, то пусть архіепископъ раздѣлитъ съ ними пополамъ всѣ имущества, принадлежащія архіепископіи, съ тѣмъ, чтобы они съ своей стороны, уплачивали земельную подать, установленную по обычаю въ пользу главы государства, т.-е. вышеупомянутый „акростихъ“.

Но какъ бы ни былъ поглощенъ Иннокентій III заботою о благоустройствѣ и правахъ церкви, онъ выдавался среди средне-вѣковыхъ папъ живостью *духовныхъ* интересовъ. Это ярко проявляется въ его внимательномъ отношеніи къ аеинской церкви, въ чемъ какъ бы уже чувствуется приближеніе эпохи ренессанса. Иннокентій принимаетъ близко къ сердцу интересы аеинской церкви, и ея новаго архіепископа, француза Берарда. Онъ неоднократно подтверждаетъ старыя привилегіи аеинскаго архіепископства или даруетъ ему новыя, защищаетъ его противъ отчужденія церковныхъ бенефицій въ пользу свѣтскихъ властей ¹⁾ и приходитъ къ нему на помощь противъ канониковъ, пренебрегающихъ церковной службой. По просьбѣ архіепископа онъ переноситъ на аеинскую церковь уставъ (*institutiones*) парижской церкви и ея обычаи (*consuetudines*) ²⁾. Въ замѣчательномъ вступленіи къ грамотѣ, въ которой пространно перечисляются всѣ имѣнія и права аеинской церкви, Иннокентій говоритъ о древней славѣ Аеинъ и видитъ въ ней символъ и первообразъ торжества христіанства. Поклоненіе, восклицаетъ онъ, тремъ ложнымъ богамъ уступило мѣсто служенію истинной и животворящей Троицѣ; стремленіе къ свѣтской наукѣ смѣнилось жаждою божественной мудрости, храмъ знаменитой Паллады превратился въ соборъ святѣйшей Богородицы и городъ, долго воздвигавшій алтарь

---

¹⁾ См. XI 244 и 246.

²⁾ XI. 11. Ut vestram ecclesiam dignaremur secundum institutiones Parisiensis Ecclesiae ordinare etc.

неизвѣстному богу, нынѣ позналъ истиннаго Господа. Здѣсь звучитъ гордое сознаніе торжества средневѣковаго іерарха надъ языческимъ міромъ; но Иннокентій не забываетъ, чѣмъ онъ обязанъ этому языческому міру и заявляетъ, что считаетъ цѣлесообразнымъ направить даръ апостольскаго покровительства туда, откуда исходилъ лучъ просвѣщенія, озарившаго почти весь міръ (XI, 256).

ГЛАВА IV.

ИННОКЕНТІЙ И ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Мы касались въ предъидущей главѣ лишь той церковной политики Иннокентія, которая относилась къ католическому духовенству, водворившемуся въ латинской имперіи. Но подъ этимъ явившимся съ крестоносцами наноснымъ слоємъ, оставалась не затронутой масса греческаго населенія со своими священниками и монахами. Эта масса повиновалась пришлымъ властителямъ, но попрежнему оставалась вѣрна своей церкви. Что же было сдѣлано Иннокентіемъ, чтобы примирить ее съ новымъ порядкомъ вещей и осуществить притчу о двухъ ладьяхъ? Задача, предстоявшая въ этомъ отношеніи Иннокентію, была тѣмъ неотложнѣе, но и тѣмъ труднѣе, что крестоносцамъ не удалось завоевать всей Византійской имперіи. Въ Эпирѣ, а также въ Малой Азіи, въ Гераклеѣ и въ Никеѣ, сохранились независимыя отъ Константинопольскаго княжества и архіепископъ Никейскій сталъ, по смерти православнаго патріарха Константинопольскаго, главою греческой церкви.

При такихъ условіяхъ полнаго торжества надъ греческою церковью папѣ можно было ждать только отъ добровольнаго признанія греками его авторитета—или отъ *уніи*. Если бы спросить современниковъ Иннокентія, что же мѣшаетъ этой уніи, они прежде всего указали бы на два спорныхъ пункта—въ догмѣ и въ обрядахъ. Въ первомъ отношеніи—на вставку латинянами слова *filioque* въ символъ вѣры, и на употребленіе ими при причастіи опръснoka, подобно евреямъ на пасхѣ. Но историкъ не можетъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Самая страстность, съ которой каждая сторона обвиняла другую въ уклоненіи отъ истины, въ схизмѣ, имѣетъ свои историческія причины, постоянно накапливавшіяся и содѣйствовавшія все большему взаимному отчужденію между западнымъ латинствомъ и греческимъ востокомъ. Это отчужденіе началось съ тѣхъ поръ, когда императоръ Константинъ перенесъ свою столицу въ названный его именемъ городъ и авто-

ритету римскаго епископа среди греческихъ христіанъ явился соперникъ въ лицѣ Константинопольскаго патріарха. Хотя опасность, грозившая единству церкви вслѣдствіе возникшаго въ Константинополѣ иконоборства, счастливо миновала, вслѣдъ за этимъ соперничество между патріархомъ Фотіемъ и властнымъ папою Николаемъ I довело дѣло до разрыва. Приглашенный разрѣшить спорный вопросъ между низложеннымъ патріархомъ Игнатіемъ и возведеннымъ на его мѣсто Фотіемъ, папа Николай самовластно отрѣшилъ Фотія на римскомъ соборѣ въ 863 г. А къ этому присоединился споръ о сферѣ вліянія между Римомъ и Константинополемъ, когда Николай, признавая на основаніи стараго административнаго дѣленія Болгарію провинціей Рима, отправилъ туда латинскихъ миссіонеровъ вмѣсто греческихъ священниковъ. Послѣ этого Фотій выступилъ, съ своей стороны, съ обвиненіемъ противъ Рима въ самовольномъ уклоненіи въ вопросѣ о происхожденіи св. Духа, въ требованіи безбрачія отъ священниковъ и въ постѣ по воскресеньямъ. Въ пылу полемики ученый Фотій сталъ оспаривать первенство римской епископской катедры и утверждать, что съ перенесеніемъ столицы на востокъ и привилегіи римской церкви были перенесены на Константинопольскую катедру. Когда же папа Бенедиктъ VIII въ слѣдующемъ поколѣніи, уступая просьбамъ императора Генриха II, включилъ слова *filioque* въ символъ вѣры, патріархъ Сергій II отмѣнилъ упоминаніе папы въ богослуженіи православной церкви, т. е. сдѣлалъ первый шагъ къ официальному отдѣленію церквей. Къ этой церковной распрѣ скоро присоединилась и политическая. Въ южной Италіи все еще держались отъ временъ Юстиніана остатки византійскихъ владѣній, въ которыхъ сохранился греческій языкъ и греческое богослуженіе. Но моральное возвышеніе папства подъ вліяніемъ Генриха III и аскетическая реформа усилили экспансивность католицизма. Несочувствовавшій реформѣ Константинопольскій патріархъ Михаиль Керуларій закрылъ всѣ латинскія церкви въ Константинополѣ, желая принудить ихъ прихожанъ усвоить себѣ православный чинъ. Въ то же время онъ издалъ посланіе къ греческому духовенству въ Апуліи, въ которомъ осуждалъ церковные обычаи католиковъ, въ особенности употребленіе опрѣсноковъ, послужившее поводомъ къ присвоенію латинянамъ со стороны грековъ насмѣшливаго названія азимитовъ. Энергическій папа Левъ X не остался въ долгу. Въ письмѣ къ патріарху онъ ставилъ его ниже другихъ патріарховъ и призналъ его незаконно избраннымъ. Ссора между главами обѣихъ церквей кончилась тѣмъ, что папскіе легаты возложили на алтарь св. Софіи буллу съ отлученіемъ отъ

церкви Керуларія, за что собранный этимъ патриархомъ соборъ предалъ анаемѣ буллу и ея виновниковъ.

Нельзя не отмѣтить роли, которую при этомъ играло высоко-мѣріе духовныхъ вождей съ той и другой стороны. Интересно, что въ наше время это признано даже сторонниками папства: „папа Николай I и Левъ несутъ на себѣ главную долю вины за отчужденіе восточной церкви отъ Римской вслѣдствіе своей гордости, своего честолюбія и крутого способа дѣйствія“¹⁾. Высокомѣрія было не мало и со стороны Константинополя: но въ Латеранѣ оно питалось имперіалистической традиціей древняго Рима, въ Константинополѣ же, хотя и сдерживалось абсолютизмомъ восточныхъ императоровъ, проявлялось, главнымъ образомъ, въ отрицательномъ отношеніи къ Риму. Но, конечно, религиозное отчужденіе Запада и Востока не было дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, а было слѣдствіемъ культурнаго и національнаго отчужденія латинской и греческой части Европы. Между причинами этого отчужденія главную роль играло глубокое различіе въ представленіи объ идеальной организаціи церкви. Съ одной стороны такой идеальной, установленной и завѣщанной Христомъ апостоламъ организаціей считалось епископальное управление, съ другой стороны возобладалъ принципъ монизма: главенство Христа надъ церковью считалось перешедшимъ къ избранному имъ ученику его и къ преемникамъ послѣдняго.

Правда уже съ начала XII вѣка являются попытки противодѣйствовать этой враждѣ и склонять обѣ стороны къ миру и единенію. Но именно эти раннія попытки уніи раскрываютъ предъ нами всю трудность этого дѣла.

Въ сущности подъ уніей представители католичества разумѣли полное подчиненіе греческой церкви папѣ. Еще въ началѣ XII вѣка папа Пасхалій II отвѣтилъ императору Алексѣю I, что для успѣха уніи необходимо, чтобы Константинопольскій патриархъ почтительно призналъ первенство апостольскаго стола и отказался отъ своего упрямства. То, что раздѣляетъ латинянь и грековъ въ вѣрѣ и обычаяхъ, можетъ быть устранено лишь послѣ того, когда члены тѣла подчинятся главѣ. „Ибо, какъ же обсуждать разногласія между спорящими, когда ни тотъ, ни другой изъ нихъ не соглашается подчиниться другому и уступить ему“²⁾.

---

1) Таковъ одинъ изъ тезисовъ папскаго прелата, принца Макса Саксонскаго, осужденныхъ въ наши дни римскимъ духовнымъ судомъ.

2) Dum alter alteri nec obedire, nec consentire dignantur.

Какъ глубоко римскія притязанія возмущали высшее греческое духовенство, стоявшее по своему образованію выше тогдашняго латинскаго, было убѣдительно высказано Никомедійскимъ архі-епископомъ Никитой на диспутѣ съ епископомъ Гавелбергскимъ, присланнымъ въ 1137 г. императоромъ Лотаремъ на востокъ. „Если бы, указывая онъ, восточныя церкви были принуждены принимать папскіе декреты, установленные помимо ихъ совѣта, лишь по усмотрѣнію Рима, то куда бы дѣлось братство и отческое попеченіе? не сынами церкви, а рабами стали бы мы. И если бы намъ пришлось взять на себя такое жестокое иго, то одна римская церковь пользовалась бы неограниченной свободою и, давая всѣмъ законы, сама не была бы подчинена никакому закону, и стала бы не почтенною матерью, но жесткою и властною госпожею надъ рабами“.

„Къ чему-бы тогда послужило намъ наше знаніе священнаго Писанія, наше литературное образованіе, наша ученость? Къ чему были бы славные подвиги греческихъ мудрецовъ? Передъ властью римскаго епископа, которая, по твоимъ словамъ, выше всего на свѣтѣ—все это ничтожно. Одинъ онъ—епископъ, одинъ онъ учитель, одинъ онъ наставникъ, одинъ онъ отвѣчаетъ во всемъ Господу, какъ единый добрый пастырь“!

Но не монополію только *церковной* власти ставили восточные епископы въ вину своему римскому собрату. Они хорошо понимали, что эта власть влечетъ за собою и въ политическомъ мірѣ совершенно иной порядокъ, чуждый тому, съ которымъ сжилась греческая церковь. „Вѣдь папа—собственно императоръ, а не епископъ“, заявилъ въ 1137 году одинъ изъ грековъ аббату Монте-касинскому.

* * *

Духовному отчужденію обѣихъ церквей содѣйствовали и возрасавшій политическій антагонизмъ между Западомъ и Востокомъ, выражавшійся въ попыткахъ западныхъ государей и вождей дѣлать завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ.

Началось это съ появленія Норманновъ въ южной Италіи и Сициліи. Уже Робертъ Гвискаръ задумалъ завоеваніе Византіи и съ благословенія папы Григорія VII его полчища далеко проникли въ нее въ 80-ыхъ годахъ XI-го вѣка. Вслѣдъ за этимъ началась эпоха крестовыхъ походовъ. На самомъ дѣлѣ крестовые походы могли бы объединить христіанъ Запада и Востока въ борьбѣ противъ общаго врага, особенно съ тѣхъ поръ,

когда селджюкскіе турки завладѣли Малою Азіею и подступали къ самому Константинополю. И Византійскіе императоры уже съ конца XI вѣка не разъ обращались къ папамъ съ просьбой о вооруженной помощи съ Запада. Но даже на этой почвѣ общихъ интересовъ согласіе не долго держалось, какъ показываетъ примѣръ перваго крестоваго похода. Въ числѣ западныхъ князей, принявшихъ участіе въ этомъ походѣ, былъ и Боемундъ, князь Тарентскій, сынъ Роберта Гвискара, воевавшій 11 лѣтъ предъ тѣмъ со своимъ отцомъ противъ Византіи. Какъ и другіе князья-крестоносцы, Боемундъ былъ вынужденъ ради успѣха дѣла клятвенно обѣщать императору Алексѣю предоставить ему все города и крѣпости, которые будутъ завоеваны во время этого похода, или, по крайней мѣрѣ, не удерживать ихъ за собою безъ его согласія. Но когда Антиохія, славнѣйшій городъ Востока, захваченный турками лишь въ 1085 году, былъ завоеванъ Боемундомъ, ему не захотѣлось разстаться съ нимъ и онъ сталъ взывать къ папѣ съ увѣщаніемъ, послѣ побѣдъ надъ турками и язычниками, воевать съ еретиками, греками и армянами, сирійцами и якобитами для искорененія всякой ереси ¹⁾.

Чтобы осуществить этотъ замыселъ, неистовый варягъ вернулся на родину и сталъ вербовать новый отрядъ крестоносцевъ, обращаясь за помощью къ французскому королю и къ папѣ Пасхалію II. Эта рать была предназначена не въ Палестину, не противъ мусульманскихъ эмировъ, а противъ грековъ и ихъ императора. Пораженіе Боемунда при Дирахіумѣ въ самомъ началѣ похода разрушило эти честолюбивыя мечты, но еще болѣе разожгло взаимное недоувѣріе и нерасположеніе между латинянами и греками.

Подобнымъ образомъ и во время втораго крестоваго похода, вызваннаго извѣстіемъ о взятіи турками Эдессы и пламенною проповѣдью св. Бернарда, затѣвалось завоеваніе Византіи норманскимъ королемъ Сициліи, Рожеромъ, и значительная часть французскихъ крестоносцевъ была готова послѣдовать за нимъ.

Рожеру не удалось убѣдить французскаго короля Людовика VII примкнуть къ нему, и тогда онъ вторгнулся собственными силами въ Грецію, пока французскіе крестоносцы, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ, шли на востокъ сухимъ путемъ черезъ Константинополь. Но подъ стѣнами этого города—нѣмецкіе крестоносцы уже переправились въ Малую Азію—епископъ Лангскій выступилъ съ предложеніемъ вызвать Рожера съ флотомъ изъ Греціи

¹⁾ Текстъ у Нордена, D. Papstthum u. Byzanz. стр. 63.

и сообща съ нимъ взять Константинополь, ибо безъ этого не удастся освободить гробъ Господній. Не безъ труда удалось тогда королю Людовику удержать своихъ вассаловъ отъ нападенія на его христіанскаго союзника и о настроеніи французскихъ крестоносцевъ можно судить по сѣтованію лѣтописца Оттона de Diogilo, воскликнувшаго — „горе намъ, и всѣмъ почитателямъ апостола Петра, что тогда не дошло до завоеванія Константинополя“. Аббать же Петръ Ключнійскій, приписывая неудачу второго крестоваго похода *измѣнѣ* грековъ и ихъ царя—заявлялъ, что „онъ охотно бы отдалъ свою жизнь, если бы этимъ могъ отомстить за смерть столькихъ рыцарей, за цвѣтъ всей почти Франціи и Германіи, загубленный подлымъ обманомъ“.

При такихъ условіяхъ сближеніе между Западомъ и Востокомъ было трудно осуществимо несмотря на неоднократныя попытки. Византійскіе императоры XII вѣка, особенно Мануилъ Комнень (1143—1180 г.), не разъ пытались воспользоваться борьбой папъ съ германскими императорами, чтобы склонить папство, признать власть восточной имперіи и надъ Западомъ, какъ это было до воцаренія Карла Великаго и бывали моменты, когда Курія любезно отвѣчала на такія посланія. Но дальше обмѣна дипломатическихъ нотъ это дѣло не могло итти, такъ какъ обѣ стороны стремились къ цѣлямъ другъ друга взаимно исключавшимъ, а именно:—императоръ къ установленію такой уніи между Востокомъ и Западомъ, при которой римскій епископъ, стремившійся къ господству надъ міромъ, былъ бы сведенъ къ положенію константинопольскаго патріарха, подчиненнаго императору, — а папа къ такому преобладанію надъ восточнымъ императоромъ, какое онъ старался установить—надъ западнымъ. Однимъ словомъ, за идеей объ *уни* скрывалось притязаніе на *господство*. То же самое обнаруживается со стороны папства и по отношенію къ восточной церкви и напередъ обрекало всѣ попытки къ соединенію церквей—на бесплодіе.

Глубокій разладъ между латинскимъ Западомъ и греческимъ Востокомъ и накопившаяся между ними антипатія проявились при смерти императора Мануила въ возстаніи въ Константинополѣ, лишившемъ престола его малолѣтняго сына и повлекшимъ за собою избіеніе находившихся въ Константинополѣ латинянъ, въ числѣ которыхъ погибъ и кардиналь-легать папы Александра III.

Эта новая вспышка злобы навлекла лишь новое бѣдствіе на Византію — четвертую попытку въ теченіе столѣтія со стороны норманновъ завоевать Балканскій полуостровъ. Ровно сто лѣтъ послѣ вторженія Роберта Гвискара (1085) его потомокъ, король

Вильгельмъ II, выслалъ свои войска на восточный берегъ адриатическаго моря, поручивъ имъ осадить Константинополь, ворваться въ его ворота, чтобы отомстить за совершенныя въ немъ жестокія, нечестивыя, омерзительныя преступленія. Съ большей удачей, чѣмъ въ прежніе походы, эта норманская рать проникла въ глубь Македоніи и захватила второй по важности городъ имперіи Тессалоники. Норманны, правда, не удержались въ немъ, но немного лѣтъ спустя, Византія снова почувствовала на себѣ тяжелую руку иноземнаго войска.

На этотъ разъ это были не норманны, а новыя рати крестоносцевъ—участники третьяго крестоваго похода.

Никогда еще западная Европа не выставляла такихъ силъ на борьбу съ магометанствомъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ участвовали лишь вассалы; во второмъ—два короля: французскій и германскій; въ третьемъ—два короля: французскій и англійскій и съ ними германскій императоръ Фридрихъ Барбаросса. Да и поводъ къ походу былъ выдающійся: Иерусалимъ былъ взятъ султаномъ Саладиномъ и его приходилось снова завоевывать. Западные рыцари отправились въ Палестину на корабляхъ; старый императоръ, какъ нѣкогда его дядя,—сухимъ путемъ. Онъ шелъ на Константинополь, но съ самыми мирными намѣреніями, „не замышляя ничего недобраго, изъ честолюбія, противъ кого-либо изъ христіанскимъ королей, ни противъ короля (!) греческаго, съ условіемъ, однако, чтобы онъ, какъ часто обѣщалъ, обезпечилъ крестоносцамъ безопасный путь (*fidem conductum*) и вооружился противъ ложныхъ христіанъ, ненавистниковъ Христовыхъ паломниковъ, равно какъ и противъ язычниковъ“.

Однако, императоръ Исакій Ангелъ, союзникъ Саладина, дѣлалъ наоборотъ, всевозможное, чтобы заградить путь германскому императору, и лишь когда Фридрихъ поручилъ своему сыну Генриху вызвать флотъ итальянскихъ торговыхъ городовъ въ Дарданеллы, чтобы съ ихъ помощью осадить Константинополь, Исакій одумался, далъ заложниковъ и помогъ нѣмецкимъ крестоносцамъ переправиться въ Азію.

Еще ббльшая опасность грозила Константинополю съ Запада нѣсколько лѣтъ спустя. Упомянутый сынъ и наслѣдникъ Фридриха Барбароссы былъ женатъ на дочери Вильгельма II, Констанцѣ, и по прекращеніи дома Роберта Гвискара, въ 1194 году короновался въ Палермо королемъ Сициліи; такимъ образомъ, въ лицѣ Генриха объединились обѣ наступавшія на Византію силы, норманская и императорская. Собираясь въ крестовый походъ, западный императоръ потребовалъ отъ восточнаго не только сво-

боднаго пропуска, но и денежной помощи и чтобы удовлетворить этому требованію, императоръ Алексѣй III, свергнувшій своего брата Исакія, подвергъ свои провинці особому налогу— „аламанскому“ и обобралъ золотыя украшенія съ императорскихъ гробницъ. На этотъ разъ гроза не дошла до Константинополя— вслѣдствіе внезапной смерти Генриха Гогенштауфенскаго, но прошло съ тѣхъ поръ не болѣе семи лѣтъ, какъ Византія была поработана латинянами.

Этотъ очеркъ взаимныхъ отношеній между Западомъ и Византіей вплоть до Иннокентія III долженъ послужить къ объясненію тѣхъ затрудненій, съ которыми пришлось бороться этому папѣ при его стремленіи подчинить грековъ римскому престолу.

Къ его времени относится замѣчательный историческій памятникъ, обнаруживающій всю силу накопившагося среди грековъ негодованія на различія, возникшія съ теченіемъ времени между христіанскимъ Западомъ и Востокомъ—въ ученіи, богослуженіи и церковномъ управленіи. Это негодованіе породило разныя недоразумѣнія и прямо сплетни, проникшія въ предствленія грековъ о католицизмѣ и еще болѣе усилившія отчужденіе. Анализъ этого памятника лучше всего покажетъ, какая непреодолимая стѣна воздвиглась между двумя *половинами* нѣкогда единаго міра. Этотъ памятникъ—цѣлый *обвинительный* актъ противъ латинской церкви, не систематической и неуклюжей, но тщательно подобранный съ цѣлью не только установить различіе между церквами, но доказать еретическій характеръ отступленій папской церкви ¹⁾.

Люшеръ справедливо замѣчаетъ, что специалисты по исто-

---

¹⁾ Памятникъ этотъ подъ заглавіемъ: *Criminationes adversus Ecclesiam Latinam* напечатанъ членомъ Сорбонны, I. B. Cotelier (Cotelerius) въ третьемъ томѣ его изданія *Ecclesiae Graecae Monumenta* въ 1686 г. въ греческомъ оригиналѣ съ латинскимъ переводомъ. Мы пользовались имъ въ Берлинской Кор. библиотекѣ. Документъ этотъ, по содержанию своему, заключаетъ въ себѣ три части: за перечисленіемъ обвинительныхъ пунктовъ, касающихся отступленій отъ православія слѣдуетъ подъ заглавіемъ, „Что они надѣлали въ св. Константинополѣ послѣ его взятія“—перечисленіе неистовствъ, грабежей и безобразій, совершенныхъ крестоносцами при завоеваніи города. А за этимъ безъ какого-либо особаго заглавія идетъ обращеніе къ Иннокентію съ предложеніемъ прибыть въ Константинополь и созвать тамъ вселенскій соборъ съ допущеніемъ православнаго Константинопольскаго патріарха для установленія уніи. Текстъ всего памятника разбитъ на небольшія главы или параграфы съ послѣдовательной нумераціей отъ 1 до 89, какъ будто составляющихъ одно цѣлое, хотя невозможно допустить, чтобы лица, обратившіяся къ папѣ съ выраженіемъ своей готовности соединиться съ католиками, могли представить ему обвинительный актъ противъ латинства въ такой обидной формѣ и съ явными несообразностями о способѣ избранія папъ.

риі Византіи недостаточно освѣтили значеніе этого памятника. Съ своей стороны, онъ видитъ въ первой части, присоединяя къ ней и вторую—полный рѣзкости памфлетъ греческаго духовенства противъ католическаго духовенства и противъ нравовъ и религиозныхъ обрядовъ Запада.—Послѣднюю же часть онъ приписываетъ наиболѣе умѣреннымъ представителямъ греческаго духовенства. Но съ этимъ нельзя согласиться, потому что между средней и послѣдней частью существуетъ неразрывная внутренняя связь по мысли (о чемъ будетъ сказано дальше).—Притомъ онъ соединены общимъ заглавіемъ, отдѣляющимъ ихъ отъ первой, рѣзко полемической части. Вопросъ объ отношеніи этихъ частей трудно рѣшить безъ помощи рукописей, изъ которыхъ издатель Котелье заимствовалъ напечатанный имъ текстъ.

Первымъ пунктомъ обвиненія служить, конечно, утвержденіе латинянъ, что св. Духъ происходитъ не отъ Отца только, а также отъ Сына¹⁾. Кромѣ этой вставки въ божественный символъ вѣры „Латинянамъ“ ставится въ вину вставка словъ „черезъ св. Духъ“ въ одну изъ молитвъ и умышленное искаженіе одного текста. Они не пишутъ—„малая закваска *заквашиваетъ*“, а „портить“ все тѣсто. Этимъ они, какъ полагаетъ обвинитель „пытаются осудить самое *квашеніе*“. Дѣлая приношеніе изъ неквашеннаго хлѣба (*azuma*), они, заявляетъ авторъ, клеветаютъ на великаго Петра, ими же высоко чтимаго и его преемниковъ, какъ будто это идетъ отъ нихъ.

Авторъ обвиненія искусно приводитъ эти искаженія текста и этотъ произволъ въ связь съ кореннымъ порокомъ латинянъ, что они дерзаютъ св. каноны и божественное Писаніе отмѣнять по волѣ правящаго папы; постановленія же тѣхъ, что ушли изъ вѣка, будь-то апостолы, или св. отцы, такъ мало чтутъ, какъ будто они ихъ современники.

Описывая обрядъ причащенія у католиковъ, обличитель доказываетъ на многихъ подробностяхъ, какъ далеко этотъ обрядъ отстаетъ отъ словъ Евангелія, и, приводя мотивы, которыми

---

1) Въ циркулярномъ посланіи, разосланномъ Иннокентіемъ всѣмъ архіепископамъ Франціи въ 1205 г. и приглашающемъ ихъ призывать духовныхъ и мірянъ на помощь императору въ Константинополь, мы находимъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ упрекъ характерную для схоластики аргументацію. Авторъ письма утверждаетъ, что вслѣдствіе отпаденія греческаго народа отъ единства церкви, онъ „ослабѣлъ въ вѣрѣ“ и потому отказался признать исхожденіе св. Духа и отъ Сына. А отрeksiеся, такимъ образомъ, отъ истины относительно св. Духа, греки „заслуженно подверглись омраченію ума, ибо Духъ есть источникъ истины, какъ возвѣщаетъ Сынъ въ Евангеліи“.—„Лишившись же духовнаго пониманія, такъ какъ согрѣшили противъ Духа“, греки впали въ заблужденіе и относительно опрѣсноковъ и т. д. (XIII. 169).

католики оправдывают эти существенныя отступленія, замѣчаютъ, что это оправданіе лишь обнаруживаетъ другую вину латинянь—незнакомство съ писаніемъ отцовъ.

Подобнымъ образомъ искажены латинянами и другія таинства. Авторъ обличенія осуждаетъ однократное погруженіе младенца при крещеніи, крещеніе въ водѣ безъ примѣси соли, другія подробности обряда и помазаніе подростковъ, въ которомъ авторъ усматриваетъ второе крещеніе.

Авторъ обличенія далѣе осуждаетъ латинянь, за то, что они называютъ „святѣйшую Богородицу“ просто святой Маріей, и, что многіе изъ нихъ, особенно прелаты, не поклоняются святымъ иконамъ и не изображаютъ въ живописи святыхъ, чтуть только распятіе Христа и то не въ живописи, а въ рельефѣ, на подобіе скульптуры.

Много замѣчаній вызываетъ также посвященіе въ духовный санъ лишь 4 раза въ годъ въ опредѣленные сроки (quatember) и въ опредѣленные дни—священниковъ и дьяконовъ по четвергамъ и средамъ, епископовъ же по субботамъ. Авторъ обличенія выводитъ отсюда, что католики самовольно ограничиваютъ свободу нисхожденія св. Духа.

Оспариваетъ обличитель также законность брака у католиковъ при извѣстныхъ ступеняхъ родства. Не одобряется имъ дозволеніе священникамъ служить обѣдню два раза въ день и въ раннюю пору, вмѣсто обычнаго часа нисхожденія св. Духа, и служеніе ея лишь на одномъ изъ священныхъ языковъ.

При описаніи пасхальныхъ обрядовъ, католикамъ ставится въ вину сохраненіе еврейскихъ обрядовъ,—а также и при обрядахъ, имѣющихъ цѣлью предотвращеніе опасности и несчастій.

Очень много вниманія посвящено различіямъ въ соблюденіи поста: осуждается отсутствіе мясопустной недѣли, допущеніе въ Великій постъ свободнаго употребленія въ пищу рыбы, а дѣтьми сыра и яицъ; постъ по субботамъ, даже если на субботу выпадаютъ большіе праздники—Рождество Христово или Крещеніе; различная продолжительность Великаго поста у разныхъ латинскихъ народовъ. Эти замѣчанія чередуются съ упреками, имѣющими цѣлью обличить нечистоплотность латинянь; они употребляютъ въ пищу животныхъ, умершихъ отъ задушенія или отъ укуса другими животными, и разныхъ нечистыхъ животныхъ—медвѣдей, ежей, воронъ и т. п. Они ѣдятъ вмѣстѣ съ своими собаками и даютъ имъ вылизывать блюда.

У нихъ не запрещено вводить въ церкви собакъ, медвѣдей и другихъ подобныхъ нечистыхъ животныхъ. Въ связи съ этимъ

находится упрекъ въ непочтительности вообще латинянъ къ святынь; у нихъ въ церкви позволяется сидѣть, входить въ алтарь во время богослуженія людямъ всякаго возраста и пола; входя въ церковь и падая на лицо, они однимъ пальцемъ проводятъ по полу крестъ и цѣлуютъ его. Осуждается, конечно, и крестное знаменіе со сложенными въ одно пятью перстами.

Не менѣе, чѣмъ въ обрядахъ богослуженія, чувствовалось взаимное отчужденіе въ нравахъ и внѣшнемъ обликѣ самого духовенства. Авторъ обличенія ставитъ католическому духовенству въ упрекъ, что среди него нельзя отличить посвященныхъ отъ непосвященныхъ: всѣ они одинаково бреютъ бороду, а епископы и все тѣло ради чистоты—по еврейскому обряду; одежду носятъ приличествующую женщинамъ и ветхозавѣтную, не шерстяную, напоминающую агнца Христа, а шелковую.

Дьяконамъ и священникамъ они не дозволяютъ жениться и считаютъ причастіе изъ рукъ женатаго священника недѣйствительнымъ. Тѣ, кто былъ женатъ до посвященія, расстаются съ женами, но бываютъ такіе, которые ночью впускаютъ къ себѣ женщину, не считая это блудомъ.

Епископства у нихъ открыто продаются: епископовъ переводить изъ одной епархіи въ другую не воспрещается. Умершихъ епископовъ хоронятъ на восьмой день—изъ корысти, для того, чтобы окрестные жители имѣли возможность приносить подарки, какъ это у нихъ въ обычаѣ.

Ихъ епископы принимаютъ участіе въ сраженіяхъ и между собою воюютъ, убивая и принимая смерть—кровью оскверняя руки, которыми освящаютъ тѣло и кровь Христовы.

Вообще латинянамъ приписывается кровожадность. Они полагаютъ, что убитые на войнѣ спасаются и прямо идутъ въ рай, даже если погибли въ бою корысти ради или вслѣдствіе жестокости или какого-нибудь иного порока. Поэтому убійство христіанъ доставляетъ удовольствіе ихъ прелатамъ и въ особенности папѣ, который признаетъ тѣхъ, кто ихъ совершаетъ, спасителями *salutiferos*.

Поводомъ къ послѣднему обвиненію послужили, конечно, папскія грамоты, призывавшія къ крестовымъ походамъ и приравнивавшія помощь латинской имперіи къ крестовому походу.

Клясться латиняне не признаютъ грѣхомъ и злоупотребляютъ этимъ даже въ пустыхъ дѣлахъ; евангельское слово о клятвѣ они ни во что не ставятъ, ссылаясь на то, что самъ Господь клялся Давиду. Еще хуже то, что они не боятся и клятвopеступленія. Самъ папа прощаетъ имъ напередъ нарушеніе клятвы

въ будущемъ, отпуская кару, которой бы они за это подлежали. Поводъ къ самымъ серьезнымъ упрекамъ папству подавали тогда уже весьма укоренившіяся индульгенціи: папа и его епископы прощаютъ убійства, клятвопреступленія и другія преступленія какъ въ прошломъ, такъ и въ *будущемъ*—открывая этимъ путь ко всякому дурному дѣлу. Что можетъ быть смѣшнѣе, какъ индульгенція на будущія времена, на два или на три года? Подобнымъ образомъ они жонглируютъ и въ прошломъ, отпуская или опредѣленные грѣхи, или содѣянные въ такіе-то годы, мѣсяцы и дни; они не въ состояніи указать, изъ какихъ церковныхъ постановленій они это взяли! — развѣ укажутъ на то обиліе подарковъ у нихъ, развѣшенныхъ по милости тѣхъ, кого они надѣлили безплоднымъ отпущеніемъ грѣховъ.

Послѣ такихъ обличительныхъ выходокъ, направленныхъ противъ папы, какую злою ироніей отзываются слѣдующія статьи: папу считаютъ не преемникомъ св. Петра, а говорятъ и вѣруютъ, что это самъ Петръ, даже ставя его выше Петра и провозглашая его господиномъ всего христіанскаго міра. Римскую церковь они считаютъ католической и апостольской, заключающей въ себѣ всѣ остальные, какъ и папа включаетъ въ себѣ всѣхъ остальныхъ епископовъ, будучи единымъ Петромъ, которому подвластны всѣ Христовы овцы.

Странно, что при такихъ подробныхъ свѣдѣніяхъ не только о различіяхъ въ обрядахъ и церковномъ строѣ католицизма и православія, обличители внесли въ свой перечень обвиненіе, суетность котораго не трудно было бы провѣрить. Объ избраніи преемника умершему папѣ сообщается слѣдующая небылица. Его избираютъ члены ихъ синода, подводя его къ трупѣ умершаго папы и, взявъ руку покойника, прикладываютъ ее къ шеѣ преемника, считая это помазаніемъ и посвященіемъ его. Послѣ чего избранный совершаетъ погребеніе умершаго и затѣмъ въ качествѣ правильно помазаннаго преемника вступаетъ безотлагательно въ обязанность первосвященника.

Цѣлый рядъ особыхъ статей имѣютъ цѣлью выставить на видъ, какъ много общаго между католиками съ одной стороны, а съ другой—съ евреями, армянами, якобитами, харцицаріями, теопасхитами и монофизитами, и за этимъ слѣдуетъ выводъ: такъ могутъ ли латиняне, имѣющіе столь много общаго и въ такихъ важныхъ вопросахъ съ еретиками, искажающими апостольское преданіе, считаться благочестивыми? Божественные отцы установили слѣдующій важный канонъ, что тѣ, кто не слѣдуютъ составленнымъ ими канонамъ, не повинуются священнымъ соборамъ,

а, хотя бы въ чемъ-либо ихъ нарушаютъ и потрясаютъ, должны называться еретиками и подвергнуться анаемѣ. И если это такъ при незначительномъ искаженіи канонѣвъ, то что же сказать о величайшей порчѣ ихъ?

Внимательное изученіе этого памятника должно всякаго убѣдить, что съ такимъ обличеніемъ, заключавшимъ въ себѣ личное оскорбленіе папы, греческое духовенство не могло обратиться къ Иннокентію, если, какъ въ концѣ заявлено, оно желало, или по крайней мѣрѣ, считало возможнымъ взаимное соглашеніе на спорѣ. Такое обличеніе могло привести только, какъ и на самомъ дѣлѣ оно заканчивалось, — къ анаемѣ!

Между собою представители греческаго духовенства еще менѣе стѣснялись въ выраженіи своей ненависти и презрѣнія къ латинянамъ. Наболѣе просвѣщенные между ними въ этомъ отношеніи нисколько не отличались отъ заурядныхъ іереевъ. Самымъ замѣчательнымъ по своей учености среди епископовъ востока былъ архіепископъ Аѳинскій, Михаилъ Акуминатъ. Онъ въ одинаковой степени былъ свѣдущъ въ св. Писаніи и въ церковной литературѣ, какъ и въ классикахъ, и поэтахъ древней Греціи, въ Гомерѣ и Аристофанѣ, какъ и въ философахъ, въ Платонѣ и Аристотелѣ. Этотъ ученый считалъ западныхъ епископовъ неспособными оцѣнить сокровища античной литературы, хотя бы въ переводахъ. „Скорѣе ослы поймутъ гармонію лиры и навозные жуки почуютъ благоуханіе мирты, чѣмъ латиняне оцѣнятъ благозвучіе и изящество рѣчи“. Акуминатъ привѣтствуетъ императора Теодора Ласкариса, которому удалось удержаться въ независимости отъ крестоносцевъ въ Никеѣ, на азиатскомъ берегу—какъ Ноя, воздвигнувшаго среди великаго потопа новый ковчегъ—безопасное убѣжище для изгнанныхъ чадъ церкви и выражаетъ ему желаніе, чтобы онъ не только защитилъ Азію отъ латинявъ, но освободилъ и императорскую столицу, Константинополь, отъ ихъ наглости, изгналъ, какъ бѣшенныхъ собакъ изъ священной паствы нашего Іерусалима, подобно великому царю Давиду, очистившему отъ идолопоклонниковъ древній Іерусалимъ—и сдѣлался бы новымъ строителемъ града Константинова, блаженной царицы городовъ“. А Михаилъ Акуминатъ, принадлежалъ еще къ числу наболѣе сдержанныхъ противниковъ папства. Онъ сохранялъ переписку съ греческими епископами, поддавшимися папѣ и хвалить одного изъ нихъ за то, что онъ твердо выносить иго варваровъ, а одному изъ игуменовъ своей бывшей епархіи совѣтовалъ по возможности исполнять требованія замѣ-

вившаго его латинскаго архіепископа Аѳинъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ.

* * *

Какова же была въ виду такого рѣшительнаго и огульнаго осужденія латинства—политика Иннокентія по отношенію къ грекамъ? Изъ относящагося сюда матеріала выясняются *два* стороны этой политики: Иннокентій не касался греческаго богослуженія и церковнаго строя и не разъ предписывалъ то же самое слишкомъ ретивымъ прелатамъ,—по крайней мѣрѣ, до поры и времени, но за то опредѣленно настаивалъ на признаніи его главою церкви со стороны греческой іерархіи.

По этому пункту мы имѣемъ опредѣленное указаніе Иннокентія латинскому патриарху на его вопросъ, какъ ему быть съ назначеніемъ епископовъ? На это папа отвѣчаетъ Морозини, что тамъ, гдѣ проживаютъ одни только греки, онъ долженъ ставить въ епископы грековъ, если найдетъ такихъ, которые будутъ вѣрны папѣ и ему, и смиренно согласятся принять изъ его рукъ посвященіе. Тамъ же, гдѣ латиняне и греки живутъ въ перемежку, тамъ пусть онъ назначаетъ латинянъ и предпочитаетъ ихъ грекамъ. „Просилъ ты также,—продолжаетъ папа,—чтобы я тебя наставилъ, долженъ ли ты позволять грекамъ совершать обѣдню и другія таинства по *ихъ* обряду, или побуждать (*compellere*) ихъ слѣдовать латинскому обряду. На это тебѣ кратко скажу, чтобы ты предоставлялъ имъ держаться ихъ обряда (*eos in suo ritu sustineas*)—если тебѣ нельзя ихъ склонить къ иному,—пока апостольскій престолъ не найдетъ нужнымъ издать, по болѣе зрѣломъ обсужденіи, другое постановленіе“ (IX. 140).

Изъ этихъ словъ можно заключить, что Иннокентій считалъ возможнымъ привлечь грековъ въ латинство, но не желалъ, или во всякомъ случаѣ признавалъ несвоевременнымъ прибѣгать для этого къ принужденію.

Отправляя на востокъ легатомъ кардинала св. Сусанны, Бенедикта, Иннокентій пишетъ императору Балдуину, что царство отъ грековъ перешло къ латинянамъ и потому нужно, чтобы сообразно съ этимъ былъ измѣненъ и церковный чинъ. Съ этою цѣлью онъ и отправляетъ своего легата „для наставленія греческой церкви на пути религіи и вѣры, сообразно съ правилами священной римской церкви, избранной Господомъ, чтобы быть матерью и владычицей всѣхъ церквей“. Этотъ избранный Инно-

кентіемъ наставникъ былъ, какъ мы потомъ увидимъ, не только человѣкъ мягкій и обходительный, но стоялъ въ своихъ взглядахъ на схизму и на вѣротерпимость много выше своихъ современниковъ.

Сообразно съ этимъ, Иннокентій предписывалъ ему не требовать отъ духовныхъ лицъ, посвященныхъ по греческому обряду, дополнительнаго помазанія и не разъ вступался за лицъ изъ православнаго духовенства противъ притѣсненія ихъ и придирокъ къ нимъ со стороны ихъ католическаго начальства. Когда католическій митрополитъ Аѳинъ смѣстилъ Негропонтскаго епископа Федора за то, что тотъ отказался отъ помазанія по католическому обряду (*innui polebat*) и приказалъ избрать на его мѣсто другого, Иннокентій предписалъ возстановить Федора на его престолъ, „не взирая ни на какую апелляцію“, и запретилъ, въ чемъ бы то ни было притѣснять его (*molestare*), грозя обидчикамъ церковными карами (XI. 179).

Но, рѣшившись не тревожить греческое духовенство, Иннокентій тѣмъ настойчивѣе добивался покорности епископовъ латинской имперіи римскому престолу. Выраженіемъ этой покорности должна была служить особая присяга (*obedientia*). Текстъ этой присяги былъ установленъ въ куріи еще до завоеванія Константинополя, въ 1204 году, когда Иннокентію удалось склонить въ пользу Рима архіепископа Тырновскаго, примаса Болгаріи, царь которой, какъ мы увидимъ, принялъ свой вѣнецъ изъ рукъ папы. Формула ¹⁾ *повиновенія*, тогда выработанная, подробно излагаетъ степень зависимости, въ которую папа желалъ поставить отъ себя высшее духовенство православнаго Востока.

Общая „вѣрность и повиновеніе блаженному Петру и святому римскому и апостольскому престолу и господину своему Иннокентію, а также его католическимъ преемникамъ“, архіепископъ обязуется: не участвовать ни дѣломъ, ни совѣтомъ, ни согласіемъ въ какомъ-либо замыслѣ, направляемомъ къ лишенію папы жизни или здоровья, или же свободы, или имущества. Если дающій присягу архіепископъ узнаетъ о чемъ-либо подобномъ, то постарается помѣшать этому; если же не будетъ въ состояніи помѣшать, то какъ можно скорѣе объ этомъ предувѣдомитъ папу. Римское папство, достоинство, честь и выгоды апостольскаго престола онъ будетъ защищать, по мѣрѣ силъ своихъ, противъ кого бы то ни было, насколько это совмѣстно съ его саномъ. Вызванный на борьбу, онъ прибудетъ, если не будетъ задержанъ канонически

---

¹⁾ Она напечатана въ «Патрологіи». Т. 215.

установленной причиной. Посѣщать мѣстопребываніе апостоловъ (Римъ) онъ обязуется въ каждое четырехлѣтіе, самъ лично, или черезъ своего представителя, если не получить разрѣшенія отсутствовать.

Апостольскаго легата, если санъ его будетъ вполнѣ удостовѣренъ, онъ будетъ принимать почтительно и оказывать ему всякую помощь. При посвященіи кого-либо изъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ онъ заставитъ его присягнуть, что, съ своей стороны, будетъ оказывать римскому первосвященнику и римской церкви вѣчную покорность и должную честь“.

Объ этой покорности часто идетъ рѣчь въ посланіяхъ Иннокентія. Такъ, сообщая архіепископу Новаго Патраса (XI. 29) о жалобѣ архіепископа Лариссы на одного изъ его суфрагановъ, что онъ отказывается ему въ должной покорности, Иннокентій поручаетъ первому принять противъ виновнаго обычныя мѣры, не стѣсняясь апелляціей къ папѣ. Того же архіепископа онъ извѣщаетъ (X 128), что епископъ Кефалоніи, изъ грековъ, не только отказывается повиноваться апостольскому столу и исполнять его предписанія, но и образъ жизни ведетъ къ соблазну многихъ. Поэтому папа предписываетъ архіепископу обратиться къ епископу съ увѣщаніемъ, а если это не поможетъ, то, не взирая на апелляцію удалить его и замѣнить подходящимъ лицомъ.

Въ письмѣ (XI. 21), Иннокентій обращается къ императору, къ рыцарямъ, венеціанцамъ и всему народу, пребывающему въ Константинополь, съ увѣщаніемъ и просьбой поддержать патриарха противъ непокорныхъ грековъ, такъ какъ „польза, равно какъ и честь ихъ, требуютъ, чтобы греки, какъ духовенство, такъ и міряне, вернулись (redeant) къ прежней покорности св. римской церкви и „досточтимому брату нашему, патриарху Константинопольскому, ихъ отцу и пастырю“.

* *

Съ помощью такого малочувствительнаго для греческаго населенія и формальнаго средства, Иннокентій надѣялся мало-помалу пріучить это населеніе признавать надъ собою авторитетъ папы. Но существовало еще другое болѣе прямое средство—подчинить Риму православныхъ христіанъ—возстановленіе отмѣненнаго въ XI вѣкѣ поминанія папы въ греческомъ богослуженіи. Къ этому и были направлены всѣ помыслы Иннокентія, нашедшаго въ этомъ поддержку со стороны латинскаго импера-

тора. Но всё усилія императора и латинскихъ прелатовъ превозмочь въ этомъ вопросѣ сопротивленіе грековъ были напрасны и Генриху удалось лишь склонить грековъ къ провозглашенію папѣ многолѣтія по аналогіи съ многолѣтіемъ императору: „господину Иннокентію, папѣ древняго Рима, многая лѣта“. При тогдашнихъ условіяхъ уже это былъ большой успѣхъ. Но этотъ успѣхъ ограничился предѣлами *латинской* имперіи. Цѣль же папства заключалась въ томъ, чтобы добиться признанія не только со стороны подданныхъ латинскому императору, а со стороны всей *греческой* церкви. А для этого былъ только *одинъ* путь,—уже ранѣе испробованный,—путь соглашенія посредствомъ религіозныхъ бесѣдъ.

На этотъ путь и вступилъ посланный Иннокентіемъ для устройства католичества на востокѣ кардиналъ Бенедиктъ. Этотъ путь вполне согласовался съ примирительнымъ нравомъ кардинала. Бенедикту на самомъ дѣлѣ удалось устраивать бесѣды съ греческими богословами по вопросамъ, раздѣлявшимъ обѣ церкви. Такія бесѣды происходили въ Салоникахъ, въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ. Мы знаемъ о нихъ потому, что взятый Бенедиктомъ съ собою на востокъ въ качествѣ толмача грекъ изъ южной Италіи, Николай изъ Отранто, по его просьбѣ записалъ нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ по-гречески и затѣмъ перевелъ ихъ для кардинала по-латыни.

До насъ дошло, такимъ образомъ, описаніе трехъ бесѣдъ по предмету исхожденія Св. Духа, о Божественномъ приобщеніи, при чемъ разсматривался также вопросъ о квасномъ хлѣбѣ, и, наконецъ, о пощеніи латинянъ по субботамъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, эти записки заключаютъ въ себѣ мало историческаго матеріала, такъ какъ авторъ писалъ по памяти и не столько для того, чтобы передать потомству, какъ и въ какомъ порядкѣ происходили эти собесѣдованія, и кто въ нихъ участвовалъ, сколько для собственной полемики противъ католиковъ и обличенія ихъ. Для характеристики содержанія и тона бесѣдъ достаточно будетъ привести нѣсколько образцовъ:

„И если Богомъ научены греки... которыхъ ты гонишь, то для чего противъ нихъ, братьевъ твоихъ, свирѣпствуешь и ревешь, напрасно преслѣдуя грековъ? Не истреблена ли ими вся-

---

¹⁾ Греческая рукопись, заключающая въ себѣ эти бесѣды, находится въ Москвѣ въ Синодальной бібліотекѣ и отпечатана съ русскимъ переводомъ епископомъ Арсеніемъ подъ заглавіемъ: „Николая Гидрунтскаго (Отрантскаго) игумена гр. мон. въ Казулахъ—Три записки о собесѣдованіяхъ грековъ съ латинянами. Новгородъ. 1896“.

кая ересь? Не у нихъ ли собирались все святые и ¹⁾ вселенскіе соборы въ присутствіи и святѣйшихъ предсѣдателей (proedron) римскихъ, которыхъ постановленія богоугодно содержитъ греческая церковь. Прочь насиліе, держитесь справедливости и посмотримъ, кто преступаеъ ученіе православное и кто хранить его и пусть не будетъ между ними раздѣленія (1 Кор. 12, 25), но согласіе мира“ (Еф. 4. 3).

Нѣсколько страницъ далѣе мы читаемъ:

„Видишь, что церковь греческая содержитъ многое не письменно принятое, (а) по одному преданію апостольскому,—то, что вы, латиняне, съ отвращеніемъ отвергаете, или, по тщеславію и невѣжеству дѣлая это и, завистью движимые, ненавидите тѣхъ, которыхъ, напротивъ, слѣдовало бы любить. Не знаете ли вы, что и бл. Григорій Двоесловъ пишетъ о различныхъ обычаяхъ чадъ церкви Христовой? Онъ, ведя бесѣду о квасномъ и безквасномъ хлѣбѣ объявляетъ, что вѣра у грековъ и латинянъ одна. И, сказавши о главныхъ церквахъ, такъ говорить: которые содержатъ одну католическую вѣру, но пользуются различными обрядами въ священнодѣйствіяхъ“ ²⁾.

Наконецъ, для характеристики Николая Отрантскаго приведемъ еще третью выписку:

„Смотри же, латинянинъ! Ты мыслишь противно Тому, Кому считаешься преемникомъ, а я, по твоимъ словамъ, непокорный, несомнѣнно послѣдую рѣчамъ Его. А такъ какъ это служило оправданіемъ въ грѣхѣхъ вашемъ, латиняне,—самоуправствѣ (autodeias) противъ грековъ, относительно исхожденія Духа, то вотъ, составивши выборку изъ умозаключеній, — прекрасносложенныхъ божественными и любомудрыми мужами, выставилъ ее для всѣхъ и преимущественно то, что мы слышали отъ находящихся въ Солуни и царствующемъ градѣ. Да и въ Аѳинахъ, говоренное мудрѣйшими и священными мужами въ бесѣдахъ съ господиномъ Венедиктомъ, кардиналомъ и намѣстникомъ тогдашняго римскаго предсѣдателя Иннокентія III, записали мы по памяти то, что, по его убѣжденію, съ греческаго изложилъ на латинскомъ языкѣ“.

Самое замѣчательное свидѣтельство трактата Николая Отрантскаго заключается въ его третьей части: „Упомянутый кардиналь,

---

¹⁾ Такъ въ оригиналъ; въ переводъ безъ и. Стр. 13.

²⁾ Къ этому мѣсту ученый издатель сдѣлалъ примѣчаніе: „между подлинными произведеніями Григорія Двоеслова бесѣды о квасномъ и безквасномъ хлѣбѣ не имѣется; въ его время, въ концѣ VI и началѣ VII в., объ этомъ не могло быть рѣчи.“

сказано тамъ, нѣсколько не захотѣлъ отвѣтить на вопросъ (о квасномъ хлѣбѣ), хотя былъ человѣкъ свѣдущій и воспитанный въ Писаніяхъ божественныхъ, да и внѣшняго образованія не чуждый, развѣ только что не быстрый въ діалектическихъ преніяхъ. Только относительно этого предмета сказалъ: „не слѣдуетъ направлять языкъ противъ божественнаго тайнодѣйствія, чтобы одинъ обрядъ безкровной жертвы порицать, а другой одобрять“. И тотъ и другой онъ считалъ одинаковыми. И какъ вино, будь то бѣлое или темнокрасное или красное—безразлично представляетъ совершенную кровь въ святой чашѣ Христовой, такъ и приносимый хлѣбъ, безквасный ли, или квасный, когда освящается, претворяется въ тѣло Христова“.

Въ этихъ словахъ кардинала Бенедикта — весь человѣкъ! Въ этихъ словахъ его и суть всего дѣла. Для устраненія схизмы возможны были два пути: выставить на видъ всѣ различія, раздѣлявшія обѣ церкви, и затѣмъ устанавливать посредствомъ богословской учености или діалектики, какое толкованіе заслуживаетъ предпочтенія — или же, наоборотъ, брать исходнымъ пунктомъ основную идею единства христіанской церкви и съ этой высоты освѣщать или толковать различія. По этому послѣднему пути шелъ кардиналъ Бенедиктъ; по противоположному пути шли всѣ остальные, какъ латиняне, такъ и греки, шелъ самъ Николай, секретарь кардинала, не одобрявшій точку зрѣнія своего духовнаго начальства. При такихъ обстоятельствахъ возможны были и двѣ политики для достиженія уніи: содѣйствіе торжеству *идейной* уніи съ предоставленіемъ свободы различій въ обрядахъ и ученіи — или же установленіе единства въ обрядахъ и ученіи для провозглашенія уніи. Въ XIII в. для обѣихъ сторонъ возможенъ былъ только этотъ путь; въ этомъ только латиняне и греки не расходились между собою. Только одни при этомъ желали достигнуть формальнаго единства посредствомъ утвержденія папской власти надъ всею церковью, другіе — посредствомъ подчиненія папы собору восточныхъ епископовъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ миссія папскаго легата осталась бесплодной: но, во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ по себѣ хорошую память, никого не обидѣлъ. Случайно ли или нѣтъ, но преемникъ его, кардиналъ-легатъ Пелагій, былъ человѣкъ совершенно другого закала.

Благодаря энергическому и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительному и мягкому способу дѣйствія императора Генриха относительно покоренныхъ, положеніе латинской имперіи значительно укрѣпилось. Послѣ убійства царя Іоанницы однимъ изъ его приближен-

ныхъ, опасность со стороны болгаръ исчезла. Михаилъ, деспотъ Эпирскій, принужденъ былъ смириться, и даже Никейскій императоръ Теодоръ Ласкарисъ нашелъ полезнымъ войти въ сношенія съ папою и черезъ него обезопасить себя отъ латинской имперіи. „Пространное“, какъ выражается Иннокентій, письмо Ласкариса до насъ не дошло, но изъ отвѣта папы (XI, 47) видно, что оно заключало въ себѣ цѣлый рядъ обвиненій противъ крестоносцевъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ алостазіи, ибо, притворившись крестоносцами, они напали на варварскіе народы, а затѣмъ даже обратили свои мечи противъ христіанъ. Перечисливъ неистовства, совершенныя ими при взятіи Константинополя, Ласкарисъ обвиняетъ ихъ и въ многократныхъ клятвопреступленіяхъ, такъ какъ они не разъ нарушали заключенное съ нимъ перемиріе. Это и побуждаетъ его просить папу заставить ихъ заключить съ нимъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и, держась въ границахъ своихъ владѣній, не нарушать предѣловъ, положенныхъ Господомъ между обѣими имперіями, т. е. моря,—за что онъ, съ своей стороны, обѣщаетъ помогать имъ противъ измаильтянъ (магометанъ). Папа на это отвѣчаетъ, что онъ отнюдь не оправдываетъ латинянъ, такъ какъ онъ самъ неоднократно упрекалъ ихъ за ихъ преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій „съ ихъ словъ“ объясняетъ, какъ они были вынуждены, подъ руководствомъ царевича Алексѣя, и ради добычи съѣстныхъ припасовъ, свернуть съ пути, въ Константинополѣ же извлекли изъ тюрьмы и возстановили на царство отца царевича; послѣ чего оба, отецъ и сынъ, „добровольно“ изъявили готовность повиноваться папѣ (*obedientiam*), въ удостовѣреніе чего была ими послана папѣ грамота. Когда же крестоносцы стали собираться въ Сирію, тѣ, по врожденному грекамъ коварству, нарушили договоръ и, нанося имъ вредъ огнемъ, обманомъ и ядомъ, заставили ихъ овладѣть городомъ и дворцомъ. Но, какъ бы крестоносцы ни погрѣшили вольно или невольно, они всегда руководились намѣреніемъ „возвратить непокорныхъ сыновъ матери“ и чрезъ Романію добраться до св. земли.

А къ этому оправданію, съ точки зрѣнія крестоносцевъ, Иннокентій присоединяетъ другое—въ видѣ религіозно-философскаго поученія: „я хотя ихъ отнюдь нельзя считать невинными, мы полагаемъ, что черезъ нихъ потерпѣли кару, по справедливому Божьему суду, греки за то, что замыслили разорвать „нешвейный хитонъ“. Ибо, несмотря на всю таинственность промысла Божьяго, часто случается, что по Его, намъ невѣдомому, но всегда справедливѣйшему суду, дурные караются посредствомъ дурныхъ“ (*malī malorum ministerio puniuntur*).

Изъ этого провиденціального истолкованія Константинопольскихъ событій Иннокентій дѣлаетъ еще другой выводъ, совѣтуя Ласкарису смириться передъ царемъ Генрихомъ и вступить въ вассальныя отношенія къ нему, слѣдуя указанію Іереміи, совѣтовавшаго іудеямъ покориться Навуходносору. „Ибо, если пророкъ совѣтовалъ, чтобы праведный народъ повиновался неправедному царю, насколько основательнѣе совѣтъ тебѣ, чтобы ты подчинился католическому и правовѣрному князю Генриху, которому Всевышній даровалъ имперію, для того, чтобы подъ его властью пользоваться желаннымъ тебѣ миромъ“.

Относительно же сѣтованія Ласкариса на то, что франкамъ недостаетъ любви, такъ какъ они не соглашаются жить съ нимъ въ вѣчномъ мирѣ, при любви же недопустимы перерывы въ ней, Иннокентій отвѣчаетъ, что любовь совмѣстима съ перемиріемъ, ибо, по слову Христа, любить обязательно и враговъ—и заканчиваетъ заявленіемъ, что онъ собирается отправить на востокъ легата для увѣщанія императора жить съ нимъ въ мирѣ и въ ладу—*ut tecum in spiritu ambulet lenitatis*.

Письмо это было написано 17 марта 1207 года, но, лишь пять лѣтъ спустя, обѣщанный легатъ прибылъ на востокъ. То былъ кардиналъ Пелагій, испанецъ по происхожденію, епископъ албанскій, пробывшій на востокѣ два года 1213—5. Въ противоположность кардиналу Бенедикту, онъ былъ надмененъ, крутъ и неуступчивъ. Въ Константинополѣ, на примѣръ, онъ изгналъ греческихъ монаховъ изъ одного монастыря и передалъ его монахамъ цистерціанскимъ. Онъ преслѣдовалъ непокорныхъ, сажалъ ихъ въ тюрьму, запиралъ и запечатывалъ церкви непокорныхъ ему приходоу, такъ что императору Генриху пришлось вступаться въ дѣло и снова открывать запертыя церкви.

Несмотря на крутой нравъ кардинала Пелагія, при немъ начались между Константинополемъ и Никеей переговоры о мирѣ и уніи. Ради нихъ прибылъ въ Константинополь митрополитъ Ефесскій Мезаритъ. Религіозная бесѣда между нимъ и кардиналомъ, записанная самимъ митрополитомъ ¹⁾, заключаетъ въ себѣ рядъ интереснѣйшихъ подробностей, характеризующихъ бытъ и взаимоотношеніе бесѣдовавшихъ сторонъ. „Переправляясь въ Византію, сообщаетъ митрополитъ, мы, на слѣдующій день,

---

¹⁾ Запись митрополита Ефесскаго сохранилась въ двухъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна находится въ Московской Синодальной Библиотекѣ и издана съ русскимъ переводомъ архим. Арсеніемъ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ 1892/3.

еще не дойдя до акрополя, издали усмотрѣли мужей священнаго сана, прибывшихъ изъ стараго Рима и живущихъ въ новомъ, присвоивающихъ себѣ власть надъ воинами и мечемъ ихъ поразившихъ византійцевъ“. Эти люди выжидали прибытія епископа и подвели ему „коня бѣлѣ снѣга, бодрого и виднаго, въ попонѣ алаго цвѣта и отличномъ убранствѣ“. Но епископъ рѣшительно отказался сѣсть на такого и такъ убраннаго коня, „избѣгая хвастовства римской суетности“ и сѣлъ на обыкновеннаго мула, развернувши бѣлый полотняный плащъ спереди до пазухи и съ древне-персидскимъ убранствомъ. По пути въ патриаршій дворецъ митрополита привѣтствовали не только его земляки, но и „враждебная толпа всякаго рода италійцевъ“. Въ часъ обѣда епископу предложили кресло и столъ, на которомъ былъ расположенъ „изъ разнаго сѣдомаго роскошный пиръ, составленный изъ медовыхъ лепешекъ, пирожныхъ и различныхъ и всяческихъ кушаній. Тутъ и вино съ Хіуса, пріятное и вяжущее умѣреню, вино съ Лесбоса, слаще меда, вино съ Евбеи, душистое и благовонное, да и Монемавасійское (знаменитое Мальвазійское) въ изобиліи, и впродолженіе всего дня того, да почти и ночи цѣлой, о насъ заботилась кардиналова прислуга; непрерывныя посѣщенія, избранное общество, въ томъ числѣ и племянникъ короля венгровъ, всѣ съ выбритыми до кожи бородами, молодые и старые. „А на слѣдующій день кардиналъ, возсѣвши на кресло—а ниже его и вся его свита—пригласилъ меня и, не уваживши во мнѣ архіерейскаго сана, ни того, что я посоль такого государя, сидѣлъ, какъ неподвижный истуканъ. Поступилъ ли онъ такъ изъ римскаго превозношенія,—не далъ мнѣ повода подумать. Потому что при моемъ приближеніи протянулъ мнѣ только руку, впрочемъ, обнялъ и облобызалъ, какъ обычно приходившимъ изъ чужой страны высказывать дружбу чрезъ лобзаніе и, посредствомъ мановенія, указалъ мнѣ мѣсто высшее. Конечно, я и онъ сѣли наравнѣ и не понижаясь другъ передъ другомъ. И, не желая умалчивать, каковъ я, ни надолго раздражаться, но теперъ же высказать негодованіе на то, что оскорбило меня, тихонько выпытывалъ чрезъ кардиналова переводчика, какъ онъ, не будучи ни архіепископомъ, ни митрополитомъ, не имѣя собора подъ своимъ предсѣдательствомъ, но будучи и называясь епископомъ Алабанскимъ *), и епископскій удѣлъ его въ Испаніи—въ далекомъ разстояніи отъ Рима—не всталъ, не сдѣлалъ и шага, не подошелъ и не встрѣтилъ меня

*) Alaba въ сѣверной Испаніи въ Наваррѣ.

прежде, чѣмъ я возсѣлъ съ нимъ, и это экзарха всей Азіи и преемника апостольской каетедры! Онъ же, помолчавъ немного и не отвѣтивъ на вопросъ, протянулъ правую свою ногу (а обувь на ней была червленая, искусно сдѣланная) и промолвилъ: „не обычно обувающимъ царскія сандаліи и надѣвающимъ знаки отличія, т.-е. эти и другія червленныя,—подниматься съ кресла и выходить навстрѣчу людямъ, приходящимъ къ такимъ сановникамъ по какому-нибудь дѣлу, но (обычно) сидѣть и выслушивать ихъ, въ чемъ имѣютъ нужду или чего могутъ желать. Потому что, если такой человѣкъ встанетъ или поставитъ себя на равной ногѣ съ приходящимъ или доведетъ себя до пониженія, и не будетъ превосходнѣе и выше приходящихъ къ нему, ни имѣющимъ силу и властелиномъ, тотчасъ станетъ пренебрегаться подначальными. По симъ-то и подобнымъ основаніямъ мы, правяшіе церковью римскою, отъ царя Константина православной вѣры, получившіе привилегію преемники Петра, не только облачаемся въ одежды, еще издали отличающія царя, но надѣваемъ и червленныя туфли. Поэтому и неподвижными остаемся, гдѣ бы то ни было, засѣдая съ епископомъ“. А я, ничего на это не возразивши, и самъ поступилъ подобно кардиналу: протянулъ правую ногу и, поднявши одежды до самыхъ колѣнъ и отвернувши туфли, которыя были на мнѣ, указалъ на червленныя кожи, блестящія внутри ихъ, свѣтлѣе тѣхъ, что носились извнѣ, чудно и искусно выдѣланная,—промолвилъ къ нему: „Если изъ-за туфель, которыя покрываютъ ноги твои, ты считаешь себя многозначущимъ и присвояешь себѣ царскую власть, то вотъ и мы—участники такой власти. Не желая же напоказъ покарать мірское надменіе (τυρην), а также по смиренію, какъ послѣдователи Уничжившаго Себя до образа раба, совнѣ надѣваемъ рабскую обувь, но, будучи владыками по духу и самихъ царей, не желая мірской внутри ея блескъ тщеславно выставлять на поприще, укорачиваемъ ее и прикрываемъ“.

„Надменный кардиналъ“ промолчалъ и оба собесѣдника надолго пребывали въ безмолвіи. Великолѣпная сцена! и какъ историческій фактъ и какъ символъ двухъ іерархій и ихъ взаимныхъ отношеній. Наконецъ, переводчикъ предложилъ приступить къ дѣлу и они много говорили о мірскихъ дѣлахъ и единеніи святыхъ церквей Христовыхъ. Но о содержаніи этой интересной для насъ бесѣды митрополитъ Ефесскій ничего намъ не сообщаетъ. Его сердцу былъ ближе другой вопросъ. Передъ выѣздомъ митрополита изъ Никеи туда явились къ царю греческіе монахи съ Принцевыхъ острововъ, жалующься на угрозы, преслѣдованія и вы-

селеніе ихъ со стороны кардинала, чтобы побудить ихъ признать папу владыкою всего священнаго чина. Къ этому вопросу митрополитъ и свелъ бесѣду. — „Какъ, владыко, — воскликнулъ онъ, — ты, занятый мыслью о католической церкви, заботливый и пекущійся о ней, предпочелъ разрывать ея члены, разгонять изъ священной ограды и предавать на съѣденіе мысленному звѣрю? Чѣмъ провинились предъ тобой эти изможденные, нищіе, бездомные и безсребренные, почти и безкровные, кромѣ что измощають тѣло покровами изъ рубищъ, и свободно препоясываются кожаными поясами для стягиванія чреслъ, также для воздержанія и умерщвленія?“ Перечисливъ всевозможныхъ еретиковъ того времени, проживавшихъ въ Византіи, которыхъ никто не гонитъ, а принимаютъ гостепріимно — митрополитъ противопоставилъ этому преслѣдованію людей, исповѣдующихъ священное ученіе, изложенное въ Никее, — грозя кардиналу, что онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ за это и что онъ подпадетъ суду и какъ разоритель многихъ... Отъ обличенія митрополитъ перешелъ къ ироніи. Изобразивъ нищенскій удѣлъ преслѣдуемыхъ монаховъ, онъ заключилъ: „и такъ, если поручено тебѣ прославить великаго папу, оставь заниматься такими мелкими личностями и обрати свой взоръ на лица выдающіяся.“

Если же ты привлечешь къ папѣ богатыхъ духовно и по разумѣнію божественныхъ Писаній превосходящихъ толпу, то восхвалятъ тебя сановники римскаго собора, да и наше племя возвеличи ть тебя“.

Кардиналь послѣ этого долго сидѣлъ, опустивъ глаза къ землѣ, затѣмъ сталъ спрашивать мнѣніе окружавшихъ его церковныхъ сановниковъ. И хотя митрополитъ „не совсѣмъ безошибочно уразумѣлъ то, что говорилось, но, долго нѣкогда живши между говорящими по-варварски, ясно понялъ смыслъ разсужденія, а именно, что „всѣ согласно положили, что онъ неправильно разсуждалъ“. Наконецъ, кардиналь заявиль, что онъ хотѣлъ-было построже управиться съ упорствующими монахами, но хатайство преславнаго царя Феодора побуждаетъ его отказаться отъ суровыхъ мѣръ. И если ему удастся уврачевать давнее раздѣленіе и царя Феодора сдѣлать искреннимъ сыномъ Рима, то не только монахи повѣкъ не будутъ безпокоимы, но и все священство неподвижно пребудетъ при церкви, въ которой досталось имъ священствовать.

На седьмой день послѣ этого кардиналь пожелалъ побесѣдовать съ митрополитомъ объ опрѣснокахъ и снова собралась вся его свита. Они бесѣдовали, опираясь частью на Моисеевы книги,

частью—на Евангеліе съ „равными силами“ по выраженію митрополита; затѣмъ послѣдній прибѣгъ къ новому способу доказательствъ. Приведши текстъ изъ книги „Исхода“ (12 — 8): „Пусть съѣдятъ мясо его (агнца)... испеченное на огнѣ — съ прѣснымъ хлѣбомъ (sie) и съ горькими *травами* пусть съѣдятъ его“,—онъ сталъ отсюда выводить, что если о хлѣбѣ говорится безъ опредѣленія (!) то надо разумѣть хлѣбъ квасной, „а не тотъ безквасный, который ты, римлянинъ „приносишь Совершенной и Животворящей Троицѣ, когда несоотвѣтственно вовсе и безъ примѣненія произносятся тобой молитвы. Ты оказываешься преслушникомъ отечественныхъ законовъ и преданій и становишься преступникомъ противъ своей совѣсти“.

Эта рѣчь произвела, по словамъ митрополита, „великое смятеніе между слушателями и они начали съ недоумѣніемъ между собою говорить, что никто изъ грековъ доселѣ не высказывался предъ ними такъ, какъ сегодня прибывшій къ нимъ изъ Іоніи. Бесѣда продолжалась до обѣденнаго времени и они достаточно утомились, почему кардиналъ отпустилъ ихъ, благословивъ. Три дня спустя, митрополита снова пригласили къ кардиналу на прощаніе. Затѣмъ онъ переправился на малоазійскій берегъ въ сопровожденіи пословъ, отправленныхъ кардиналомъ къ царю Теодору, котораго встрѣтили въ Понтійской Иракліи. Царь принялъ пословъ ласково и говорилъ съ ними о мирѣ и согласіи, такъ что тронулъ ихъ до слезъ; митрополиту же предложилъ на предстоящемъ въ царскомъ присутствіи собесѣдованіи о воссоединеніи церковей вести бесѣду безъ „сварливости и лукавства“ ¹⁾.

Но послы, какъ жалуется митрополитъ, не послѣдовали царскому совѣту и съ „прирожденнымъ“ имъ тщеславіемъ съ самаго начала бесѣды завели рѣчь о преимуществахъ первой каеэдры. Они утверждали, что римская церковь получила первенство надъ всѣми церквами черезъ великаго, верховнаго изъ апостоловъ, Петра, перваго ея пастыря, а Константинопольская церковь есть вторая, и дочь ея! Такъ по какой же причинѣ,—спрашивали они,—дочь самовольно отдѣлилась отъ матери?“

На это митрополитъ возразилъ, что доводъ, приводимый ими для возвеличенія верховнаго изъ апостоловъ, Петра, больше обращается противъ него—а именно, учителя вселенскаго они дѣлаютъ учителемъ одного только Рима. Если допустить, что римская церковь получила право быть главою и матерью всѣхъ другихъ

---

¹⁾ Norden въ своей книгѣ о Папствѣ и Византіи (стр. 223) передаетъ эти выраженія словами: „ohne Kavalen und allen Spott“—„безъ ухищреній и насмѣшекъ“.

церквей потому, что Петръ былъ ея пастыремъ, то справедливѣе было бы такое преимущество предоставить великой Антіохіи, ранѣе наученной Петромъ и согласившейся назвать жителей своихъ въ первый разъ христіанами. А если нѣтъ,—то святой церкви Іерусалимской, удостоившейся имѣть у себя Великаго и Перваго Архіерея ¹⁾, Вождя спасенія нашего. Итакъ, не по этой „мнимой“ причинѣ римская церковь имѣетъ первенство между другими, но ради чести столицы и единовластительства, которою и до апостольской проповѣди украшался старый Римъ и ради владычества его надъ всею вселенной. Вслѣдствіе этого и священство Рима приобрѣло честь и преимущество предъ всѣми другими церквами, и еще большая честь была ему присвоена великимъ Константиномъ, какъ видно изъ его повелѣнія, изданнаго имъ при перенесеніи столицы въ Константинополь ²⁾.

Каголическіе послы воспользовались этимъ лестнымъ для Рима заявленіемъ и спросили, для чего же греки отторглись отъ своей главы, тогда какъ мать церквей не подала никакого повода къ раздору? Митрополитъ объяснилъ это тѣмъ, что къ чистой пшеницѣ римляне захотѣли примѣшать плевелы и прибавилъ, что если римская церковь „вырветъ сіи плевелы, то мы непременно присоединимся къ ней, какъ правосмыслящей, какъ и прежде было“. Послы спросили, какіе это плевелы? Когда митрополитъ указалъ на вставку *filioque*, это подало поводъ къ длинному богословскому препирательству на эту извѣстную тему, которое мы здѣсь опускаемъ. Отмѣтимъ лишь одинъ эпизодъ, характеризующій бесплодность приемовъ при тогдашнихъ богословскихъ спорахъ и обнаруживающій въ то же время боевую находчивость митрополита Ефесскаго. Желая доказать правильность догмы объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, послы прибѣгли, какъ это часто бываетъ въ спорахъ, къ сравненію: „Какъ изъ солнца протекають лучи, а отъ лучей свѣтъ, но солнце мы называемъ началомъ лучей и свѣта, такъ и относительно Троицы мыслимъ и говоримъ: Отецъ рождаетъ Сына, а отъ Сына исходитъ Духъ; но источникъ и корень Обоихъ—Отецъ“.

На это митрополитъ отвѣтилъ: „Если бы я не зналъ хорошо, что вы люди разумные и мудрые, можетъ быть невѣжеству приписалъ бы произвольное нанизываніе такихъ неосмысленныхъ

---

¹⁾ Дѣян. 11, 26.

²⁾ Переводчикъ указываетъ по этому поводу, что подложная *donatio Constantini* считалась въ средніе вѣка подлинною не только на западѣ, но и на востоцѣ и оттуда проникла въ Кормчія книги, напр., изд. 1653 г.

предложеній, но какъ вы умны и тщательно изучали и иноземную и нашу мудрость, то, принявши въ совѣтники великаго богослова, святого отца Григорія ¹⁾, можетъ быть стерпите честное пораженіе. Ибо, скажите мнѣ, идетъ ли къ подлежащему вопросу, представленный вами нынѣ этотъ примѣръ? Ибо, хотя и различаются лучъ и свѣтъ, но свѣтъ не существуетъ самъ по себѣ, а что не существуетъ само по себѣ, какъ можетъ быть названо протекающимъ изъ лучей? Споръ затянулся до поздней поры. Царь Феодоръ, какъ человѣкъ военный, не могъ окончательно рѣшить, кто побѣдилъ и восторжествовалъ и предоставилъ это „оцѣнщикамъ слова, хорошо умѣющимъ отличать ошибочное отъ безобиднаго, а также непогрѣшительно распознающимъ неухищренное отъ изворотливости людей пристрастныхъ къ хитрословію. А они, какъ люди образованные и соразмѣряющіе слова свои пріятностью, чистосердечно не отвѣчали, а присудили, что обѣ стороны говорили сильно и какъ бы равно сражались и равно бѣжали на ристалищѣ“. Послы, богато одаренные царемъ, возвратились въ Византію, а митрополитъ направился въ обратный путь въ Никею, послѣ того, какъ „пѣлъ пѣсни, за которыя его не накормили и не напоили“. Путь былъ зимній и его пришлось совершать, „плавая на лошади по берегамъ болотистымъ, обдаваемый свирѣпыми волнами, терпя отъ снѣга и слякоти“.

* * *

Какъ отсюда видно, описанныя выше собесѣдованія о воссоединеніи церквей остались безплодными для этой цѣли, но самое описаніе ихъ митрополитомъ Ефесскимъ для насъ цѣнно потому, что много содѣйствуетъ объясненію причинъ этой безплодности. Въ яркихъ образахъ встаютъ предъ нами представители двухъ церквей, вѣрнѣе двухъ міровъ, стремящихся къ сліянію и въ то же время другъ другу враждебныхъ. Что отталкивало ихъ другъ отъ друга и въ то же время принуждало ихъ сближаться? По распаденіи римской имперіи стала постепенно распадаться и церковь ея; въ разъединеніи, въ теченіе вѣковъ, обѣ ея части приобрѣтаютъ новыя, чуждыя для другой, черты, и бездна между

---

¹⁾ Переводчикъ приводитъ для поясненія слова Григорія Богослова: „Иногда такъ-же благовременно уступить надъ собою побѣду, какъ бываетъ время и для всякаго другого дѣла; и лучше быть честно побѣждену, нежели одержать побѣду со вредомъ и незаконно“.

ними расширяется. Въ XI вѣкѣ взаимное отчужденіе доходить до того, что обнаруживается въ официальномъ разрывѣ—въ схизмѣ, и, когда два вѣка спустя представители обѣихъ церквей—вслѣдствіе завоеванія Константинополя латинянами, встрѣчаются на берегахъ Босфора, они другъ отъ друга дальше, чѣмъ когда-либо. Именно въ промежутокъ этого времени въ западной завершилась та эволюція, которая была подготовлена вѣками; она стала церковно-политической міровой имперіей съ соотвѣтствующимъ правительственнымъ механизмомъ. Надъ епископами возвысились *кардиналы*; между ними одни пресвитеры, другіе дьяконы; но они стоятъ въ церковномъ чинѣ выше церковныхъ епископовъ или архіепископовъ; они ближайшіе совѣтники папы, они его помощники въ управленіи того духовно-свѣтскаго государства, во главѣ котораго онъ стоитъ. Не даромъ ихъ одеждѣ присвоенъ пурпуровый цвѣтъ, знакъ царской власти; и не даромъ такъ гордился кардиналъ Пелагій передъ своимъ восточнымъ собратомъ, который напрасно ищетъ этого цвѣта въ подкладкѣ своихъ туфель—онъ ему не къ лицу.

Этотъ *империализмъ* и побуждалъ папъ простирать свои виды на восточную церковь; не уніи съ ней хотѣли они, а покорности себѣ; по ихъ убѣжденію восточная церковь всегда была подчинена римскому епископу и ожидаемая унія являлась лишь возвращеніемъ ея къ Риму.

Если, съ другой стороны, съ восточной, также проявлялись попытки къ сближенію съ Римомъ, то онѣ исходили не отъ церкви, а отъ греческихъ императоровъ; мотивы этого сближенія были не религіозные, а чисто политическіе. Императоры обращались къ папѣ или за помощью противъ невѣрныхъ или, какъ императоръ Мануиль, въ надеждѣ пріобрѣсти этимъ путемъ вѣнецъ западной римской имперіи. Выше описанное собесѣдованіе въ Иракліи Понтійской состоялось вслѣдствіе того, что Никейскій императоръ разсчитывалъ путемъ уніи добиться мира съ латинянами и уступки ему завоеванныхъ ими областей на азіатскомъ берегу. Но, какъ ни велика была власть греческихъ царей надъ церковью, они были бессильны подчинить ея духъ интересамъ своей политики. А то, что составляло силу католицизма и условіе его экспансивности—папскій абсолютизмъ, именно и было противно духу греческихъ іерарховъ. Держась традиціи, они видѣли въ папскихъ декретахъ узурпацію законодательной власти и источникъ опасныхъ новшествъ. При папскомъ всемогуществѣ они не могли положиться на обѣщаніе папъ терпѣть въ случаѣ уніи сохраненіе греческаго богослуженія и греческихъ обрядовъ. И они были

правы! Предписывая католическому патриарху въ латинской имперіи допускать греческіе обряды, Иннокентій, какъ мы видѣли, оговаривается—„пока апостольскій столъ не найдетъ нужнымъ издать иное постановленіе *maturiori consilio*“! Правда, именно, вѣрность церковной традиціи побуждала греческихъ іерарховъ не отказываться отъ признанія за римскимъ епископомъ извѣстнаго преимущества передъ другими патриархами, но это не мѣшало имъ, какъ мы видѣли со стороны митрополита Ефесскаго, отрицать правильность всѣхъ тѣхъ притязаній, которыя папы выводили изъ своего преемства апостолу Петру. Чрезвычайно тонко разъясненіе, которое далъ въ 1215 году Никейскій патриархъ, Θεодоръ, предостерегая грековъ противъ клятвы вѣрности папѣ. Слово вѣра, говорилъ онъ—(*pistis*) двусмысленно; вѣрять чему и вѣрять во что? Вы можете вѣрять тому, что папа занимаетъ первопрестольную кафедру въ христіанствѣ, но вы не должны вѣрять во все, чему онъ учитъ. А еще рѣзче выражались нѣкоторые Константинопольскіе священники, отказывавшіеся дать эту клятву вѣрности, ибо говорили они, это ничто иное, какъ измѣна прародительской вѣрѣ и руководство *во всему* сумасбродству, усвоенному себѣ старческимъ Римомъ¹⁾.

Много содѣйствовало отчужденію и соперничеству двухъ іерархій—латинской и греческой. Послѣдняя стояла въ XIII вѣкѣ по своему образованію, несомнѣнно выше латинской, благодаря тому, что многіе изъ ея членовъ были хорошо знакомы съ древнегреческой литературой и философіей, да и самая греческая патристика заключала въ себѣ болѣе образовательныхъ элементовъ, чѣмъ латинская. Но къ этимъ достоинствамъ присоединились и нѣкоторые національные недостатки: тщеславіе и хвастовство, которыя замѣтно пробиваются, напр., и въ запискѣ митрополита Ефесскаго: эти свойства побуждали грековъ относиться свысока къ латинскимъ прелатамъ и поднимать ихъ на смѣхъ. Между собою греческіе іерархи давали волю пренебреженію къ своимъ латинскимъ коллегамъ, называя ихъ просто „животными“. Такое отношеніе мы встрѣчаемъ и у упомянутаго нами (стр. 121), афинскаго архіепископа Акумината, оставившаго свою кафедру по завоеваніи Афинъ франками. Когда епископъ Евбеи былъ смѣщенъ латинскимъ преемникомъ Акумината, послѣдній писалъ о немъ, что онъ „напрасно угодничалъ передъ *животными*. Просто уму непостижимо! Если не исполняешь рабски велѣнія этихъ

---

¹⁾ Изъ письма латинскаго патриарха Германа прив. у Нордена: Rom u. Byzanz. p. 203.

тирановъ, приходится идти въ изгнаніе! Если же кормить этихъ животныхъ ихъ любимыми яствами, то и такъ нельзя окончательно приручить эту звѣриную и челоуѣконенавистническую породу, и тебя все равно прогоняють съ позоромъ“!

Съ своей стороны и латиняне не оставались въ долгу; они укоряли грековъ въ коварствѣ и называли ихъ захудалой (*degenerans*) породой. Признавая, что древніе греки прославились въ военномъ дѣлѣ и въ наукѣ, они утверждали, что эти доблести исчезли у потомковъ и перешли къ латинянамъ — сначала въ Римъ, а со времени Карла Великаго во Францію. При такихъ условіяхъ собесѣдованія приносили мало пользы; каждая сторона лишь старалась отличиться въ спорѣ, и греки, какъ это и видно изъ разсказа митрополита Ефесскаго, всегда приписывали себѣ побѣду. Это были риторическіе и богословскіе *турниры*, на которыхъ никто не думалъ о настоящей ихъ цѣли — сближеніи соперниковъ для воссоединенія церквей.

При такихъ условіяхъ латиняне напрасно доказывали, что въ самомъ завоеваніи Византіи проявилась воля Провидѣнія и рѣшеніе спора въ пользу западной церкви; греки видѣли въ этомъ лишь осуществленіе словъ пророка: „Господи! язычники ворвались въ твое наслѣдіе и осквернили твою священную обитель“.

Но не все греки Константинополя могли остановиться на такой отчаянной точкѣ зрѣнія: самая жизнь требовала какихъ-либо мѣръ соглашенія между враждующими христіанами въ новой имперіи, какого-нибудь соглашенія между обѣими церквями. Унія между ними была здѣсь въ эти годы не теоретическимъ вопросомъ и даже не политическимъ — а прямо злободневнымъ. Не издали только велись переговоры о соглашеніи: судьба заставила враждующихъ братьевъ жить подъ однимъ кровомъ и никогда еще вопросъ объ ихъ уніи не былъ такъ важенъ и неотложенъ. Подъ этимъ настроеніемъ возникъ тотъ замѣчательный памятникъ, къ которому мы теперь переходимъ. Онъ составляетъ вторую часть разсмотрѣннаго нами (стр. 116) обличенія латинства, по непонятной намъ случайности, присоединенную къ первой, по духу и цѣли ей столь противоположной.

По формѣ это посланіе къ папѣ Иннокентію III; но отъ кого? повидимому, отъ собранія духовныхъ сановниковъ, которые говорили не отъ своего только лица, но отъ цѣлаго населенія — отъ землевладѣльцевъ и купцовъ Константинополя. Посланію предшествуетъ небольшое введеніе, въ которомъ перечисляются въ сухомъ перечнѣ, какъ въ обвинительномъ актѣ — все изувѣрства,

совершенныя при взятіи Константинополя надъ святынями и жителями всякаго пола и возраста этого города.

Этотъ перечень заканчивается элегическимъ восклицаніемъ автора: „но для чего нужно вспоминать и измѣрять то, что неизмѣримо—когда согласно слову трагедіи ¹⁾ достаточно для цѣли и сказаннаго?“

На всѣ эти совершенныя войскомъ преступленія противъ Бога и людей ихъ святая церковь не отозвалась никакимъ осужденіемъ виновниковъ этихъ преступленій! скорѣе даже наоборотъ²⁾. Отсюда по необходимости приходится сдѣлать выводъ, что священныи чинъ ихъ даже наслаждался такого рода преступленіями и потому заслуживаетъ такого же порицанія.

Затѣмъ, однако, авторъ обращается къ папѣ, можно сказать, съ рѣдкостной жемчужиной религіозной покорности. Если Иннокентій извлекъ изъ случившагося въ Константинополѣ урокъ философіи исторіи, то тоже самое мы находимъ и у нашего автора. Но урокъ болѣе возвышенный! „Господи, если бы мы не знали, что здѣшняя жизнь лишь подготовленіе къ будущей божественной суббогѣ, мы бы разыграли предъ тобою печальную трагедію и долгимъ плачемъ оплакивали бы новое плѣненіе нашего народа. Но такъ какъ мы твердо вѣримъ, что Христось, нашъ заступникъ, эту нашу брѣнную жизнь преобразитъ въ безсмертную и свѣтлую, то мы радуемся, что опечалены ради лучшей жизни; мы благодаримъ Христа за то, что онъ снова соизволилъ за насъ пострадать, ибо онъ вторично былъ преданъ вмѣстѣ съ нами; онъ былъ схваченъ, обобранъ, отведенъ въ плѣнъ и выданъ, тѣло его снова повергли на землю и кровь его пролили и потоптали. И все это онъ потерпѣлъ для того, чтобы соединить два народа, умерщвляя вражду ихъ для того, чтобы тѣло свое, разорванное надвое, соединить въ одно; поэтому намъ сладко было плѣненіе, сладко было терпѣть, любо и пріятно подвергаться порабощенію! Ибо какимъ бы способомъ мы иначе воссоединились съ братьями, съ которыми мы раньше и бесѣды не выносили! Правда, тяжело то, что мы претерпѣли, но то, что мы, греки, претерпѣли, касалось только тѣла; ущербъ же, который претерпѣли латиняне, коснулся души. Но кто въ состояніи проник-

---

¹⁾ Изъ Еврипидовой Орестіи. Цитата изумительная въ этой варварской обстановкѣ.

²⁾ Изъ приведеннаго нами посланія Иннокентія къ маркизу Монфератскому можно усмотрѣть какъ рѣзко папа осуждалъ совершенныя при взятіи Константинополя изувѣрства.

нуть въ божественныя тайны, въ судъ Божій, узрѣть безмѣрную бездну? Многіе патріархи и императоры желали видѣть этотъ день, но не удостоились этого. Ты, господинъ, послѣ многихъ поколѣній удостоился этой милости соединить Востокъ съ Западомъ, стать и называться тринадцатымъ апостоломъ“.

„Ибо ты знаешь, достопочтенный господинъ, что людямъ Господь далъ такую природу, что тайна благочестія можетъ сдѣлаться достояніемъ ихъ лишь добровольно, а не путемъ тираническаго насилія. Если бы это было не такъ, мы бы крестили іудеевъ противъ ихъ воли. И такъ какъ въ дѣлѣ догматовъ налагать кары и принуждать—безсмысленно, ибо это очень легко, и во власти всякаго властелина, убѣждать же другихъ силою ученія лишь удѣлъ добраго и чтущаго истину человѣка—то какой же исходъ ты изберешь, господинъ? станешь ли ты примѣнять къ намъ насиліе, не предоставляя права разобраться въ дѣлѣ—какъ къ тупымъ животнымъ, чтобы заставить насъ измѣнить вѣру, или же ты дозволишь намъ высказываться и приложить разумъ и краснорѣчіе для того, чтобы истина божественная обнаружилась и всѣми познавалась? Знай же, что отъ насъ спросится и взыщется, повиновались ли мы тому свыше сказанному слову: ищите въ Писаніи¹⁾. Насиліемъ же никто изъ насъ не можетъ быть привлеченъ, ибо всѣ мы готовы пострадать за Христа. И мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что твоя мудрость насъ въ этомъ одобритъ. Ибо достоинъ похвалы всякій, кто взываетъ къ суду собора и исходящимъ отъ него постановленіямъ“.

„И такъ, въ виду того, что незначительно разногласіе между латинянами и греками, нарушающее связь единой церкви, то прикажи созвать вселенскій соборъ, пришли викаріевъ твоего величія и пусть произойдетъ бесѣда и разрѣшеніе на немъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ. И если ты самъ, по слову великаго апостола Павла, станешь пособникомъ Божиимъ, мы готовы, господинъ, выѣхать изъ епархіи Константинопольской и предпринять путешествіе на востокъ или западъ“.

Авторъ посланія, однако, очевидно, предпочитаетъ не покидать Константинополя. „Но, продолжаетъ онъ, мы думаемъ о томъ, что вѣдь у насъ есть господинъ императоръ Генрихъ²⁾, что мы живемъ подъ его покровительствомъ, состоимъ на его службѣ, воздѣ-

---

¹⁾ Іовъ V. 39.

²⁾ Любопытно, что авторъ посланія называетъ своего императора „Сиррери“—именемъ, образовавшимся, повидимому, изъ французскаго прозвища короля: Sire Henry.

льваемъ поля, пасемъ стада, плаваемъ по морю; безъ насъ не наполнятся гумна, не припасется ни хлѣбъ, ни мясо, ни рыба, ни овощъ, прервется теченіе жизни и общеніе людское. Все это плоды нашей работы въ пользу братьевъ нашихъ латинянъ и припасаются они нами изъ низменной области нашей жизни, смертной и подлежащей разрушенію. Но мы желаемъ порадѣть тоже и о болѣе высокомъ удѣлѣ какъ при жизни, такъ и послѣ смерти,—ибо мы члены одного и того же бессмертнаго тѣла. Въ виду этого мы ежедневно пишемъ къ братьямъ нашимъ съ Запада, сослуживцамъ и соепископамъ, чтобы они готовились съѣхаться въ Константинополь. Поэтому же мы по всемъ провинціямъ имъ совѣтуемъ, чтобы на мѣсто умершихъ они посвящали другихъ, слѣдуя предписаніямъ каноновъ; въ особенности въ царственномъ градѣ. Ибо слѣдуетъ всемъ засѣдать на соборѣ, какъ нашему патриарху, такъ и митрополитамъ и другимъ епископамъ—ничто не должно быть у насъ увѣчено и не полно“.

„Нуженъ намъ также до собора патриархъ тѣхъ же убѣжденій и той же рѣчи, который наставлялъ бы обычаю и слушалъ нашу исповѣдь. Поэтому, именно, въ Иерусалимѣ и въ Антиохіи, когда тамъ былъ одинъ и тотъ же государь, было два патриарха, одинъ для грековъ (Romaeis), другой для латинянъ.—однихъ съ ними убѣжденій и языка, и имъ потому подобный. Ибо не слѣдуетъ, чтобы кто-нибудь исповѣдывалъ тайну свою патриарху чужого языка чрезъ переводчика, хотя бы тѣхъ же убѣжденій. Слѣдуетъ держаться и относительно насъ этого обычая до униі. Мы хотимъ также и желаемъ, чтобы возымѣли силу постановленія апостольскія, соборныя и императорскихъ законовъ, насколько они предписываютъ, чтобы епископы избирались и посвящались старшимъ епископомъ каждой провинціи. Просимъ мы также у твоего величія, чтобы ты настоящее наше посланіе принялъ и приказалъ бы созвать всеобщій соборъ, который бы разсудилъ истину божественныхъ догматовъ. Вѣдь нельзя допустить, чтобы каждая сторона обладала истиной, такъ какъ то, что противорѣчиво, не можетъ быть едино. Ибо неизбѣжно признается одинъ краеугольный камень, связующій боковые—въ геометріи *одинъ* существуетъ прямой уголъ и не можетъ онъ быть ни больше, ни меньше. Ибо если бы онъ былъ увеличенъ, онъ сталъ бы тупымъ угломъ, если уменьшенъ—то острымъ, а число такихъ уклоненій безпредѣльно“.

Наконецъ, въ силу того, что Господомъ вознесенный и христоролюбивый императоръ нашъ приказалъ намъ, чтобы мы благоклонно оказывали твоему величію подобающую честь, мы ува-

жимъ указы его милости и постановимъ тебѣ, господинъ, оказать подобающую честь, состоящую въ поминовеніи и провозглашеніи равному императорскому словами: „Иннокентію, господину папѣ древняго Рима многая лѣта“, которыя должны быть произносимы нами послѣ послѣдней молитвы; пока св. Духъ наитіемъ на соборъ не приведетъ насъ къ совершенному познанію св. догматовъ. Тогда-то съ обнаженной головой, съ амвона среди святаго таинства, не только мы, но Эѳіопы совмѣстно съ Либійцами, Египтяне и Сирійцы, Русь, Аланы, Готы, Иверы, всѣ народы, исповѣдующіе нашу вѣру, провозгласятъ одно имя; и при всѣхъ самъ Христосъ внесетъ его въ святая книги. И да будетъ онъ намъ свидѣтелемъ, что побѣды мы не жаждемъ, но будучи правильно побѣждены, возликуемъ, лишь бы завидѣли свѣтъ“.

„Ибо тотъ, кто въ этой жизни не рачителенъ и не увѣренъ въ догматѣ, потерпитъ ущербъ въ день смерти, унаслѣдовавъ огонь и мракъ за то, что не призналъ свѣта.—Поразмысливъ объ этой предстоящей опасности и пожалѣвъ многія десятки тысячъ погибающихъ людей, мы пишемъ твоему святѣйшеству въ св. Духѣ съ воззваніемъ, чтобы ты поскорѣе позаботился созвать вселенскій соборъ на пользу христіанъ и спасеніе твоей св. души“.

Таковъ этотъ замѣчательный историческій памятникъ! Онъ былъ бы для насъ еще интереснѣе, если бы намъ было извѣстно, кто его писалъ и кто подъ нимъ подписался. Но онъ характеренъ не только для этихъ лицъ, а для современныхъ имъ грековъ вообще и бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе вопроса объ уніи и на ея судьбу. Памятникъ этотъ поражаетъ проявленіями удивительнаго христіанскаго идеализма и чертами догматизма, лишающими этотъ идеализмъ практическаго значенія. Отъ имени столь жестоко потерпѣвшихъ жителей Константинополя выражается радость тому, что его кровавая катастрофа должна сблизить враждующихъ братьевъ—христіанъ; заявляется, что соборъ желателенъ не для того, чтобы доставить побѣду грекамъ, а истинѣ. А, въ тоже время, въ области догматовъ и обрядовъ провозглашается принципъ абсолютной истины, столь же абсолютной, какъ въ теоремахъ геометріи и въ механикѣ.

Съ другой стороны, мы видимъ, какая бездна отдѣляла отъ католиковъ даже греческихъ идеалистовъ, сочувствовавшихъ уніи и готовыхъ поступиться ради нея священными убѣжденіями и привычными обрядами. Но отъ общей истины ихъ отдѣляло то, что у нихъ были разныя мѣрила истины. Греки, какъ непримиримые, такъ и идеалисты, признавали единственнымъ мѣриломъ истины постановленія вселенскаго собора; католики подъ

вліянієм папства привыкли признавать высшимъ мѣриломъ истины слово и рѣшеніе преемниковъ св. Петра; но и помимо этого идейнаго препятствія къ объединенію церкви въ разбираемомъ памятникѣ обнаруживается и реальное. Напрасно авторъ записки такъ тщательно заботится о томъ, чтобы на соборѣ были налицо всѣ безъ изъятія епископы Востока, и требуетъ, чтобы въ это время не пустовала ни одна изъ восточныхъ кафедръ, и чтобы на соборѣ непременно присутствовалъ православный Константинопольскій патріархъ, который въ это время, лишившись своего престола, проживалъ въ Никеѣ. Авторъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о западныхъ епископахъ, о возможности для нихъ прибыть изъ Испаніи и Скандинавіи, ни о ихъ числѣ. Требуя, чтобы всякій исповѣдующій имѣлъ возможность повѣдать свою тайну лицу одного съ нимъ языка безъ переводчика, авторъ не коснулся вопроса, на какомъ языкѣ будутъ совѣщаться о величайшихъ для нихъ тайнствахъ всѣ эти Эеіопы, и Сирияне и пр., которыхъ онъ зоветъ на вселенскій соборъ.

Правда и самъ Иннокентій думалъ въ это время о созваніи вселенскаго собора. Въ тотъ самый годъ, когда онъ отправилъ на востокъ Пелагія, папа объявилъ міру объ имѣющемъ собраться черезъ два года соборѣ въ Латеранѣ; но какъ составъ этого собора, такъ и цѣль его были въ полномъ противорѣчьи съ предложеніями и надеждами грековъ, нашедшими выраженіе въ рассмотрѣнномъ нами документѣ. Мечта объ уніи снова оказалась мечтой.

Какovýmъ же представляется намъ центральный образъ этого историческаго эпизода—самъ Иннокентій III? Сочувствующій грекамъ историкъ средневѣковыхъ Аевинъ, Грегоровіусъ, относится къ нему сурово, говоря о порабощеніи Греціи и называя этотъ эпизодъ *темной* главой въ исторіи Иннокентія. Историкъ „Отношеній папства къ Византіи“, Норденъ, протестуетъ противъ этого отзыва и замѣчаетъ, что Иннокентій исполнялъ свою задачу съ тонкимъ тактомъ и яснымъ разумѣніемъ *достижимаго*, въ качествѣ великаго политика. Онъ отмѣчаетъ его умѣренность, но усматриваетъ въ ней политическіе мотивы. Мы прибавимъ къ этому, что Иннокентій является и здѣсь, какъ и въ другихъ эпизодахъ своей жизни, выдающимся представителемъ папскаго имперіализма, но съ весьма симпатичными чертами. Онъ противился походу на Византію и рѣзко осуждалъ взятіе самаго Константинополя, но воцареніе католическаго графа на престолѣ Юстиніана и водвореніе католика на престолѣ константинопольскихъ патріар-

ховъ не могли не дать римскому епископу новое направленіе мысли и усилить его имперіализмъ!

Самыя смѣлыя мечты его предшественниковъ были осуществлены: обѣ имперіи и обѣ церкви были ему подчинены; онъ на самомъ дѣлѣ могъ считать себя викаріемъ Христа на землѣ. Въ виду зависимости восточной церкви отъ свѣтской власти, перешедшей къ католику, и въ виду перехода высшихъ іерархическихъ должностей въ руки католическихъ прелатовъ, Иннокентій могъ считать дѣло воссоединенія церквей совершившимся. Для него, какъ для политика, сущность заключалась въ организаціи; какъ скоро большая часть восточной имперіи вошла въ церковную организацію католицизма, дѣло съ точки зрѣнія папы было завершено — на единствѣ вѣры и обрядовъ онъ пока не настаивалъ: греческому епископу Родоста Иннокентій „предоставилъ ту же самую юрисдикцію“ въ его епархіи, какою пользовались латинскіе епископы; греческаго епископа Евбеи, отрѣшеннаго отъ должности католическимъ архіепископомъ, Иннокентій возстановилъ въ санѣ. Если его подчиненные кое-гдѣ, какъ кардиналъ Пелагій, прибѣгали къ принужденію, вина падаетъ не на него. Иннокентій могъ спокойно взирать на будущее: въ тотъ самый годъ, когда онъ отправилъ на востокъ Пелагія, онъ принялъ всѣ нужныя мѣры для созванія въ своемъ дворцѣ вселенскаго собора. И прежде бывали соборы въ Латеранѣ; но этотъ долженъ былъ стать поистинѣ вселенскимъ соборомъ въ старинномъ смыслѣ этого слова. На немъ должны были присутствовать патріархи Востока—Константинопольскій, Антиохійскій и Іерусалимскій—но на этотъ разъ, не какъ равные римскому епископу, а въ доказательство того, что римскій епископъ—глава вселенской церкви. *Этотъ* соборъ и завершилъ бы въ его глазахъ, окончательно воссоединеніе церквей. Сила иллюзіи была одинакова съ обѣихъ сторонъ.

ИННОКЕНТІЙ III, БАЛКАНСКІЕ СЛАВЯНЕ и АРМЯНЕ.

Въ дополненіе къ стремленіямъ Иннокентія—установить владычество Рима въ предѣлахъ Византіи посредствомъ крестовоцевъ,—укажемъ теперь на попытки этого папы достигнуть той же цѣли въ области славянъ. Здѣсь ему помогъ антагонизмъ между греками и болгарами. Этотъ антагонизмъ, какъ извѣстно, существовалъ издавна, несмотря на то, что обращеніе въ христіанство болгаръ было дѣломъ грековъ. Въ X вѣкѣ болгары восторжествовали надъ греками и стали угрозой для самого Константинополя; въ началѣ слѣдующаго вѣка, наоборотъ, болгары потерпѣли тяжкія пораженія отъ императора Василія Болгаро-убійцы и византійцы утвердили свою власть почти надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ.

Въ концѣ XII вѣка снова образовалась между Балканами и Дунаемъ сильная Балканская держава подъ властью князя Азена, румынскаго происхожденія. Сынъ Азена, храбрый Іоанница или, по-гречески, Калоянъ, принявшій титулъ императора болгаръ и волоховъ, властвовалъ на обоихъ берегахъ Дуная и носился съ честолюбивымъ замысломъ одолѣть Константинополь. Ища союзника противъ Византіи, Іоанница устремилъ свое вниманіе на Римъ, а съ своей стороны и Иннокентій былъ радъ случаю завязать сношенія съ Болгаріей, слѣдуя примѣру своего предшественника папы Николая I въ X вѣкѣ. Первый дошедшій до насъ документъ въ этихъ сношеніяхъ исходитъ отъ Иннокентія и относится къ началу 1200 года. Папа хвалитъ царя за его расположеніе къ римской церкви (II 266) и объясняетъ этимъ благоволеніе къ нему Господа, даровавшаго ему побѣду и милостиво расширившаго его державу. Иннокентій слышалъ, что предки Іоанницы ведутъ свое происхожденіе отъ знатной римской семьи и приписываетъ этому благородную преданность царя апостольскому столу. Самъ онъ, папа, давно собирался отправить къ

нему пословъ съ письмами, но до сихъ поръ не имѣлъ возможности исполнить это желаніе. Теперь же отправляетъ къ нему грека Доминика, архипресвитера изъ Брундизія и проситъ принять его съ почетомъ. Когда же онъ удостовѣрится въ искренности царя, то отправить къ нему болѣе важныхъ пословъ, которые удостовѣрятъ расположеніе папы къ нему и его землякамъ. Отвѣтъ отъ болгарскаго царя не скоро послѣдовалъ. Лишь въ концѣ 1202 г. Іоанница, отпуская обратно Доминика въ Италію, извѣстилъ Иннокентія, что имъ получено письмо папы, которое „ему дороже золота и всякихъ драгоценныхъ камней“. Іоанница благодаритъ Господа, Который „взыскалъ своихъ недостойныхъ рабовъ“ и привелъ имъ на память „кровь и отечество“, отъ которыхъ они происходятъ. Онъ благодаритъ и св. отца, который, какъ добрый пастырь и глава всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, желая соединить воедино всѣхъ сыновъ св. каѳолической и апостольской церкви, обратился къ нимъ въ ихъ отдаленіи. Царь сообщаетъ Иннокентію, что его братья, блаженной памяти, давно уже желали обратиться къ нему, но не могли этого сдѣлать изъ-за многочисленности окружающихъ ихъ враговъ и самъ онъ пытался это сдѣлать не одинъ разъ и не два раза, а три, но это никакъ не удавалось. Теперь же онъ вмѣстѣ съ Доминикомъ посылаетъ папѣ своего пресвитера Власія съ просьбой, чтобы римская церковь относилась къ болгарской, какъ мать къ дочери и чтобы она прислала Іоанницѣ царскій вѣнецъ и титулъ на подобіе того, какъ ихъ получили его предшественники Петръ, Самуилъ и другіе, упомянутые въ книгахъ (V. 115). Къ царскому письму было приложено письмо отъ архіепископа Загоры, Василія, сообщавшаго, между прочимъ, что когда онъ узналъ отъ царя о письмѣ папы, то онъ со всѣмъ народомъ поднялъ руки къ небу, восклицая: „Помнить о насъ Господь“ (V. 117).

Эти письма доставилъ въ Римъ вернувшійся туда архипресвитеръ Доминикъ, передавъ еще письмо къ папѣ отъ какого-то князя Беллоты. Пресвитеръ же Василій изъ-за опасностей пути не былъ въ состояніи достигнуть своей цѣли.

Изъ отвѣта Иннокентія (V. 116) мы узнаемъ, что Іоанница сначала отнесся къ Доминику съ „сомнѣніемъ“, „зная, что сатана иногда принимаетъ на себя образъ ангела“, но послѣ того оказывалъ ему большой почетъ. Касательно просьбы царя прислать ему царскую корону, Иннокентій велѣлъ навести справку въ папскомъ архивѣ и убѣдился, что во времена папы Николая, царь болгарскій (гех) часто обращался къ нему съ запросами и крестился со всѣмъ своимъ народомъ. А также, что къ

папѣ Адриану пріѣзжалъ посольъ царя Михаила съ царскими письмами и просилъ папу, чтобы онъ прислалъ въ Болгарію кого-нибудь изъ своихъ кардиналовъ для избранія его въ епископы. Когда же Адрианъ послалъ туда съ двумя епископами одного иподіакона, болгары, подкупленные подарками грековъ и обманутые ихъ обѣщаніями, изгнали римлянъ и приняли грековъ. Память о такомъ „легкомыслии“ побудила Иннокентія къ осторожности. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ послать къ болгарскому царю не кого-либо изъ кардиналовъ, а своего капеллана Іоанна (de Casamari), особенно ему близкаго, въ видѣ своего легата съ тѣмъ, чтобы онъ по всей Болгаріи исправилъ то, что подлежитъ исправленію. Съ этимъ легатомъ Иннокентій отправилъ палліумъ для архіепископа и поручилъ ему разузнать и приготовить все нужное для вѣнчанія Іоанницы.

Папскій легатъ не рѣшился ѣхать черезъ Адриатику и враждебныя греческія владѣнія, а взялъ путь на Венгрію, страну католическую. Но это былъ путь дальній и его очевидно задерживали при королевскомъ дворѣ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и въ своемъ нетерпѣніи Іоанница обратился къ Иннокентію съ новымъ письмомъ (VI. 142 безъ числа). Царь писалъ, что когда греки узнали о его сношеніяхъ съ Римомъ, то патріархъ константинопольскій и греческій императоръ ему писали: „Приходи къ намъ, мы повѣнчаемъ тебя царскою короною и дадимъ тебѣ патріарха, ибо царство не можетъ быть безъ патріарха“. „Но я, писалъ Іоанница, этого не захотѣлъ и обратился къ твоему святѣйшеству, потому что хочу быть рабомъ св. Петра и твоего святѣйшества. Да будетъ извѣстно тебѣ, что я отправилъ къ тебѣ архіепископа съ подарками и деньгами, съ шелковыми тканями, воскомъ, серебромъ, конями и мулами, чтобы онъ поклонился тебѣ (ut adoret) за меня, раба твоего“. Письмо заключалось просьбой, чтобы папа прислалъ кардиналовъ, которые повѣнчали бы его царскою короною и посветили ему патріарха, „чтобы я былъ рабомъ твоимъ по конецъ жизни моей“.

Но архіепископъ не доѣхалъ до Рима, а вмѣсто него пришло извѣщеніе, что когда онъ прибылъ въ Диррахій (Дураццо), то комендантъ этого города не позволилъ ему переправиться за море въ Брундизіумъ, говоря, что это было бы неприятно императору. Къ тому же архидіаконъ и латинскіе клерики, находившіеся въ Диррахіѣ, также отговѣтовали ему отправляться дальше, страшая его, что онъ лишится на пути и имущества своего и жизни.

Получивъ это извѣстіе, Иннокентій писалъ архіепископу Болгарскому (Тырновскому) о своей радости, что онъ, архіепископъ,

и его государь такъ правильно судять о значеніи римской церкви, признавая ея первенство, ея власть вязать и расторгать и ея первоучительство. Съ своей стороны, онъ далѣе извѣщаетъ его, что поручилъ своему капеллану Іоанну (де-Казамари) отправиться легатомъ въ Болгарію для устроенія тамъ церковныхъ дѣлъ и предоставленія одному изъ тамошнихъ архіепископовъ папскаго палліума. Онъ поручилъ ему также навести подробныя справки о коронѣ, присланной римскою церковью предкамъ упомянутаго благороднаго князя ¹⁾. Этотъ легатъ уже находится въ Венгрии и оттуда безъ проволочекъ долженъ прибыть въ Болгарію. „Но такъ какъ упомянутый благородный мужъ (*memoratus nobilis*) (т.-е. Іоанница) поручилъ тебѣ посольство къ намъ, то мы настоятельно просимъ тебя и приказываемъ апостольскою властью, чтобы ты представился намъ, оставивъ, если нужно, на пути твою многочисленную конную челядь“. Папа оправдываетъ свое желаніе видѣть у себя архіепископа, несмотря на опасность пути, тѣмъ, что посредствомъ личныхъ переговоровъ съ нимъ онъ въ состояніи будетъ, не дожидаясь возвращенія капеллана Іоанна, отправить съ нимъ легата, уполномоченнаго удовлетворить желаніе болгарскаго князя.

О томъ же Иннокентій писалъ Калояну — *domino Bulgarorum*, убѣждая его заключить миръ съ его любезнымъ сыномъ Лукомъ (сербскимъ жупаномъ) для того, чтобы земли обоихъ не терпѣли непоправимаго ущерба.

Между тѣмъ въ Тырново прибылъ легатъ, аббатъ де Казамари и принялся устроить болгарскую церковь по инструкціямъ папы. Архіепископъ Василій былъ возведенъ въ санъ примаса и ему былъ переданъ паллій въ знакъ его утвержденія въ этомъ званіи папою. Архіепископы Белесбудскій (нынѣ Кюстендиль) и Пристлавскій (около Шумлы) были ему подчинены, а имъ подчинены мѣстные епископы. Получивъ отъ своего легата извѣщеніе, что болгарская церковь присоединилась къ римской, Иннокентій счелъ возможнымъ согласиться на желаніе Іоанницы и признать его царемъ „милостью папы“. Сношенія между Римомъ и Тырновымъ оживились. Все начало седьмой книги папскихъ регестъ, заключающей въ себѣ посланія за 1204 годъ, посвящено болгарскимъ дѣламъ въ количествѣ 14 документовъ. Во главѣ ихъ мы находимъ посланіе, адресованное уже „Калояну, пресвѣтлѣйшему царю Болгаръ и Волоховъ“. Иннокентій начинаетъ свое посланіе съ перечисле-

---

¹⁾ Иннокентій въ это время называетъ болгарскаго князя не иначе какъ *nobilis* или *dominus Bulgarorum*.

нія своихъ собственныхъ полномочій: Иисусъ Христосъ, власти котораго Отецъ подчинилъ всю вселенную, предъ которымъ преклоняетъ колѣна все, что существуетъ на небѣ, на землѣ и въ преисподней,—поставилъ его первосвященникомъ апостольскаго престола и назначилъ своимъ викаріемъ надъ народами и царями, съ властью „вырывать, разорять, а также насаждать и созидать“.

Приводя въ подтвержденіе своихъ притязаній разные тексты, Иннокентій замѣчаетъ, что въ словахъ; „Паси овца моя“ прямо выражено, что Петру поручена была не какая-либо мѣстная (*specialis*) церковь—но весь міръ и вселенская церковь и что, призвавъ другихъ пастырей раздѣлить съ нимъ заботу о стадѣ Христовомъ, Господь надѣлилъ Петра полнотою своей власти. Отсюда Иннокентій выводитъ и свою свѣтскую власть надъ государями: „и въ силу того, что по повелѣнію Господа, мы обязаны пасти овца Его, и желая болгарскому и волошскому народамъ, давно уже отнятымъ отъ сосцевъ матери, въ отцовской заботѣ о ихъ благѣ духовномъ и мірскомъ, мы, опираясь на власть Того, Кто Самуилу приказалъ Давида помазать въ цари,—ставимъ тебя царемъ (*regem*) надъ болгарами и волохами. Для вѣнчанія же Калояна царскимъ вѣнцомъ, Иннокентій посылаетъ ему Леона, кардинала-пресвитера святого Креста, „человѣка умнаго и честнаго, и намъ среди другихъ нашихъ братьевъ особенно любезнаго, съ царскимъ скиптромъ и царскимъ вѣнцомъ для возложенія его на тебя, какъ бы возлагая его нашими собственными руками и, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тебя клятвенное обѣщаніе, что ты останешься намъ и нашимъ преемникамъ и римской церкви преданнымъ и покорнымъ и сохранишь въ преданности и покорности апостольскому престолу всѣ земли и народы, подчиненные твоей державѣ“. Къ этому Иннокентій добавляетъ, что по просьбѣ архіепископа Василія онъ предоставляетъ Калояну право свободнаго чекана монеты съ его изображеніемъ. На архіепископа же Тырновскаго, папа, назначивъ его примасомъ, во всѣхъ подвластныхъ Калояну областяхъ, возлагалъ полномочіе, какъ и на его преемниковъ—вѣнчать на царство преемниковъ Калояна, взявъ съ нихъ также соотвѣтствующую присягу (VII, I.)

Изъ текста приводимой нами грамоты видно, съ какою тщательностью Иннокентій, соглашаясь, наконецъ, вѣнчать Калояна черезъ своего легата, формулировалъ зависимость новаго царства отъ Рима.

Не довольствуясь этимъ, папа составилъ текстъ особой грамоты, которую долженъ былъ подписать Калоянъ, подкрѣпивъ ее

своей печатью, для удостовѣренія своей преданности римскому престолу ¹⁾. Въ началѣ этой грамоты Калоянъ заявляетъ, что тщательно изучая законы своихъ предшественниковъ, онъ убѣдился, что славные цари болгарскіе Симеонъ, Петръ и Самуиль приняли вѣнецъ и патріаршее благословеніе отъ свѣтлѣйшей римской церкви, тоже пожелалъ и онъ и потому онъ формально заявляетъ о подчиненіи болгарской церкви Риму.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій прислалъ Калояну знамя, на которомъ были изображены крестъ и два ключа съ подробнымъ объясненіемъ ихъ значенія для того, чтобы Калоянъ приписывалъ свои будущія побѣды не себѣ, а Господу и чтобы въ пылу сраженій онъ помнилъ страданія Господни и поученіе Того, Кому Господь сказалъ: „Ты Петръ и т. д.“ (VII. 12).

Тѣсная взаимная связь церковныхъ и государственныхъ интересовъ, характеризующая средніе вѣка, ясно обнаруживается и въ болгарскомъ вопросѣ. Болгарскій князь обратился къ папѣ изъ-за вражды къ Византіи; Иннокентій обусловилъ свою готовность вѣнчать его царемъ присоединеніемъ Болгаріи къ римской церкви. Въ ознаменованіе этого папа оповѣщаетъ архіепископа о томъ, что онъ *поставилъ* (constituimus) Калояна царемъ, а его, архіепископа, примасомъ Болгаріи (VII, 2) и въ этомъ же посланіи принимаетъ мѣры, чтобы упрочить свое постоянное вліяніе надъ болгарской церковью. Онъ требуетъ, чтобы по смерти примаса выборы новаго лица производились канонически; чтобы избранный былъ посвященъ митрополитомъ и епископами; чтобы посвященный отправилъ въ Римъ посла для испрошенія палліума, освященнаго у гроба св. Петра, и чтобы при полученіи его новый примасъ принесъ ту присягу папѣ, его преемникамъ и римской церкви, которую другіе примасы и митрополиты приносятъ папѣ, по общему обычаю. Самый текстъ присяги папа прилагаетъ къ посланію въ видѣ особой буллы для „вѣчной памяти“.

Не касаясь вовсе разногласій между западной и восточной церковью, Иннокентій, однако, озабоченъ тѣмъ, чтобы ввести въ болгарскую церковь обычай, который долженъ былъ ее рѣзко отграничить отъ ея православнаго прошлаго, а именно *помазаніе* митрополитовъ, епископовъ и священниковъ по *римскому обычаю*, сопровождая это распоряженіе чрезвычайно подробной богословской аргументаціей.

---

¹⁾ Inn VII. 4. Instrumentum, quo rex Bulgariae et Blaciae imperium suum ecclesiae Romanae subicit.

Прекрасно придуманная папою комбинація, чтобы съ помощью князя подчинить себѣ болгарскую церковь, а чрезъ главу этой церкви держать въ зависимости отъ себя князя—не соответствовала видамъ Калояна. Онъ готовъ былъ подчинить болгарскую церковь Иннокентію, но въ своихъ собственныхъ, а не въ папскихъ интересахъ. Въ этомъ несогласіи между ними проявился обычный антагонизмъ между церковнымъ и государственнымъ началами. Объ этомъ разногласіи между Иннокентіемъ и болгарскимъ царемъ свидѣтельствуетъ письмо Калояна (VII, 6), написанное до пріѣзда туда кардинала Леона и подѣ впечатлѣніемъ того, что капелланъ Іоаннъ сообщилъ царю о намѣреніяхъ Иннокентія относительно зависимости новаго примаса отъ Рима. Съ увѣреніями горячей благодарности Калоянъ извѣщаетъ Иннокентія о прибытіи капеллана Іоанна съ палліумомъ ради возведенія архіепископа въ санъ примаса. „И исполнилось сердце мое великой радости, ибо Господь и твое святѣйшество удовлетворили желаніе государства моего: и я прошу и умоляю твое великое святѣйшество, чтобы ты дополнилъ желаніе государства моего и прислалъ пастырскій посохъ для сбора овецъ и все, что нужно патриарху... чтобы церковь имѣла патриарха и по смерти теперешняго патриарха всегда по распоряженію святѣйшества твоего. И такъ какъ было бы тяжело вслѣдствіе дальняго пути и войны между людьми сноситься съ римскою церковью по смерти каждаго патриарха, то желательнo, чтобы римская церковь предоставила болгарской церкви право избирать и посвящать патриарха для того, чтобы изъ-за отсутствія такового эта земля не оставалась безъ благословенія и грѣхъ не падалъ на твое святѣйшество (VII, 6)“. Дѣло, очевидно, въ томъ, что новый болгарскій царь не желалъ при смѣнѣ патриарховъ быть въ зависимости отъ усмотрѣнія папы, а именно эту непосредственную зависимость главы болгарской церкви отъ папы всего болѣе и дорожилъ Иннокентій.

Не безъ препятствій совершилось путешествіе кардинала Леона въ столицу болгарскаго царства. Путь его туда лежалъ черезъ Венгрію; а между Венгріей и Болгаріей были старые счеты. Калоянъ жаловался папѣ, что Венгрія завладѣла пятью епархіями, издревле принадлежащими Болгаріи и просилъ Иннокентія повліять на венгерскаго короля, который въ свою очередь обращался къ папѣ съ совершенно противоположными жалобами. Прибывъ ко двору венгерскаго короля, кардиналъ былъ принятъ тамъ съ подобающимъ почетомъ. Онъ засталъ при этомъ дворѣ сильное раздраженіе противъ Калояна, который воспользовался походомъ венгерскаго короля противъ Филиппа Гогенштауфена, предпри-

нятаго по желанію Иннокентія, чтобы опустошить Сербію, находившуюся тогда въ зависимости отъ Венгріи. Кардиналу Леону стоило не мало труда, чтобы отговорить венгерскаго короля отъ похода противъ князя, которому онъ везъ благословеніе папы и царскій вѣнецъ за его переходъ отъ восточной церкви къ западной. Прогостивши нѣкоторое время у короля Еймериха, кардиналъ собрался въ путь черезъ Дунай, сопровождаемый провожатыми, данными ему королемъ, какъ вдругъ на самой границѣ у крѣпости Кеве былъ задержанъ ея комендантомъ, по приказанію короля. Еймерихъ требовалъ, чтобы онъ вернулся назадъ и пригласилъ болгарскаго царя на одинъ изъ Дунайскихъ острововъ, чтобы предварительно разсудить пограничные споры между обоими государствами. Кардиналъ, какъ видно изъ его донесенія папѣ, отъ этого отказался, такъ какъ ему дано было порученіе церковное, а не свѣтское и примѣшивать къ такому порученію свѣтскіе интересы было бы *симоніей*, и, во-вторыхъ, потому что онъ не имѣлъ никакой власти надъ болгарскимъ царемъ, пока тотъ не принялъ на себя никакой обязанности по отношенію къ папѣ. Послѣ этого комендантъ запретилъ, подъ угрозой строгаго наказанія, продавать что-либо легату или оказывать ему какія-либо услуги, самого же и сопровождавшаго его болгарскаго епископа окружилъ стражей человекъ въ 300, стѣснявшей ихъ даже въ ихъ естественныхъ надобностяхъ. Узнавъ объ этомъ, Иннокентій проявилъ въ письмѣ къ королю венгерскому поразительную сдержанность и снисходительность. Напомнивъ ему разныя его обѣщанія, онъ восклицаетъ: „Увы, дражайшій сынъ, куда дѣлось твое королевское милосердіе, куда христіанская религія, куда особливая преданность, которою ты похвалялся по отношенію къ намъ и римской церкви“. „Поблекъ прекрасный цвѣтъ и золото обратилось въ шлакъ. Да пощадитъ Господь тѣхъ, кто, желая посягнуть раздоръ между царствомъ и священствомъ, соблазнили твою душу дурнымъ совѣтомъ“. Къ этому посланію была приложена короткая записка лично для короля: „Мы писали тебѣ благосклоннѣе и мягче, чѣмъ слѣдовало по обстоятельствамъ дѣла, для того, чтобы тѣ, кто увидятъ наше посланіе, не подумали, что мы лишили тебя нашего апостольскаго благоволенія, что не послужило бы къ твоей пользѣ и чести. Многое совершилось и совершается въ королевствѣ твоемъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи потребовало бы болѣе строгаго порицанія—не только несоблюденіе тобою крестоваго обѣта, плѣненіе тобою твоего брата, выборы прелатовъ, но и многое другое, о чемъ умалчиваю, чтобы въ настоящій моментъ не слишкомъ смущать тебя. Остерегись, чтобы не создать для

себя такія затрудненія, изъ которыхъ ты не въ силахъ будешь выйти“ (VIII, 126).

Что же вызвало со стороны венгерскаго короля такой рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ къ папскому легату и такое грубое нарушеніе гостепрѣимства?—Очевидно, что королю было чрезвычайно непріятно задуманное папою вѣнчаніе его соперника и врага; вѣдь сопротивлялся же онъ и вѣнчанію сербскаго великаго жупана Стефана, а болгарскій князь былъ для него гораздо болѣе опаснымъ сосѣдомъ. Кромѣ того, кардиналъ, очевидно, скрылъ отъ короля настоящую цѣль своего путешествія въ Тырново, подъ предлогомъ, что ему поручены лишь церковныя дѣла, чѣмъ и объясняется необузданная вспыльчивость и задоръ Еймериха.

Чтобы оправдать себя передъ папою, король послалъ папѣ черезъ легата длинный перечень жалобъ и претензій. Содержаніе его намъ извѣстно лишь изъ инструкціи посланной Иннокентіемъ легату Леону, которая должна была служить опроверженіемъ жалобъ короля и обличеніемъ его.

Касаясь выставленнаго королемъ на видъ благочестія своихъ предковъ и ихъ заслугъ передъ папствомъ, и признавая, что они всегда съ почтеніемъ относились къ апостольскому престолу, Иннокентій отвѣчалъ: „Что правда, то правда, но поэтому-то ты безъ сомнѣнія признаешь правду и другой стороны, т. е. что и папы отличали венгерскихъ королей передъ другими правителями своимъ расположеніемъ“, причемъ напомнилъ услугу, оказанную папою Александромъ III отцу Еймериха, королю Белѣ, котораго примасъ Венгріи не хотѣлъ вѣнчать, и который былъ вѣнчанъ другимъ архіепископомъ по спеціальному приказанію папы; Иннокентій напомнилъ ему также свои собственныя заботы объ улаженіи раздора между Еймерихомъ и его братомъ Андреемъ.

„Правда, продолжалъ папа, обращаясь къ королю, ты нашимъ послаемъ, отправлявшимся въ Болгарію и болгарскимъ, ѣхавшимъ къ намъ, давалъ пропускъ черезъ свою землю и выпустилъ, по просьбѣ легата, собранныя противъ Іоанницы войска, не взирая на причиненные этимъ тебѣ напрасныя убытки“.—За все это папа выражаетъ королю свою самую чувствительную благодарность.

Что же касается до многочисленныхъ обидъ, причиненныхъ королю Іоанницей — захвата земли, данной въ приданое сестрѣ его, греческой императрицѣ, жестокаго опустошенія Сербіи, подчиненной Венгріи, съ помощью язычниковъ, уведшихъ въ рабство многихъ христіанъ въ то время, когда, по просьбѣ папы, король отправилъ свое войско противъ Филиппа Швабскаго, то Инно-

кентій выражалъ по этому поводу глубокое сожалѣніе съ обѣщаніемъ доставить королю полное удовлетвореніе.

Переходя затѣмъ къ главному обвиненію, что папа рѣшилъ безъ вѣдома короля вѣнчать на царство главнаго его врага, Іоанницу, „безземельнаго проходимца“, завладѣвшаго временно частью венгерской земли—Иннокентій замѣчаетъ, что король, „съ позволенія сказать, не вполне знаетъ истину“. И по этому поводу Иннокентій наставляетъ Еймериха въ древнѣйшей болгарской исторіи, изъ которой онъ выводитъ, что Іоанница, потомокъ древнихъ царей болгарскихъ, захватилъ не чужую, а возвратилъ свою родовую землю—(non tam ossurage, quam resurage). Отсюда слѣдуетъ, что папа не думалъ вѣнчать его королемъ чужой земли, а прадѣдовской съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ землю, несправедливо занятую, на что согласенъ былъ и самъ Іоанница, просившій папу разсудить его споръ съ венгерскимъ королемъ о землѣ. А такъ какъ послы изъ Рима въ Болгарію и обратно безпрепятственно пропускались черезъ Венгрію, то папа никакъ не могъ считать Іоанницу злѣйшимъ врагомъ венгерскаго короля, тѣмъ болѣе, что имѣлъ цѣлью, устранивъ все недоразумѣнія между ними, установить между ними дружбу.

При этомъ Иннокентій напоминаетъ королю его странный способъ дѣйствія въ сербскихъ дѣлахъ. По его просьбѣ папа отказался отъ своего намѣренія вѣнчать королевской короной Стефана сербскаго—не безъ нѣкотораго смущенія—(non sine quadam nostri confusione). Послѣ этого король просилъ повѣнчать брата Стефанова—Бука, а землю его присоединить къ римской церкви. Тогда же папа далъ соответствующее порученіе архіепископу Колочи въ Венгріи, но съ тѣхъ поръ это дѣло уже два года не подвигается съ мѣста.

Нельзя не отмѣтить, что Иннокентій, касаясь обиды нанесенной кардиналь-легату, не выражаетъ естественнаго въ данномъ случаѣ негодованія и не грозитъ церковными карами, а прибѣгаетъ къ тонкой ироніи и даже къ цитатѣ изъ языческаго поэта ¹⁾, доказывая королю, что болѣе достойно было бы не принимать легата, чѣмъ, принявши его, задержать.

Съ подобной же ироніей отнесся папа къ желанію короля отказать въ вѣнчаніи болгарскому князю, пока легатъ не разсудитъ его спора съ венгерскимъ королемъ. „Мы приведемъ лишь немногіе изъ множества мотивовъ противъ этого, замѣчаетъ на это Иннокентій, чтобы подробный отвѣтъ не слишкомъ смутить

---

¹⁾ Turpins ejicitur quam non admittitur hospes. Ovid. Trist. 5, 6, 13.

тебя".—Онъ указываетъ на то, что легатъ, съ такимъ почетомъ принятый въ Венгріи, не будетъ казаться безпристрастнымъ судьей; что до присоединенія къ римской церкви болгарскаго царя, легатъ не будетъ имѣть надъ нимъ юрисдикціи; что дальнѣйшее задержаніе легата, идущаго въ Болгарію для распространенія вѣры, навлечетъ на короля гнѣвъ Божій, усилить обиду, нанесенную папѣ и вражду со стороны Болгаріи и все это напрасно, такъ какъ папа имѣетъ и другіе способы осуществить свою волю. Послѣдній аргументъ короля венгерскаго заключался въ томъ, что, хотя прошло почти уже *два года* со времени разоренія Зары крестоносцами, онъ, король, не получилъ еще никакого удовлетворенія черезъ римскую церковь, и если онъ разрѣшитъ коронацію болгарскаго князя до улаженія взаимной ихъ распри, то ему нельзя будетъ рассчитывать въ этомъ дѣлѣ на какое-либо удовлетвореніе. На это папа отвѣчаетъ, что крестоносцы и венеціанцы были за разореніе Зары подвергнуты отлученію отъ церкви и первые помилованы лишь послѣ клятвеннаго обѣщанія за себя и своихъ наслѣдниковъ дать удовлетвореніе. Венеціанцы же до сихъ поръ еще не просили снять съ нихъ отлученіе и въ наказаніе за это папа отчисляетъ епархію Зары отъ венеціанскаго патриаршества (Grado). Подобнымъ способомъ будетъ наказанъ и болгарскій князь, если, по коронаціи своей, откажется подвергнуться въ своемъ спорѣ съ королемъ венгерскимъ суду легата.

Всѣ эти соображенія предназначались для сообщенія ихъ королю венгерскому, легату же внушалось, чтобы онъ короновалъ Іоанницу лишь по отношенію къ собственной его землѣ, не касаясь спорной, а затѣмъ, наведя нужныя справки, разрѣшилъ по справедливости споръ между Венгріей и Болгаріей.

По этому документу можно судить, съ какими затрудненіями приходилось бороться Иннокентію въ своей дипломатической дѣятельности и къ какимъ прибѣгать уверткамъ: клятвенное обѣщаніе, взятое съ вождей крестоносцевъ, что они дадутъ удовлетвореніе за разрушеніе Зары, конечно, должно было остаться пустымъ звукомъ.

Дѣло о пропускѣ легата уладилось. Какъ разъ наканунѣ того дня, когда папа подписалъ эту инструкцію, кардиналъ Леонъ прибылъ въ Тырново—15 окт. 1204 г.; 7 ноября онъ посвятилъ архіепископа Василя въ санъ примаса, а на слѣдующій день—въ день св. Михаила — короновалъ Іоанницу. Извѣщая объ этомъ „родного отца своего государства, господина папу“ (VII. 230), Іоанница пишетъ, что вся Болгарія и Валахія и всѣ принадлежавшія ему

земли громко прославляли и возносили его святѣйшество. Письмо это сопровождалось подарками — двумя аксамитами и двумя „эписимами“ (тканья золотомъ матеріи), однимъ краснымъ, другимъ бѣлымъ. Съ письмомъ же были отправлены въ Римъ два мальчика—Василій и Виелеемъ (sic), чтобы научиться въ тамошнихъ школахъ латинской грамотѣ—„такъ какъ у насъ, пишетъ Іоанница, нѣтъ такихъ людей, которые могли бы намъ переводить ваши письма“. Въ этомъ же письмѣ болгарскій царь касается своихъ сосѣдей, венгровъ и латинянь, занявшихъ Константинополь, и проситъ папу написать имъ, чтобы они оставили его въ покоѣ; если же они не станутъ соблюдать миръ и кто-нибудь изъ нихъ при этомъ погибнетъ, то пусть папа не возлагаетъ отвѣтственности на него.

Но тщетно желалъ болгарскій царь съ помощью папы избѣгнуть грядущихъ событій. Казалось бы, что переходъ Константинополя въ руки католиковъ, одновременно съ присоединеніемъ къ католицизму Болгаріи, обезпечить торжество папства на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и прекратить вѣковой раздоръ между греками и болгарами; но вышло наоборотъ. Оказалось, что вражда національная, сталкиваясь съ враждой религіозной, привела къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Вражда къ грекамъ побудила болгаръ искать союза съ Римомъ, а занятіе Константинополя франками-католиками оттолкнуло ихъ снова отъ Рима. Іоанница, правда, сначала пытался войти въ дружескія отношенія къ новымъ сосѣдямъ, но незнакомые съ дѣлами Востока французскіе рыцари не сумѣли въ своей гордынѣ воспользоваться счастливыми для нихъ обстоятельствами. Они смотрѣли на себя, какъ на наслѣдниковъ Византійской имперіи, а на болгаръ, какъ на расхитителей греческой земли. Поэтому Іоанница, встрѣтивъ съ ихъ стороны отпоръ, вошелъ въ тайное сношеніе съ греками, что имѣло своимъ послѣдствіемъ катастрофу, въ которой погибъ первый западный императоръ восточной имперіи. Его братъ Генрихъ сообщилъ папѣ „со слезами и лобзаніемъ ноги“, что греки, „по врожденной имъ злобѣ и вѣроломству (*malitia et perfidia*) всегда склонные къ измѣнѣ“, учинили открытое возстаніе, когда крестоносцы были въ разбродѣ: маркграфъ Монфератскій былъ за Салониками съ большимъ отрядомъ, онъ самъ съ немалымъ отрядомъ находился по ту сторону залива св. Георгія, другіе бароны близъ Никеи, иные около Филиппополя и многіе по разнымъ укрѣпленіямъ. Братъ его Балдуинъ, узнавъ о возстаніи, послѣшилъ съ небольшой ратью къ Адрианополю, гдѣ былъ очагъ возстанія. Тогда Іоанница, тайно подстрекаемый греками, набросился съ огромной толпой болгаръ и

кумановъ на крестоносцевъ, неосторожно зашедшихъ слишкомъ далеко, и уничтожилъ отрядъ, такъ, „что намъ неизвѣстно, кто изъ нихъ убитъ и кто въ плѣну“.

Какъ бы въ оправданіе этой неосторожности Генрихъ прибавляетъ, что со дня высадки ихъ въ Греціи, какъ велико ни бывало число враговъ, никогда не случалось, чтобы побѣда не оставалась на сторонѣ крестоносцевъ. Часть отряда, оставленная для охраненія лагеря и тѣ, кто успѣлъ спастись изъ битвы, пробились до Родосто и была бы надежда отстоять Константинополь, но получено достовѣрное извѣстіе изъ перехваченныхъ писемъ, что замышляется союзъ между болгарами, греками и турками. Въ виду этого Генрихъ умоляетъ Иннокентія, какъ единственную опору крестоносцевъ, объявить въ Италіи, Франціи и Германіи новый крестовый походъ. Иннокентій не замедлилъ выступить посредникомъ между враждующими. Генриху онъ писалъ „кратко“ и наскоро, такъ какъ помощь нужнѣе, чѣмъ слова. Онъ совѣтовалъ ему скорѣе принять мѣры къ освобожденію брата и заключенію искренняго и прочнаго мира съ „дорогимъ сыномъ нашимъ Калояномъ, царемъ болгаръ и волоховъ, ибо очень полезна можетъ быть обѣимъ сторонамъ дружба“.

(VIII. 132, въ первыхъ числахъ іюля 1205)

Подробнѣе Иннокентій писалъ Іоанницѣ, чтобы онъ заключилъ миръ съ латинянами и освободилъ плѣннаго императора. (VIII. 129) Увѣряя царя въ своей любви, напомнивъ ему о присылкѣ короны и стяга для охраненія его царства отъ вражескихъ набѣговъ, папа предостерегаетъ Іоанницу, что громадное войско собирается на Западѣ помимо того, которое уже находится въ пути, и поэтому совѣтуетъ ему поскорѣе заключить миръ съ латинянами для того, чтобы они съ одной стороны, а венгерцы съ другой, не потѣснили его такими силами, съ которыми онъ не въ состояніи былъ бы справиться. — „Да внушитъ тебѣ Господь послушаться нашихъ увѣщаній для того, чтобы твое царство, которое ты благочестиво посвятилъ св. Петру и римской церкви, уцѣлѣло отъ всякой смуты“ и т. д. Въ такомъ же смыслѣ Иннокентій писалъ и архіепископу Тырновскому.

Отвѣтъ Іоанницы на это увѣщаніе не сохранился въ регистрахъ. Но по сообщеніямъ „Дѣяній“ Иннокентія (с. 108) болгарскій царь оправдывался тѣмъ, что, узнавъ о взятіи Константинополя, онъ отправилъ пословъ къ латинянамъ ради мира съ ними, но они высокоумѣнно отвѣтили, что они не хотятъ жить съ нимъ въ мирѣ, если онъ не возвратитъ земель, захваченныхъ имъ у Византійской имперіи. На это онъ имъ отвѣтилъ, что землями этими

онъ владѣеть съ большимъ правомъ, чѣмъ они Константинополемъ, ибо онъ лишь возвратилъ себѣ земли, утраченныя его предками, они же завладѣли Константинополемъ, который имъ не принадлежалъ.—Притомъ онъ законно получилъ свой вѣнецъ отъ папы, тотъ же, который назвалъ себя константинопольскимъ императоромъ, присвоилъ себѣ царскій вѣнецъ своевольно. Поэтому царство съ большимъ правомъ принадлежало ему, чѣмъ тому, и онъ будетъ съ увѣренностью воевать подъ стягомъ, полученнымъ отъ папы, съ изображеніемъ папскихъ ключей, противъ тѣхъ, кто ради обмана носить на плечѣ крестъ. Такимъ образомъ, онъ былъ вызванъ латинянами и вынужденъ защищаться отъ нихъ. И Господь далъ ему нежданную побѣду, Господь, который противится высокоумнымъ, а къ смиреннымъ милостивъ. Самую же побѣду онъ приписывалъ св. Петру, главному изъ апостоловъ. Что же касается до освобожденія императора, то онъ не въ состояніи исполнить совѣтъ и приказаніе папы, такъ какъ тотъ кончилъ жизнь, пребывая въ заключеніи.

Посредничество папы между увѣрившими его въ своей преданности католиками Балканскаго полуострова — ни къ чему не послужило. Это, однако, не помѣшало Іоанницѣ увѣрять Иннокентія, что онъ готовъ отдать за него жизнь, а самому папѣ продолжать свои попытки склонить его къ миру съ латинянамъ. Въ дошедшемъ до насъ письмѣ Иннокентія отъ 25 мая 1207, папа, повторяя приведенный Іоанницей текстъ, что Господь противится надменнымъ, доказываетъ ему, что именно онъ поступаетъ несогласно съ этимъ словомъ апостола, ибо не только не захотѣлъ заключить съ латинянами миръ или перемиріе, но принялъ и отпустилъ посланное ради этого къ нему папой лицо съ меньшимъ почетомъ (*minus honeste*), чѣмъ слѣдовало. Несмотря, однако, на это папа принялъ посланца отъ царя и привезенное имъ письмо радушно. Въ виду же того, что Іоанница давно уже собирается прислать папѣ пословъ, но имъ нѣтъ проѣзда ни черезъ Венгрію, ни черезъ Диррахій, гдѣ владычествуютъ венеціанцы, папа писалъ и тѣмъ и другимъ по этому поводу, чтобы въ Римъ проѣздъ былъ свободенъ. Что же касается увѣренія Іоанницы, что онъ готовъ „положить голову“ за папу, то Иннокентій благодарить Господа за то, что Онъ внушилъ царю такую мысль (X. 65).

Этой перепискѣ и вообще сношеніямъ Болгарія съ Римомъ положило неожиданный конецъ убійство Іоанницы тѣлохранителемъ его изъ куманъ; въ 1207 г. при осадѣ болгарами Салоникъ.

Еще менѣе слѣдовъ оставила въ исторіи попытка Иннокентія водворить католицизмъ въ западной части Балканскаго полуострова—среди сербовъ. Въ противоположность Болгаріи, Сербія была въ это время раздроблена и въ зависимости отъ Венгріи.

Западная ея часть—теперешняя Боснія, находилась подъ управленіемъ своего бана Кулина. Она привлекала къ себѣ вниманіе Иннокентія распространившимися въ ней „Богомилами“, чрезъ которыхъ манихейство проникло въ Италію и южную Францію и проявилось въ сектѣ патареновъ и катаровъ. Призывая къ ихъ истребленію сеньеровъ и короля Франціи, Иннокентій обратился съ такимъ же предложеніемъ къ королю Венгріи, требуя отъ него, чтобы онъ понудилъ бана Кулина выступить противъ богомиловъ. Послѣдніе не оказали сопротивленія и весною 1203 года старшины богомильскаго толка заявили на общемъ собраніи предъ папскимъ легатомъ Іоанномъ, аббатомъ Казамари и баномъ Кулинымъ о своемъ полномъ подчиненіи папскому престолу. Объ этомъ былъ составленъ письменный договоръ, который былъ потомъ утвержденъ королемъ Еймерихомъ въ присутствіи сына бана Кулина, клятвенно обѣщавшаго, что, если онъ будетъ потворствовать ереси, то уплатить пеню въ 1000 марокъ—пополамъ королю и папѣ. А присутствовавшіе при этомъ представители богомиловъ поклялись за своихъ единовѣрцевъ, что будутъ точно соблюдать выданную ими грамоту.

Что касается до Сербіи, то здѣсь образовалась къ концу XII вѣка крупная держава, простиравшаяся отъ границъ Болгаріи къ Адриатическому морю, включая въ себѣ и теперешнюю Черногорію. Но Великій Жупанъ ея ушелъ на Аѳонъ; держава его распалась: главная часть ея—нынѣшняя Сербія досталась старшему сыну Стефану, съ титуломъ Великаго Жупана; младшій сынъ, Вукъ, получилъ области по берегу моря съ подчиненіемъ старшему. Недовольный своимъ удѣломъ и своей зависимостью отъ старшаго брата, Вукъ завелъ сношенія съ венгерскимъ королемъ и съ папою, прося Иннокентія прислать ему легата, чтобы принять его владѣнія подъ покровительство римскаго престола, возвести епископа въ Антивари въ санъ архіепископа и даровать ему палліумъ.

Съ благопріятнымъ отвѣтомъ былъ отправленъ въ Сербію капелланъ Іоаннъ и иподьяконъ Симонъ. Но по отъѣздѣ ихъ папская канцелярія спохватилась. Оказалось, что епископство Антивари входило въ составъ архіепископства Рагузы и Иннокентій счелъ неудобнымъ производить ломку старинныхъ церковныхъ учрежденій. Поэтому, пославъ капеллану Іоанну въ догонку упрекъ за то,

что онъ не досмотрѣлъ находившіяся въ папскомъ архивѣ грамоты, Иннокентій отправилъ ему другую грамоту, въ которой не упоминалось о возвышеніи епископа Антивари. Затѣмъ поручивъ Іоанну навести на мѣстѣ справки, состояло ли епископство Антивари когда-либо архіепископствомъ, папа предоставилъ ему, сообразуясь съ обстоятельствами, воспользоваться той или другой редакціей.

Между тѣмъ, старшій братъ, Стефанъ, узнавъ о домогательствахъ Вука, позавидовалъ ему и, съ своей стороны, также отправилъ посольство къ папѣ, прося прислать и къ нему легата, чтобы повѣнчать его царскимъ вѣнцомъ, обѣщая за это присоединиться къ римской церкви.

Обрадованный Иннокентій тотчасъ поручилъ епископу Албанскому отправиться въ Сербію и исполнить желаніе Стефана. Но это не входило въ расчеты честолюбиваго венгерскаго короля; онъ предпочелъ поддержать Вука, который согласился вступить въ вассальныя къ нему отношенія и съ его помощью разбилъ въ 1202 году Стефана и посадилъ на его мѣсто Вука, принявъ самъ титулъ короля Сербіи. Онъ извѣстилъ о своей побѣдѣ Иннокентія, который въ своемъ отвѣтѣ выразилъ ему, что его побѣда ему также дорога, какъ если бы она была имъ самимъ одержана. Но торжество папы и католическаго короля было непрочнымъ. Въ дѣло вмѣшался третій братъ, монахъ Савва, впоследствии святой; Стефанъ снова сталъ Великимъ Жупаномъ и хотя онъ и соблазнился царскимъ вѣнцомъ изъ рукъ преемника Иннокентія, Сербія осталась вѣрна восточной церкви.

Неисчерпаемая энергія Иннокентія нашла впрочемъ еще другой путь, чтобы проникнуть въ славянскій міръ, черезъ ту же Венгрію. Въ іюнѣ 1205 г. въ битвѣ при Завихостѣ погибъ Владимірскій князь Романъ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Данила. Мать Данила обратилась за помощью къ Венгріи. Правителемъ ея былъ въ это время, по смерти короля Еймериха, его братъ Андрей, за своего племянника Владислава. Андрей вступилъ во Владиміръ Волынскій, укрѣпилъ на престолѣ Данила, а самъ принялъ титулъ короля Галиціи и Лодомеріи.

Иннокентій немедленно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы присоединить новыхъ подданныхъ короля къ римской церкви. Онъ отправилъ къ нимъ кардинала-легата Санъ-Витале и съ нимъ грамоту отъ 7 окт. 1207 г., адресованную архіепископамъ, епископамъ, клерикамъ и мірянамъ „въ Рутеніи“, приглашая ихъ хорошо принять легата. „Хотя (X. 138), пишетъ онъ, вы по сіе время, будто чужія дѣти, были удалены отъ сосцевъ матери вашей

я, поставленный Господомъ, хотя и незаслуженно, поучать его народъ, не могу отказаться отъ своихъ пастырскихъ обязанностей и не могу не стараться увѣщаніемъ привлечь васъ, какъ членовъ Христова тѣла, къ согласію съ его главою“. Ссылаясь затѣмъ на нѣкоторые изъ „безчисленныхъ“ свидѣтельствъ Св. Писанія въ пользу единства церкви, папа продолжаетъ: „Нынѣ же, когда греческая имперія и почти вся церковь вернулась къ покорности апостольскому престолу, смиренно подчиняясь его указаніямъ и исполняя его повелѣнія, развѣ не безразсудно части не соглашаться съ цѣлымъ? (X. 138). Тѣмъ болѣе, что, кто знаетъ, не за вашу ли непокорность и упорство они были преданы разграбленію, для того, чтобы несчастіе заставило ихъ взяться за умъ“. Но въ самый годъ этого посланія Даніиль за свою связь съ венграми былъ принужденъ бѣжать, а посаженные Андреемъ на его мѣсто князья Романъ и Владиміръ въ 1212 г. погибли во время народнаго бунта. Тогда венгерскій король посадилъ во Владимірѣ своего младшаго сына Коломана. Имѣлось въ виду короновать его королемъ Галича и Владиміра и создать на востокъ отъ Карпатъ новое зависимое отъ Рима государство. Но Иннокентію не было суждено дожить до этого, а по смерти его князь Метиславъ положилъ конецъ этимъ мечтаніямъ.

* * *

Исторія Балканскихъ славянъ показала намъ, какимъ могущественнымъ средствомъ въ рукахъ папства было вѣнчаніе на царство иновѣрческаго князя для привлеченія его царства въ лоно католицизма. Это именно средство дало Иннокентію III возможность перебросить свою власть и въ отдаленную Азію и связать съ западной Европой христіанскую народность, неподдававшуюся цѣлые вѣка ни Византіи, ни торжествующему мусульманству,—а именно армянскую народность. Эта побѣда была тѣмъ важнѣе для папства, что она была вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ оказать помощь крестоносцамъ въ Палестинѣ, столь нуждавшейся въ ней.

Въ эпоху Иннокентія III армянамъ, проникнувшимъ на сѣверъ отъ Сиріи, удалось обезпечить себѣ политическую обособленность, но чтобъ удержать ее среди окружавшаго ихъ магометанства, имъ было необходимо сближеніе съ Западной Европой, и съ ея представителями въ Сиріи—крестоносцами. Средствами къ этому сближенію могли быть прежде всего родственныя связи съ христіанскими князьями, вышедшими изъ рядовъ крестоносцевъ Сиріи и Палестины. Къ этому средству и прибѣгъ армянскій государь

Леонъ, выдавъ свою племянницу за сына герцога Антиохіи, потомка Боемунда Тарентскаго. Но это могло быть только первымъ шагомъ; для того, чтобъ заручиться помощью европейскихъ государей, надо было принести въ жертву свою религіозную особенность, которой такъ дорожили другіе восточные народы, отдѣлившіеся отъ греческой церкви, напр., Копты. На это и рѣшился глава армянской церкви, католикосъ Григорій, признавшій римскаго епископа своимъ главой. Наградой за это было вѣнчаніе Леона королемъ Арменіи. Характернымъ знаменіемъ эпохи было то, что это вѣнчаніе было совершено двумя прелатами, находившимися въ то время на Востокѣ, архіепископомъ Майнцскимъ, канцлеромъ священной Римской имперіи, какъ бы представителемъ свѣтской власти, и кардиналомъ, епископомъ Сабинскимъ, представителемъ папской власти.

Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ намъ „въ вѣрномъ переводѣ съ армянскаго языка“ письмомъ католикоса Григорія. Письмо это обращено къ папѣ и всѣмъ христіанамъ римской церкви. „Вамъ, состоящимъ послѣ Христа главою римской церкви, матери всѣхъ церквей, высокопочтенный папа, обладающій тою мудростью и святостью, которая вамъ подобааетъ, какъ замѣстителю апостоловъ и вамъ, святые архіепископы, епископы, кардиналы, пресвитеры, клирики и всѣмъ состоящимъ въ вашей святой церкви—братскій поклонъ. Миръ Божій да будетъ между вами.—Григорій, слуга Іисуса Христа, милостью Божіей католикосъ армянской церкви, сынъ вашей церкви, основы всего христіанскаго закона“.

За симъ слѣдуетъ пожеланіе, чтобы Господь сохранилъ папу отъ всякаго зла, такъ какъ „при благополучіи главы церкви и мы, составляющіе ея тѣло, будемъ въ благополучіи“. Далѣе повѣствуется о прибытіи архіепископа Майнцаго съ короною отъ Господа, отъ римской церкви и римскаго императора и о томъ, какъ онъ повѣнчалъ ея короля Леона, возвратилъ намъ корону, давно нами утраченную съ того времени, когда мы отдалились отъ васъ. Заявивъ о томъ, съ какою радостью и благодарностью была принята эта корона, католикосъ сообщаетъ, что архіепископъ передалъ армянскому духовенству законоположенія (praeserta) католической церкви, которыя были весьма охотно имъ приняты, такъ какъ римская церковь мать всѣхъ церквей и армянская церковь желаетъ быть въ ея послушаніи (*volumus esse ad vostrum mandatum*). Въ заключеніе описывается безвыходное положеніе армянской церкви, находящейся въ пасти дракона и среди враговъ креста. Въ виду этого, слѣдуетъ просьба о помощи и совѣтѣ, дабы армяне могли соблюсти честь Господа, христіанства и „вашу“.

Въ своемъ отвѣтѣ Иннокентій привѣтствуетъ *католикоса* за то, что онъ не только по имени *католикъ*, но и по вѣрѣ, такъ какъ признаетъ римскую церковь матерью всѣхъ церквей, а папу главою всѣхъ вѣрующихъ, которому поручено учительство (*magisterium*) въ церкви. Приведши обычные тексты для подкрѣпленія римскаго авторитета, Иннокентій объясняетъ установленіе Христомъ одинаго управленія церковью тѣмъ, чтобы вознесеніемъ папы предотвратить распаденіе церкви на секты и сохранить единство тѣла Христова, ибо члены утрачиваютъ способность чувства и движенія, если не сохраняютъ своего единства съ тѣломъ. Обнадеживая католикоса помощью, папа выступаетъ не только, какъ глава церкви, которому поручено не одно учительство въ ней, но и предводительство—въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ своемъ посланіи къ королю Леону. Ибо одновременно съ письмомъ отъ католикоса Иннокентій получилъ посланіе и отъ Леона, именовавшаго себя „Божьей милостью и милостью римской имперіи королемъ всѣхъ армянъ“, изъ Тарса отъ 23 мая 1199. Письмо написано высокопарнымъ слогомъ, который любятъ на Востокѣ.—„Слава, хвала и честь всемогущему Господу, восхотѣвшему имѣть во главѣ своей церкви такого и столь великаго пастыря, создать на апостольскомъ основаніи такое прочное и плодотворное учрежденіе и засвѣтить такой свѣточъ на свѣтильникѣ для всего земного круга ко спасенію всего христіанскаго міра“ и т. д. За этимъ вступленіемъ король сообщаетъ о своемъ намѣреніи предоставленное ему Господомъ обширное и просторное царство и всѣхъ армянъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по отдаленнымъ частямъ страны, привести къ единенію со св. римской церковью. Въ концѣ же, не вполне соответствующемъ этому изображенію армянской державы, король „умоляетъ на колѣнахъ, чтобы папа милосердно внялъ слезнымъ просьбамъ архіепископа Майнцакаго и самого короля и по божественному внушенію, соблазнуя невздамъ христіанъ, пришелъ бы имъ на помощь, прежде, чѣмъ они подверглись непроходимому, не дай Богъ, потоку (II. 219).

Отвѣчая королю, папа наставляетъ его, что самъ Господь, держава котораго простирается до предѣловъ земли, и которому подвластны всѣ обитающіе на ней, поставилъ свою церковь, собранную изъ всѣхъ языковъ и не имѣющую ни пятна, ни морщины,—надъ народами и царствами.—„Причемъ онъ римскую церковь не только превознесъ надъ всѣми вѣрующими, но и поставилъ надъ всѣми церквами съ гѣмъ, чтобы онѣ заимствовали у нея норму жизни и нравственный законъ (*magnum disciplinam*),

но и учение каеолической вѣры (documenta) и смиренно соблюдали учрежденія. Сославшись на обычные тексты, приводимые въ доказательство авторитета апостола Петра, Иннокентій продолжаетъ: „Это особое преимущество (privilegium) не прекратилось въ лицѣ Петра и съ Петромъ, но Господь предоставилъ его и преемникамъ его до скончанія міра, такъ что помимо святости жизни и силы чудесъ (miraculorum virtutes) они обладаютъ одинаковой съ нимъ властью (jurisdictio) надо всеми“.

Поблагодаривъ короля за то, что онъ, какъ каеолическій государь, призналъ преимущество апостольскаго престола въ лицѣ архіепископа Майнцакаго и епископа Сабинскаго, одного изъ семи римскихъ соепископовъ (collaterales), папа обнадеживаетъ его скорой помощью съ Запада. „Многіе по нашему увѣщанію уже приняли на себя крестъ и еще большее число съ Божіей помощью приметь его и отправится на защиту восточной области“. — Пока, впрочемъ, эта защита ограничивалась присылкой двухъ кардиналь-легатовъ, принявшихъ изъ рукъ папы для передачи королю знамя съ изображеніемъ животворящаго креста (II. 220).

Послѣ этого, между Римомъ и Сисомъ, столицей армянскаго въ Киликіи царства, установились самыя сердечныя отношенія, если судить по языку грамотъ, которыми обмѣнивались обѣ стороны. Никогда еще никакой изъ западныхъ архіепископовъ не превозносилъ значенія и авторитета папы съ такимъ безпредѣльнымъ преклоненіемъ, какъ Георгій II Абиромъ въ 1201 году (V 45): „Возсѣдающему послѣ Господа, источника всеѣхъ благъ, на апостольскомъ столѣ, высшему главѣ всей церкви, великому исповѣднику Христа на всемъ земномъ пространствѣ, преемнику святого Петра, старѣйшему послѣ Христа Князю и отцу всего міра, сидящему одесную Господа и носящему въ себѣ Христа (portanti Christum in corpore suo), Иннокентію, Божіей милостью первосвященнику и вселенскому папѣ, высокопрестольнаго града Рима, покорившаго себѣ въ триумфальномъ шествіи вселенную, нашему духовному отцу—Григорій малый, (minimus) епископъ, католикосъ всеѣхъ армянъ, грѣшникъ и рабъ вѣрующихъ во Христа“.

Подобнымъ образомъ Иннокентій имѣлъ полное основаніе быть доволенъ тономъ *королевскихъ* писемъ, въ которыхъ Леонъ II благодарилъ его за его *медоточивыя* грамоты (mellifluae litterae V 43) и за милостивый пріемъ, оказанный его посланцу въ Римѣ. Въ виду этого Иннокентій послѣшилъ исполнить желаніе короля предоставить ему привилегію, чтобы никто кромѣ самаго папы не имѣлъ права подвергнуть его, короля, или

царство его, или людей его, отлученію отъ церкви или ин-тердикту (V. 44).

Но, несмотря на пылкость ея выраженія, преданность армянскаго правителя папѣ была непродолжительна. Она проистекала изъ надежды найти у папы опору противъ мусульманъ. „Жизнь наша скручена сынами рабыни Авраама (Агари), писалъ Иннокентію католикосъ (V. 45), размножающимися какъ терніе, грозящее насъ заглушить, и какъ змѣи, стремящіяся насъ поглотить и не перестающія ни днемъ, ни ночью жалить чадъ Христовыхъ. Не давая намъ покоя, они постоянно тревожатъ насъ и приводятъ въ отчаяніе. На зарѣ мы взываемъ, когда же наступитъ вечеръ, а вечеромъ, когда же наступитъ утро?“

Мы знаемъ, какъ Иннокентій выбивался изъ силъ, чтобы ускорить крестовый походъ, который долженъ былъ принести спасеніе восточнымъ христіанамъ. Наконецъ, 1 іюня 1202 года онъ получилъ возможность сообщить католикосу—„чтобы сыны рабыни не расхищали болѣе достоянія сыновъ *свободной* по милости Божіей, рать крестоносцевъ уже причалила къ Венеціи, въ большей своей части и оттуда они въ скоромъ времени сядутъ на корабли, отправляясь на выручку св. земли“ (V. 46). Но протекли мѣсяцы и годы и армяне востока продолжали вздыхать ежедневно по утрамъ и вечерамъ въ ожиданіи помощи съ Запада.

Разочарованіе, вызванное на Востокъ исходомъ четвертаго крестоваго похода, не сразу, однако, привело къ охлажденію между королемъ Леономъ и папою. Напротивъ, сближеніе армянской церкви съ римской становилось какъ будто еще тѣснѣе. По смерти католикоса Григорія, его преемникъ Ованесъ былъ посвященъ въ свое званіе папскимъ легатомъ кардиналомъ Петромъ и получилъ изъ его рукъ палліумъ—какъ бы въ знакъ его утвержденія папою. Съ своей стороны, новый католикосъ далъ клятву въ вѣрности папѣ, обѣщавъ посѣщать Римъ въ каждое пятилѣтіе, по крайней мѣрѣ чрезъ уполномоченныхъ и присутствовать на тѣхъ соборахъ, которые будутъ созываться папою на Востокъ. Въ обезпеченіе же армянской церкви было уговорено, что такой соборъ не коснется устройства армянской церкви, если католикосъ не присутствовалъ на соборѣ и не далъ своего согласія на нововведенія.

Характерная черта той эпохи, тѣсное сплетеніе церковныхъ и государственныхъ властей, расширяя власть папы, въ то же время бывала и источникомъ многихъ для него осложнений. Такъ было и здѣсь. Отбиваясь отъ Агарянъ, армянскій король былъ не прочь расширить предѣлы своей державы на югъ и для этого занять

горныя ущелья, отдѣляющія Киликію отъ Сиріи. Здѣсь въ укрѣпленныхъ замкахъ гнѣздились рыцари-храмовники и Іоанниты. Встрѣтивъ съ ихъ стороны сопротивленіе, король Леонъ изгналъ храмовниковъ изъ своей державы; въ возмездіе за это кардиналь Петръ на соборѣ въ Антиохіи отлучилъ короля отъ церкви, чѣмъ вызвалъ протестъ со стороны католикоса, справедливо указывавшаго на то, что это постановленіе состоялось въ его отсутствіи и безъ его согласія. Къ протесту католикоса присоединилось все армянское духовенство: „Мы надѣялись извлекать изъ сосцовъ нашей матери, римской церкви, сладкое и вкусное молоко, а вмѣсто того получили желчь и уксусъ“. На случай такихъ жалобъ Иннокентій держалъ про запасъ другого кардинала, болѣе мягкаго и сговорчиваго. Такъ и теперь, кардиналь Софредо уладилъ дѣло, а Иннокентій наградилъ армянское духовенство привилегіей, обезпечивавшей его отъ произвольныхъ отлученій.

Но скоро возникло дѣло, которое было труднѣе уладить. По смерти Боемунда III, владѣтеля Антиохіи и Триполиса, между его сыномъ Боемундомъ IV и внукомъ отъ старшаго сына, Раймундомъ-Рупенемъ, произошелъ споръ о наслѣдствѣ. Прозвище Раймунда—Рупень указывало на то, что его мать была изъ армянской династіи Рупеновъ—онъ доводился, такимъ образомъ, племянникомъ короля Леона II. Подъ предлогомъ защиты правъ своего племянника онъ началъ войну противъ сирійскихъ христіанъ, несмотря на всѣ попытки легатовъ и самого Иннокентія сдержать его. Это и привело къ окончательному разрыву между королемъ и папою, разрыву, составляющему предметъ послѣдняго до насъ дошедшаго посланія Иннокентія къ Леону II, отъ 19 февраля 1213 года. „Неохотно и скорбя“, начинается Иннокентій свое письмо къ королю, „я отказываю тебѣ въ апостольскомъ привѣтствіи и благословеніи, хотя желаю тебѣ Господнее благословеніе и вѣчное спасеніе. Но этого требуетъ множество твоихъ преступленій (excessuum)“. Иннокентій ставитъ Леону II въ упрекъ цѣлый рядъ нарушеній перемирія и обѣщаній, данныхъ жителямъ Антиохіи, вторженіе въ эту область, ничего худого не чаявшую, его племянника Рупена, который превзошелъ варварствомъ язычниковъ, превратилъ въ пепель дома не только гражданъ, но и церковные, совершилъ неисчислимыя преступленія и наградилъ добычи на сто тысячъ золотыхъ съ лишнимъ. Далѣе Иннокентій жаловался, что еще ранѣе этого, когда Іерусалимскій патріархъ, по распоряженію папы, нашелъ нужнымъ смѣстить того, кто занималъ патріаршій престолъ Антиохіи, король поддерживалъ его вопреки волѣ папы. Наконецъ, по смерти архіепископа Тарзскаго,

король, раздавъ земли и доходы этого архіепископства своимъ войнамъ и, изгнавъ оттуда латинскихъ клериковъ, поставилъ на ихъ мѣсто грековъ.

Иннокентій заканчиваетъ письмо сообщеніемъ королю, что онъ приказалъ патриарху Іерусалимскому отлучить его отъ церкви, а королю Іерусалимскому (по титулу) и Кипрскому, а также мѣстнымъ баронамъ и рыцарямъ храма и гошпиталя, запретилъ помогать ему совѣтомъ или оружіемъ до снятія съ него отлученія. (XVI. 2).

Такимъ образомъ, всѣ попытки Иннокентія III установить главенство римскаго епископа въ областяхъ восточной половины древней римской имперіи потерпѣли неудачу, но никто изъ папъ не сдѣлалъ такъ много для этой цѣли, какъ тотъ, кого обратившіеся къ нему греки изъ Константинополя провозгласили *тринадцатымъ апостоломъ*.

ГЛАВА VI.

ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ ПАПСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Разсмотрѣвъ въ первой части нашего труда дѣятельность Иннокентія по отношенію къ организаци, управленію и реформѣ западной церкви, мы въ начальныхъ главахъ этой *второй* части обратились къ тому, что можно, по аналогіи со свѣтскимъ государствомъ, назвать внѣшней *политикой* Иннокентія—къ его борьбѣ съ еретиками, къ его заботамъ о расширеніи предѣловъ церкви, о возстановленіи ея авторитета надъ отдѣлившимися отъ нея областями и о возвращеніи церкви колыбели христіанства, захваченной мусульманами. Для достиженія этихъ цѣлей Иннокентію приходилось призывать къ оружію народное ополченіе, предавать огню и мечу мирныя области, облагать податью духовенство и монастыри, т. - е. прибѣгать къ приемамъ, обычнымъ *земному* государству. Но по мѣрѣ этого, самая противоположность между церковью и государствомъ, которую такъ рельефно отмѣтилъ въ свое время Августинъ, стала все болѣе и болѣе сглаживаться, и сердцевина западной церкви съ теченіемъ времени непосредственно превращаться въ *государство* подъ именемъ вотчины св. Петра, или церковнаго государства (Kirchenstaat).

Мы не станемъ здѣсь входить въ подробности возникновенія „церковнаго государства“, а намѣтимъ лишь элементы, изъ которыхъ оно сложилось. Эти элементы частью идейные, частью матеріальные. На первомъ мѣстѣ приходится здѣсь отмѣтить приобрѣтенный вѣками авторитетъ царственнаго города на семи холмахъ. Въ немъ все дышало *властью*. „Помни, римлянинъ, обращался къ нему національный поэтъ, что твоя доля царствовать надъ народами!“ — *regere populos, Romane, memento!*... Замѣна язычества христіанствомъ въ этомъ отношеніи ничего не измѣнила. Еще до возникновенія римскаго епископата *община* римскихъ христіанъ пользовалась среди другихъ христіанскихъ общинъ первенствующимъ значеніемъ. Она наставляла ихъ своими посланіями, поддерживала ихъ денежными средствами. На помощь къ этому

авторитету скоро подоспѣла и *традиція*. На подобіе древняго, языческаго Рима и средневѣковой Римъ окуталь свою колыбель священными традиціями. Легенда о мученической смерти въ Римѣ апостола Петра, которому Христось поручиль пасти свое стадо—стала догматической основой для преобладанія римскаго епископа надъ всѣми другими; а политическая легенда о *дарѣ* Константина, т.-е. о предоставленіи папѣ первымъ христіанскимъ императоромъ власти надъ Римомъ и островами, когда онъ самъ удалился въ построенный имъ Константинополь, стала оплотомъ *свѣтской* власти римскихъ епископовъ.

Къ этимъ невѣсомымъ элементамъ власти присоединялись затѣмъ и весьма реальные. Съ самага начала римская христіанская община владѣла значительными помѣстьями въ окрестностяхъ Рима, а въ V вѣкѣ эти помѣстья подъ именемъ вотчины св. Петра покрывали значительную часть Италіи, Сициліи и даже Африки. Римскому епископу, какъ правителю общины, принадлежала вотчинная власть надъ населеніемъ этихъ помѣстій—такъ называемая *justitia S. Petri*, а когда прекратилась, вслѣдствіе завоеванія „Экзархата“, власть Византійскихъ императоровъ въ Италіи—римскій епископъ сталъ независимымъ властелиномъ на подобіе того, какъ по прекращеніи св. римской имперіи въ 1806 году всѣ князья этой имперіи стали „суверенами“.

Правда эта „церковная держава“ была при ея возникновеніи весьма слабо обезпечена. Послѣдній изъ германскихъ народовъ, вторгнувшихъ въ Италію, сѣумѣлъ въ ней прочно обосноваться и теперь еще сѣверная часть ея называется по его имени Ломбардіей. Лангобарды въ началѣ были для Италіи тѣмъ, чѣмъ стали Франки для Галліи—господствующимъ въ ней и объединяющимъ ее слоємъ. Стремясь къ завоеванію Италіи, Лангобарды наткнулись на два препятствія—Экзархатъ, т.-е. Византійскій дукатъ Равенны и Папскую область. По завоеваніи экзархата имъ оставалось только подчинить себѣ Римъ для объединенія Италіи, но папы сѣумѣли найти себѣ покровителей на сѣверѣ отъ Альпъ—въ государствѣ Франковъ. Цѣною важныхъ услугъ тамошнимъ властелинамъ они приобрѣли себѣ не только право на защиту отъ притязаній мѣстныхъ лангобардскихъ королей, но и обезпечили себѣ новый порядокъ вещей въ Италіи. Въ половинѣ VIII вѣка папа Захарій освятить своимъ благословеніемъ узурпацію королевской власти Меровинговъ Пипиномъ, а полвѣка спустя папа Левъ III вѣнчалъ въ базиликѣ св. Петра сына этого Пипина—Карла—короной западнаго Римскаго императора. Въ награду за это Пипинъ предоставилъ папѣ всѣ земли, завоеванныя Ланго-

бардами въ Экзархатѣ, а Карлъ Великій въ своей дарственной записи утвердилъ и расширилъ отцовское дареніе (*donatio*), завершившее „церковное государство“ Рима.

Вѣнчаніе германскаго „конунга“ императорской римской короной было знаменательнымъ актомъ, надолго опредѣлившимъ судьбу западной Европы. Оно послужило къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, въ немъ участвовавшихъ. Оно объединило священнымъ актомъ и именемъ разнородныя племена и области, соединенныя Карломъ въ своей державѣ отъ Эбра до Эльбы—и чрезвычайно возвысило авторитетъ римскаго епископа, изъ рукъ котораго Западный императоръ получилъ свой царскій вѣнецъ.

Но въ этомъ торжественномъ актѣ заключался и корень разлада и борьбы между священствомъ и царствомъ въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что новому императору Запада нельзя было отказать въ верховенствѣ надъ городомъ Римомъ, столицей *римской* имперіи, а также и надъ областями и городами, входившими въ составъ *даренія*, которымъ ему былъ обязанъ римскій епископъ. Римъ и вотчина св. Петра составляли такимъ образомъ, въ известномъ смѣслѣ, *совладніе* императора и папы. Это совладніе характерно проявляется въ томъ, что, напр., *Государевы послы* (*missi Dominici*), посылавшіеся подвое въ церковную область, (какъ и въ другія провинці Карловой имперіи) для ревизіи администраціи и суда—назначались въ данномъ случаѣ—одинъ изъ нихъ императоромъ, а другой папою. Такое совладніе не было стѣснительнымъ для римскихъ епископовъ, а, напротивъ, служило имъ гарантіей противъ смуты въ самомъ Римѣ, гдѣ при развивающейся феодализациі страны могущественныя партіи пытались распоряжаться въ своемъ интересѣ папскимъ престоломъ. Такое положеніе дѣла продолжалось и въ X вѣкѣ, когда по прекращеніи рода Каролинговъ императорская корона перешла отъ Франковъ къ Саксамъ, и ихъ преемникамъ. Въ это смутное для папства время законный порядокъ и независимость римскаго епископа не разъ обуславливались вмѣшательствомъ со стороны заальпійскаго императора. Измѣнилось это лишь къ концу XI вѣка, когда папство окрѣпло, благодаря личности Григорія VII, правильной организаціи выборовъ папы кардиналами и реформѣ духовенства въ аскетическомъ духѣ. Все это внушило папству имперіалистическое направленіе и вызвало разладъ между нимъ и свѣтской властью въ имперіи изъ за назначенія епископовъ (*инвеституры*). Сдѣлка, состоявшаяся по этому вопросу въ Вормскомъ Конкордатѣ, имѣла лишь временный характеръ, такъ какъ споръ объ инвеститурѣ разросся въ теченіе XII вѣка въ общій вопросъ о

преобладаніи священства надъ имперіей, церкви надъ государствомъ. Поборниками правъ государства явились Гогенштауфены, которые недаромъ въ лицѣ Фридриха Барбароссы стали покровительствовать изученію римскаго (гражданскаго) права въ Болоньѣ. Ихъ побѣда надъ папствомъ казалась обезпеченной, когда Фридриху Барбароссѣ удалось поженить своего сына и преемника Генриха (VI) на дочери и наслѣдницѣ норманскаго владѣтеля южной Италіи и Сициліи, Вильгельма II. Тогда впервые произошло объединеніе Италіи, всей Италіи отъ Альпъ до Мессины подъ короной Западнаго римскаго императора.

Папская область, отдѣлявшая норманскія владѣнія императора отъ сѣверной Италіи и его родовыхъ владѣній въ Германіи, не могла остаться независимой и мы видимъ, что въ Римѣ править императорскій префектъ, а въ крѣпкихъ замкахъ папской области командуютъ гарнизоны императорскіе маркграфы. Казалось, что римскаго епископа ожидаетъ та же судьба, какой подвергся его собрать въ Константинополѣ—онъ станетъ „послушнымъ подданнымъ“ царя, но судьба его была иная. Въ 1197 году скончался неожиданно Генрихъ VI, оставивъ трехлѣтняго наслѣдника, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя на мѣсто престарѣлаго папы Целестина былъ избранъ молодой, энергическій, глубоко проникнутый империалистическимъ принципомъ церкви Иннокентій III. Вѣсы, которыми опредѣлялись отношенія между священствомъ и царствомъ подверглись крутому толчку; чаша папства грузно опустилась, а легковѣсная чаша имперіи высоко поднялась. Главнымъ пособникомъ папы въ этомъ случаѣ былъ національный антагонизмъ мѣстнаго населенія противъ пришлыхъ владѣтелей.

Въ этомъ отношеніи настроеніе и цѣли какъ папы, такъ и почти всего населенія, особенно центральной Италіи, были вполне тождественны. Но мѣстная оппозиція противъ владычества Гогенштауфеновъ имѣла еще другой источникъ—стремленіе къ мѣстной свободѣ и независимости, быстро распространившееся въ Италіи коммунальное движеніе. Въ этомъ отношеніи интересы папы и мѣстнаго населенія далеко расходились; этимъ объясняется то, что Иннокентій III, выставлявшій себя освободителемъ Италіи отъ германскихъ императоровъ, у себя въ городѣ Римѣ встрѣчалъ сильную и продолжительную оппозицію.

Жители Рима повиновались папамъ не за страхъ и не за совѣсть, а руководясь своими мѣстными интересами. Римъ переживалъ ту же эволюцію, какъ и другія итальянскія общины: сначала эпоху феодальную, во время которой не только окрестныя

горы, но и улицы Рима покрылись крѣпкими замками, гнѣздившимся на развалинахъ древнихъ дворцовъ и термъ.

Наступившее затѣмъ въ Италиі коммунальное движеніе нашло себѣ въ Римѣ откликъ не столько благодаря дѣятельной и предпріимчивой буржуазіи, какъ во Флоренціи, сколько благодаря старо-римской традиціи, краснорѣчиво говорившей о народныхъ собраніяхъ, о сенаторахъ и могущественныхъ народныхъ трибунахъ. Вездѣ на развалинахъ тогдашніе римляне могли прочитатъ гордую надпись—S. P. Q. R.,—гласившую о славѣ „Сената и римскаго народа“.

Въ 1143 году, какъ разъ при Иннокентіи *второмъ*, римскій народъ установилъ на Капитоліи, подѣ названіемъ *сената*, независимое отъ папы городское управленіе.

Съ тѣхъ поръ между римскимъ народомъ и его епископами не прекращался кровавый раздоръ. То папа пытается взять приступомъ Капитолій, то римляне осаждаютъ папскіе дворцы. Одинъ изъ папъ провелъ въ Римѣ только четыре мѣсяца изъ своего четырехлѣтняго священства. Двоимъ изъ папъ вовсе не удалось пожить въ Римѣ.

Наконецъ, въ 1188 году произошло примиреніе на основаніи взаимныхъ уступокъ. Оно выразилось въ хартіи, въ которой городъ призналъ верховенство папы надъ сенатомъ и городомъ. Какъ сенаторы, такъ и *капитаны* городской милиціи должны были клятвенно обѣщать папѣ вѣрность. Но въ память восстановленной свободы заключенный договоръ былъ помѣченъ не годомъ правленія Климента III, а по древне-республиканскому обычаю, „44-ымъ годомъ свободы“, т.-е. съ установленія сената на Капитоліи. Римляне, однако, не долго соблюдали свой договоръ съ папствомъ. Уже 3 года спустя одинъ изъ сенаторовъ захватилъ власть и произвольно распоряжался въ Римѣ, не обращая вниманія на папу.

При такихъ затруднительныхъ условіяхъ сталъ римскимъ папою Иннокентій III. Въ пользу его авторитетности и правительственнаго умѣнія не мало говорить его твердый образъ дѣйствія по отношенію къ столицѣ римской области. Римляне въ числѣ другихъ древнихъ традицій сохранили одну изъ худшихъ. Они требовали отъ каждаго новаго папы, какъ нѣкогда римскіе легіоны отъ императора, *донатива*, т.-е. поголовной раздачи денегъ. То же было и при Иннокентіи тотчасъ по его избраніи, и когда онъ отсрочилъ раздачу до своего посвященія, дерзкая толпа разграбила церковныя имуществва. Иннокентій, однако, настоялъ на своемъ и для устраненія обычныхъ при раздачѣ злоупотреб-

лений приказалъ тайно, по приходамъ, переписать имена и состояніе горожанъ и соотвѣтственно этому произвести раздачу.

Въ то же время онъ смѣнилъ сенатора, стоявшаго во главѣ городского управленія и замѣнилъ, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ чиновниковъ, поставленныхъ сенатомъ, своими собственными.

Доброму согласію между Иннокентіемъ и римлянами мѣшалъ, однако, не только вопросъ о правахъ папы надъ городомъ. Удивительное зрѣлище представляли собою итальянскія коммуны въ XII вѣкѣ. Политическая независимость, которой онѣ добились, была имъ нужна какъ будто для того только, чтобы воевать между собою и разорять другъ друга. Какъ бы въ оправданіе теоріи историческаго круговращенія городская жизнь средневѣковой Италіи точно воспроизводитъ картину быта древней Италіи до господства надъ нею стараго Рима. И самый Римъ время Иннокентія какъ будто буквально повторяетъ исторію, пережитую имъ при царяхъ и древнихъ консулахъ, когда онъ разорялъ или поглощалъ одну общину за другою. Въ 1168 году Римъ снова сжегъ Альбу; въ 1191 году Римъ такъ разорилъ свою давнишнюю соперницу Тускулумъ, что на ея мѣстѣ уцѣлѣли лишь развалины древняго языческаго Тускулума, а слѣды средневѣковаго совершенно исчезли. Половина населенія была истреблена, остальныхъ жителей римляне изувѣчили или ослѣпили. Древніе римляне поступали умнѣе; взявъ Тускулумъ, они превратили его въ муниципіумъ, т.-е. уничтожили его автономію и сдѣлали изъ него пригородъ Рима.

Въ дни понтификата Иннокентія очередь дошла до Витербо, на границѣ съ Тосканой. Когда Фридрихъ Барбаросса въ борьбѣ съ папою Александромъ осаждалъ Римъ, витербійцы сражались на его сторонѣ и въ ознаменованіе своей побѣды увезли къ себѣ бронзовыя двери базилики св. Петра. Витербійцы, съ своей стороны, держались такой же политики, какъ и римляне. Они уничтожили сосѣдній городокъ Ферентино и въ 1199 осадили Виторкіано, жители котораго признали себя подданными Рима и втянули его этимъ способомъ въ войну съ Витербо.

Оба города—и Римъ и Витербо—находились въ вотчинѣ св. Петра, были папскими городами и однако, воюютъ между собою, не обращая вниманія на своего государя. Положеніе Иннокентія между воюющими было очень щекотливо, это отразилось въ его посланіи къ витербійцамъ, предъ которыми онъ какъ будто оправдывается въ горестной для него необходимости вмѣшаться въ распрю: онъ не можетъ отказать римлянамъ въ принятіи ихъ жалобы.

Въ началѣ января 1200 года рати обоихъ городовъ встрѣтились и витебѣйцы понесли тяжелое пораженіе. Съ трудомъ удалось Иннокентію возстановить миръ. Витебѣйцы возвратили бронзовыя двери св. Петра и принесли присягу вѣрности римскому сенату. Довольный успѣхомъ Иннокентій писалъ своимъ легатамъ, что Римъ совершенно ему поддался; но приверженцы независимости въ Римѣ продолжали „лаять на него“, обвиняя его въ томъ, что онъ пренебрегалъ интересами Рима.

Кромѣ муниципальной вражды въ тогдашней Италіи была еще другая причина смутъ—своеволіе и вѣчная взаимная вражда феодальныхъ владѣльцевъ. Въ X вѣкѣ папство пережило самые мрачныя моменты своей исторіи, подпавъ совершенно подъ власть необузданныхъ феодальныхъ бароновъ. Въ вѣкѣ Иннокентія бароны уже не могли распоряжаться папскимъ престоломъ, но своимъ неповиновеніемъ папѣ и своими кровавыми раздорами они постоянно нарушали миръ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Въ самомъ городѣ они жили, какъ на своихъ горахъ, въ укрѣпленныхъ замкахъ, снабженныхъ для защиты громадными башнями. Около 200 такихъ башенъ было въ то время въ Римѣ, нерѣдко построенныхъ съ помощью развалинъ античныхъ зданій. И Иннокентію пришлось испытать не мало горя отъ феодаловъ, изъ которыхъ двое—Пьерлеоне и Капаччи—руководили партіей независимости въ Римѣ.

Однажды, къ папскому суду были вызваны два феодальныхъ барона по обвиненію въ томъ, что они захватили чужую землю. Они на судъ не явились, ссылаясь на подложную грамоту, удостоверяющую, что эта земля предоставлена имъ въ ленъ вышеупомянутыми вождями оппозиціи, которые и вступились за нихъ. А когда Иннокентій велѣлъ опустошить ихъ имѣнія, Пьерлеоне и его сподвижникъ взбунтовали римскій народъ. Иннокентію пришлось лично оправдываться въ общемъ народномъ собраніи и онъ выигралъ дѣло.

Въ другой разъ произошла кровавая распря между Орсини, родственниками предшественника Иннокентія и Скотти, его родственниками по матери. Распря сопровождалась взаимными убійствами и разореніемъ городскихъ замковъ. Чтобы имѣть опору въ городѣ, Иннокентій помогъ своему брату Рикарду выстроить громадную башню, превышавшую высоту всѣхъ прочія. Она и теперь подъ названіемъ Torre dei Conti составляетъ достопримѣчательность города, хотя отъ нея осталась лишь нижняя часть. Это вызвало новое неудовольствіе противъ Иннокентія, а затѣмъ гражданскій процессъ между Рикардомъ и другимъ феодаломъ

подасть поводъ къ народному бунту, во время котораго новая башня была объявлена собственностью народа и вся партія Рикарда поставлена внѣ закона. Самъ Иннокентій нашель себя вынужденнымъ покинуть Римъ весною 1203 года.

Отсутствие папы продолжалось цѣлый годъ. За это время раздоръ партій въ Римѣ принялъ такіе размѣры, что сами римляне просили Иннокентія возвратиться. Онъ согласился, явился въ народное собраніе и старался его успокоить. Такъ какъ главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о правѣ назначенія выборщиковъ для избранія сенаторовъ, Иннокентій назначилъ выборщикомъ своего противника Пьерлеоне. Это былъ очень искусный маневръ, но сподвижникъ Пьерлеоне, Капаччи, остался недоволенъ и продолжалъ мутить народъ. Въ Римѣ появилось два сената, приверженцы которыхъ вели между собою ожесточенную борьбу все лѣто, на глазахъ у папы, проживавшаго въ своемъ укрѣпленномъ Латеранѣ. Наконецъ, шурины Иннокентія, Аннибалди, одержалъ значительный успѣхъ надъ противниками и народъ отступился отъ Капаччи. По словамъ противниковъ Иннокентія папскія деньги осилили ихъ. Въ концѣ концовъ папа остался побѣдителемъ. Восторжествовалъ онъ надъ римской коммуной и державшими ея сторону баронами не силою только церковныхъ денегъ и отлученія отъ церкви, которому подвергся Пьерлеоне за захватъ части Тускуланской земли, но авторитетомъ своей личности. Четыре года спустя ему, однако, снова пришлось покинуть Римъ изъ-за выбора одного сенатора. Но римскій народъ его скоро упротсиль вернуться.

* * *

Еще задолго до замиренія и полного подчиненія самаго Рима Иннокентію удалось повсюду въ средней Италіи вытѣснить гарнизоны и вассаловъ императора и возстановить „Церковную область“. „Нынѣ, воскликнулъ Иннокентій, церковь обрѣтается въ единствѣ, имперія же по грѣхамъ своимъ раздѣлена“.

Иннокентію не стоило никакого труда избавиться отъ могущественнаго сеньера, Петра де Вико, которому префектура надъ Римомъ была предоставлена Генрихомъ VI, какъ ленъ имперіи. Петръ самъ явился въ Латеранъ и принесъ папѣ присягу въ вѣрности. Иннокентій снова облекъ его званіемъ префекта, но не посредствомъ опоясанія мечемъ, а облаченія плащемъ (инвестиурою) и предоставилъ ему всѣ имѣнія, сопряженныя съ его должностію, посредствомъ передачи ему серебряной чаши. Родной братъ императора, герцогъ Филиппъ Швабскій, поставленный

герцогомъ Тосканы, считая сопротивленіе безнадежнымъ, поспѣшили вернуться въ Германію, чтобы спасти родовыя владѣнія Гогенштауфеновъ.

Въ виду этого и Конрадъ фонъ-Урслингенъ, назначенный Генрихомъ герцогомъ Сполетскимъ и графомъ Ассизи, сталъ заискивать у Иннокентія. Онъ предложилъ ему 10,000 фунтовъ непосредственно, плату ежегоднаго ценза въ 100 фунтовъ серебра и 200 всадниковъ на защиту церковной области въ качествѣ его вассала, обѣщая при этомъ дать ему своихъ сыновей заложниками и на свой счетъ охранять всѣ укрѣпленныя мѣста. „И хотя, говоритъ современный авторъ „Дѣяній“ Иннокентія, господинъ папа считалъ эти условія для себя выгодными, но такъ какъ многіе возмущались этимъ, усматривая въ этомъ покровительство тевтонамъ, которые жестокой тираніей поработили Италію—то, склоняясь на сторону свободы, онъ отвергъ сдѣланное ему предложеніе“^{*)}. Опираясь, такимъ образомъ, какъ на стремленіе городовъ къ автономіи, такъ и на національный духъ, Иннокентій быстро совершилъ переворотъ, замѣнивъ повсюду императорскую власть папской. Конрадъ былъ вынужденъ освободить своихъ вассаловъ отъ ленной присяги и передать папѣ оставшіеся въ его власти города и замки. Лишь кое-гдѣ обнаруживалось недовѣріе къ папскому владычеству, преобладаніе духа свободы надъ національнымъ: такъ жители Ассизи, успѣвшіе взять господствовавшій надъ ихъ городомъ замокъ, не пожелали передать его Иннокентію и предпочли его разрушить. Но въ общемъ все обошлось благополучно и Иннокентій совершилъ торжественный объѣздъ присоединенныхъ къ старой папской области городовъ Ріети, Сполето, Перуджии, Тоди и др. Папа вездѣ освящалъ алтари и церкви и награждалъ духовенство дорогими тканями и художественными предметами. Его объѣздъ былъ даже ознаменованъ чудомъ: появленіемъ во время его пребыванія въ Сполето—источника, брызнувшего изъ скалы и прозваннаго Папскимъ ключемъ—Fons Papalis.

Успѣшно пошла также борьба съ правителемъ Романьи Марквардомъ, котораго Иннокентій называлъ „вторымъ Саладиномъ“, „разбойникомъ“, „нечистымъ духомъ!“—И тутъ самую борьбу взяли на себя коммуны бывшаго экзархата, гдѣ во главѣ возстанія стала могущественная Болонья. Марквардъ былъ оттѣсненъ отъ моря и сохранилъ въ своемъ обладаніи только нѣсколько незначительныхъ мѣстечекъ въ горахъ. Иннокентій помогалъ воз-

---

^{*)} Gesta Innocentii III, гл. IX.

ставшимъ церковными средствами, и, отлученіемъ отъ церкви, произнесеннымъ надъ Марквардомъ папскимъ легатомъ. И тутъ завязались переговоры, зашла даже рѣчь о свиданіи между Марквардомъ и Иннокентіемъ и папа далъ одному изъ кардиналовъ порученіе служить Маркварду охраной во время его путешествія въ Римъ. Но свиданіе не состоялось; Марквардъ отказался отъ соглашенія, заключеннаго его послами съ папскими уполномоченными. „Я не умѣю читать, сказалъ онъ; я не знаю, что было написано моимъ нотаріусомъ“. Онъ покинулъ центральную Италію и, сохранивъ за собою свои права на нее, поспѣшилъ въ Сицилію, гдѣ находился сынъ императора, маленькій Фридрихъ. Онъ рассчитывалъ забрать въ свои руки опеку надъ нимъ. Иннокентій торжествовалъ. На радостяхъ пишетъ онъ гражданамъ Іези, ему помогавшимъ, перечисляя разные города, признавшіе его власть надъ собою: „Эти города хорошо знаютъ, что иго церкви самое легкое бремя и что владычество наше мягко. Тѣ, кто не знаетъ его, стремятся къ нему отъ всего сердца, а тѣ, кто испытали его, дорожатъ имъ еще болѣе“. Призывая ихъ и впредь помогать ему, папа продолжаетъ: „Духовная власть апостольскаго престола не имѣетъ предѣловъ; она простирается надъ всѣми народами, надъ всѣми государствами; свѣтская власть этого престола также преобладаетъ, съ Божьей помощью, во многихъ мѣстахъ“. Архіепископу Равенскому, который очень желалъ использовать для себя самого освобожденіе отъ имперіи, Иннокентій пишетъ: церкви пользуются наибольшею безопасностью и самостоятельностью лишь въ томъ случаѣ, когда самъ Римъ обладаетъ свѣтскою властью одновременно съ духовной.

Среди этихъ успѣховъ Иннокентій собралъ въ 1207 году, по примѣру свѣтскихъ государей, *ассизы* (парламентъ) изъ представителей подчиненныхъ ему, городовъ и областей. Онъ объявилъ имъ о правахъ присущихъ ему какъ главѣ церковнаго государства, принялъ феодальную присягу отъ свѣтскихъ сеньеровъ, выслушалъ всѣ жалобы и челобитныя, обращенныя къ нему, обнародалъ законы противъ ересей и обязательныя постановленія для городовъ и населенія подвластной ему области.

Въ силу своей двойной власти, духовной и свѣтской, папа призналъ отмѣненными всѣ законы, изданные свѣтскими властями его территоріи въ противорѣчіи канонамъ церкви и наносящіе ущербъ духовенству. Судьямъ и нотаріусамъ было воспрещено подъ угрозю лишенія мѣста обнародовать или осуществлять ихъ. Въ обезпеченіе мира и справедливости папа воспретилъ войны между общинами или частными лицами; ограничилъ

самоуправство противъ воровъ и разбойниковъ, возлагая преслѣдованіе ихъ на папскаго администратора и требуя отъ мѣстныхъ властей оказанія ему въ этомъ помощи. Столь укоренившаяся въ населеніи *vendetta* была строго воспрещена; обиженные должны были обращаться въ папскій судъ подъ угрозой объявленія ихъ врагами церкви. Всѣ нарушители этихъ постановленій подлежали изгнанію изъ церковной области.

Конечно это церковное государство представляло собою очень пестрое и слабо сплоченное политическое тѣло, границы котораго было бы весьма трудно опредѣлить.

Большинство городовъ на востокѣ отъ Апеннина желали не только *сохранить* въ своихъ рукахъ свѣтскую власть, но и пользоваться ею совершенно своевольно. Они заключали между собою лиги и воевали другъ съ другомъ; внутри городовъ происходили кровавыя усобицы между дворянами и буржуазіей. Они не признавали апелляцій къ папскому суду, и обходились безъ папскаго утвержденія для своихъ магистратовъ. Подобныя явленія встрѣчаются и по ту сторону Апеннинскаго хребта. Городъ Ассизи даже избралъ посадникомъ челоуѣка, отлученнаго папою отъ церкви и былъ за это самъ отлученъ отъ нея. Города отказывались платить дань папѣ, хотя Иннокентій убѣждалъ ихъ, что онъ взимаетъ гораздо меньше, чѣмъ имперскія власти; нѣкоторыя изъ коммунъ избирали посадниками приверженцевъ Маркварда; другія старались соблюдать нейтралитетъ между папствомъ и имперіей. Образовалась даже лига городовъ, постановившая въ договорной грамотѣ, что они будутъ признавать надъ собою одновременно верховную власть папы и Маркварда, или иного представителя имперіи. Въ отчаяніи папа пишетъ уже въ 1201 году духовенству и мірянамъ маркграфства Анконскаго, что удаленіе Маркварда не принесло ему большой выгоды: „Мы радовались вашему возвращенію къ церкви; но мы слышимъ, что раздоръ и войны не прекращаются у васъ, что вы продолжаете опустошать города, разорять замки, сжигать деревни, угнетать бѣдныхъ, притѣснять церковь, подвергать людей рабству. Убійства, несправедливости, насилія и грабежи все умножаются. Насъ это огорчаетъ тѣмъ болѣе, что вы отказываете нашимъ представителямъ въ правѣ карать за эти преступленія. Нынѣ Мархія, освобожденная отъ иноземца, на самомъ дѣлѣ болѣе страдаетъ отъ неурядицы, чѣмъ когда она стонала въ порабощеніи. Мы не хотимъ болѣе нести за это отвѣтственность передъ Богомъ и людьми“. Иннокентій грозитъ, что онъ будетъ вынужденъ принять новыя и болѣе рѣшительныя мѣры и дать имъ почувствовать горечь власти.

Этимъ и кончилось дѣло. Въ 1212 году Иннокентій предложилъ маркграфу Аццону VI изъ рода Эсте маркизатъ Анконы, какъ папскій *ленъ*, съ тѣмъ, чтобы онъ привелъ въ покорность папѣ Мархію. Глава духовной власти оказался, несмотря на всю свою энергію, безсиленъ овладѣть свѣтскою.

Тѣмъ труднѣе это было для Иннокентія въ сѣверной Италіи. Въ Тосканѣ образовалась еще до его папства могущественная лига подъ руководствомъ Флоренціи, опоры гвельфской, т.-е. антигибеллинской или имперской партіи. Въ составленіи этой лиги принимали участіе и легаты его предшественника.

Но Иннокентій былъ крайне разочарованъ, что въ договорной грамотѣ вовсе не было рѣчи о подчиненіи лиги папскому престолу. Члены лиги хлопотали только объ оборонительномъ союзѣ противъ имперіи и вовсе не думали поставить надъ собою вмѣсто имперіи—папство. Они забыли даже о притязаніяхъ папства на владѣнія въ Тосканѣ, нѣкогда принадлежавшія извѣстной маркграфинѣ Матильдѣ, сподвижницѣ Григорія VII, и завѣщанныя ею церкви. Выражая свое неудовольствіе за это папскимъ легатамъ, Иннокентій пишетъ: „Большая часть статей договора не представляютъ собой ни выгоды для насъ, ни справедливости. Герцогство Тосканское, по праву, составляетъ часть римской церкви. Мы это знаемъ, такъ какъ сами читали дарственные грамоты этой церкви. Вамъ не слѣдовало заключать договоръ, не вставивши въ него ясную оговорку относительно правъ и авторитета святѣйшаго престола. Римская церковь мать и владычица всѣхъ вѣрующихъ. Не слѣдовало забывать, что всякое зданіе, построенное не на этомъ основаніи, не прочно“. Въ этомъ смыслѣ папа пишетъ и руководителямъ лиги, объясняя имъ, почему онъ не могъ утвердить договора: „Измѣните его вмѣстѣ съ кардиналами, чтобы сдѣлать его приемлемымъ. Ничего прочнаго не можетъ быть создано безъ одобренія Рима. Если вы имъ станете пренебрегать и поднимется буря, ваше зданіе, построенное на пескѣ, рухнетъ. Подумайте, что вы не можете обойтись для вашего существованія безъ покровительства церкви. Безъ него ваше положеніе будетъ хуже, чѣмъ оно было, и мечъ, котораго вы опасаетесь, васъ настигнетъ“.

Какъ мало руководители лиги заботились о покровительствѣ папы видно изъ того, что, принимая весной 1198 г. въ лигу городокъ Черталдо, они потребовали отъ горожанъ клятвы въ вѣрности, даже на случай, если бы папа освободилъ ихъ отъ обязательности этой клятвы. Иннокентій убѣдился, что въ данномъ случаѣ выставленныя имъ притязанія неосуществимы. Уже въ вышеприведенномъ письмѣ онъ смягчилъ тонъ, упоминая только о *покровительствѣ*

папства. Въ дальнѣйшей перепискѣ онъ еще опредѣленнѣе обнаруживалъ свою уступчивость, требуя взаимнѣе покровительства лишь послушанія и преданности папству. На этихъ основаніяхъ и состоялось соглашеніе съ лигой. Послушаніе съ ея стороны было, однако, плохо соблюдаемо и папѣ не удавалось воздерживать лигу отъ войны съ городами, не пожелавшими вступить въ нее: съ Пизой и Сиеной, соперницами Флоренціи. Еще труднѣе было Иннокентію совладать съ городами въ Ломбардіи, гдѣ соперничество и взаимная вражда были еще ожесточеннѣе. Къ этому примѣшивался антиклерикализмъ горожанъ, враждовавшихъ съ мѣстнымъ духовенствомъ изъ-за права облагать его имущество городскими налогами, влѣдствіе чего въ борьбѣ съ ними притупилось духовное оружіе, интердикты и отлученіе. Особенно выдавалась непокорностью Кремона, соперница Милана, и потому опора гибеллиновъ. Иннокентію пришлось приказать епископу Модены каждое воскресенье отлучать посадника, консуловъ и совѣтниковъ этой коммуны, запретить сосѣднимъ городамъ вести съ ней торговлю, наложить на городъ интердиктъ и отрѣшить отъ должности приходскихъ священниковъ, служившихъ обѣдно несмотря на интердиктъ. Послѣ пятилѣтняго сопротивленія горожане Кремоны, наконецъ, примирились съ папою, вознаградивъ обиженнаго ими аббата. Но миръ продолжался недолго и кремэнцы были снова подвергнуты интердикту за то, что они „сокрушили налогами и преслѣдовали всѣми способами своего епископа и клериковъ“.

Пьяченца также подвергла клериковъ муниципальнымъ налогамъ наравнѣ съ мірянами и за неплатежъ захватила доходы ихъ. Папа вопіетъ: „Хотя бы поработить дочь нашу, церковь Пьяченскую, подвергнуть ее налогамъ, какъ подлаго раба, давая дурной примѣръ другимъ городамъ“. Такъ какъ сѣтованія папы оставались напрасны, епископъ и клерики ушли изъ города и ему грозило упраздненіе его епископства; торговля его подрывалась, такъ какъ его купцовъ вездѣ забирали въ плѣнъ. Тѣмъ не менѣе городъ сопротивлялся три года и лишь по ходатайству римскихъ купцовъ состоялось соглашеніе съ куріей, въ силу котораго Пьяченца уплатила своему духовенству 9000 ливровъ и обязалась возмѣстить ему всѣ убытки. Подобнымъ образомъ происходило дѣло въ Новарѣ, гдѣ Иннокентій поручилъ архіепископу Миланскому упразднить епископство и раздѣлить епархію между сосѣдними епископами.

Но самымъ необузданнымъ былъ городъ Треviso, открыто воевавшій съ тремя сосѣдними епископами, причемъ одинъ изъ

нихъ былъ убитъ въ засадѣ,—сжигались церкви, алтари подвергались грабежу, уносились мощи.

Умиряя здѣсь на сѣверо-востокѣ Италіи строптивыя коммуны, Иннокентій имѣлъ дѣло на западѣ—въ Сардиніи—съ еще болѣе дикими князьками. Этотъ островъ входилъ, по легендѣ, въ даръ Константина, но власть папы надъ нимъ была призрачна. Она находилась въ рукахъ четырехъ князьковъ, постоянно между собою воевавшихъ. Письма къ нимъ Иннокентія рисуютъ намъ картину самаго дикаго быта.

Мы уже привели, въ первой части нашего труда (стр. 205) письмо Иннокентія отъ 1200 г. къ князьку Кальяри, въ которомъ онъ его упрекаетъ, что онъ, подобно собакѣ, вернулся къ своей блевотинѣ и, погрязши въ страстяхъ мірскихъ, только и знаетъ, что насильно захватывать права римской церкви вмѣсто того, чтобы чтить ее, какъ мать и владычицу.

Не имѣя никакой возможности обуздать насильниковъ Сардиніи, тѣмъ болѣе, что запуганное мѣстное духовенство плохо исполняло его предписанія карать нарушителей церковными мѣрами, Иннокентій III захотѣлъ воспользоваться представившимся случаемъ пріобрѣсти непосредственное вліяніе на одну изъ областей острова.

По древне-христіанскому обычаю, епископъ былъ опекуномъ сиротъ въ своей общинѣ. Мы знаемъ, какъ бл. Августинъ оберегалъ на этомъ основаніи дѣвушку-сироту въ Гиппонѣ отъ происковъ выдать ее замужъ за язычника. При совершенно другихъ обстоятельствахъ вздумалъ и Иннокентій III воспользоваться правомъ епископа и распорядиться рукою опекаемой.

Баризонъ I, князекъ Галлуры, оставилъ послѣ себя незамужнюю дочь, Елену. Съ сватовствомъ за нее выступили братъ князька Торреса и уже вышеупомянутый князекъ Кальяри. Папа отвергаетъ обоихъ: онъ законный властитель Сардиніи; умирая, отецъ Елены поручилъ опеку надъ нею римской церкви, только церкви принадлежитъ право избрать ей жениха. Въ этомъ смыслѣ Иннокентій пишетъ молодой княжнѣ, ея матери, епископамъ и дворянамъ области, архіепископу и самому князьку Кальяри, чтобы пріостановить сватовство. У него свой женихъ—Трасмондо де-Сегни, двоюродный братъ самого Иннокентія. Рекомендуя его невѣстѣ, Иннокентій пишетъ: „Ты должна благодарить Господа, дорогая дочь моя, за счастье получить изъ нашихъ рукъ въ мужа нашего брата Трасмонда, человѣка весьма благороднаго происхожденія, извѣстнаго своею мудростью, мужествомъ и добрыми нравами. Получивъ черезъ епископа Галлуры твое клятвенное со-

гласіе, мы посылаемъ твоего жениха въ Сардинію въ сопровожденіи свиты, численность которой указана самимъ епископомъ. Мы внушили жениху твоему, чтобы онъ тебя любилъ, защищалъ и относился къ твоимъ подданнымъ съ справедливостью и добротой“.

Какъ видно, мѣстный епископъ уговаривалъ невѣсту не отказываться отъ высокой чести породниться съ папой. И она уже дала свое согласіе. Но тѣмъ не менѣе эта свадьба не состоялась, несмотря на повторныя настоянія Иннокентія. Невѣсту перебили у папы пизанцы, противники гвельфской и папской партіи, вліятельные въ Сардиніи, благодаря своему сильному флоту. Папская невѣста вышла замужъ за Ламберто Висконти, гражданина Пизы. Иннокентій былъ взбѣшенъ. Онъ отправилъ Трасмонда въ Геную, чтобы убѣдить генуэзцевъ, ярыхъ соперниковъ пизанцевъ на морѣ, отправить его съ флотомъ въ Сардинію, отлучилъ отъ церкви Елену, ея мать, ея мужа,—но дѣло было проиграно. Гораздо, однако, важнѣе, чѣмъ обладаніе отдаленнымъ, гористымъ островомъ съ его полудикимъ населеніемъ, было для Иннокентія утвержденіе папской власти надъ южной Италіей — бывшимъ королевствомъ воинственныхъ норманновъ. Это стало даже жизненнымъ вопросомъ для свѣтской власти римскаго епископа съ тѣхъ поръ, какъ норманны, когда-то вѣрные союзники папъ и главный ихъ оплотъ противъ сѣверныхъ цезарей, стали подвластны именно этимъ цезарямъ вслѣдствіе брака императора Генриха VI Гогенштауфена съ наслѣдницей норманнскихъ королевъ.

Поэтому главное вниманіе Иннокентія по смерти Генриха VI было обращено на то, чтобы прежде всего обезпечить свое вліяніе на вдову императора, Констанцу, и на трехлѣтняго Фридриха. Вдова императора шла на встрѣчу желаніямъ Иннокентія. Короновавъ по смерти мужа своего маленькаго сына въ 1198 году въ Палермо королемъ, она очутилась тамъ въ затруднительномъ положеніи среди враждовавшихъ между собою сицилійцевъ и нѣмцевъ изъ свиты Генриха VI.

При такихъ условіяхъ Констанцѣ было неудобно ссориться съ папою, который напоминалъ ей, что молодой король его вассалъ и звалъ ее въ Римъ, чтобы принести за него феодальную присягу. Иннокентій писалъ и четырехлѣтнему Фридриху: „Когда ты, мой сынъ, достигнешь совершеннолѣтія, ты также явишься къ намъ присягнуть намъ въ вассальной вѣрности“. Въ виду же опасности путешествія въ Римъ, Иннокентій прислалъ своего легата въ Палермо, чтобы принять присягу регентши. Констанца была до того уступчива, что пожертвовала въ интересахъ папы при-

вилегіей, которую выговорили себѣ ея предки-короли,—автономію церкви въ Сициліи и южной Италіи. Но хотя Констанца умерла въ томъ же году, Иннокентію не было суждено непосредственно подчинить себѣ управление Сициліей. Королева образовала для этого верховный совѣтъ изъ членовъ высшаго духовенства, въ который вошелъ и канцлеръ королевства, епископъ Трои Палеаръ. Это былъ честолюбивый человѣкъ, который вовсе не желалъ быть орудіемъ римской куріи. На бѣду для Иннокентія вскорѣ явился въ Сицилію и Марквардъ изъ Италіи со своими полчищами, чтобы завладѣть особой молодого короля. Иннокентію пришлось собирать войско и послать его въ Сицилію подъ предводительствомъ своего родственника. Марквардъ былъ разбитъ, но послѣ этого Палеаръ съ нимъ сблизился и Сицилія ушла изъ-подъ вліянія папы. Тогда Иннокентій принялъ мѣру, мотивы которой для насъ не вполне ясны. Онъ направилъ на Сицилію французскаго кондотьера Готье де-Бріенъ, который былъ женатъ на дочери Танкреда, герцога Тарентскаго, изъ побочной линіи Норманскихъ королевъ. Этотъ Танкредъ былъ въ свое время провозглашенъ королемъ противниками перехода норманскаго королевства къ Генриху VI, но погибъ въ борьбѣ съ послѣднимъ. Готье де-Бріенъ могъ поэтому считать себя соперникомъ самого Фридриха, и многіе изъ современниковъ дѣйствительно заподозривали папу въ томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе съ помощью французскаго герцога устранить изъ Сициліи Гогенштауфеновъ,—какъ это сдѣлалъ впоследствии одинъ изъ его преемниковъ, пригласивъ въ Сицилію Карла Анжуйскаго. Палеаръ прямо заявилъ, что папа предалъ своего опекаемаго, а аббатъ Іоакимъ де-Фіоре пророчилъ: пусть римляне остерегутся; французское оружіе легко можетъ, подобно стволу розы, пронзить руку, на него опирающуюся. Иннокентію пришлось въ посланіи подробно оправдываться передъ сицилійцами въ чистотѣ своихъ намѣреній. Онъ оправдывался тѣмъ, что де-Бріенъ присягнетъ въ вѣрности Фридриху. Онъ утверждалъ, что де-Бріенъ явился въ Италію не по вызову папы и что онъ, Иннокентій, не могъ отказать ему въ справедливомъ требованіи помочь ему добыть наслѣдіе его жены, обѣщанное ея семьѣ самимъ Генрихомъ, т.-е. герцогство Тарентское. Но экспедиція французскаго герцога мало принесла пользы Иннокентію, такъ какъ Готье де-Бріенъ употребилъ всѣ свои силы на завоеваніе герцогства Тарентскаго, и не шелъ въ Сицилію. Въ этой борьбѣ онъ и погибъ въ 1205 году отъ ранъ, полученныхъ имъ при ночномъ нападеніи на его лагерь Дипольда, одного изъ Гогенштауфенскихъ воеводъ. Лишь послѣ того, какъ Дипольдъ

въ свою очередь былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Римъ, наступило успокоеніе въ Сициліи и Иннокентій могъ съ 1208 года воспользоваться плодами своихъ долготѣльныхъ трудовъ и утвердить свое вліяніе при дворѣ молодого короля. Онъ воспользовался этимъ, чтобы поженить тринадцатилѣтняго наслѣдника Неаполя и Сициліи на Констанцѣ, дочери своего вассала, преданнаго ему Арагонскаго короля Петра II.

Такъ наступили годы, когда Иннокентію III можно было считать себя повелителемъ Италіи. Центральныя области ея входили въ церковную или папскую область, гдѣ Иннокентію принадлежала по праву какъ духовная, такъ и свѣтская власть; югъ Италіи составлялъ владѣніе его вассала, молодого короля Фридриха. Въ сѣверной Италіи онъ былъ вліятельнымъ участникомъ лиги тосканскихъ городовъ; въ восточной Италіи его вассаль Аццо управлялъ Романьей; даже въ Ломбардіи постоянное соперничество городовъ давало ему возможность проявлять свое вліяніе. Однимъ словомъ, никогда еще ни до него, ни послѣ—вплоть до нашихъ дней—*Италія не была такъ близка къ политическому объединенію*, какъ при немъ. Не въ томъ смыслѣ, конечно, въ какомъ желали ея объединенія патриоты эпохи Ренессанса, современники Макиавелли, и не въ томъ, въ какомъ она объединилась, а въ томъ, который вытекалъ изъ средне-вѣкового міровоззрѣнія. Иннокентій уже въ первый годъ своего понтификата формулировалъ его: Италія достойна быть обладательницей *объихъ властей*, или двойного примата, такъ какъ по божескому промыслу ей достался принципатъ надъ всѣми странами. „Въ силу этого, намъ надлежитъ, продолжаетъ папа, заботиться объ Италіи особымъ отеческимъ попеченіемъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Италія представляла собою въ глазахъ Иннокентія не безсвязное скопленіе городовъ и сеньерій, а духовное единство, основанное на общемъ національномъ сознаніи и всемірно-историческомъ призваніи. Она должна была служить для папы орудіемъ и точкою опоры при утвержденіи европейской теократіи, но за то ей выдѣлялось въ этомъ теократическомъ сонмѣ странъ почетное мѣсто—примать. Ея глава, папа, долженъ былъ обладать въ ней духовной и свѣтской властью для того, чтобы черезъ нее управлять міромъ. Въ лицѣ этого перваго націоналиста Италіи—на сто лѣтъ предшествовавшаго Данте—самый націонализмъ является намъ въ своей первоначальной, церковно-религіозной формѣ. Иначе и быть не могло: вѣдь у самого Данте этотъ элементъ еще преобладаетъ. Конечно, у такого трезваго юриста, у такого практическаго политика, какимъ былъ Иннокентій, націонализмъ про-

является не как идеальный принцип, а чаще всего, как дипломатическое средство, как видно из тщательно подобранных Люшером *) мѣстъ изъ посланій Иннокентія, въ которыхъ этотъ папа обращается къ національному чувству или антагонизму итальянцевъ противъ нѣмцевъ. Въ посланіи къ ломбардскимъ городамъ Иннокентій взываетъ „къ всеобщему интересу Италіи“. Въ посланіи къ гражданамъ Кремоны Иннокентій хвалится тѣмъ, что „успѣхъ, одержанный святымъ престоломъ, разсѣялъ тучи и озарилъ всю Италію“. Свое вмѣшательство въ дѣла Сициліи Иннокентій оправдываетъ не только достоинствомъ римской церкви и вассальнымъ отношеніемъ къ папѣ, установленнымъ норманскими королями, но и „выгодами всей Италіи“.

Жителямъ Сполета, освобожденнымъ отъ власти Конрада Ф. Урслингевъ, онъ говорилъ „о грубомъ племени, языкъ котораго они не понимаютъ“. Жителямъ Капуи онъ напоминаетъ, какимъ способомъ нѣмцы присвоили себѣ ихъ деньги, и съ какимъ нахальствомъ не сдержали своихъ обѣщаній. Сицилійцевъ онъ возбуждаетъ разказами о жестокихъ мѣрахъ Генриха VI — казняхъ, увѣчьяхъ, экспроприацияхъ и ссылкахъ въ Германію. Въ Италіи всегда проявлялось чувство антагонизма къ „варварамъ“, но Иннокентій III впервые заговорилъ о „всей Италіи“, объ общемъ интересѣ Италіи и выступалъ его блюстителемъ и защитникомъ.

Этотъ римлянинъ, смѣло развернувшій знамя всемірнаго владычества, въ тоже время, былъ, можно сказать первымъ глашатаемъ національнаго объединенія Италіи, совершившагося въ наши дни.

Не разъ еще послѣ того мы встрѣчаемъ въ исторіи Италіи подобныя попытки объединить ее подъ папскою властью. Но онѣ отличаются болѣе скрпнымъ размѣромъ—въ нихъ отсутствуетъ теокротическій имперіализмъ. Три вѣка спустя послѣ Иннокентія папа Юлій II мечталъ о національномъ объединеніи Италіи и избавленіи ея съ помощью папской власти отъ порабыщенія сосѣдними націями. Еще тремя вѣками позднѣе итальянскіе патриоты сами мечтаютъ о національномъ объединеніи и стараются втянуть въ эти мечтанія папство. Попытка Иннокентія принадлежавшая ему лично была грандіознѣе, но и она была неосуществимой иллюзіей и встрѣчала препятствія, какъ въ условіяхъ времени, такъ и въ средновѣковомъ міровозрѣніи.

Еще сто лѣтъ спустя, когда Италія обрѣла своего національнаго поэта, давшаго ей національный языкъ и одарившаго ее націо-

---

*) Rome et l'Italie, p. 38.

нальной поэзіей, возникавшее въ ней національное сознание искало себѣ совершенно иной выходъ, чѣмъ предлагалъ ей Иннокентій. Несмотря на свою несомнѣнную „ортодоксальность“ Данте выступаетъ суровымъ обличителемъ клерикальныхъ притязаній на свѣтскую власть. Онъ влагаетъ въ уста императору Константину на томъ свѣтѣ горькое сожалѣніе о сдѣланномъ имъ „дарѣ“. изъ-за котораго „міръ пошелъ прахомъ“. Онъ изображаетъ въ видѣніи колесницу церкви, наполненную перьями императорскаго орла, которыя „очень бы понадобились ему для его полета“. Онъ приписываетъ св. Петру сильный гнѣвъ по поводу злоупотребленія его именемъ и его властью и озлобленіе противъ того, кто „тамъ на землѣ дерзаетъ присвоивать себѣ его престолъ“. Апостоль рѣзко осуждаетъ посылку войскъ противъ христіанскихъ областей подъ папскимъ знаменемъ, наложеніе интердикта изъ-за свѣтскихъ владѣній—„лишеніе дѣтей (духовной) пищи, въ которой небесный отецъ имъ не отказываетъ“.

Не отъ папской, а отъ свѣтской власти Императора ожидаетъ Данте спасенія Италіи. Одно изъ самыхъ патетическихъ мѣстъ его поэмы—краснорѣчивый *плачъ* Роны, которая въ горячихъ слезахъ, овдовѣвъ и одинокая, ночью и днемъ вызываетъ: „О Кесарь мой, зачѣмъ покинулъ ты меня? Взгляни, безчувственный, какъ полны города Италіи тиранами“ и т. д. (конецъ шестой пѣсни Чистилища). За эту безчувственность Данте и въ слѣдующей пѣсни осуждаетъ Рудольфа Габсбургскаго, который „одинъ еще былъ въ состояніи исцѣлить смертельныя раны Италіи, раны, которыя теперь никто не исцѣлитъ“.

Въ полномъ контрастѣ съ этимъ отчаяніемъ радостное настроеніе, звучащее въ пѣсняхъ Рая, посвященныхъ памяти „благороднаго“ Генриха (VII), пришедшаго въ Италію короноваться императорской короной. Поэтъ указываетъ его міру еще „девятилѣтнимъ отрокомъ“, какъ будущаго избавителя. Но и эта надежда оборвалась вслѣдствіе „измѣны *Гасконца*“ (папы Климента V) и ранней смерти Генриха; „великое сѣдалище“ котораго Беатриче показываетъ поэту въ Раю (XXX 113).

Мечты Данте найти исцѣленіе Италіи въ императорской власти имѣютъ подъ собою весьма реальную почву—во первыхъ политическое безсиліе папской власти, и во вторыхъ несостоятельность клерикальнаго правительства. Муниципальный духъ, всегда сильно преобладавшій на Апенинскомъ полуостровѣ, со своимъ центробѣжнымъ направленіемъ, представлялъ непреодолимое препятствіе; всякой централизаціи власти. Церковь не была въ состояніи осуществить эту централизацію власти при

той непокорности, которую обнаруживали, какъ мы видѣли, Венеція и другія коммуны Италіи, когда ихъ торговые или муниципальные интересы не совпадали съ требованіями Папы.

И еще менѣе была папская власть въ состояніи объединить Италію въ военномъ отношеніи, и защитить ее отъ поплзновеній окружавшихъ ее народовъ. То, что происходило въ эпоху Ренессанса, въ дни воинственнаго Юлія II, когда на Италію устремились Испанцы, Французы и Габсбурги, убѣждаетъ насъ въ этомъ, какъ и вся послѣдующая исторія этой страны, до самаго Пія IX. Что же касается до качественной несостоятельности клерикальнаго правительства, то доказательствомъ ея служить продолжавшаяся до послѣднихъ дней культурная и гражданская отсталость *папской* области сравнительно съ другими частями Италіи въ особенности сѣверной. Ненависть къ папству подвластнаго ему населенія была такъ глубока, что вынудила у одного изъ преданнѣйшихъ католицизму писателей признаніе: „Народы давно уже утратили всякую симпатію къ клерикальному управленію“ *). Это было написано за пять лѣтъ до занятія Рима Италіей.

Но возвратимся къ Иннокентію III. Чтобы отнестись объективно къ его политическимъ планамъ нужно помнить силу теократическаго идеала надъ умами его современниковъ—и то что въ тотъ моментъ, когда онъ призывалъ Италію объединиться около папской власти, имперія, казалось, утратила свою мощь. Не даромъ Иннокентій ликовалъ: „Нынѣ имперія въ расколѣ, а церковь, Божіей милостью едина“. Но имперія могла снова объединиться. Какія же мѣры принялъ противъ этого Иннокентій? Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы обратимся въ слѣдующей главѣ. Мы увидимъ, что Иннокентій обнаружилъ въ трудномъ положеніи не только приемы и способности великаго политика, но и геніальнаго теоретика, который умѣетъ заставить себѣ служить господствующія идеи вѣка. Какъ Григорій VII воспользовался подъемомъ аскетическаго и религіознаго духа, чтобы вырвать изъ подъ власти императора епископаты и поставить его въ зависимость отъ папы, такъ Иннокентій провозгласилъ еще болѣе громкій и обширный лозунгъ—преимущество „священства надъ царствомъ“, чтобы поставить въ зависимость отъ папства не только самого императора, но и вообще свѣтскую власть.

---

*) Kirche и Kirchen, Pabstthum и Kirchenstaat—Дѣллингера 1861, а также статья Kirchenstaat и т. д., извѣстнаго историка Рейхлина въ Hist. Zeit. 1872 г. 4 Н.

ГЛАВА VII.

ИННОКЕНТІЙ III ВЪ БОРЬБѢ СВЯЩЕНСТВА СЪ ЦАРСТВОМЪ.

Кромѣ національной розни, о которой шла рѣчь въ предшествующей главѣ, борьба Иннокентія съ императоромъ обусловливалась еще другимъ, болѣе древнимъ и идейнымъ антагонизмомъ—между *священствомъ* и *царствомъ*. Мы назвали этотъ антагонизмъ *древнимъ*, потому что онъ обнаруживался уже въ древнѣйшихъ священныхъ для христіанъ книгахъ—въ ветхозавѣтныхъ, принятыхъ ими отъ евреевъ. Правда, въ основной для христіанъ книгѣ, въ Евангеліи, этотъ антагонизмъ устранялся, по крайней мѣрѣ принципиально, разграниченіемъ между областями священства и царства посредствомъ текста—Кесарю Кесарево, а Божіе Богови. Древняя христіанская церковь, которая такъ много была обязана первому христіанскому императору, усвоила себѣ этотъ принципъ и по раздѣленіи церкви восточная осталась ему вѣрна. И западная церковь сначала держалась его. Еще въ V вѣкѣ папа Геласій формулировалъ его чрезвычайно точно словами: „Міръ держится авторитетомъ епископовъ и властью Царей, а потому царская власть должна подчиняться епископамъ, а епископы повиноваться законамъ.“ Но подъ вліяніемъ іерархическихъ и теократическихъ идей, проникавшихъ въ церковь изъ ветхаго завѣта, въ Римѣ сталъ преобладать другой взглядъ. Поворотный пунктъ характерно выступаетъ въ формулѣ Лукскаго епископа Ансельма. Приводя вышеупомянутую формулу папы Геласія, Ансельмъ опускаетъ изъ нея слова „а епископы должны повиноваться законамъ“ (царскимъ) ¹⁾. Пропущены были эти слова итальянскимъ епископомъ не случайно. Что же произошло въ промежутокъ времени между папою Геласіемъ и епископомъ Лук-

---

1) A. Hauck. Der Gedanke der päpstlichen Weltherrschaft.

скимъ? Римъ остался безъ императора, а кромѣ того, Ансельма отдѣляетъ отъ Геласія знаменательная эпоха Григорія VII, послѣдователемъ котораго былъ Ансельмъ. Григорій VII видѣлъ въ церкви царство Божіе (*regnum Dei*), а такое, конечно, не должно было руководиться человѣческими законами. Мотивируя независимость церкви отъ царскихъ законовъ, приверженцы папскихъ притязаній однако долгое время сами ссылались на мнимый царскій законъ—на дареніе Константиномъ Рима и власти надъ нимъ—папѣ.

Но легенда о дареніи Константина скоро перестала удовлетворять ревнителей папской власти. Она не удовлетворяла ихъ въ двухъ отношеніяхъ: она слишкомъ узко проводила предѣлы области отводимой папѣ (Римъ и острова)—той папской области, гдѣ папа былъ полнымъ господиномъ гдѣ ему были предоставлены обѣ *власти*, гдѣ онъ былъ и первосвященникомъ и царемъ. Вѣдь императоръ Константинъ, справедливо доказывалъ одинъ изъ тогдашнихъ теоретиковъ, могъ предоставить папѣ Сильвестру только то, чѣмъ самъ обладалъ.

Поэтому авторитетъ императора Константина пришлось замѣнить болѣе высокимъ авторитетомъ. На этой почвѣ и стали возникать новыя теоріи и новыя соображенія для возведенія съ ихъ помощью зданія папской теократіи. XII-ый вѣкъ представляетъ намъ цѣлую эволюцію въ истолкованіи евангельскихъ текстовъ. Разсказъ евангелія о двухъ мечахъ, предъявленныхъ апостолами Христу, означалъ, по традиціонному толкованію, двойственность властей—духовной и свѣтской. Св. Бернардь не удовлетворился этимъ толкованіемъ. „*Оба меча, говорилъ онъ, какъ духовный, такъ и свѣтскій, принадлежать церкви; но послѣдній изымается изъ ноженъ свѣтскою властью на защиту церкви, первый же самою церковью; одинъ изъ нихъ ввѣренъ священнику, другой воину, но дѣйствуетъ по знаку священника и по приказанію императора*“.

Легенда о дарѣ Константина становится излишней, благодаря толкованію папы Евгенія III, послѣдователя и друга св. Бернарда. „Внѣ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, и всѣмъ на свѣтѣ христіанствомъ признано, что нашу святую и апостольскую римскую церковь основалъ лишь Тотъ (*solus ille fundavit*) и хотѣлъ утвердить на твердой и неподвижной скалѣ вѣры, Кто передалъ св. Петру власть (*juris*) какъ надъ земной, такъ и надъ небесной имперіей. Ибо эта власть дѣйствуетъ (*fungitur*) не въ силу какого нибудь земного постановленія, а въ силу Того, чьимъ словомъ созданы и небо и земля“.

Для упроченія теократическаго идеала въ пользу папства оставалось сдѣлать одинъ шагъ, и онъ былъ сдѣланъ Иннокентіемъ III.

Нужно было оставить позади все *историческое*, все *человѣческое*, и Константина и Петра, и подняться до божественнаго начала и изъ него непосредственно выводить папскую власть. Въ этомъ и заключается значеніе новой формулы, введенной Иннокентіемъ. Онъ провозглашаетъ себя намѣстникомъ не Петра, а намѣстникомъ самого Иисуса Христа, т.-е. намѣстникомъ Божиимъ на землѣ. При блескѣ такихъ полномочій должны были исчезнуть всѣ земныя ограниченія папской власти, всѣ препятствія на ея пути. Теократическая формула сослужила папамъ двойную службу. Она дала имъ возможность подняться надъ епископатома—изъ римскаго епископа превратиться въ сверхъепископа (*episcopus universalis*). Она же дала имъ возможность побѣдить и императора, и въ его лицѣ подчинить себѣ и *свѣтскую* власть.

Какъ нарочно Иннокентій могъ видѣть въ совершавшихся событіяхъ „персть Провидѣнія“, благословляющаго его на подвигъ—на установленіе на землѣ Божескаго царства, какъ онъ его понималъ. На его глазахъ распалась имперія, болѣе чѣмъ когда либо грозная для папства, простиравшаяся отъ Сѣвернаго моря до оконечности Италіи и Сициліи съ императорскимъ префектомъ въ самомъ Римѣ.

И если прежніе императоры, бывало, торжествовали надъ Римомъ благодаря расколу въ куріи и съ помощью *антипавъ*, то теперь, какъ провозгласилъ Иннокентій, церковь была едина, а имперія въ расколѣ. Хотя императоръ Генрихъ VI постарался обезпечить еще при своей жизни наслѣдственныя права своего сына и взялъ съ князей обѣщаніе признать его императоромъ, но слишкомъ многіе изъ нихъ были заинтересованы въ недопущеніи наслѣдственности или сами протягивали руку къ власти. Такъ какъ младенецъ Фридрихъ былъ въ Сициліи и безсиленъ отстаивать свои права, то приверженцы Гогенштауфеновъ поспѣшили провозгласить въ мартѣ 1198 года императоромъ его дядю Филиппа, герцога Швабскаго. Недовольное же меньшинство князей предложило корону герцогу Церингенскому—въ юго-западной Германіи, а по отказѣ его избрало въ іюнѣ въ Кельнѣ 23 лѣтняго герцога Оттона Брауншвейгскаго, сына Генриха Льва, извѣстнаго соперника Фридриха Барбароссы. Владѣніе Оттона было незначительно, но онъ имѣлъ могущественнаго покровителя въ своемъ дядѣ Ричардѣ-Львиное Сердце, при дворѣ котораго онъ и воспитывался и который далъ ему въ ленъ графство Пуату въ западной Франціи, а теперь поддерживалъ деньгами. Ричардъ былъ врагомъ Генриха VI, который держалъ его въ плѣну при возвращеніи изъ Палестины и взялъ съ него большой

выкупъ. Архіепископъ Кёльнскій, городъ котораго былъ въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, радъ былъ служить англійскимъ интересамъ и, спѣша предупредить Филиппа, короноваль Оттона въ коронаціонномъ городѣ, Ахенѣ, такъ что Филиппу пришлось короноваться въ необычномъ мѣстѣ—въ Майнцѣ.

Какова же была роль Иннокентія въ этой борьбѣ между соперниками на императорскій престолъ Германіи?

Нѣкоторые изъ современныхъ намъ судей Иннокентія заявляютъ, что ему слѣдовало бы руководиться въ этомъ дѣлѣ справедливостью и миролюбіемъ, т. е. высказаться за того изъ соперниковъ, чье избраніе было наиболѣе правильнымъ и вѣрнѣе всего привело бы къ сохраненію мира. На это можно возразить, что все это совершенно вѣрно съ точки зрѣнія представителя божескаго царства въ его идеальномъ смыслѣ. Но во времена Иннокентія божеское царство отождествлялось съ церковью, а церковь приняла формы полу-духовнаго, полу-свѣтскаго государства съ монархическимъ главою, со столицей и съ царской вотчиной; вопросъ о справедливости двоился: можно было не только ставить вопросъ, кто изъ королей Германіи правильно избранъ съ точки зрѣнія государственнаго права Германіи, но и другой вопросъ, кто изъ нихъ правильно избранъ въ глазахъ римской церкви! И точно также въ дѣлѣ обезпеченія мира можно было имѣть въ виду миръ въ Германіи, но и мирное обезпеченіе за папою присвоенныхъ имъ земель и правъ. Вопросъ изъ сферы идеальной сходилъ на почву политическую или, другими словами, нравственный идеаль былъ виденъ лишь сквозь среду противоположныхъ политическихъ интересовъ.

Читая теперь официальные документы, исходившіе по этому дѣлу изъ папской канцеляріи, нельзя не подивиться тому, до какой степени для Иннокентія идеальное призваніе папства отождествилось съ его земною задачею и его духовные интересы были поглощены чисто политическими. Авторъ извѣстнаго намъ аскетическаго трактата является теперь не только искуснымъ, но и беззащѣчивымъ дипломатомъ; и въ затруднительномъ положеніи, въ которое ставилъ папство спорный выборъ въ Германіи, Иннокентій не только обнаруживаетъ осторожную выжидательную политику, но пользуется обстоятельствами, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ въ интересахъ папства, чтобы увѣнчать его притязаніе на всемірную власть и присвоить ему право назначать императора.

Съ этою цѣлью Иннокентій разослалъ свое „Посланіе ко всѣмъ

духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ Германіи¹⁾. Оно начинается съ торжественнаго заявленія о необходимости „согласія между царствомъ и священствомъ“, въ силу завѣта самого Христа, подтверждаемаго рядомъ текстовъ изъ св. Писанія; затѣмъ необходимость согласія мотивируется рядомъ величественныхъ образовъ. Сравнивши папство и имперію съ двумя херувимами, устремившими свой взоръ „на дѣло примиренія“, Иннокентій продолжаетъ: „это двѣ удивительныя и красивыя колонны, стоящія у входа храма... это два великихъ свѣтила, которыя Господь поставилъ на небосклонѣ—свѣтило большее, которое управляетъ днемъ, и меньшее, которое управляетъ ночью; это два меча, о которыхъ говорили апостолы“, и т. д. Перечисляя благотворныя послѣдствія такого согласія между папствомъ и имперіей, Иннокентій говоритъ: „Черезъ нихъ распространяется вѣра, сокрушается ересь, насаждаются добродѣтели, подрѣзаются пороки, сохраняется справедливость, изгоняется несправедливость, процвѣтаетъ миръ, усмиряется насиліе; съ умиротвореніемъ христіанскаго народа покоряется варварство язычниковъ, съ увеличеніемъ имперіи умножается свобода церкви, отъ невредимости тѣла выигрываетъ спасеніе душъ и одинаково обезпечиваются права какъ клира, такъ и народа“. Оправдываясь противъ обвиненія, которое лживо возводятъ противъ него злокозненные люди, будто онъ замышляетъ гибель или ослабленіе имперіи, папа заявляетъ, что, напротивъ, онъ стремится къ ея охраненію и возвеличенію, ибо хотя нѣкоторые императоры сильно обижали церковь, другіе однако ее всѣми способами почитали. Затѣмъ, Иннокентій высказываетъ, наконецъ, главную цѣль своего письма: „Мы ожидали и до сихъ поръ ждемъ, не обратитесь ли вы сами, руководясь здравымъ разсудкомъ и желая положить конецъ столькимъ бѣдствіямъ, къ нашей помощи, для того, чтобы чрезъ насъ, кому это дѣло, какъ извѣстно, подлежить и по началу, и по своему завершенію, уладилась, при вашемъ содѣйствіи, такая великая распря. Но такъ какъ вы съ этой стороны выказываете нерадѣніе и медленность, то мы, которые, согласно слову пророка, поставлены Господомъ надъ народами и царствами, чтобы вырывать и разрушать, а также создавать и насаждать, желая исполнять обязанность, лежащую на нашемъ санѣ, увѣщаемъ васъ въ совокупности и извѣщаемъ апостольскимъ посланіемъ, чтобы имѣющіе страхъ Господень и радѣющіе о чести имперіи обратили свое полное вниманіе на устрое-

---

¹⁾ Innocentii III Opera. Ed. Migne. T. III 905 r. Registrum super negotio Romani Imperii. № 2.

ніе ея для того, чтобы не погибла ея свобода и не уничтожилось ея значеніе. И такъ какъ всякое замедленіе заключаетъ въ себѣ серьезную опасность, то мы, заботясь о томъ, что считаемъ полезнымъ, на того обратимъ апостольскую благосклонность, за кѣмъ признаемъ болѣе большее благорасположеніе и заслуги“. Еще яснѣе выразилъ Иннокентій свое требованіе, чтобы *ему* было предоставлено назначеніе императора, въ письмѣ къ примасу Германіи, архіепископу майнцскому, который, состоя въ то же время кардиналь-епископомъ Сабинны, былъ послѣ папы „первымъ членомъ Господней церкви“. Хотя архіепископъ стоялъ во главѣ князей, высказавшихся за Филиппа, папа требуетъ отъ него, чтобы онъ вмѣнилъ въ обязанность всему духовенству своей епархіи признать королемъ и поддерживать того, чье назначеніе удостоится папскаго одобренія. Съ своей стороны папа общаетъ архіепископу усердно поддерживать въ этомъ дѣлѣ пользу и честь его самого, а также и всѣхъ къ нему приближенныхъ.

Непріятно поражаетъ въ письмѣ папы неправильное освѣщеніе дѣла. Оно такъ изложено, какъ будто сперва состоялось избраніе Оттона, а потомъ уже избраніе Филиппа. Выходитъ такимъ образомъ Оттонъ правильно избраннымъ, тогда какъ, напротивъ, большинство князей согласилось на Филиппа, а Оттонъ былъ избранъ позднѣе, когда уже состоялось законное избраніе короля, и притомъ крайне незначительнымъ числомъ приверженцевъ.

Папа правильно рассчитывалъ, что къ нему обратится и признаетъ его верховнымъ судьей въ спорѣ за корону слабѣйшій изъ кандидатовъ. Партія Оттона, какъ слабѣйшая, не могла рассчитывать на собственныя силы—и князья-избиратели Оттона на самомъ дѣлѣ обратились къ Иннокентію первыми съ просьбой признать ихъ избранника императоромъ, заявляя при этомъ, что новый король согласенъ, чтобы папа вступилъ въ обладаніе всей церковной областью. О томъ же писалъ папѣ два раза англійскій король, лично ручаясь за своего племянника Оттона, что онъ возвратитъ папѣ все, что другіе императоры отняли у св. Петра и что онъ будетъ во всемъ руководиться совѣтами его мудрости. Гораздо сдержаннѣе было письмо самого Оттона. Онъ пишетъ папѣ, что его, Оттона, отецъ, Генрихъ Левъ, претерпѣлъ, служа папскому дѣлу, конфискацію своихъ земель и изгнаніе. Онъ сообщаетъ ему, что при своей коронаціи онъ поклялся соблюдать права римской церкви и церкви имперіи, и что онъ окончательно отказывается отъ „гнуснаго права“ пользоваться наслѣдствомъ духовныхъ лицъ. Затѣмъ онъ проситъ, чтобы Иннокен-

тій освятилъ его королевское званіе императорской короной, отлучилъ отъ церкви избирателей Филиппа и возобновилъ отлученіе, которому его предшественникъ подвергъ Филиппа Гогенштауфена. Но знаменательно было для папы, что Оттонъ не просилъ *утвержденія* своего избранія, выражался очень неопредѣленно о правахъ папы на вотчину св. Петра и не называлъ Иннокентія просто своимъ господиномъ, а *духовнымъ* господиномъ. Было ясно, что Оттонъ опасался, какъ бы не нанести ущерба императорской власти и не связать себя ¹⁾.

Если Иннокентію не понравилось письмо Оттона, то онъ былъ тѣмъ болѣе не доволенъ посланіемъ, съ которымъ къ нему обратились избиратели Филиппа. Въ ихъ собраніи участвовали лично или чрезъ своихъ довѣренныхъ почти всѣ духовные и свѣтскіе князья тогдашней Германіи, обнимавшей тогда на западѣ королевство Арелатское, царство Бургонское, всю Лотарингію и часть Бельгіи, а на востокѣ Богемію. Князья-избиратели отправили папѣ посланіе отъ имени и частью за подписью главнѣйшихъ князей имперіи—одного патриарха, 4 архіепископовъ, 22 епископовъ, 4 аббатовъ, короля богемскаго, 8 герцоговъ, 6 маркграфовъ и 3 пфальцграфовъ. Въ этомъ посланіи они извѣщаютъ папу, что избрали императоромъ „римскаго престола“ Филиппа, потому что не могли найти лица болѣе высокаго по происхожденію и болѣе способнаго къ управленію имперіи и къ защитѣ Господней церкви. Увѣряя далѣе Иннокентія, что они всегда относились чрезвычайно благожелательно къ римской церкви, князья предостерегаютъ папу, „чтобы онъ никоимъ образомъ не простиралъ съ неправдой руки на права имперіи, принявъ тщательно во вниманіе, что и они не потерпятъ, чтобы кто-либо уменьшилъ или нарушилъ права церкви“ ²⁾. Въ силу этого они испрашиваютъ папскаго благоволенія своему королю и господину, и соблюденія, на сколько это возможно, его чести и выгоды, для того, чтобы неправда не господствовала надъ правдой, но всегда ложь побѣждалась истиной. При этомъ папа не могъ не обратить вниманія на то, что князья единогласно приняли на себя обязательство оказывать Филиппу противъ всѣхъ смутьяновъ такую помощь, чтобы никто не дерзалъ отказывать ему въ повиновеніи въ имперіи и *въ тѣхъ земляхъ*, которыми владѣлъ его свѣтлѣйшій братъ. Но вѣдь подъ это опредѣленіе можно было подвести всю Италію, не исключая даже и Сициліи.

1) Письмо въ Ватиканскомъ архивѣ См. Luchaire: La Papauté et l' Empire.

2) Registrum № XIV. Litterae principum Alemanniae.

Всего же болѣе должно было раздражить Иннокентія то, что князь просили его отнестись благосклонно къ „ихъ другу и вѣрному слугѣ короля Филиппа, къ Маркварду, маркграфу Анконы, герцогу Равенны, правителю королевства Сициліи и не оказывать помощи сопротивляющимся ему“. Это перечисленіе въ титулѣ Маркварда всѣхъ областей, на которыя простиралъ свою власть Иннокентій, должно было прямо казаться ему вызовомъ. Въ довершеніе всего князь предупреждаютъ Иннокентія, что они съ Божіей помощью въ скоромъ времени придутъ съ королемъ въ Римъ, собравъ возможно большее войско для коронаванія его императоромъ.

Папа не спѣшилъ отвѣтомъ. Онъ продержалъ посольство Оттона въ Римѣ около года и лишь въ маѣ 1199 года отправилъ его назадъ съ неопредѣленнымъ увѣреніемъ своего благоволенія къ Оттону. Однако, главной просьбы Оттона—объявить въ Германіи, что его соперникъ король Филиппъ отлученъ папою отъ церкви—Иннокентій не исполнилъ. Можетъ быть на его сдержанность повліяла послѣдовавшая 6 апр. того же года смерть короля англійскаго Ричарда, главной опоры Оттона. Между тѣмъ въ Римъ прибыли послы князей съ вышеприведенной грамотой протеста противъ нарушенія правъ имперіи. Иннокентій принималъ ихъ въ торжественномъ собраніи папской консисторіи, причемъ произнесъ въ очень рѣзкомъ тонѣ рѣчь о священствѣ и имперіи.

Въ своемъ же письменномъ отвѣтѣ князьямъ Германіи Иннокентій по пунктамъ резюмируетъ ихъ грамоту, предположивъ этому замѣчаніе, что она во многомъ показалась „подозрительной“ лицамъ, ее разсматривавшимъ. Мотива подозрѣнія, папа, однако, не сообщаетъ, предоставляя это сдѣлать устно посланцу князей.

Тутъ же онъ подчеркиваетъ, что грамота исходитъ отъ „нѣкоторой части“ князей. Папа выражаетъ свою отеческую скорбь по поводу возникшаго, по винѣ грѣховъ, между князьями раздора, такъ какъ предвидитъ, что онъ будетъ источникомъ большихъ бѣдъ, если Господь ихъ не предотвратитъ. Онъ много слышался объ именахъ и заслугахъ избранниковъ, какъ и о намѣреніяхъ избирателей, такъ что онъ вполне освѣдомленъ относительно того, кто достоинъ апостольскаго благорасположенія. „Ибо, замѣчаетъ папа, было много, и теперь ихъ немало, пропавшихъ (pestilentes) людей, которые никогда не желали видѣть согласія между церковью и имперіей для того, чтобы они свободнѣе могли удовлетворять свою злую волю и которые клеветаютъ, что мы нечестно замышляемъ умаленіе и ослабленіе имперіи,

тогда какъ мы, напротивъ, усиленно стараемся о сохраненіи и умноженіи ея, ибо, хотя нѣкоторые императоры жестоко обижали церковь, другіе ее многократно почитали. И дай Богъ, чтобы права церкви по отношенію къ намъ такъ же соблюдались, какъ мы хотимъ, чтобы права имперіи оставались не нарушаемы; ибо мы хотимъ сохранить и возстановить наши права такимъ способомъ, чтобы не захватывать и не умалять чужихъ“.

Послѣ такихъ общихъ увѣреній Иннокентій высказываетъ свой затаенный замыселъ: „А такъ какъ императорская корона дается римскимъ первосвященникомъ тому, кто предварительно былъ правильно избранъ въ короли и законно вѣнчанъ, то мы, согласно древнему и доброму обычаю, добровольно призовемъ его для принятія императорскаго вѣнца и, исполнивъ все то, что требуется обычаемъ при коронованіи, торжественно, съ Божіей милостью, увѣнчаемъ его“.

Таковъ былъ отвѣтъ папы на угрозы князей, что они приведутъ въ Римъ для коронаціи своего избранника,—корону императорскую получить тотъ, кого папа найдетъ достойнымъ.

Что же касается до ходатайства князей объ имперскихъ воеводахъ въ Италиі, то папа находить едва достойнымъ на это отвѣчать, насмѣшливо прибавляя, что если бы тѣ, кто объ этомъ писали, лучше знали негодность и коварство тѣхъ людей, то они должны были писать не въ ихъ пользу, а противъ нихъ.

Подчеркнувъ, что королевство Сициліи внѣ всякаго сомнѣнія есть достояніе и собственность апостольскаго престола, Иннокентій заявляетъ, что тщательно озаботится осуществить то, что будетъ содѣйствовать славѣ Божьяго имени, чести апостольскаго престола, величію императорскаго достоинства и спасенію душъ и *тѣлъ*.

Французскій историкъ Люшеръ видитъ въ этихъ послѣднихъ словахъ *невольное* признаніе мірскихъ стремленій Иннокентія; но эта традиціонная формула едва ли имѣла такой смыслъ. Свои мірскія притязанія, свое намѣреніе, въ качествѣ главы священства, господствовать надъ имперіей Иннокентій высказывалъ, не обинуясь, въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Это видно изъ того, что гораздо опредѣленнѣе и рѣзче, чѣмъ въ посланіи къ князьямъ Германіи, Иннокентій формулировалъ свою программу въ торжественномъ собраніи папской консисторіи подъ названіемъ „отвѣтъ посламъ Филиппа“.

Этотъ официальный манифестъ звучитъ, какъ триумфальный

гимнъ побѣды священства надъ имперіей ¹⁾. Съ первыхъ же словъ Иннокентій указываетъ, насколько неизмѣримо выше священникъ стоитъ надъ царемъ: „Въ книгѣ Бытія мы читаемъ, что Мельхиседекъ былъ царемъ и священникомъ. Но царемъ онъ былъ Салима, священникомъ же Всевышняго; это значить, что онъ былъ царемъ *города*, священникомъ же—*Божества*. И насколько велика разница между городомъ и Божествомъ, настолько велико разстояніе между царствомъ и священствомъ“. — За этимъ слѣдуетъ безконечный рядъ текстовъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ подтвержденіе этого основного положенія. Но въ послѣдствіи, какъ указываетъ Иннокентій, наступило время, когда царство было отдѣлено отъ священства. По смерти Соломона раздѣлилось и само царство: *двое* колѣнъ только примкнули къ Ровоаму; остальные же послѣдовали за Иеровоамомъ. Но тотъ, кому досталась меньшая часть, получилъ Иерусалимъ, царское сѣдалище, храмъ и священство. Другой же захотѣлъ, какъ онъ царство раздѣлилъ, такъ раздѣлить и священство и соорудилъ два золотыхъ тельца. Разказавши далѣе, какая Божья кара постигла за это царя Израиля, Иннокентій заключаетъ: „Такъ немедленно Господь покаралъ расколъ, вызванный въ священствѣ; раздѣленіе же царства осталось. Что случилось въ Ветхомъ Завѣтѣ, то повторилось и въ Новомъ“. По этому поводу Иннокентій вспоминаетъ о расколѣ въ папствѣ и имперіи при Иннокентіи II и затѣмъ при Александрѣ III, тогда какъ имперія пребывала въ единствѣ при императорѣ Фридрихѣ (отцѣ Филиппа Швабскаго). „Но этотъ императоръ,—продолжаетъ Иннокентій, не защитникъ, а гонитель церкви, содѣйствовалъ расколу (антипапству) и покровительствовалъ раскольникамъ. Но, однако, расколъ погибъ вмѣстѣ съ отколовшимися и помощь имъ была посрамлена въ лицѣ оказавшихъ ее. Нынѣ же церковь, милостью Божіей, пребываетъ въ единствѣ; имперія же, по грѣхамъ, въ раздорѣ. Но церковь относится къ царству, не какъ царство къ ней, ибо она горюетъ надъ раздоромъ въ немъ, сожалеетъ о немъ, потому, что князя его посрамили свободу и достоинство его“. И за этимъ слѣдуетъ наставленіе князьямъ и указаніе промаха, сдѣланнаго ими, съ точки зрѣнія папы: „Къ апостольскому престолу надо было имъ прежде всего обратиться, такъ какъ дѣло это (избраніе), какъ въ основѣ

---

¹⁾ Рѣчь Иннокентія дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, которыя, по мнѣнію ея критиковъ, представляютъ собою стилизованную обработку самой рѣчи. Но и въ этомъ видѣ рѣчь Иннокентія является классическимъ документомъ въ исторіи борьбы священства и имперіи и въ эволюціи римской теократіи.

своей, такъ и въ завершеиіи—есть дѣло папы. Въ основѣ, потому что папа перенесъ имперію съ востока на западъ; по завершеиію—потому что папа же совершаетъ вѣнчаніе императорской короной“. Въ концѣ Иннокентій взываетъ къ Господу, чтобы Онъ ниспослалъ ему благой совѣтъ и раскрылъ ему Свою волю, „ибо въ этомъ дѣлѣ мы преслѣдуемъ славу Божию, пользу церкви и благополучіе имперіи“.

Между тѣмъ, въ Германіи разгорѣлась кровопролитная война между соперниками; Иннокентій же съ проповѣдью мира на устахъ оставался хладнокровнымъ зрителемъ ея, выжидалъ удобнаго момента, чтобы выступить не примирителемъ, а вершителемъ распри князей.

Роль примирителя взялъ на себя другой—архіепископъ Майнцскій Конрадъ, вернувшійся осенью 1199 года съ Востока. Онъ видѣлся въ Римѣ съ папою, но результатъ этого свиданія намъ неизвѣстенъ. Конрадъ въ 1196 году принесъ клятву вѣрности маленькому Фридриху, котораго его отецъ, Генрихъ VI, провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ, и пытался уговорить соперниковъ уступить ему мѣсто. Это было во всѣхъ отношеиіяхъ несбыточной мечтой и Конраду удалось лишь уговорить обѣ стороны участвовать въ сѣздѣ 8 комиссаровъ съ каждой стороны подъ его предсѣдательствомъ для рѣшенія спорнаго вопроса. Сѣздъ былъ назначенъ на 28 іюля на берегу Рейна близъ Андернаха.

Иннокентій не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ такого рѣшенія вопреки его громогласному манифесту, что рѣшеніе должно быть предоставлено ему, и онъ поспѣшилъ отправить въ Германію своимъ легатомъ дьякона Эгидія съ посланіемъ къ князьямъ. Это посланіе—образчикъ дипломатическаго искусства, какъ по отношеиію къ тому, чего оно требуетъ, такъ и того, что оно маскируетъ*). Не настаивая болѣе на томъ, что избраніе кандидата должно быть предоставлено ему, Иннокентій „приглашаетъ“ князей и въ то же время „приказываетъ“ имъ, ради отпущенія ихъ грѣховъ, внимательно взвѣсить, кого, по его энергіи и честности, „мы можемъ и должны вѣнчать императоромъ“, такъ какъ, по нынѣшнимъ временамъ, и имперія нуждается въ энергическомъ правителѣ и церковь не можетъ долѣе обходиться безъ справедливаго и осмотрительнаго защитника.

Больше мѣста, чѣмъ вопросъ о достоинствахъ кандидатовъ, занимаетъ въ посланіи Иннокентія разсужденіе объ ихъ относительныхъ правахъ. Это разсужденіе облечено въ форму состязатель-

---

*) Registrum de Negotio Romani Imperii № 21 безъ даты.

наго процесса, происходившаго на судѣ у папы. Никто изъ соперниковъ не названъ, но намѣреніе Иннокентія ясно просвѣчивается. Рѣчь, касающаяся Оттона, защитительная; рѣчь, касающаяся Филиппа—обвинительная. О Филиппѣ сказано, что, хотя за него высказалось большинство и онъ былъ вѣнчанъ, но не тѣмъ, кто имѣлъ на это право, и не тамъ, гдѣ это должно было происходить, ибо архіепископъ Тарантазіи былъ иноземецъ. Далѣе Филиппу ставится въ вину, что онъ принялъ власть, вопреки своему обязательству и не получивъ разрѣшенія на это отъ папы. Здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду присяга вѣрности маленькому Фридриху. Затѣмъ, что онъ былъ отлученъ отъ церкви Целестиномъ, а снято было съ него отлученіе не по формѣ, предписанной Иннокентіемъ. Наконецъ, что присвоеніе имъ власти послужить въ ущербъ свободѣ Германіи; ибо, такъ какъ его братъ, Генрихъ, наследовалъ отцу, а онъ наследуетъ брату, свобода избранія императора князьями погибнетъ.

Что же касается до другого кандидата (Оттона), то въ посланіи Иннокентія лишь сказано, что онъ получилъ вѣнчаніе короною отъ руки того, кто имѣлъ на это власть и въ томъ мѣстѣ, гдѣ подобаеть.

Но и это посланіе Иннокентія къ князьямъ прошло безслѣдно, можетъ быть, даже повредило дѣлу Оттона, ибо приверженцы Филиппа, которыхъ было большинство, могли изъ него заключить, что легатъ папы на сѣздѣ рѣшительно будетъ клонить дѣло въ пользу Оттона. Во всякомъ случаѣ, сѣздъ въ назначенный срокъ не состоялся по причинамъ не указаннымъ въ источникахъ того времени. А въ октябрѣ того же года умеръ и архіепископъ Конрадъ Майнцскій.

* * *

Чувствуя, что его положеніе ухудшается, Оттонъ обращается къ папѣ со слезной мольбой вступиться за него, пока еще не все пропало. „Это будетъ лучше, чѣмъ прибѣгать къ лѣкарству тогда, когда дѣло будетъ проиграно. Врачи могутъ помочь больному, но не въ состояніи воскресить его послѣ его смерти“.

Нуждаясь въ помощи папы, Оттонъ на этотъ разъ уже опредѣленно высказываетъ свое согласіе признать всѣ требованія папы по отношенію къ нему. „Я готовъ исполнить въ полнотѣ и во всемъ условія, которыя мои представители приняли съ согласія Вашего Святѣйшества, и обязываюсь соблюдать ихъ всегда“. При такихъ

условіяхъ Иннокентій начинаетъ открыто дѣйствовать за Оттона. Узнавши, что архіепископъ Кёльнскій, главный виновникъ возвышенія Оттона, начинаетъ колебаться въ вѣрности ему, папа въ рѣзкомъ тонѣ предупреждаетъ его, что до него доходятъ самые странные и непріятные слухи о немъ. Онъ побуждаетъ герцога Брабантскаго, обѣщавшаго выдать за Оттона свою дочь, поспѣшить свадьбою ея, и успокоиваетъ совѣсть герцога относительно близкаго родства молодой четы. Диспенсация не замедлитъ быть выдана ей. Онъ требуетъ, чтобы Іоаннъ Безземельный выплатилъ Оттону деньги, завѣщенные ему Ричардомъ, и предписываетъ своему легату Октавяну отвергнуть мирный договоръ, заключенный между Филиппомъ Августомъ и Іоанномъ, въ виду того, что въ немъ заключалась статья, невыгодная для Оттона.

Но Иннокентій не удовольствовался такими мѣрами для поддержки своего кліента. Онъ счелъ нужнымъ использовать моментъ, чтобы выступить публично вершителемъ судебъ царей и представить міру торжественное зрѣлище суда намѣстника Божія надъ властителями земли. Въ Римѣ былъ составленъ официальный актъ подъ заглавіемъ: „Обсужденіе господиномъ папою Иннокентіемъ дѣла имперіи относительно трехъ ея избранниковъ“ ¹⁾. Въ этомъ документѣ дѣло каждаго изъ кандидатовъ разсматривалось съ точки зрѣнія трехъ вопросовъ: законности (*quid liceat*), сообразности (*quid deceat*) и интереса церкви. И по аналогіи съ схоластическими диспутами по каждому изъ этихъ вопросовъ выставлялись доводы сначала *за*, потомъ *противъ*. Разсужденіе поражаетъ мѣстами своей искренностью: папа приводитъ въ пользу нежелательныхъ ему кандидатовъ доводы, повидимому, неопровержимые; но эти доводы затѣмъ исчезаютъ въ изумительной казуистикѣ.

Первымъ выводится на папскій судъ младенецъ Фридрихъ. Его избраніе законно; князья произвели его при жизни отца и подкрѣпили присягою. И нельзя сказать, чтобы присяга была подневольная, ибо Генрихъ освободилъ ихъ потомъ отъ этой присяги и въ его отсутствіи они добровольно и единогласно снова признали избраніе состоявшимся. Съ другой стороны, было бы недостойно лишить царства того, кто состоитъ подъ опекой и покровительствомъ папы. Наконецъ, въ третьихъ, это было бы и не въ интересахъ церкви, такъ какъ Фридрихъ, возмужавши и сознавъ, что онъ былъ лишенъ имперіи по винѣ церкви, пере-

---

¹⁾ Deliberatio papae Domini Innocentii etc. Opera III. 1025.

сталъ бы уважать папу, повиноваться ему и соблюдать вассальную отъ него зависимость Сицилійскаго королевства.

Но вотъ и обратная сторона: избраніе Фридриха *незаконно*, потому что онъ избранъ былъ ребенкомъ, даже еще до крещенія. Присяга, ему данная, поэтому необязательна. Можно сказать, что избиратели имѣли въ виду предоставить ему власть лишь по достиженіи совершеннолѣтія. Но какъ знать, будетъ ли онъ въ этомъ возрастѣ въ состояніи управлять? Можетъ быть онъ будетъ неспособенъ исполнять даже какую-нибудь низшую обязанность. Затѣмъ случилось непредвидѣнное обстоятельство, подрывающее данную при его избраніи присягу: смерть его отца. Имперія не можетъ быть управляема по порученію, немислимъ исполняющій должность императора. *Церковь не можетъ и не хочетъ обойтись безъ настоящаго императора.* Поэтому законно избрать другого кандидата. Это же и цѣлесообразно, ибо какимъ образомъ можетъ управлять другими тотъ, кто самъ нуждается въ томъ, чтобы имъ управляли. Развѣ несовершеннолѣтній можетъ защищать христіанство? Скажутъ, что опека надъ Фридрихомъ поручена папѣ, но лишь въ качествѣ короля Сициліи, а не въ качествѣ императора. А главное то, что интересъ Рима не допускаетъ, чтобы Фридриху была поручена для управленія имперія, ибо это значило бы присоединеніе Сициліи къ Германіи,—обстоятельство, пагубное для церкви.—„Императорское достоинство помѣшало бы Фридриху признать себя вассаломъ нашимъ въ качествѣ короля Сициліи; онъ отказалъ бы намъ въ присягѣ феодальной вѣрности, какъ и отецъ его намъ въ этомъ отказалъ“.

Здѣсь ясно высказано, что германскіе князья должны отказаться отъ избранія императоромъ уже признаннаго ими въ такомъ званіи Фридриха—*потому* только, что это можетъ служить къ ущербу *свѣтской* власти папы!

Обратимся ко второму кандидату, Филиппу: Иннокентій признаетъ, что его избраніе несомнѣнно законно, такъ какъ подала голоса за него самая многочисленная и могущественная часть князей. Затѣмъ не приличествовало бы церкви бороться противъ него, такъ какъ можно было бы думать, что она противодѣйствуетъ ему изъ личной мести. Ибо карать его за преступленія его отца и брата Генриха было бы несогласно съ Евангеліемъ, предписывающимъ любить тѣхъ, кто васъ преслѣдуетъ. Наконецъ, несомнѣнно, что признаніе его было бы выгодно для Рима. Онъ могущъ и богатъ. Итти ему наперекорь—значило бы останавливать потокъ, навлечь на церковь страшную вражду и увѣковѣчить раз-

доръ, „а обязанность святѣйшаго престола—искать прежде всего мира и его легко было бы обезпечить, высказавшись за Филиппа“.

Какъ изъ этого видно, схоластическій методъ аргументаціи и присущее ему краснорѣчіе увлекли Иннокентія до полного самообличенія. Если первая обязанность церкви—установленіе мира и онъ легко могъ бы быть обезпеченъ признаніемъ Филиппа,—то какъ можно было колебаться относительно его признанія? Но глава церкви какъ бы нарочно ставитъ себѣ цѣлью доказать, какъ онъ далекъ отъ представленія, что церковь есть земное отраженіе Божьяго царства на землѣ.

За краткимъ указаніемъ доводовъ въ пользу Филиппа слѣдуетъ длинное перечисленіе противоположныхъ доводовъ, интересныхъ потому, что они доказываютъ, какими чисто земными, свѣтскими интересами руководился этотъ преемникъ апостола Петра. Избраніе Филиппа папа признаетъ незаконнымъ, такъ какъ въ моментъ избранія онъ былъ отлученъ отъ церкви. Правда, до избранія Филиппа съ него была, по порученію папы, снята эта церковная кара, но, заявляетъ папа, это было совершено съ нарушеніемъ каноническихъ правилъ и потому не можетъ считаться состоявшимся. Какъ слабъ этотъ аргументъ, видно изъ того, что папа находитъ нужнымъ подкрѣпить его еще болѣе слабымъ,—а именно, что Филиппъ, кромѣ того, включенъ въ анаемъ, поразившую Маркварда и всѣхъ защитниковъ имперіи въ Италіи. Папа ставитъ ему въ вину даже клятвopреступленіе, такъ какъ онъ ранѣе присягнулъ своему племяннику, а теперь присвоилъ себѣ его званіе и власть. Но за этимъ идетъ главный аргументъ съ точки зрѣнія папы: если бы было дозволено Филиппу наслѣдовать Генриху, то это значило бы признать императорскую власть наслѣдственной. Достаточно уже того, что Фридрихъ Барбаросса передалъ свою власть сыну, а тотъ пытался обезпечить ее за своимъ сыномъ. Такая практика могла бы создать законный обычай и превратить въ наслѣдственное достояніе то, что должно быть слѣдствіемъ добровольнаго признанія. Но наслѣдственность противорѣчила бы праву папы одобрять императора и облекать его властью. Поэтому, заключаетъ Иннокентій, необходимо противодѣйствовать Филиппу, ибо утвердить за нимъ наслѣдственность было бы то же, что вооружить бѣшеннаго и вручить ему мечъ на нашу гибель“.

Для подтвержденія несомѣстности избранія Филиппа съ интересами церкви Иннокентій этого даетъ пространный обзоръ обидъ, нанесенныхъ церкви въ лицѣ ея главы членами рода Гогенштауфеновъ, къ которымъ онъ причисляетъ и предше-

ствовавшую имъ франконскую династію. Уже и самъ Филиппъ воевалъ противъ папы Целестина III, и, сдѣлавшись герцогомъ тосканскимъ, заявилъ, что его власть простирается до воротъ Рима и даже захватываетъ Трастеверь¹⁾. Что же будетъ, когда онъ сдѣлается императоромъ? Поэтому нужно въремя положить предѣлъ его насиліямъ. Св. Писаніе учитъ насъ, что въ родѣ царей израильскихъ сыновья часто должны были искупать преступленія своихъ отцовъ до третьяго и четвертаго поколѣнія.

По исключеніи двухъ кандидатовъ остается избрать третьяго. Но Иннокентій продѣлываетъ и на этомъ кандидатѣ свой схоластическій экспериментъ. Впрочемъ, доводы *contra* здѣсь очень кратки: нельзя признать законнымъ избраніе Оттона, такъ какъ на его сторонѣ было лишь меньшинство избирателей; и неудобно было бы это потому, что казалось бы, что папа дѣлаетъ это изъ ненависти къ его сопернику; наконецъ, это не въ интересахъ Рима, такъ какъ партія Гвельфовъ безсильна. Но противные этому доводы берутъ верхъ и папа высказывается за Оттона въ безконечной тирадѣ, въ которой факты затемнены и искажены казуистикой, политическіе мотивы софистически скрыты за религіозными соображеніями, поддерживаемыми текстами Писанія. „Такъ какъ равное или даже большее число изъ тѣхъ, которыхъ касается избраніе императора, склонилось, какъ извѣстно, въ пользу Оттона (?); такъ какъ годность и достоинство избираемаго должны быть приняты въ соображеніе не менѣе и даже болѣе, чѣмъ число избирателей, и не столько важно численное большинство со стороны избирающихъ, сколько здравое ихъ разсужденіе; такъ какъ Оттонъ болѣе пригоденъ къ управленію имперіи, чѣмъ Филиппъ, въ силу того, что Господь караетъ грѣхи отцовъ въ потомкахъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна, если они ненавистники его; Филиппъ же подражаетъ грѣхамъ предковъ своихъ въ притѣсненіи церкви, и хотя мы и не должны за зло воздавать зломъ, но оказывать благодѣяніе обидѣвшимъ насъ, мы, однако, не обязаны вознаграждать почестями за оскорбленіе тѣхъ, кто пребываетъ въ обычной къ намъ враждебности, и не должны вооружать противъ себя умоизступленныхъ; и такъ какъ, наконецъ, Господь, какъ видно изъ Писанія, чтобы сокрушить гордеца, избралъ скромнаго и принялъ въ царя Давида, то очевидно, что и намъ позволительно, и намъ слѣдуетъ, и намъ полезно выказать Оттону нашу апостольскую благосклонность“.

---

¹⁾ Т.-е. слободу Рима на сѣверѣ отъ Тибра.

Это схоластическое хитросплетеніе, какъ видно, мало достойно таланта и высокаго положенія Иннокентія. Но историкъ обязанъ напомнить о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находился папа и которое обусловливалось антиноміей, лежавшей въ идеѣ священной римской имперіи. Папа Левъ III возстановилъ западную римскую имперію въ лицѣ Карла Великаго потому, что нуждался въ его поддержкѣ. Но римскій императоръ не могъ обойтись безъ правъ свѣтской власти надъ Римомъ и надъ Италіей. Это былъ тотъ рокъ, который привлекалъ туда какъ саксонскихъ, такъ франконскихъ и швабскихъ императоровъ и создалъ неразрѣшимую задачу размежевать въ области свѣтской власти императора и папу, который съ своей стороны стремился основать въ Италиіи свѣтское государство. Иннокентію пришлось скоро испытать на себѣ послѣдствія этой антиноміи.

Рѣшившись открыто стать на сторону Оттона, Иннокентій отправилъ въ началѣ 1201-го года кардинала-епископа Палестрины для переговоровъ съ Оттономъ. Кардиналу пришлось, избѣгая южной Германіи, ѣхать черезъ Францію и 8-го іюня 1201-го года, встрѣтившись съ Оттономъ въ городѣ Нейсѣ (Neuss) близъ Кёльна, онъ и заключилъ съ нимъ договоръ, вполне соответствовавшій желаніямъ папы. Оттонъ клятвенно обязался предоставить папѣ въ собственность вотчину св. Петра, экзархатъ Равенскій, мархію Анконскую, никогда не принадлежавшую къ церковной области, герцогство Сполетское, земли графини Матильды и всѣ прочія сосѣднія территоріи, поименованныя въ многочисленныхъ привилегіяхъ императоровъ. Оттонъ оставлялъ за собою лишь право остановки въ этихъ областяхъ на пути въ Римъ для коронаціи. Онъ далѣе обязался поддержать папство въ Сициліи и предоставить ему полную свободу устанавливать свои отношенія къ римскому народу и къ лигамъ городовъ въ Тосканѣ и въ Ломбардіи, другими словами—отдать папѣ всю Италію. Послѣ этого кардиналъ направился съ Оттономъ въ Кёльнъ, гдѣ торжественно объявилъ въ соборѣ Оттона назначеннымъ папою—римскимъ королемъ и отлучилъ отъ церкви всѣхъ его противниковъ. Кардиналъ звалъ на это церковное торжество всѣхъ германскихъ князей, но ихъ прибыло очень мало, даже изъ числа приверженцевъ Оттона, какъ писалъ кардиналъ папѣ, „изъ ненависти къ римской церкви“. Эти слова кардинала становятся понятны въ виду притязаній, заявленныхъ папскимъ легатомъ. Несмотря на то, что Оттонъ по избраніи князьями уже былъ вѣнчанъ на царство, кардиналъ настаивалъ на томъ, что произведенное имъ новое вѣнчаніе не есть лишь папское благословеніе, а *новое* вѣнчаніе, и даетъ Оттону титулъ „короля рим-

лянь милостью Божіей и папы“.—Затѣмъ кардиналь разослалъ князьямъ письма, адресованныя имъ папою, въ которыхъ Иннокентій всѣми способами старался привлечь ихъ къ Оттону.

Однихъ онъ успокоивалъ, что избраніе Оттона не будетъ служить имъ къ ущербу, другимъ писалъ,—что оно доставитъ имъ славу и выгоду. Герцогу Церингенскому, вступившему въ тайныя сношенія съ папой, Иннокентій грозилъ, что если онъ теперь не станетъ открыто на сторону Оттона, то онъ сочтетъ его письма за насмѣшку надъ римской церковью, чего онъ не допустить безнаказанно.

Герцогу Богемскому, примкнувшему къ Филиппу, въ надеждѣ получить отъ него королевскій титуль,—Иннокентій пишетъ, что герцогъ швабскій не можетъ дать званіе, котораго самъ не имѣетъ; только папѣ принадлежитъ право придать его королевскому титулу наслѣдственность.

Иннокентій требуетъ поддержки Оттону у короля Англій, и даже старается привлечь на его сторону Филиппа-Августа, соперника Филиппа Швабскаго. Онъ увѣряетъ его, что изо всѣхъ христіанскихъ государей онъ питаетъ къ нему особенную нѣжность, и пугаетъ его тѣмъ, что если Филиппъ сдѣлается императоромъ, то захочетъ завладѣть Сициліей, что рѣшительно невыгодно для Франціи.

Кардиналь-епископъ Палестрины увѣрялъ папу, что если бы только всѣ *духовные* князья приняли сторону Оттона, то его успѣхъ былъ бы быстро обезпеченъ. Это утвержденіе заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что количество и значеніе духовныхъ князей въ Германіи до нѣкоторой степени оправдываетъ притязанія папы управлять Германіей, въ качествѣ главы церкви. Но дѣло было въ томъ, что подобно самому папѣ и епископы Германіи обладали свѣтской властью и поэтому ихъ интересы не всегда сходились съ папскими. Они были князьями той имперіи, надъ которой Иннокентій хотѣлъ поставить государя по своему усмотрѣнію независимо отъ воли князей. Вотъ почему мы находимъ двухъ архіепископовъ, 11 епископовъ и 3 князей-аббатовъ въ числѣ свѣтскихъ князей, собравшихся 8 сентября 1201 г. въ Бамбергѣ, чтобы протестовать противъ вмѣшательства папы въ дѣла имперіи. Въ собраніи участвовали самые могущественные изъ свѣтскихъ князей Германіи, король Богеміи, герцогъ Церингенскій и правитель Бургундіи, герцоги Саксоніи, Австріи и Мерана (Тироль), маркграфы Моравіи, Мышніи (теперешняя Саксонія), Бранденбурга, ландграфъ Тюрингенскій и разные графы. Результатомъ ихъ совѣщанія была грозная отвѣдь Иннокентію.

Они пишутъ ¹⁾, что разумъ отказывается понять и самая ограниченная простота не въ состояніи повѣрить тому, что ниспроверженіе всякаго права исходить изъ того самаго мѣста, которое было доселѣ нерушимую твердынею права. У кого сердце настолько жестко и чувство такъ извращено, чтобы допустить, что неправда исходить отсюда, гдѣ должна царить святость? Ибо Божіимъ Промысломъ, а не волею людской установлено—ради благочестія и спасенія, чтобы въ городѣ Римѣ, когда-то главѣ севѣрія, царила святость. Весь міръ долженъ молиться о томъ, чтобы конецъ не походилъ на начало и *omega* не обратилась въ *альфу*.

Въ виду этого князья позволяютъ себѣ усомниться, чтобы „слишкомъ неприличныя дѣйствія“ папскаго легата, епископа Палестрины, „проистекали изъ удивительно мудрой совѣсти“ папы и одобрялись святой коллегіей кардиналовъ. Кто когда-либо слышалъ о такой дерзости? Кто рѣшится засвидѣтельствовать, что такія дѣла когда либо совершались, дѣла, какихъ нельзя найти ни въ преданіи, ни въ исторіи, ни въ какой либо связкѣ грамотъ? Гдѣ вы читали, верховный поитифексъ, когда вы слышали, святые отцы, кардиналы вселенской церкви, чтобы ваши предшественники или ихъ посланцы вмѣшивались въ избраніе римскихъ королей, чтобы они брали на себя роль избирателей, или слѣдственнаго судьи надъ избирателями?

Обличивъ такимъ патетическимъ способомъ притязанія куріи, князья въ своей грамотѣ съ большимъ достоинствомъ противопоставляютъ этому великодушіе и корректность императоровъ по отношенію къ папству. Они утверждаютъ, что избраніе римскаго первосвященника не могло состояться безъ согласія (*auctoritate*) императора. Но, радѣя о церкви, императоры поступились своимъ правомъ и въ подтвержденіе этого князья приводятъ въ своемъ посланіи текстъ указа Генриха I, воспрещавшаго королевскимъ посланъ (*missi*) какое-либо вмѣшательство въ избраніе папы. „Но если, спрашиваютъ князья, простота мірянъ благочестиво пренебрегла принадлежавшимъ имъ правомъ, то можетъ ли папская святость присвоить себѣ право, которымъ она никогда не обладала“? На этомъ основаніи князья жалуются папѣ на образъ дѣйствія его легата, который взялъ на себя несвойственную ему роль слѣдственнаго судьи (*cognitor*). Ибо, поясняютъ князья, если въ дѣлѣ избранія римскаго короля произошелъ расколъ, то нѣтъ для этого верховнаго судьи, приговоръ котораго подлежалъ бы испол-

---

¹⁾ Registrum № 61. Opera III, 1063.

ненію. И расколъ можетъ быть устраненъ лишь волею избирателей. Князья указываютъ намѣстнику Христову на авторитетъ, которому онъ долженъ слѣдовать: Посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, человѣкъ Иисусъ Христосъ самъ разграничилъ обязанности обѣихъ властей—для того, чтобы тотъ, кто служить Богу, отнюдь не впутывался въ свѣтскія дѣла, а тотъ, кто обремененъ свѣтскими дѣлами, не вздумалъ рѣшать божественныя дѣла.

Въ заключеніе князья напоминаютъ папѣ, что они избрали Филиппа римскимъ королемъ единогласно и единодушно и берутъ на себя ручательство, что онъ не выйдетъ изъ повиновенія римскому престолу, будетъ почтительнымъ сыномъ и ревностнымъ защитникомъ папы. Въ силу этого они просятъ Иннокентія, чтобы онъ не отказался исполнить своевременно и въ своемъ мѣстѣ лежащую на немъ обязанность помазанія Филиппа въ Императоры. Такъ завязалась переписка чрезвычайно знаменательная въ исторіи борьбы папства съ имперіей.

* * *

Иннокентій поступилъ, какъ дипломатъ. Онъ отвѣтилъ не князьямъ, а одному изъ нихъ, герцогу Церингенскому, тайному сопернику Филиппа Швабскаго ¹⁾. Папа заявляетъ ему, что вполне признаетъ право князей избирать короля, признаетъ это тѣмъ охотнѣе, что они получили это право отъ папства, ибо это апостольскій престолъ перенесъ имперію отъ грековъ къ нѣмцамъ въ лицѣ Карла Великаго. А что еслибы князья, не говоря уже о расколѣ, но въ полномъ согласіи между собой избрали въ короли виновнаго въ святотатствѣ или отлученнаго отъ церкви, тирана или идіота, еретика или язычника,—развѣ мы, спрашиваетъ папа, были бы обязаны помазать, посвятить и короновать такого человѣка?—отнюдь нѣтъ! И такъ, не отрицая правъ князей, папа присвоиваетъ себѣ въ качествѣ высшаго цензора безусловное право кассировать избраніе короля. И сами князья, утверждаетъ папа, должны признать и признаютъ, что право и власть подвергнуть оцѣнкѣ (examinandi) избранника, подлежащаго вѣнчанію въ императоры, принадлежатъ тому, кто совершаетъ надъ нимъ помазаніе, кто его посвящаетъ и вѣнчаетъ. Вѣдь вездѣ и всегда принято, что право оцѣнки лица принадлежитъ тому, кому

¹⁾ Ibid № 62.

предоставлено рукоположеніе. При этомъ папа отводитъ себѣ чрезвычайно обширный кругъ власти, такъ какъ неугоднаго ему избранника легко было подвести подъ понятіе тирана или отлученнаго отъ церкви. Съ такой же казуистикой онъ защищаетъ своего легата, указывая, что онъ не выступалъ избирателемъ, а если былъ судьей, то не надъ избирателями, а надъ избраннымъ. Одобряя его образъ дѣйствія, папа открыто выступаетъ сторонникомъ Оттона, называя его королемъ, а Филиппа—герцогомъ. Легатъ, говоритъ папа, исполнилъ лишь обязанность провозвѣстника: онъ возвѣстилъ, что герцогъ недостоинъ царства, Оттонъ достоинъ его не столько ради избравшихъ его, сколько въ виду достоинствъ избранника. „И такъ какъ герцогъ былъ помазанъ и вѣнчанъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и не тѣмъ, кому бы слѣдовало, а король—тамъ, гдѣ слѣдовало, т.-е. въ Ахенѣ, и тѣмъ, кому слѣдовало, т.-е. достопочтеннымъ братомъ нашимъ Кельнскимъ архіепископомъ, то мы не Филиппа, а Оттона считаемъ и объявляемъ королемъ—по всей справедливости“.

Затѣмъ папа чрезвычайно искусно разыгрываетъ тотъ козырь, который долженъ былъ побить герцога Церингенскаго: „Если Филиппъ наслѣдуетъ Генриху, то имперія станетъ наслѣдственной; а братъ императоровъ только изъ этой семьи—значило бы несправедливо лишить всякой надежды на царство вельможъ Германіи, которые могутъ соперничать съ герцогомъ Швабскимъ и благородствомъ происхожденія и могуществомъ“. Папа объявляетъ, что присяга, данная герцогу Швабскому, не имѣетъ силы, „ибо никто изъ людей въ здоровомъ умѣ не усомнится, что нашему суду подлежить рѣшеніе вопроса, законна или не законна была та присяга и потому слѣдуетъ ли ее соблюдать или не слѣдуетъ“. А такъ какъ, пишетъ папа, онъ ни въ какомъ случаѣ не отступить отъ своего намѣренія и твердо будетъ на немъ стоять, то онъ убѣждаетъ герцога Церингенскаго, какъ и другихъ князей, стать на сторону Оттона. Тѣ, кто отзовутся на этотъ его призывъ, первые воспользуются милостями Оттона, и благосклонность Рима будетъ имъ наградою.

Несмотря на все свое дипломатическое искусство, Иннокентій въ своихъ письмахъ впадаетъ въ противорѣчія и промахи.

Такъ, напримѣръ, убѣждая епископа Кельнскаго не отрекаться отъ Оттона, онъ пишетъ ему, что церковь не одна борется за него. Помимо князей Германіи, приставшихъ къ Оттону, почти вся Италія за него; а Италія, „гдѣ наша воля господствуетъ, не мало-важная часть имперіи“. Но, утверждая, что Италія часть имперіи, Иннокентій долженъ былъ признать право императора на свѣт-

скую власть въ Италіи и этимъ осудить свою попытку захватить эту власть. Точно также, получивши письмо отъ Филиппа Августа въ пользу Филиппа Швабскаго, написанное въ довольно грубомъ тонѣ, Иннокентій предостерегаетъ его отъ союза „съ этимъ родомъ коварныхъ враговъ“ и совѣтуетъ ему не льстить себя надеждой смягчить ихъ. „Тигры не приручаются“

Папа едва ли предвидѣлъ, что недолго спустя онъ самъ войдетъ въ сношенія съ этимъ тигромъ!

Иннокентій, однако, не даромъ отправилъ въ Германію своего кардинала. Этому искусному дипломату удалось мало-по-малу поодиночкѣ сманить много князей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ на сторону Оттона—ландграфа Тюрингенскаго и короля Богемскаго. Оттонъ уже назначилъ день для сейма, на которомъ онъ ждалъ прибытія переходившихъ на его сторону князей Австріи и Баваріи. Иннокентій уже торопилъ князей собираться въ путь—для коронованія Оттона. Онъ могъ гордиться тѣмъ, что далъ Германіи императора по своему выбору и провель принципъ, что епископы и въ политическихъ вопросахъ обязаны къ безусловному повиновенію папѣ. Оттонъ съ своей стороны торжествовалъ. Собираясь вторгнуться съ своимъ войскомъ въ родовыя владѣнія Гогенштауфеновъ, онъ горячо благодарилъ папу за оказанную ему помощь.

Онъ просилъ также Иннокентія указать съѣзду, созванному на Срѣтеніе 1204 года, тѣ мѣры, которыя онъ считаетъ нужными. „Ибо мы желаемъ, я и вожди имперіи, во всемъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ и дѣйствовать лишь по вашимъ предписаніямъ“.

Въ отвѣтъ на это Иннокентій совѣтуетъ ему быть осмотрительнымъ и благоразумнымъ и въ особенности не вѣрять ложнымъ слухамъ, которые могутъ ему внушить недовѣріе къ Риму. Но надежды Оттона не сбылись. Его родной братъ—пфальцграфъ Генрихъ—первый отпалъ отъ него. Филиппъ Швабскій военными дѣйствіями предупредилъ Оттона и вторгся въ Тюрингенъ, что заставило ландграфа Германа Тюрингенскаго и короля Богемскаго отречься отъ союза съ Оттономъ.

Но главный ударъ нанесъ ему тотъ, кому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, польстившись на деньги, которыми король Ричардъ заманилъ его въ пользу своего племянника,—архіепископъ Кельнскій.

За 9000 марокъ и разныя другія выгоды, этотъ прелать перешелъ на сторону Филиппа Швабскаго. Его примѣру послѣдовалъ и могущественный герцогъ Брабантскій.

Иннокентій дѣлалъ все возможное, чтобы предотвратить ката-

строфу; принятыя имъ мѣры заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что въ нихъ проявляется полное смѣшеніе духовнаго съ земнымъ и примѣненіе церковныхъ каръ для достиженія политическихъ выгодъ.

Такъ, узнавъ, что герцогъ Брабантскій, обѣщавшій выдать свою дочь за Оттона, желаетъ породниться съ Филиппомъ Гогенштауфеномъ, Иннокентій противится этому и грозитъ герцогу и герцогинѣ Брабантскимъ, что если они помѣшаютъ браку ихъ дочери съ Оттономъ, то ихъ постигнетъ отлученіе отъ церкви, а ихъ страну—интердиктъ.

Когда Вольфгеръ, епископъ Пассаускій, былъ избранъ патриархомъ Аквилейскимъ, Иннокентій потребовалъ отъ этого горячаго приверженца Филиппа подписки, что онъ будетъ сообразоваться съ папскою политикою въ вопросѣ объ императорѣ въ Германіи, и грозилъ въ противномъ случаѣ лишить его сана. Генриха, брата Оттона, Иннокентій упрекаетъ въ томъ, что онъ на вѣки вѣковъ обезславилъ свой родъ. Папа требуетъ, чтобы онъ сохранилъ вѣрность Оттону, въ противномъ же случаѣ онъ подвергнется отлученію, а его графство—интердикту. Каждое воскресенье этотъ приговоръ будутъ объявлять при звонѣ колоколовъ, пока онъ не дастъ церкви полнаго удовлетворенія.

Когда же, несмотря на это, архіепископъ Кельнскій короновалъ 6-го янв. 1205 г. Филиппа Швабскаго въ Ахенѣ преемникомъ Карла Великаго, перуны Иннокентія поразили всѣхъ участниковъ этой церемоніи.

Какъ образчикъ папскихъ перуновъ, приведемъ два письма Иннокентія къ архіепископу Трира, нѣкогда столичнаго города западной части Римской имперіи. Недовольный слабой поддержкой, оказанной архіепископомъ папскому легату въ дѣлѣ Оттона, Иннокентій ему пишетъ: „Мы слышали, что ты относишься небрежно къ нашему приказанію и, позабывъ о данной тобою ¹⁾ клятвѣ, слишкомъ откладываешь или вовсе не исполняешь того, что ты клятвенно обѣщаль“. Въ виду этого папа ему строго предписываетъ, чтобы онъ вѣрно и безъ колебаній служилъ королю Оттону и помогалъ ему всѣми силами и открыто (*patenter et potenter*). Въ противномъ случаѣ легатъ, по приказанію папы, будетъ предавать его анаемѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при звонѣ колоколовъ и горящихъ свѣчахъ и обяжетъ всѣхъ прервать съ нимъ сношенія. Въ такомъ же смыслѣ папа пишетъ.

---

¹⁾ Reg. № 68.

другимъ своимъ „братьямъ“, архіепископамъ (Кёльнскому, Майнцскому, Безансонскому, Реймскому и Санскому). „Если же ты, грозить папа, и послѣ этого не будешь стараться объ исполненіи папскаго предписанія, то пусть безплодное дерево не безъ основанія опасается сѣкиры“. Въ противномъ же случаѣ папа общается своего брата такъ почитать и поддержать, что его не смогутъ поранить копья, которыхъ онъ боится.

Но такъ какъ это не помогло, папа повторилъ свою угрозу въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ „Такъ какъ не вѣдующее раскаянія сердце твое накапливаетъ надъ тобою гнѣвъ въ день гнѣвнаго суда и высокомеріе твое все возрастаетъ“ папа, повторивъ требованіе объ оказаніи помощи Оттону, повторяетъ угрозу о сѣкирѣ, которая „въ корнѣ срубить безплодное дерево, чтобы оно не занимало напрасно мѣста и не вредило негодною своею тѣнью цвѣтущему винограднику. Если же нѣкоторые изъ членовъ трирской церкви посмѣютъ оказывать тебѣ поддержку, мы ихъ дерзость такъ покараемъ, что ихъ наказаніе многимъ послужитъ предостереженіемъ; и если даже вся трирская церковь погрѣшитъ заступничествомъ за твое заблужденіе, мы позаботимся ее тѣмъ наказать, что перенесемъ честь митрополичьей кафедры, полученной ею отъ апостольскаго престола, въ другое мѣсто ради неблагодарности ея“.

Въ то же время Иннокентій дѣлаетъ послѣднюю попытку удержать на сторонѣ Оттона архіепископа Кёльнскаго. „Въ то время, пишетъ папа архіепископу Майнцскому ¹⁾, когда тѣ, кто не оказывалъ апостольскому престолу никакого или весьма малое почтеніе и повиновеніе, т.-е. греки, румыны, болгары и армяне, по Божіей милости возвращаются подъ нашу власть и попеченіе, для того, чтобы было единое стадо и единый пастырь, нашъ братъ Кёльнскій архіепископъ, притворяясь глухимъ, пренебрегаетъ нашими предписаніями, которыя мы столько разъ внушали ему насчетъ дорогого во Христѣ сына нашего, знатнаго короля Оттона, и, что еще хуже, почти совсѣмъ покинулъ его—и, что хуже всего, интригуетъ противъ него“. Негодованіе Иннокентія тѣмъ сильнѣе, что онъ приписываетъ архіепископу Адольфу отвѣтственность за щекотливое положеніе, въ которое попало папство вслѣдствіе неудачи, постигнувшей Оттона. „Ибо не онъ нашему совѣту, а мы его совѣту въ этомъ дѣлѣ послѣдовали и онъ завлекъ насъ на сторону этого короля, а не мы его, но если онъ

¹⁾ Reg. № 113, ст. 1116.

и покинетъ его безъ нашего согласія, мы короля ни въ какомъ случаѣ не оставимъ. Съ нимъ же тогда, какъ и съ нами, можетъ по заслугамъ исполниться слово евангелиста (Матв. XII)— „если слѣпой поведетъ слѣпого, оба упадутъ въ яму“. Если онъ этого желаетъ, то пусть самъ въ своей слѣпотѣ попадаетъ въ яму, мы же не желаемъ идти за слѣпыми“.

А такъ какъ это письмо не помогло, Иннокентій отлучилъ архіепископа Адольфа отъ церкви, смѣстивъ его и замѣнилъ другимъ. Однако, эта крайняя мѣра, это вопіющее злоупотребленіе церковной карой для политической цѣли ни къ чему не послужило. Въ сраженіи при Вассенбургѣ 27-го іюля 1206 г. Оттонъ былъ разбитъ Филиппомъ, поставленный на мѣсто Адольфа архіепископъ Бруно взять въ плѣнъ, городъ Кельнъ былъ принужденъ сдаться, а Оттонъ искать убѣжища въ Англіи.

* * *

Вопросъ объ отношеніяхъ священства и имперіи вступилъ съ этимъ въ новую фазу развитія. Папскому кандидату пришлось сойти со сцены. Отлученный отъ церкви соперникъ его объединилъ имперію и собирался вступить съ войскомъ въ Италію, чтобы осуществить въ ней свои права. Какого же образа дѣйствія держался Иннокентій въ эту критическую для него эпоху?

Папа продолжалъ величать своего ставленника „королемъ, избраннымъ въ императоры“, а его противника—герцогомъ. Онъ не переставалъ ободрять Оттона и обнадеживать его. Восхваляя его за то, что онъ признаетъ оказанныя ему римской церковью благодаренія и сознаетъ, что его дѣло пошло бы прахомъ, если-бы не рука папы и авторитетъ св. Петра, папа выражалъ радость тому, что Тотъ, чье мѣсто на землѣ онъ занимаетъ, милостиво одобрилъ его выборъ и возрастилъ то, что папа насадилъ и поливалъ. „Впрочемъ, оговаривается папа, одобрилъ Онъ не нашъ выборъ, а свой“. Затѣмъ Иннокентій предостерегаетъ Оттона, чтобы онъ отнюдь не вѣрилъ, если-бы ему было донесено что-нибудь неблагопріятное клеветниками, которые въ ущербъ ему замышляютъ вмѣшательство въ дѣло злыхъ ангеловъ ¹⁾. Когда дѣла Оттона пошли еще хуже, Иннокентій предостерегаетъ его, чтобы коварная злоба не вводила его въ обманъ, увѣряя его, что его къ нему расположеніе совершенно обезпечено на подобіе непо-

¹⁾ Registrum 107.

движной колонны ¹⁾. Одновременно съ этимъ Иннокентій не перестаетъ вербовать въ пользу Оттона могущественныхъ покровителей. Онъ два раза пишетъ по его дѣлу королю англійскому, настаивая, чтобы онъ послѣшилъ выслать Оттону деньги, завѣщанныя ему его дядей, королемъ Ричардомъ. Ради этой же цѣли онъ пишетъ архіепископу Йоркскому и епископамъ Ели, Дунелменскому и Вигорнскому ²⁾. Узнавъ, что Мюнстерскій епископъ, суфраганъ Кельнскаго архіепископа, колеблется въ своей вѣрности Оттону, Иннокентій выражаетъ свое негодованіе архіепископу, такъ какъ нѣтъ болѣе славнаго проявленія христіанской вѣры, какъ непоколебимая вѣрность клятвѣ Оттону, которую епископъ былъ обязанъ сдержать „мощно и всенародно“ (*potenter et patenter*) ³⁾. Жителямъ же Кельна, сохранившимъ вѣрность Оттону даже тогда, когда ихъ архіепископъ ему измѣнилъ, Иннокентій послалъ обширное и патетическое наставленіе, въ которомъ величаетъ архіепископа сыномъ Беллала, ихъ самихъ же сравниваетъ съ золотомъ въ печи, въ которой Господь испытываетъ своихъ избранныхъ и одобряетъ ихъ съ помощью читать, какъ изъ ветхаго завѣта, такъ и изъ языческой поэзіи, приводя стихъ Горациа:

Si fractus illabatur orbis
Impravidum ferient ruinae.

Съ другой стороны, Иннокентій былъ слишкомъ предусмотрительный политикъ, чтобы не принимать мѣръ, которыя могли привести къ сдѣлкѣ между нимъ и побѣдителемъ Оттона. Филиппъ давно изъяснялъ на это готовность. Еще въ 1203 году былъ составленъ, по его приказанію, перечень уступокъ съ его стороны. Онъ обѣщаль совершить крестовый походъ, возратить церковныя владѣнія, отказаться отъ *столій*, т.-е. отъ права императора на наслѣдство епископовъ, соблюдать каноническіе выборы епископовъ, предавать государственной опалѣ отлученныхъ отъ церкви и т. д. Но кромѣ такихъ спорныхъ дѣлъ папу и императора раздѣляли и личные вопросы—преимущественно замѣщеніе двухъ главныхъ архіепископскихъ кафедръ въ Германіи, имѣвшихъ важнѣйшее политическое значеніе—Майнцской и Кельнской. Въ Майнцѣ по смерти Конрада капитуломъ былъ избранъ почти единогласно приверженецъ Филиппа, Вормскій епископъ Луипольдъ, но одинъ изъ отсутствовавшихъ избирателей—Сигфридъ—апеллировалъ къ папѣ, который кассировалъ избраніе и за непослуша-

¹⁾ Ib. № 133.

²⁾ Ib. 132. 134.

³⁾ Ib. 135.

ніе отлучилъ отъ церкви Луипольда, а на его мѣсто провель Сигфрида. Въ Кёльнѣ же послѣ отпаденія Адольфа отъ Оттона Иннокентій такъ возненавидѣлъ архіепископа, что восклицалъ въ своихъ буллахъ: „О, еслибы этотъ человѣкъ не родился на свѣтъ!“—и лишилъ его престола, а на его мѣсто провель своего приверженца Бруно, который, однако, во время войны былъ взятъ въ плѣнъ Филиппомъ.

Не считая возможнымъ обращаться къ Филиппу, какъ къ отлученному отъ церкви, Иннокентій поручилъ патриарху Аквилей Вольфгеру, приверженцу Филиппа, увѣщать его, чтобы онъ не поддерживалъ Луипольда и, если онъ въ теченіе мѣсяца не исполнитъ этого требованія, отлучить его отъ церкви. Посланіе очень патетично: „Если вы сыны церкви (посланіе адресовано также и одному аббату), и именно потому, что вы сыны церкви, васъ не можетъ не снѣдать рвеніе къ ней и вы не можете въ равнодушіи сносить позоръ, ей наносимый, и насиліе, надъ нею учиняемое“. Папа напоминаетъ имъ, что церковь возродила ихъ во Христѣ и призвала ихъ къ участию въ ея заботахъ, поднимъ ихъ изъ праха и посадивъ ихъ на сѣдалище князей земныхъ для того, чтобы творить судъ надъ народами. Затѣмъ, подробно изложивъ дѣло Луипольда, Иннокентій восклицаетъ: „Вотъ какъ этотъ герцогъ почитаетъ римскую церковь, вотъ какъ онъ чтитъ *ключи* этой церкви, нарушая, насколько отъ него зависитъ, привилегію св. Петра,—привилегію, на которую никто изъ князей, даже никто изъ императоровъ не покушался,—присвоивая себѣ право переводить епископовъ и публично оказывать почетъ человѣку отлученному“... 1).

Посылка Иннокентіемъ патриарха Аквилейскаго къ Филиппу тотчасъ разгласилась по Германіи и вызвала недоумѣніе въ средѣ духовенства и одинъ изъ приверженцевъ Филиппа, архіепископъ Зальцбургскій, обратился къ папѣ за разъясненіемъ. Дошедшій до насъ отвѣтъ Иннокентія отражаетъ въ себѣ извилистую политику, какой въ это время держался папа. На вопросъ Эбергарда: правда ли, что онъ послалъ патриарха Аквилейскаго къ Филиппу со словами мира, Иннокентій отвѣчаетъ уклончиво 2), что хотя онъ, насколько это отъ него зависитъ, желаетъ, по словамъ апостола, со всѣми людьми жить въ мирѣ, однако, не для переговоровъ о примиреніи съ Филиппомъ отправилъ онъ къ нему патриарха, а *главнымъ образомъ* для того, чтобы Филиппъ пересталъ

1) Посл. 83 и 84 отъ 3 іюня 1205 г.

2) Reg. № 139, ст. 1137.

отстаивать архіепископа Луипольда Майнцскаго и заключилъ съ Оттономъ перемиріе, какъ первый шагъ къ окончательному миру. „Разумно ли, спрашивалъ Эбергардъ, требовать отъ служителя, чтобы онъ продолжалъ борьбу, когда самъ господинъ его сложилъ оружіе, и чтобы онъ оказался мужественнѣе его?“ На этотъ язвительный упрекъ папа отвѣчаетъ: „Наше оружіе не земное, чело-вѣческое, а оружіе духовное, дарованное Богомъ. Впрочемъ до сихъ поръ мы не слагали и не сложимъ его, при милостивомъ покровительствѣ Господа“. Уязвляя, съ своей стороны, архіепископа, папа продолжаетъ: „Борьба, о которой ты говоришь, не страшна для тебя, ибо ты не сопровождаешь герцога Швабекаго въ сраженіи; во всемъ же остальномъ ты, по слухамъ, служилъ усердно его интересамъ“.

Не разъ, по словамъ архіепископа, онъ просилъ папу избавить его отъ возложенной на него обязанности по дѣлу имперіи. Не настало ли время сдѣлать это теперь? „Твоя просьба, отвѣчаетъ Иннокентій, не изъ тѣхъ, къ которымъ относятся слова Евангелія: просите и получите. Дай Богъ, чтобы она не была и изъ тѣхъ, о которыхъ Господь сказалъ: вы не знаете, чего просите“ (Матѣ. 20).

„Въ моемъ интересѣ, писалъ архіепископъ, было бы примкнуть къ тому, къ кому перешли голоса князей“. Иннокентій на это отвѣчаетъ: „не *всѣхъ*, а большинства, и если голоса, то не сердца (*et si voces non tamen vota*). А если бы и сердца большинства, то Господь сказалъ, не иди за толпой въ дурномъ дѣлѣ; и думаешь ли ты, что эта сторона печется о справедливости и соблюдаетъ честность?“

Ровно годъ спустя послѣ этого Филиппъ самъ обратился къ Иннокентію съ письмомъ ¹⁾. Оно написано обстоятельно, просто и искренно. Филиппъ описываетъ, въ какомъ состояніи анархіи онъ засталъ Германію, вернувшись туда по смерти своего старшаго брата; какъ всѣ князья Германіи уговаривали его согласиться на избраніе въ короли, чтобы положить конецъ смутѣ; какъ онъ въ виду присяги, принесенной племяннику, согласился лишь быть его опекуномъ до совершеннолѣтія, но какъ ему доказывали, что ребенку не слѣдуетъ быть главой имперіи. Наконецъ, онъ убѣдился, что, если онъ откажется отъ избранія, на его мѣсто будетъ избранъ кандидатъ изъ „враждебнаго рода, съ которымъ ему невозможно будетъ жить въ мирѣ и согласіи“. Филиппъ завѣряетъ папу, что онъ принялъ корону не изъ често-

¹⁾ Reg de neg. 136.

любія, тщеславія или корысти. Онъ этимъ не соблазнялся, такъ какъ превосходилъ всѣхъ прочихъ князей богатствомъ и могуществомъ. Когда онъ собирался итти въ Ахенъ съ большимъ войскомъ, чтобы тамъ короноваться, онъ былъ введенъ въ заблужденіе коварствомъ противниковъ, увѣрявшихъ, что они будутъ стоять за него, и распустилъ войско, а они между тѣмъ, соблазненные большими суммами, полученными отъ англійскаго короля, избрали ему соперника.

Затѣмъ, описавши также спорные выборы въ Майнцскомъ архіепископствѣ, Филиппъ заключаетъ: „И такъ, ради установленія мира и согласія между вами и нами, между священствомъ и имперіей, чего мы всегда желали, мы подчинимся вашимъ кардиналамъ и нашимъ князьямъ, которые, въ качествѣ католиковъ, должны желать мира и согласія безъ малѣйшей тѣни коварства. Точно также, если вамъ сдается, что мы васъ или св. римскую церковь въ чемъ-либо оскорбили, мы для удовлетворенія вашего подчинимся рѣшенію вашихъ кардиналовъ и нашихъ князей. Если же окажется, что вы въ чемъ-нибудь обидѣли насъ или имперію, то мы ради чести Господа нашего Иисуса Христа, мѣсто Котораго вы на землѣ занимаете, и изъ почтенія къ св. Петру, первоапостолу, котораго вы викарій, и ради нашего спасенія, представляемъ это вашей совѣсти. Затѣмъ, святѣйшій отецъ, насчетъ того, что будто бы мы, по утверженію нашихъ противниковъ, были отлучены отъ церкви вашимъ предшественникомъ—знайте, что это невѣрно. И мы настолько высоко цѣнимъ вашу отчужденную честность и благоразуміе, что увѣрены, что если бы намъ пришлось сослаться въ этомъ дѣлѣ на ваше свидѣтельство, вы сказали бы, что мы *невинновы* и это было бы вполнѣ справедливо. По всему же остальному, что вы ставите намъ въ упрекъ, мы, какъ преданный сынъ вашъ, послушно подчиняемся вашему сужденію и распоряженію“.

Между тѣмъ Иннокентій не могъ не убѣдиться, что не только князья имперіи въ своей совокупности на сторонѣ Филиппа, но и имперское духовенство ушло изъ рукъ папы. Тѣмъ не менѣе онъ все еще избѣгалъ вступить съ Филиппомъ въ непосредственныя сношенія и адресовалъ свой циркуляръ на имя „совокупности духовныхъ и свѣтскихъ князей Германіи“, отправляя туда весною 1207 года своихъ легатовъ: кардинала Остіи Уголино и кардинала Леона, пресвитера отъ св. Креста „для возобновленія согласія въ имперіи и установленія истиннаго мира между нею и церковью“.

Инструкціи, данныя кардиналамъ, намъ неизвѣстны, не дошли

также до насъ реляціи пословъ папы о ходѣ переговоровъ, но сохранились нѣкоторыя письма папы къ одному изъ кардиналовъ, къ сожалѣнію, не датированныя, изъ которыхъ видно, что переговоры затягивались. Въ одномъ изъ нихъ папа заявляетъ, что хотя договоръ о мирѣ еще не вполне заключенъ, но по милости Божіей и благодаря вашимъ стараніямъ, многое уже достигнуто. Предписывая кардиналамъ сильнѣе настаивать на благѣ мира въ томъ видѣ, какой онъ имъ предначертанъ, папа любезно оговаривается, что впрочемъ нисколько не удивительно, что такое сложное дѣло не могло быть такъ скоро закончено, потому что и великое зданіе не можетъ быть въ короткое время отстроено ¹⁾.

Къ счастью, мы обладаемъ официальнымъ документомъ изъ папской куріи, въ которомъ сжато отмѣчено, чего достигли кардиналы ²⁾. Прежде всего они добились клятвеннаго обѣщанія со стороны Филиппа, герцога Швабскаго, что онъ исполнитъ всѣ приказанія господина папы по всѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ былъ отлученъ, послѣ чего они торжественно сняли съ него отлученіе по обрядамъ церкви.

Во-вторыхъ, они настояли на томъ, чтобы Филиппъ выпустилъ изъ плѣна архіепископа Кельнскаго Бруна, котораго онъ и передалъ имъ для свободнаго отправленія къ апостольскому столу.

Въ-третьихъ, они убѣдили его, чтобы онъ принялъ обратно, вопреки своему желанію, регалии отъ Луипольда, незаконно завладѣвшаго Майнцскимъ престоломъ, отказавшагося въ то-же время передъ легатами отъ своей духовной власти.

Въ-четвертыхъ, они добились, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, что Филиппъ разрѣшилъ Сигфриду Майнцскому управлять духовными дѣлами своей епархіи черезъ уполномоченнаго.

Въ-пятыхъ, они заставили его распустить большое войско, которое онъ собралъ противъ короля Оттона.

Въ-шестыхъ, они два раза вели переговоры о мирѣ, не догорившись.

Въ-седьмыхъ, установили между ними, т.-е. между Филиппомъ и Оттономъ перемиріе (*treugas*) на одинъ годъ и, вписавъ это въ протоколъ кардинала, возвратились къ апостольскому столу, сопровождаемые послами.

Изъ этого видно, что папа Оттона все еще величалъ королемъ, а Филиппа все еще называлъ герцогомъ, но, что Иннокентій

¹ Reg. de neg 147.

²) Hic fuit legatorum processus. Ibid. № 142.

согласился устранить главное препятствіе къ признанію Филиппа императоромъ, снявъ съ него отлученіе. Относительно спорныхъ между ними церковныхъ дѣлъ въ Германіи состоялась сдѣлка: въ Кёльнѣ архіепископскій столъ не достался ни папскому, ни императорскому кандидату, но папскій ставленникъ получилъ по крайней мѣрѣ свободу; въ Майнцѣ же былъ устраненъ императорскій кандидатъ, но папскій допущенъ лишь къ пользованію духовной властью—безъ регалій, и то лишь чрезъ повѣреннаго.

На этомъ интересномъ моментѣ опускается для насъ завѣса и мы не имѣемъ достаточныхъ и удостовѣренныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, въ чемъ вышеприведенный договоръ былъ признанъ неполнымъ и почему было рѣшено продолжать и закончить переговоры въ самомъ Римѣ. Относительно послѣдняго пункта дозволена догадка, что этого могъ желать самъ Филиппъ: послѣ снятія съ него отлученія для него не было никакого препятствія къ непосредственнымъ сношеніямъ между нимъ и папою, а съ другой стороны напрашивалось новое дѣло, относительно котораго кардиналы не были снабжены полномочіями и которое могло быть обсуждаемо только въ Римѣ. Побѣдивши Оттона, Филиппъ долженъ былъ думать объ императорскомъ титулѣ и о вѣнчаніи въ Римѣ, а для этого необходимо было установить условія, при которыхъ папа согласился бы короновать Филиппа.

Что касается до дѣлъ, не рассмотрѣнныхъ и не выясненныхъ кардиналами, мы имѣемъ указаніе на одно изъ самыхъ важныхъ для папы въ письмѣ его къ Уголино, гдѣ, расточая ему похвалы за благоразумное и достойное веденіе дѣла, Иннокентій замѣчаетъ: „Что же до того, что вы о дѣлахъ королевства Сицилійскаго намъ до сихъ поръ ничего не отвѣтили, можетъ быть, не желая довѣрить этого письму, то усердно просимъ васъ отнестись къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ; ничего до него касающагося не упустать изъ вида, ради того, чтобы вы, если Господь приведетъ васъ вернуться къ намъ, обо всемъ были въ состояніи насъ увѣдомить“.

О продолженіи переговоровъ въ Римѣ въ присутствіи папы мы имѣемъ, какъ выше было замѣчено, лишь весьма скудныя свѣдѣнія. До насъ дошла грамота Филиппа къ папѣ, въ которой онъ даетъ патріарху Аквилейскому и другимъ своимъ посламъ полномочіе и право „установить между церковью и имперіей миръ и согласіе и благополучно устранить опасный между царствомъ и священствомъ расколъ“. — „Все, что эти послы нашимъ

1) Reg. de neg. 142.

именемъ общають ради благоволенія къ намъ римской церкви, мы рады съ благодарностью исполнить и признаемъ ихъ распоряженія утвержденными и нерушимыми (R. n. 140).

Что касается до папы, то мы имѣемъ его письма къ Филиппу *послѣ* снятія съ него отлученія, въ которомъ Иннокентій шлетъ ему привѣтъ и благословеніе и благодарить за быстрое исполненіе сдѣланнаго ему увѣщанія. Въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь только о томъ, чтобы Филиппъ (и здѣсь ему также дается только титулъ герцога Швабіи) настоятельно озаботился объ установленіи мира въ имперіи.

Всего важнѣе краткое письмо Иннокентія къ самому Оттону, которое бросаетъ яркій свѣтъ, если не на истинное настроеніе папы въ этотъ моментъ, то во всякомъ случаѣ на его *извиллистую* политику: „Любовь и благоволеніе, которое мы питали и питаемъ къ твоему королевскому величеству, намъ нѣтъ надобности выражать словами, такъ какъ мы его до сихъ поръ выражали дѣлами, и теперь еще стараемся выражать — въ такой мѣрѣ, что послы твоего противника публично жалуются, что ихъ господинъ могъ бы добиться отъ тебя болѣе выгодныхъ для себя условій. А что выговорено и условлено между нашими легатами и твоими послами, мы не замедлимъ сообщить тебѣ. Ожидай съ радостью этихъ извѣстій“.

При такихъ скудныхъ и отчасти загадочныхъ данныхъ о переговорахъ первостепенной важности какъ по существу дѣлу, такъ и по выдающемуся положенію дѣйствовавшихъ лицъ — немудрено конечно, что современные намъ историки пытались дополнить картину гипотезами и при этомъ пришли къ противоположнымъ результатамъ. Согласно съ гипотезой Винкельмана, спеціальнаго біографа Филиппа Гогенштауфена, что перенесеніе переговоровъ въ Римъ было слѣдствіемъ уступки со стороны Филиппа, согласившагося передать рѣшеніе вопроса, кому быть императоромъ на усмотрѣніе папы — французскій историкъ Люшеръ видитъ въ этомъ результатѣ высокое торжество Иннокентія, подготовленное искусной политикой этого папы. „Иннокентій III становился высшимъ посредникомъ, уполномоченнымъ по соглашенію враждебныхъ сторонъ произнести свой приговоръ надъ соперниками. Ему наконецъ довелось разыграть ту роль *арбитра*, которую онъ себѣ присвоивалъ съ самаго начала раскола. Германія сама явилась въ Римъ, испрашивая и выжидая его вердикта ¹⁾“.

Нельзя не сказать, что эта историческая картина повидимому

---

¹⁾ Luchaire. Innocent. III. La Papauté et l'Empire 160.

согласна съ обстоятельствами. Иннокентій долго выжидавшій, какъ разрѣшится состязаніе между соперниками, наконецъ настоялъ на правѣ первосвященника рѣшить, кто изъ соперниковъ достоинѣе быть императоромъ и защитникомъ церкви. Но если мы вспомнимъ весь ходъ и исходъ этой десятилѣтней исторической драмы, то мы должны признать, что вышеуказанная картина есть плодъ фантазіи историка.

Въ 1208 году въ римской куріи вовсе не рѣшался вопросъ, кому быть императоромъ въ Германіи—Филиппу или Отгону. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ самой Германіей. Не только всѣ ея свѣтскіе князья стояли на сторонѣ Филиппа, но его признавало и все духовенство нѣмецкое, за исключеніемъ двухъ архіепископовъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ плѣну у Филиппа, а другой долженъ былъ отказаться отъ свѣтской власти (регалий) въ своемъ архіепископствѣ, а епархіей своей править въ отсутствіи черезъ уполномоченнаго. Въ Римѣ въ 1208 году вопросъ шель вовсе не о томъ, кому быть императоромъ Германіи, а какъ установить въ ней миръ—*de pace reformatanda*, о чемъ говорятъ въ своихъ посланіяхъ и король Филиппъ и папа.

Въ виду этого авторъ „Исторіи церкви въ Германіи“ отвергаетъ предположеніе Винкельмана, какъ несоотвѣтствующее обстоятельствамъ и неимѣющее ни малѣйшаго основанія въ источникахъ и наоборотъ признаетъ, что, ограничиваясь ролью посредника и миротворца между соперниками, Иннокентій отказался отъ своего долготѣтнаго притязанія быть судьей въ спорѣ королей ¹⁾. Къ этому можно присоединить еще то соображеніе, что такое важное событіе, какъ разрѣшеніе папою состязанія между императорами оставило бы сильный слѣдъ въ исторіи, а между тѣмъ признаніе Филиппа императоромъ состоялось втихомолку. А что оно совершилось на дѣлѣ, видно изъ грамоты, выданной папскими комиссарами, епископами Феррары и Адрия отъ 10 апрѣля 1208 г. и датированной—*tempore d. Innocentii P. III et Philippi Regis*.

Наконецъ, что переговоры въ Римѣ не имѣли цѣлью рѣшить вопросъ, кому быть императоромъ, видно изъ того, что, не смотря на эти переговоры, папа счелъ нужнымъ весною 1208 г. вторично отправить своихъ кардиналовъ въ Германію. Вѣроятно это было нужно папѣ для того, чтобы убѣдить Отгона отказаться отъ короны. Зная все упрямство своего кліента, папа могъ опасаться, чтобы съ нимъ не повторилось того, что было съ его отцомъ, который въ борьбѣ съ отцомъ Филиппа, Фридрихомъ Барбарос-

¹⁾ Hauck. IV,—den Streit der Könige als Richter zu entscheiden.

сою, былъ лишень своихъ владѣній и подвергнуть изгнанію. Но новое порученіе кардиналовъ осталось неисполненнымъ. На пути въ Германію, въ Мантуѣ они были остановлены извѣстіемъ о гибели короля Филиппа. Въ городѣ Бамбергѣ 21-го іюня король былъ убитъ изъ личной мести близкимъ къ нему чело­вѣкомъ, пфальцграфомъ Баваріи изъ дома Виттельсбахъ, вонзившимъ ему въ горло свой мечъ, когда онъ отдыхалъ послѣ сдѣланнаго ему кровопусканія. Этимъ закончилось то, что можно назвать первымъ актомъ въ борьбѣ священства съ имперіей. Наступилъ второй актъ.

*
* *
*

Получивъ извѣстіе о смерти Филиппа, Иннокентій поспѣшилъ увѣрить его соперника въ своей неизмѣнной любви. „Вѣдомо Тому, Кто прозрѣваетъ сердца и проникаетъ во всѣ тайны, что мы любимъ тебя чистымъ сердцемъ, съ доброю совѣстью и непритворной вѣрностью и на самомъ дѣлѣ печемся о твоей чести и пользѣ. И хотя тебя покинули какъ друзья, такъ и родственники, мы пребывали постоянными въ любви къ тебѣ, не переставая заботиться о томъ, что въ данное время тебѣ было полезно: бодрствуя за тебя, когда ты дремалъ, перенося за тебя много бѣдствій, о которыхъ мы и не извѣщали тебя, пока ты самъ былъ въ нуждѣ“. Иннокентій въ подтвержденіе этого упоминаетъ о возстаніи въ Римѣ, вызванномъ якобы противниками Оттона посредствомъ раздачи большихъ денегъ. „Нынѣ же, по устраненію твоего противника, мы, всѣми силами заботясь о твоёмъ возвышеніи, принимаемъ мѣры, чтобъ не возсталъ противъ тебя иной противникъ—какъ свидѣлствуютъ апостольскія посланія, разосланныя нами разнымъ лицамъ по различнымъ вопросамъ“.

Затѣмъ, очевидно хорошо зная неудобный характеръ Оттона, Иннокентій, какъ заботливый наставникъ, даетъ ему добрые совѣты. „Будь ко всѣмъ благожелателенъ и любезенъ, оказывай всѣмъ почетъ и привѣтъ, воздерживайся отъ оскорбительныхъ словъ и обидныхъ дѣйствій, въ милостяхъ будь щедръ и не скупись на обѣщанія, крѣпко соблюдая и тѣ и другія. Духовныхъ и свѣтскихъ князей обезпечь надлежащими гарантіями отъ ущерба, сообразуясь съ царскимъ саномъ и обычаемъ. Самого себя осторожно береги и, сбросивъ съ себя всякую лѣнь, бдительно заботься обо всемъ“.

Конецъ письма касается брака. Видно, что шли переговоры

о бракѣ Оттона съ старшей дочерью Филиппа, у котораго не было сыновей: „Если онъ тебѣ приглянется, пишетъ Иннокентій, спокойно приступай къ нему; если же ты предпочитаешь для себя и имперіи другую невѣсту, неотложно извѣсти объ этомъ насъ“¹⁾.

Одновременно Иннокентій въ циркулярѣ на имя всѣхъ князей побуждаетъ ихъ ради отпущенія грѣховъ озаботиться о мирѣ въ Германіи, согласно съ божественной волей, такъ очевидно проявившейся въ дѣлѣ его дорогого сына, славнаго короля Оттона, и на этомъ основаніи оказать ему мощную помощь въ управленіи имперіей. „А если бы кто-нибудь дерзнулъ въ этомъ случаѣ замыслить дѣло предосудительное, то онъ, помимо оскорбленія Божества, навлечетъ на себя и апостольское порицаніе. Ибо мы предполагаемъ этому королю, котораго божественный промыселъ отмѣтилъ, одобрявъ этимъ и наше сужденіе о немъ, оказать помощь и расположеніе къ чести и возвышенію имперіи, уповавъ, что и онъ приложитъ свое стараніе къ чести и возвышенію церкви“. (Reg. № 155).

Что касается до другихъ писемъ, то заслуживаетъ вниманія осужденіе *мимоходомъ* „жестокаго преступленія, подло совершеннаго сынами Беліала“, и приказъ всѣми силами препятствовать, чтобы кто-нибудь былъ вновь избранъ царемъ для того, чтобы новое заблужденіе не оказалось хуже прежняго.

Понятно, что Оттонъ, въ этотъ критическій поворотъ въ его жизни, сознавалъ всю важность для него папской помощи и высказывалъ это въ самыхъ преданныхъ выраженіяхъ. „Чѣмъ мы были до сихъ поръ, чѣмъ располагаемъ по отношенію къ нашему возвышенію на царство и чѣмъ *будемъ*, всѣмъ этимъ мы послѣ Господа обязаны вамъ и римской церкви, что мы съ величайшей благодарностью признаемъ и за всѣ оказанныя намъ благодѣянія васъ несказанно благодаримъ, намѣреваясь всегда заслуживать ваше благоволеніе преданностью вамъ и тѣмъ, кому вы хотите добра“.

Переходя къ подробностямъ своего положенія, Оттонъ просилъ Иннокентія обезпечить ему расположеніе обоихъ главныхъ архіепископовъ Германіи, замѣчая, что всякій успѣхъ (*promotio*) въ его дѣлѣ есть въ то же время и успѣхъ папскаго дѣла. Уже загадывая походъ въ Италію для коронованія императоромъ, Оттонъ просилъ папу написать о немъ городамъ Италіи и Тусціи, похваляя тѣ, которые до сихъ поръ пребывали въ преданности

---

¹⁾ Reg de neg. 153.

папѣ и ему, и приглашая благоволить ему тѣ города, которые его не знаютъ.

Но обстоятельства были такъ благоприятны для Оттона, что онъ не нуждался въ заступничествѣ папы, для сохраненія короны Германіи. На самомъ дѣлѣ нѣмецкимъ князьямъ, если они не желали возобновленія долготѣннихъ междоусобій, оставалось только—примкнуть къ Оттону.

Уже въ сентябрѣ того же 1208 года Оттонъ былъ въ Галберштадтѣ единогласно избранъ королемъ римскимъ, а 11 ноября состоялось въ Франкфуртѣ собраніе изъ 55 князей Германіи обоихъ лагерей, вторично избравшихъ Оттона. Для окончательнаго примиренія гибеллиновъ съ гвельфами здѣсь было рѣшено, что Оттонъ женится на дочери Филиппа Швабскаго, Беатриче. Иннокентій могъ быть доволенъ. Его ставленника привѣтствовала вся Германія римскимъ королемъ.

Оставалось лишь короновать его императорскимъ вѣнцомъ въ Римѣ рукою папы. Читая письма, отправленныя въ это время Иннокентіемъ къ Оттону, можно думать, что наступилъ медовый мѣсяцъ въ союзѣ священства и царства. „Пріѣздъ твоихъ пословъ, пишетъ Иннокентій, во время болѣзни, насъ угнетавшей, былъ намъ такъ пріятенъ и извѣстіе о твоихъ успѣхахъ заключали въ себѣ такую цѣлительную силу, что послѣ болѣи и недомоганія мы свободно вздохнули въ радости выздоровленія“¹⁾.

Еще болѣе замѣчательно письмо отъ 15 числа того же января. Это прямо торжествующій гимнъ на славу объединеннаго священства и царства: „Благословенъ будь Господь, который по невыразимому своему милосердію исполнилъ наше желаніе относительно тебя, въ главной его части, и, какъ мы твердо уповаемъ, не отступитъ отъ насъ, пока желаніе наше не исполнится вполне, къ хвалѣ и славѣ имени Его, къ чести и пользѣ церкви, а также имперіи и всего христіанскаго народа“. Восхваляя Оттона за то, что, какъ папа достовѣрно узналъ, онъ удивительно преуспѣлъ какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной доблести, Иннокентій восклицаетъ, что можетъ похвалиться словомъ Господнимъ и сказать, что „напелъ человекъ по сердцу своему“.—„О, драгоценный мой сынъ, моя душа такъ слилась съ твоею, а сердце твоетакъ срослось съ моимъ, что, какъ мнится намъ, мы какъ будто одного и того же хотимъ и желаемъ, какъ будто составляемъ одну душу и единое сердце. Какую можно ожидать отъ этого пользу, того ни перомъ нельзя написать, ни языкомъ сказать, ни даже умомъ помыслить.

1) 5 янв. 1209. № 177.

Ибо намъ двоимъ главнымъ образомъ поручено управление этимъ міромъ; если мы будемъ единодушны и согласны въ добрѣ, то на самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ пророкъ, солнце и луна будутъ стоять на своемъ мѣстѣ, кривда станетъ правдой и все шероховатое станетъ ровнымъ, такъ какъ намъ двоимъ съ Божьей помощью ничто не можетъ препятствовать и воспротивиться, ибо въ нашихъ рукахъ оба меча, о которыхъ Господь сказалъ апостоламъ: „довольно ихъ!“ Ибо папскій авторитетъ и царская власть, присущіе намъ въ своемъ высшемъ проявленіи, которые обозначаются тѣми двумя мечами, совершенно довлѣютъ благополучному исполненію своего назначенія, если только каждый изъ насъ будетъ мощно поддерживать другого. А такъ именно нужно и такъ должно быть, чтобы каждая сторона находила у другой дѣйствительную помощь для того, чтобы состояніе міра, пришедшаго отъ изобилія зла какъ бы къ полному разоренію, нашими заботами было восстановлено съ искорененіемъ въ немъ пороковъ и насажденіемъ добродѣтели“.

Последняя часть письма принимаетъ болѣе дѣловой характеръ; папа озабоченъ тѣмъ, чтобы уладить всѣ спорные пункты по дѣламъ римской вотчины и обезпечить исполненіе щедрыхъ обѣщаній, данныхъ Оттономъ куріи. Несмотря, однако, на эту тѣнь, пробѣгающую по письму, нельзя думать, чтобы Иннокентій въ перепискѣ съ новымъ императоромъ не переживалъ дѣйствительно моментомъ идеальнаго настроенія, когда предъ нимъ раскрывалась широкая перспектива плодотворной дѣятельности: притязанія папства осуществились; папа на самомъ дѣлѣ имѣлъ право утверждать, что въ его рукахъ „источникъ и вѣнецъ“ императорской власти,—и чего нельзя было бы достигнуть съ покорнымъ и преданнымъ императоромъ, который всѣмъ былъ обязанъ римской церкви?

„Въ виду этого, продолжаетъ папа, намъ необходимо бодрствовать, чтобы врагъ человѣка не могъ посѣять между нами плевелъ, вводя соблазнъ раздора и подозрительности; ибо на это негодное дѣло многіе безъ сомнѣнія готовы, а именно всѣ, кто желаетъ безнаказанно совершать зло и въ мутной водѣ рыбу ловить. Отъ этихъ людей отвори твое ухо. Когда господствуетъ раздоръ между священствомъ и царствомъ, обѣ стороны одинаково терпятъ отъ высокоумія злыхъ людей. Нынѣ же, когда по милости Божіей между церковью и имперіей установились истинный миръ и твердое согласіе, мы—ради устраненія въ будущемъ всякаго повода къ разногласію и недовѣрію — нашли нужнымъ въ настоящій моментъ кое-что отъ тебя потребовать, дражайшій сынъ нашъ,

на что ты долженъ, не затрудняясь, согласиться, такъ какъ все это согласно съ разумомъ и пользой. Мы увѣрены, что въ будущемъ ты согласишься и на болѣе важныя (*longe majora*) уступки, ибо, ревнуя болѣе всего о твоей чести и пользѣ, мы никогда отъ тебя не потребуемъ того, что было бы несомвѣстно съ твоимъ достоинствомъ“.

Это письмо поражаетъ тѣмъ удивительнымъ соединеніемъ теократическаго идеализма съ политическимъ реализмомъ и властолюбіемъ, которое составляетъ сигнатуру средневѣковаго папства и особенно ярко выступаетъ въ Иннокентіи III. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что когда Иннокентій писалъ это письмо, онъ искренно вѣрилъ въ возможность согласнаго управленія міромъ папою и императоромъ, подъ главенствомъ, конечно, перваго. Но иллюзіи папы были непродолжительны. Уже въ самомъ началѣ на горизонтѣ показывались тучки, которыя грозили нарушеніемъ дружескихъ отношеній двухъ главъ міра. Уже въ вышеприведенномъ письмѣ отъ 5 января Иннокентій находилъ поводъ дать наставленіе своему коллегѣ во владычествѣ надъ міромъ. Иннокентій остался недоволенъ недостаточной важностью присланнаго къ нему посольства. Оттонъ отправилъ къ нему придворнаго своего нотаріуса и каплана и папа наставляетъ короля, что по такимъ важнымъ дѣламъ, какія поручены посланцамъ, въ особенности по вопросу о коронованіи Оттона въ Римѣ, присылаются, по обычаю, апостольскому престолу знатные имперскіе князья. Очевидно, Иннокентій находилъ, что отношенія будущаго императора къ римской куріи недостаточно опредѣленно формулированы, и что наступилъ благоприятный моментъ для обезпеченія папства новыми уступками со стороны свѣтской власти. Въ виду этого, онъ желалъ имѣть дѣло съ болѣе вліятельными уполномоченными со стороны имперіи, но, прибавляетъ онъ добродушно, „что не сдѣлано, то еще можетъ быть сдѣлано“.

Въ своемъ отвѣтѣ Оттонъ снова расточаетъ папѣ выраженіе своей „безконечной“ благодарности. Но и у него заноза на сердцѣ, которая его беспокоитъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, пишетъ онъ, сынъ короля Генриха замышляетъ произвести смуту въ имперіи и многихъ склоняетъ просьбами и обѣщаніями на свою сторону. „А такъ какъ спокойствіе имперіи и окончательное торжество королевскаго достоинства, какъ до сихъ поръ, такъ и теперь еще, зависятъ отъ вашей мудрости, то мы просимъ и увѣщаемъ вашу апостольскую справедливость, умоляя васъ, чтобы вы, къ нашей и вашей пользѣ, отяюдь не поддерживали совѣтомъ и помощью упомянутаго отрока (*puer*) въ его замыслахъ

противъ насъ“. Обѣщая, что онъ, какъ и прежде, будетъ исполнять всякое приказаніе папы, Оттонъ пишетъ: „и если Господь дастъ намъ желанную возможность личнаго съ вами свиданія, мы постараемся, согласно вашему совѣту, ради общей пользы и мира церкви, съ упомянутымъ отрокомъ соблюсти обоюдную пользу къ чести имперіи и его самого“.

Папа и на этотъ разъ остался недоволенъ содержаніемъ письма и пренебрежительнымъ обозначеніемъ молодого Фридриха, котораго Оттонъ избѣгаетъ называть королемъ Сициліи. Мы уже могли замѣтить, что отношенія новаго германскаго короля къ Сициліи были для Иннокентія весьма щекотливымъ вопросомъ. Онъ очень боялся новаго соединенія этихъ двухъ государствъ, и вообще всякаго вмѣшательства въ дѣла Сициліи, которую онъ причислялъ къ вотчинѣ св. Петра, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ и опекуномъ „отрока“ Фридриха.

Въ своемъ отвѣтѣ отъ 10 марта папа пишетъ: „Такъ какъ дражайшій во Христѣ сынъ нашъ Фридрихъ, славный король Сициліи, предоставленъ по отцовскому, а также материнскому завѣщанію опекѣ и заботамъ апостольскаго престола и онъ все царство Сицилійское держитъ въ ленѣ отъ римской церкви, то мы должны соблюдать по отношенію къ нему обязанности господина къ вассалу, какъ и онъ въ качествѣ вассала обязанъ вѣрностью намъ. Поэтому во всемъ, что касается его царства мы не хотимъ и не желаемъ лишать его помощи и благосклонности, такъ какъ, по словамъ апостола, мы предъ всѣми состоимъ въ долгу справедливости. Впрочемъ, ни ему, ни кому-либо другому мы не собираемся оказывать помощь противъ тебя, котораго мы такъ старались возвысить“. И папа пользуется случаемъ и выражаетъ надежду, что Оттонъ, какъ онъ самъ призналъ, будетъ приписывать свой желанный успѣхъ, послѣ Бога, ему, папѣ, и никогда не отдѣлится своей славы отъ славы церкви.

Но еще до этого, 15 января, Иннокентій увѣдомилъ Оттона, что онъ отправляетъ въ Германію своихъ легатовъ, кардиналовъ Уголино и Леона, по дѣлу о разрѣшеніи брака (диспенса) между Оттономъ и дочерью родственнаго ему короля Филиппа. Но легатамъ было дано кромѣ этого гораздо болѣе важное порученіе—установить передъ коронованіемъ полное согласіе между Оттономъ и куріей, вынудить у короля въ послѣднюю минуту всѣ уступки, которыя Иннокентій считалъ необходимыми для полнаго торжества священства надъ имперіей. Вышеназванные дипломаты куріи успѣшно исполнили порученіе папы. Оттонъ понялъ смыслъ словъ въ письмѣ Иннокентія: „Мы увѣрены, что въ будущемъ

ты согласишься и на болѣе важныя уступки“. 22 марта 1209 года онъ подписалъ въ Шпейерѣ такъ называемый *Sacramentum Fidei ab Ottone exhibitum*.

Этотъ документъ заключалъ въ себѣ кромѣ общаній, данныхъ Оттономъ еще въ Нейсѣ, и уступокъ, на которыя Оттонъ согласился еще въ 1208 году—отречения отъ *spolia*, т. е. отъ наслѣдства духовныхъ князей и прелатовъ, признанія церковной области въ размѣрахъ, требуемыхъ Иннокентіемъ ¹⁾, и феодальнаго верховенства папы надъ королевствомъ Сициліи—цѣлый рядъ новыхъ, — впервые выставленныхъ здѣсь Иннокентіемъ ²⁾. Оттонъ долженъ былъ клятвенно обѣщать свою помощь для истребленія еретиковъ, безусловное разрѣшеніе апеллировать къ суду папы во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и отреченіе отъ всякаго вліянія на выборы духовныхъ лицъ. По этому пункту въ грамотѣ сказано: „Желая отмѣнить злоупотребленія, которыя, какъ говорятъ, иногда допускали нѣкоторые изъ нашихъ предшественниковъ при избраніи прелатовъ, мы постановляемъ, чтобы таковыя выборы происходили свободно и канонично для того, чтобы то лицо ставилось надъ осиротѣвшей церковью, которое изберется всѣмъ капитуломъ или большею и лучшею его (*sanior*) частью“. Здѣсь заслуживаетъ вниманія слово *sanior*—лучшая или болѣе разумная часть. Эта оговорка давала возможность при помощи апелляціи къ папѣ подчинить полному усмотрѣнію послѣдняго выбора всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, канониковъ и аббатовъ, такъ какъ онъ всегда могъ признать болѣе разумною частью угодное ему меньшинство³⁾.

Чтобы понять значеніе этой уступки, нужно принять во вниманіе, что епископы и аббаты въ Германіи были *владѣтельными* князьями, территоріи которыхъ занимали значительную часть имперіи. Отказываясь отъ всякаго вліянія на ихъ выборы, императоръ утрачивалъ и вліяніе на ихъ вассаловъ и на города въ ихъ владѣніяхъ.

Имперія разбивалась, такимъ образомъ, на множество незави-

---

1) За перечисленіемъ всѣхъ территорій въ средней Италіи, на которыя простиралъ свою руку Иннокентій, слѣдовали слова: „съ другими, прилегающими землями, обозначенными въ многочисленныхъ привилегіяхъ императоровъ и королей со временъ Людовика (Благочестиваго), Оттонъ обязывался такія земли, находящіяся въ его власти, безъ замедленія возвратить, а прочія помочь папѣ вернуть.

2) Этотъ документъ, скрѣпленный епископомъ Шпейерскимъ—за канцлера имперіи, архіепископа Майнцаго, былъ полной капитуляціей царства передъ священствомъ.

3) Winkelmann Philipp v. Schwaben u. Otto v. Braunschweig. II B. p. 145.

симыхъ отъ нея церковныхъ областей, находящихся въ полной зависимости отъ папы.

Папа въ вѣдствіе этого становился не только духовнымъ главою имперіи, но непосредственнымъ господиномъ доброй половины владѣтельныхъ князей въ имперіи, такъ какъ отъ него всегда зависѣло отрѣшить того или другого изъ нихъ отъ должности. Императоръ, правда, сохранялъ попрежнему свое право *инвеституры*, т.-е. облеченія избраннаго прелата свѣтскою властью. Но эта инвеститура становилась теперь пустою формальностью.

Какъ извѣстно, вопросъ объ инвеститурѣ уже былъ въ эпоху Грегорія VII предметомъ ожесточеннаго спора между папою и императоромъ; но онъ былъ улаженъ Вормскимъ соглашеніемъ (конкордатомъ), обезпечившимъ *каноническіе* выборы, но сохранявшимъ и за императоромъ извѣстное вліяніе на выборы. Этимъ правомъ пользовались всѣ императоры въ теченіе цѣлаго столѣтія и успѣлъ воспользоваться уже и самъ Оттонъ. Побуждая его отказать отъ правъ, предоставленныхъ ему Вормскимъ конкордатомъ, Иннокентій далеко оставилъ за собою притязанія своихъ предшественниковъ и сдѣлалъ важный шагъ впередъ къ установленію іерократіи въ германской имперіи

Въ печати Оттона, которою была скрѣплена грамота, онъ титуется „непобѣдимѣйшимъ королемъ“. На самомъ же дѣлѣ полнымъ побѣдителемъ становился надъ Оттономъ Иннокентій III.

Но чѣмъ глаже улаживалось дѣло съ Иннокентіемъ, тѣмъ болѣе Оттонъ сталъ чувствовать себя *императоромъ*. Въ августѣ Оттонъ отправилъ въ Римъ посольство, состоявшее не изъ его домочадцевъ, а изъ князей имперіи, какъ этого желалъ Иннокентій. Въ грамотѣ, однако, послужившей этому посольству полномочіемъ, уже отсутствовала знаменательная формула— „король папскою милостью“.

Но не только въ Германіи Оттонъ какъ будто сбрасывалъ съ себя папское иго, въ самой Италіи онъ могъ быть грознымъ соперникомъ папы. Сами итальянцы давно торопили его явиться къ нимъ. Еще въ первыхъ числахъ января явились къ нему въ Аугсбургъ послы ломбардскихъ городовъ, передавшіе ему съ цѣнными подарками золотые ключи пославшихъ ихъ коммунъ. Чтобы разобраться въ запутанныхъ отношеніяхъ этихъ городовъ между собою и къ имперіи, Оттонъ послалъ впередъ опытнаго въ этомъ вопросѣ савонника Вольфгера, патріарха Аквилейскаго, дѣйствовавшаго въ интересахъ императора еще при Филиппѣ Швабскомъ.

Патріархъ обратился къ папѣ съ просьбой поддержать своимъ авторитетомъ его полномочія. Иннокентій исполнилъ просьбу, но

съ оговоркой, что имъ отправлены грамоты къ посадникамъ, консуламъ и горожанамъ тѣхъ городовъ Ломбардіи и Тосканы, которые принадлежатъ имперіи. Эта оговорка уже предвѣщала затрудненія, которыя неминуемо должны были возникнуть при возстановленіи императорской власти въ Италіи въ соперничествѣ съ папской.

Дѣйствія предтечи, высланнаго въ Италію Оттономъ, патріарха Аквилейскаго, на самомъ дѣлѣ не могли не тревожить Иннокентія. Возстановляя права имперіи въ Италіи и отбирая имперскія владѣнія, захваченныя городами, патріархъ не дѣлалъ различія между городами папскими и имперскими. Особенно возмутило папу то, что Вольфгеръ приказалъ арестовать въ Кремонѣ какихъ-то крестоносцевъ, возвращавшихся изъ св. земли. Жалуясь на это Оттону, папа клеймитъ распоряженія Вольфгера ненавистнымъ покушеніемъ. Въ другомъ письмѣ папа негодуетъ на то, что Вольфгеръ наложилъ на Флоренцію пеню въ 10,000 марокъ за то, что она не возвращала имперскихъ земель подъ предлогомъ, что хочетъ дожидаться прибытія во Флоренцію Оттона, который самъ разберетъ дѣло.

При такихъ условіяхъ папа получилъ извѣстіе, что Оттонъ въ августѣ выступилъ въ походъ изъ Аугсбурга въ Италію во главѣ арміи изъ 6000 забронированныхъ всадниковъ, въ то время рѣшавшихъ судьбу сраженій, — и большаго числа пѣхотинцевъ и стрѣльцовъ. Въ Ломбардіи Оттонъ не встрѣтилъ обычнаго сопротивленія, такъ какъ гвельфы были на его сторонѣ, а въ то же время и гибеллины привѣтствовали его, какъ императора. Съ большимъ искусствомъ Оттонъ старался держаться выше партій и мирить ихъ, вмѣсто того, чтобы съ помощью одной изъ нихъ побѣждать другую и содержать армію на ея счетъ.

Оттону даже удалось примирить такихъ ожесточенныхъ враговъ, какъ гибеллина Еццелино ди-Романо съ Маркизомъ Адцо де-Есте. Такимъ образомъ, Оттонъ благополучно перешелъ По и черезъ Болонью проникъ въ Тоскану. По мѣрѣ приближенія другъ къ другу Оттонъ и папа старались выяснить свои взаимныя отношенія и обмѣнивались письмами и посольствами. Иннокентій выѣхалъ самъ навстрѣчу Оттону въ Витербо и оттуда напомнилъ ему объ оказанныхъ ему благодѣяніяхъ, выражая надежду на его признательность. „Ибо, если твое расположеніе намъ необходимо, то и для тебя важно при всѣхъ обстоятельствахъ пользоваться нашей дружбой“.

Предстоящая имъ встрѣча безпокоила по возможнымъ ея послѣдствіямъ не одного папу, но и сторонниковъ императора.

Интересно въ этомъ отношеніи письмо къ нему епископа Сиенскаго, т.-е. гибеллина.

Горячо превознося всѣ доблести Оттона, физическія и моральныя, Бононь предостерегаетъ его, чтобы онъ приписывалъ ихъ не себѣ, а Господу. „Ты не разъ сражался съ твоими врагами и всегда былъ побѣждаемъ; но когда Господь воевалъ за тебя, ты не нуждался въ бряцаніи оружіемъ, чтобы подвергнуть своему игу твоихъ супостатовъ“. Епископъ поэтому ему совѣтуетъ чтить церковь, невѣсту Христову, и безъ колебаній принести ей въ жертву свою славу.

Наконецъ, состоялась знаменательная встрѣча лицомъ къ лицу двухъ владыкъ міра. Иннокентій встрѣтилъ Оттона съ распростертыми объятіями, со словами: „Вотъ мой сынъ, любимѣйшій изъ всѣхъ, радость души моей“. Они сѣли рядомъ, вмѣстѣ обѣдали и вступили въ бесѣду. Историкъ не можетъ не скорбѣть, что у насъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій о содержаніи этой бесѣды. Знакомство съ нею пролило бы яркій свѣтъ на личный характеръ папы и императора и многое бы объяснило въ дальнѣйшихъ событіяхъ. По слухамъ, подхваченнымъ современными лѣтописцами, Оттонъ держалъ себя самостоятельно. Онъ не согласился принести во время коронаціи присягу въ вѣрности папѣ въ предложенной Иннокентіемъ формѣ, а лишь традиціонную, составленную въ общихъ выраженіяхъ. Онъ не согласился также помогать, вопреки желанію Иннокентія, Филиппу Августу противъ Англіи и, когда папа ему напомнилъ о данномъ имъ обѣщаніи, замѣтилъ: „Такъ пусть мое обѣщаніе полежитъ у васъ въ ящикѣ“. Впрочемъ, такъ или иначе, бесѣда папы съ Оттономъ не привела къ явной размолвкѣ между ними. Иннокентій возвратился въ Римъ, а Оттонъ послѣдовалъ за нимъ и 2 октября его войско раскинуло свои шатры подъ Римомъ на Монте Маріо. Но тутъ оказалось неожиданное препятствіе: римляне не пустили римскаго императора въ стѣны своего города. Это случалось не разъ и раньше. Боялись ли они огромной арміи, сопровождавшей Оттона или, привыкшіе къ подачкамъ, требовали слишкомъ большихъ денегъ, но они обнаружили по отношенію къ пришельцамъ такую вражду, что когда епископъ Аугсбургскій, желая осмотрѣть городъ, вошелъ туда съ своей свитой, толпа кинулась на него и переранила и перебила большую часть сопровождавшихъ его людей. Съ своей стороны, Оттонъ распорядился занять отрядомъ миланцевъ мостъ св. Ангела, отдѣляющій сѣверную часть Рима, Трастевере, съ храмомъ св. Петра отъ самаго города, чтобы обезопасить торжество коронаціи отъ нападенія римлянъ. При такой воинственной обстановкѣ

и совершилось традиціоннымъ способомъ вѣнчаніе императора. Папа ожидалъ Оттона у дверей церкви св. Маріи на площадкѣ передъ св. Петромъ. Король палъ ницъ, облобызалъ ноги папы и подалъ ему кошелекъ съ золотомъ. Вошедши съ папой въ церковь, Оттонъ положилъ руку на Евангеліе и произнесъ клятву, что будетъ защищать папу и римскую церковь во всѣхъ обстоятельствахъ, и охранять владѣнія, достоинство и права, имъ принадлежащія. Затѣмъ они прошли въ храмъ св. Петра, гдѣ по очереди два кардинала произносили молитву, а третій совершилъ помазаніе. Послѣ этого папа приступилъ къ облеченію императора властью. Вручая ему мечъ, онъ сказалъ, что онъ долженъ служить ему для кары виновныхъ и защиты вѣрныхъ. Вынувъ мечъ изъ ноженъ, Оттонъ взмахнулъ имъ надъ головой и вложилъ его снова въ ножны, а папа прикрѣпилъ мечъ къ его бедру. Передавая ему скипетръ, папа сказалъ, что съ помощью этого скипетра правды и справедливости онъ долженъ оберегать добрыхъ и устрашать злыхъ. Затѣмъ папа вѣнчалъ его императорской короной и Оттонъ возсѣлъ на престолъ, поставленный рядомъ съ кафедрой Петра, за большимъ алтаремъ, и папа служилъ торжественный молебенъ, при чемъ императоръ ему прислуживалъ. По окончаніи церемоніи папа сѣлъ на коня, а императоръ держалъ ему стремя. Однако, обычный вѣздъ въ Римъ, гдѣ папа долженъ былъ угощать императора въ Латеранскомъ дворцѣ, не могъ состояться, такъ какъ даже во время вѣнчанія римляне съ яростью нападали на охрану, оберегавшую императора. Достигнувши своей цѣли, Оттонъ отступилъ отъ Рима, жители котораго отказались доставить нужные его арміи припасы. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рима, на мѣстѣ древней Вей, Оттонъ сталъ лагеремъ и выразилъ желаніе имѣть новое свиданіе съ папой. Иннокентій, однако, оправдываясь обстоятельствами, которыя его посланецъ долженъ былъ изложить Оттону устно, отъ этого отказался. Изъ письма папы къ Оттону видно, что между ними все еще не было достигнуто соглашенія на счетъ земель графини Матильды, завѣщавшей Григорію VII имперскій ленъ въ Тосканѣ. Несмотря на это, между Иннокентіемъ и Оттономъ еще не было разрыва, ибо въ другомъ письмѣ папа не только проситъ его защитить епископа Бамбергскаго, привлеченнаго къ суду по подозрѣнію въ соучастіи въ убійствѣ Филиппа Швабскаго, но рассчитываетъ на его помощь Симону Монфортскому въ борьбѣ противъ альбигойцевъ. — „Ты сдѣлалъ уже такъ много добрыхъ дѣлъ, вдохновленный Господомъ, пишеть ему Иннокентій, сдѣлай еще и это, и да окажетъ тебѣ Господь свою милость здѣсь и на томъ свѣтѣ .

Тутъ же онъ просить его распорядиться, чтобы враги не тревожили датскаго короля, занятаго обращеніемъ язычниковъ на Балтійскомъ побережѣ. Вообще въ это время Иннокентій считалъ возможнымъ пользоваться Оттономъ даже въ дѣлахъ, не касавшихся Германіи. Такъ Оттонъ по его порученію старается примирить своего дядю, Іоанна Безземельнаго, съ архіепископомъ Кантерберійскимъ. Но разрывъ между обоими союзниками былъ неминуемъ. Оттонъ, какъ коронованный глава священной римской имперіи, не могъ относиться равнодушно къ захватамъ имперскихъ владѣній и правъ, происшедшимъ въ Италіи по смерти его предшественника Генриха VI. Какъ всѣ Вельфы, Оттонъ былъ очень гордъ, о чемъ свидѣтельствуеъ его печать съ изображеніемъ его на престолѣ со скипетромъ въ одной рукѣ, съ земнымъ шаромъ въ другой, съ солнцемъ и луной надъ нимъ. Весьма возможно, что это соединеніе обоихъ свѣтилъ на императорской печати было протестомъ противъ излюбленнаго папами сравненія папства съ солнцемъ, а имперіи съ луной, получающей свѣтъ отъ папства ¹⁾. Впрочемъ самъ Иннокентій сознавалъ, что ему трудно будетъ удержать все, что ему такъ легко удалось захватить, и готовъ былъ итти на сдѣлку, на избраніе обѣими сторонами арбитражной комиссіи. Можетъ быть онъ самъ руководился при этомъ совѣтомъ, который онъ, въ ожиданіи вторженія Оттона, далъ консуламъ Террачины,—быть насторожѣ, чтобы быстро проносящійся горный потокъ не повредилъ ихъ городу.

Но на очереди стоялъ еще другой болѣе щекотливый вопросъ—объ отношеніи Оттона къ молодому Фридриху. Воцареніе Оттона лишило Фридриха не только короны, обѣщанной ему въ колыбели, но и родовыхъ владѣній Гогенштауфеновъ въ Швабіи. Они были такъ значительны, что, несмотря на раздачу большой ихъ части Филиппомъ для приобрѣтенія приверженцевъ, они при смерти его все еще составляли около 350 укрѣпленныхъ помѣстій (*castella*).

Иннокентій, какъ опекунъ Фридриха, не могъ не поддержать его притязаній на родовое отцовское наслѣдство. Этого-то и опасался Оттонъ, и не даромъ: онъ, какъ выше было указано, требовалъ отъ папы гарантій противъ возможныхъ замысловъ Фридриха. Въ Италіи онъ рѣшился самъ добыть себѣ эти гарантіи, принудивъ войною Фридриха отказаться отъ всякихъ притязаній.

При такихъ обстоятельствахъ и произошелъ разрывъ между Иннокентіемъ и Оттономъ. Одной изъ первыхъ мѣръ явно вра-

---

¹⁾ Winkelmann. Philipp v. Schwaben und Otto VI. v. Braunschweig II 208. Изображеніе печати у Iäger. Gesch. d. Mittelalters. 281.

ждебныхъ папѣ было возстановленіе герцогства Сполетскаго и назначеніе герцогомъ его Дипольда, бывшаго воеводы Генриха VI, въ началѣ 1210 г. За этимъ послѣдовало обращеніе Оттона къ итальянскимъ городамъ и вассаламъ за содѣйствіемъ ему въ походѣ на южную Италію. Во время этого похода Оттонъ занялъ по пути разные города старинной вотчины св. Петра. Къ этому времени относится, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, не снабженное ни подписью, ни датою, папское посланіе, грозящее анаемой за нарушеніе имущественныхъ правъ апостольскаго престола. Нужно при этомъ отдать справедливость терпѣнію Иннокентія, пять разъ посылавшаго аббата монастыря Моримунда въ Капую къ Оттону съ предложеніемъ уступить Оттону занятая имъ территоріи, если онъ откажется отъ завоеванія Сициліи. Самъ Фридрихъ прислалъ пословъ съ предложеніемъ отречься отъ отцовской вотчины и уплатить пять тысячъ фунтовъ золота и серебра. Но Оттонъ отвергъ эти предложенія. Къ этому его побуждало не только его высокомѣрное упрямство, но и вліяніе окружавшихъ его военныхъ людей, въ числѣ которыхъ было много недовольныхъ бароновъ изъ южной Италіи.

18 ноября 1210 г. Иннокентій, по полученіи извѣстія, что Оттонъ перешелъ съ войскомъ границу Сицилійскаго королевства, отлучилъ его отъ церкви. Такой крутой поворотъ въ политикѣ Иннокентія не могъ не изумить современниковъ. Иннокентій самъ былъ смущенъ, и какъ будто сконфуженъ, и это настроеніе высказывается характерно для него въ его письмахъ. Сообщая королю Филиппу Августу о случившемся, Иннокентій выражаетъ сожалѣніе, что онъ не былъ столь же проникателенъ, какъ король, по отношенію къ Оттону: „О, еслибы, дорогой сынъ мой, о еслибы нравъ Оттона, слывущаго императоромъ, былъ намъ также хорошо извѣстенъ, какъ тебѣ, мы не были бы имъ такъ нечестно обмануты. Не безъ стыда я сообщаю тебѣ о моихъ тревогахъ, ибо ты столько разъ меня предостерегалъ. Но мы утѣшаемся тѣмъ, что самъ Господь раскаявался въ томъ, что поставилъ Саула царемъ надъ Израилемъ“.

Такъ Иннокентій всегда находилъ подходящіе библейскіе тексты для всякаго момента своей жизни. Недавно еще онъ привѣтствовалъ Оттона словами, что нашелъ человѣка „по сердцу своему“.

Приведенное самооправданіе повидимому глубоко запало въ душу Иннокентію; онъ еще разъ прибѣгаетъ къ нему, въ письмѣ къ архіепископу Равенскому: „Господу и тебѣ жалуемся мы на императора, который, не помня нашихъ благодѣяній и забывъ

свои обѣщанія, воздалъ намъ зломъ за добро, ненавистью за любовь, обиду за милость, оскорбленіемъ за почетъ; какъ нечестивый сынъ, онъ началъ угнетать свою мать, которая со всѣмъ усердіемъ старалась, вопреки всеобщему почти желанію, возвысить его на престоль. Какъ это тебѣ и другимъ хорошо извѣстно, многіе теперь глумятся надъ нами, говоря, что мы подѣломъ страдаемъ, такъ какъ сами сковали мечъ, которымъ намъ нанесена тяжелая рана. Но пусть глумителямъ отвѣтитъ за насъ Всевышній, Которому вѣдома чистота нашихъ помысловъ и Который, какъ видно изъ Писанія, самъ не безъ причины о себѣ сказалъ: „Сожалѣю, что создалъ человѣка“.

Виблейскія аналогіи, къ которымъ прибѣгалъ Иннокентій III, служили ему не только риторическими метафорами. Изъ того, что Господь, избравъ Саула въ цари, низложилъ его, папа извлекалъ свое право ниспровергнуть Оттона. Рѣшившись на это, Иннокентій вышелъ изъ своего выжидательнаго положенія и обнаружилъ по своему обыкновенію изумительную дѣятельность. Повсюду онъ разсылалъ свои грамоты, взывая къ отпаденію отъ Оттона, и страшая его приверженцевъ. Жителямъ Болоньи онъ грозилъ кромѣ отлученія отъ церкви перевести ихъ университетъ въ другой городъ; миланцамъ—выдѣлить епархію Кремоны изъ ихъ архіепископства. Особенную надежду возлагаетъ Иннокентій на Филиппа Августа, заклятаго врага Плантагенетовъ и ихъ родни, прося его помочь ему деньгами и войскомъ и убѣждая его агитировать притивъ Оттона среди германскихъ князей. Но тутъ папа попалъ на достойнаго его политика: король готовъ былъ дать денегъ, но потребовалъ отъ папы, чтобы онъ обязалъ французское духовенство, епископовъ и аббатовъ, какъ черныхъ, такъ и бѣлыхъ монаховъ и всѣхъ клериковъ, платить королю подать съ своихъ доходовъ; тогда и онъ поможетъ папѣ деньгами. Относительно князей Германіи король пишетъ, что тѣ требуютъ грамоты, подписанныхъ папой и кардиналами съ обязательствомъ никогда не примириться съ Оттономъ. Онъ настаиваетъ также на изданіи папскихъ посланій, которыми всѣ подданные Оттона освобождались бы отъ присяги ему, а князья уполномочивались избрать другого императора. При такихъ условіяхъ король обѣщалъ вторгнуться съ арміей въ Германію.

Но Иннокентій не нуждался въ такомъ совѣтѣ. Его агенты уже наводнили Германію, вездѣ проповѣдуя возстаніе противъ отлученнаго отъ церкви Оттона. Самъ Иннокентій искусно возстановляетъ князей противъ Оттона, предостерегая ихъ, что Оттонъ подвергнетъ ихъ такому порабощенію, въ какое его дѣдъ и дядя,

т.-е. Генрихъ II и Ричардъ, привели бароновъ Англіи. Вѣрно то, что Оттонъ вступилъ въ борьбу съ феодальной анархіей и принялся, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, возстановлять права имперіи. Онъ принималъ мѣры противъ разбоя и велѣлъ повѣсить нѣсколько рыцарей, занимавшихся грабежомъ. Но особенно повредилъ онъ себѣ тѣмъ, что навлекъ на себя неудовольствіе церковныхъ князей и прелатовъ. Въ Германіи церковъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обезсиливала государство, и чтобы возстановить средства имперіи, было необходимо противодѣйствовать захватамъ церковныхъ властей и воспользоваться ихъ доходами въ интересахъ государства. Этимъ намѣреніемъ Оттонъ оттолкнулъ отъ себя главу нѣмецкаго духовенства, архіепископа Майнцакаго, и обратилъ его въ злѣйшаго врага. Архіепископъ публично обвинялъ императора въ томъ, что, по его словамъ, архіепископу достаточно имѣть свиту въ 12 коней, епископу—въ 6, а аббату—въ 3; излишекъ же отъ содержанія ихъ двора долженъ итти въ казну.

Нерасположеніе духовенства къ Оттону имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что подъ руководствомъ архіепископа Майнцакаго собрался въ сентябрѣ 1211 года въ Нюренбергѣ сеймъ изъ князей южной Германіи—Баваріи, Австріи, къ которымъ присоединились Германъ Тюрингенскій и король Богеміи. На этомъ сеймѣ было рѣшено провозгласить римскимъ императоромъ Фридриха, короля Сициліи, и отправить въ Италію посольство, чтобы увѣдомить объ этомъ папу и короля.

И вотъ Иннокентій опять на поворотномъ пунктѣ своей политики, сдѣлавши все возможное, чтобы лишить младенца Фридриха отцовской короны и не допустить соединенія Сициліи съ Германіей. А теперь, подъ вліяніемъ гнѣва на Оттона, папа ухватился за кандидатуру Фридриха и благословилъ 18-тилѣтняго юношу добиваться императорской короны. Узнавъ о томъ, что произошло въ Германіи, Оттонъ поспѣшилъ туда, чтобы заградить своему юному сопернику путь чрезъ Альпійскіе проходы. Фридриху, однако, удалось пройти необычнымъ путемъ къ истокамъ Рейна, и по рейнской долинѣ пройти въ Лотарингію, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ сыномъ Филиппа Августа и заручился денежной помощью со стороны короля. Но главнымъ пособникомъ Фридриха оказался самъ папа. Иннокентій не постѣснялся и для этой цѣли воспользоваться „мечомъ св. Петра“. Злоупотребленіе церковной властью для политическихъ цѣлей проявилось особенно ярко въ мѣрахъ, принятыхъ папой противъ епископовъ Гильдесгейма и Гальберштадта, виновныхъ въ томъ, что они остались вѣрны Оттону. Не принимая въ соображеніе, что

епархіи этихъ епископовъ входили въ составъ владѣній вельфскаго дома, папа отлучаетъ ихъ отъ церкви и назначаетъ надъ ними слѣдствіе, грозящее имъ отрѣшеніемъ отъ сана. Но эта помощь оказывалась Фридриху, конечно, не даромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ договоръ, заключенный Фридрихомъ съ римской церковью въ Эгерѣ 12-го іюля 1213 г. Въ этой грамотѣ Фридрихъ, признавая „безчисленные и безмѣрные благодѣянія, оказанныя ему папою“, беретъ на себя тѣ же обязательства, которые были наложены папою на его предшественниковъ, Оттона и Филиппа, съ прибавкою къ папскимъ владѣніямъ „всѣхъ прочихъ земель, принадлежавшихъ когда-либо римской церкви“, выдавая этими словами какъ бы на себя бланковый вексель. Но, проученный опытомъ, Иннокентій не довольствуется, какъ въ Шпейерѣ, скрѣпою одного лишь канцлера; договоръ въ Эгерѣ скрѣпленъ подписями двухъ архіепископовъ, короля Богеміи, герцоговъ Баваріи и Австріи и цѣлаго ряда епископовъ и князей.

Эгерскія постановленія имѣли своимъ послѣдствіемъ совершенное изъятіе замѣщенія церковныхъ кафедръ и избранія прелатовъ изъ-подъ власти императора. Они знаменуютъ собою полную побѣду священства надъ царствомъ, совершенную эмансипацію церкви отъ свѣтской власти. Поэтому историкъ германской церкви говоритъ, что 12 іюля 1213 года знаменуетъ собою апогею успѣховъ Иннокентія III ¹⁾. Два года спустя папѣ удалось провести эти постановленія на Латеранскомъ соборѣ и ввести ихъ въ каноническое право. Но особенное значеніе и особенныя послѣдствія имѣло это для Германіи. Папская власть въ ней была признана неограниченной въ области церкви, а такъ какъ прелаты были вмѣстѣ съ тѣмъ и имперскими князьями, то этимъ расширеніемъ папской власти была парализована императорская власть и было положено основаніе и политическому партикуляризму въ Германіи, и распаденію имперіи.

Но Иннокентій не удовольствовался этимъ торжествомъ надъ германской церковью и этой косвенной побѣдой надъ имперіей. Онъ воспользовался созваннымъ въ 1215 году въ Римѣ Латеранскимъ соборомъ для манифестаціи предъ лицомъ всего христіанскаго міра своего супремата надъ императорскою властью и вызвалъ къ верховному суду своему на соборѣ обоихъ императоровъ въ лицѣ ихъ представителей. Замѣчательно, что оба императора Германіи были представлены итальянскими делегатами: Фридрихъ—архіепископомъ Палермскимъ, Оттонъ же—депутаціей

1) Nauck. IV. 741.

города Милана, оставшагося ему вѣрнымъ. Обвинителемъ Оттона выступилъ его врагъ, маркизь Монфератскій. Въ длинной рѣчи онъ перечислилъ все преступленія Оттона противъ церкви. Между этими преступленіями былъ упомянутъ арестъ папскаго легата и вверженіе его въ тюрьму, обращеніе въ крѣпость женскаго монастыря въ Кведлинбургъ и непочтительное обозначеніе Фридриха *поповскимъ* королемъ. На этомъ основаніи маркизь потребовалъ, чтобы миланцы не были допущены къ защитѣ Оттона.

Делегаты Оттона запротестовали; произошло смятеніе. Иннокентій III сошелъ съ престола и удалился изъ церкви.

Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ объявилъ свое рѣшеніе и утвердилъ избраніе Фридриха князьями Германіи.

Это было послѣднее торжество Иннокентія надъ современнымъ ему царствомъ. Въ слѣдующемъ году Иннокентій скончался, не доживъ до момента новаго глубокаго разочарованія въ своемъ ставленникѣ на престолѣ имперіи. Въ своей Эгерской грамотѣ Фридрихъ заявилъ о своемъ желаніи, чтобы „между священствомъ и имперіей былъ установленъ крѣпкій миръ и чтобы эти двѣ власти впредь были навѣки соединены въ ненарушимомъ согласіи“. Иннокентію не пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ непрочное оказалось это согласіе и какъ возведенный имъ на престолъ императоръ оказался самымъ упорнымъ и могучимъ борцомъ противъ теократіи.

* * *

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ вѣковомъ антагонизмѣ между папствомъ и имперіей *именно* Иннокентій III окончательно склонилъ вѣсы въ пользу духовной власти. Онъ засталъ дѣло въ такомъ положеніи, что въ Римѣ командовалъ императорскій префектъ, а римскій епископъ былъ менѣе обезпеченъ въ своихъ свѣтскихъ правахъ и въ своей независимости отъ свѣтской власти, чѣмъ любой изъ епископовъ священной римской имперіи, но, воспользовавшись обстоятельствами, Иннокентій смѣло провозгласилъ теорію, въ силу которой самое могущественное государство тогдашняго времени становилось вотчиной св. Петра, а преемникъ римскихъ цезарей и Карла Великаго—простымъ ставленникомъ римскаго епископа. Иннокентій нашелъ императора, который изъ личныхъ видовъ далъ свое согласіе на эти притязанія, и, не смотря на энергическіе протесты нѣмецкихъ князей, аргументація

Иннокентія III вошла въ декреталии, т.-е. стала каноническимъ закономъ для всего западнаго міра.

Въ отвѣтъ посламъ короля Филиппа Иннокентій подвелъ спорный вопросъ объ избраніи преемника Генриху VI подъ общую теорію о преимуществѣ священства надъ царствомъ. Аргументація вращается отчасти въ представленіяхъ, взятыхъ изъ дѣйствительныхъ отношеній между духовною и свѣтскою властью. „Достойнѣе тотъ, кто получаетъ десятину, чѣмъ тотъ, кто ее платитъ; ниже стоитъ тотъ, кто получаетъ благословеніе, чѣмъ тотъ, кто его даетъ; выше по достоинству тотъ, кто даетъ помазаніе, чѣмъ помазанникъ“, и т. д. Еще болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ и еще сильнѣе выражаютъ притязанія папской власти примѣненныя къ данному вопросу толкованія разныхъ текстовъ св. Писанія. Въ нихъ ясно проглядываетъ намѣреніе отождествить духовную власть съ божественною, чтобы поставить ее выше свѣтской власти. Слова книги Бытія о Мельхиседекѣ, что онъ былъ „царемъ государства и слугою Всевышняго“, даютъ Иннокентію поводъ противопоставить государству божество (*civitatem et divinitatem*) и отождествить различіе между ними съ различіемъ между царемъ и священникомъ. Текстъ изъ книги Исхода (XXII, 28): „Судей не злословь и начальника въ твоемъ народѣ не поноси“¹⁾ истолковывается Иннокентіемъ такъ, что „Господь священниковъ назвалъ богами, а царей начальниками“. Другой текстъ даетъ поводъ отождествить священника съ ангеломъ. „Князьямъ дана власть на землѣ, а священникамъ—на небѣ. Одни поставлены надъ тѣломъ, другіе—надъ душою, и насколько душа достойнѣе тѣла, настолько священникъ достойнѣе царя“.

Вторая часть аргументаціи принимаетъ историческій характеръ: „ибо священство не только превосходитъ царство по достоинству, но и по времени... Оба они, какъ царство, такъ и священство, учреждены были для народа Божьяго; но священство—по Божьему поставленію, царство же—вслѣдствіе людского вымогательства“ (*per extorsionem*). Что у евреевъ священство предшествовало царству—легко было подтвердить всѣмъ извѣстными фактами; но чтобы не осталось сомнѣнія относительно такого же хода дѣла у язычниковъ, у которыхъ, по свидѣтельству Писанія, царство ведетъ свое начало отъ Вала у ассирійцевъ и отъ Нимврода—у вавилонянъ, Иннокентій указываетъ на то, что Ной

---

¹⁾ Въ текстѣ Вульгаты сказано: *Diis non detrahes et principi populi tui non maledices.*

предшествовалъ этимъ царямъ и былъ правителемъ ихъ ковчега, т.-е. „какъ бы священникомъ церкви“.

Преимущество священства надъ царствомъ доказывается далѣе не только происхожденіемъ ихъ, но и всей ихъ исторіей. Противъ того и другого воздвигнуты были соблазнъ и расколъ; но расколъ не одолѣлъ священства, какъ показываетъ исторія еврейскаго народа; расколъ же, воздвигнутый противъ царства, не былъ усмирень, а превозмогъ, какъ то свидѣтельствуемъ исторія царя Саула. Точно такъ же и въ дальнѣйшемъ теченіи времени не священство, а царство подверглось раздѣленію послѣ Соломона. Но алтарь съ золотымъ тельцомъ, воздвигнутый у израильтявъ, былъ сокрушенъ и рука царя сожжена, раздѣленіе же царства іудейскаго осталось до конца. И что случилось въ ветхомъ завѣтѣ, то повторилось и въ новомъ; одновременно произошло раздѣленіе какъ священства, такъ и царства при папѣ Иннокентіи II и при королѣ Лотарѣ. Противъ Иннокентія возсталъ Анаклетъ, противъ Лотаря—Конрадъ. Но въ обоихъ случаяхъ взяли верхъ католики—ибо Иннокентій короновалъ Лотаря—и потерпѣли пораженіе схизматики Анаклетъ и Конрадъ, ибо правда побѣждаетъ кривду. То же повторилось и при папѣ Александрѣ III, когда императоръ Фридрихъ, не какъ защитникъ церкви, а какъ притѣснитель ея, содѣйствовалъ схизмѣ и благопріятствовалъ схизматикамъ. Но схизма погибла съ схизматиками. Нынѣ же церковь, по милости Божіей, состоитъ въ единствѣ, имперія же, въ силу грѣховъ, раздѣлена. Церковь, однако, воздаетъ царству не тѣмъ, что отъ него получала, но соболѣзнуетъ ему. Впрочемъ къ апостольскому престолу давно уже надо было обратиться, и ему это дѣло подлежить, такъ какъ онъ перенесъ имперію съ востока на западъ, и по его же усмотрѣнію дается императорскій вѣнецъ.

Изложенный здѣсь документъ представляетъ собою двойной интересъ: какъ литературный памятникъ, его можно признать продолженіемъ исторіи божескаго царства у Августина, доведенной тамъ до паденія языческаго Рима. Иннокентій проводитъ исторію божескаго царства далѣе черезъ средніе вѣка до собственныхъ дней, также противопоставляя ему свѣтское государство и отождествляя съ нимъ римскую церковь.

Какъ юридическій памятникъ, этотъ документъ имѣетъ важное значеніе для оцѣнки папской политики. Вмѣшательство Иннокентія въ избраніе германскаго короля и его притязаніе подчинить этотъ выборъ рѣшенію папъ можетъ быть оправдано, какъ мы

указывали, положеніемъ Церковной Области и той ролью, которую могъ играть въ Италіи и въ самомъ Римѣ германскій король въ качествѣ императора. Съ этой точки зрѣнія все, что предпринялъ Иннокентій III въ дѣлахъ Церковной Области и Германіи по смерти Генриха VI, можетъ быть объяснено самообороной противъ могущественныхъ Гогенштауфеновъ. Но разсмотрѣнный нами документъ и ему подобные представляютъ дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ; изъ нихъ оказывается, что стремленіе Иннокентія поставить императорскую корону въ зависимость отъ папъ имѣло принципиальный характеръ и вытекало изъ его общаго воззрѣнія на мірскія дѣла. Конечно, можно было бы сказать, что необходимость отстаивать свою независимость отъ императора побудила папу перейти въ наступленіе и въ пылу борьбы ему пришлось повысить тонъ и притязанія. Но такое толкованіе исключается тѣмъ, что политика Иннокентія по отношенію къ имперіи является выраженіемъ цѣлой системы и началомъ новой эпохи въ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтскимъ властямъ и интересамъ вообще. Характернымъ признакомъ этихъ новыхъ отношеній является новый принципъ, провозглашенный Иннокентіемъ, новый выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ давно признаннаго положенія. „Священство выше царства по достоинству, по назначенію и по происхожденію“. Это положеніе можно считать краеугольнымъ камнемъ средневѣкового міровоззрѣнія—его основаніе можно найти уже въ „божескомъ царствѣ“ Августина; но теперь эта формула получаетъ новое примѣненіе: если священство достойнѣе царства, то въ силу этого оно имѣетъ право требовать себѣ его подчиненія, и такъ какъ священство олицетворяется папою, то формула эта на практикѣ приводила теперь къ требованію, чтобы свѣтскія власти подчинялись папѣ и *въ свѣтскихъ* вопросахъ.

Вотъ въ этомъ заключается новый поворотъ въ средневѣковой жизни, насколько она находилась подъ вліяніемъ папства, и нельзя не сказать, что виновникомъ этого поворота былъ въ значительной степени Иннокентій III. Ему же принадлежитъ значительная доля отвѣтственности въ томъ, что папство, ставъ во главѣ церкви, какъ божескаго царства, признало своимъ призваніемъ *царствованіе* на землѣ и распростерло свою власть изъ области духовныхъ интересовъ въ свѣтскіе. Этотъ процессъ, обнаружившійся яснѣе въ XIII в., послѣ Иннокентія III, привелъ къ паденію римскую церковь, а вмѣстѣ съ нею и средневѣковое міровоззрѣніе. Требуя себѣ подчиненія свѣтскихъ интересовъ во имя своего духовнаго значенія, папство, повидимому, выиграло

дѣло и достигло небывалаго величія и авторитета; но это было самообольщеніемъ, потому что чѣмъ болѣе оно связывало себя свѣтскими интересами, чѣмъ болѣе оно ими поглощалось, тѣмъ болѣе матеріализировалась и затемнялась представляемая имъ идея, которой оно было обязано своею силою, и тѣмъ слабѣе, слѣдовательно, становился его авторитетъ.

ИННОКЕНТИЙ III И ЕГО ВАССАЛЬНЫЕ КОРОЛИ.

Попытка Иннокентія III обратить Италію въ папскую область (опричину) и его стремленіе присвоить себѣ право утвержденія на престолѣ римско-германскаго императора представляютъ собою два ближайшихъ этапа папства на пути къ установленію теократическаго строя въ Западной Европѣ. Но кромѣ этого нужно указать еще третью эволюцію въ этомъ направленіи, которая также достигла именно при Иннокентіи и благодаря ему своей высшей точки развитія.

Это образованіе вскругъ папы цѣлаго сонма вассальныхъ государствъ, подчиненныхъ ему не только въ силу принципа преобладанія „священства“ надъ царствомъ, но на болѣе реальномъ, въ извѣстномъ смыслѣ юридическомъ основаніи. Вытекавшія отсюда отношенія являются характерной чертой средневѣкового быта, интереснымъ отраженіемъ *феодализма* въ области религіозныхъ понятій и учрежденій.

Феодальному быту, какъ извѣстно, было чуждо разграниченіе частнаго и государственнаго права, — а, напротивъ, свойственно смѣшеніе этихъ правъ и отождествленіе нормъ, вытекавшихъ изъ того или другого понятія. Отсюда слѣдовало, что государственная власть считалась собственностью даннаго обладателя ея и его рода, а съ другой стороны — съ землевладѣніемъ часто бывали связаны государственныя функціи и права. Другой чертой феодализма было допущеніе понятія *совладѣнія* не только въ частномъ, но и государственномъ быту. Отсюда понятіе *лена*. Ленъ—будь то отдѣльное помѣстье или цѣлое государство, имѣетъ двухъ владѣльцевъ—*сеньёра* и *вассала*. Первый является идейнымъ собственникомъ помѣстья или государства съ извѣстнымъ ограниченіемъ въ пользу второго; вассалъ же является реальнымъ, дѣйствительнымъ обладателемъ предоставленной ему собственности съ извѣстными обязательствами по отношенію къ сеньёру. Эти представленія стали рано проникать въ бытъ церковныхъ учре-

жденій и примѣняться къ духовнымъ лицамъ, такъ какъ эти учрежденія и эти лица становились наподобіе мірянъ и мірскихъ учрежденій землевладѣльцами со всѣми правами и привилегіями феодальныхъ сеньеровъ.

Охватившій всю жизнь среднихъ вѣковъ феодализмъ окрасилъ съ теченіемъ времени и взаимныя отношенія между папой и различными феодальными князьями. Феодальный сеньеръ приносилъ свое владѣніе въ даръ св. Петру въ лицѣ его намѣстника, и папа пріобрѣталъ этимъ путемъ извѣстный авторитетъ надъ своимъ новымъ вассаломъ и извѣстныя права по отношенію къ его владѣніямъ.

Пока такого рода факты происходили въ предѣлахъ средней Италіи, они не выходили изъ ряда обыкновенныхъ явленій феодальнаго быта, но по мѣрѣ усиленія папскаго авторитета мы видимъ уже иностранныхъ государей, вступающихъ въ число папскихъ ленниковъ и предъ римскимъ епископомъ открывается далекая перспектива на расширеніе папской власти въ области международныхъ отношеній.

Первый крупный пріобрѣтенный римскимъ епископомъ суверенитетъ надъ независимымъ государемъ относится къ XI вѣку, когда при Григоріи VII нормандецъ Робертъ Гвискаръ, завоевавъ Сицилію и южную Италію, призналъ эти области леномъ св. Петра, а себя—вассаломъ папы. Этотъ папа находился тогда въ ожесточенной борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ IV изъ-за права назначенія епископовъ, и вступленіе могущественнаго Гвискара въ вассалы Григорія VII въ значительной степени содѣйствовало успѣху іерократическихъ стремленій Григорія и его преемниковъ.

За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ государей на Пиренейскомъ полуостровѣ, такъ что почти всѣ государи Испаніи и Португаліи вошли въ число римскихъ вассаловъ и ихъ рядъ закончился при Иннокентіи III всемірно-историческимъ фактомъ вассальнаго подчиненія Англій римской куріи.

Обзору этихъ фактовъ будетъ посвящена настоящая глава, но прежде, чѣмъ обратиться къ изложенію ихъ, укажемъ на ихъ значеніе. Крупнѣйшимъ фактомъ западно-европейской цивилизаціи является попытка установленія на землѣ Божьяго царства въ видѣ папской теократіи, а при изученіи ея существенный интересъ представляетъ анализъ роли, какую играли въ этой исторической эволюціи различные элементы, обезпечивавшіе ростъ и успѣхъ папскаго супремата—религіозныя *идеи*, индивидуальная инициатива, личные мотивы и страсти, политическія и культурныя условія. Насколько, напр., вѣрно объясненіе свѣтской власти пап-

ства, данное однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи католицизма, — что эта власть досталась папамъ въ „силу необходимости и исполненія лежавшаго на нихъ долга“? *). И мы держимся того мнѣнія, что историкъ свѣтской власти папъ обязанъ принимать въ должное вниманіе тѣ реальныя условія, которыя содѣйствовали римскимъ епископамъ стать свѣтскими государями, но не въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ заключается вся сущность дѣла. Какъ во всей исторіи папства, такъ и въ эволюціи ихъ свѣтской власти нужно помимо условій, навязывавшихъ имъ имперіалистическую политику, не терять изъ вида римскую традицію и теократическій принципъ. Въ этомъ отношеніи факты, къ которымъ мы теперь обратимся, представляютъ особенно интересный матеріаль.

Почти одновременно съ подчиненіемъ Неаполя и Сициліи, свѣтской власти папъ удалось пустить корни и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Испанія, въ большей своей части завоеванная маврами, лишь съ XI вѣка начала мало-по-малу освобождаться отъ мусульманскаго ига. Освобожденіе шло медленно, такъ какъ Испанія была раздроблена въ политическомъ отношеніи. Зато борьба съ невѣрными тамъ не прекращалась; она представляла собою какъ бы хроническій крестовый походъ. Это обстоятельство поддерживало религіозный пылъ испанцевъ и сближало ихъ князей съ Латераномъ.

Въ 1063 году король Арагонскій Рамиро обязался платить папѣ десятину со всѣхъ своихъ доходовъ, настоящихъ и будущихъ. На этомъ основаніи папы считали Арагонію данницею апостольскаго престола. Сынъ этого Рамиро, Санчо, заявилъ за себя и за своего сына, что будетъ впредь платить папѣ 500 мангоновъ; а сынъ Санчо — Петръ I — подтвердилъ отцовское обязательство и папа Урбанъ II писалъ ему: „Всѣ твои преемники будутъ держать королевство Арагонію какъ даръ изъ моихъ рукъ и изъ рукъ моихъ преемниковъ. Всѣ они будутъ платить эту дань въ 500 мангоновъ и будутъ признавать себя служителями апостола“.

При томъ же папѣ Урбанѣ II графъ Барселоны послѣдовалъ примѣру своего сосѣда — короля Арагоніи и, завоевавъ Таррагону у мавровъ, принесъ ее въ даръ св. Петру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое родовое владѣніе обратилъ въ папскій ленъ, обязавшись платить за него ежегодную дань въ 25 ф. серебра.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ то же самое произошло и на западномъ берегу Пиренейскаго полуострова. Графъ португальскій, расши-

*) Sie fiel dem Papste zu als Sache der Noth und der Pflicht. Döllinger.

ривъ счастливыми походами противъ мавровъ свои владѣнія, и не желавшій быть въ зависимости отъ болѣе могущественнаго сосѣда въ сѣверной Испаніи—короля Кастиліи,—„принесъ въ даръ св. Петру то, что онъ взялъ у „Магомета“. Онъ объявилъ себя вассаломъ и „спеціальнымъ воиномъ“ папы (*Proprius miles*) и отправилъ къ нему посла съ просьбой принять его присягу и обязательство ежегодной уплаты 4 унцій золота въ знакъ своего подчиненія. Такое рвеніе не осталось вознагражденнымъ. Папа Александръ III пожаловалъ въ 1179 году Альфонсу I титулъ короля и—обрадованный этимъ—король обязался платить Риму 1000 византійскихъ золотыхъ и ежегодную дань (*census*) въ 100 золотыхъ. Но онъ оказался неисправнымъ плательщикомъ, а его сынъ, Санчо, совсѣмъ прекратилъ уплату дани.

Такъ обстояло дѣло, когда папскій престолъ занялъ Иннокентій III, который тотчасъ принялся возвращать куріи все, что было ею утрачено при его слабыхъ предшественникахъ. Уже черезъ три мѣсяца послѣ своего избранія онъ обращается къ португальскому королю съ требованіемъ недоимокъ: „Мы нежелаемъ скрыть отъ твоей свѣтлости, писалъ онъ королю Санчо 24 апрѣля 1198 года (I—99), что—какъ мы усмотрѣли изъ регестъ доброй памяти папы Люція II, досточтимой памяти отецъ твой, Альфонсъ, установилъ ежегодную дань въ пользу римской церкви въ четыре унціи золота и обязалъ къ уплатѣ оной своихъ наслѣдниковъ“. Иннокентій, затѣмъ, напоминаетъ королю, что его отецъ до времени папы Александра III пользовался лишь титуломъ герцога (*ducis*) и удостоился лишь отъ этого папы королевскаго титула и за это выразилъ папѣ свою преданность церкви установленіемъ ежегодной дани въ сто византійскихъ золотыхъ.

Король Санчо пытался затянуть дѣло; онъ уплатилъ часть дани, относительно же обязательства уплатить 1000 византійскихъ золотыхъ высказалъ сомнѣніе. Но Иннокентій прислалъ ему въ писку изъ самой дарственной грамоты, хранившейся въ папскомъ архивѣ, и увѣрялъ его въ своемъ расположеніи тѣмъ болѣе, горячемъ, что его наслѣдственное королевство по волѣ его предковъ считалось владѣніемъ римской церкви. Въ концѣ же письма папа предостерегалъ короля о карахъ, которыя Творецъ ниспосылаетъ на тѣхъ, кто наноситъ ущербъ Его церкви, въ особенности же на тѣхъ, кто несправедливо удерживаетъ за собою добро св. Петра.

Событія, случившіяся по смерти короля Санчо, дали Иннокентію возможность затянуть еще крѣпче сѣть, которою онъ опуталъ королевство Португаліи. Наслѣдникомъ Санчо былъ Альфонсъ II, молодой человекъ 25 лѣтъ. Онъ остался недоволенъ

завѣщаніемъ, которымъ его отецъ обезпечилъ другихъ своихъ дѣтей, двухъ сыновей и трехъ дочерей. Этимъ дочерямъ онъ выдѣлилъ нѣсколько городовъ и земель въ своемъ королевствѣ. Папа Иннокентій по просьбѣ умирающаго короля утвердилъ завѣщаніе. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался рѣшителемъ судьбы членовъ королевской семьи. Это обнаружилось въ буллѣ Иннокентія отъ 16 апрѣля 1212 г.

Между тѣмъ распря между наслѣдниками Санчо повергла Португалію въ смуту. Сыновья Санчо бѣжали во Францію; дочери заперлись въ своихъ городахъ и обратились за помощью къ королю сосѣдняго королевства Леона, Альфонсу IX, и къ папѣ. Иннокентій поручилъ душеприказчикамъ—архіепископу Компостеллы и епископу—заступиться за инфантъ. Слѣдствіемъ этого было отлученіе короля и интердиктъ, наложенный на Португалію. Король Альфонсъ готовъ былъ предоставить сестрамъ доходы съ городовъ, но не государственную власть надъ ними, которую онъ считалъ неотъемлемою принадлежностью старшаго сына. Такимъ образомъ завязалась тяжба, рѣшеніе которой зависѣло отъ Рима. Такимъ образомъ король Альфонсъ былъ вынужденъ удовлетворить всѣ требованія папы. Онъ уплатилъ папскому легату сумму, представлявшую собою чиншъ за 28 лѣтъ и лишь послѣ этого съ короля было снято отлученіе.

Въ виду этого можно почти согласиться съ историкомъ этихъ событій: „Церковь владѣла всѣмъ въ этой странѣ—высшимъ авторитетомъ, почетомъ, суверенной властью надъ землей—и она не забывала и о деньгахъ“ *).

Какъ выше было указано, западныя области Испаніи уже въ XI вѣкѣ вступили въ феодальное подчиненіе къ папству.

Но современный папѣ Иннокентію III король Петръ II далъ этому факту огласку торжественнымъ обрядомъ, засвидѣтельствовавшимъ предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ суверенитетъ римскаго епископа. Въ 1204 г. онъ высадился въ Остин, гдѣ былъ встрѣченъ кардиналомъ и сенаторомъ, представлявшимъ римскій муниципій. А на слѣдующій день, папа послѣ помазанія короля вѣнчалъ его и вручилъ ему скиптръ и золотое яблоко, символъ земного шара. Петръ же, положивъ руку на Евангеліе, произнесъ слѣдующую присягу: „Я, Петръ, король Арагоніи, заявляю и клянусь, что всегда буду послушнымъ вассаломъ моего господина, папы Иннокентія, и его католическихъ преемниковъ. а также и римской церкви. Я буду вѣрно сохранять мое коро-

*) Luchaire. Les Royautés Vassales, p. 27.

левство въ покорности ему, защищать католическую вѣру и преслѣдовать ересь. Я буду уважать свободу и независимость церкви и заставлю другихъ уважать ея права. Въ предѣлахъ всѣхъ моихъ владѣній я буду стараться поддерживать миръ и справедливость. Клянусь именемъ Господа на семь святомъ Евангеліи“.

Изъ монастыря св. Панкратія, гдѣ происходила эта церемонія, король отправился съ папой въ базилику св. Петра. Здѣсь онъ сложилъ на гробъ апостола скиптръ и діадему, Иннокентій опоясалъ его мечемъ въ знакъ того, что онъ принятъ въ число рыцарей, посвятившихъ себя на службу церкви (*Proprius miles*). Король же передалъ св. Петру королевство Арагонію, вручивъ папѣ дарственную грамоту, положенную на алтарь. Грамота гласила: „Заявляю языкомъ и сердцемъ, что епископъ римскій, преемникъ св. Петра, намѣстникъ Того, Кто состоитъ Господиномъ всѣхъ земныхъ государствъ и можетъ предоставить ихъ, кому угодно. Я, Петръ, Божіей милостью, король Арагонскій, графъ Барселонскій и владѣтель Монпелье, желая заслужить покровительство Господа, апостола и св. престола,— объявляю, что передалъ мое королевство тебѣ, высокочтимый отецъ и господинъ, первосвященникъ Иннокентій, а также твоимъ преемникамъ и черезъ тебя—священной римской церкви. Это королевство я дѣлаю данникомъ Рима въ размѣрѣ 250 золотыхъ, которые моя казна будетъ ежегодно уплачивать апостольскому престолу. И я клянусь за себя и своихъ преемниковъ, что мы будемъ пребывать твоими вассалами и вѣроподданными“.

Принявъ присягу новаго вассала, Иннокентій проводилъ его въ торжественномъ шествіи до базилики св. Павла по дорогѣ къ Остіи, гдѣ благословилъ его на возвратный путь.

* * *

Еще раньше этого римская курія подчинила своему политическому вліянію сосѣдку Италіи съ сѣверо-востока — Венгрію. Поводомъ къ этому послужило то, что первый христіанскій король этой страны — Стефанъ — получилъ свой титулъ изъ рукъ папы Сильвестра, а затѣмъ какъ Стефанъ, такъ и одинъ изъ его преемниковъ, Владиславъ, были признаны святыми, что побуждало ихъ потомковъ поддерживать связь съ Римомъ. Для Иннокентія вліяніе на Венгрію представляло интересъ во многихъ отношеніяхъ. Она могла оказывать ему большія услуги въ его борьбѣ съ императорами; она находилась на пути крестоносцевъ и отъ нея зависѣло поощрить или наоборотъ — препятство-

вать движенію ихъ сухимъ путемъ; наконецъ, черезъ Венгрію папа могъ получить доступъ къ славянскому православному міру. Въ виду этого Иннокентій тотчасъ по своемъ вступленіи на папскій престоль принялъ мѣры, чтобы утвердить свое вліяніе надъ Венгріей. Незадолго до этого умеръ король Бела, давшій обѣтъ совершить крестовый походъ, но такъ какъ болѣзнь не допустила его до этого, то онъ взялъ обязательство съ обоихъ своихъ сыновей, Аймериха и Андрея, совершить походъ вмѣсто него. Однако, братья настолько враждовали между собою, что старшій, боясь происковъ своего брата, не рѣшался оставить свое королевство. Письма, адресованныя Иннокентіемъ къ обоимъ братьямъ, хорошо характеризуютъ его отношеніе къ Венгріи и ея королю: „Особливое, искреннее расположеніе, которое римская церковь привыкла питать къ твоимъ прародителямъ, и отмѣнная преданность, которую знатной памяти родитель твой обнаружилъ по отношенію къ апостольскому столу, настойчиво побуждаютъ меня и заставляютъ оказывать тебѣ особенный почетъ, какъ близкому церкви сыну, и исполнять твои желанія во всемъ, что несомнѣнно клонится къ пользѣ и миру вѣрннаго тебѣ царства“ (I. 270).

Подобнымъ образомъ Иннокентій восхваляетъ въ письмѣ къ герцогу Андрею Венгрію за то, что она никогда не отступала отъ вѣрности апостольскому престолу и единенія съ нимъ въ самыя тяжкія времена, „когда ладья нашего Рыбака колыхалась самыми бурными волнами“.

Въ виду этого Иннокентій настроено внушаетъ герцогу, чтобы онъ отнюдь не дерзалъ тревожить миръ этого королевства войною или замышлять какое-либо возстаніе, грозя въ противномъ случаѣ поручить обоимъ архіепископамъ Венгріи и ихъ суфраганамъ отлученіе отъ церкви и наложеніе интердикта на его владѣніе (Кроацію и Далмацію. I. 271).

Вѣковая преданность Венгріи апостольскому престолу служила конечно Иннокентію III основаніемъ для укрѣпленія своего вліянія надъ этой страной. Тѣмъ болѣе онъ умѣлъ воспользоваться и тѣмъ, ему хорошо извѣстнымъ фактомъ, что венгерская королевская корона была даромъ римскаго епископа. Предоставляя архіепископу Гранскому право короновать короля, Иннокентій не преминулъ напомнить о папскомъ авторитетѣ, которому венгерскіе короли обязаны своей короной *). Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ преувеличивать стремленіе Иннокентія на этомъ основаніи присваивать себѣ свѣтскую власть надъ Венгріей, какъ это

---

*) A qua Hungarici regni corona procedit.

дѣлаетъ историкъ Люшеръ. Правда, что при Иннокентіи III вмѣшательства папскаго правительства въ дѣла Венгріи сильно участились—за цѣлыхъ два вѣка, протекшихъ до Иннокентія, насчитывается лишь 25 буллъ, касавшихся Венгріи, тогда какъ за 18 лѣтъ управленія Иннокентія ихъ—125. Но тутъ надо принять во вниманіе мало обезпеченную судьбу старыхъ папскихъ архивовъ, энергическую дѣятельность самого Иннокентія и усилившуюся при немъ централизацію церковнаго управленія. Можно лишь согласиться со словами Люшера, что при двухъ короляхъ, Аймерихѣ и Андреѣ, наслѣдовавшемъ своему брату, не было ни одного сколько-нибудь важнаго событія въ области внутренней или иностранной политики, по поводу котораго папство не сказало бы своего слова—и нерѣдко за нимъ оставалось *последнее* слово *).

Но тѣмъ не менѣе необходимо имѣть въ виду, что все это влияніе проявлялось въ области духовной власти, принадлежавшей папству, а не политической власти, на которую якобы претендовалъ папа въ Венгріи. Стараясь вывести притязанія Иннокентія изъ политическаго супремата, прибрѣтеннаго имъ изъ дарованія папою Сильвестромъ королевской короны предку венгерскихъ королей, Люшеръ принужденъ прибѣгать къ натяжкамъ и невѣрнымъ толкованіямъ текста. Такъ, напр., приводя вышеуказанное мѣсто изъ письма Иннокентія къ Аймериху о томъ, что венгерское королевство никогда не отступало отъ вѣры и единенія съ папскимъ престоломъ (*fide ac unitate*), историкъ переводитъ первое слово выраженіемъ *fidélité*, прибавляя, „что этотъ терминъ на юридическомъ языкѣ того времени обозначаетъ вассалитетъ“, но письмо папы въ данномъ случаѣ касается не феодальныхъ отношеній, а говоритъ о „*вѣрѣ* и единствѣ церковномъ“.

А затѣмъ, приводя слова Иннокентія — *A qua* (т.-е. апостольской власти) *Hungarici regni corona procedit*—историкъ переводитъ эту фразу—*le Saint-Siège dont relève la couronne de Hongrie*, т.-е. истолковываетъ *историческій* фактъ въ юридическомъ смыслѣ—вмѣсто—„корона получила начало“—„находится въ ленной зависимости“.

Настаивая здѣсь на болѣе точномъ и вѣрномъ пониманіи притязаній Иннокентія, мы, конечно, не имѣемъ въ виду ослаблять значеніе того факта, что цѣлый рядъ правителей на Западѣ получили свою корону отъ папъ. При тогдашнемъ отношеніи правителей и народовъ къ папству, государственная власть могла только выиграть отъ всякаго прикосновенія къ ней папской

---

*) Luchaire. Innocent III. Les Royautés Vassales, p. 66—S.

власти. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ послужить слѣдующій фактъ.

Польскій король Болеславъ, раздѣливъ свою державу между сыновьями, постановилъ, чтобы городъ Краковъ всегда принадлежалъ старшему въ родѣ и по наслѣдству переходилъ къ тому, кто окажется старшимъ. Это совершенно аналогично съ тѣмъ, что въ то время происходило въ Россіи въ родѣ Владиміра Святого. Но чтобы укрѣпить свое постановленіе, Болеславъ выхлопоталъ въ Римѣ одобреніе своего статута папою и обѣщаніе покарать нарушителей его отлученіемъ отъ церкви. И вотъ почти 200 лѣтъ спустя одинъ изъ пясцовъ, герцогъ Силезіи, обращается къ Иннокентію съ жалобой на нарушеніе родового статута, и Иннокентій пишетъ архіепископу Гнезненскому и его суфраганамъ (XIII. 82): „предписываю имъ, чтобы они не только сами не нарушали этого статута, но и не позволяли никому его нарушать, а непокорныхъ отлучили отъ церкви—поддерживая церковными карами безъ допущенія апелляціи уставъ о родовомъ старшинствѣ завѣдомо изданный ради пользы и умиротворенія всего края“.

* * *

Но особенное значеніе и остроту приобрѣлъ вопросъ о вступленіи короля въ вассальныя отношенія къ папѣ—въ знаменитомъ столкновеніи между Иннокентіемъ и королемъ Англіи Іоанномъ Безземельнымъ. Побѣда, одержанная въ этомъ дѣлѣ папою, наиболѣе характерное проявленіе имперіалистическихъ тенденцій Иннокентія послѣ его состязанія съ двумя императорами. Въ его борьбѣ съ Іоанномъ въ высшей степени интересны и мотивы, приведшіе къ столкновенію, поразительны результаты борьбы и чрезвычайно драматичны ея эпизоды.

Борьба римскаго епископа съ германскимъ императоромъ текла изъ идейнаго соперничества двухъ властей, считавшихъ себя призванными управлять міромъ и сталкивавшихся неизбежно въ Германіи и въ Римѣ. Въ Англіи борьба ведется въ болѣе тѣсномъ кругу—по вопросу, кому быть главой англійской церкви, римскому ли епископу или англійскому королю, и она неожиданно кончается подчиненіемъ самого короля и королевства римскому епископу. Но это торжество прошло папству не даромъ. Отвѣтомъ ему служить, три вѣка спустя, провозглашеніе себя Генрихомъ VIII главой англійской церкви и изгнаніе изъ Англіи папизма (по рорегу).

Религіозная связь между Римомъ и Англіей завязалась из-

давна. Папу можно назвать крестнымъ отцомъ англичанъ. Христіанство было прпрнесено въ Англію римскими миссіонерами, посланными туда папою, котораго поразилъ видъ бѣлокурыхъ юношей на римскомъ форумѣ и ихъ знаменательное прозвище—*angeli*. Благочестіе новообращенныхъ скоро заселило англами и саксами цѣлую слободу въ Римѣ съ странно-пріимнымъ домомъ и больницей. На содержаніе этого дома двое изъ англійскихъ конунговъ еще до объединенія Англіи обложили своихъ подданныхъ небольшимъ денежнымъ сборомъ.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ король Этельвольфъ, пославшій въ Римъ своего сына Альфреда, взялъ на себя обязательство ежегодно посылать лепту св. Петру. Изъ этихъ двухъ сборовъ образовался со временемъ такъ называемый *денарій* св. Петра (300 марокъ серебра).

Въ XI вѣкѣ Англо-Саксонское королевство сдѣлалось, какъ раньше южная Італія, добычей норманновъ. Григорій VII, опиравшійся въ борьбѣ съ императоромъ на южно-италійскихъ норманновъ, сочувствовалъ и смѣлому предпріятію ихъ сѣверныхъ товарищей, тѣмъ болѣе, что денарій св. Петра уже нѣсколько лѣтъ не поступалъ изъ Англіи. Послѣ торжества Вильгельма Завоевателя, папа потребовалъ отъ него болѣе аккуратнаго доставленія дани, обѣщанной его предшественниками, а также феодальной покорности ему и его преемникамъ. Гордый норманнъ отвѣтилъ, что онъ готовъ исполнить первое требованіе, но на второе—не согласенъ, такъ какъ его королевскіе предшественники никогда не обязывались этимъ передъ предшественниками папъ.

Твердый отпоръ, данный притязаніямъ папы, указываетъ на установившійся новый порядокъ вещей въ Англіи. Норманскій король былъ завоевателемъ и потому—собственникомъ земли, которую онъ раздавалъ на правахъ лена своимъ рыцарямъ. Такими же ленами были надѣлены и духовныя лица, пришедшія съ норманнами. Англія стала крѣпко централизованнымъ феодальнымъ государствомъ съ воинственнымъ королемъ во главѣ.

Раннее прекращеніе династіи Вильгельма Завоевателя распалось на время это крѣпкое зданіе, но первый же король династіи Плантагенетовъ, Генрихъ II, принялъ рѣшительныя мѣры къ подчиненію англійскаго духовенства королю и къ ограниченію вліянія папы на церковную жизнь въ Англіи посредствомъ папскихъ легатовъ и апелляцій къ куріи. Самымъ убѣдительнымъ проявленіемъ торжества свѣтскаго государственнаго начала надъ папскимъ были знаменитыя *кларендонскія* постановленія, проведенныя Генрихомъ. Они заключали въ себѣ ограниченіе тѣхъ трехъ

главныхъ способовъ проявлять свою власть, какими, какъ мы видѣли, папамъ удалось подчинить западную церковь своему вліянію—посылки папскихъ легатовъ, апелляцій въ Римъ и избранія епископовъ. Право вѣзда легата въ Англію и созванія имъ мѣстнаго собора обусловливалось разрѣшеніемъ короля и общаніемъ со стороны легата не предпринимать ничего противъ королевской воли; апелляціи въ Римъ допускались лишь по дѣламъ, касавшимся браковъ и завѣщаній; утвержденіе епископовъ и аббатовъ предоставлялось королю, а избраніе производилось въ королевской капеллѣ въ присутствіи королевскихъ чиновниковъ. Эти постановленія сдѣлались яблокомъ раздора между Римомъ и Лондономъ, и энергическій Александръ III воспользовался взрывомъ общаго негодованія противъ короля за убійство Томы Бекета, признаннаго святымъ, и возстаніемъ сыновей Генриха II, чтобы заставить послѣдняго преклониться передъ Римомъ.

Однако королевская власть въ Англіи еще при самомъ Генрихѣ оправилась отъ этого удара, и кларендонскіе принципы пустили глубокіе корни въ англійской средѣ, какъ это показываетъ парламентская исторія XIII вѣка. Преемники Александра III, несогласные между собою въ политикѣ или быстро смѣнявшіе другъ друга на престолѣ, не настаивали на своихъ притязаніяхъ, а на англійскомъ престолѣ властолюбиваго и энергическаго Генриха II замѣнили собою подобный ему, но болѣе опрометчивый, сынъ его, Ричардъ Львиное-Сердце. Такимъ образомъ Иннокентій III нашелъ передъ собою сильную королевскую власть съ солидарною съ нею церковной аристократіей и дѣльный рядъ затянувшихся въ Римѣ неразрѣшенныхъ процессовъ.

Иннокентій имѣлъ не мало основаній дорожить добрыми отношеніями къ Ричарду. Этотъ король только что вернулся изъ крестоваго похода, гдѣ прославился среди христіанъ и мусульманъ своей беззавтной храбростію и заплатилъ за свою заносчивость продолжительнымъ плѣномъ и большимъ выкупомъ изъ него германскимъ князьямъ. Замышляя новый походъ, Иннокентій нуждался, если не въ участіи, то въ помощи Ричарда; а еще болѣе онъ нуждался въ этой помощи для поддержки Оттона Брауншвейгскаго, племянника Ричардова, которому папа покровительствовалъ, какъ сопернику Филиппа Гогенштауфена. Поэтому новый папа поспѣшилъ выразить Ричарду свое благорасположеніе присылкою четырехъ золотыхъ перстней съ разноцвѣтными драгоценными камнями, прося короля принять во вниманіе не столько цѣнность подарка, сколько мистическое значеніе формы, числа, матеріала и цвѣта перстней. Круглость перстня обознача-

еть собою вѣчность, не имѣющей въ себѣ ни начала, ни конца. Это—увѣщаніе королю перенести свои помыслы съ земного къ небесному, отъ мимолетнаго къ вѣчному. Число четыре обозначаетъ собою постоянство (*constantia*), не поддающееся въ несчастіи и не возносящееся при торжествѣ. Это постоянство пріобрѣтается съ помощью четырехъ основныхъ добродѣтелей—справедливости, твердости, благоразумія и умѣренности. Золото обозначаетъ собою мудрость, ибо оно превышаетъ въ цѣнѣ все металлы, какъ мудрость, по свидѣтельству пророка (Ис. X, 2), имѣетъ преимущество надъ всеми прочими свойствами. Поэтому въ ней всего болѣе нуждаются государи. Зеленый цвѣтъ смарагда обозначаетъ вѣру, сапфира—надежду, красный цвѣтъ рубина—любовь, топаза—ту лучезарность, которой должны отличаться все дѣянія человѣка. „Такимъ образомъ, заключаетъ Иннокентій свое посланіе, смарагдъ указываетъ тебѣ, во что ты долженъ вѣровать, сапфиръ—на что надѣяться, рубинъ—что любить, топазъ—въ чемъ усовершенствоваться, чтобы возвыситься отъ одной добродѣтели къ другой, пока узришь Господа въ Сіонѣ“ (Матѳ. V, 16), I 206.

Но Ричарду было не до папскихъ наставленій. Онъ ожидалъ отъ Иннокентія реальныхъ проявленій его благоволенія и осыпалъ его требованіями—высказаться открыто за его племянника Оттона Брауншвейгскаго, противъ Филиппа Швабскаго; заставить послѣдняго возвратить ему, королю, громадный выкупъ, взятый съ него Генрихомъ Гогенштауфенскимъ и заставить герцога Австрійскаго возвратить ему деньги, отнятыя у него во время его плѣненія. Кромѣ того, Ричардъ требовалъ отъ папы, чтобы онъ побудилъ короля Санчо Наварскаго выдать ему земли и замки, которые онъ обѣщалъ дать въ приданое своей дочери Беренгаріи, при ея выходѣ замужъ за Ричарда. Иннокентій, чтобы угодить англійскому королю, заставилъ работать свою канцелярію и разослать требуемыя отъ него посланія, но они принесли мало пользы Ричарду. Зато папа, съ своей стороны, обратился къ Ричарду съ требованіями, которыя въ высшей степени раздражили короля. Какъ мы видѣли, одной изъ первыхъ заботъ Иннокентія по вступленіи его на престолъ было возобновленіе крестоваго похода, — а для этого онъ считалъ необходимымъ прекращеніе враждебныхъ отношеній между Франціей и Англійей. Но Ричардъ, взбѣшенный тѣмъ, что Филиппъ Августъ присвоилъ себѣ во время отсутствія Ричарда на востокъ часть Нормандіи, слышать не хотѣлъ о мирѣ ни даже о перемиріи на 5 лѣтъ, на которомъ настаивалъ папа. Легатъ, присланный папою по этому дѣлу, кардиналъ Петръ Капуанскій, былъ не въ состояніи склонить къ миру Ричарда, который, нужно

сказать, имѣлъ основаніе досадовать на Иннокентія, такъ какъ папа былъ обязанъ оказывать покровительство крестоносцамъ и оберегать ихъ владѣнія. Когда же легать къ тому же потребовалъ, чтобы Ричардъ выпустилъ епископа Бове, родственника Филиппа Августа, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи, то Ричардъ, по выраженію англійскаго лѣтописца, оказался свирѣпѣ льва. При англійскомъ дворѣ были чрезвычайно раздражены куріей и повторяли стародавнюю насмѣшку, что въ Римѣ всего сильнѣе мощи св. Албина и св. Руфина, т.-е. (Бѣлаго) серебра и (Краснаго) золота.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Иннокентій принялся за разрѣшеніе залежавшихся въ куріи церковныхъ тяжбъ, поступившихъ изъ Англій. Главнѣйшія изъ нихъ возникли на почвѣ антагонизма между епископами и монастырями. На материкѣ этотъ антагонизмъ давно уже проявлялся въ томъ, что главнѣйшіе монастыри, поступая подъ особое покровительство папъ, получали изъятіе (exemptio) изъ-подъ юрисдикціи епископовъ. Послѣ завоеванія Англій норманнами это движеніе перешло въ Англію. Епископы были очень не довольны этимъ движеніемъ. „Повиновеніе исчезло, жаловался архіепископъ Кантерберійскій, Ричардъ, папѣ Александру III, аббаты становятся судьями въ своихъ дѣлахъ; они дозволяютъ монахамъ безнаказанно сбрасывать съ себя иго монастырской дисциплины ради свободы, къ которой всѣ стремятся. Какая же въ этомъ справедливость содѣйствовать тому, чтобы ученики не повиновались учителямъ, сыновья—отцамъ, воины—полководцу, служители—господину? Освобождать аббатовъ отъ повиновенія епископу значить вселять въ нихъ высокомеріе и смуту и давать дѣтямъ въ руки оружіе противъ родителей“ *).

Этотъ антагонизмъ между епископатомъ и монашествомъ усложнялся въ Англій еще нѣкоторыми особенностями тамошняго церковнаго строя. Вездѣ на материкѣ при епископской церкви или кафедральномъ соборѣ состояли каноники, образовавшіеся изъ общежитія соборныхъ священниковъ. Въ Англій въ половинѣ епископствъ мѣсто канониковъ занимали Бенедиктинскіе монастыри, монахи которыхъ обслуживали соборъ. Объясняется это тѣмъ, что въ Англій миссіонерская дѣятельность исходила отъ монаховъ, учреждавшихъ прежде всего монастыри, которые затѣмъ становились центрами новой епархіи. Вслѣдствіе раздора, возникшаго между епископатомъ и монашествомъ, нѣкоторые епископы стали тяготиться своими кафедральными монастырями и

E. Gütschow, Innocens III und. England. p. 35.

стремиться къ замѣнѣ ихъ канониками, признавая послѣдніе болѣе податливыми церковной дисциплинѣ, чѣмъ избалованные богатствомъ и роскошью бенедиктинскіе монахи. Такого рода взаимная вражда возникла между епископомъ Ковентри Гуго Нонантомъ и его монахами, дошедшая до того, что при ревизіи онъ былъ избитъ монахами предъ алтаремъ серебрянымъ распятіемъ. Епископъ Гуго, энергическій и краснорѣчивый человекъ, поднялъ на собраніи епископовъ вопросъ о необходимости общихъ мѣръ противъ непокорныхъ монаховъ. „Пусть клерики управляютъ епархіей и занимаютъ мѣста правителей, монахи же пусть будутъ подъ началомъ и если не сдѣлаются клериками, т.-е. не получаютъ посвященія, то пусть сидятъ у себя и молчатъ или же горюютъ о себѣ и о мірѣ“. Онъ предложилъ епископамъ собрать 3000 марокъ, обѣщая, съ своей стороны, дать 1000 марокъ на расходы для поѣздки въ Римъ и хлопотъ передъ папою объ устраненіи повсюду монаховъ отъ завѣдыванія соборными церквами.

Это предложеніе не прошло вслѣдствіе сопротивленія архіепископа Кантерберійскаго Балдуина, бывшаго монаха. Но епископъ Гуго провелъ задуманную имъ мѣру въ своей епархіи: на свой страхъ — удалилъ монаховъ, замѣнилъ ихъ канониками и сумѣлъ заручиться согласіемъ папы Климента. Такъ обстояло дѣло семь лѣтъ за все время правленія преемника Климента — папы Целестина III. Вдругъ курія неожиданно перешла на сторону монаховъ. Вступившій на папскій престолъ Иннокентій III отмѣнилъ разрѣшеніе своего предшественника и поручилъ тогдашнему Кантерберійскому архіепископу Губерту вновь водворить изгнанниковъ-монаховъ и удалить канониковъ.

Посланіе, отправленное по этому дѣлу Иннокентіемъ архіепископу Кантерберійскому къ нѣкоторымъ другимъ прелатамъ (I, 245), представляетъ собою интересный образчикъ того, съ какой безцеремонностью Иннокентій относился къ булламъ своихъ предшественниковъ, если не раздѣлялъ ихъ взглядовъ. Въ данномъ случаѣ, онъ заявлялъ, что булла доброй памяти папы Климента, на основаніи которой монахи были замѣнены канониками, была, *какъ говорятъ* (ut dicitur), получена обманомъ (ad falsam suggestionem). Усматривая въ этомъ распоряженіи обиду монашества, позоръ, нанесенный всей церкви, и не будучи въ состояніи повѣрить, чтобы этотъ его предшественникъ допустилъ такую неправильность, если бы не былъ введенъ въ заблужденіе, Иннокентій строжайше приказываетъ архіепископу немедленно исполнить данное ему порученіе, не взирая ни на какія привилегіи или подтвержденія, которыя могли бы быть предъявлены и не

производя никакого судебного разслѣдованія, такъ какъ въ дѣлѣ очевидно нѣтъ надобности въ судебномъ разбирательствѣ, и не принимая во вниманіе никакой апелляціи, даже если бы самъ епископъ или посоль отъ него отправились по этому дѣлу въ Римъ до или послѣ полученія на мѣстѣ папской буллы. Въсѣтѣ съ тѣмъ архіепископу вмѣнялось въ обязанность привлечь епископа и его пособниковъ къ гражданской отвѣтственности и къ возмѣщенію всѣхъ убытковъ, причиненныхъ монастырю, а всѣхъ обидчиковъ, виновныхъ въ насиліяхъ противъ монаховъ, предать строжайшему отлученію, пока они не явятся для покаянія въ Римъ со свидѣтельствомъ отъ архіепископа, что ими дано полное удовлетвореніе.

Необычно рѣзкій тонъ буллы, предписаніе возстановить монастырь безъ судебного пересмотра дѣла на мѣстѣ или въ Римѣ, строгое внушеніе привести въ исполненіе папскій приговоръ вопреки послѣдовавшему со стороны короля Ричарда приказанію отсрочить его исполненіе — все это обнаруживаетъ *новый курсъ* папской политики по отношенію къ Англіи — твердое намѣреніе Иннокентія нанести ударъ *автономіи* англійской церкви, основанной на установившейся солидарности между королевской властью и церковной аристократіей Англіи. Посланіе Иннокентія является какъ бы манифестомъ, возвѣщающимъ о новомъ завоеваніи норманской Англіи, завоеваніи со стороны Рима.

Указанная сейчасъ солидарность короля и епископата Англіи, препятствовавшая непосредственному управленію англійской церкви папою, особенно ярко выразилась въ то время въ томъ, что глава англійской церкви, архіепископъ Кантерберійскій Вальтеръ, былъ одновременно первымъ министромъ короля Ричарда — его юстиціаріемъ и завѣдующимъ его финансами*).

Наступательный характеръ порученія, даннаго архіепископу Кантерберійскому — уничтожить устроенный въ Ковентри каноникатъ, обнаруживается еще ярче въ томъ, что, какъ это было Иннокентію хорошо извѣстно, оно вмѣстѣ съ тѣмъ доставляло какъ самому архіепископу, такъ и англійскому королю, большую неприятность. Дѣло въ томъ, что у архіепископа была на рукахъ

---

*) Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о дѣятельности Иннокентія III по отношенію къ Англіи, Гюзовъ, приписываетъ упомянутую буллу Целестина III вліянію Иннокентія, впадая въ противорѣчіе съ высказаннымъ имъ самимъ мнѣніемъ, что кардиналъ Лотарь былъ лишенъ при всемъ предшественникѣ всякаго вліянія, но тонъ собственной буллы Иннокентія въ подтвержденіе вышеупомянутому распоряженію Целестина придаетъ предположеніе Гюзова относительно послѣдней буллы Целестина большую вѣроятность.

совершенно подобная тяжба съ богатѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ монастыремъ, при кафедральномъ соборѣ въ Кантербери (Christ-Church).

Современный лѣтописецъ, гостившій въ монастырѣ, описывая роскошь въ немъ, говорить, что къ столу пріора подавали 16 блюдъ, тогда какъ самъ король Генрихъ II довольствовался всего 3-мя блюдами.

Тяжба возникла еще при предшественникѣ архіепископа Гуго Вальтера, при Балдуинѣ, который, самъ будучи монахомъ, осуждалъ высокомѣріе своихъ соборныхъ монаховъ. Тяжба приняла такіе размѣры, что относящіяся къ ней дѣла представляютъ сборникъ изъ 572 документовъ, сохранившихся до насъ. Поводомъ къ ней послужила постройка Балдуиномъ на монастырской землѣ въ Гакингтонѣ *) близъ Кантербери обширнаго помѣщенія для задуманнаго имъ канониката. Монахи, не желая имѣть соперниковъ при соборѣ, сдѣлавшемся вслѣдствіе погребенія въ немъ Тины Бекета, признаннаго мученикомъ, главной святыней Англіи, пожаловались въ Римъ на своего архіепископа. Но на сторонѣ архіепископа стоялъ король Генрихъ, а по его смерти — преемникъ его, Ричардъ Львиное Сердце; когда прибылъ въ Дувръ отъ папы Климента легатъ, которому было поручено папою разобрать дѣло, Ричардъ, слѣдовавшій политикѣ отца своего, пытавшася Кларендонскими постановленіями урѣзать вліяніе папы на англійскую церковь, велѣлъ задержать легата въ теченіе 13 дней, пока онъ самъ въ присутствіи своихъ вельможъ проживалъ въ Кантербери. Лишь по отъѣздѣ короля, легата пустили въ этотъ городъ, гдѣ его на славу угощали, не пуская къ нему монаховъ. Легатъ вернулся въ Римъ ни съ чѣмъ. Но оба побѣдителя скоро удалились съ мѣста своего торжества въ крестовый походъ, во время котораго Балдуинъ умеръ. Ричардъ же, задержанный на возвратномъ пути Леопольдомъ Австрійскимъ, вернулся лишь въ 1194 году. Этимъ отсутствіемъ воспользовались монахи и выиграли тяжбу въ Римѣ, гдѣ было рѣшено снести домъ, выстроенный въ Гакингтонѣ для канониковъ. Въ присутствіи папскихъ делегатовъ этотъ приговоръ былъ исполненъ. Однако, новый архіепископъ Губертъ Вальтеръ пошелъ по стопамъ своего предшественника; не въ Гакингтонѣ, а въ Ламбетѣ, близъ Лондона, на *приобрѣтенной имъ* землѣ, онъ выстроилъ церковь въ память св.

---

*) Люшеръ, описывая это дѣло, впадаетъ въ ошибку, смѣшивая Гакингтонъ съ Ламбетомъ, гдѣ позднѣе былъ предположенъ другой каноникатъ, архіепископомъ Вальтеромъ, Luchaire, 174—5, 7.

Оомы и при ней устроилъ роскошный каноникатъ; для успокоенія же монаховъ онъ объявилъ имъ, что каноникатъ ни въ чемъ не будетъ нарушать ихъ правъ, а самому пріору ихъ предложилъ мѣсто среди канониковъ.

Но монахи не успокоились: на ихъ счастье въ это время папскій престоль занялъ Иннокентій III: 24 мая 1198 года (I, 111) онъ обратился къ архіепископу съ посланіемъ, въ которомъ высказывалъ свою скорбь по поводу его дѣйствій. Ибо такъ какъ Кантерберійская церковь славилась своимъ благочестіемъ, то онъ, папа, и его братья кардиналы приняли близко къ сердцу жалобу монаховъ, что онъ для разоренія ихъ монастыря строить церковь въ Ламбетѣ, вопреки запрещенію папъ Урбана и Климента и частымъ апелляціямъ къ апостольскому престолу. Не желая это допустить въ ущербъ монастырю и слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, Иннокентій вмѣнялъ архіепископу въ обязанность въ теченіе 30 дней на свой счетъ разрушить церковь и отмѣнить всѣ распоряженія объ устройствѣ при ней канониката, клериковъ же, которые въ ней служили обѣдни послѣ папскаго запрещенія,—лишить права служенія обѣдни и бенефицій, пока они не разрушатъ всѣ возведенныя ими зданія. Интердиктъ, наложенный архіепископомъ на нѣкоторыхъ изъ монаховъ, отмѣнялся папою, а всѣ, кто захватили какія-либо имѣнія упомянутыхъ монаховъ, въ свою очередь подвергались отлученію. На случай, если бы архіепископъ не исполнилъ этого приказанія, папа повелѣвалъ епископамъ суфраганамъ отказать ему въ повиновеніи. Въ заключеніе Иннокентій караетъ самого архіепископа лишеніемъ сана, пока онъ не принесетъ лично предъ нимъ повинную.

Одновременно папа писалъ о томъ же самому королю и епископамъ. Но возмущенный этимъ король принялъ церковь въ Ламбетѣ подъ свое покровительство и запретилъ епископамъ исполнить порученіе Иннокентія.

Такимъ образомъ, вопросъ, кому должна повиноваться англійская церковь—папѣ или своему королю,—былъ поставленъ ребромъ. Ричардъ рѣшилъ покончить дѣло собственною властью. Въ сентябрѣ онъ собралъ въ видѣ третейскаго суда комиссію изъ пяти епископовъ и пяти аббатовъ для разсмотрѣнія дѣла, но монахи, увѣренные въ поддержкѣ папы, отказались подчиниться этому трибуналу. Тогда Ричардъ, взбѣшенный ихъ упрямствомъ, приказалъ секвестровать имѣнія монастыря. Иннокентій между тѣмъ, хотя данный имъ срокъ въ 30 дней для разрушенія Ламбета давно прошелъ, молчалъ. Наконецъ, 20 ноября 1198 года онъ разразился цѣлымъ рядомъ посланій. Посланіе его архіепископу

(I, 432) выгодно отличается от вышеуказанного первого послания по этому дѣлу. Иннокентій мотивируетъ свое вмѣшательство замѣстительствомъ Того, про Котораго пророкъ сказалъ, что Онъ освободилъ бѣдняка отъ богатаго и помогъ тому, у кого не было заступника. Онъ признавалъ своею обязанностью заботиться о томъ, чтобы *малые* не угнетались ббльшими и чтобы прелаты пользовались своею властью не столько какъ начальники, сколько—какъ пособники (*prodesse potius quam praeesse*). Затѣмъ папа обстоятельно и довольно объективно излагаетъ все дѣло, съ самаго начала, какъ оно ему представлялось по внимательномъ изученіи его. Въ заключеніе папа указываетъ архіепископу, какъ давно уже его церковь служить камнемъ преткновенія и соблазна, изъ-за котораго его предшественники возмущались имъ и его предшественниками и изъ-за котораго бѣдные, благочестивые монахи, все покинувшіе ради Христа, вынесли столько горя и преслѣдованія, не щадя ни имущества своего, ни личности,—и приводитъ архіепископу на память тѣ тексты св. Писанія, которые осуждаютъ виновниковъ соблазна.

Отправленное одновременно съ этимъ письмо къ королю Ричарду (I, 435) составлено въ наставительно-ироническомъ тонѣ. Иннокентій выражаетъ Ричарду свою особую благодарность за его совѣтъ—никогда не отступать со стези справедливости и никогда не соглашаться на то, что противно разуму. Усвоивъ себѣ эти драгоценныя правила, папа и пришелъ къ тому рѣшенію, которое имъ изложено въ посланіи къ архіепископу, къ его суффраганамъ и къ особой комиссіи, которой было поручено возратить монахамъ все у нихъ отнятое съ вознагражденіемъ за понесенный ущербъ (*cum fructibus percipit*, I, 433, 434).

Когда эти посланія достигли своего назначенія, тамъ многое измѣнилось въ интересахъ папы. Архіепископъ Губертъ Вальтеръ пересталъ быть правой рукой короля. По желанію Ричарда онъ установилъ новый налогъ, вызвавшій бунтъ въ Лондонѣ, во время котораго вожаки, искавшіе убѣжища въ одной изъ церквей, были посредствомъ огня и дыма вынуждены ее покинуть, и жестоко казнены. Негодованіе народа возвело главнаго вожака въ мученики и дало папѣ поводъ воспретить прелатамъ занимать государственныя должности, вслѣдствіе чего архіепископъ еще въ августѣ сложилъ съ себя санъ юстиціара и на его мѣсто былъ назначенъ другой. Такимъ образомъ, была порвана тѣсная связь, объединявшая короля и архіепископа въ дѣлѣ Ламбета. Не имѣя возможности опираться на покровительство короля, архіепископъ уступилъ и предписаніе папы о разрушеніи церкви въ Ламбетѣ

было приведено въ исполненіе. Однако, архіепископъ оставилъ неприкосновенными дома, выстроенные имъ для канониковъ. Неугомонные монахи отправили въ Римъ новую жалобу, за что владѣнія ихъ были снова конфискованы по приказу короля. Лишь въ 1200 году, уже послѣ смерти Ричарда, монахи согласились подчиниться третейскому суду трехъ лицъ, назначенныхъ Иннокентіемъ изъ англійскаго духовенства. Архіепископу было разрѣшено построить новую церковь на мѣстѣ разрушенной, но вмѣсто канониковъ она должно была обслуживаться монахами-премонстратами въ числѣ не болѣе 20 и обеспеченными доходомъ не болѣе 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ изъ имѣній архіепископа. Въ іюнь 1201 г. Иннокентій утвердилъ эту сдѣлку.

И въ другомъ еще, церковномъ вопросѣ, Иннокентій доказалъ Ричарду, что главой англійской церкви—не король, а онъ. Кромѣ архіепископа Кантерберійскаго, къ епархіи котораго принадлежала большая часть Англій, на сѣверѣ ея находилось архіепископство Йоркское. Оно было занято въ это время незаконнымъ, но любимымъ сыномъ Генриха II,—непостояннаго и неуживчиваго характера, какъ всѣ сыновья этого короля. Онъ не ладилъ ни съ своимъ братомъ—королемъ, ни съ архіепископомъ Кантерберійскимъ, и съ жалобой на нихъ уѣхалъ въ Римъ. Оттуда послѣдовала булла отъ 8 апрѣля 1199 г. Папа воспользовался случаемъ, чтобы покарать Ричарда его же оружіемъ, ссылаясь на то, что къ этому его побуждаетъ, кромѣ пастырскаго долга,—совѣтъ Ричарда, данный папѣ въ письмѣ, чтобы онъ съ подчиненными обращался благодушно, безъ лицепріятія, не уклоняясь ни вправо ни влѣво. „Подумай—убѣждаетъ папа короля—какой позоръ, постигнетъ меня, какое безславіе ты навлечешь на себя, если даже справедливая жалоба изгнанника не дойдетъ до нашего слуха и если тебя не смягчитъ изгнаніе твоего брата. Помни спасительный совѣтъ, который онъ, какъ мы упомянули, далъ намъ въ твоемъ письмѣ“... и т. д. (II, 59).

Не ограничиваясь этимъ, Иннокентій послалъ по этому дѣлу въ Англію особаго кардиналь-легата, въ вѣрительной грамотѣ котораго папа грозилъ королю Ричарду, что если онъ во время пребыванія легата въ Англій не исполнитъ приказанія папы,—вся страна будетъ подлежать интердикту безъ права апелляціи. „Итакъ, избери, какъ человѣкъ предусмотрительный, предпочитаешь ли ты испытать съ нашей стороны любовь матери или строгость наставника, строгость, которую мы не можемъ проявить безъ большой непріятности для насъ самихъ и непріятностей для тебя, обнаруживая и въ этомъ нашу заботу о твоемъ спасеніи

(II, 59). Эти перуны не достигли своей жертвы: уже 6 апрѣля Ричардъ скончался.

* * *

При преемникѣ Ричарда, Иоаннѣ, Иннокентій получилъ возможность расшатать еще съ большимъ успѣхомъ крѣпкое зданіе государственнаго и церковнаго абсолютизма, возведенное норманскими королями, пользуясь неустойчивостью характера Иоанна. Но такъ какъ Иннокентій очень нуждался въ Иоаннѣ для поддержки своего кандидата на германскій престолъ, за котораго онъ теперь открыто выступилъ, — антагонизмъ между папою и королемъ не сразу обнаружился. Напротивъ, Иннокентій обнаруживалъ по отношенію къ Иоанну, большую снисходительность. Онъ напр., не возражалъ, когда Иоаннъ снова предложилъ архіепископу Вальтеру мѣсто главнаго министра, не смотря на запрещеніе прелатамъ со стороны папы брать на себя должности на королевской службѣ. Когда Иоаннъ покинулъ свою жену и женился на Изабеллѣ Ангулемской, похищенной имъ невѣстѣ графа де ла Маршъ, папа удовлетворился покаяніемъ, которое по его порученію наложилъ на короля архіепископъ Вальтеръ, обязавшій его послать 100 рыцарей въ Палестину и выстроить монастырь. Съ своей стороны, папа присовокупилъ къ этому пространное поученіе Иоанну о необходимости бороться съ похотями и подчинять тѣло душѣ, соглашаясь, впрочемъ, что это дѣло весьма трудное: никто не можетъ прожить безъ грѣха, но грѣхи могутъ быть погашены покаяніемъ.

Иоаннъ былъ плохой сынъ; онъ завладѣлъ землями, составлявшими вдовью долю его матери, и, хотя, по настоянію папы, согласился выплачивать ей ежегодную субсидію, былъ плохимъ плательщикомъ, такъ что Алиеноръ Аквитанская, внесшая въ домъ Плантагенетовъ свои обширныя владѣнія, нуждалась до конца жизни. Подобнымъ образомъ Иоаннъ завладѣлъ и вдовой долей своей невѣстки Беренгарии, присужденной, по выраженію папы, „нищенствовать, и искать пріюта у своей сестры, графини Шампани.

Не только въ семейныхъ, а, что болѣе изумительно, — въ церковныхъ дѣлахъ, Иннокентій обнаруживалъ по отношенію къ Иоанну большое долготерпѣніе, какъ, напр., въ дѣлѣ Дублинскаго архіепископа, котораго Иоаннъ изгналъ изъ архіепископства, будучи еще правителемъ Ирландіи, и лишилъ всякихъ средствъ. Три года подъ рядъ пишетъ Иннокентій Иоанну по этому поводу,

убѣждая его, чтобы онъ, которому провидѣніе такъ благоволило *), „не оскорбилъ Творца“ и, грозя ему, что, если онъ въ теченіе мѣсяца по полученіи письма не удовлетворитъ архіепископа, то въ какой бы епархіи онъ ни находился, она будетъ подвергнута ин-тердикту. Письмо было написано 20 мая 1203 года, а въ декабрѣ слѣдующаго года папа былъ принужденъ снова писать объ этомъ королю и напомнить ему, что когда аббать де Казамери въ присутствіи „многихъ вельможъ увѣщеваль его исполнить волю папы, онъ твердо обѣщаль это, но такъ оттягиваль исполненіе, что архіепископъ Дублинскій былъ принужденъ вернуться ни съ чѣмъ. Повторивъ прежнюю угрозу, папа прибавляетъ, что не оставитъ дѣла церкви и самого Господа безъ защиты и дастъ королю познать, что въ силахъ сдѣлать рука викарія Іисуса Христа“. По папа только грозилъ и не приводилъ своихъ угрозъ въ исполненіе.

Это ему, однако, не мѣшало послѣдовательно и настойчиво добиваться своей главной цѣли — утвержденія своей власти надъ англійской церковью и устраненіе изъ этой области власти короля. Самымъ вѣрнымъ и прямымъ для этого средствомъ было лишеніе короля права назначенія или по крайней мѣрѣ утвержденія епископовъ. Захватъ этого права королемъ соотвѣтствовалъ условіямъ тогдашней государственной жизни Англій. Епископы, съ точки зрѣнія главы государства, были вассалы, обладавшіе крупными помѣстьями (бароніями), безъ содѣйствія которыхъ нельзя было управлять государствомъ, притомъ короли пользовались этимъ правомъ, чтобы проводить въ видѣ поощренія или милости на мѣста епископовъ—клериковъ королевской канцеляріи, наиболѣе способныхъ или преданныхъ имъ.

Правда, каноническіе законы точно опредѣляли способъ избранія епископовъ кафедральными монастырями или канониками и не предусматривали здѣсь вмѣшательства и вліянія королей. Но обычай и авторитетъ королей на практикѣ установили такой порядокъ вещей, въ силу котораго время избранія епископа опредѣлялось королемъ. Короли часто пользовались этимъ правомъ, чтобы оттянуть выборы и временно пользоваться доходами съ епископства. А такъ какъ въ силу Кларендонскихъ постановленій выборы должны были производиться въ мѣстѣ пребыванія короля, то это предоставляло двору возможность непосредственнаго вліянія на нихъ. Иногда выборамъ предшествовали переговоры съ избирателями и обѣщаніе со стороны короля имъ извѣстныхъ льготъ

---

*) *Providentia divina magnifica sic providit*, Inn. V, 160. VI, 53. VII, 171.

въ случаѣ избранія желательнаго ему кандидата. По избраніи кандидата король изъявлялъ согласіе, и избранникъ приносилъ ему присягу вѣрности за представляемыя ему *святскія* права и имущества; послѣ чего архіепископу Кантерберійскому давалось порученіе приступить къ посвященію епископа.

Изъ этого видно, на сколько такой порядокъ вещей противорѣчилъ тому, что Иннокентій считалъ *свободою* церкви—и восстановление этой свободы и послужило ему въ Англіи—какъ и въ Германіи—средствомъ для подчиненія себѣ мѣстной государственной власти.

Уже первые епископскіе выборы при Іоаннѣ дали Иннокентію поводъ къ вмѣшательству. На освобождающуюся катедру въ Уорстерѣ Ричардъ еще при жизни своей назначилъ своего врача, ученаго магистра Маугера, и выборы епископа состоялись согласно волѣ короля. Преемникъ Ричарда, Іоаннъ, одобрилъ избраніе и предоставилъ, не дожидаясь посвященія, избраннику право пользоваться бенефиціями въ его епархіи. Между тѣмъ, самъ избранникъ усумнился въ своемъ правѣ занять мѣсто епископа и, явившись къ архіепископу Кантерберійскому, повѣдалъ ему, что онъ родился до брака своихъ родителей. Архіепископъ сталъ справляться съ канонами и при обсужденіи этого вопроса встрѣтился съ разными мнѣніями. Между тѣмъ избранникъ неожиданно (*ex insperato*) явился въ Римъ, прося папу разрѣшить вопросъ о его правѣ принять избраніе. Иннокентій, ссылаясь на постановленіе Латеранскаго собора, призналъ избраніе не каноническимъ, но въ то же время въ виду „учености, нравственности, честности, образа жизни и добраго имени“ кандидата, призналъ его заслуживающимъ диспенса. Представители кандидата исполнили въ Римѣ формальность *постуляціи* (ходатайство передъ папой) и Иннокентій лично посвятилъ Маугера въ епископы. Извѣщая объ этомъ архіепископа Кантерберійскаго, папа не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлать ему выговоръ и приказомъ объявилъ по епархіи, чтобы многое, что тамъ неправильно творится и о чемъ онъ не можетъ говорить „не краснѣя“, впредь не происходило *).

Такова была первая побѣда, одержанная Иннокентіемъ надъ Англіей, благодаря благопріятнымъ для него обстоятельствамъ. Епископъ, назначенный королемъ, въ концѣ концовъ получаетъ

---

*) Указанное рѣшеніе папы было принято въ первый сборникъ его декретовъ и потому напечатано не въ общемъ Сборникѣ его переиздски, а въ III томѣ Патрологіи Минье, Кол. 1193.

свою епископію изъ рукъ папы. Но Іоаннъ еще не думаетъ сдаваться.

Объ этомъ свидѣтельствуесть судьба Линкольнской катедры, которая вслѣдствіе несогласія между избирателями и королемъ два года оставалась незанятою, а капитуль, вслѣдствіе „большого страха передъ королемъ“, не апеллировала къ папѣ, пока, наконецъ, Иннокентій, выведенный изъ терпѣнія, не обратился къ Іоанну съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ, перечислявшимъ все его прегрѣшенія по отношенію къ церкви (V, 160).

Упомянувъ о томъ, какъ часто и настойчиво Ричардъ, а послѣ и Іоаннъ,—упрашивали папу вступить за ихъ племянника—Оттона, Иннокентій напоминаетъ королю разные случаи гоненія съ его стороны англійскихъ и французскихъ прелатовъ (въ провинціяхъ, тогда принадлежавшихъ Англии). Онъ особенно ему ставитъ въ упрекъ запрещеніе, изданное по его французскимъ владѣніямъ и въ Англии принимать присланныхъ туда изъ Рима легатовъ, что наноситъ апостольскому столу неслыханную обиду. Въ числѣ другихъ его насилій противъ церквей Іоанну ставится въ вину и запрещеніе произвести выборы въ Линкольнъ для того, чтобы какъ можно дольше удержать въ своихъ рукахъ доходы этой епархіи, которые „очень значительны“. Въ заключеніе Иннокентій предостерегаетъ Іоанна, что если король не будетъ воздерживаться отъ такихъ и подобныхъ обидъ церкви, онъ, папа, опасаясь, чтобы его долгое молчаніе не навлекло на него Божью кару, исполнить свой долгъ по отношенію къ Іоанну.

За этой побѣдой вскорѣ послѣдовала и другая.

Когда освободилась епископская катедръ въ Уинчестерѣ, Іоаннъ задумалъ занять ее однимъ изъ преданнѣйшихъ ему клериковъ, Петромъ де Рошъ, и даже тотчасъ предоставилъ ему разные доходы въ этой епархіи на время вакантности ея катедры. Онъ и самъ не разъ пріѣзжалъ въ Уинчестеръ, чтобы повліять на избраніе Петра. Но условія избранія въ этой епархіи были болѣе сложны, чѣмъ въ другихъ; кромѣ монастыря право участія въ избраніи принадлежало и архидіаконамъ, завѣдывавшимъ администраціей и судомъ въ епархіи. Эти архидіаконы со своими приверженцами избрали въ епископы декана Сельсберійскаго и обратились за поддержкой въ Римъ. Иннокентій отозвался на это посланіемъ на имя пріора и монаховъ (VIII, 4), въ которомъ, утверждая привилегіи монастыря, данныя ему папою Люціемъ, приглашаетъ монаховъ при избраніи епископовъ не допускать ни

---

*) Inn. VI, 73.

коварства, ни насилія, а произвести его безъ протеста съ чьей-либо стороны, при участіи архидіаконовъ, по общему согласію, согласно со священными канонами.

Одновременно Иннокентій обратился и къ архіепископу Кантерберійскому съ заявленіемъ (VIII, 5), что, какъ довелось ему слышать, король Англій, желая себѣ незаконно присвоить то, что до него не касается, препятствуетъ монахамъ и архидіаконамъ Уинчестера приступить къ свободному избранію епископа. „Если бы—продолжаетъ папа—міряне приняли во вниманіе судьбу царя Іудейскаго Озіи, пораженнаго въ лицѣ проказою за то, что онъ вздумалъ, надѣвши Ефодъ, производить въ храмѣ воскуреніе,—они не дерзали бы вмѣшиваться въ дѣло церковное, до нихъ не относящееся“. По сему папа предписываетъ архіепископу и поименованнымъ въ посланіи его суфраганамъ—„такъ какъ не полагается королю распоряжаться избраніемъ епископа (*non deceat regem ut de electione pontificis disponat*) убѣдить короля предоставить монахамъ свободные выборы“. Въ противномъ случаѣ монахи съ архидіаконами должны въ теченіе 40 дней по полученіи папскаго посланія произвести выборы, не взирая на чей-либо протестъ или апелляцію подъ страхомъ церковныхъ каръ нарушителямъ выборовъ.

Между тѣмъ, въ самомъ Уинчестерѣ пріоръ и монахи избрали по приказанію короля его ставленника. Обѣ стороны, какъ водится, апеллировали въ Римъ. Заинтересованный въ дѣлѣ Іоаннъ отправилъ туда самого избранника „съ большой суммой денегъ“. Тамъ Иннокентій, какъ видно изъ обстоятельнаго протокола, отправленнаго имъ въ Уинчестеръ, призналъ неправильнымъ, какъ тѣ, такъ и другіе выборы *).

Послѣ этого сторонники Петра предъявили полномочіе произвести новые выборы въ Римѣ, въ присутствіи папы. На это согласились и приверженцы декана. Но на выборахъ соглашеніе не состоялось, такъ какъ противники Петра отвергли его кандидатуру въ сплу приписываемой ему незаконнорожденности. Вторичные выборы дали такой же результатъ, несмотря на заявленіе обѣихъ сторонъ, что дальнѣйшая оттяжка выборовъ послужитъ къ большому ущербу епархіи. Но „по внушеніи Того, Кто раздвоенное объединяетъ“ (*qui fecit utraque unum*), состоялось, наконецъ, единогласное избраніе Петра де Рошъ. А такъ какъ архіепископъ Турскій и другіе прелаты прислали грамоты, въ которыхъ засви-

---

*) Первые—*per inordinatam praesumptionem* (самоуправство избирателей), вторые—*per violentam impressionem* (давленіе на избирателей).

дѣтельствовали какъ каноничность избранія, такъ и законорожденность Петра, „а дорогой сынъ нашъ—пишетъ папа—король Англии, которому мы охотно, на сколько можемъ, оказываемъ великую честь, далъ на это свое согласіе“,—то Иннокентій, съ общаго согласія коллегіи кардиналовъ, и утвердилъ епископомъ Уинчестера—Петра де Рошъ (VIII, 104).

Авторъ монографіи объ отношеніяхъ Иннокентія къ Англии усматриваетъ въ этомъ „внезапный поворотъ въ политикѣ Иннокентія“ и такъ какъ онъ исключаетъ мотивъ корыстолюбія со стороны Иннокентія, то недоумѣваетъ, какъ объяснить то, что этотъ папа самъ нанесъ ударъ своей системѣ—въ пользу ставленника Іоанна, котораго легко было устранить какъ незаконнорожденнаго *).

Мы думаемъ, что болѣе внимательная оцѣнка системы Иннокентія можетъ устранить всякія въ этомъ случаѣ недоумѣнія.

Цѣль Иннокентія заключалось въ томъ, чтобы устранить въ Англійской іерархіи вліяніе короля и привести ее въ зависимость отъ папы. Онъ хорошо понималъ, что достигнуть этого одними декреталями невозможно при укоренившейся въ Англии солидарности прелатуры съ королемъ и традиціоннымъ авторитетомъ послѣдняго. Можно было только прецедентами, всегда игравшими такую роль въ жизни Англии, пріучить англійскій епископатъ руководиться волей не короля, а папы. Въ данномъ случаѣ уступка со стороны папы была незначительна—онъ согласился допустить въ епископы лицо, покровительствуемое королемъ. Побѣда же, одержанная Иннокентіемъ надъ королемъ была принципиальна и внушительна. Все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ, что заведенный королями обычай производить выборы епископовъ при дворѣ въ своемъ присутствіи отмѣнялся, и уступалъ мѣсто другому—поѣздкѣ въ Римъ для полученія епископской мантіи въ присутствіи и на глазахъ папы.

* * *

Одержавъ надъ королемъ Англии такую же побѣду, какую одержалъ первосвященникъ Азарія надъ іудейскимъ царемъ Озіей—„изгнавъ его изъ храма“, Иннокентій сталъ готовить окончательное пораженіе Іоанна и лишеніе его всякой власти надъ англійской церковью. За два мѣсяца до посвященія епископа Уинчестерскаго въ Римѣ послѣдовала смерть архіепископа

---

*) Gütschow, Innocenz III in England. п. 122, sq.

Кантерберійскаго, давно уже болѣвшаго. Иннокентій имѣлъ уже достаточно времени убѣдиться, что главнымъ препятствіемъ къ установленію верховенства папы надъ англійской церковью и ея королемъ является солидарность архіепископа Кантерберійскаго съ королемъ и соединеніе въ рукахъ этого архіепископа главенства надъ церковью съ властью свѣтскаго правителя въ качествѣ королевскаго главнаго министра. По смерти Ричарда, Іоаннъ, не ладившій съ братомъ, понялъ, однако, какое значеніе имѣетъ и для него совмѣщеніе архіепископской съ правительственной власти въ рукахъ такого опытнаго и энергическаго человѣка, какъ Губертъ Валтеръ и тотчасъ призвалъ его снова на постъ министра.

Еще до смерти Губерта, Иннокентій твердо рѣшилъ не допустить болѣе такого совмѣщенія и подготовлялъ для занятія Кантерберійскаго престола преданное ему лицо. Право избранія новаго архіепископа принадлежало монахамъ Христова аббатства (Christ Church). Но какъ въ Уинчестерѣ архидіаконы епархіи пользовались правомъ участія въ избраніи наравнѣ съ монахами, такъ въ этомъ случаѣ право участія въ избраніи архіепископа принадлежало также его суфраганамъ.

Чтобы избавиться отъ этого участія, монахи сговорились въ ту же ночь произвести выборы, не предупредивъ короля. Они избрали своего субпріора Регинальда и тайно отправили его въ Римъ хлопотать о своемъ утвержденіи у папы. Между тѣмъ, король поспѣшилъ прибыть самъ въ Кантербери, чтобы сговориться съ монахами относительно избранія. И суфраганы съ своей стороны выступили съ своими притязаніями. Обѣ стороны обратились къ королю и Іоаннъ велѣлъ произвести выборы въ своемъ присутствіи, при чемъ былъ избранъ единогласно его кандидатъ, епископъ Норичскій, Іоаннъ де-Грей (Gray), одинъ изъ преданнѣйшихъ королю прелатовъ, произведенный королемъ въ санъ епископа Норичскаго. Несмотря на нежеланіе тамошняго Конвента, въ Римъ была отправлена отъ короля и монаховъ депутация, снабженная большими денежными суммами, чтобы испросить разрѣшенія у папы для епископа Норичскаго перейти съ своей кафедры на архіепископскую (postulatio).

Такимъ образомъ, къ удовольствію Иннокентія состоялось спорное избраніе съ апелляціей къ нему со стороны обойденныхъ епископовъ-суфрагановъ. Мартомъ 30-мъ 1206 г. помѣчено первое изъявленіе воли Иннокентія въ посланіи къ пріору и монастырю Кантерберійскому. Начинается оно очень сурово: „не въ силахъ мы ни словами сказать ни въ письмѣ изобразить, на

сколько мы и братья наши кардиналы не только изумлены, но и смущены тѣмъ, что, какъ мы достовѣрно узнали, натворили безразсудные выродки вашей матери Кантерберійской церкви, которая можетъ воскликнуть словами пророка: „я воспитала и вознесла васъ, а вы презрѣли меня“, предоставивъ меня, какъ прелюбодѣйку разнымъ любовникамъ. О горе! гдѣ же то честное благочестіе, то мудрое благоразуміе, то искреннее правдолюбіе, та твердость въ добродѣтели, которыми вы широко прославились!“ (IX, 34). Въ такомъ тонѣ продолжается посланіе. Затѣмъ въ немъ излагается, что происходило при куріи. Когда монахи, прибывшіе съ Регинальдомъ, стали просить объ его утвержденіи, магистръ Петръ, явившись въ качествѣ повѣреннаго отъ епископовъ-суффрагановъ, сталъ просить, чтобы избраніе монаховъ было признано несостоявшимся, какъ произведенное безъ участія его довѣрителей. Монахи на это представили ходатайство объ отводѣ магистра, какъ неимѣющаго довѣренности. Онъ же на это объяснилъ, что на пути около Пармы былъ ограбленъ и у него отнято съ другимъ имуществомъ и эта довѣренность. Онъ просилъ дать ему срокъ для представленія новой довѣренности. Монахи противъ этого возражали, но Иннокентій, по внесеніи магистромъ залога въ 1000 марокъ, отсрочилъ разсмотрѣніе дѣла до 1 мая. Но этотъ срокъ еще не наступилъ, когда изъ Англіи явилось новое посольство какъ отъ монаховъ, такъ и отъ суффрагановъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи въ санѣ архіепископа, избраннаго ими совмѣстно епископа Норичскаго. Противъ этого заявилъ протестъ повѣренный Регинальда, на томъ основаніи, что до истеченія назначеннаго на 1 мая срока нельзя приступить къ разсмотрѣнію новаго ходатайства; во-вторыхъ, потому, что по каноническимъ постановленіямъ нельзя избирать лицо изъ другой епархіи, пока остается возможность найти достойное въ той же епархіи, и въ третьихъ,—самъ папа указалъ на то, что онъ отъ дальнѣйшей оттяжки опасается лишнихъ расходовъ и рисковъ для заинтересованныхъ лицъ. Папа, однако, не сдался на эти доводы и въ виду того, что на его судъ не долженъ быть допущенъ разный вѣсъ, подобный фальшивой монетѣ, дозволилъ сторонамъ приступить къ преніямъ, во время которыхъ пять свидѣтелей доказывали, что Регинальдъ вовсе не былъ избранъ, одинъ же утверждалъ противное, вслѣдствіе чего папа и кардиналы признали необходимымъ вызвать изъ Англіи 15 свидѣтелей монаховъ, изъ числа которыхъ девять были указаны папою поименно. Въ виду этого вызова разсмотрѣніе дѣла было отложено до 1-го сентября.

Въ краткихъ письмахъ Иннокентій извѣстилъ объ этомъ какъ

суффрагановъ, такъ и короля съ предложеніемъ прислать въ Римъ повѣренныхъ (*procuratores*) для соблюденія ихъ интересовъ. Въ письмѣ къ Иоанну сказано, что это дѣлается для „соблюденія правъ и чести короля“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій далъ порученіе одному епископу и аббату монастыря св. Августина въ Кантербери—сопернику пріора Христоваго монастыря на мѣстѣ подробно дознаться всей истины посредствомъ допроса подъ присягой и сообщить о ней папѣ. Король Иоаннъ отправилъ монаховъ на свой счетъ и 12 изъ числа 15 заставилъ присягнуть ему, что они въ Римѣ подадутъ свой голосъ только за епископа Норичскаго.

Трудно на разстояніи вѣковъ раскрыть всѣ перипетіи политической комедіи, разыгравшейся тогда между королемъ и папой, тѣмъ болѣе, что намъ остается неизвѣстнымъ, когда именно Иннокентій завязалъ главный узелъ, именно тотъ, который и придаетъ выборамъ архіепископа характеръ комедіи.

Мы знаемъ только, что 1-го октября, на которое были приглашены въ Римъ всѣ заинтересованные въ дѣлѣ лица, ничего не было рѣшено, а въ декабрѣ былъ избранъ архіепископомъ Кантерберійскимъ ни Регинальдъ, ни Джонъ де-Грей, а проживавшій въ Римѣ, близкій къ Иннокентію кардиналъ Стефанъ Лангтонъ, по происхожденію англо-саксъ, но по образованію товарищъ Иннокентія, магистръ парижскаго университета. По свѣдѣніямъ современнаго лѣтописца, монахи, прибывшіе въ Римъ для выборовъ, протестовали противъ Лангтона, ссылаясь на то, что для этого нужно согласіе короля и участіе всего капитула избирателей. На это Иннокентій возразилъ, что, пославъ ихъ уполномоченными, капитулъ передалъ имъ свое право избранія; что же касается до согласія со стороны короля, то оно не требуется при выборахъ, производящихся въ Римѣ. Иннокентій настаивалъ на избраніи Лангтона во имя покорности папѣ и грозилъ отлученіемъ за неповиновеніе. Одинъ только изъ избирателей остался вѣренъ епископу Норичскому.

Иначе, конечно, гласить официальное изложеніе дѣла о выборахъ въ письмѣ Иннокентія къ королю отъ 30 дек. 1206 г. Папа заявляетъ, что онъ призналъ несостоявшимся избраніе Регинальда (*irritam et inane*), вслѣдствіе многочисленныхъ на него апелляцій, такъ какъ это избраніе нельзя считать совершившимся, а лишь предполагавшимся (*non tam celebratam quam praesumptam*). Голоса же, собравшихся на новые выборы делегатовъ раздѣлились: нѣкоторые были и за епископа Норичскаго, кое-кто за Регинальда; наконецъ, однако, послѣ продолжительнаго совѣщанія,

всѣ единогласно сошлись на магистрѣ Лангтонѣ, кардиналѣ-пре-
свитерѣ, человекѣ, выдающемся образомъ жизни, славой, наукой
и ученостью. Затѣмъ они обратились къ посламъ короля, усердно
прося, чтобы они отъ имени короля дали свое согласіе на избра-
ніе, въ чемъ, однако, тѣ имъ отказали (IX, 206).

Дойдя до этого щекотливаго обстоятельства, авторъ письма
пытается съ большимъ искусствомъ обойти его. „Хотя, сказано
въ папскомъ посланіи, при избраніи епископовъ, совершающемся
при апостольскомъ престолѣ, нѣтъ обычая ожидать согласія свѣт-
скаго государя.—Мы, изъ обильной любви къ тебѣ (ex abundante
gratia) просимъ тебя прислать намъ дѣльныхъ уполномо-
ченныхъ“. Изъ присылки этихъ уполномоченныхъ, авторъ письма
выводитъ, какъ будто это само-собою разумѣется согласіе короля
съ результатомъ избранія, „такъ что несомнѣнно вторичный за-
просъ о твоемъ согласіи казался бы излишнимъ, если бы не было
многократнаго настоянія упомянутыхъ пословъ, чтобы мы оказали
тебѣ милость сверхъ милости, какую мы на нашей памяти ни-
когда еще никому не оказывали“. Затѣмъ тянется въ безконечной
реторикѣ призывъ короля къ покорности. „Да проникнется твоя
королевская кротость духомъ милости и проявить снисходитель-
ность и благоволеніе“ въ этомъ спасительномъ дѣлѣ, которое въ
небесахъ предусотрѣно (coelitus est provisum). Отверзни глаза
твои, свѣтлѣйшій государь, и убѣдись, что не безъ промысла
свыше Господь далъ тебѣ вопреки многимъ успѣхъ въ свѣтскихъ
дѣлахъ, какъ разъ въ то время, когда упомянутая церковь опла-
кивала свое сиротство, чтобы ты въ оказанныхъ тебѣ благодѣя-
ніяхъ усмотрѣлъ увѣщаніе Небеснаго Царя къ тебѣ освободить
себя отъ заботъ (о церкви), желая чтобы ты совѣмъ предался
твоимъ мірскимъ дѣламъ.

Эти соблазнительныя увѣщанія смѣняются по обычаю угро-
зами: „Думаешь ли ты, что безнаказанно дозволить зложелате-
лямъ оскорблять храмъ свой Тотъ, Кто изъ-за него претерпѣлъ
мученія смерти. Или ты думаешь, что кто-либо безъ опасности
для себя въ состояніи расшатать свободу той церкви, привилегію
которой самъ мученикъ запечатлѣлъ своею кровью?—Намекъ на
мученическую смерть Кантерберійскаго архіепископа Томы Бе-
кета, за которую неповинный отецъ Іоанна понесъ такую тя-
желую кару!

И въ письмѣ къ пріору и конвенту, начинающемся съ увѣ-
ренія, что онъ желаетъ обезпечить имъ *миръ*, папа взываетъ къ
памяти о Томѣ Бекетѣ, а кончаетъ письмо предостереженіемъ,
чтобы ничье коварство ихъ не соблазнило, и ничье ни дьяволь-

ское, ни человѣческое искушеніе ихъ не совратило. Иннокентій, очевидно, внушаетъ имъ твердость въ предстоящей ихъ борьбѣ, увѣряя ихъ, что Кантерберійская церковь составляетъ главную составную часть апостольской церкви (IX, 207).

Очевидецъ этихъ событій, нерасположенный къ королю лѣтописецъ, Уендауръ, говоритъ о вышеприведенномъ письмѣ Иннокентія къ Иоанну, что оно написано „ласковымъ и убѣдительнымъ тономъ“ и его отзывъ повторяетъ современный историкъ Иннокентія, Люшеръ ¹⁾. Непосредственное знакомство съ упомянутыми письмами Иннокентія приведетъ всякаго къ иному убѣжденію. Реторики въ нихъ дѣйствительно очень много, но она не могла убѣдить короля въ томъ, что папа имѣлъ право лишать его самой драгоценной для него привилегіи—не утверждать негодныхъ ему епископовъ. Въ папской риторикѣ исчезъ главный вопросъ. Если папа, хотя бы изъ „обильной любви“ къ королю, запрашивалъ его согласія посредствомъ уполномоченныхъ на избраніе Лангтона, а королевскіе уполномоченные этого согласія не давали, то нельзя было считать избраніе состоявшимся, а чтобы убѣдить короля дать это согласіе, для этого нужны были болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ угрозы мезью Томы Бекета и безконечныя латинскія тирады, которыя Иоаннъ при своей вспыльчивости былъ даже не въ состояніи дослушать до конца. И какъ было Иоанну не вспылить, когда онъ хорошо зналъ, чего ему было ожидать отъ Лангтона. Англійскій король зналъ, что кардиналъ былъ въ числѣ ближайшихъ къ Иннокентію лицъ, такъ что по словамъ послѣдняго, управлялъ „вмѣстѣ съ нимъ вселенскою церковью“. Удобно ли было королю Англии такому лицу вручать судьбу своего королевства и церкви? Иоаннъ зналъ и то, что Лангтонъ былъ „отъявленнымъ врагомъ королевства Англии, ибо, проведши въ качествѣ профессора долгое время въ Парижѣ, онъ былъ еще и теперь чрезвычайно близокъ (*familiarissimus*) къ королю Франціи“.

* * *

При такихъ условіяхъ началось то многолѣтнее состязаніе между папою и королемъ, которое подорвало монархическій абсолютизмъ въ Англии, такъ прочно утвержденный норманскимъ завоеваніемъ — папству же доставило высокое торжество въ его

---

¹⁾ Cum verbis tam blandis duam persuasoriis.—Ménagements et rhétorique persuasive. Innocent III et les Royautés p. 193.

борьбѣ за власть надъ государствомъ. Торжество священства надъ царствомъ есть существенная черта исторіи средневѣковой Европы. Это торжество обусловливалось идейнымъ и культурнымъ превосходствомъ средневѣкового священства надъ феодальнымъ государствомъ. Феодальное государство въ самомъ себѣ носило отрицаніе государственнаго начала, ставя на его мѣсто начало частной собственности и частнаго права. Поэтому оно было безсильно бороться съ культурнымъ началомъ, заключавшемся въ вселенской церкви, являвшейся людямъ отраженіемъ Божьяго царства на землѣ. А къ этому присоединяется въ данномъ случаѣ преимущество въ личномъ достоинствѣ борцовъ, которое никогда не проявлялось въ такой рѣзкой степени на сторонѣ священства, какъ въ борьбѣ Иннокентія III съ Іоанномъ Безземельнымъ.

Іоаннъ всегда вспыльчивый и безразсудный на этотъ разъ совершенно обезумѣлъ и представляетъ собой дикаго звѣря, который рвется и мечется среди тенетъ, искусно разставляемыхъ осторожнымъ охотникомъ съ вѣрнымъ расчетомъ.

Правда, отвѣтъ Іоанна на вышеприведенное письмо Иннокентія отъ 20 д. 1206г., не дошедшій до насъ въ оригиналѣ, но передаваемый лѣтописцемъ, представляется умѣреннымъ и полнымъ сознанія своего права и мощи. Іоаннъ отказывается признать избраніе Лангтона; онъ ему неизвѣстенъ ибо все время провелъ во Франціи среди его враговъ. Онъ былъ папой возведенъ въ архіепископы въ ущербъ и съ пренебреженіемъ къ правамъ и независимости англійской короны, безъ исходатайствованія монахами королевскаго согласія, вопреки всякой законности. Король выражаетъ удивленіе, съ какой легкостью курія и кардиналы забываютъ на сколько они нуждаются въ дружбѣ короля. Развѣ они не знаютъ, что одно англійское королевство приноситъ имъ больше чѣмъ всѣ земли, на сѣверъ отъ Альпъ, вмѣстѣ взятыя. Онъ намѣренъ бороться, если нужно будетъ, до смерти за свободу своей короны: онъ безповоротно рѣшился держаться избранія епископа Норичскаго, услуги котораго ему необходимы. Если папа не удовлетворитъ этого требованія, онъ преградитъ путь въ Римъ своимъ подданнымъ. Онъ не хочетъ, чтобы англійскія деньги уходили изъ страны; ему онѣ нужны для защиты королевства. Въ Англійи и областяхъ ей подвластныхъ достаточно образованныхъ и способныхъ архіепископовъ, епископовъ и прелатовъ, чтобы можно было обойтись безъ иноземныхъ ставленниковъ Рима,

Если бы Іоаннъ могъ удержаться на этой практической, національной точкѣ зрѣнія, можетъ быть его дѣло не было бы такъ скоро проиграно, — во всякомъ случаѣ его пораженіе не было бы

такъ чувствительно. Но онъ имѣлъ дѣло съ великимъ мастеромъ, который умѣлъ побѣждать его и въ политикѣ и въ діалектикѣ. Вотъ какъ отвѣтилъ ему Иннокентій 26 мая 1207 года: „По дѣлу Кантерберійской церкви мы писали тебѣ смиренно, вѣжливо и ласково, увѣщая и прося; ты же, не въ обиду тебѣ будь сказано, отвѣтилъ намъ упрямо и дерзко“.

„И если мы старались уважить тебя свыше того, на что ты имѣешь право, ты не соизволилъ выказать намъ то уваженіе, на которое мы имѣемъ право, безъ вниманія къ тому, что если твое расположеніе намъ очень нужно, наше тебѣ не менѣе полезно. И если мы въ данномъ случаѣ никому изъ государей не оказали такой чести, какъ тебѣ, ты насъ такъ оскорбилъ, какъ въ подобномъ случаѣ никакой государь насъ безчестить не дерзалъ“.—Затѣмъ папское посланіе опровергаетъ пунктъ за пунктомъ доводы короля. На заявленіе Иоанна, что Лангтонъ „проживалъ среди его враговъ и ему неизвѣстенъ“, увѣнчанный тройною митрою собесѣдникъ короля—иронически ссылается на притчи Соломона: „Напрасно лежитъ сѣтка на глазахъ у пернатыхъ“, и восклицаетъ: А мы то полагали, что Лангтону слѣдуетъ поставить не въ укорь, а въ заслугу то, что онъ предавался въ Парижѣ такъ долго ученымъ занятіямъ и настолько въ нихъ успѣлъ, что заслужилъ докторскую степень не только въ общеобразовательныхъ наукахъ, но и въ богословіи и, такъ какъ его учености соотвѣтствовалъ и его образъ жизни, былъ удостоенъ *пребендой* въ Парижѣ. Поэтому насъ очень удивляетъ, что человѣкъ съ такимъ именемъ, уроженецъ твоего королевства, могъ быть тебѣ по репутаціи неизвѣстенъ—въ особенности въ виду того, что когда онъ нами былъ возведенъ въ санъ кардинала, ты ему три раза писалъ, что хотя ты предполагалъ приблизить его къ себѣ, но радуешься, что онъ былъ вознесенъ на болѣе высокую ступень“. Мало того, Иннокентій подчеркиваетъ, что Лангтонъ, происходя изъ Англіи отъ родителей преданныхъ и вѣрныхъ королю, обладалъ церковной пребендой также въ Йоркской епархіи, болѣе значительной чѣмъ Парижская. Но не этотъ отводъ предъявляли королевскіе послы въ Римѣ противъ Лангтона, придирчиво замѣчаетъ авторъ посланія, а то, что для него не было испрошено согласіе короля! Затѣмъ слѣдуетъ длинная капитель, въ оправданіе Иннокентія, которую нельзя провѣрить. Идетъ рѣчь о томъ, что два монаха были специально отправлены къ королю, чтобы исходатайствовать его согласіе; но что эти монахи были задержаны въ Дуврѣ и потому не могли исполнить своего порученія. Далѣе говорится: И мы, также обладая полною властью надъ Кантербе-

рійской церковью, удостоили испросить въ этомъ дѣлѣ твою королевскую милость и курьеръ нашъ, привезшій тебѣ наше апостольское посланіе, подалъ также письмо пріора и монаховъ, совершившихъ избраніе по полномочію всего Кантерберійскаго капитула, объ исходатайствованіи для него согласія королевскаго Величества. Поэтому мы не находимъ нужнымъ послѣ всего этого снова просить королевскаго согласія, но намѣрены, не уклоняясь ни вправо ни влево, исполнить то, чего требуютъ каноническія постановленія святыхъ отцовъ, чтобы не было болѣе никакой отяжки и никакихъ затрудненій и Господне стадо не было дольше лишено пастырской заботы. Посланіе кончается внушеніемъ, чтобы король постарался заслужить „Божье благоволеніе и наше, дабы въ противномъ случаѣ не попасть въ такія затрудненія, изъ которыхъ ему трудно будетъ выбраться и чтобы, наконецъ, побѣда осталась на сторонѣ Того, предъ Которымъ сгибаются колѣна всѣхъ, кто на небѣ, на землѣ и въ преисподней и намѣстникомъ Коего мы состоимъ, хотя и не по заслугамъ. Не безопасно тебѣ бороться противъ Господа и церкви въ дѣлѣ, за которое блаженный мученикъ и славный святитель Тома недавно пролилъ свою кровь, въ особенности послѣ того, какъ отецъ твой и братъ, славной памяти короли Англій, клятвенно отреклись предъ легатомъ апостольскаго престола отъ того дурного обычая (*illam pravam consuetudinem abjurarunt* (X, 219).

Драгоценный документъ для изученія папской дипломатіи и того міровоззрѣнія, на почвѣ котораго эта дипломатія одерживала свои побѣды! Замалчивая главный вопросъ, что глава англійской церкви былъ посвященъ папою въ Римѣ безъ согласія короля и завѣдомо противъ его желанія, папскіе дипломаты ловятъ короля на формальныхъ противорѣчіяхъ — что онъ, напр., назвалъ Лангтона чужимъ человѣкомъ, а между тѣмъ тотъ получалъ англійскую пребенду; причемъ авторъ посланія не смущается существеннымъ противорѣчіемъ въ собственномъ произведеніи. Стараясь доказать, что королю было послано ходатайство о его согласіи на избраніе Лангтона, папская канцелярія признаетъ за королемъ право *veto*, а между тѣмъ весь смыслъ препирательства съ королемъ сводится къ тому, чтобы устранить всякую мысль о такомъ *veto*. Убѣждая короля, чтобы онъ отрекся отъ *дурного обычая*, папская нота подтверждаетъ, что требованіе короля основано на обычаяхъ и намъ слѣдовало бы войти въ юридическое обсужденіе вопроса. Но мы обрѣтаемся въ эпохѣ смѣшенія принциповъ, смѣшенія каноническаго права съ государственнымъ, богословія и юриспруденціи. Какой

обычай, какой законъ, какое государство могутъ устоять передъ лицомъ и волею намѣстника Того, предъ Кѣмъ преклоняеть колѣна все существующее на небѣ, на землѣ и въ преисподней“?

Иннокентій напрягалъ всѣ силы западнаго христіанства, чтобы сломить мусульманство; но какъ близко подходилъ провозглашенный имъ принципъ къ основному догмату мусульманъ — Великъ Аллахъ, а Магометъ его пророкъ!

Освѣдомленный о томъ, что произошло въ Римѣ, Іоаннъ поднялъ перчатку, брошенную ему назначеніемъ враждебнаго ему примаса Англіи. Въ тотъ самый день, которымъ помѣчено вышеприведенное посланіе папы — 26 мая 1207 г. Іоаннъ запретилъ англійскому духовенству собирать динарій св. Петра и присутствовать на соборѣ, созванномъ папскимъ легатомъ въ С. Албансѣ. А въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Іоаннъ сорвалъ свое сердце на монахахъ, подавшихъ поводъ къ поразившимъ его неприятностямъ. Онъ посмалъ спросить монаховъ Кристь-Черча, всѣ ли они дали свое согласіе на избраніе Лангтона? И когда они, можетъ быть и не понимая цѣли этого вопроса, поспѣшили отвѣтить утвердительно, онъ приказалъ имъ, какъ клятвопреступникамъ, идти въ изгнаніе или погибнуть подъ развалинами монастыря. Всѣ они, кромѣ больныхъ, переправились за море и мѣсто ихъ было занято монахами августинскаго ордена. Иннокентій же, обойдясъ безъ согласія короля, посвятилъ 17 іюля Стефана Лангтона примасомъ Англіи.

Такъ началась многолѣтняя распря между папою и королемъ, приведшая одного къ величайшему торжеству, а другого къ глубочайшему паденію. Условія распри осложнились крайне невыгодно для англійскаго короля. Феодалное право обязывало вассала проливать свою кровь за сеньера, наградившаго его леномъ, но не обязывало его къ уплатѣ податей по усмотрѣнію сеньера. Вассалы изъ клериковъ, освобожденные по своему духовному сану отъ первой обязанности, старались избавиться и отъ второй, ссылаясь на то, что церковныя земли не подлежатъ обложенію государствомъ. Іоаннъ, потерявшій свои родовыя владѣнія во Франціи, но мечтавшій о возвращеніи ихъ, былъ принужденъ усилить поборы съ Англіи и обложилъ своихъ вассаловъ, свѣтскихъ и духовныхъ безразлично, тринадцатою долей дохода — вызвавъ этимъ сильное неудовольствіе, которымъ и воспользовался Иннокентій III. Онъ затѣялъ съ королемъ, такъ сказать, шахматную игру, искусно выставляя противъ него одну мѣру за другой, пока не сдѣлалъ ему *шахматъ*.

Не входя въ подробное описаніе этой томительной для Іоанна шестилѣтней игры, мы характеризуемъ политику Іннокентія насколько она отражается въ исходившихъ отъ него документахъ.

Того же 1207 года 25 авг. папа отправилъ Лондонскому и двумъ другимъ епископамъ слѣдующее заявленіе. Призывая въ свидѣтели Господа, онъ увѣряетъ, что любилъ Іоанна такой горячей любовью, что другіе государи изъ-за этого охладѣли къ Риму или даже совершенно его разлюбили. Іоаннъ же въ своей неблагодарности противится его распоряженіямъ, вѣрнѣе распоряженіямъ самого Господа (*nostris imo dei dispositionibus*) и пытается власти папы (*jurisdictionem*) не только ставить преграды (*impedire*), но совсѣмъ ее устранить, тогда какъ папа никогда не замышлялъ уменьшать его власть, а напротивъ всегда старался ее защищать.

Коснувшись Кантерберійскаго дѣла, Іннокентій увѣряетъ, что ничье назначеніе не соотвѣтствуетъ въ такой степени чести и благополучію (*honor et saluti*) короля, какъ назначеніе Лангтона. Іоаннъ долженъ былъ бы помыслить, что оно исходитъ не столько отъ человѣка, сколько отъ самого Господа. Ему папѣ чрезвычайно тяжело разлучаться съ человѣкомъ, который можно сказать, вмѣстѣ съ нимъ до сихъ поръ управлялъ вселенскою церковью. Кончаешь же папа порученіемъ, чтобы три епископа, если имъ не удастся образумить короля, наложили на всю Англію общій интердиктъ. „Пусть всѣ знаютъ завѣрно, что если кто въ своемъ упрямствѣ дерзнетъ идти противъ насъ, мы позаботимся такъ покарать эту дерзость, чтобы вслѣдствіе страха (*terror*), перешедшаго къ потомству, эти продерзости не послужили никому примѣромъ, а кара за нее всѣхъ отпугнула отъ чего-либо подобнаго. 18 ноября Іннокентій разослалъ циркуляръ всѣмъ епископамъ Англій и Уэльса, въ которомъ послѣ цѣлаго ряда текстовъ изъ св. Писанія, призываетъ ихъ на защиту *свободы* не Кантерберійской уже церкви, а всей Англій, извѣщая ихъ, что онъ самъ будетъ защищать эту свободу вплоть до самой смерти, если же окажутся упрямыми, то папа распространить на нихъ угрозу предшествующаго посланія.

Еще знаменательнѣе посланіе, адресованное Іннокентіемъ отъ того же 18 ноября 1207 года—всѣмъ благороднымъ мужамъ Англій—баронамъ и вассаламъ короля, поручая имъ не дозволить королю преслѣдовать архіепископа Кантерберійскаго и склоняться къ совѣтамъ нечестивыхъ. Изъ евангельскихъ словъ, что нельзя служить двумъ господамъ, папа выводитъ, что они не должны благопріятствовать королю, а страхъ Божій ставить выше чело-

вѣческаго, и наставляеть ихъ не бояться быть на время негодными королю ради справедливости, ибо это благочестивое дѣло не навлечетъ на нихъ его ненависти, въ концѣ же привлечетъ его любовь, когда сердце его склонится къ болѣе благоразумнымъ совѣтамъ.

Не довольствуясь примѣненіемъ евангельскихъ словъ противъ службы Маммонѣ, Иннокентій заканчиваетъ свое посланіе исторической галлереей царей, которыхъ покаралъ Господь: тутъ и Ровоамъ и Оза, протянувшій руку къ святынѣ, и Валтазаръ съ грознымъ предвѣщаніемъ.

Порученіе, данное тремъ епископамъ, къ которымъ присоединился и братъ Стефана Лангтона, не запугало Иоанна. Послѣ свиданія съ ними король обнародовалъ 13 марта 1208 года слѣдующее воззваніе: „Да будетъ извѣстно, что Симонъ Лангтонъ потребовалъ отъ меня въ присутствіи моихъ епископовъ, чтобы я призналъ его брата архіепископомъ Кантерберійскимъ. И когда я ему сталъ говорить о необходимости сохранить въ этомъ дѣлѣ достоинство моей короны, онъ отвѣтилъ, что объ этомъ можетъ зайти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если мы предоставимъ все это спорное дѣло на благоусмотрѣніе господина папы. Мы доводимъ объ этомъ до вашего свѣдѣнія, дабы вы знали объ обидѣ, которую намъ хотятъ нанести“.

Но что могли сдѣлать вассалы, оставшіеся на сторонѣ короля, противъ грозившей имъ церковной кары? Въ теченіе трехъ дней 22—24 марта интердиктъ, самая тяжелая церковная кара, былъ наложенъ на все англійское королевство.

Иоаннъ отвѣтилъ на это конфискаціей всѣхъ недвижимостей и доходовъ церкви. Завѣдываніе ими было предоставлено общинамъ, которыя должны были выдавать клерикамъ то, что было необходимо имъ для жизни. Противъ непокорной части духовенства королевскіе чиновники принимали разныя притѣснительныя мѣры, арестуя конкубинъ священниковъ и канониковъ, и брали съ нихъ большой выкупъ. Королевскіе суды отказывались преслѣдовать разбойниковъ, нападавшихъ на духовныхъ лицъ.

Два мѣсяца спустя дѣло стало какъ будто налаживаться. Въ письмѣ къ Иоанну, отъ 27 мая, Иннокентій выражаетъ радость, что онъ, король, въ значительной части отступилъ отъ своего необдуманнаго намѣренія. Изъ письма же папы отъ того же числа къ архіепископу Кантерберійскому, который уже отправился въ Дувръ для веденія переговоровъ о вѣздѣ въ Англію, мы узнаемъ, въ чемъ заключались уступки Иоанна. Онъ соглашался признать Лангтона архіепископомъ, возвратитъ сполна все конфискованное у духов-

ныхъ лицъ и у церквей, даже дозволить вернуться въ свой монастырь Кантерберійскимъ монахамъ, хотя это ему очень тяжело, такъ какъ они противъ него вели предательскія козни. Онъ соглашается даже облечь архіепископа регаліями, но не въ состояніи настолько совладать съ собою, чтобы сдѣлать это лично и передаетъ регалии папѣ черезъ своего повѣреннаго, аббата Больё (XI. 89, 90).

Но соглашеніе, о которомъ писалъ Иннокентій, Іоаннъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, отклонилъ и съ мая 1208 года тянется глухая пятилѣтняя борьба, во время которой Иннокентій затягиваетъ все тѣснѣе и тѣснѣе петлю, накинутую на англійскаго короля. Къ интердикту, который сначала не распространялся на короля и королеву, присоединяется личное его отлученіе. Затѣмъ слѣдуетъ небывалое вторженіе папы въ права свѣтской власти: онъ освобождаетъ всѣхъ вассаловъ Іоанна отъ клятвы вѣрности ему. Практически, какъ казалось бы, эта мѣра не могла пошатнуть власти короля, пока вассалы оставались ему вѣрны. Но при подозрительномъ его характерѣ эта мѣра привела къ большому взаимному ожесточенію между вассалами и королемъ, который забиралъ заложниками дѣтей и родственниковъ подозрѣваемыхъ имъ лицъ.

Наконецъ, Иннокентій прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Онъ низлагаетъ короля Іоанна, а для осуществленія этого акта приглашаетъ наслѣдственнаго врага Іоанна, французскаго короля и призываетъ на помощь крестоносцевъ съ дарованіемъ имъ отпущенія грѣховъ, какъ тѣмъ, кого онъ ополчалъ противъ мусульманъ и еретиковъ. Руководителемъ этой военной экспедиціи онъ назначилъ своего легата Пандолфа.

Весною 1213 года все было готово. Филиппъ-Августъ стягивалъ свою армію къ Гравелину въ ожиданіи переправы черезъ Ламаншъ. На противоположномъ берегу у Дувра стоялъ съ своей арміей Іоаннъ, чтобы отразить нашествіе. Въ послѣднюю минуту его тамъ посѣтилъ легатъ Пандолфъ. Іоаннъ былъ въ страшномъ возбужденіи; пятилѣтняя борьба съ папою, съ духовенствомъ, съ вассалами, можно сказать со всѣми и каждымъ въ его государствѣ, потрясла его силы. Послѣдній ударъ ему нанесъ, по словамъ лѣтописцевъ, юродивый, проповѣдовавшій въ это время, что въ день Вознесенія 23 мая, Іоаннъ перестанетъ быть королемъ и другой займетъ его мѣсто. За десять дней до этого Іоаннъ сдался легату Иннокентія: прежде всего выдалъ удостовѣреніе, подкрѣпленное клятвою четырехъ вельможей, что обязуется исполнить всѣ условія, поставленныя ему папою для снятія съ него

отлученія. Эти условія, по свидѣтельству лѣтописца Матвѣя Парижскаго, были установлены еще годомъ раньше въ Римѣ подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Иннокентія. На ихъ основаніи Іоаннъ обязывался—во-первыхъ: торжественно и безусловно поклясться, что исполнить всѣ повелѣнія папы по дѣламъ, за которыя былъ отлученъ отъ церкви; что онъ предоставитъ миръ и полную безопасность архіепископу Кантерберійскому Стефану, поименованнымъ въ обязательствѣ епископамъ, пріору и монахамъ Кантерберійскимъ, а также всѣмъ клерикамъ и монахамъ къ сему дѣлу прикосновеннымъ; безотлагательно отпустить на свободу всѣхъ клериковъ и мірянъ, заключенныхъ по этому дѣлу, немедленно по прибытіи того лица, которому будетъ поручено снять съ него отлученіе; уплатить 8000 фунтовъ стерлинговъ епископамъ въ счетъ того, что слѣдуетъ каждому изъ нихъ за отнятое у нихъ и подлежащее возвращенію имущество *). При этомъ король обязывался ни подѣ какимъ видомъ или предложеньемъ не допустить какихъ-либо вычетовъ изъ этихъ суммъ, если же бы возникли какія-либо недоразумѣнія, то предоставитъ рѣшеніе по нимъ папскому легату и т. д.

Не ограничиваясь этими уступками, Іоаннъ подѣ влияніемъ паническаго страха, который ему внушала коалиція всѣхъ его враговъ—возстаніе воинственныхъ вельможъ въ союзъ съ англійскими прелатами и съ могущественнымъ Филиппомъ-Августомъ, который готовъ былъ, какъ новый Вильгельмъ Завоеватель вторгнуться въ Англію—окончательно растерялся и 12 мая 1213 г. издалъ ту пресловутую грамоту „Ко всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ“, въ которой онъ отрекался отъ власти надѣ своимъ королевствомъ и приносилъ его въ даръ папѣ.

Въ этой грамотѣ, скрѣпленной печатью, Іоаннъ, Божіею милостью король Англій, объявлялъ всей совокупности христіанъ, что „во многомъ оскорбивъ Господа и мать свою, св. Церковь, весьма нуждаясь вслѣдствіе этого въ Божьемъ милосердіи и ничего достойнаго не имѣя предложить въ удовлетвореніе Господа и Церкви кромѣ своей особы (nos ipsos) и царства своего, онъ—не насиліемъ побужденный и не страхомъ принужденный, но по собственному почину и доброй волѣ и съ общаго совѣта своихъ бароновъ, и желая себя смирить (humiliare) ради Того, Кто смиреніе свое простеръ до смерти, — въ силу внушенія св.

---

*) Эти цифры очень интересны: по нимъ можно судить объ относительномъ богатствѣ поименованныхъ въ посланіи епархій (XVI 81).

Духа предлагаетъ и свободно уступаетъ Господу и св. апостоламъ Петру и Павлу и св. римской церкви „въ даръ нашей матери церкви и господину нашему папѣ Иннокентію и католическимъ преемникамъ его—все королевство Англію и все королевство Ирландію со всѣми правами и принадлежностями ихъ ради отпущенія грѣховъ, какъ собственныхъ своихъ, такъ и всѣхъ родичей, какъ живыхъ, такъ и покойныхъ; а затѣмъ, получая эти королевства отъ Господа и римской церкви и держа ихъ въ качествѣ вассала (*feudatarius*) мы—въ присутствіи мудраго мужа Пандульфа, субдіакона и приближеннаго господину папѣ, присягаемъ и клянемся въ вѣрности упомянутому господину своему папѣ Иннокентію и его католическимъ преемникамъ и римской церкви, обрядъ же вассальной присяги (*homagium ligium*) совершимъ въ присутствіи господина папы, когда будемъ имѣть возможность предстать предъ нимъ лично“. Обязавъ затѣмъ къ вассальной вѣрности своихъ прямыхъ потомковъ, король постановлялъ въ знакъ вѣчнаго своего обязательства изъ доходовъ своего королевства взамѣнъ всякой службы и пошлины, которыя онъ за нихъ долженъ былъ бы нести, ежегодно папѣ уплачивать сверхъ установленнаго динарія св. Петру—1000 марокъ стерлинговъ, 500—въ день св. Михаила, а 500 въ Пасху.

Для большаго закрѣпленія данныхъ имъ обязательствъ Іоаннъ повторилъ ихъ при торжественной обстановкѣ 3 октября 1213 г. въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ въ присутствіи нарочно присланнаго легата кардинала Николая Тускулумскаго.

Современные историки возбуждаютъ вопросъ, различно его разрѣшая, кто истинный виновникъ этого поразительнаго отреченія отъ власти со стороны Іоанна, папа или самъ король? Поставила ли курія это требованіе, чтобы ознаменовать свою побѣду принципиальнымъ торжествомъ папской власти надъ свѣтскою, или же обезоруженный и униженный Іоаннъ съ отчаянія бросился въ объятія куріи, чтобы найти въ ней оплотъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ? Вопросъ приходится оставить открытымъ, по неимѣнію данныхъ. Замѣчательно, что самъ Иннокентій приказалъ легатамъ послѣ снятія отлученія разрѣзать на мелкіе куски и сжечь всѣ документы, изданные куріей противъ короля, для того, чтобы его враги не могли ими воспользоваться противъ него (XVI 133). Самое низведеніе англійскаго короля на степень папскаго вассала вполнѣ вытекаетъ изъ общей политики папъ, начиная съ Григорія VII и уже осуществилось при Иннокентіи десять лѣтъ предъ тѣмъ въ добровольномъ дѣйствіи короля Арагонскаго. Что же касается до короля Іоанна, то большую роль

туть сыграло его малодушіе, проявленное имъ уже при вынужденномъ признаніи архіепископомъ Стефана Лангтона, когда онъ пожелалъ, чтобы регалии были вручены Лангтону *папою*, а не имъ, т.-е. изъ каприза передалъ папѣ право проявить важнѣйшій актъ своей верховной власти.

Торжество Иннокентія III въ глазахъ міра было безусловное: къ вотчинѣ св. Петра и къ ленамъ, отъ нея зависящимъ, королевству Неаполя и Сициліи и королевству Аррагонскому, теперь прибавились первоклассныя королевства Англіи и Ирландіи. Иннокентій ликовалъ и представлялъ свою побѣду торжествомъ духовнаго начала надъ мірскимъ.

Отвѣчая королю, извѣщавшему его, что онъ „по внушенію св. Духа“ сталъ его вассаломъ, Иннокентій писалъ: „Къ Тому возносимъ благодарность, Кто изъ зла умѣетъ извлечь добро, за то, что въ своемъ милосердіи Онъ внушилъ тебѣ дать должное удовлетвореніе церкви за нанесенный ей ущербъ и обиды; ибо ты не только согласился принять условія удовлетворенія, установленныя послѣ обстоятельнаго (multimoda) обсужденія, но и подчинилъ особу твою и царство твое апостолической власти (ditioni). Повторивъ для большей ясности формулу подчиненія, выраженную въ грамотѣ Іоанна, Иннокентій восклицаетъ: „Вотъ видишь ли, право твое надъ королевствомъ твоимъ стало теперь возвышеннѣе и прочнѣе, чѣмъ твое прежнее право, ибо священническое знамя развѣвается надъ нимъ и власть твоя стала царскимъ священнослужительствомъ, какъ сказано въ посланіи апостола Петра и въ законѣ Моисеевомъ“ (XVI, 79). И вотъ, великій государь, заверши общанное и утверди дарованное, чтобы Всемогущій Господь всегда исполнялъ праведныя желанія твои, поддерживалъ благія намѣренія твои и научилъ тебя такъ обладать мірскими благами, чтобы не утратить, а приобрѣсти вѣчныя“.

Несмотря на присутствіе при дворѣ Іоанна довѣреннаго чловека, кардинала-епископа Тускулумскаго „въ качествѣ ангела спасенія и мира“, Иннокентій продолжаетъ наставлять Іоанна въ его новой роли царя, — поставленнаго священникомъ. „Какъ въ ковчегѣ завѣта Господняго, пишетъ Иннокентій Іоанну 4 ноября, вмѣстѣ съ законами хранилась розга и манна, такъ въ груди первосвященника съ знаніемъ божественнаго закона совмѣщается строгость и кроткое благоволеніе. Поэтому всегда обладая бичемъ отца и сосцами матери, чтобы примѣнять строгость къ строптивымъ и непокорнымъ, а кротость къ смиреннымъ и исправившимся, по примѣру того, кто возліялъ вино и елей на раны, — Мы радуемся въ Господѣ, что наши лѣкарства принесли тебѣ

такую пользу и ты, негодовавший на врача пока ощущалъ острую лѣкарствъ, теперь изъявляешь ему благодарность, почувствовавъ удовольствіе исцѣленія. Вотъ видишь, Тотъ, Кто едва не повергъ тебя на землю, тебя же неожиданно возвысилъ, принизивъ возгордившагося и возвеличивъ смиреннаго. Онъ даже такъ тебя укрѣпилъ, установивъ ноги твои на той скалѣ, о которой Истина повѣдала Петру — такъ, что если ты не снимешь ногъ твоихъ съ этой скалы, тебѣ нечего будетъ страшиться какой-либо невзгоды“.

Въ дальнѣйшемъ Иннокентій убѣждаетъ Іоанна чтить св. Церковь и предоставлять ей должную свободу потому, что лишь въ такомъ случаѣ его королевская власть сохранится въ цѣлости, пока онъ будетъ сохранять въ неприкосновенности церковную свободу. Ибо почти всѣ государи погибали, которые дерзали нарушать церковныя вольности, тогда какъ тѣ, которые благопріятствовали правовому положенію Церкви, всегда преуспѣвали все больше и больше. Въ заключеніе Иннокентій даетъ Іоанну совѣтъ не вступать въ препирательства съ епископами особенно по дѣламъ духовнымъ и церковнаго права. Ибо, прибавляетъ папа, ты всегда можешь обращаться къ *намъ* (*ad nos habere recursum*) и черезъ насъ многого можешь честно (*honeste*) достигнуть, чего не достигнешь честнымъ образомъ самъ собою.

Въ тотъ же день Иннокентій отправилъ въ Англію другую буллу, адресованную королю и его дѣтямъ. Цѣль этой буллы установить, что за принесеніе въ даръ Папѣ Англіи, Иннокентій принимаетъ это королевство подъ покровительство св. Петра и папы. Этотъ документъ интересенъ еще тѣмъ, что Иннокентій по этому поводу излагаетъ свою теорію объ отношеніяхъ царства и священства. „Царь царей и Господь Владыка, Иисусъ Христосъ, установилъ священство и царство такимъ образомъ, чтобы царство было священствомъ (*ut regnum sit sacerdotale*), а священство царствомъ (*sit regale*), какъ это выяснено Петромъ въ его посланіи и Моисеемъ въ *законѣ*. Въ силу этого цари земли пользуются почитаніемъ Бога ради, и царства ихъ считаются законными, но лишь поскольку они Ему служатъ“. Съ этой точки зрѣнія, принесеніе Іоанномъ въ даръ Церкви королевства Англіи, получаетъ принципиальное значеніе. Оно имѣло цѣлью, чтобы въ рукахъ викарія Христа, наподобіе тѣла и души, сочетались царство и священство къ великой взаимной пользѣ и процвѣтанію. Такимъ образомъ вынужденный обстоятельствами поступокъ Іоанна получаетъ провиденціальныи смыслъ. Онъ „внушенъ Тѣмъ, Кто есть альфа и омега, для того, чтобы тѣ области, которыя когда-то непосредственно имѣли своей духовной наставницей

св. римскую Церковь, теперь ее же имѣли и въ свѣтскомъ отношеніи своей специальной владычицей“ (XVI 131).

* * *

Капитуляція, къ которой папа принудилъ короля Іоанна, являлась въ глазахъ Иннокентія величайшимъ благомъ для этого короля и для его страны. Она обеспечивала ей внутренній и и внѣшній миръ, миръ между священствомъ и царствомъ, миръ съ сосѣдями, миръ между государемъ и его подданными. Всѣ возможные раздоры въ этихъ различныхъ областяхъ — церковной, международной и политической, подлежали контролю и рѣшенію высшаго трибунала, облеченнаго правомъ не только устранять поводъ къ ссорамъ, но и предупреждать ихъ — трибуналу, далеко превышавшему какъ своею компетентностью, такъ и своею мощью, современный намъ международный трибуналъ въ Гаагѣ. Капитуляція Іоанна устраняла всѣ накопившіяся несогласія между Лондономъ и Римомъ: она дѣлала невозможнымъ какой-либо антагонизмъ между англійской прелатурой и королемъ, она обеспечивала Англію противъ опасности новаго завоеванія со стороны Франціи и она давала королю Англій въ лицѣ главы церкви сильнѣйшій оплотъ противъ его мятежныхъ подданныхъ.

Поэтому, обращаясь ко всему англійскому духовенству въ совокупности, Иннокентій восклицаетъ (XVI 130): „Вы должны радоваться съ нами въ Господѣ и въ величій его могущества по случаю того, что послѣ темной ночи бѣдствій наступилъ свѣтлый день и желанное благополучіе. Теперь мы навѣрное знаемъ, что если иногда и грозятъ волны ладѣ Петра, она, однако, никогда не потопляется“.

Обобщеніе принципа, лежащаго въ основаніи этой сдѣлки, распространеніе его на всѣ прочія страны, должны были создать рай на землѣ, обеспечить Божье царство подъ владычествомъ викарія Христа. Но какъ относительно Германіи, такъ теперь относительно Англій, мечта Иннокентія создать Божье царство на землѣ оказалась неосуществимой. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ исторіи за проявленіемъ надменнаго высокомерія такъ быстро наступала Немезида, какъ въ дѣлѣ установленія папскаго супремата надъ Англійей. Причины этой неудачи папства были разнообразны, коренились глубоко и обнаруживались одна за другой.

Прежде всего отмѣтимъ ту оппозицію, которую вызвали на мѣстѣ органы римской власти—папскіе легаты. Не даромъ, сейчасъ же, про главнаго изъ нихъ стала ходить вошедшая въ лѣ-

топись молва, что онъ сталъ тираномъ. Всѣ неудовлетворенные, всѣ обойденные пребендой въ одинъ голосъ стали обвинять представителя иноземной власти въ лицепріятіи и корыстолюбіи. Кромѣ того, на самомъ дѣлѣ, дѣйствуя сообща съ королевскими клериками и магистрами, онъ сталъ деспотически распоряжаться духовными должностями, пренебрегалъ правами патроновъ, а Иннокентій, соединивъ свои интересы съ интересами короля пересталъ защищать независимость мѣстныхъ прелатовъ. Тогда англійское духовенство стало столь же мужественно отстаивать свои права, какъ и феодальная аристократія и присоединилась къ ней. Отношенія еще обострились вслѣдствіе того, что король, держась теперь за папу, поддерживалъ легата и оппозиція противъ короля сливалась вслѣдствіе этого съ нерасположеніемъ къ представителямъ Рима. Главнымъ же образомъ неудовольствіе поддерживалось антагонизмомъ между главой мѣстной церкви, архіепископомъ Кантерберійскимъ и представителемъ главы вселенской церкви—легатомъ.

Такимъ образомъ случилось, что ставленникъ и товарищъ Иннокентія, парижскій магистръ Стефанъ Лангтонъ, навязанный Иоанну въ архіепископы, очутился во главѣ политической оппозиціи бароновъ, искавшихъ защиты отъ поборовъ короля и его требованій сопровождать его въ походы. Противъ этихъ требованій они ссылались на „древніе законы“ короля Эдуарда и на льготы Генриха II, и, наконецъ, весной 1215 г. выставили свои требованія въ 49 статьяхъ. Иоаннъ всевозможными способами старался избавиться отъ этой тяжелой необходимости—даже принялъ на себя крестъ и обратился къ защитѣ своего сеньера, Иннокентія. Но тотъ былъ далеко, а бароны между тѣмъ вооружились, подступили къ Уиндзору и принудили Иоанна подписать 15 іюня 1215 года грамоту, извѣстную подъ названіемъ Великой Хартіи Вольностей, съ которой началась новая эра въ политической жизни Англій.

Иннокентій послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ посредничества сталъ на сторону своего вассала и 24 августа 1215 г. изъ Ананьи, гдѣ сто лѣтъ спустя его преемнику было нанесено поражение свѣтскою властью, предаль анаемѣ Великую Хартію. „Эта хартія вынуждена у короля силою: она есть актъ непочтительности по отношенію къ апостольскому престолу, она наноситъ великій ущербъ королевской власти; она является позоромъ для англійскаго народа и опасностью для всего христіанства, такъ какъ служить помѣхою крестовому походу“.

Замѣчательное сдѣяніе событій! Одно изъ самыхъ харак-

терныхъ проявленій средневѣкового міровозрѣнія и теократическаго принципа находится такимъ образомъ въ непосредственной связи съ событіемъ, которое стало исходнымъ пунктомъ „новаго духа“ въ европейской культурѣ. Противоположность столкнувшихся здѣсь началъ тотчасъ же наглядно выразилась во враждебности, съ которою Римъ отнесся къ колыбели европейскаго либерализма. Нельзя безъ захватывающаго интереса читать буллу, въ которой папа осуждалъ „великую хартію“. Изъ-за обветшалыхъ формулъ оживаютъ предъ нами погасшія страсти, въ нихъ когда-то выражавшіяся, и въ страстности рѣчи, съ которою говоритъ папа, мы непосредственно чувствуемъ значеніе интереса, предъ нами нарождающагося. „Не желая потакать дерзости столь великой злобы, — къ презрѣнію апостольскаго престола, къ нарушенію королевскаго права, къ позору англійскаго народа и великой опасности дѣла Христова, которая, конечно, намъ грозила бы, если бы мы своею властью не отвергли все, что было такимъ способомъ вынуждено у такого государя, осѣнившаго себя крестомъ, — *отвергая* это даже на тотъ случай, если бы король самъ пожелалъ сохранить свои обязательства, — *мы*, именемъ Господа Всемогущаго, Отца, Сына и св. Духа, а также властью св. апостоловъ Петра и Павла, какъ и нашею собственною властью и общаго братьевъ нашихъ согласія, *осуждаемъ* безусловно этого рода сдѣлку и *прожлинаемъ* ее, воспрещая подъ страхомъ анаемы, чтобы король не смѣлъ ея соблюдать, а бароны и ихъ сообщники требовать ея соблюденія; какъ самую грамоту, такъ и всѣ обязательства и поруки, какія бы ни были ради ея или на основаніи ея установлены, мы признаемъ несостоявшимися и уничтожаемъ съ тѣмъ, чтобы они никогда въ будущемъ не имѣли какой-либо силы“.

Въ Англіи разгорѣлась междуусобная война со всѣми ея ужасами: Иннокентій отлучилъ отъ церкви повстанцевъ и ихъ сообщниковъ — и когда Лангтонъ отказался обнародовать эту буллу, суспендировалъ его отъ должности и вызвалъ къ отвѣту на предстоящій Латеранскій соборъ. На соборѣ торжество осталось за папой, но въ Англіи побѣда осталась на сторонѣ оппозиціи.

И какъ въ борьбѣ съ внутренними врагами Іоанна, такъ и въ борьбѣ съ внѣшними, папа не былъ въ состояніи помочь своему вассалу. Іоанну удалось, наконецъ, съ помощью денегъ составить коалицію противъ своего главнаго врага на материкѣ — Филиппа Августа. Въ эту коалицію входилъ и племянникъ Іоанна, Отгонъ Брауншвейгскій, смѣщенный императоръ Германіи. Войска враждующихъ сторонъ сошлись въ 1214 году при Бовинѣ въ Бельгіи. Побѣда осталась на сторонѣ враговъ Іоанна. Все-

го замѣчательнѣе это сраженіе тѣмъ, что оно ярко обнаружило несостоятельность политической роли, которую взяла на себя папская теократія. Иннокентій былъ покровителемъ - сеньёромъ Іоанна и былъ заинтересованъ въ побѣдѣ Іоанна; но побѣда при Бовинѣ доставила бы въ Германіи торжество Оттону IV, противнику и сопернику папы. Такимъ образомъ, интересы папы оказались противоположными даже въ тѣхъ двухъ странахъ, гдѣ священство въ лицѣ Иннокентія подчинило себѣ царство—въ Англіи и Германіи, и которыя потомъ обѣ отпали отъ папства.

Въ союзѣ короля Іоанна съ Иннокентіемъ III проявилась, однако, не только неспособность римской теократіи къ управленію міромъ, еще другая, роковая ея черта—она стала тормозомъ и препоной на пути культурнаго развитія западнаго человѣчества. Это обнаружилось въ принципиальномъ осужденіи папой Великой Хартіи. Въ этомъ осужденіи выразился антагонизмъ со стороны папства съ двумя основными стремленіями европейскаго общества, обусловливавшими его культурное совершенствованіе—націонализмомъ и политической свободой. Этимъ принципамъ принадлежало будущее и въ краснорѣчивыхъ обличеніяхъ тогдашнихъ вождей англійскаго народа противъ короля и папы уже слышенъ отдаленный гулъ того народнаго голоса, который заговорилъ устами Виклефа и триста слишкомъ лѣтъ спустя вызвалъ на свѣтъ реформацію: „Ты, Іоаннъ, печальной памяти для будущихъ вѣковъ, придумалъ, чтобы земля твоя, издревле свободная, холопствовала; изъ свободнѣйшаго царя ты сдѣлался данникомъ, оброчникомъ и холопомъ (*vasallus servitutis*)!“

„А что же сказать о тебѣ, папа, ты, который долженъ былъ бы, какъ отецъ святости, зеркало благочестія, блюститель справедливости и хранитель правды, сіять образцомъ для всего міра? Вотъ кому ты сочувствуешь, кого хвалишь и охраняешь! Причина, почему ты защищаешь склонившагося къ тебѣ вымогателя англійскихъ денегъ и мучителя британскаго дворянства, заключается въ твоемъ желаніи, чтобы всѣ эти деньги были поглощены преисподней римской жадности; но эта причина и эта цѣль—преступленіе предъ Богомъ и самообличеніе“.

Г Л А В А IX.

ИННОКЕНТІЙ И ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Когда первый христіанскій императоръ Рима собралъ въ Никеѣ епископовъ Церкви для разрѣшенія волновавшаго христіанскій міръ вопроса о божественности Христа,—этотъ *соборъ* послужилъ основаніемъ для краугольнаго церковнаго учрежденія—вселенскаго собора.

Послѣ того не разъ еще созывались вселенскіе соборы въ восточной части имперіи, по образу Никейскаго. Но волны ислама, захлестнувшія исконныя области христіанства, и отчужденіе Рима отъ Константинополя ослабили потребность восточной части церкви проявлять свое самосознаніе въ лицѣ собора, и вселенскіе соборы прекратились. Это обстоятельство облегчило римскому епископу возможность проявить свои притязанія на верховное руководство христіанской церкви. Въ 1123 году папа Каликстъ II собралъ въ Римѣ, въ своемъ латеранскомъ дворцѣ *всеобщій* соборъ, который считается на западѣ *девятымъ* вселенскимъ. Поводомъ къ созванію такого необычнаго собранія было заключеніе за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ соглашенія (конкордата) въ Вормсѣ между папскими легатами и императоромъ Генрихомъ V, соглашенія, которымъ закончился въ интересахъ церкви долготѣнній споръ объ *инвеститурѣ*. Такое важное соглашеніе, обезпечившее почти полную независимость феодальнаго духовенства отъ императора, должно было по мысли папы быть ознаменовано и скрѣплено утвержденіемъ вселенскаго собора. Кромѣ того, соборъ долженъ былъ придать каноническую силу ряду постановленій (ихъ насчитывается 25), бывшихъ результатомъ эпохи Григорія VII, т. е. борьбы противъ симоніи и за целибатъ. Сюда относится постановленіе, которое, по мнѣнію канонистовъ, впервые признано незаконными браки священниковъ.

Уже 16 лѣтъ спустя Иннокентій II созвалъ въ 1139 году второй Латеранскій—*десятый* вселенскій соборъ. Онъ былъ созванъ по окончаніи долготѣнней схизмы среди самого папства, встрево-

жившей западное христианство и чтобы осудить опасный идеализм Арнольда Брепчянского, требовавшего от духовенства отречения от владѣнія землею. Этотъ соборъ долженъ былъ также озаботиться объ исправленіи нравовъ какъ клериковъ, такъ и мірянъ—согласно съ заявленіемъ папы, что „въ его обязанность входитъ объединять разрозненное и распутывать залутавшееся“.

На этомъ соборѣ проявилось еще болѣе, чѣмъ на предшествовавшемъ, существенное отличіе этихъ новыхъ вселенскихъ соборовъ отъ первоначальныхъ. Оно обнаружилось уже въ непродолжительности собранія: девятый соборъ, напримѣръ, имѣлъ только *одно* засѣданіе, что лишало его возможности обсуждать предполагаемые церковные законы, и ограничивало его дѣятельность лишь провозглашеніемъ ихъ. Еще существеннѣе повліялъ на характеръ собора составъ его. Если на девятомъ соборѣ присутствовало 300 епископовъ—что еще не исключало возможности активнаго участія епископата въ церковномъ законодательствѣ—то на десятомъ соборѣ насчитывается уже около 1000 прелатовъ всякой степени и чина—въ ущербъ исконной идеѣ о присущей епископату законодательной власти. А еще болѣе она была затемнена заявленіемъ папы: „Вамъ извѣстно, что Римъ—глава міра, что церковныя должности исходятъ отъ римскаго епископа наподобіе леновъ по феодалному праву и что ихъ нельзя удерживать безъ его согласія“.

Сорокъ лѣтъ спустя, послѣ эпохи жестокой борьбы между священствомъ и царствомъ—(въ Англии между Томою Бекетомъ и Генрихомъ II, а въ Германіи между папою и императоромъ за первенство въ западномъ мірѣ), борьбы, усложненной новой схизмой въ самомъ папствѣ,—побѣдитель, Александръ III, счелъ нужнымъ въ ознаменованіе своего торжества и для упроченія побѣды, созвать третій латеранскій—одиннадцатый по западному счету вселенскій соборъ въ 1279 году. Онъ имѣлъ три засѣданія между 5 и 19 марта, на которыхъ участвовало 300 съ немногимъ епископовъ и нѣсколько сотъ другихъ приглашенныхъ, списокъ которыхъ не сохранился.

На послѣднемъ засѣданіи было обнародовано 27 декретовъ. Они касались упорядоченія способа выборовъ духовныхъ лицъ; первый декретъ касался избранія самого папы; вообще для правильности выборовъ устанавливалось большинство двухъ третей; далѣе духовенство обезпечивалось отъ поборовъ со стороны духовнаго начальства; опредѣлялось количество лошадей, на которыя имѣли право духовные ревизоры, проживавшіе у ревизуемыхъ на ихъ счетъ; архіепископу дозволялось имѣть въ своей свитѣ—

40, 50, кардиналу — 25, епископу — 20, 30, архидьякону — 5, 7. Епископы не должны были имѣть при себѣ охотничьихъ собакъ и птицъ. Другіе декреты имѣли въ виду устраненіе или ослабленіе вліянія мірянъ въ области церковныхъ дѣлъ и доходовъ. Послѣдній декретъ указывалъ на возрастающую силу альбигойской ереси и открывалъ эпоху борьбы съ нею.

Прошло еще одно поколѣніе людей и наступилъ шестнадцатый годъ правленія Иннокентія III. Онъ былъ въ апогеѣ своей власти; онъ восторжествовалъ надъ самой опасной и упорной изъ ересей; Константинополь и европейскія области Византійской церкви ему были подчинены; давленіе надъ папствомъ германской имперіи было прекращено; дальніе короли принимали свой вѣнецъ изъ его рукъ и становились его данниками,—но оставалось еще много сдѣлать: нужно было вырвать Іерусалимъ изъ рукъ невѣрныхъ и уладить цѣлый рядъ церковныхъ и политическихъ вопросовъ. При такихъ условіяхъ Иннокентій рѣшилъ созвать новый вселенскій соборъ—двѣнадцатый по римскому счету,—четвертый латеранскій, и 19 апрѣля 1213 года папская курія разослала по всему католическому міру приглашеніе явиться въ Римъ къ 1-му ноябрю 1215 года.

Папское посланіе возымѣло свое дѣйствіе и къ назначенному дню Римъ наполнился пришельцами со всѣхъ сторонъ. Открывшійся въ ихъ присутствіи соборъ былъ величайшимъ событіемъ въ ихъ жизни. Для насъ это удобный моментъ, чтобы обозрѣть эволюцію, пережитую церковью со дней Августина. Тогда римскій императоръ созывалъ христіанскихъ епископовъ для установленія спорныхъ вопросовъ вѣры; теперь его мѣсто занялъ римскій епископъ; римское *государство* замѣнилось духовной имперіей; и ея глава созываетъ соборъ для разсмотрѣнія кромѣ церковныхъ нуждъ и вопросовъ еще цѣлаго ряда свѣтскихъ политическихъ дѣлъ. На соборъ приглашены также всѣ обладатели свѣтской власти—кромѣ опальныхъ. Они должны были явиться лично или черезъ своихъ представителей. Они нужны не для того, чтобы рѣшать съ духовными лицами церковные вопросы, а чтобы быть свидѣтелями того, какъ высшая церковная власть рѣшаетъ дѣла, касающіяся не только церкви, но и міра. Приглашены были для этого на соборъ не только властители независимыхъ государствъ, но и феодалы сеньеры, графы и бароны, а также муниципалитеты самостоятельныхъ коммунъ, особенно итальянскихъ. Такимъ образомъ, мірская власть представляетъ на соборѣ картину розни и дробленія, въ полномъ контрастѣ съ единой церковной властью.

Не менѣе существенно отличается латеранскій соборъ отъ древнихъ вселенскихъ составомъ самого церковнаго представительства. Тамъ составъ былъ однообразный: въ него входили одни епископы. Здѣсь, на ряду съ ними играетъ крупную роль монашество, представленное многочисленными аббатами. Но главное отличіе членовъ латеранскаго собора отъ древнихъ вселенскихъ заключается въ томъ, что и епископы и аббаты являются не только представителями духовной власти, но и свѣтской. Типическимъ лицомъ въ этомъ отношеніи становится на латеранскомъ соборѣ князь—епископъ Люттихскій. Онъ явился на первое засѣданіе собора въ одеждѣ феодальнаго графа—сеньера въ красной мантии и зеленой шляпѣ, на второе засѣданіе онъ пришелъ въ одеждѣ герцога, на третье, наконецъ,—въ одѣянніи епископа, съ митрой на головѣ.

Такимъ образомъ, составъ 4-го латеранскаго собора ярко отражаетъ въ себѣ строеніе современнаго ему общества и характеръ того духовно-мірскаго государства, которое созидаль Иннокентій III. Перевѣсь въ „парламентѣ“ этого государства, конечно, принадлежалъ епископамъ, число которыхъ на этомъ соборѣ было много значительнѣе прежняго. Епископовъ, по сохранившемуся точному списку, было 412 ¹⁾. Въ ихъ числѣ архіепископовъ и патріарховъ 71. Между ними были даже параличные старики, какъ, напр., еп. Спалатскій, страдавшій нервной дрожью и почти утратившій способность рѣчи. Уже по числу епископовъ этотъ соборъ превосходилъ предшествовавшіе латеранскіе соборы. Но чѣмъ онъ особенно выдавался и, въ глазахъ католиковъ, оправдывалъ свое значеніе вселенскаго собора, это присутствіемъ личнымъ или въ лицѣ представителей восточныхъ патріарховъ. Лично присутствовали патріархи Иерусалимскій и Константинопольскій, котораго Иннокентій самъ назначилъ ради этого случая; Антиохійскій,—тяжело больной, прислалъ вмѣсто себя епископа; даже самый бѣдный, Александрійскій, подъ властью мусульманъ, прислалъ вмѣсто себя своего брата, дьякона. Помимо этого, духовенство западное было представлено нѣсколькими сотнями архидіаконовъ и канониковъ, а монашество—аббатами, по обширности и богатству своихъ владѣній, превосходившихъ многихъ епископовъ. Наконецъ, тутъ были и главари военно-монашескихъ орде-

---

1) Списокъ этотъ не сохранился въ Реестрѣ, т. е., въ посланіяхъ Иннокентія, но былъ открытъ или во всякомъ случаѣ впервые обнародованъ историкомъ Люшеромъ въ 1905 году въ Цюрихской библиотекѣ. Luchaire, Innocent III et le Concile de Latran., p. 11.

новъ Іоаннитовъ и Тамплиеровъ. Съ другой стороны, и свѣтская власть того времени не преминула явиться на поклонъ папѣ и собору въ лицѣ пословъ почти всѣхъ государей того времени: молодого Гогенштауфена Фридриха II, короля Сициліи, уже избраннаго королемъ Германіи, императора Константинопольскаго, королей Франціи, Англіи, Арагоніи, Венгріи, Іерусалима и Кипра. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ этимъ необычнымъ наплывомъ людей въ Римъ, обусловила не только качествомъ, но и количествомъ ихъ и высказалась въ разныхъ слухахъ, записанныхъ лѣтописцами и въ разныхъ несчастіяхъ, бывшихъ слѣдствіемъ такого скопленія, съ участниками и зрителями. „Давка людская была такъ велика, что даже епископы, аббаты и многія другія лица испустили на соборѣ свое послѣднее дыханіе. Въмѣсто того, чтобы дать отчетъ папѣ, они предстали на судъ Божій“. Другой лѣтописецъ рассказываетъ, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ засѣданіи собора, жертвою былъ одинъ изъ архіепископовъ.

Какъ и на предшествующихъ латеранскихъ соборахъ торжественныя засѣданія происходили въ базиликѣ св. Іоанна Латеранскаго. Какъ и на одиннадцатомъ соборѣ ихъ было всего *три*. Въ день св. Мартина—11 ноября, въ большой средневѣковой праздникъ, Иннокентій III открылъ соборъ съ своего высокаго предсѣдательскаго мѣста, откуда онъ могъ обозрѣть у своихъ ногъ всѣхъ высшихъ представителей тогдашняго міра. Возгласивъ молитву *Veni creator Spiritus*, папа произнесъ проповѣдь на слова текста (отъ Луки, 22, 15).

Проповѣдь характерна для тогдашней манеры проповѣдовать и особенно для выясненія взгляда Иннокентія на цѣль собора. Проповѣдовать значило аллегорически истолковывать положенный въ основаніе текстъ. Поступилъ такъ и папа. „*Пасха*, объяснилъ онъ, значить по еврейски—переходъ (*transitus*). Пусть и соборъ будетъ такимъ же *переходомъ* отъ пороковъ къ благочестію. Переходъ этотъ долженъ быть *тройной*: тѣлесный, духовный и вѣчный. Тѣлесный переходъ долженъ совершиться для *освобожденія* несчастнаго Іерусалима“.—Иннокентій взывалъ къ христіанскому міру, чтобы онъ поднялся для этого освобожденія. Онъ самъ готовъ, если это сочтутъ полезнымъ, отправиться для этого въ путь. Онъ пойдетъ къ царямъ, князьямъ и народамъ и своимъ воплемъ объ оскорбленіи распятаго Христа ему можетъ быть удастся заставить ихъ подняться и отомстить за него и вступить въ Божій бой. Особенно рассчитываетъ онъ на духовенство, которое должно показать примѣръ, не щадя ни себя, ни своего имущества. Подъ

другимъ *переходомъ*—духовнымъ, къ которому папа призываетъ присутствующихъ, онъ разумѣетъ *реформу* церкви. Откуда идетъ всеобщая порча нравовъ? Отъ духовенства! Когда міряне видятъ злодѣянія духовенства, они берутъ съ него примѣръ. И когда ихъ осуждаютъ, они оправдываются, говоря, что сынъ ступаетъ по стопамъ отца; идеаль ученика—во всемъ походить на наставника! Вотъ откуда идетъ все зло, удручающее христіанскій міръ,—вѣра исчезаетъ, религія портится, свобода гибнетъ, справедливость попирается, ереси изобилуютъ, высокомѣріе схизматиковъ возрастаетъ, измѣна торжествуетъ и побѣждаетъ послѣдователи Магомета.

Иннокентій передалъ слово патріарху Іерусалимскому, который, послѣ нѣсколькихъ лестныхъ отзывовъ о папѣ, посвятилъ свою рѣчь изображенію печальнаго положенія Іерусалима, чтобы разжалобить собраніе.

Третьимъ ораторомъ былъ епископъ Агдскій, бывшій раньше однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ борьбѣ противъ Альбигойцевъ, другъ Симона Монфортекаго. Его рѣчь была посвящена обличенію ереси. Такимъ образомъ, на первомъ же собраніи были намѣчены двѣ крупнѣйшія заботы собора—борьба съ альбигойствомъ и освобожденіе Іерусалима.

Второе засѣданіе Собора состоялось 20 ноября. Оно было посвящено важнѣйшему для папства политическому дѣлу—схизмѣ въ имперіи, т.-е. рѣшенію вопроса, кому быть императоромъ—Гвелфу или Гибеллину? Какое было до этого дѣло, казалось бы, латеранскому собору, чины котораго не имѣли понятія о политическихъ условіяхъ Германіи? Но именно перенесеніе этого вопроса, фактически уже рѣшеннаго, на сужденіе собора—мастерской ходъ имперіалистической политики Иннокентія III—высшее проявленіе средневѣкового принципа владычества Церкви надъ государствомъ. Если первоначально вселенскіе соборы обязаны своимъ возникновеніемъ императору, то теперь, достигнувъ своего апогея—они рѣшаютъ, кому быть императоромъ!

Заключительное засѣданіе собора происходило 30 ноября въ день св. Андрея. „Торжественно, какъ подобаеть супругу Церкви“, сообщаетъ лѣтописецъ, вышелъ папа изъ своихъ палатъ въ сопровожденіи своей военной стражи, взшелъ на кафедру и возвѣстилъ три рѣшенія собора: по вопросу о тяжбѣ между графомъ Тулузскимъ и Симономъ Монфортскимъ; по содержанію трактата монаха Іоакима де-Флорисъ о св. Троицѣ и о законности избранія императоромъ Фридриха II Гогенштауфена. Послѣ того были прочтены декреты, выработанные въ комиссіяхъ собора въ проме-

жугкахъ между торжественными засѣданіями—по реформѣ Церкви. „Папа, заключаетъ лѣтописецъ свой рассказъ, завершилъ свое дѣло въ три дня, въ честь св. Троицы“.

Всѣхъ декретовъ четвертаго латеранскаго собора семьдесятъ одинъ. Только первые пять имѣютъ догматическое или общее значеніе. Они начинаются съ подробнаго установленія истинной вѣры въ противоположность еретическому ученію Альбигойцевъ съ ихъ дуалистическимъ міровоззрѣніемъ. Въ этомъ изложеніи католической вѣры впервые встрѣчается знаменитый терминъ *transsubstantiatio* (пресуществленіе). Не менѣе подробно изложено опроверженіе еретическаго ученія калабрійскаго аббата монастыря Флора о Троицѣ.

Третій декретъ заключаетъ въ себѣ подробную инструкцію духовнымъ и свѣтскимъ властямъ о томъ, какъ поступать съ еретиками и ихъ пособниками—этотъ декретъ цѣликомъ вошелъ въ церковный *Corpus juris*.

Четвертый декретъ касается грековъ, покорившихся папѣ и воспрещаетъ имъ вторично крестить дѣтей крещеныхъ латинянами и обмывать алтари, на которыхъ латиняне служили обѣдню.

Пятый декретъ распредѣляетъ патріаршества по степени ихъ почетности и опредѣляетъ ихъ привилегіи.

Остальные декреты посвящены въ не систематическомъ порядкѣ церковной реформѣ. Даются очень точныя указанія относительно выборовъ на церковныя должности (23—5) и относительно способа обезпеченія избранія достойныхъ лицъ на священническія должности, причемъ управление душами (*regimen animarum*) называется высшимъ искусствомъ (*ars artium*) (26, 30). Интересно запрещеніе (31) давать мѣсто каноника сыну каноника, особенно незаконному, при томъ же соборѣ, гдѣ состоитъ каноникомъ его отецъ. Очень много статей посвящены воспрещенію или ограниченію поборовъ въ пользу духовенства (32—4; 63—6). Запрещается патронамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, брать въ свою пользу большую часть церковнаго дохода—такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ священнику оставалась только четвертая часть ихъ. Поэтому, сказано въ декретѣ, въ такихъ мѣстностяхъ рѣдко можно найти образованнаго священника. Воспрещается епископамъ, которые были принуждены потратиться на папскаго легата взимать съ своихъ подчиненныхъ больше того, что они сами израсходовали. Строго воспрещаются *таксы* за разныя священнодѣйствія—это называется *симоніей*. Особенно распространена симонія, жалуются декретъ, въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ подъ предлогомъ бѣдности, почти никогда не принимается новая

сестра безденежно. Епископамъ воспрещается возлагать таксы на монастыри въ случаѣ погребенія тамъ рыцаря или клерика. Десятина нерѣдко подавала поводъ къ злоупотребленіямъ съ обѣихъ сторонъ. Декретомъ (53—6) устанавливается, чтобы десятина уплачивалась до уплаты другихъ поборовъ, лежащихъ на участкѣ. Цистерціанскіе монахи и греки не считали нужнымъ платить десятину. Иные прелаты отдавали въ аренду дома или земли подъ условіемъ, чтобы арендаторы платили имъ десятину и погребались у нихъ — въ ущербъ приходскому священнику, что воспрещается.

Соборъ, конечно, обратилъ вниманіе и на нравы духовныхъ лицъ: имъ воспрещается пьянство и такъ называемая пропинація, — сохранившаяся еще и теперь на студенческихъ пирушкахъ, — охота и ловля птицъ. Имъ запрещается держать охотничьихъ собакъ и соколовъ, заниматься свѣтскими дѣлами, посѣщать харчевни (кромѣ какъ въ путешествіяхъ), присутствовать на театральныхъ представленіяхъ; носить красную или зеленую одежду, имѣть вышитыя перчатки и остроконечныя башмаки, употреблять позолоченныя уздечки, сѣдла, шпоры и т. д.

Декретъ жалуется, что многіе клерики и прелаты служатъ обѣдню едва четыре раза въ году и даже не присутствуютъ при ней, а если приходятъ, то разговариваютъ съ мірянами.

Клерикамъ воспрещается присутствовать при казняхъ или писать приговоры о смертной казни, заниматься хирургіей и благословлять ордаліи (Божій судъ и дуэли).

Ради исправленія нравовъ клериковъ соборъ отмѣняетъ всѣ мѣстные обычаи и апелляціи, которые могли бы задерживать карательную власть мѣстнаго духовнаго начальства. Изъ этого декрета мы узнаемъ характерную подробность, что „каноники иногда изъ оппозиціи противъ епископа *безъ всякаго основанія* прибѣгали къ забастовкѣ, чтобы помѣшать богослуженію. Декретъ разрѣшаетъ епископу служить обѣдню безъ нихъ.

Въ заботѣ объ образованіи духовенства, соборъ, повторяя постановленіе предшествовавшаго собора, предписалъ, чтобы не только при всякомъ соборѣ, но и при всякой достаточно богатой церкви содержался для обученія клериковъ магистръ грамматики. При всякой же митрополичьей церкви долженъ быть богословъ для обученія священниковъ въ св. Писаніи. Какъ магистръ, такъ и богословъ, должны пользоваться каноникатомъ, но только пока они въ должности.

Предусматривая, что епископы не всегда могутъ сами проповѣдовать, соборъ предписываетъ имъ держать при всѣхъ соборахъ способныхъ къ этому людей.

Цѣлый рядъ декретовъ (S. 35—42. 48) имѣеть цѣлью предупредить злоупотребленія при церковномъ судопроизводствѣ—при вчинаніи уголовного слѣдствія, при апелляціяхъ къ палѣ для затягиванія тяжбъ или слѣдствія, при волокитѣ съ цѣлью добиться наступленія давности и т. п. Эти декреты входятъ въ большія тонкости и можно думать, что они составлены не безъ личнаго участія Иннокентія.

Декретъ 47 старается упорядочить примѣненіе къ дѣлу страшнаго орудія въ рукахъ духовенства—отлученія. Характерно, что въ „нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было обычно платить при снятіи отлученія. Декретъ 49 постановляетъ, что когда отлученіе было несправедливо, уплаченныя за снятіе его деньги должны быть возвращаемы.

Особую въ Церкви область составляло монашество, которое весьма нерѣдко расходилось въ своихъ интересахъ съ духовенствомъ. Оно достигло въ дни Иннокентія большого развѣтвленія и разнообразія и соборъ въ этомъ отношеніи выступилъ съ весьма рѣшительной мѣрой, воспретивъ „измышленіе“ новыхъ орденовъ. Но именно въ это самое время возникали тѣ два ордена, которые вводили совершенно новый принципъ въ монашескій бытъ—отреченіе не только отъ личной, но и отъ коллективной собственности, и прошеніе милостыни—ордена Доминиканскій и Францисканскій, имѣвшіе вездѣ такой успѣхъ среди народа, что несмотря на запрещеніе собора, были утверждены папами.

Согласно съ обычаемъ Цистерціанскаго ордена соборъ предписывалъ всеѣмъ прочимъ орденамъ трехгодичныя собранія аббатовъ для изданія обязательныхъ постановленій и избранія ревизоровъ ради исправленія монастырскаго быта.

Монахамъ воспрещалось безъ разрѣшенія игумна и капитула брать взаимы деньги или поручаться свыше извѣстной суммы.

По заявленію собора, многіе епископы жаловались, что аббаты нарушаютъ ихъ права, разрѣшая брачныя дѣла, налагая публичныя эпитиміи, раздавая индульгенціи и т. д. Все это воспрещалось безъ спеціальнаго разрѣшенія епископа.

Нѣкоторые монашескіе ордена выхлопотали себѣ у папы въ видѣ привилегіи право хоронить на своемъ кладбищѣ по церковному обряду, даже въ случаѣ наложенія на приходскую церковь интердикта и открывать разъ въ годъ запрещенныя интердиктомъ церкви, если присланный ими монахъ являлся туда за денежнымъ сборомъ. Понятно, какую пользу извлекали отсюда эти ордена и къ какимъ злоупотребленіямъ это подавало поводъ. Декретъ 57 точнѣ опредѣлялъ, на кого можетъ быть распространяема эта льгота.

Три декрета (50—2) касаются брачных дѣлъ. Соборъ отмѣнилъ запрещеніе брака при отдаленномъ свойствѣ и между дѣтьми отъ второго брака жены съ родственниками перваго мужа и ограничилъ запрещеніе брака между родственниками четырьмя первыми степенями родства. Другимъ декретомъ устранялись, при дѣлопроизводствѣ о бракахъ между родственниками, всѣ свидѣтели „по наслышкѣ“ (ex auditu) за извѣстными исключеніями.

Три декрета имѣли цѣлью ограждать церковь отъ ущерба со стороны мірянъ (43—5). Клерикамъ воспрещалось давать клятву вѣрности мірянамъ, отъ которыхъ они не держали въ ленъ какого-либо имущества. Съ другой стороны, клерикамъ воспрещалось распространять юрисдикцію церковнаго суда въ ущербъ свѣтскому.

Интересенъ рядъ распоряженій для предотвращенія обмана при сборѣ подаяній въ пользу чужихъ церквей и для ограниченія индульгенцій; напр., при освященіи новой церкви срокъ индульгенцій не долженъ былъ превышать года, даже въ случаѣ, если нѣсколько епископовъ участвовало при освященіи; при храмовыхъ праздникахъ разрѣшалось предоставлять кающимся лишь сорокодневныя индульгенціи.

Характеренъ въ культурномъ отношеніи декретъ 22-й, строго предписывавшій врачамъ совѣтовать больнымъ прежде всего обращаться къ врачу души, такъ какъ болѣзнь нерѣдко бываетъ слѣдствіемъ грѣха. Это предписаніе объясняется въ самомъ декретѣ тѣмъ, что когда врачъ даетъ такой совѣтъ не въ началѣ болѣзни, то больные приходятъ въ отчаяніе и приносятъ себѣ большой вредъ.

Послѣдніе четыре декрета касаются евреевъ. Иннокентій III вообще относился снисходительно къ евреямъ. Онъ видѣлъ въ нихъ „живое свидѣтельство истины христіанской вѣры“; не отказывалъ имъ въ крещеніи, а крещеныхъ евреевъ поддерживалъ въ бѣдности. Въ его посланіяхъ часто встрѣчаются распоряженія, касающіяся евреевъ ¹⁾.

Несмотря на это, постановленіе латеранскаго собора относительно евреевъ довольно сурово. Если еврей разорилъ христіанина ростовщицествомъ, то прочіе христіане должны избѣгать всякаго общенія съ нимъ, пока онъ не удовлетворитъ обиженнаго. Свѣтскія власти не должны за это пенять на христіанъ; евреи должны вознаграждать церкви за потерю десятины съ долговъ и имѣній, прежде принадлежавшихъ христіанамъ и доставшихся

¹⁾ См. II. 206 и 234; VIII. 50 и 121. X. 61 и 190; XI. 150.

евреямъ. Евреи и сарацены должны носить особую одежду, чтобы предотвратить возможность полового общенія по невѣдѣнію. Евреи не должны занимать общественныя должности, предоставляющія имъ власть надъ христіанами. Крещенные евреи не должны совершать прежнихъ обрядовъ.

* * *

Указанныя здѣсь постановленія 4-го латеранскаго собора представляютъ собой результатъ и завершеніе заботъ Иннокентія о реформѣ церкви. Но на ряду съ ними выступаютъ дѣла совершенно другого рода, въ которыхъ отражается духовно-мірской характеръ державы, созидавшейся Иннокентіемъ, и потому особенно интересныя для нашей цѣли. Всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла, задуманныя Иннокентіемъ, дотянулись, такъ сказать, до собора и нашли въ немъ свое завершеніе. Объ одномъ изъ нихъ мы уже имѣли случай говорить. Вызванный крестовымъ походомъ противъ альбигойцевъ вопросъ, можетъ ли графъ Раймундъ Тулузскій, лишенный крестоносцами своихъ владѣній или его сынъ, молодой Раймундъ, сохранить ихъ, по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ—нашелъ свое разрѣшеніе на латеранскомъ соборѣ.

Какъ выше было указано, соборъ несмотря на заступничество Иннокентія, призналъ Раймунда лишеннымъ всѣхъ владѣній, подлежащимъ изгнанію, съ сохраненіемъ ежегодной ренты въ 500 марокъ; за сыномъ же его призналъ право на владѣнія, не завоеванные крестоносцами—въ Провансѣ. Въ этомъ случаѣ судъ епископовъ на церковномъ соборѣ надъ независимымъ государемъ могъ оправдываться тѣмъ, что онъ обвинялся въ потворствѣ еретикамъ, но еще полнѣе преобладаніе церковнаго начала надъ мірскимъ и торжество Иннокентія проявились на соборѣ въ судѣ надъ императоромъ священной римской имперіи, Оттономъ IV. Хотя дѣло его въ Германіи было проиграно, и послѣ катастрофы Іоанна Безземельнаго онъ уже ни откуда не могъ ожидать помощи, онъ, однако, прислалъ на соборъ своего представителя, для защиты своихъ интересовъ. Между этимъ представителемъ—родомъ изъ Милана, и маркграфомъ Монфератскимъ произошелъ на одномъ изъ предсоборныхъ засѣданій ожесточенный диспутъ. Маркграфъ обвинялъ Оттона во лжи, доказывая, что онъ всегда былъ враждебенъ Церкви и даже теперь еще удерживаетъ за собой несправедливо захваченныя у нея владѣнія. Чтобы окончательно сразить своего противника, маркграфъ выступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинителемъ самихъ миланцевъ, какъ приверженцевъ

Оттона и въ то же время покровителей еретиковъ — патареновъ. Споръ этотъ вызвалъ такое возбужденіе, что Иннокентій поспѣшилъ закрыть засѣданіе. Онъ могъ довольствоваться этой побѣдой надъ униженнымъ противникомъ и всемірнымъ зрѣлищемъ суда папы надъ низложеннымъ императоромъ.

Но можетъ быть самымъ важнымъ для Иннокентія дѣломъ на соборѣ была та помощь, которой онъ ожидалъ для осуществленія своей завѣтной мысли—о крестовомъ походѣ. Въ этомъ вопросѣ опять-таки выступаетъ двойственный характеръ церковно-политической схемы, которую преслѣдовалъ Иннокентій. Побѣда надъ исламомъ, въ особенности возвращеніе христіанскому міру Іерусалима, были мечтой Иннокентія съ перваго года правленія. Онъ не жалѣлъ усилій при организаціи крестоваго похода 1202 года. Но крестоносцы обманули его ожиданія. Ихъ воинственный пылъ потухъ при завоеваніи Константинополя. Долгое время Иннокентій лелѣялъ надежду, что Константинополь послужитъ для нихъ только точкой опоры, чтобы оттуда тѣмъ успѣшнѣе исполнять принятый на себя обѣтъ. Но нужды новой латинской имперіи побудили самого Иннокентія помириться съ неисполненіемъ обѣта. Съ тѣмъ большимъ жаромъ сталъ онъ потомъ принимать мѣры для организаціи новаго общаго крестоваго похода. Блестящая побѣда, которую соединенные государи Испаніи одержали въ 1212 г. при Los Navas надъ мароканскими мусульманами, могла ему казаться хорошимъ предзнаменованіемъ и удвоила его рвеніе, несмотря на то, что общее положеніе западной Европы—вслѣдствіе раздора между Іоанномъ Безземельнымъ и его вельможами, попытки Филиппа Августа воспользоваться этимъ раздоромъ, наконецъ, схизма въ Германской имперіи, весьма неблагоприятствовали дружному воздѣйствію европейскаго рыцарства на дальнемъ Востока. А къ этому присоединился рядъ другихъ неблагоприятныхъ условій, съ которыми мы должны познакомиться для выясненія роли латеранскаго собора въ этомъ вопросѣ.

Въ 1213 г. Иннокентій одновременно съ оповѣщеніемъ о предстоящемъ въ 1215 г. соборѣ объявилъ о новомъ крестовомъ походѣ. Въ его помыслахъ оба эти событія стояли въ непосредственной связи другъ съ другомъ. Онъ рассчитывалъ воодушевить собравшихся со всѣхъ сторонъ епископовъ и прелатовъ идеей крестоваго похода и воспользоваться авторитетомъ собора для возбужденія общественнаго мнѣнія въ Европѣ въ пользу похода. Иннокентій задумалъ этотъ походъ въ небывалыхъ размѣрахъ; всѣ страны, всѣ классы, должны были принять въ немъ участіе, все, что могло отвлекать воиновъ отъ похода въ Іерусалимъ, борьба

съ маврами въ Испаніи и борьба съ альбигойцами, должно было затихнуть. И не къ однимъ сеньорамъ и рыцарямъ обращался теперь Иннокентій, а ко всѣмъ и каждому; онъ хотѣлъ всенароднаго ополченія, надѣясь, что энтузіазмъ массъ увлечетъ за собою и вождей.

Для такого похода нужны были громадныя денежныя средства, было недостаточно добровольныхъ пожертвованій. И вотъ Иннокентій подвергаетъ церковныя учрежденія и духовенство систематическому обложенію. Въ каждой церкви должна быть выставлена кружка для приношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и каждый епископъ, каждый священникъ подвергается побору сообразно съ своимъ бенефиціемъ.

А что касается до свѣтскихъ людей, до самихъ крестоносцевъ, то Иннокентій не ограничивается обѣщаніемъ имъ духовныхъ благъ, отпущеніемъ грѣховъ; они принуждены снарядить себя и содержать себя собственными средствами и потому надо позаботиться, чтобы ихъ передъ отправленіемъ въ путь и во время пути не тревожили ни кредиторъ, ни ростовщикъ, ни сборщикъ податей или судебный приставъ и потому всѣ взысканія за долги или недоимки прекращались съ минуты, когда должникъ нашолъ на грудь крестъ. И для того, чтобы кредиторы не могли задерживать должника съ помощью королевскаго или сеньеріальнаго судьи, всѣ уголовныя и гражданскія дѣла крестоносцевъ должны были перейти къ церковнымъ судамъ, которые руководились инструкціями папы и его легатовъ. А такъ какъ эти льготы распространялись на всякаго, кто заявитъ себя крестоносцемъ, то ими могъ воспользоваться всякій, кто желалъ передохнуть отъ гнета долговъ, податей и поборовъ.

Такимъ образомъ, циркуляры папы грозили европейскому обществу не только социальнымъ и экономическимъ переворотомъ, но и полнымъ преобладаніемъ церковной юрисдикціи надъ государственной и свѣтской. Все это было совершенно въ духѣ іерократическаго идеала Иннокентія III, но живѣйшимъ образомъ затрогивало интересъ свѣтскихъ властей и сеньоровъ, т.-е. того класса, на содѣйствіе котораго, главнымъ образомъ, долженъ былъ рассчитывать Иннокентій въ военной экспедиціи.

Поэтому отовсюду послышались жалобы и протесты.

Сильнѣе всего раздавались они во Франціи, потому что тамъ государственный порядокъ началъ слагаться раньше другихъ мѣстностей и потому, что тамъ папскимъ легатомъ дѣйствовалъ Робертъ де-Курсонъ, человекъ высокомѣрный и склонный къ насильственнымъ мѣрамъ. „Такіе порядки не справедливы и не ра-

зумы, жаловался герцогъ Бургундскій королю Филиппу Августу. Ни господинъ папа, и никто другой не имѣеть права законодательствовать въ вашемъ королевствѣ помимо вашей власти и вашихъ вассаловъ. Онъ не имѣеть права принимать мѣры къ уменьшенію службъ и обязательствъ въ ущербъ вамъ и вашимъ баронамъ. Мы совѣтуемъ вамъ не допускать, чтобы кто-либо вздумалъ вводить въ вашемъ государствѣ новые порядки, неизвѣстные вашимъ предшественникамъ и вредные вашимъ интересамъ¹⁾.

Такое же неудовольствіе охватило и прелатовъ Франціи, особенно возмущенныхъ выходками легата и его агентовъ въ крестовой проповѣди противъ богатства и эгоизма высшаго духовенства.

Дѣло не ограничилось словами. Король разослалъ циркуляръ городамъ, предостерегая ихъ противъ превышенія власти со стороны легата, а Иннокентію отправилъ рѣзкій протестъ противъ Курсона съ подробнымъ перечисленіемъ выставленныхъ противъ него обвиненій. Иннокентій отозвался на это посланіемъ отъ 14 мая 1214 года.

Посланіе папы не обезоружило короля и онъ поручилъ двумъ епископамъ произвести обслѣдованіе о предѣлахъ папской власти въ дарованіи льготъ крестоносцамъ. На основаніи ихъ доклада Филиппъ Августъ обнародовалъ 15 мая 1215 г. королевскій указъ изъ 12 статей, ограничивавшихъ власть папы по отношенію къ привилегіямъ крестоносцамъ. Папскіе агенты были ограничены въ правѣ отмѣны существующихъ законовъ. Были установлены случаи, когда крестоносцы не избавлялись отъ королевскихъ податей и отъ подсудности королевскимъ судамъ. Освобожденіе отъ *тальи* (оброка) было ограничено. Королевскимъ приставамъ предоставлялось право арестовывать, судить и карать крестоносцевъ, застигнутыхъ съ поличнымъ или по обвиненію въ болѣе важныхъ проступкахъ. По гражданскимъ дѣламъ, касающимся леновъ и чинша, крестоносцы были признаны подсудными не церковнымъ судамъ, а свѣтскимъ. Въ дѣлахъ, касающихся долговъ, движимыхъ имуществъ и тѣлесныхъ поврежденій крестоносець воленъ былъ обращаться къ тому или другому суду.

Въ такомъ положеніи дѣло о крестовомъ походѣ поступило на соборъ. Расчетъ Иннокентія оказался вѣренъ. Мы не слышимъ о какихъ-либо жалобахъ на агентовъ крестоваго похода. Общій подъемъ духа и личное обаяніе папы заглушили всякіе протесты.

---

1) Luchaire. Innocent III. Question d'Orient 287.

Соборъ одобрилъ папскій декретъ о томъ, чтобы черезъ полтора года всё принявшіе крестъ должны прибыть къ 1 іюля 1217 г. въ Сицилію, если они избрали морской путь: туда прибудетъ самъ папа; тѣ же, кто предпочитаетъ слѣдовать сухимъ путемъ, должны приготовиться къ выступленію къ тому же сроку; ихъ будетъ сопровождать папскій легатъ.

Успѣхъ похода Иннокентій думалъ обезпечить цѣлымъ рядомъ церковныхъ мѣръ: клерикамъ, которые должны были сопровождать крестоносцевъ, вмѣнялось въ обязанность увѣщевать ихъ, чтобы они ничѣмъ не оскорбляли Господа. Самимъ этимъ клерикамъ разрѣшалось пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ своими бенефиціями. Всѣмъ духовнымъ лицамъ, начиная съ патриарховъ, вмѣнялось въ обязанность призывать къ крестовому походу не только всѣхъ правителей, но и города и общины. Всякій, кто не могъ лично принять участія въ походѣ, долженъ былъ поставить вмѣсто себя нѣсколько воиновъ и содержать ихъ 3 года. Отпущеніе грѣховъ предоставлялось не только тѣмъ, кто поставить для похода корабли, но и тѣмъ, кто приметъ участіе въ построеніи этихъ кораблей. Кто же устранился отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, объявилъ Иннокентій, возьметъ на себя тяжкую отвѣтственность. „Мы сами даемъ на крестовый походъ все, что могли накопить при большой бережливости; кромѣ того, мы снаряжаемъ корабль для крестоносцевъ изъ Рима и его окрестностей и даемъ 3000 марокъ серебра — остатокъ отъ приношеній нѣкоторыхъ вѣрующихъ. Остальное мы передали на потребности св. земли патриарху Альберту Іерусалимскому и магистрамъ храма и госпиталя.

Всѣ клерики, высшіе и низшіе, обязывались въ теченіе 3 лѣтъ давать двадцатую долю своихъ доходовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ монашескихъ орденовъ и самихъ участниковъ похода. Папа же и кардиналы пожертвовали даже одну десятую ежегоднаго дохода.

Прелатамъ, которые не стали бы оказывать крестоносцамъ и ихъ семьямъ должной справедливости, папа грозилъ строгимъ взысканіемъ. Далѣе предавались отлученію морскіе разбойники, затруднявшіе путь въ св. землю и грабившіе паломниковъ. Всѣмъ запрещалось имѣть съ ними торговые сношенія. Отлучались также „мнимые христіане“, продававшіе Сарацинамъ для употребленія противъ христіанъ оружіе, желѣзо, лѣсъ, корабли или служащіе на сарацинскихъ корабляхъ. Эти постановленія предназначались къ обнародованію по воскресеньямъ и праздникамъ во всѣхъ торговыхъ городахъ. Запрещалось также на 4 года хри-

стіанамъ отправлять корабли на востокъ въ землю сарацынъ для того, чтобы невѣрные не могли извлечь изъ этого выгоды, а у христіанъ не оказалось бы недостатка въ корабляхъ для переправы въ св. землю. Запрещались снова на 3 года турниры, приносившіе вредъ крестовому походу. Ради пользы св. земли всѣмъ христіанскимъ государямъ вмѣнялось въ обязанность соблюдать миръ въ теченіе 4 лѣтъ и епископы обязывались, если бы это было нужно, принуждать ихъ къ этому посредствомъ отлученія.

Наконецъ, папа объявилъ полное прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ въ крестовомъ походѣ на собственный ли счетъ или на чужой, а также тѣмъ, кто пожертвуетъ на св. землю часть своего имущества—если эти лица искренно покаются и исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ.

Всѣ эти постановленія вытекаютъ изъ власти главы церкви. Но помимо ихъ нужно отмѣтить и такія, которыя являлись вмѣшательствомъ въ предѣлы свѣтской власти. Соборный декретъ избавлялъ всѣхъ крестоносцевъ на время ихъ отсутствія отъ всякихъ оброковъ (*tallagium*) и другихъ поборовъ. Лица и имущества крестоносцевъ поступали подъ особое покровительство папы, епископовъ и особо назначенныхъ для этого попечителей, и эти имущества объявлялись неприкосновенными до возвращенія крестоносцевъ или полученія удостовѣреннаго извѣстія о ихъ смерти. Если крестоносецъ клятвенно обязался платить кому-либо проценты, кредиторъ долженъ былъ отказаться отъ этого обязательства и отъ взысканія процентовъ. Кто тѣмъ не менѣе ихъ взыщетъ, долженъ былъ по постановленію папы ихъ возвратить; евреи же должны были быть принуждаемы свѣтскою властью погасить проценты. Тѣ изъ крестоносцевъ, кто были не въ состояніи уплатить свой долгъ еврею, избавлялись на время своего отсутствія отъ наростанія процентовъ. Доходъ съ имѣній, находившихся въ залогѣ у евреевъ, долженъ былъ за вычетомъ необходимыхъ хозяйственныхъ расходовъ поступать на погашеніе долга.

Соблюдались ли эти каноны собора въ тѣхъ областяхъ, гдѣ былъ опубликованъ вышеупомянутый эдиктъ короля Филиппа Августа? Но для насъ здѣсь важна теоретическая сторона вопроса. Королевскій эдиктъ служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что іерократическія притязанія Иннокентія III были несомнѣстимы съ новымъ государственнымъ строемъ, который началъ слагаться въ западной Европѣ, и что его іерократическій идеалъ долженъ былъ рано или поздно разбиться объ этотъ строй.

Къ этому можно присоединить еще одинъ фактъ, свидѣтель-

ствующій о томъ же. На соборъ явились послы отъ Іоанна съ жалобами на Стефана Лангтона, что онъ поддерживаеъ мятежныхъ бароновъ противъ короля. На самомъ дѣлѣ этотъ ставленникъ папы, котораго Иннокентій съ такимъ трудомъ навязалъ королю, принялъ сторону бароновъ въ стремленіи англійской аристократіи ограничить власть короля посредствомъ Великой Хартии. Иннокентій потребовалъ объясненій отъ присутствовавшего на соборѣ архіепископа, и признавъ ихъ неудовлетворительными, отрѣшилъ его временно отъ сана. И въ этомъ случаѣ іерократическій идеалъ, побудившій Иннокентія свести англійскаго короля на степень папскаго вассала, пришелъ въ столкновеніе съ національнымъ принципомъ и идеаломъ политической свободы, которые начинали водворяться въ Англійи и которымъ принадлежало будущее.

Еще въ одномъ отношеніи обнаружилось на соборѣ безсиліе іерократическаго идеала, котораго Иннокентій былъ такимъ горячимъ и побѣдоноснымъ поборникомъ—Соборъ и папа оказались безсильны осуществить принципъ—„единный пастырь и единое стадо“, который представлялъ собою краеугольный камень іерократическаго зданія. Правда, Соборъ издалъ и папа объявилъ два декрета, касавшіеся грековъ. Имъ было, какъ выше указано, запрещено обмывать алтари, на которыхъ была отслужена католическая обѣдня и крестить вторично получившихъ католическое крещеніе. Во-вторыхъ, для восточныхъ патріарховъ было признано обязательнымъ полученіе палліума отъ римскаго первосвященника и допущеніе апелляціи къ римской куріи, какъ верховному источнику права. Но эти декреты были изданы латинскими прелатами, среди которыхъ не было ни одного греческаго епископа. Обязательность этихъ декретовъ для грековъ ограничивалась слѣдовательно областями, гдѣ господствовали крестоносцы. Значитъ, дальнѣйшій успѣхъ уніи, какъ ее понималъ Иннокентій III, былъ въ зависимости отъ успѣха предполагавшагося крестоваго похода. А можно ли было разсчитывать на его успѣхъ? Мы, конечно, не можемъ судить о результатѣ, который онъ бы имѣлъ въ случаѣ, если бы Иннокентій III дожилъ до момента, когда онъ хотѣлъ стать во главѣ крестоносной арміи и руководить ею. Но вслѣдствіе его неожиданной смерти вызванное имъ движеніе разбилось. Венгерскій король, Андрей II, правда сдержалъ, наконецъ обѣтъ, данный имъ отцу на его смертномъ одрѣ и лѣтомъ 1217 года отправился съ значительнымъ отрядомъ крестоносцевъ въ Сирію въ сопровожденіи герцога австрійскаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ князей Германіи, но резуль-

тать похода ограничился лишь тѣмъ, что король привезъ на родину среди другихъ святынь 6 кружекъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ подавалось вино на кананейской свадьбѣ.

Нѣсколько позднѣе явились въ Сирію крестоносцы сѣверной Германіи. Подъ предводительствомъ іерусалимскаго короля (*in partibus*) Жанъ де Бриенна они вторглись въ Египеть, султанъ котораго владѣль Іерусалимомъ и осадили крѣпкую Даміетту у входа въ Египеть. Несмотря на страшную эпидемію и на неудавшееся нападеніе на Сарацынскій лагерь, во время котораго многіе были взяты въ плѣнъ, крестоносцы, продолжали осаду и султанъ уже предложилъ имъ въ видѣ выкупа передачу Іерусалима и другихъ мѣстъ; но раздоръ между королемъ и папскимъ легатомъ, а также расчетъ на богатую добычу въ Даміеттѣ побудили ихъ отказаться отъ мировой сдѣлки. Даміетта была взята, ея мечети были обращены въ церкви и этимъ ограничился весь успѣхъ и этого крестоваго похода.

Но какъ бы мы ни цѣнили высоко личное вліяніе Иннокентія на болѣе благопріятный исходъ крестоваго похода подъ его личнымъ руководствомъ въ случаѣ продленія его жизни, мы не можемъ не отмѣтить тѣхъ общихъ условій, которыя въ это время вообще противодѣйствовали столь сильному въ прежнее время рвенію къ освобожденію Іерусалима. На одно изъ этихъ условій, отрицательное отношеніе новыхъ государственныхъ началъ къ агитациі въ пользу крестоноснаго движенія—мы уже указывали. Съ другимъ условіемъ знакомитъ насъ интересный документъ—письмо къ папѣ аббата монастыря Премонтре: „богословы парижскаго университета пригрозили крестоносцамъ, которые не исполняютъ въ теченіе года своего обѣта, утратой льготныхъ индульгенцій даже въ томъ случаѣ, если они позднѣе спохватятся. Но вельможи въ большинствѣ рѣшили не подниматься съ мѣста. Имъ нѣтъ дѣла до деклараціи университета; они не боятся ни духовной кары съ вашей стороны, ни принужденія со стороны свѣтской власти. Что же касается до многочисленной толпы крестоносцевъ низшаго разряда, то вотъ что они думаютъ и говорятъ: „Мы въ затруднительномъ и удрученномъ положеніи. Мы готовы повиноваться приказанію папы если онъ намъ предпишетъ тронуться въ путь. Наши приготовленія окончены и мы страстно желаемъ исполнить нашъ обѣтъ, но мы не знаемъ какъ и куда двинуться. На сколько мы въ состояніи дать себѣ отчетъ о положеніи дѣла, мы приходимъ къ заключенію, что мы не принесемъ никакой пользы святой землѣ, если мы не будемъ имѣть во главѣ насъ рыцарей нашей страны и нашего языка.“

Вотъ, дорогой отецъ, то, насчетъ чего мы просимъ васъ принять неотложное рѣшеніе, способное утѣшить ихъ въ горѣ и подкрѣпить тѣхъ, кто находится подъ гнетомъ. Эти вѣрные христіане, которые на моихъ глазахъ съ такимъ восторгомъ приняли крестъ и готовы исполнить свои обязательства, не должны быть доведены до отчаянія, если они узнаютъ, что вынужденная необходимостью задержка повлечетъ за собою утрату ихъ индульгенцій и привилегій. Поэтому рѣшительно необходимо, чтобы герцоги Бургоньи и Лотарингии, всѣ эти вельможи Франціи и Лотарингии, которыхъ вы до сихъ поръ щадили, получили строгое внушеніе исполнить свое обѣщаніе и двинуться въ путь въ слѣдующемъ году. Нужно, чтобы всѣ великіе и малые были оповѣщены о срокѣ выступленія и чтобы они рѣшились на это подъ страхомъ кары“.

Таковъ отзывъ аббата о сеньёрахъ, задерживавшихъ крестовый походъ; а еще хуже то, что онъ сообщаетъ о епископахъ: „если многіе изъ нихъ обнаруживаютъ ревность и вліяютъ на своихъ подчиненныхъ, то это не изъ усердія къ крестовому походу а подъ страхомъ отлученія отъ церкви и для наживы на счетъ паломниковъ“.

Аббатъ въ то же время высказываетъ свое мнѣніе, что для успѣха похода необходимо, чтобы нѣмцы не отправлялись въ путь вмѣстѣ съ французами, такъ какъ исторія не знаетъ ни одного случая дружнаго ихъ взаимодѣйствія въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ.

Документъ этотъ вдвойнѣ цѣненъ. Онъ объясняетъ неуспѣшность усилій Иннокентія вызвать единодушное движеніе въ пользу новаго крестоваго похода—въ виду пассивной оппозиціи воинственныхъ сеньёровъ восточной Франціи, которые были такъ оскорблены вмѣшательствомъ папскихъ легатовъ въ права свѣтской власти. Къ тому же ряды этого воинственнаго дворянства уже были значительно ослаблены экспедиціей противъ альбигойцевъ и участіемъ въ крестовомъ походѣ, обрушившемся на Константинополь.

И эта оппозиція сопровождалась другой еще болѣе вредной оппозиціей, такъ какъ она дѣйствовала скрытно—со стороны самого высшего духовенства, которое только изъ страха передъ папскими карами призывало массы къ крестовому походу, въ то же время обирая ихъ.

Все это чрезвычайно знаменательные симптомы времени, объясняющіе не только судьбу задуманнаго Иннокентіемъ крестоваго похода, но гораздо болѣе важное историческое явленіе—крушеніе іерократическаго идеала Иннокентія. Въ этомъ идеалѣ

оказалось внутреннее противорѣчіе, которое обрекало его на бесплодіе. По этому идеалу глава духовенства хотѣлъ управлять міромъ, но для этого онъ обладалъ только духовнымъ мечомъ. Напрасно папы стали изъявлять притязаніе на обладаніе *двухъ*, мечей и духовнаго и свѣтскаго. Это звучало хорошо въ теоріи, но было бесплодно на практикѣ. Папа былъ безсиленъ привести въ движеніе свѣтскій мечъ, если онъ упорно оставался въ ножнахъ.

Здѣсь проявилось то глубокое противорѣчіе, которое было внесено въ понятіе о Божьемъ царствѣ ходомъ средневѣковой исторіи и культуры. Папы провозгласили себя преемниками и намѣстниками Христа, объявившаго, что его царство не отъ міра сего. Они же, чтобы водворить царство Христово на землѣ, считали необходимымъ *царствовать* надъ міромъ. Самый выдающійся изъ нихъ по мощи и величію духа, Иннокентій III, шедшій отъ торжества къ торжеству, заставлявшій европейскіхъ государей склонять предъ нимъ колѣна и признавать себя его вассалами и данниками, не былъ въ состояніи въ пылу успѣха замѣтить внутренняго противорѣчія въ своей программѣ, хотя уже при жизни его стали обнаруживаться симптомы грядущаго крушенія іерократіи.

Но самое крушеніе ея было еще впереди. А пока передъ папствомъ открывалась самая заманчивая перспектива. Не даромъ современники Иннокентія послѣ его неожиданной смерти говорили, что еслибы этотъ папа „прожилъ лѣтъ на десять больше, то подчинилъ бы себѣ весь міръ и установилъ бы въ немъ единую вѣру“. Въ этомъ убѣжденіи многихъ поддерживало торжественное зрѣлище происходившаго на ихъ глазахъ *вселенскаго* собора. Этотъ соборъ оставилъ послѣ себя мало законодательныхъ и догматическихъ памятниковъ, но онъ имѣлъ въ исторіи великое *симптоматическое* значеніе, если мы его сопоставимъ съ *первымъ* вселенскимъ соборомъ. Тогда первый христіанскій императоръ, созвавши въ Никеѣ христіанскіхъ епископовъ, установилъ и объединилъ догматически и административно подъ своей властью христіанскую церковь. Девятьсотъ лѣтъ спустя снова былъ созванъ соборъ всѣхъ епископовъ на этотъ разъ въ Римѣ. Во главѣ христіанскаго міра на этотъ разъ стоялъ не императоръ, а епископъ римскій и ему были подчинены оба императора какъ западной, такъ и восточной имперіи. Священство взяло верхъ надъ царствомъ. Въ этомъ заключается смыслъ исторіи, выразившійся на четвертомъ латеранскомъ соборѣ.

ГЛАВА X.

ИННОКЕНТІЙ и ИНГЕБОРГА.

Предшествующія главы представляют достаточно матеріала для опредѣленія не только исторической роли, но и для оцѣнки личности Иннокентія III. Но среди его дѣяній (Gesta), есть одно особенно для него характерное по борьбѣ между этическимъ принципомъ, которому служилъ Иннокентій, и интересами, которые онъ принужденъ былъ соблюдать въ своей сложной политикѣ. Это дѣло о разводѣ между французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ и его женой Ингеборгой, на которомъ настаивалъ король и котораго не хотѣлъ признать папа, какъ блюститель святости брака и правильности церковнаго суда. Дѣло это тянулось почти черезъ все правленіе Иннокентія, доставляя ему много непріятностей и хлопотъ, но папа оставался твердъ и настойчивъ въ защитѣ несчастной женщины, которая томилась въ тяжкомъ заключеніи за свое несогласіе добровольно отказаться отъ своего права считаться законною женою короля Франціи. Недаромъ бельгійскій историкъ Лоранъ въ своемъ монументальномъ и многотомномъ трудѣ по исторіи человѣчества, подвергая рѣзкой критикѣ политическую роль Иннокентія III, ставитъ ему въ высокую заслугу защиту Ингеборги, увѣнчавшуюся успѣхомъ послѣ пятнадцатилѣтней борьбы. „Если это было чудомъ, восклицаетъ Лоранъ, слава его должна быть приписана Иннокентію. Принимая сторону женщины, отверженной изъ озорства (par caprice), папа отстаивалъ дѣло этики противъ насилія со стороны дурныхъ инстинктовъ человѣка—онъ спасалъ будущее цивилизаціи“¹⁾. А въ другомъ мѣстѣ Лоранъ заявляетъ, что величіе Иннокентія было выше, когда онъ вступался за покинутую супругу Филиппа-Августа, чѣмъ когда онъ возводилъ на царство государей или лишалъ ихъ власти²⁾.

Филиппъ Августъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на наслѣдницѣ графства Артуа, Изабеллѣ, умершей 19-ти лѣтъ, оставивъ

1) Laurent: Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. VI p. 262.

2) Ibid. 229.

ему наслѣдника. Послѣ этого онъ посватался за Ингеборгу, сестру датскаго короля Канута VI. И на этотъ разъ имъ руководилъ политическій расчетъ. Онъ былъ въ войнѣ съ Англіей и желалъ породниться съ королемъ, обладавшимъ сильнымъ флотомъ—предки котораго когда-то владѣли Англіей. Но король датскій уклонился отъ участія въ войнѣ. Тогда Филиппъ Августъ потребовалъ взаимнѣ союза приданаго въ 10000 марокъ. Эта сумма была очень велика для Канута, но его совѣтники убѣдили его, что бракъ его сестры съ французскимъ королемъ обезпечитъ его со стороны могущественныхъ Гогенштауфеновъ.

Ингеборгу привезли въ 1193 г. моремъ во Францію. Филиппъ Августъ отправился ей навстрѣчу до Амьена и былъ пріятно пораженъ ея красотою: въ тотъ же день была отпразднована свадьба. На слѣдующій день было назначено коронованіе новой королевы. Но, встрѣтясь съ нею, король поблѣднѣлъ и задрожалъ, не скрывая своего отвращенія. При дворѣ заговорили о предстоящемъ разводѣ. Всѣ терялись въ догадкахъ о причинѣ страннаго поведенія короля и по обычаю времени искали ея въ колдовствѣ или козняхъ дьявола.

Филиппъ Августъ на самомъ дѣлѣ потребовалъ отъ датскаго посольства, чтобы оно увезло съ собой Ингеборгу. Но ни послы, ни сама королева не соглашались на это. Филиппъ Августъ однако настаивалъ на разводѣ и подъ предлогомъ, что Ингеборга дальняя родственница первой жены короля, французскіе епископы подъ предсѣдательствомъ архіепископа Реймскаго, дяди короля, расторгли бракъ. Когда объ этомъ извѣтили Ингеборгу, она, не зная еще французскаго языка, все только твердила „*mala Francia, mala Francia—Roma, Roma*“.

Датскій король подаль противъ развода апелляцію въ Римъ; генеалогія, которой руководились французскіе епископы, оспаривалась въ его жалобѣ и на самомъ дѣлѣ была невѣрна. Папа Целестинъ III отмѣнилъ постановленіе епископовъ о разводѣ и тщетно пытался повліять на короля посредствомъ писемъ и легатовъ. Когда датскіе послы привезли во Францію папскую буллу, отмѣнявшую разводъ, ихъ задержали и отняли у нихъ папскія грамоты.

Но мало того, Филиппъ Августъ сталъ свататься въ разныхъ странахъ—въ Германіи и въ Сициліи. Три раза онъ получалъ отказъ: наконецъ за него согласилась выйти Агнеса, дочь графа Меранскаго (въ Тиролѣ)—Ингеборгу же изъ монастыря, куда ее заточили, перевели въ замокъ, гдѣ держали въ тѣсномъ заключеніи.

Напрасно плакалась Ингеборга въ своихъ письмахъ къ Целе-

стину: „Горюю я и печалюсь и не могу не горевать, вкушая хлѣбъ свой со скорбью и разбавляя питье свое слезами“. Такъ прошло пять лѣтъ. Между тѣмъ на папскій престолъ взошелъ Иннокентій III и дѣло Ингеборги приняло тотчасъ иной оборотъ. О приговорѣ епископовъ Иннокентій отозвался, что это не разводъ, но шутовской фарсъ. А затѣмъ онъ обратился къ самому королю съ письмомъ осторожнымъ, но твердымъ. Признавъ съ обычной скромностью, что Господь поднялъ его съ земли и изъ праха (stercore) на высоту, Иннокентій не преминулъ заявить королю, что на этой высотѣ ему приходится не только судить съ царями, но и быть судьей надъ царями. Увѣряя короля въ своей *особливой* любви къ нему и къ Франціи, Иннокентій пишетъ, что ему тѣмъ болѣе было бы тѣжко, еслибъ король далъ поводъ къ охлажденію этой любви неповиновеніемъ многократнымъ предостереженіямъ церкви по дѣлу его брачной жизни—причемъ папа Ингеборгу величаетъ королевой, а Агнесу Меранскую называлъ не иначе, какъ „введенную“ (сверхъ брака) (superinducta), указывая притомъ, что если препятствіемъ къ браку съ Ингеборгой является свойство, то браку короля съ Агнесой препятствуетъ *кровное родство* съ ней. Въ краснорѣчивыхъ оборотахъ рѣчи папа вызываетъ къ королю, чтобы онъ, памятуя о своемъ санѣ и о страшномъ судѣ, *самъ* устранилъ то, что представляетъ соблазнъ въ церкви, служить къ поношенію папства, угрожаетъ спасенію короля и разореніемъ всего государства—удалилъ „введенную“ изъ предѣловъ Франціи, а Ингеборгѣ возвратилъ санъ и титулъ королевы... Иннокентій заключаетъ свое посланіе предостереженіемъ, что чѣмъ искреннѣе онъ его любить, тѣмъ сильнѣе дастъ ему почувствовать тяжесть апостолической руки—такъ какъ, по внушенію Господа, онъ, папа, обладаетъ твердымъ (immubabilem) духомъ и неизмѣнной волей, и не сходитъ съ пути правды ни изъ-за просьбъ, ни ради выгодъ (nec ptese nec pretio), ни въ угоду любви, ни ненависти, творя судъ безъ лицепріятія, ибо нелицепріятія требуетъ Господь“ (I, 171).

Съ этого письма началась переписка между Иннокентіемъ и Филиппомъ объ Ингеборгѣ, продолжавшаяся съ перерывами почти до конца жизни этого папы—переписка, отражающая въ себѣ упорную борьбу, которая велась между ними изъ-за поруганной чести несчастной королевы и освобожденія ея изъ нестерпимаго плѣна. Переписка эта служитъ къ высокой чести Иннокентія, но не вполне понятна безъ связи съ современными ей событіями. Она изображаетъ намъ Иннокентія въ роли стойкаго борца за нерушимость брака и благороднаго заступника за покинутую всеми

женщину. Но, не разрѣшая Филиппу Августу удалить отъ себя Ингеборгу изъ-за непонятной антипатіи къ ней, и настаивая на возвращеніи ей положенія супруги короля, Иннокентій не только исполнялъ долгъ верховнаго блюстителя церковнаго закона и семейной добродѣтели, онъ не только сознавалъ, что побѣда надъ упорствомъ короля послужитъ къ высокой чести папства—но онъ въ то же время былъ главою іерократической имперіи, связанной цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ и часто противорѣчивыхъ интересовъ, съ которыми ему приходилось считаться—однимъ словомъ, онъ былъ по своему положенію и, можно прибавить, по своей натурѣ *политикомъ* и не могъ не принимать въ соображеніе и другія задачи и заботы, навязывавшіяся ему, какъ главѣ церкви.

Вслѣдствіе этого разные политическіе расчеты постоянно вторгались въ вопросъ, относительно котораго Иннокентій намѣревался, какъ онъ писалъ Филиппу Августу, *неуклонно* слѣдовать стезею правды (*semita rectitudinis*), не отступая ни направо, ни налево. Дѣло было въ томъ, что Иннокентій нуждался въ благоволеніи Филиппа, самаго могущественнаго государя западной Европы, въ наиболѣе важномъ для папства вопросѣ о подчиненіи ему Германской имперіи, и въ благопріятномъ для папы разрѣшеніи состязанія изъ-за императорской короны между Филиппомъ Гогенштауфеномъ и Гвельфомъ Оттономъ. Кромѣ того помощь Филиппа Августа была необходима Иннокентію для подавленія ереси въ южной Франціи и для завоеванія св. земли. Вотъ почему Иннокентій не рѣшался прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ воздѣйствія на короля и осуществить свою угрозу тяжелыхъ наказаній (*durius castigare*). Вотъ почему дѣло несчастной Ингеборги затянулось такъ долго.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, ярко проявилось то внутреннее противорѣчіе, въ которое поставило себя папство—добываясь свѣтской власти для проведенія въ обществѣ религіозныхъ и этическихъ цѣлей. Въ результатѣ—ему нерѣдко приходилось приносить въ жертву эти религіозныя и этическія цѣли ради утвержденія своей власти надъ обществомъ. На дѣлѣ получался роковой кругъ. Ради небесныхъ цѣлей церковь добивалась власти надъ царствомъ, а втягиваясь въ борьбу изъ-за власти, папство бывало принуждено приносить въ жертву иногда и свои идеальныя цѣли ¹⁾.

¹⁾ Раскрытіе колебаній и внутренняго противорѣчія въ образѣ дѣйствія Иннокентія въ дѣлѣ Ингеборги составляетъ заслугу и интересъ книги Давидсона, который въ своемъ исчерпывающемъ трудѣ *Philipp II August v. Frankreich und Ingeborg* 1888 подробно прослѣдилъ различныя фазы этого дѣла и чередо-

Письмо Иннокентія къ Филиппу Августу не возымѣло желаннаго дѣйствія такъ же, какъ и внушеніе сдѣланное ему папою чрезъ архіепископа Парижскаго; не испугала Филиппа и судьба короля Альфонса IX, подвергшагося интердикту за непослушаніе папѣ въ брачномъ дѣлѣ. Тогда Иннокентій рѣшился въ третій разъ, какъ онъ выражается въ письмѣ къ Филиппу Августу отъ конца лѣта, — повліять на него (I. 343). Онъ извѣщаетъ короля, что его образъ дѣйствія столько же его поражаетъ, какъ и огорчаетъ и что онъ отправляетъ къ нему по этому дѣлу легатомъ Петра Капуанскаго, кардинала отъ церкви св. Маріи (in via lata), которому въ то же время поручено было склонить французскаго короля къ миру съ англійскимъ въ интересахъ новаго крестоваго похода.

Въ письмѣ же на имя легата Иннокентій предписываетъ ему, если Филиппъ Августъ въ теченіе мѣсяца по увѣщаніи легатомъ не возстановитъ королеву въ положеніи супруги и въ подобающей ей чести, — подвергнуть Францію интердикту съ прекращеніемъ всѣхъ богослужебныхъ дѣйствій за исключеніемъ крещенія младенцевъ и напутствованія умирающихъ.

Дипломатическое порученіе, данное кардиналу, примирить между собой королей, поглотило все его вниманіе и мѣшало ему приступить къ другой, болѣе щекотливой задачѣ, пока, наконецъ, папа не издалъ въ октябрѣ 1199 года циркулярное предписаніе всему французскому духовенству побудить своего короля удалитъ отъ себя Агнесу и сойтись съ законной женой; причемъ Иннокентій указывалъ на вредъ дурного примѣра, подаваемого Филиппомъ Августомъ, ссылаясь на подобный образъ дѣйствія со стороны чешскаго короля и другихъ князей и частныхъ людей. Въ этомъ посланіи къ французскому духовенству идетъ, впрочемъ, рѣчь еще не объ общемъ интердиктѣ, а объ отлученіи виновныхъ — короля и его новой семьи — и о наложеніи интердикта на мѣсто-пробываніе ихъ.

Легатъ созвалъ соборъ въ декабрѣ въ Дижонѣ, куда собралось все духовенство отъ британскаго моря до Альпъ, т. е. не только изъ областей непосредственно подвластныхъ королю, но и изъ независимыхъ отъ него. Изъ четырехъ, напр., присутствовавшихъ архіепископовъ, только Реймскій былъ ему подвластенъ. Здѣсь Франція была подвергнута интердикту вопреки желанію большинства. Послы короля противъ этого апеллировали къ папѣ, хотя апелляція была запрещена папою. Насколько страхъ передъ

ваніе со стороны папы настояній въ пользу Ингеборги съ послабленіемъ и уступками королю въ зависимости отъ политическихъ потребностей минуты и отъ другихъ политическихъ плановъ Иннокентія.

королемъ стѣснялъ собраніе, видно изъ того, что легать здѣсь лишь возвѣстилъ о произнесеніи интердикта, самое же провозглашеніе его отсрочилъ, чтобы имѣть возможность добраться до Вьенна въ Дофинэ—внѣ предѣловъ тогдашней Франціи.

Въ Вьеннѣ, собравъ епископовъ, легать вышелъ съ ними изъ церкви въ полночь съ факелами въ рукахъ; колокола прозвонили въ послѣдній разъ отходную, каноники возгласили: „Господи помилуй насъ“, изображеніе Христа было закрыто, священныя гости были преданы пламени, мощи и священныя предметы были снесены въ подземелье и легать въ фіолетовомъ облаченіи, какъ въ дни страстей Господнихъ, объявилъ народу именемъ Іисуса Христа, что на всѣ владѣнія короля налагается запретъ богослуженія, пока онъ не откажется отъ своего прелободѣянія. Со стономъ и плачемъ толпа приняла этотъ приговоръ.

Современники описываютъ въ мрачныхъ краскахъ его послѣдствія. „Какъ ужасно, пишетъ одинъ изъ нихъ, видѣть запертыя двери церквей, обступленныя христіанами, подобно собакамъ, исключеннымъ изъ святыни, прекращеніе богослуженія, лишеніе причастія, пустующіе храмы въ дни церковныхъ торжествъ, заражающіе воздухъ трупы покойниковъ, не преданныхъ землѣ и наводящихъ ужасъ на зрителей“.

Король пытался бороться съ папою: онъ подвергалъ епископовъ, исполнявшихъ приказаніе папы, денежнымъ поборамъ и конфискаціи.

Тяжелая кара, которой была подвергнута Франція, не вездѣ тотчасъ обнаружила свое дѣйствіе. Многіе епископы изъ преданности королю, или изъ страха предъ нимъ, медлили объявлять интердиктъ въ своихъ епархіяхъ. Такимъ образомъ, первой жертвой папской кары сдѣлалась опять несчастная Ингеборга въ своемъ замкѣ, превращенномъ для нея въ тюрьму. Но скоро и разные исполнители папскаго распоряженія стали испытывать на себѣ королевскій гнѣвъ, напр., епископъ Парижа де-Сюлли, принужденный пѣшкомъ, какъ бродяга, покинуть свою епархію. Число этихъ жертвъ стало возрастать, когда по приказанію папы архіепископъ Руанскій и епископъ Пуату, епархіи которыхъ въ то время находились во владѣніяхъ англійскаго короля, обнародовали интердиктъ въ областяхъ подвластныхъ Филиппу Августу. Но и для короля велѣдствіе этого кара, возложенная на него папою, стала чувствительнѣе и онъ сталъ чрезъ пословъ вести переговоры съ Иннокентіемъ о снятіи интердикта. Результатъ ихъ формулированъ біографомъ Иннокентія слѣдующимъ образомъ: „Когда же духъ пер-

восвященника, опиравшийся на основѣ справедливости, не могъ быть поколебленъ ни угрозами, ни просьбами, ни обѣщаніями, король подчинился его волѣ“ (*ipsius arbitrio*). Дѣйствительный результатъ заключенной сдѣлки, однако, далеко не соответствовалъ этому ликованію папскаго біографа. Было условлено, что послѣ того, какъ король исполнитъ требованіе папы, т.-е. приметъ Ингеборгу во дворець и удалитъ отъ себя Агнесу, интердиктъ будетъ снятъ, и если тогда Филиппъ Августъ будетъ настаивать на разводѣ, присланный папою легатъ разсудитъ дѣло.

Важное порученіе—уладить разладъ въ королевской семьѣ и снять интердиктъ—Иннокентій поручилъ одному изъ самыхъ видныхъ кардиналовъ, Октавіану, епископу Остіи, который раньше самъ считался претендентомъ на папскій престолъ и теперь при Иннокентіи исполнялъ различныя важныя миссіи.

Кардиналъ Октавіанъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ во Франціи. Самъ король выѣхалъ ему навстрѣчу до города Санса. Что тамъ между ними происходило, намъ извѣстно только изъ реляціи кардинала папѣ, изображающей успѣхъ римскаго дипломата въ преувеличенномъ видѣ. Онъ сообщаетъ, что послѣ продолжительныхъ упрековъ съ его стороны, король, наконецъ, сильно разразился слезами и въ смиреніи сердца обѣщалъ подчиниться всѣмъ распоряженіямъ папы. Прежде всего король въ присутствіи многочисленнаго духовенства обѣщалъ вознаградить за убытки и обиды всѣ церкви и всѣхъ клериковъ, пострадавшихъ со стороны короля за исполненіе интердикта; епископамъ же Парижскому и Суассонскому, въ особенности навлекшимъ на себя гнѣвъ короля, онъ въ такой степени возвратилъ свою милость, что она стала значительнѣе прежняго. Требованіе кардинала, чтобы онъ разстался съ Агнесой (*tam carnaliter quam localiter*), король вновь обѣщалъ исполнить въ присутствіи всѣхъ; королеву же приказалъ перевести въ замокъ, гдѣ французскія королевы издревле привыкли проживать, на разстояніи 3 дней пути отъ Парижа. Созвавъ туда всѣхъ епископовъ, исполнявшихъ интердиктъ, туда же отправился и легатъ въ обществѣ короля, чтобы передать Ингеборгѣ поклонъ папы и его письмо; на другой день онъ ввелъ къ ней и короля съ сопровождавшими его епископами, который долго съ ней бесѣдовалъ. Это, прибавляетъ кардиналъ, показалось всѣмъ, знавшимъ жесткость короля, большимъ чудомъ (*valde mirabile*), такъ какъ до этого невозможно было убѣдить его и взглянуть на нее и никто не дерзалъ и заикнуться объ этомъ и онъ не видался съ нею съ того дня, когда развелся съ нею. Послѣ этого кардиналъ приказалъ тремъ епископамъ торжественно, съ царскимъ почетомъ по-

вести королеву въ консисторію, гдѣ находилось безчисленное множество клира и народа и гдѣ было постановлено, что король ее торжественно приметъ. „Кромѣ того, по усиленнымъ нашимъ просьбамъ король сдѣлалъ то, что намъ и всемъ присутствовавшимъ казалось невозможнымъ: онъ приказалъ своему приближенному, Николаю, котораго два раза посылалъ къ папѣ, публично за него поклясться, что будетъ обращаться съ ней почетно, какъ съ королевой и супругой своей и безъ церковнаго суда не разстанется съ нею“.

Послѣ этого кардиналъ Октавіанъ снялъ интердиктъ и, по его словамъ, радость, охватившая все царство, была такъ велика, что ее нельзя словами выразить. „Все васъ благословляютъ и прославляютъ ваше состраданіе и справедливость въ виду того, что и по отношенію къ королевѣ была соблюдена справедливость и въ отмѣнѣ интердикта проявилось состраданіе“.

Однако, послѣ этого король сталъ настаивать, чтобы, согласно обѣщанію папы, теперь было приступлено къ разсмотрѣнію его брачнаго дѣла и начались переговоры объ избраніи мѣста для этого. Въ этомъ приняла участіе и королева, которая предпочла назначить мѣстомъ Суассонъ, считая неудобнымъ влѣдствіе войны между Даніей и Германіей для ея брата присылки своихъ уполномоченныхъ въ Камбре или Ліонъ, такъ какъ эти архіепископства въ то время причислялись къ Германской имперіи.

Иннокентій остался весьма недоволенъ образомъ дѣйствія своего уполномоченнаго, какъ видно изъ его отвѣта на приведенное письмо. Правда, въ началѣ письма, подробно излагая содержаніе реляціи кардинала, Иннокентій его горячо благодарить за все имъ достигнутое, но затѣмъ выражаетъ, что онъ былъ не мало смущенъ (*aliquantisper commotus*) тѣмъ, что наложница, хотя и была удалена изъ владѣній короля, но не изъ предѣловъ королевства, согласно съ апостольскимъ распоряженіемъ, еслибы кардиналъ не извѣстилъ его, что она была беременна и ей скоро предстояли роды¹⁾.

„Однако, продолжаетъ папа, изъ этого можетъ у нѣкоторыхъ возникнуть подозрѣніе, что у французскаго короля съ нашего разрѣшенія двѣ жены и притомъ вторая находится на болѣе близкомъ отъ него разстояніи, чѣмъ законная во время ея удаленія“. Для избѣжанія соблазна папа въвиду этого настаиваетъ, чтобы кардиналъ всеми способами побуждалъ короля относиться

¹⁾ Изъ этихъ словъ видно, что реляція кардинала была далеко не искренна такъ какъ изъ хода дѣла усматривается, что Агнеса разрѣшилась отъ бремени много поздне.

къ королевѣ съ супружеской любовью, такъ какъ онъ не можетъ найти болѣе благородной и честной жены, чѣмъ та, которую многіе считаютъ не только честнѣйшей, но и святой. „Тѣмъ болѣе, прибавляетъ Иннокентій, что ничто не можетъ болѣе содѣйствовать нашей чести и твоей славы, какъ если благодаря нашему авторитету и твоей помощи доброе начало увѣнчается прекраснымъ концомъ“.

Удовольствіе, доставленное папѣ сообщеніями Октавіана, было отравлено Иннокентію извѣстіями, полученными отъ королевы и отъ державшихъ ея сторону епископовъ. Ингеборга ему писала, что ее не возстановили на престолѣ, а, наоборотъ, заключили въ худшую тюрьму; перевозивши ее съ мѣста на мѣсто, ее лишили всякой свободы до такой степени, что безъ спеціальнаго и письменнаго приказанія короля ей запрещено съ кѣмъ-либо разговаривать, за исключеніемъ двухъ датскихъ капеллановъ, которымъ, однако, дозволено было съ нею говорить лишь одинъ разъ въ присутствіи свидѣтелей, назначенныхъ королемъ, и то на французскомъ языкѣ.

А епископъ Труа съ своей стороны сообщилъ папѣ, что когда онъ настаивалъ на томъ, чтобы король далъ честное слово принять ее, какъ жену, легатъ Октавіанъ—„чему мы отказываемся вѣрить“, при этомъ замѣтилъ Иннокентій—прибавилъ—„въ теченіе 7 мѣсяцевъ“; король же къ этому прибавилъ—„какъ мы съ вами условились“. И когда Филиппъ Августъ потомъ клялся, что не отторгнетъ ее безъ суда церкви—король прибавилъ—„въ теченіи шести мѣсяцевъ“. Кромѣ того, король запретилъ въ его часовняхъ за нее молиться. „Если все это такъ было, заключаетъ Иннокентій свое письмо къ кардиналу, то, конечно, это не *дѣйствительное* возстановленіе королевы, а лишь на *словахъ*, такъ какъ отъ этого королева не получитъ ни болѣеи свободы, ни вліянія, а лишь большаго стѣсненія, чѣмъ чести“ (*operis quam honoris*).

Смягчая выраженіе своего неудовольствія, папа прибавляетъ: „мы пишемъ это не потому, чтобы мы вѣрили всему, что говорятъ, но чтобы ты сдѣлалъ все, чтобы этому не вѣрили“. Папа настаиваетъ, чтобы легатъ добился допущенія къ королевѣ архіепископовъ и епископовъ, графовъ и бароновъ для оказанія ей почета, какъ это принято у другихъ королевъ, чтобы самъ король иногда ее посѣщалъ и распорядился, чтобы она была окружена царской обстановкой. Снова напомнивъ кардиналу свои слова, что это дѣло послужить къ великому прославленію или къ вѣчному стыду апостольской каѳедры,—Иннокентій прибавляетъ—„ибо позорно

будеть, если за сильнымъ приступомъ послѣдуетъ слабый конецъ и къ намъ можно будетъ примѣнить слова поэта: „Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus“. Папа заключаетъ письмо увѣщаніемъ, „чтобы кардиналъ болѣе чтить Господа, чѣмъ людей, болѣе папу, чѣмъ царя, болѣе совокупность церкви, чѣмъ отдѣльное лицо, болѣе имѣлъ въ виду свое спасеніе, чѣмъ королевскую волю“. (Ш. 16).

Трудно сказать, насколько въ этой попыткѣ папы усомниться въ жестокости мѣръ, принятыхъ противъ королевы—было искренности. Но самому Иннокентію пришлось скоро убѣдиться въ дѣйствительности ихъ, ибо въ декабрѣ 1200 г. онъ писалъ королю и кардиналу, чтобы не приступали къ разбирательству о законности брака, пока королева не будетъ восстановлена вполнѣ въ своемъ санѣ. То же самое онъ повторилъ въ февралѣ или мартѣ. Между тѣмъ истекалъ шестимѣсячный срокъ, когда, по уговору между Филиппомъ и кардиналомъ Октавіаномъ, слѣдовало приступить къ разбору вопроса о законности брака Ингеборги.

Въ Суассонѣ стали уже съѣзжаться прелаты и вельможи Франціи, прибылъ и самъ король съ кардиналомъ,—привезли и Ингеборгу, вопреки приказанію папы, не какъ королеву, а какъ подсудимую,—подъ арестомъ. Прибыли и послы датскаго короля, брата Ингеборги съ адвокатами и свидѣтелями. Ждали другого кардинала, Іоанна отъ св. Креста,—который былъ назначенъ судьей совмѣстно съ Октавіаномъ, вѣроятно потому, что Иннокентій болѣе довѣрялъ его учености въ каноническомъ правѣ,—а можетъ быть и добросовѣстности.

Несмотря на предписаніе папы, Октавіанъ открылъ судебное разбирательство до прибытія кардинала Іоанна и адвокатъ короля заявилъ искъ о незаконности брака на основаніи родства. Датскіе послы предъявили противъ этого отводъ, приводя свидѣтелей, что король самъ просилъ руки Ингеборги и его послы поклялись его именемъ, что онъ будетъ чтить ее, какъ королеву и супругу, приводя письменныя доказательства этого. Кромѣ того они выразили подозрѣніе въ лицепріятіи королю со стороны Октавіана и поэтому апеллировали къ папѣ. Октавіанъ отвергъ апелляцію на основаніи своихъ полномочій. Тогда датскіе послы покинули судъ.

Уже послѣ этого прибылъ, наконецъ, кардиналъ Іоаннъ, и судоговореніе возобновилось.

Пятнадцать дней происходили пренія сторонъ; дѣло королевы защищали деканъ С. Кантена и магистръ изъ Ноіона. Король убѣдился, что пренія этихъ схоластиковъ ни къ чему хорошему не приведутъ,—другой, еще болѣе сильный мотивъ для него можно извлечь изъ свидѣтельства одного современнаго лѣтописца изъ

числа бенедиктинскихъ монаховъ— „Кардиналу Иоанну, монаху нашего ордена, королемъ были предложены подарки, но тотъ, какъ праведникъ, не замянулъ своихъ рукъ никакими подарками“. Руководясь такими соображеніями, король неожиданно покинулъ Суассонъ, взявъ съ собою королеву и извѣстивъ прелатовъ, что онъ отказывается отъ намѣренія развестись съ ней.

Папу же король извѣстилъ, что на разводѣ онъ будетъ настаивать лишь въ томъ случаѣ, если папа назначитъ для этого такихъ судей, которымъ онъ предпишетъ выслушать въ опредѣленный срокъ свидѣтелей со стороны короля, не допустивъ никакихъ свидѣтелей съ противной стороны.

Вскорѣ послѣ этого умерла Агнеса, а папа по желанію Филиппа узаконилъ оставленныхъ ею двухъ дѣтей. Но положеніе Ингеборги стало хуже, чѣмъ было прежде, и изслѣдователь этого печальнаго дѣла правъ, упрекая Иннокентія въ томъ, что онъ не воспользовался великимъ одолженіемъ, оказаннымъ дѣтямъ короля,—чтобы побудить его освободить Ингеборгу или, по крайней мѣрѣ, облегчить ея судьбу ¹⁾.

Когда Иннокентій примѣнилъ къ переговорамъ въ Суассонѣ слова поэта о „горѣ, родившей мышь“,—онъ былъ болѣе правъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Религіозныя терзанія, которымъ интердиктъ подвергъ населеніе Франціи, были напрасно перенесены: дѣло Ингеборги не было разрѣшено и положеніе королевы было по-прежнему мучительно и безвыходно. Самый опытный дипломатъ куріи проигралъ дѣло; онъ согласился снять интердиктъ, не заручившись никакими гарантіями со стороны Филиппа Августа, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе и возвратитъ Ингеборгѣ санъ королевы; ее снова держали плѣнницей въ башнѣ надъ городомъ Этампъ,—два этажа которой служили укрѣпленіемъ, а средній этажъ былъ обращенъ въ жилое помѣщеніе.

Со снятіемъ интердикта кардиналъ остался безоружнымъ. Нечего было и думать, чтобы наложить его вторично или пугать имъ короля. Если даже въ первый разъ предшественникъ Октавіана ради этого предварительно бѣжалъ за предѣлы королевства, то на этотъ разъ возстановитъ только что снятый интердиктъ было невозможно безъ всеобщаго возмущенія.

Какъ же опытный кардиналъ попался въ эту ловушку? Заманила ли его туда приманка, ловко ему поднесенная, или онъ попался впросакъ, имѣя дѣло съ болѣе ловкимъ игрокомъ? Сообщенное папѣ извѣстіе, что король обязался держать Ингеборгу

¹⁾ Davidsohn, Philipp August u-Ingeborg 168 и 178.

въ санѣ королевы семь мѣсяцевъ,—а по словамъ короля шесть мѣсяцевъ,—проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на ходъ дѣла. По первоначальной сдѣлкѣ между Парижемъ и Римомъ, королю предоставлялось право, если по примиреніи съ Ингеборгой онъ всетаки будетъ настаивать на расторженіи брака, то созвать для этого церковный соборъ. Но, чтобы быть обеспеченнымъ, что такой соборъ не будетъ до безконечности отсрочень, король, вѣроятно, потребовалъ назначенія срока для этого собора—не болѣе, какъ 6—7 мѣсяцевъ по возстановленіи королевы въ санѣ, на что согласился Октавіанъ. Оказалось, что для папы это было сюрпризомъ. Какъ же это случилось? Весьма возможно, что по римскому обычаю не безъ вліянія свв. Руфина и Альбина на кардинала Октавіана!

Во всякомъ случаѣ Иннокентій былъ всѣмъ этимъ весьма смущень, какъ видно изъ его отвѣта королевѣ, въ которомъ онъ оправдывается передъ ней. Это оправданіе не можетъ не удивить читателя. Напомнивъ королевѣ все, что онъ сдѣлалъ для нея, о посылкѣ легата, наложеніи интердикта, ея возстановленіи въ санъ королевы и удаленіи Агнесы, Иннокентій выражаетъ сомнѣніе въ справедливости всего того, что писали ему отъ ея имени. „Ибо никогда упомянутый легать не рѣшился бы преступить наши приказанія, и мы поэтому не вѣримъ, чтобы по его словамъ ты должна быть королевой лишь въ теченіе семи мѣсяцевъ. Кромѣ того, какъ можно повѣрить тому, что тебѣ не дозволено съ кѣмъ-либо бесѣдовать безъ свидѣтелей, назначенныхъ королемъ и все подобное, о чемъ писали мнѣ твои клерики“.

Такая уступчивость Филиппу Августу объясняется Давидзономъ тѣмъ, что папа нуждался въ помощи короля. Это было время состязанія между Оттономъ и Филиппомъ Гогенштауфеномъ; отъ исхода этой борьбы зависѣло положеніе папства, торжество или пораженіе священства въ борьбѣ съ царствомъ. Мечъ Филиппа Августа могъ склонить вѣсы въ ту или другую сторону.

Стараясь доказать Филиппу, что торжество Гогенштауфеновъ будетъ опасно для самой Франціи, Иннокентій просить, чтобы король содѣйствовалъ успѣху желаній папы, *на сколько* онъ желаетъ, чтобы папа былъ благосклоненъ къ нему. Однако, руководясь политическимъ расчетомъ, Иннокентій въ то же время не забываетъ и объ Ингеборгѣ и поручаетъ архіепископу Реймскому увѣщевать своего племянника, короля, чтобы онъ не требовалъ отъ него того, чего безъ нарушенія права и безъ ущерба для души, какъ папы, такъ и самого короля и безчестія, онъ, если бы даже хотѣлъ,—не въ состояніи исполнить. Какъ бы онъ ни желалъ

угодить королю, онъ долженъ позаботиться объ Ингеборгѣ въ двухъ отношеніяхъ, чтобы она не оставалась безъ защиты, и чтобы дѣло ея не разсматривалось подозрительными судьями. Но король продолжалъ настаивать на скорѣйшемъ рѣшеніи процесса. Чтобы задобрить Филиппа, папа предложилъ ему послать двухъ надежныхъ людей, которые, побывавъ у королевы въ Этампѣ и выслушавъ всѣхъ свидѣтелей, на счетъ папы отправились бы въ Данію, и, выслушавъ тамошнихъ свидѣтелей, постановили приговоръ, если Ингеборга на это согласна, въ противномъ же случаѣ доложили все дѣло самому Иннокентію. При этомъ папа настаиваетъ, чтобы король съ честью содержалъ Ингеборгу, какъ онъ бы это дѣлалъ, еслибы она проживала во Франціи, не будучи его супругой.

А каково на самомъ дѣлѣ было въ то время положеніе Ингеборги, мы узнаемъ изъ ея письма къ папѣ, написаннаго въ маѣ 1203 года.

„Духовному отцу моему и господину Иннокентію Возжіей милостью первосвященнику, ничтожнѣйшая изъ его дочерей Ингеборга, по имени только королева Франціи, припадая къ ногамъ его въ полномъ смиреніи:

Въ духѣ смиренія и съ душою сокрушенной я часто старалась объяснить вашему отеческому вниманію свои невзгоды и такъ какъ погруженная въ несчастіе мое я ношу на себѣ иго Господне, не тяжкое, но тягчайшее, я еще разъ, святѣйшій отецъ, перескажу вамъ годы моей жизни въ горечи души моей, въ которой постоянно пребывая, я ношу на груди своей отраду мою — пучокъ *мирры*, мнѣ данный.

Спасите меня, отецъ справедливый, защитите меня отъ тѣхъ, кто ненавидитъ меня. Преслѣдуетъ меня господинъ и мужъ мой, знатный король франковъ, который не только не видается со мною, какъ съ женою, но желая одиночествомъ тюрьмы моей сгубить мою юность, не перестаетъ оскорбленіемъ и клеветой чрезъ своихъ клеветовъ терзать меня, чтобы я согласилась нарушить святость брака и законъ Христа и не стыдится склонять меня къ этому чрезъ предшественниковъ Антихриста, которые подъ личиною благочестія отрицаютъ силу этого закона. Знайте, отецъ святой, что у меня въ тюрьмѣ моей нѣтъ никакого утѣшенія и переносу я безчисленные и невыносимыя муки; ибо не смѣетъ никто посѣтить меня, и никакое духовное лице подойти ко мнѣ съ утѣшеніемъ; не имѣю я возможности исповѣдаться какому-нибудь священнику, обѣдно рѣдко могу слушать, а часы никогда. Кромѣ того никому изъ земляковъ моихъ, никакому

вѣстнику изъ родины съ письмами или безъ писемъ не дозволяется посѣтить меня. Пропитаніе мнѣ не рѣдко отпускается слишкомъ скудное, никакого лѣкарства, требуемаго слабостью человѣческой, ничего изъ того, что полезно для здоровья, я не могу получить. Въ баню меня не пускаютъ; когда мнѣ нужно бросить кровь, я этого не могу сдѣлать, въ виду чего я опасуюсь за свое зрѣніе и какъ бы не нажить тяжелой болѣзни; въ одеждѣ у меня недостатокъ и нѣтъ такой, которая бы подобала королевѣ. Къ довершенію моихъ бѣдствій, я отъ лицъ, меня окружающихъ по назначенію короля, — весьма грубыхъ — никогда не слышу добраго слова, а лишь бранныя и обидныя рѣчи; отъ нихъ однако я слышала и знаю, что когда они меня оставляютъ, они жалѣютъ обо мнѣ, но никакого утѣшенія мнѣ не оказываютъ, но постоянно предоставляютъ меня тоскѣ. Однимъ словомъ: — мнѣ отказываютъ въ томъ, чего не слѣдовало бы лишать никакую христіанку и со мною обходятся такъ, какъ не слѣдовало бы поступать съ самой негодной женщиной. Даже письма, вашимъ святѣйшествомъ мнѣ присланнаго, я не могла добиться. Огорченной всѣмъ этимъ и многимъ, чего не могу изложить вашей святости, мнѣ жизнь въ тягость и, не зная, что мнѣ дѣлать, я обращаю мой взоръ къ вамъ, святѣйшій отецъ, не дайте мнѣ погибнуть!

Разумію я гибель не тѣлесную, а душевную, ибо мнѣ ежедневно переживающей смерть ради вашей славы и за неприкосновенность брачныхъ узъ — какъ сладка, какъ пріятна была бы смерть тѣлесная! мнѣ, несчастной, безутѣшной, всѣми покинутой — смерть, которая меня избавила бы отъ постоянно переживаемой смерти“.

Не смерти боится Ингеборга, а того, что ей страшнѣе. Она проситъ Иннокентія о томъ, что если бы она, подъ принужденіемъ и угрозами, въ женской слабости отреклась отъ брачнаго права, то это бы не послужило въ ущербъ ея браку и папа, каратель всякаго вынужденнаго признанія, не призналъ бы этого отреченія, а рукою сильной и далеко простирающейся спасъ бы ее“.

При полученіи этого письма папа былъ самъ въ отчаянномъ положеніи вслѣдствіе раздоровъ между римскими баронами и происшедшаго отъ этого народнаго возстанія, заставившаго папу бѣжать въ Палестрину, а потомъ въ Ферентино. Оттуда онъ писалъ королю Филиппу въ полномъ отчаяніи. „Мы почти недоумѣваемъ, что намъ дѣлать. Если мы сдѣлаемъ угодное людямъ, насъ постигнетъ гибель, такъ какъ разгнѣвимъ этимъ Господа; если же захотимъ быть угодны Богу, мы все-таки можетъ быть не избѣгнемъ гибели отъ рукъ людскихъ“.

Несмотря на такія личныя заботы Иннокентій не замедлилъ обратиться къ королю съ посланіемъ, въ которомъ доказывалъ ему, что онъ, папа, ложно называлъ бы себя „рабомъ рабовъ Божіихъ“, если бы пересталъ служить Христу, ради угоды людямъ. Онъ ставитъ королю на видъ, какой великій соблазнъ для всей церкви представляетъ его обращеніе съ королевой и какъ всё винять за это папу, находя, что только вслѣдствіе долготерпѣнія папы, король позволяетъ себѣ такъ жестоко обращаться съ нею. Передавъ затѣмъ королю въ рѣзкихъ выраженіяхъ содержаніе жалобъ Ингеборги, Иннокентій ему пишетъ: „Если ни страхъ Господа, ни уваженіе къ апостольской каедрѣ матери твоей церкви, ни благородство ея происхожденія, ни святость жизни самой королевы недостаточно тебя побуждаютъ содержать ее по царски, то долженъ былъ бы ты по крайней мѣрѣ для избѣжанія злыхъ рѣчей и сохраненія добраго имени, которое важнѣе большихъ сокровищъ—обставить ее царственно и достойно и окружить порядочными слугами, а не такими, которые какъ бы изъ ненависти къ ней усиливаютъ ея горе оскорбленіями, вмѣсто того, чтобы смягчать его утѣшеніями. Не говоря уже о томъ, насколько ты оскорбляешь Господнее величіе, нанося ущербъ доброму имени нашему, понося церковь и всего болѣе вреда самому себѣ—мы считаемъ особенно нужнымъ указать тебѣ на то, что если бы съ королевой случилось что нибудь роковое, то въ одинъ общій голосъ всё будутъ говорить, что ты коварно замышлялъ противъ ея жизни и тебѣ нельзя будетъ и думать о новомъ бракѣ. Итакъ, во избѣжаніе оскорбленій, поносящихъ меня и тебя, върнѣ меня изъ-за тебя, прошу твою королевскую свѣтлость и увѣщаю въ Господѣ, чтобы ты приказалъ окружить королеву царственной обстановкой, достойной ея и тебя, и этимъ заслужилъ милость Господню и благорасположеніе людей. Ибо, какъ скоро ты обратишься къ Господу и Онъ обратится къ тебѣ. Но если ты будешь продолжать Его оскорблять, ты самъ себя обидишь, и рука Его, которую ты до сихъ поръ чувствовалъ только въ благодѣяніяхъ, можетъ дать себя почувствовать и въ ударахъ (VI, 86).

Не ограничиваясь однимъ посланіемъ, Иннокентій отправилъ его чрезъ особаго легата, аббата Цистерціанскаго монастыря Казамари—(на границѣ Кампаніи), Жералда, отличнаго отъ того Іоанна де Казамари, который былъ пособникомъ Иннокентія при утвержденіи папскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Аббатъ Казамари посылался папою во Францію впрочемъ не ради одной Ингеборги. Какъ и прежде, такъ и на этотъ разъ ея дѣло тѣсно сплеталось съ политическими планами папы. Между

Филиппомъ и Иоанномъ Безземельнымъ шла война, мѣшавшая послѣднему помогать Оттону въ борьбѣ съ Гогенштауфеномъ. Аббату и было поручено примирить королей. Эта миссія потерпѣла полную неудачу. Военныя дѣйствія Филиппа Августа противъ Иоанна шли такъ успѣшно, что король и слышать не хотѣлъ о мирѣ, а королевскіе вассалы и французское духовенство были въ этомъ вопросѣ вполнѣ на сторонѣ своего короля.

Къ чести Иннокентія слѣдуетъ упомянуть, что, несмотря на неудачи, которыя терпѣла его дипломатія при дворѣ Филиппа Августа, онъ, папа, не переставалъ тревожить совѣсть короля и отстаивать интересы Ингеборги. Недаромъ онъ говоритъ въ новомъ своемъ посланіи къ королю отъ 9 декабря 1203 года, что „капля пробиваетъ камень не своей силою, а частымъ паденіемъ“ и не даромъ это посланіе озаглавлено издателями — *Miserabilis epistola super facto uxoris a rege derelicta* (VI, 182).

На самомъ дѣлѣ въ жалобныхъ выраженіяхъ описываетъ папа, какъ королева плачемъ сдобриваетъ питье свое и потокъ слезъ течетъ по ланитамъ ея; какъ, искавъ въ немъ утѣшителя въ своемъ горѣ, она не находила его и въ замкѣ королевскомъ содержится, какъ въ тюрьмѣ.

Братъевъ и сестеръ она покинула, чтобы сдѣлаться его женой, но вмѣсто супружеской ласки познала лишь горькую нужду ¹⁾. Напомнивъ королю евангельскія слова, кто братъевъ и сестеръ оставить ради меня, сторицею получить воздаяніе въ этомъ мѣрѣ, папа упрекаетъ короля въ томъ, что онъ совершенно иначе воздаетъ королевѣ и ту, которая все покинула для него, самъ покинулъ и такъ распорядился, что, потерявъ его, она все потеряла.

„Если ничто не можетъ вызвать твое состраданіе, то по крайней мѣрѣ прими во вниманіе, что она королевскаго рода, и если ты ее лишаешь твоей царской любви, то не лишай царскаго почета во всемъ остальномъ—помня Того, Кто не оставляетъ безъ вознагражденія никакое добро и безъ возмездія никакое зло“.

„Если это не производитъ на тебя впечатлѣнія, то пусть по крайней мѣрѣ наши повторныя просьбы тебя побудятъ предоставить королевѣ то, что ты предоставилъ бы всякой чужестранкѣ. Вѣдь, какъ гласитъ общая молва, она какъ одинокая птичка порхаетъ въ клѣткѣ, опостылѣла ей жизнь, она желаетъ смерти; она предпочла бы быть у Христа, чѣмъ въ замкѣ Этампъ, какъ въ

---

¹⁾ Папское письмо для выраженія этой мысли заимствуетъ обороты изъ Пѣсни Пѣсней: *Quid ergo, si frustraretur debito maritali, ne sit laeva tua sub capite ejus et dextera ipsam, ut speraverat, amplexetur etc.*

темницѣ, гдѣ не засыпають мучители ея и тѣ, кои приставлены служить ей, стрѣлами своего языка наносятъ ей раны, въ питье ея вливають укусы и вмѣсто хлѣба подаютъ камень. Ни вѣстникамъ ея брата, ни монахамъ, ни прелатамъ королевства нѣтъ къ ней доступа“.

Въ виду этого Иннокентій убѣждаетъ короля, чтобы онъ, помышляя о своей славѣ и спасеніи, сдѣлалъ усиліе надъ собой—и, такъ какъ мудрецъ сильнѣе сильнаго и побѣдитель самого себя славнѣе побѣдителя городовъ, — приказалъ оказывать королевѣ подобающій ей почетъ. Повинуясь этимъ совѣтамъ папы, король избѣгнетъ хулителей и избавитъ папу отъ хулы тѣхъ, кто жестокость короля ставитъ въ вину папѣ, утверждая, что долготерпѣніе папы со дня на день увеличиваетъ упорство короля (*impenitentiam*). Въ противномъ случаѣ, заключаетъ Иннокентій, мы не въ состояніи будемъ стерпѣть такое оскорбленіе апостольскаго стола, даже всей церкви и безъ лицепріятія исполнимъ нашъ долгъ, опираясь не на свѣтскую мощь, а на божественную силу, ибо, если Господь будетъ намъ въ помощь, намъ не будетъ страшень человѣкъ“.

Было бы весьма интересно знать, какое впечатлѣніе это письмо произвело на короля Филиппа? Вѣроятноѣ всего никакого! Онъ былъ недостаточно образованъ, чтобы оцѣнить его, какъ литературное произведеніе и слишкомъ мало доступенъ сердечнымъ чувствамъ. Передъ королевой онъ не считалъ себя виноватымъ, напротивъ, негодовалъ на нее и все винилъ ее за то, что она его держитъ такъ сказать въ плѣну, мѣшая ему заключить другой бракъ.

Прямого отвѣта его на письмо папы мы не имѣемъ; но мы знаемъ, что онъ съ свойственной ему безцеремонностью и съ усиленнымъ нажимомъ возобновилъ свои настоянія, чтобы Иннокентій такъ или иначе разрѣшилъ ему разводъ.

Не принимая вовсе во вниманіе положеніе Иннокентія, какъ главы церкви и блюстителя каноническихъ законовъ, король представлялъ себѣ дѣло о разводѣ весьма несложнымъ: допустить къ суду его лжесвидѣтелей, удостовѣрившихъ родство, а затѣмъ, устранивъ съ помощью какой-нибудь формальности свидѣтелей противной стороны, *суммарно* утвердить разводъ. Но на бѣду для короля вопросъ оказался болѣе сложнымъ. Каноническое право допускало разводъ только, пока бракъ не былъ завершень на самомъ дѣлѣ. Филиппъ сталъ теперь утверждать именно это. Но королева утверждала противное и судья не имѣлъ права не принять въ соображеніе ея показанія.

Въ перепискѣ между королемъ и папою вопросъ этотъ обсуждался съ весьма интимными подробностями, которыя мы опускаемъ.

Не видя выхода, совѣтники короля придумали прибѣгнуть къ средству, которое естественно напрашивалось въ суевѣрное время—впутать въ дѣло нечистую силу или колдовство.

Впервые объ этомъ новомъ планѣ, сколько намъ извѣстно, заходитъ рѣчь въ письмѣ папы къ архіепископу Реймскому—дядѣ короля. Въ письмѣ своемъ Иннокентій выражаетъ свою готовность содѣйствовать королю во всемъ, что совмѣстимо съ правосудіемъ, и далѣе объясняетъ, что если, поэтому, король захочетъ выставить свидѣтелей „по дѣлу о родствѣ, свойствѣ или колдовствѣ“, то папа ихъ допустить, лишь бы были допущены на судъ и свидѣтели, которыхъ бы королева захотѣла выставить въ свою пользу (V, 49). Дѣло въ томъ, что каноническое право признавало наличность колдовства въ томъ случаѣ, если супругъ, не страдающій безсиліемъ, оказывался безсильнымъ въ бракѣ, причемъ требовалось, однако, трехлѣтнее сожительство.

Изъ вышеприведеннаго текста можно заключить, что слова, приведенныя въ ковычкахъ, служили отвѣтомъ папы на запросъ, сдѣланный ему изъ Парижа.

По неизвѣстнымъ намъ причинамъ въ Парижѣ, однако, сначала не настаивали на этомъ аргументѣ. Но дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ въ 1205 году, какъ можно усмотрѣть изъ слѣдующаго письма папы къ Ингеборгѣ отъ 5 іюля 1205 г.

„Знаетъ Тотъ, пишетъ Иннокентій, Кому все вѣдомо, что въ дѣлѣ твоего брака я сдѣлалъ для тебя все, что только въ силахъ человѣка, но, по грѣхамъ моимъ, мало чего достигъ въ возбужденіи супружескаго расположенія къ тебѣ въ душѣ нашего любезнаго во Христѣ сына, короля Филиппа. Но внушить ему его можетъ только одинъ Богъ, въ рукѣ Котораго сердце короля. Самъ же король полагаетъ, и этого мнѣнія держатся многіе изъ окружающихъ его, что помѣхою этому служить непрерывающееся колдовство. Вслѣдствіе этого онъ не только по причинѣ родства, но и колдовства требуетъ развода съ тобою. Поэтому, хотя я не хочу тебя покинуть, но насколько могу съ Божіей помощью всегда готовъ тебя поддержать, однако, такъ какъ я не въ силахъ измѣнить Божью волю и не полезно ни тебѣ, ни самому королю дольше оставаться въ этомъ печальномъ положеніи — я отправляю къ тебѣ нашего капеллана, человѣка умнаго и надежнаго, чтобы онъ утѣшилъ тебя, какъ бы замѣняя меня лично своимъ посѣщеніемъ и тщательно развѣдалъ твое настроеніе; ты же съ до-

вѣріемъ открой ему свою волю, чтобы, узнавъ ее, я могъ лучше позаботиться о тебѣ“ (VIII. 113).

Мы не знаемъ, какъ отнеслась Ингеборга къ этой новой интригѣ, грозившей отнять у нея то, чѣмъ она всего болѣе дорожила, положеніе законной жены короля Франціи. Но, вѣроятно, не очень сочувственно, потому что съ того времени надолго—до весны 1210 года прерываются всякія обращенія къ ней со стороны Иннокентія.

Съ этого впрочемъ времени положеніе Ингеборги улучшилось, одновременно съ назначеніемъ комендантомъ Этампа Гильома Манерія. Объ этомъ можно судить потому, что королева имѣла возможность сдѣлать пожертвованіе сосѣдней церкви и до конца жизни сохранила добрыя отношенія къ Манерію. Она назначила его въ своемъ завѣщаніи однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ.

Въ 1207 году мы находимъ въ Римѣ парижскаго аббата св. Женевиѣвы. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, мы узнаемъ изъ письма папы къ королю Филиппу отъ 18 ноября (X, 176). Въ письмѣ идетъ рѣчь о желаніи короля сблизиться съ Ингеборгой. Папа одобряетъ это намѣреніе и совѣтуетъ ему, чтобы сломить чары колдовства, прибѣгнуть къ религіознымъ средствамъ, молитвѣ и милостынѣ, обѣщая, если все это окажется напраснымъ, приступить къ судебному разбирательству, безъ котораго король не можетъ быть освобожденъ отъ этихъ оковъ.

Но въ письмѣ папы къ королю шла рѣчь еще о другой болѣе темной сторонѣ этого дѣла. Изъ отвѣта папы видно, что король просилъ, если задуманное имъ сближеніе съ королевой не удастся, чтобы это не послужило ко вреду его дѣла о разводѣ (*nullum praesudicium generetur*). Въ этомъ отношеніи папа его успокаивалъ. Но кромѣ того Филиппъ Августъ поставилъ еще другое условіе, по поводу котораго Иннокентій отвѣчаетъ, что и въ этомъ отношеніи онъ, папа, готовъ ему помочь, на сколько это касается юридической стороны, что же касается фактической (*quoad factum*) то ты самъ можешь лучше всего себя гарантировать (*praesavere*).

Въ тѣсной связи съ этимъ письмомъ находится документъ, оказавшійся въ парижскомъ архивѣ и представляющій собою памятную замѣтку, набросанную аббатомъ послѣ аудіенціи у папы, или же составленную въ королевской канцеляріи, на основаніи показаній аббата. Документъ этотъ озаглавленъ: „Совѣтъ господина папы относительно способа (*forma*) развода: папа совѣтуетъ предъявить оба мотива (*causam*)—свойство и колдовство. Если бы по дѣлу о свойствѣ королева не захотѣла предъявить сви-

дѣтелей, господинъ папа ничего противъ этого имѣть не будетъ (domino Parae placebit); но если она пожелаетъ ихъ выставить, ей нельзя будетъ въ этомъ отказать. Но пусть этимъ не смущается король, ибо папа допроситъ такихъ свидѣтелей чрезъ своего прокурора и пусть король не настаиваетъ на оттяжкѣ“.

„Въ дѣлѣ о колдовствѣ папа оказываетъ королю ту уступку (sic parit), что если король дастъ клятву, что онъ пытался сблизиться съ королевой, но не смогъ, не имѣя никакой причины ее ненавидѣть, то заявленію короля придадутъ вѣру, если королева съ своей стороны не покажетъ подъ присягой противное. А чтобы она не присягнула, къ этому, какъ папа думаетъ, ее легко будетъ склонить. Поэтому, если король опасается, что приговоръ будетъ постановленъ не въ его пользу, онъ можетъ потребовать отсрочки его и тогда все останется въ томъ же положеніи. Въ одномъ только господинъ папа не можетъ удовлетворить короля— онъ не можетъ допустить, чтобы не была повторена попытка къ сближенію, ибо такого рода колдовство устраняется молитвою“.

Таковы акты процесса, который велъ въ Римѣ французскій король противъ своей плѣнной супруги. Съ тѣхъ поръ прошло семьсотъ лѣтъ, — но процессъ этотъ еще не конченъ. Онъ ведется на страницахъ исторіи и его засѣдателями являются историки, которые не только, какъ папы во время Иннокентія, творятъ судъ надъ царями, но и надъ самими папами. Чтобы этотъ судъ историковъ былъ безпристрастенъ и справедливъ, никто не можетъ утверждать уже потому, что ихъ приговоры такъ рѣдко согласны и между собою и даже съ истиной.

Въ данномъ случаѣ возьмемъ двухъ послѣднихъ историковъ Иннокентія.

Въ вышеприведенномъ документѣ Люшеръ видитъ настоящую „адвокатскую“ консультацию со стороны Иннокентія въ пользу короля и образчикъ того, какъ въ Римѣ умѣли вступаться за угнетенную невинность, не портя отношеній къ виновникамъ угнетенія ¹⁾.

Что въ Римѣ это умѣли—несомнѣнно, но чтобы Иннокентіи въ данномъ случаѣ мирволили королю въ ущербъ Ингеборгѣ и вопреки своему прежнему образу дѣйствія—весьма сомнительно. Однако, приговоръ надъ Иннокентіемъ другого эксперта еще строже, тѣмъ болѣе, что онъ разсматриваетъ вопросъ во всей его широтѣ въ связи со всей тогдашней обстановкой. Давидзонъ напоминаетъ читателямъ, что въ то время, когда аббатъ св. Женевьевы

¹⁾ Luchaire. Les Royautés Vassales, p. 251.

велъ въ Римѣ переговоры съ папой о предстоявшемъ судѣ, Иннокентій въ высшей степени нуждался въ помощи Филиппа Августа для уничтоженія альбигойской ереси, и этой заинтересованностью объясняетъ *необыкновенную* уступчивость папы королю въ дѣлѣ Ингеборги. Эту уступчивость названный историкъ усматриваетъ въ слѣдующемъ. По совѣту папы (X 176) король долженъ сдѣлать попытку сближенія съ Ингеборгой. Безуспѣшность этой попытки зависитъ отъ короля; о юридическихъ послѣдствіяхъ позаботится уже самъ папа. Каноническое право требовало въ этомъ случаѣ трехлѣтняго испытанія, но папа выражалъ теперь готовность (schien jetst bereit) обойтись безъ этого ¹⁾.

На основаніи такихъ соображеній Давидзонъ постановляетъ такой приговоръ: „Протекло почти уже десятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Иннокентій предпринялъ свои первые шаги въ дѣлѣ Ингеборги! Какъ низко сошелъ этотъ великій папа съ высоты, съ которой онъ обратился къ королю Филиппу свои первыя увѣщанія и угрозы, пускаясь въ такіе переговоры, на такія уступки! То было время, когда высокодумный Иннокентій переживалъ во всѣхъ областяхъ своей политики реакцію противъ прежнихъ успѣховъ—и въ эту пору неудачь и, вѣроятно, извѣстнаго утмленія (Entmutigung), онъ низошелъ (liess sich bereit finden) къ столь двусмысленнымъ совѣтамъ“ (р. 219).

Никогда еще такое тяжкое обвиненіе не было высказываемо на основаніи такихъ сомнительныхъ и мало вѣроятныхъ данныхъ. Иннокентій, конечно, свободно пользовался искусствомъ дипломатіи, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы разыграть еще разъ „фарсъ развода“, противъ котораго онъ самъ уже десять лѣтъ протестовалъ. Да притомъ еще фарсъ напрасный. Если бы королева на судѣ клятвенно показала, какъ и прежде, что она была женою короля, то всѣ ухищренія, которыя Давидзонъ подозрѣваетъ въ совѣтѣ, данномъ папою королю, не послужили бы ни къ чему. И почему же король не воспользовался совѣтомъ, который такъ легко было исполнить? Въмѣсто этого Филиппъ пытается уговорить Ингеборгу добровольно поступить въ монастырь и продолжаетъ настаивать передъ папой, чтобы ему дали разводъ „на какомъ бы то ни было основаніи“. Да съ своей стороны и папа не торопится дать королю возможность воспользоваться данной ему консультаціей.

¹⁾ Davidsohn, p. 217. Все это Давидзонъ выводитъ изъ словъ: in reliquo vero tu tibi melius quoad factum valeas praecavere. Si ergo permissum non fuerit, ut cum ipsa regina possis fieri una caro—cum requisiti fuerimus, ad iudicium procedamus.

Лишь полгода спустя послѣ нея папа отправляетъ въ Парижъ своего легата Гвалу и въ инструкціи поручаетъ ему разобрать дѣло „о колдовствѣ между королемъ и королевой Франціи безъ апелляціи,—„предварительно *обезпечивъ* королевѣ *полную свободу*“ и съ согласія сторонъ произнести приговоръ, или же перенести дѣло въ Римъ, назначивъ сторонамъ срокъ для явки“ (XI. 26).

Но всего болѣе опровергается обсуждаемая нами догадка, что будто бы подъ давленіемъ обстоятельствъ Иннокентій III согласился пожертвовать Ингеборгой и даже лично указалъ королю средство удобнѣе отдѣлаться отъ нея—всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ дѣла.

Пока Иннокентій надѣялся втянуть Филиппа Августа въ борьбу съ опасными еретиками, исходъ которой былъ для него много важнѣе исхода процесса о разводѣ, онъ, какъ дипломатъ, затягивалъ это дѣло, обѣщая королю свою юридическую помощь, но не принося въ жертву и Ингеборгу, и, отказываясь исполнить просьбу короля, разрѣшить разводъ безъ опроса королевы и ея свидѣтелей. Но, когда король, отвлеченный войною съ Іоанномъ, наотрѣзъ отказался вступить въ борьбу съ альбигойцами, Иннокентій и въ дѣлѣ о разводѣ занялъ выжидательное положеніе.

Наконецъ осенью 1208 года выведенный изъ терпѣнія Филиппъ Августъ черезъ своего повѣреннаго Гвидона снова обратился къ Иннокентію съ слезной просьбой предоставить кардиналу-легату Гвалѣ полномочіе безапелляціонно произвести разводъ на основаніи ли родства или колдовства, или по случаю вступленія королевы въ монастырь, или по какому-нибудь иному разумному мотиву, по которому допускается разводъ или допускался при предшественникахъ папы, и при возможно легкихъ для него, короля, и льготныхъ условіяхъ диспенса.

7 декабря того же года написанъ отвѣтъ Иннокентія, а два дня спустя былъ данъ другой, болѣе пространный и ясный. Нельзя не пожалѣть о его объемѣ, не позволяющемъ привести его цѣликомъ, а между тѣмъ это мастерское обличеніе мужа-тирана.

Повѣренный короля, сказано въ отвѣтѣ, просилъ разрѣшить королю Филиппу,—если Ингеборга публично заявитъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь и король принесетъ клятву, что бракъ съ нею имъ не совершенъ,—вступить въ другой бракъ согласно съ декреталіей папы Александра III. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ съ канонической стороны, Иннокентій возражаетъ королю, что онъ во всякомъ случаѣ пытался совершить бракъ. Нынѣ же держать королеву, хотя и содержать ее лучше, чѣмъ прежде, въ

тѣсномъ заключеніи, такъ что она не свободна, и склоняетъ ее всевозможными обѣщаніями, и даже угрозами, уйти въ монастырь и отрицать совершеніе брака, хотя онъ признавался въ этомъ легатамъ и три года тому назадъ увѣрялъ въ этомъ папу въ грамотѣ за своею печатью. Ссылка короля на прецедентъ развода императора Лотаря папою Николаемъ и другіе случаи—не къ мѣсту, „такъ какъ никто изъ тѣхъ не склонялъ жены итти въ монастырь, чтобы вступить въ другой бракъ, ты же обѣщаль Ингеборгѣ годовой доходъ въ 1000 фунтовъ. Никто изъ нихъ не держалъ своей жены въ тѣсномъ заключеніи—ты же держишь такъ свою жену уже 8 лѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ монастырскій обѣтъ былъ данъ сейчасъ послѣ свадьбы; въ данномъ же случаѣ 16 лѣтъ спустя. И если бы теперь королева заявила, что она брака не совершила, то ей нельзя запросто въ этомъ повѣрить, такъ какъ по декретамъ блаженнаго папы Григорія въ подобномъ случаѣ какъ мужъ и жена, такъ и родственники ихъ до седьмого колѣна должны это клятвенно подтвердить на св. мощахъ. Тѣмъ болѣе должна была бы принести такую клятву та, которой опостылѣла жизнь, которая охвачена страхомъ, смущена совѣтами, заманена обѣщаніями. Ты видишь, дорогой сынъ, что ты относительно этой королевы зашелъ дальше, чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ, кто покинулъ свою жену ради вступленія ея въ монастырь.

„Не думай, однако, продолжаетъ папа, что мы слишкомъ строги къ тебѣ, тогда какъ ты можешь изъ сравненія усмотрѣть насколько мы къ тебѣ снисходительны. Упомянутый нашъ предшественникъ, папа Николай называлъ Вальдраду *наложницей* Лотаря, мы же *введенную* тобою *сверхъ* брака (*superinducta*) никогда не называли твоей *наложницей*, а *благородной женщиной* ¹⁾. Папа Николай называлъ Лотаря царемъ съ оговоркой, если заслуживаетъ царскаго имени тотъ, кто не въ состояніи управлять страстями своего тѣла,—я же величалъ тебя не только королемъ, но католическимъ и христіаннѣйшимъ королемъ. Тотъ смѣстилъ двухъ архіепископовъ за несправедливое рѣшеніе въ бракоразводномъ процессѣ короля,—мы же не смѣстили ни одного

¹⁾ *Superinducta*. Это выраженіе близко подходит по формѣ къ *subintroducenda*—название въ первые вѣка христіанства вдовъ и дѣвушекъ (сестеръ), посвятившихъ себя изъ религіознаго рвенія служенію общинѣ, или епископа—по примѣру евангельской Мары; такія женщины пользовались сначала большимъ почетомъ; но съ конца III-го вѣка мѣстные соборы стали осуждать этотъ обычай, пока наконецъ Никейскій вселенскій соборъ 325 г. не запретилъ *введеніе* такихъ женщинъ въ дома духовныхъ лицъ. См. объ этомъ замѣчательное изслѣдованіе о гностикахъ въ книгѣ: *Въ поискахъ за Божествомъ* Юрія Николаева (псевдонимъ) 1913, стр. 117.

архіепископа и не удалили твоего дядю, архіепископа Реймскаго, провозгласившаго „фарсъ“ развода. Тотъ поразилъ короля и наложницу Вальдраду остріемъ отлученія,—мы же, хотя и наложили интердиктъ, но не на все царство и не отлучили ни тебя, ни взятую тобою въ жены и не лишили васъ св. тайнъ. И хотя мы весьма часто увѣщевали тебя, чтобы ты предоставилъ королевѣ свободу и царскій санъ, мы не принуждали тебя къ этому церковными карами. Думаешь ли ты, великій государь, что если тотъ нашъ предшественникъ превосходилъ насъ заслугами и ученостью, мы уступаемъ ему въ санъ и могущество, такъ что мы не можемъ сдѣлать съ тобою того, что тотъ сдѣлалъ съ королемъ Лотаремъ, воспламенившись справедливымъ гнѣвомъ и что окажется менѣе справедлива та кара, съ которою мы можетъ быть болѣе, чѣмъ справедливо замедлили?“ (XI, 181).

Тѣмъ не менѣе Иннокентій поручаетъ „изъ любви къ королю“, кардиналу Гвалтъ исполнить желаніе короля и разсмотрѣть бракоразводный процессъ, „несмотря на подозрительность *разнообразныхъ* мотивовъ его“. Если стороны согласны на то, пусть кардиналъ самъ поставитъ рѣшеніе, въ противномъ случаѣ пусть перенесетъ его къ папѣ и назначитъ сторонамъ срокъ для прибытія въ Римъ, но во всякомъ случаѣ королевѣ должна быть предоставлена полная свобода и возможность вызывать свидѣтелей. Ссылаясь при этомъ на текстъ постановленія папы Николая, Иннокентій прибавляетъ: „Видишь ли ты, дорогой сынъ, что мы не измыслили ничего новаго, но приводимъ подлинныя постановленія каноническаго права, какъ ученые мужи тебѣ могутъ подробнѣе объяснить“.

Въ виду этого Иннокентій увѣщаетъ короля, чтобы онъ отвернулъ свой взоръ отъ тѣхъ, которые его вводятъ въ грѣхъ (*qui carpit tuum oleo peccatoris impingunt*), не позволялъ обижать королеву или принуждать ее къ чему-либо противъ ея воли, но предоставилъ ей должную свободу и царскій почетъ „для того, чтобы, поступивъ вопреки этому, чего мы не допускаемъ, ты не навлекъ на себя божественное и апостолическое негодованіе и не потерпѣлъ за великую обиду великую кару“ (XI, 183).

Можно себѣ представить, какъ велико было негодованіе Филиппа Августа. Мы не знаемъ, почувствовалъ ли онъ глубокую, язвительную пронію этой реплики, которою папа, можно сказать, ему отомстилъ за все высокомеріе, обнаруженное имъ по отношенію къ папѣ, и черствую жестокость по отношенію къ Ингеборгѣ. Во всякомъ случаѣ онъ хорошо понималъ, что Иннокентій наотрѣзъ отказался служить дальше орудіемъ короля, или предоста-

вить ему для этого своего легата. По возвращеніи Гвидона изъ Рима съ посланіемъ папы, Филиппъ Августъ написалъ кардиналу: „Папа вносить въ наше дѣло столько замедленій, что, какъ намъ кажется, онъ не желаетъ насъ освободить такъ, какъ намъ было бы полезно. Поэтому мы поручаемъ вамъ, чтобы вы ради этого дѣла, если у васъ тутъ нѣтъ другого, не оставались дольше въ нашихъ мѣстахъ“.

Анализируя это письмо Иннокентія, Давидзонъ самъ признаетъ, что вслѣдствіе него Филиппъ „оказался удаленнѣе отъ своей цѣли, чѣмъ когда-либо“, но онъ объясняетъ перемѣну въ настроеніи папы относительно дѣла Ингеборги измѣнившимися *конъюнктурами* (стр. 237)—а именно тѣмъ, что смерть Филиппа Гогенштауфена, случившаяся лѣтомъ того же 1208 года, избавила папу отъ опаснаго для него соперника и открыла доступъ къ престолу Оттону Брауншвейгскому, состоявшему тогда еще кліентомъ папы—что дѣлало союзъ съ Филиппомъ Августомъ для Иннокентія совершенно не нужнымъ.

Эту гипотезу о „конъюнктурахъ“ самъ Иннокентій опровергъ своимъ заявленіемъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія. Филиппъ продолжалъ преслѣдовать мысль о вступленіи въ новый бракъ. Въ ноябрѣ 1210 г. онъ заключилъ съ ландграфомъ Гессенскимъ договоръ о женитбѣ на его дочери при условіи, если она ему не будетъ противна и если отецъ выхлопочетъ ему разводъ у папы; въ противномъ случаѣ обязывался уплатить отступную, которой потребуетъ ландграфъ.

Договоръ этотъ не имѣлъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, послѣдствій и тогда Филиппъ возвратился къ прежней попыткѣ побудить, скорѣе понудить Ингеборгу сдѣлать заявленіе, что она никогда не была ему женою. Въ этой попыткѣ его пособниками были два духовныхъ лица—находившійся тогда въ Парижѣ кардиналъ Курсонъ, товарищъ Иннокентія по Сорбоннѣ и, что еще удивительнѣе,—аббатъ монастыря съ строжайшимъ уставомъ—Ла Тарре. Ингеборга подъ допросомъ этихъ искусныхъ слѣдователей на самомъ дѣлѣ сдѣлала заявленіе, которое адвокаты короля признали отреченіемъ отъ ея прежняго утверждения, что она сдѣлалась супругою короля. Подробностей дѣла мы здѣсь не можемъ коснуться. Съ достигнутымъ результатомъ король поспѣшилъ отправить въ Римъ самого аббата изъ Ла-Траппа, но добился только характернаго для Иннокентія отвѣтнаго письма отъ 11 іюня 1212 года (XV, 106).

Иннокентій ему пишетъ, что по выслушаніи доклада аббата и по обсужденіи дѣла съ кардиналами, онъ не нашелъ никакой

возможности исполнить то, чего требовали посланцы короля его именем—при чемъ папа увѣрялъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ, если бы это было *по божески*, озаботился объ освобожденіи его отъ тѣхъ узъ, отъ которыхъ онъ такъ страстно желаетъ освободиться, но онъ не рѣшается постановить, что-либо на томъ основаніи, на которое ссылаются аббать и кардиналъ Курсонъ. Ибо, если-бы онъ попытался сдѣлать что-либо въ этомъ дѣлѣ безъ обсужденія его на вселенскомъ соборѣ, то не только бы оскорбилъ Господа и опозорился предъ міромъ, но даже можетъ быть подвергнулъ опасности свой санъ и званіе. Поэтому онъ умоляетъ короля отвернуться отъ лживыхъ выдумокъ тѣхъ, кто, желая угодить ему въ человѣческомъ дѣлѣ, побуждаютъ его навлечь на себя гнѣвъ Божій. Послѣ разныхъ другихъ наставленій папа совѣтуетъ королю въ особенности принять къ сердцу интересъ королевы, которая ради сохраненія божественно установленнаго закона о бракѣ измучена долгимъ мучительствомъ. Насъ же, заключаетъ папа, ты этимъ дѣломъ дольше не мучь (*non molestes*), для того чтобы не казалось, что ты, пользуясь постоянными невзгодами, насъ преслѣдующими, хочешь исторгнуть отъ насъ что-нибудь въ этомъ дѣлѣ. Ибо, какъ мы не желаемъ отказать тебѣ въ томъ, что было бы справедливо уступить, такъ мы и не хотимъ уступить въ томъ, въ чемъ справедливо (*merito*) отказать—въ особенности въ данное время, чтобы не казалось, что мы *изъ-за грозящихъ невзгодъ* (*persecutionis instantiam*) *отступаемъ отъ стези истины* (*declinare videamur a tramite veritatis*)“.

Въ тотъ же день Иннокентій писалъ въ томъ же смыслѣ монаху Гварину, дисправлявшему при дворѣ короля Филиппа должность канцлера ¹⁾, совѣтуя ему убѣдить короля не слушать льстецовъ, враждебныхъ истинѣ и справедливости, и отвернуться отъ безумныхъ бредней (*falsis insaniis*). Таково было послѣднее слово папы Иннокентія по дѣлу Ингеборги. Нужно помнить, что въ этомъ дѣлѣ онъ защищалъ не только честь и положеніе оскорбленной и замученной жены, но и правильное пониманіе таинства, отъ котораго зависѣла крѣпость христіанской семьи.

Такова была послѣдняя попытка короля добиться у папы раз-

¹⁾ При сынѣ и преемникѣ Филиппа Августа Гваринъ былъ канцлеромъ. Въ этомъ письмѣ (XV, 107) изложена и та кляуза, съ помощью которой „льстецы, враждебные истинѣ и справедливости“, надѣялись достигнуть развода. Эти враги истины и справедливости ввели короля въ заблужденіе, заставивъ его повѣрить, *quod reginam uxorem suam carnaliter non cognovit pro eo forte quod etsi commixtio sensuum in eorum commercio intercesserit, commixtio tamen seminum in vase muliebri non exstitit subsequata.*

вода—последнее оскорбление, нанесенное Ингеборгѣ въ ея мучительной супружеской жизни.

* * *

Немного мѣсяцевъ спустя Ингеборга была неожиданно освобождена изъ заключенія и восстановлена въ санѣ королевы Франціи. На съѣздѣ вассаловъ въ томъ же Суассонѣ, гдѣ происходило разбирательство столь оскорбительное для Ингеборги, Филиппъ Августъ заявилъ, что онъ намѣренъ признать ее королевой. Современники были поражены и обрадованы этимъ заявленіемъ, находя, что заключеніе Ингеборги единственное пятно на славномъ царствованіи короля. Наиболѣе правдоподобное объясненіе неожиданнаго поступка Филиппа Августа приходится искать въ той же политикѣ короля, которая побудила его искать руки Ингеборги—въ желаніи завладѣть Англіей. Сватаясь за нее, онъ требовалъ отъ датскаго короля, чтобы въ приданое за внучку Канута Великаго ему были уступлены „древнія права датчанъ на Англію“. Теперь онъ носился съ той же мыслью „утвердить за собою эти права. До сихъ поръ папа препятствовалъ осуществленію этихъ правъ, постоянно настаивая на мирѣ между королями Франціи и Англіи, который ему былъ нуженъ для всѣхъ его великихъ плановъ крестоваго похода, уничтоженія Альбигойцевъ, устраненія Гогенштауфеновъ отъ германскаго престола. Теперь виды Иннокентія измѣнились: вслѣдствіе своей глубокой распри съ Іоанномъ Безземельнымъ изъ-за назначенія Стефана Лангтона архіепископомъ Кантерберійскимъ, папа отлучилъ короля и призналъ его недостойнымъ престола, Филиппа Августа же призвалъ исполнителемъ этого приговора—и на томъ же съѣздѣ вассаловъ, которыхъ король призывалъ слѣдовать за нимъ для новаго завоеванія Англіи—онъ и объявилъ имъ о признаніи Ингеборги королевой.

Правдоподобнымъ слѣдуетъ признать и предположеніе историка Давидзона, что на короля могло повліять также извѣстіе, что въ курии уже готовится примиреніе между отлученнымъ королемъ и папой и 27 февр. 1213 г. въ Римѣ установлены условія такого примиренія. Въ случаѣ принятія Іоанномъ этихъ условій исчезло бы главное основаніе для завоеванія Англіи, и потому Филиппъ Августъ успѣшилъ замѣнить порученіе папы притязаніями, которыя онъ могъ выставить, какъ супругъ правнучки короля, нѣкогда завоевавшаго Англію.

Завоеваніе Англіи не состоялось, но Ингеборга дожила свой вѣкъ королевой. О ея жизни „на волѣ“ сохранилось, конечно, мало свѣдѣній. По нимъ не видно, чтобы она и король

проживали въ одномъ и томъ же городѣ или замкѣ, но заключенные между ними денежные акты свидѣтельствуютъ о состоявшихся между ними соглашеніяхъ. Такъ, король обязался въ 1218 году въ случаѣ смерти Ингеборги внести на упокой ея души 10000 парижскихъ ливровъ, взаменъ чего она отказывалась отъ всѣхъ притязаній на свое приданое, составлявшее гораздо большую сумму. Ингеборга однако пережила своего мучителя, умершаго въ 1223 году. Положеніе ея отъ этого значительно улучшилось, такъ какъ со смертью короля вступило въ силу обязательство, выданное имъ при заключеніи брака относительно обезпеченія за ней ея вдовьей доли. Сюда входили между прочимъ владѣніе городомъ Орлеаномъ, другими городами и замками и оброкъ съ евреевъ въ трехъ французскихъ городахъ. Ингеборга проводила свою жизнь въ дѣлахъ благочестія и благотворительности—между прочимъ внесла два раза значительную сумму на выкупъ изъ плѣна своего брата, датскаго короля Вальдемара, плѣннаго въ сраженіи графомъ Шверинскимъ. Ея пожертвованія и распоряженія представляютъ длинный списокъ: мы упомянемъ изъ нихъ наиболѣе трогательное. По ея ходатайству капитулъ цистерціанскихъ монастырей, постановившій помянуть память короля въ день его смерти, рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ помянуть и ее.

Въ числѣ душеприказчиковъ ея завѣщанія мы встрѣчаемъ и коменданта замка Этампа, когда-то ея тюремщика, и епископа Санли, т.-е. бывшаго монаха Гварина—у нея очевидно было благодарное сердце. Какъ день, такъ и самый годъ смерти Ингеборги недостоверны—29 или 30 іюля, 1237 или 1238 года. Она была похоронена въ церкви Госпитальныхъ монаховъ въ Корбелѣ. Французская революція развѣяла ея прахъ, уничтожила мѣдную надгробную доску съ ея изображеніемъ въ королевской мантии и съ короной на головѣ—а мѣдная позолоченная корона и веретено, находившіяся въ ея гробу и перенесенныя въ арсеналь, тамъ исчезли. Въ настоящее время отъ Ингеборги сохранился лишь ея псалтырь съ молитвенникомъ, написанный прекрасно, въ которомъ Ингеборга отмѣтила дни смерти своихъ родителей, и графини Елеоноры Вермандуа, оказывавшей ей вниманіе въ ея тяжелые дни—и славнѣйшій день въ жизни ея супруга, которому она не была женою, 27 іюля 1214 г., день побѣды при Бувинѣ.

Прахъ Ингеборги развѣянъ, но память о ней въ исторіи сохранилась. Ея судьба яркое проявленіе силы духа въ лицѣ Иннокентія въ борьбѣ противъ беззаконія и произвола—съ другой стороны въ лицѣ Ингеборги—за святость брака и честь оскорбленной жены.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ для установленія правильной оцѣнки роли Иннокентія въ дѣлѣ Ингеборги и очищенія его отъ подозрѣнія, что онъ пользовался этимъ дѣломъ лишь какъ политическимъ средствомъ, указать на то, что это было не единственное заступничество Иннокентія за обиженную женщину. Не разъ, и по долгу, ему приходилось вступаться за вдовъ, обижаемыхъ родственниками, какъ, напр., за королеву Алиеноръ Плантагенетъ, за Беренгарію, вдову Ричарда, за вдову короля Аймериха. Но въ лучшемъ еще свѣтѣ является Иннокентій, когда принимаетъ къ сердцу и судьбу малоизвѣстной „бѣдной вдовы“, Гвибурги, которая вела тяжбу изъ-за своего приданого съ могущественной игуменьей монастыря на Монмартрѣ въ Парижѣ. Такъ какъ это была женщина „простая и въ правѣ несвѣдущая“, то Иннокентій поручилъ епископу Ноюнскому заняться ея дѣломъ, а когда аббатисса начала противъ нея новый искъ, обвиняя епископа въ ложныхъ донесеніяхъ и этимъ усложнила ея хлопоты (*labor ejus multiplicetur*), то Иннокентій приказалъ епископу, „устремивъ взоръ на одного Господа“, справедливо рѣшить дѣло и вопреки всякимъ апелляціямъ привести приговоръ въ исполненіе (X, 34).

Въ Иннокентія III, благодаря ли его происхожденію или духу времени, которое создало воинствующее монашество и монашеское воинство—было много рыцарскаго, и эта черта была не послѣднимъ украшеніемъ его личности.

ГЛАВА XI.

ЛИЧНОСТЬ ИННОКЕНТІЯ III.

На предшествовавшихъ страницахъ мы прослѣдили неутомимую, сложную и разнообразную дѣятельность Иннокентія. Объединявшее звено этой кипучей дѣятельности, ключъ къ переплетающимся направленьямъ этой, охватывавшей тогдашній міръ, политики нужно искать въ личности самого папы.

Но личность столь крупнаго историческаго дѣятеля не представляетъ собою простой, неразлагающійся элементъ, одинаково доступный всѣмъ наблюдателямъ.

Въ составъ личности входятъ прирожденныя и унаслѣдованныя свойства, характеръ, воспитаніе, вліяніе общества, духъ времени и господствующее міровоззрѣніе. Вслѣдствіе этого и впечатлѣнія, которыя производятъ историческія личности на наблюдателя, крайне разнообразны. Въ главѣ о дѣлѣ Ингеборги мы имѣли случай указать на толкованіе, которое придаютъ историки Люшеръ и Давидзонъ одному письму Иннокентія, весьма существенному для нравственной оцѣнки этого папы, толкованіе, которое мы должны были отвергнуть. Еще чаще намъ приходится не соглашаться съ еще болѣе крупнымъ авторитетомъ по исторіи Иннокентія III, сужденія котораго объ этомъ папѣ мы не можемъ обойти молчаніемъ. Мы уже ссылались на этого историка въ главѣ о борьбѣ священства съ царствомъ—на Алберта Гаука, автора исторіи церкви въ Германіи, поражающаго своею колоссальною ученостію и документальностію своего труда. Гаукъ высоко ставитъ значеніе личности Иннокентія: онъ отмѣчаетъ обширное знакомство его съ св. Писаніемъ и выдающееся схоластическое образованіе его, въ которомъ онъ не уступалъ любому парижскому магистру. Еще выше, однако, цѣнитъ Гаукъ славу Иннокентія какъ юриста.

Его безчисленныя рѣшенія, говоритъ Гаукъ, по юридическимъ вопросамъ отличаются тщательнымъ установленіемъ фактической стороны дѣла и „ясной, точной (saubere) въ своемъ родѣ классической формой мотивировки рѣшенія“.

Но, продолжаетъ Гаукъ, „не ученость, не потребность порядка и правильное пониманіе взаимности самыхъ разнообразныхъ отношеній, а умѣніе заставитьъ все и всѣхъ служить данной цѣли, вотъ въ чемъ заключаются свойства, необходимыя правителю“ (dem Herrscher). И вотъ этимъ-то даромъ Иннокентій обладалъ въ высшей степени.

Подтвердивъ это различными данными, Гаукъ продолжаетъ: „Личное и реальное, мѣстное и универсальное, ничто не укрывалось отъ его вниманія. Все онъ умѣлъ подчинять своему влиянію. Но при этой разбивавшейся на тысячи мелочей дѣятельности Иннокентій никогда не упускалъ изъ вида цѣль: — проведеніе папскаго владычества надъ церковью и міромъ“.

Гаукъ оговаривается, что не Иннокентій намѣтилъ для папства эту цѣль: куріалистическая теорія развила еще до него. Но все же она имѣетъ у него другой оттънокъ. При Николаѣ I требованіе супремата для папства вытекало изъ необходимости охранять нравственные и религіозные интересы; исходной точкою для Григорія VIII была обязанность провести церковную реформу. Иннокентію служить само по себѣ цѣлью міровое владычество папы. Папа теперь не столько священникъ, а правитель міра (Weltherr). Поэтому для Иннокентія сущность папской власти заключается въ сочетаніи священства и царства. Его идеаломъ было непосредственное владычество папы въ мірѣ“.

„Эта теорія имѣла революціонный характеръ“. Гаукъ усматриваетъ это въ утвержденіи, что папѣ присуща власть отбвнать обязательность всякой клятвы, и даже признавать прямо необязательной всякую клятву, противорѣчащую папскимъ велѣніямъ.

Въ проповѣди, сказанной Иннокентіемъ въ день его посвященія, онъ заявилъ, что занимаетъ середину между божествомъ и человѣкомъ, что онъ ниже божества, но сверхъ-человѣкъ. На этой головокружительной высотѣ Иннокентій примѣнялъ къ себѣ слова св. Писанія о Христѣ, отождествлялъ свои дѣйствія съ божественными, считалъ грѣховнымъ даже всякое сомнѣніе въ чистотѣ его помысловъ. Не страшному судѣ, а ему папѣ, всякій долженъ будетъ дать отчетъ въ день послѣдняго суда“.

Сопоставляя трактатъ кардинала Лотаря „о презрѣніи къ міру“ съ дѣятельностью Иннокентія въ мірѣ, можно было бы заподозрѣть трагическій конфликтъ въ душѣ папы. Но этого ничуть не бывало. Иннокентій былъ человѣкъ большихъ дарованій и непреклонной воли, но и сильнаго эгоизма (Ichheit). Онъ былъ склоненъ къ вспышкамъ гнѣва (jähzornig). Если онъ считалъ себя стясшимъ выше радостей сего міра, то онъ ошибался; людскую славу

онъ едва ли цѣнилъ ниже заслуги передъ Богомъ. И если онъ увѣрялъ, что непреклонно намѣренъ не отступать отъ стези правды, то онъ и въ этомъ ошибался, ибо онъ постоянно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ симпатіи или непріязни.

Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ положеній авторъ приводитъ многочисленные тексты и еще болѣе обильныя ссылки на посланія Иннокентія. Но при провѣркѣ этихъ ссылокъ оказывается, что онѣ далеко на всегда соотвѣтствуютъ цѣли автора и вмѣсто подтвержденія лишь приводятъ къ сомнѣнію въ правильности его вывода.

Это обстоятельство имѣетъ такое значеніе для характеристики личности Иннокентія, что мы считаемъ себя обязанными привести нѣсколько примѣровъ.

Такъ утверждая, что Иннокентій признавалъ свои рѣшенія божественными велѣніями, Гаукъ ссылается на одно выраженіе въ письмѣ папы къ архіепископу Салернскому, къ которому врачъ Яковъ, избранный въ епископы, обратился за утвержденіемъ. Избраніе это совершилось по желанію Сицилійскаго короля и архіепископъ обратился по этому дѣлу съ запросомъ къ папѣ. Упомянувъ объ этомъ, Иннокентій называетъ свой отвѣтъ *responsionis oraculum* (XIV, 441). Но таково былъ въ то время обычное обозначеніе папскихъ отвѣтовъ на обращенные къ нему запросы.

Притязаніе папы, что на Страшномъ Судѣ судьей будетъ не Христосъ, а папа—подтверждается у Гаука ссылкой на посланіе, въ которомъ идетъ рѣчь о правѣ папы, перемѣщать епископовъ, и говорится, что папа обязанъ давать отчетъ тому, кто основалъ церковь на скалѣ—„ибо иного судью мы не признаемъ надъ собою“ (I, 490)»

Заявленіе, что Иннокентій считалъ грѣхомъ всякое сомнѣніе относительно его намѣреній, опирается на посланіе къ руководителямъ союза Тосканскихъ городовъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ хочетъ завладѣть крѣпостью Ассизи для того, чтобы возвратить ее герцогу Сполетскому Конраду, ставленнику Гогенштауфеновъ, т. е. обвиняли Иннокентія во лжи и предательствѣ¹⁾.

Обвиняя Иннокентія въ постоянномъ лицепріятіи, Гаукъ указываетъ на его симпатіи къ Франціи и нерасположеніе къ нѣмцамъ и ссылается на его распоряженіе объ удаленіи нѣмецкихъ монаховъ изъ одного Сицилійскаго монастыря. Но дѣло въ томъ, что это распоряженіе было вызвано ходатайствомъ одного мѣстнаго

---

¹⁾ Vos non solum mentire, sed etiam dicere praesumitis, quod nos in fraude et dolo procedentes... (I, 88).

графа, который жаловался, что монастырь, основанный его отцомъ для цистерціанскихъ монаховъ, былъ переданъ во время завоеванія Сициліи Генрихомъ Гогенштауфеномъ монахамъ изъ Германіи—и просилъ папу снова водворить въ немъ цистерціанцевъ.

Гаукъ упрекаетъ Иннокентія въ томъ, что онъ терпѣлъ недостойныхъ людей на церковныхъ должностяхъ „ибо ихъ негодность онъ считалъ полезнымъ для себя орудіемъ (denn ihre Verworfenheit sollte sie knechten). Это подтверждается ссылкой на два посланія, касающіяся епископа Мелфи въ южной Италіи, не подающія повода къ такому выводу, такъ какъ въ нихъ Иннокентій предписываетъ какъ разъ смѣстить епископа и произвести новые выборы (XV, 115, 235).

Правда, мотивомъ послужило для Иннокентія то, что этотъ епископъ преданъ императору Оттону, послѣ его разрыва съ Иннокентіемъ, но во всякомъ случаѣ въ этомъ нельзя видѣть подтвержденіе мысли, высказанной Гаукомъ.

Всѣ эти присущіе по мнѣнію Гаука, Иннокентію недостатки можно болѣе или менѣе вывести изъ приписываемаго ему историкомъ *высокомѣрія*. По этому поводу мы должны замѣтить, что всѣ проявленія высокомѣрія у Иннокентія относились къ сану имъ занимаемому, а отнюдь не къ его личности, что имѣетъ существенное значеніе для оцѣнки именно его *личности*.

Кромѣ высокомѣрія Гаукъ открылъ въ Иннокентіи еще другой органической порокъ, вѣрнѣе источникъ пороковъ — „лицемѣріе и обманъ ему не были противны, когда могли быть ему полезны“.

Поэтому „онъ не гнушался дурными наклонностями людей, если могъ извлекать изъ нихъ для себя пользу“. Поэтому онъ въ политикѣ признавалъ лишь одинъ законъ—цѣлесообразность, и, руководясь цѣлесообразностью, онъ дѣйствовалъ съ глубокимъ пониманіемъ людей и невысокимъ о нихъ мнѣніемъ. Долгъ правдивости былъ ему неизвѣстенъ въ политикѣ; своимъ противникамъ онъ приписывалъ намѣренія, которыхъ у нихъ вовсе не было и самъ давалъ увѣренія, завѣдомо неисполнимыя: онъ извращалъ факты, когда это ему было нужно и не отступалъ даже передъ открытой ложью. Въ словахъ самого Иннокентія, приводимыхъ его куріальнымъ біографомъ—„кто дотронется до дегтя—запачкается имъ“, Гаукъ видитъ доказательство его моральнаго скептицизма и самооправданіе.

Какъ прежде высказанныя, такъ и эти обвиненія обставлены у Гаука текстами и ссылками, какъ и прежнія, не свободными отъ натяжекъ и недоразумѣній. На основаніи данныхъ, приводимыхъ Гаукомъ, пришлось бы всю современную дипломатію и

въ особенности печатъ обвиняетъ въ „лицемѣрїи и обманѣ“. Примѣръ натяжки мы усматриваемъ напр. въ сопоставленїи письма Иннокентїя къ Оттону, гдѣ папа его увѣряетъ, что король согласится его призвать императоромъ, съ письмомъ Филиппа Августа, въ которомъ тотъ выражаетъ рѣшительную враждебность Оттону. Но дѣло въ томъ, что помѣщенные въ сборникъ Reg. de Neg. Rom. Imp. документы не снабжены датами и мы не имѣемъ основанїя считать упомянутыя выше письма одновременными.

Въ пользу утвержденїя Гаука, что почти никто изъ современниковъ Иннокентїя не относился къ нему съ довѣріемъ, приводится посланіе папы къ аббатамъ цистерціанскихъ монастырей, въ которомъ папа ихъ проситъ молиться за него, дабы онъ шелъ стезею правды, и пользовался благами міра сего, такъ, чтобы не только не утратить, а преуспѣть въ благахъ вѣчныхъ (I, 176). Наконецъ утвержденїе, что самые земляки Иннокентїя ему не довѣряли и упрекали его въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ лжи и обману — основывается на упомянутомъ уже, бессмысленномъ обвиненїи Тосканской Фигюя городовъ, что Иннокентїй играетъ въ руку ставленникамъ и вассаламъ Гогенштауфеновъ (I, 88).

Наконецъ Гаукъ ставитъ въ вину Иннокентію *непотизмъ*. Этотъ терминъ переноситъ насъ къ эпохѣ папъ изъ дома Борджиа и Медичи, которые выкраивали изъ папскихъ владѣній своимъ родичамъ самостоятельныя княжества. Во время Иннокентїя папы, принадлежавшіе къ какой-нибудь изъ господствовавшихъ въ Римѣ династій, были втягиваемы въ междоусобіе аристократїи и не могли не прибѣгать къ помощи своихъ родичей. Но мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы Иннокентїй приносилъ своимъ племянникамъ съ жертву интересы церковной области. Правильнѣе судить объ этомъ вопросѣ Ранке, великій знатокъ среднихъ вѣковъ, сказавшій объ Иннокентїи: „Онъ былъ безупреченъ въ своей частной жизни; онъ ничего не извлекалъ для себя изъ достоянїя церкви, даже расходы на свои путешествїя оплачивались его личными средствами“¹⁾.

И не только въ данномъ случаѣ, но и вообще мы предпочитаемъ придирчивой критикѣ Гаука менѣе пристрастную и болѣе объективную оцѣнку Иннокентїя у Ранке, который говоритъ о немъ: Помимо нѣкоторыхъ діалектическихъ ухищренїй, къ которымъ побуждалъ Иннокентїя его іерархо-политическій интересъ въ немъ нельзя найти чего-либо *мелочного* (kann man Nichts eigentlich Kleines an ihm entdecken²⁾).

1) Er wollte nichts von der Kirche. Ranke. Weltgeschichte, VIII, 275.

2) Ranke. Ibid., p. 355.

* * *

Но, помимо указанных преувеличений и недоказанных упреков, изображение личности Иннокентія у Гаука представляет тотъ недостатокъ, что оно начертано изъ слишкомъ узкаго угла зрѣнія.

Вѣдь на самомъ дѣлѣ глава объ Иннокентіи у Гаука есть лишь отрывокъ изъ его церковной исторіи Германіи, которую этотъ папа пытался поработить не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи и могущество которой онъ поддѣкъ болѣе чѣмъ кто-либо. И хотя Гаукъ правильно оговаривается, что не Иннокентій измыслилъ то міровоззрѣніе и ту политическую систему, которую этотъ папа старался вводить въ жизнь; упомянутый историкъ все-таки какъ будто на него возлагаетъ главную отвѣтственность за „превращеніе нравственнаго и религіознаго авторитета папства въ политическую мощь¹⁾“. Не слѣдуетъ однако забывать, что этотъ результатъ, который ставится здѣсь въ вину Иннокентію, былъ дѣломъ вѣкового историческаго процесса, что въ основаніи его лежала великая нравственно-религіозная идея Божьяго царства. Если даже во время Августина были люди, утверждавшіе, что церковь „уже и теперь“ (jam nunc) есть царство небесное, то въ дни Иннокентія то, что для Августина было нравственно-религіознымъ постулатомъ, стало политической программой. Въ эти дни никто не сомнѣвался, что церковь на самомъ дѣлѣ есть царство Божіе и что глава церкви, какъ намѣстникъ Того, Кто создалъ церковь, долженъ быть судьей надъ царями и народами. То, что мы считаемъ результатомъ наблюдаемой нами исторической эволюціи, было для Иннокентія, воспитаннаго въ этихъ идеяхъ — выраженіемъ божественнаго порядка, предустановленнаго для спасенія рода человѣческаго. Римская церковь предназначена обнять всѣ народы земнаго шара и привести ихъ всѣхъ къ единой вѣрѣ и одинаковому богослуженію. Для Иннокентія церковь была поэтому *царствомъ*, не знающимъ границъ, не признающимъ различій между народами и особыхъ правъ ихъ государей²⁾. Въ церкви не было спасенія, поэтому для главы римской церкви не было болѣе священной обязанности какъ присоединеніе отдалившихся отъ нея членовъ и борьба съ ея врагами. Изъ такого предназначенія церкви и папства есте-

---

1) Die moralische und religiöse Autorität des Papstums in politische Macht umzusetzen, p. 744.

2) Hurter. Innocenz III, B. II p. 700.

ственно вытекала необходимость подчинения ей свѣтской власти. Уже Августинъ, выводя происхожденіе государства и свѣтской власти изъ насилія и грѣха, ставилъ ихъ неизмѣримо ниже церкви и духовной власти, но все же въ эпоху, когда церковь нуждалась въ помощи государственной власти противъ язычниковъ и еретиковъ, онъ не дѣлалъ изъ своего обличенія государства практическаго примѣненія въ ущербъ ему, а напротивъ, признавалъ за *праведнымъ* т. е. за *христіанскимъ* государствомъ обязанность заботиться о поддержаніи міра и *тѣмъ* содѣйствовать успѣху Божьяго царства. Въ дни Иннокентія положеніе дѣла измѣнилось. Римскій епископъ сталъ не только главой церкви, но и самостоятельнымъ свѣтскимъ государемъ и подобно ему многіе другіе епископы, ему подчиненные, были въ то же время свѣтскими владыками, нуждавшіеся въ его поддержкѣ противъ феодальнаго міра. Уже до Иннокентія утвердилось въ церковныхъ кругахъ убѣжденіе, что первосвященникъ обладаетъ *обоими* мечами, т. е. какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, — въ качествѣ нагѣстника Господа, отъ котораго исходятъ оба меча.

Но въ изображеніи Иннокентія у Гаука не только упущенъ изъ вида элементъ прошлаго и сила *традиціи*, столь властной въ жизни и развитіи особенно духовныхъ лицъ, но не принято во вниманіе не менѣе сильное давленіе современности и окружающей среды. Чтобы справедливо отнестись къ дѣятельности Иннокентія и обнаружившейся въ ней личности его, необходимо исходить изъ изображенія современной ему церкви, во главѣ которой онъ былъ поставленъ, ея интересовъ и потребностей. А съ другой стороны, не менѣе важно было для его дѣятельности изображеніе современнаго ему государства и въ особенности имперіи, вызванной къ жизни папствомъ и для него же роковой. Въ этихъ щекотливыхъ отношеніяхъ между ними нужно, главнымъ образомъ, искать причину той извилистой политики, въ которой Иннокентій былъ такимъ мастеромъ, хотя онъ и при всемъ своемъ искусствѣ не былъ въ силахъ уберечь себя отъ пораженій и ущерба.

Но хотя отношенія къ современнымъ его государствамъ очень осложняли дѣятельность Иннокентія и доставляли ему много заботъ и хлопотъ, его роль по отношенію къ нимъ въ значительной степени содѣйствовала возвышенію его авторитета, какъ политическаго, такъ и нравственнаго. Формула о преимуществѣ священства надъ свѣтскою властью была въ то время не только выраженіемъ домогательствъ папы, но въ значительной степени раздѣлялась мірянами и самими правителями, какъ свидѣтель-

ствуешь объ этомъ заявленіе, сдѣланное Иннокентію со стороны датскаго короля: „Кто не признаетъ съ радостью отеческое руководство Ваше королями и князьями міра сего“¹⁾.

Но это руководство, которое разумѣлъ датскій король, было не только почетной функціей, а серьезной, моральной и культурной обязанностью. Ставя церковь неизмѣримо выше государства, Августинъ признавалъ однако и за послѣднимъ обязанность служить интересамъ Божьяго царства. Это свое высокое призваніе государство могло осуществлять въ глазахъ Августина, содѣйствуя *миру* на землѣ. Эта мысль была еще раньше высказана римскими поэтами и мыслителями, привѣтствовавшими установленіе Имперіи Августомъ за то, что съ созданіемъ *единого* государства должны исчезнуть рознь и кровопролитіе на землѣ.

Съ паденіемъ державы римскихъ цезарей исчезла возможность достиженія этого мирнаго идеала, но самая идея продолжала жить въ средніе вѣка и не разъ служила подспорьемъ для притязаній папства. И Иннокентію III было не чуждо сознаніе этическаго призванія папства и, стараясь примирить королей Франціи и Англии, Иннокентій неоднократно настаиваетъ на этомъ призваніи, „дабы не навлечь на себя гнѣвъ Божій своимъ нерадѣніемъ и нареканіи со стороны людей за свое попустительство, сообразующееся болѣе съ ихъ желаніями, чѣмъ съ ихъ спасеніемъ“. Иннокентій напоминаетъ королю, какъ передъ Рождествомъ Христовымъ ангель повѣдалъ людямъ миръ, какъ послѣднимъ завѣтомъ Христа своимъ ученикамъ былъ *миръ*, какъ послѣ своего воскресенія первымъ привѣтомъ его при встрѣчѣ съ ними, были слова „миръ вамъ“. Выходя изъ этого, Иннокентій рисуетъ передъ королемъ картину бѣдствій, вызываемыхъ войной—какъ разоряются церкви, богатые становятся нищими, бѣдные терпятъ угнетеніе, ни возрасту, ни полу нѣтъ пощады, монахи, предающиеся молитвѣ, принуждаются искать себѣ пропитаніе нищенствомъ и жертвами негодяевъ становятся тѣ, кто посвятилъ себя дѣвственности.

Когда по смерти молодого Артура, герцога Бретаньи, снова вспыхнула вражда между Филиппомъ Августомъ и Іоанномъ Безземельнымъ и французскій король призвалъ англійскаго на судъ, какъ своего вассала, Иннокентій обратился къ Іоанну съ настоятельнымъ призывомъ къ миру и увѣщаніемъ не уклоняться отъ суда²⁾.

1) Quis non gratanter accipiet paternitatem vestram regibus atque principibus praesidere?

2) Monemus serenitatem regiam et exhortamur in Domino, quatenus ad ea quae pacis sunt devotus intendas et non solum recipias pacem vel treugas, si tibi forsitan offerantur sed eas etiam offerre nullatenus erubescas (VI 167).

Когда же Филиппъ Августъ за неявку на судъ лишилъ Иоанна всѣхъ его владѣній во Франціи, Иннокентій снова попытался примирить королей. И когда французскій король предъявилъ въ довольно рѣзкой формѣ отводъ такого посредничества на томъ основаніи, что дѣла, касающіяся феодальнаго права и вассальныхъ отношеній, не подлежатъ вѣдѣнію апостольскаго стола и отношенія между королями не подсудны папѣ, Иннокентій перенесъ вопросъ съ юридической почвы на этико-религіозную: „Мы не мало удивлены и смущены тѣмъ, что ты придумалъ такой отводъ, какъ будто бы ты желалъ или можешь сузить юрисдикцію апостольскаго престола, которую не человекъ, а Богъ, и, вѣрнѣе, Богочеловѣкъ въ духовныхъ дѣлахъ настолько расширилъ, что она не можетъ быть болѣе расширена, ибо полнота не терпитъ добавленія. Мы говоримъ это не потому, чтобы мы желали присвоить себѣ непринадлежащую намъ власть или внушить тебѣ что-либо неотносящееся къ кругу нашего вѣдѣнія. Вѣдь о чемъ мы тебѣ писали, и что тебѣ внушали? Развѣ о чемъ-нибудь нечестномъ и несправедливомъ? Писали мы тебѣ о томъ, чтобы ты заключилъ миръ или перемиріе на справедливыхъ основаніяхъ. Мы не хотимъ вступать съ тобою въ споръ или тягаться съ тобою на юридической почвѣ, но, чтобы ты не воспользовался нашимъ молчаніемъ, мы принуждены вкратцѣ тебѣ отвѣтить“.

Отвѣтъ сводился къ тому, что проповѣдь мира вытекаетъ изъ возложеннаго на папу долга. Длиннымъ рядомъ текстовъ подтверждаетъ Иннокентій это заявленіе, особенно настаивая на словахъ евангелиста Маттея: „отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморской въ день суда, нежели городу тому“ (X, 15). Подъ городомъ объясняетъ папа, слѣдуетъ разумѣть и королевство и затѣмъ восклицаетъ: „Развѣ кто-либо въ здоровомъ умѣ усомнится въ томъ, что наше дѣло судить о томъ, что касается спасенія и гибели души? И развѣ не достойно вѣчнаго проклятія содѣйствіе распрѣ съ разореніемъ церквей и т. д. Развѣ, спрашиваетъ Иннокентій, насъ не сочли бы наемникомъ, а не пастыремъ, если бы, видя приближеніе волковъ, мы не стали защищать овецъ. Церковь предпочла бы примѣнять къ королю материнскую любовь, чѣмъ судебную власть. Но что же дѣлать—если король не послушается церкви—какъ онъ и до сихъ поръ ее не слушался—какъ не извергнуть его изъ нея въ качествѣ язычника и мытаря?“

Сообразно съ этимъ папа повелѣлъ архіепископу Буржскому рассмотреть распрю между королями „не съ точки зрѣнія феодальнаго права, относящагося къ вѣдѣнію королей, а со стороны *gratia*, несомнѣнно подлежащаго суду и карѣ папы. Такъ что,

замѣчаетъ Иннокентій, если бы оказалось, что слова матери твоей, апостольской церкви, оказались безсильны смягчить тебя, ты бы почувствовалъ на себѣ суровость отца, который не пожалѣетъ бича“ (VI. 163).

Правда, выступая глашатаемъ мира между враждующими князьями, Иннокентій не былъ послѣдователенъ. Весьма часто, какъ въ данномъ случаѣ, онъ руководился при этомъ своими политическими интересами. Онъ добивался мира между Филиппомъ Августомъ и Іоанномъ потому, что онъ нуждался въ помощи послѣдняго для борьбы противъ Филиппа Гогенштауфенскаго въ Германіи—и ради этой же цѣли онъ являлся въ то же время не миротворцемъ, а, наоборотъ, ободрялъ къ войнѣ противниковъ Филиппа Гогенштауфена—напр. короля венгерскаго. Но во всякомъ случаѣ это сопровождавшееся угрозами обращеніе первосвященника къ двумъ могущественнѣйшимъ государямъ—знаменательное явленіе средневѣковой культуры и характерная черта Иннокентія III. Это одно изъ проявленій объединяющей культурной роли, которую папство сыграло въ исторіи развитія западно-европейской цивилизаціи.

Съ другой стороны, нельзя однако не отмѣтить, что это стремленіе къ духовному руководительству обществомъ было связано и съ извѣстнымъ ущербомъ для самой папской власти. Единственнымъ понудительнымъ средствомъ, которымъ она обладала для осуществленія своихъ этико-религіозныхъ требованій, было примѣненіе церковныхъ каръ, отлученія или интердикта. Но эти средства были обоюдоострымъ оружіемъ. Частое примѣненіе ихъ раздражало общество противъ папства, а въ иныхъ случаяхъ вселяло въ общество равнодушіе къ отмѣнѣ богослуженія. Сознаніемъ этого неудобства приходится объяснять то, что Иннокентій послѣ наложенія интердикта на Францію за упорство ея короля въ дѣлѣ Ингеборги, по снятіи его, не рѣшился возложить его вновь несмотря на неисполненіе Филиппомъ справедливыхъ требованій Папы. Папскій легатъ сообщилъ Иннокентію свои опасенія, что при вторичномъ возложеніи интердикта населеніе Франціи можетъ выйти изъ повиновенія Риму, что при большомъ распространеніи альбигойства на югѣ Франціи представляло бы особенную опасность. Эта небезопасность куріи по отношенію къ повиновенію ей свѣтской власти побуждала папство все выше да выше поднимать свой голосъ, все громче и громче говорить о своемъ Божественномъ происхожденіи и усиливать свои притязанія на теократію. А на ряду съ этимъ практическій духъ, административная дѣловитость римскихъ куріаловъ приучали ихъ въ

сношеніяхъ съ свѣтскою властью прибѣгать къ разнымъ тонкостямъ дипломатическаго искусства. Иннокентій, соединявшій съ большою прозорливостію необыкновенную энергію и находчивость въ ссылкахъ на св. Писаніе далъ этому методу классическую формулу. Прибѣгнувъ въ борьбѣ съ альбигойцами къ древнеримскому способу *divide et impera*, онъ далъ своимъ легатамъ совѣтъ оставить до времени въ покоѣ самаго могущественнаго изъ князей южной Франціи графа Раймунда Тулузскаго, а разорить сначала болѣе слабыя гнѣзда ереси. При чемъ этотъ потомокъ римскихъ графовъ сослался на текстъ апостола Павла (II Кор. 16): „Будучи хитерь, лукавствомъ бралъ съ васъ“¹⁾.

Рѣчь идетъ у апостола о безкорыстіи, которое онъ обнаружилъ во время своего пребыванія въ Коринѣѣ, и приведенныя слова имѣютъ пролическій смыслъ. Но Иннокентій не усматриваетъ въ нихъ пролиа а толкуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что самъ апостоль одобряетъ лукавство, проявляемое съ добрымъ или благочестивымъ намѣреніемъ. Это признаніе Иннокентія очень цѣнно и служить объясненіемъ ѣ, въ субъективномъ смыслѣ, — оправданіемъ цѣлаго ряда актовъ, исходившихъ изъ его канцеляріи. Но эти акты нисколько не оправдываютъ вышеприведеннаго рѣзкаго осужденія Гаукомъ политики Иннокентія III. (*Heuchelei und Betrug*). Такое осужденіе не можетъ быть мотивировано ни количественно, ни качественно тѣми данными, которыя можно бы было привести въ его подтвержденіе. Остается только сказать, что и Иннокентій былъ неизяты отъ общепризнаннаго въ средніе вѣка убѣжденія, одобрявшаго „благочестивый обманъ“ (*ria fraus*), но отсюда еще очень далеко до „макиавеллизма“!

Суть дѣла²⁾ въ томъ, что оцѣнка личности Иннокентія III въ значительной степени обуславливается отношеніемъ критика къ тому идеалу и тому учрежденію, которому служилъ Иннокентій. Нельзя было по этому ожидать снисходительнаго отношенія къ Иннокентію отъ историка церкви той страны, которую Иннокентій, стремясь къ всемірному владычеству старался лишить независимости и подчинить своей воли. Иной взглядъ мы находимъ поэтому у историка, котораго слѣдуетъ считать родоначальникомъ объективной универсальной исторіи — у Ранке. Въ сжатыхъ, яркихъ чертахъ онъ опредѣляетъ значеніе папства для средневѣковой Европы: „Его господствовавшее положеніе въ Европѣ проистекло изъ принципа власти, культуры и религіи“ и его побѣда въ

---

¹⁾ Въ другихъ переводахъ сказано „васъ“, что болѣе подходитъ къ смыслу посланія.

XIII вѣкъ обусловливалась тѣмъ, что она представляла собою и содѣйствовала единству западныхъ народовъ, ихъ великому общему стремленію, связанному съ поощреніемъ и развитіемъ христіанства—гораздо лучше и рѣшительнѣе чѣмъ императорство, почему она и восторжествовала надъ послѣднимъ.

* * *

Чтобы справедливо отнестись къ личности Иннокентія недостаточно судить о немъ лишь какъ о руководителѣ папской, теократической политики. Нужно наблюдать за нимъ также въ его ежедневной жизни, въ его частномъ быту, въ исполненіи имъ призванія, выпавшаго на его долю. И тутъ труднѣе отрицать за нимъ свойство идеальнаго епископа своего времени ¹⁾.

Этому своему призванію Иннокентій всецѣло посвятилъ свои выдающіяся способности и свою неустанную энергію. Рѣдко, кто изъ длиннаго ряда его предшественниковъ служилъ папству съ такою преданностью, съ такою *идейностью*. Объ этомъ свидѣтельствуется уже его образъ жизни. Ежедневно, послѣ ранней обѣдни, онъ засѣдалъ въ консисторіи, три раза въ недѣлю эти засѣданія были публичны. Здѣсь слушались и разбирались тяжбы, которыя со всѣхъ концовъ міра стекались въ Римъ. Иннокентій слушалъ внимательно доводы и рѣчи сторонъ или ихъ адвокатовъ; ораторство въ его глазахъ не имѣло рѣшающаго значенія и нерѣдко случалось, что перевѣсъ одерживала не самая блестящая изъ рѣчей, а сказанная хотя не изящно, но со смиреніемъ. Дурная репутація римскихъ адвокатовъ была общеизвѣстна. Иннокентій старался, сколько возможно, противодѣйствовать ихъ обычаю навязываться истцамъ и обирать ихъ. Однажды замѣтивъ, что нѣкоторые адвокаты выступили юрисконсультами обѣихъ сторонъ, онъ изгналъ ихъ изъ суда и запретилъ сторонамъ дать имъ какое-либо вознагражденіе. Выслушавъ стороны, Иннокентій выходилъ въ сосѣдную комнату, гдѣ разсматривались предъявленныя грамоты и привилегіи. Между ними часто бывали подложныя. Иннокентій былъ извѣстенъ за прозорливость, съ которой онъ умѣлъ ихъ отличать. По выясненіи, дѣло передавалось на разсмотрѣніе судебной комиссіи изъ трехъ прелатовъ; ихъ приговоръ пересматривался и утверждался Иннокентіемъ, который при этомъ проявлялъ свою репутацію знаменитаго юриста „Iurista maximus“.

Дневныя занятія прерывались простымъ обѣдомъ изъ трехъ

---

¹⁾ Er war nicht der ideale Bischof и т. д. Гаукъ.

блюдь; за столомъ была исключена золотая и серебряная посуда; прислуживали за обѣдомъ вмѣсто дворянъ простые клерики. За этимъ слѣдоваль отдыхъ и приемъ просителей. Сохранился рассказъ одного изъ нихъ, аббата монастыря около Булони (въ сѣверной Франціи). Иннокентій подняль опустившаго предъ нимъ на колѣни аббата, обняль его, велѣль сѣсть у его ногъ и прочесть челобитную; послѣ чего разговорился съ нимъ, рассказаль, какъ, будучи студентомъ Парижскаго университета, онъ отправился на поклоненіе мощамъ Оомы Кантерберійскаго и по дорогѣ посѣтилъ монастырь этого аббата.

Затѣмъ, подозваль пристава, приказаль отнести челобитную къ нотаріусу, который долженъ былъ принести ее папѣ въ назначенный день. Всѣ бумаги и посланія, исходившія изъ канцеляріи Иннокентія ему прочитывались.

Многочисленность дѣлъ, которыя приходилось выслушивать и разрѣшать Иннокентію была тѣмъ значительнѣе, что въ ту эпоху церковное законодательство не было разграничено съ свѣтскимъ, ни судебныя дѣла—съ административными. Такъ мы видимъ, что онъ возстаеъ противъ чекана низкопробныхъ монетъ, изъ котораго свѣтскія власти извлекали большія выгоды въ ущербъ населенію или издаеъ для Парижа регламентъ противъ неприличія новыхъ модъ. При все болѣе и болѣе развивающейся централизациі число дѣлъ, восходившихъ до Рима, растетъ неимовѣрно. На перенесеніе напр. монастыря за ограду замка въ Венгріи испрашивается разрѣшеніе папы.

Если принять во вниманіе количество донесеній, получавшихся папою отъ разосланныхъ во всѣ стороны легатовъ, личные доклады ихъ и низшихъ агентовъ при возвращеніи въ Римъ, посланія и ходатайства всякаго рода отъ королей, князей и городовъ, то будетъ понятно, что Иннокентій часто изнемогалъ подъ бременемъ труда. Уже въ первый годъ своего папства онъ жалуется на переутомленіе.

„Долгъ апостольскаго служенія, которымъ мы закабалены и мудрымъ и глупымъ, отягощаеъ разными дѣлами нашу душу, притупляеъ духъ и парализуеъ умъ, такъ, что мы едва въ состояніи даваль отвѣтъ на болѣе тонкіе и глубокіе вопросы. Чтобы все-таки въ этомъ успѣвать мы принуждены иногда посвящать дѣламъ, накопившимся у насъ въ большемъ чѣмъ обыкновенно количествѣ, лишній часокъ другой и во время отдыха отказывались отъ отдыха“.

Жалобы, что онъ изнемогаеъ подъ бременемъ дѣлъ тянутся черезъ всю переписку Иннокентія. Онъ неоднократно въ ней

заявляеть, что „не желаетъ, какъ ему и должно не желать— отдавать предпочтеніе мірскому предъ духовнымъ“. Онъ хочетъ, по его словамъ „избрать вѣрный путь, который состоитъ въ томъ, чтобъ не пренебрегать свѣтскими интересами и въ то же время ставить выше ихъ, какъ и слѣдуетъ—духовные. Нужно отдать справедливость Иннокентію, въ своей личной жизни, по крайней мѣрѣ, онъ старался, сколько могъ среди житейскихъ волненій не терять изъ вида духовной цѣли. Такъ, среди заботъ объ управленіи міромъ, Иннокентій находитъ досугъ, чтобы написать рядъ проповѣдей передъ Рождествомъ на тему о пришествіи Христовомъ. Онъ дѣлаеть это, чтобы „вырваться изъ заботъ мірскихъ, которыя подъ давленіемъ злобы времени сильно меня отягощаютъ, и не пренебречь вовсе духовной заботою, которая ради обязанности апостольскаго служенія въ особенности на мнѣ лежитъ“. Въ самомъ посвященіи этихъ 29 проповѣдей аббату Арнульфѣ Иннокентій изображаетъ состояніе своего духа и въ этомъ изображеніи нельзя видѣть только обычное авторское оправданіе. „О, еслибы я по обязанности проповѣдника самъ исполнялъ то, о чемъ сейчасъ говорилъ! но я подавленъ скопленіемъ столькихъ процессовъ, опутанъ узами столькихъ дѣлъ, что по необходимости, разбившись по частямъ, я долженъ оказаться болѣе слабымъ по каждой отдѣльной части. Предаваться созерцанію мнѣ не дозволено, ибо даже дышать мнѣ не даютъ. Я такъ отданъ другимъ, что почти пересталъ принадлежать самому себѣ“. При такомъ обремененіи дѣлами страдали не только духовныя обязанности, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ были неизбѣжны упущенія, какъ въ этомъ искренно признается Иннокентій въ письмѣ къ архіепископу пизанскому, которому вмѣстѣ съ другими лицами папою былъ порученъ сборъ денегъ въ пользу крестоваго похода (I, 409). Папа оправдывается предъ ними въ томъ, что хотя онъ не припомнить, „точно ли онъ выразился“ въ письмѣ къ нему, но во всякомъ случаѣ намѣреніе его было таково, чтобы собранная сумма денегъ была употреблена по назначенію, а въ Римъ былъ доставленъ только общій ея итогъ. „Если же въ письмѣ, нами къ вамъ посланномъ, можетъ быть, что-нибудь и содержится въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ собранныя деньги прислать намъ, то это произошло не по нашему намѣренію, а вслѣдствіе излишества занятій, относительно которыхъ мы должны сказать, что чѣмъ большому количеству предметовъ мы посвящаемъ наше вниманіе, тѣмъ менѣе тщательно мы въ состояніи подумать о каждомъ отдѣльно“.

На подавляющее изобиліе свѣтскихъ дѣлъ, отвлекающее его

отъ проповѣднической дѣятельности, Иннокентій жалуется и въ одной изъ своихъ проповѣдей „насъ захватываютъ и отвлекаютъ большія, тяжелыя и разнообразныя дѣла—далъ бы Господь, чтобъ они не были тщетны (vana)!“ Несмотря, однако, на свое положеніе главы міра, Иннокентій никогда не забывалъ о своей пастырской обязанности. Когда его однажды кто-то назвалъ добрымъ (bonus) пастыремъ, онъ возразилъ: „я былъ бы добрымъ пастыремъ, если бы умѣлъ проповѣдывать, судить и исповѣдывать (praedicare, iudicare et poenitentiam dare). О томъ, что Иннокентій былъ великимъ юристомъ, свидѣлствуютъ современники Иннокентія и его декреталіи. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ такимъ же великимъ проповѣдникомъ. Было у него и краснорѣчіе, была и способность увлечься религіознымъ чувствомъ. При освященіи одного монастырскаго алтаря онъ совѣтовалъ, по отношенію къ христіанскимъ тайнамъ, болѣе прибѣгать къ помощи молитвы, чѣмъ къ силѣ разума¹⁾. Но какъ его политическая дѣятельность обуславливалась современнымъ ему міровоззрѣніемъ, такъ и его проповѣдничество было подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ современной ему богословской схоластики, т.-е., того *разсудочнаго* направленія, противъ котораго онъ самъ предостерегалъ въ вышеприведенномъ увѣщаніи. Схоластики цѣнили въ проповѣдникѣ прежде всего ученость или умѣнье нанизывать безконечный рядъ „жемчужинъ“, т.-е., текстовъ изъ св. Писанія, хотя бы безъ внутренней связи—а другимъ условіемъ успѣха было истолкованіе текстовъ, по возможности хитроумное, посредствомъ четырехъ смысловъ, которые назывались четырьмя райскими рѣками—историческаго, аллегорическаго, анагогическаго и тропологическаго. Такъ, слово Сіонъ означало, во-первыхъ—историческій Іерусалимъ, во-вторыхъ—церковь, въ третьихъ—душу вѣрующихъ, въ четвертыхъ—небесное царство. Въ другой проповѣди Иннокентій видитъ въ словахъ, сказанныхъ Христомъ Петру, занимавшемуся рыбной ловлей на озерѣ (Лук. V, 4): „поступи на глубину“ и т. д., внушеніе итти въ Римъ, и городу этому Иннокентій приписываетъ четверократное назначеніе—жреческое, царское, императорское и, наконецъ, апостолическое. Римъ поднялся, по его словамъ, теперь на большую высоту черезъ свое божественное значеніе, чѣмъ когда-либо, чрезъ земную власть. Благодаря первой Римъ обладаетъ ключами къ небесному царству, благодаря послѣдней—держитъ бразды правленія на земномъ кругу“.

Въ проповѣдяхъ Иннокентія нерѣдко встрѣчаются, какъ и въ

1) Magis recurrendum ad orationis suffragium quam ingenium rationis.

другихъ средневѣковыхъ проповѣдяхъ, натяжки въ игрѣ словами и въ аллегорическомъ толкованіи: напр., въ проповѣди на Рождество онъ объясняетъ значеніе вола и осла, стоявшихъ у яслей, символически, какъ установленіе мира среди людей, ибо воля обозначалъ собою евреевъ, а оселъ—язычниковъ. Иннокентій часто проповѣдывалъ, особенно постомъ; проповѣдывалъ, кромѣ латинскаго, также и на итальянскомъ языкѣ. Часть своихъ проповѣдей онъ собралъ и послалъ одному изъ аббатовъ цистерціанцевъ.

Не ограничиваясь проповѣдничествомъ, Иннокентій писалъ и религіозно-нравственныя наставленія и поученія государямъ; въ діалогѣ между Господомъ и грѣшникомъ онъ проводилъ мысль, что величайшій грѣхъ—сомнѣваться въ благодати Божіей. Особенно слѣдуетъ отмѣтить комментарий Иннокентія на „семь покаянныхъ псалмовъ“. Это сочиненіе написано въ Ананьи, куда онъ уѣхалъ отъ бунта въ Римѣ и гдѣ его постигла серьезная болѣзнь. Это сочиненіе очевидно служить данью аскетическому направленію, которому онъ какъ бы измѣнилъ, окунувшись на папскомъ престолѣ въ водоворотъ свѣтскихъ дѣлъ. Онъ хочетъ уединиться съ самимъ собою, чтобы не быть всегда поглощеннымъ другими¹⁾. Онъ желаетъ принести своими размышленіями серьезное покаяніе, такъ какъ отъ соприкосновенія съ свѣтскими дѣлами душа также неминуемо загрязняется, какъ рука, дотрогиваясь до дегтя. Поэтому онъ избралъ псалмы Давида, чтобы смиренномудріемъ и сокрушеннымъ сердцемъ изслѣдовать человѣческое ничтожество. и божественное милосердіе; спасаясь изъ пучины человѣческихъ увлеченій къ источнику божественной милости, онъ хочетъ „получить наставленіе отъ Того, Кто даетъ людямъ знаніе, и желаетъ такъ понять и истолковать псалмы, чтобы его объясненіе послужило читателямъ и слушателямъ къ спасенію души и къ прославленію божественнаго имени“.

И это сочиненіе, несмотря на высокое настроеніе автора, проникнуто схоластическимъ формализмомъ. Иннокентій разсматриваетъ, почему этихъ псалмовъ семь? какое значеніе имѣетъ число стиховъ въ каждомъ изъ нихъ? почему въ первомъ трижды три стиха (три тернарія²⁾)?

Въ такихъ размышленіяхъ Иннокентій находилъ отдыхъ и возможность забыть на нѣсколько часовъ бунтующихъ римлянъ,

¹⁾ *Ne semper sic sim traditus aliis ut nunquam restituar ipse mihi.*

²⁾ *In primo ternario—timet et orat; in secundo gemit et plorat, in tertio gaudet et optat.*

альбигойцевъ, споръ съ Іоанномъ Безземельнымъ и грознаго Филиппа Гогенштауфена, съ удовольствіемъ заявляя: „libenter aliquas horulas mihi furor¹⁾“.

Какую разнообразную гамму ощущений былъ въ состояніи переживать этотъ человѣкъ, который то считалъ себя намѣстникомъ Господа на землѣ и ключаремъ царства небеснаго, и въ то же время погружался въ своихъ мысляхъ въ самую глубь человѣческой немощи!

Посторонніе свидѣтели видѣли только показную царственную обстановку этого повелителя правовѣрныхъ христіанъ, а Иннокентій сумѣлъ поддержать это впечатлѣніе щедростью, съ которою онъ тратилъ накопившіяся въ папской казнѣ деньги на украшеніе церквей въ самомъ Римѣ и внѣ его, а также на благотворительныя дѣла.

Одинъ изъ лѣтописцевъ вѣрно характеризуетъ его словами: „Умъ у него былъ властный, а рука щедрая“.

Не даромъ написалъ онъ разсужденіе объ этомъ предметѣ, въ которомъ доказывалъ, что благотворительность (*caritas*) выше молитвы и поста и обязательна для всѣхъ. Въ 1202 году во время голода въ Римѣ онъ самъ переѣхалъ туда изъ Ананьи, гдѣ проживалъ, чтобы лично руководить помощью бѣднымъ: болѣе 8000 нищихъ получали отъ него ежедневно пропитаніе, въ то же время раздавались деньги на дому бѣднымъ, стыдившимся просить милостыни. Онъ посвящалъ на благотворительность всѣ приношенія въ храмъ св. Петра и десятую часть своихъ личныхъ доходовъ. Онъ выдавалъ приданое бѣднымъ дѣвушкамъ и ежедневно бѣдныя дѣти допускались во дворецъ, гдѣ имъ раздавали то, что оставалось отъ его стола.

Плоды благотворительности Иннокентія сохранились до нашего времени. Въ Римѣ укоренился ужасный обычай повергать въ Тибръ новорожденныхъ, которыхъ матери не хотѣли или не могли вскормить. Ежедневно рѣка выбрасывала на берегъ трупики младенцевъ, подвергавшіеся тамъ гніенію. Однажды, какъ гласитъ легенда, Иннокентій, стоя на молитвѣ, услышалъ голосъ: „поди и брось неводъ въ Тибръ“. Папа исполнилъ велѣніе. Съ первымъ неводомъ вытянули изъ воды 87 младенцевъ, со вторымъ 340. Смущенный папа тутъ же на мѣстѣ приказалъ выстроить пріютъ для младенцевъ, названный по сосѣдней церкви для англо-саксонскихъ паломниковъ *Sancta Maria in Saxia*. Пріютъ разросся въ громадное благотворительное заведеніе для всякаго рода стра-

1) Охотно у себя выкрадываю нѣсколько часовъ.

ждущихъ. Иннокентій передалъ его завѣдываніе новому ордену св. Духа, основанному для благотворительныхъ цѣлей незадолго до этого въ Монпелье графомъ Ги, и взятому папою подъ свое покровительство. Основанное Иннокентіемъ учрежденіе и теперь существуетъ подъ названіемъ госпиталя св. Духа. Служащіе въ немъ по распоряженію Иннокентія должны были разъ въ недѣлю обходить городъ, разыскивать больныхъ и доставлять въ госпиталь, съ которымъ былъ связанъ родильный пріютъ и богадѣльня для престарѣлыхъ.

Но Иннокентій не только стремился—по натурѣ или по чувству долга—къ осуществленію идеала *средневѣкового* благочестія—онъ по свсему этическому чутью превосходилъ современную ему этическую норму. Признавая своимъ священнымъ долгомъ охранять всеми возможными средствами и способами чистоту и единство вѣры, Иннокентій въ то же время относился внимательно и снисходительно къ явленіямъ, вызывавшимъ одинъ лишь фанатизмъ со стороны современныхъ ему блюстителей или охранителей вѣры. „Полнота власти, говорилъ Иннокентій, побуждаетъ насъ къ осмотрительности, чтобы этимъ путемъ итти къ усовершенствованію“.

Эту осмотрительность онъ обнаружилъ въ сдержанности, съ какой онъ отнесся къ появившемуся въ Мецѣ стремленію мірянъ читать и изучать Священное Писаніе на мѣстномъ языкѣ, въ частномъ собраніи. Въмѣсто того, чтобы разрѣшить епископу непосредственное преслѣдованіе такихъ кружковъ, Иннокентій потребовалъ отъ него тщательнаго изученія мотивовъ и настроенія такихъ кружковъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и снисходительное отношеніе Иннокентія къ графу Раймунду Тулузскому, котораго папа долго поддерживалъ вопреки своимъ легатамъ и еще на Латеранскомъ соборѣ старался отстоять противъ его враговъ, за что онъ и удостоился отъ провенсаальскаго поэта величайшей похвалы.

Подобную гуманную снисходительность Иннокентій обнаруживалъ повсюду, гдѣ послабленіе каноническаго закона могло привести къ добру, напр., гдѣ разрѣшеніемъ брака въ запрещенной степени родства можно было прекратить междоусобіе или дозволеніемъ монахамъ, жившимъ на высокой горѣ, замѣнять въ извѣстные дни рыбную пищу мясной,—обеспечить ихъ монастырское житіе.

При такомъ настроеніи Иннокентій всегда былъ готовъ притти на помощь лицамъ, невинно страдавшимъ отъ суровости церковныхъ законовъ и характеренъ для него въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный имъ венеціанцамъ по одному изъ ихъ ходатайствъ. Они желали для расширенія церкви св. Марка снести старинную

церковь и обратились за разрѣшеніемъ къ папѣ, на что папа имъ отвѣтилъ: „Церковь и св. престолъ никогда не могутъ дать разрѣшеніе на что-либо незаконное, но когда оно совершено, они умѣютъ прощать“.

Самое знаменательное и благотворное по своимъ послѣдствіямъ проявленіе этой широты взгляда представляетъ собою разрѣшеніе, данное Иннокентіемъ св. Франциску проповѣдывать свой идеаль нищенскаго совершенства.

Въ двухъ отношеніяхъ это разрѣшеніе шло въ разрѣзъ съ идеями и традиціями католицизма. Проповѣдью Франциска осуждались косвенно монашеская коллективная собственность, причина богатства и паденія нравовъ въ старинныхъ монашескихъ орденахъ и запрещеніе мірянамъ, т.-е. неклерикамъ, свободной проповѣди Божьяго слова. И Иннокентій далъ требуемое отъ него благословеніе. Онъ обнаружилъ этимъ и свою прозорливость и свое довѣріе къ новому идеалу.

Такимъ образомъ, встрѣтились другъ съ другомъ поборники двухъ жизненныхъ идеаловъ, двухъ культурныхъ эпохъ, обусловленныхъ двумя разными представленіями о Христѣ и о Его Царствѣ.

Историческое значеніе Иннокентія въ томъ, что онъ стремился завершить на землѣ идеаль, отразившійся въ древнихъ мозаикахъ Равенны, изображавшихъ Христа въ его божественномъ величій — судьбою надъ царями и народами. Этому священному образу должна была соотвѣтствовать земная дѣйствительность: какъ на небѣ, такъ и на землѣ долженъ былъ властвовать надъ царями и народами первосвященникъ, намѣстникъ Христа, окруженный сонмомъ іерарховъ, — для осуществленія на землѣ Божьяго Царства и торжества правды на землѣ.

Инымъ путемъ шелъ къ этой цѣли Францискъ.

Въ его сердцѣ жилъ другой образъ Христа — образъ нищенствующаго странника, проповѣдующаго людямъ смиреніе и любовь ¹⁾.

---

¹⁾ В. Герье. Францискъ изъ Ассизи. 1908.